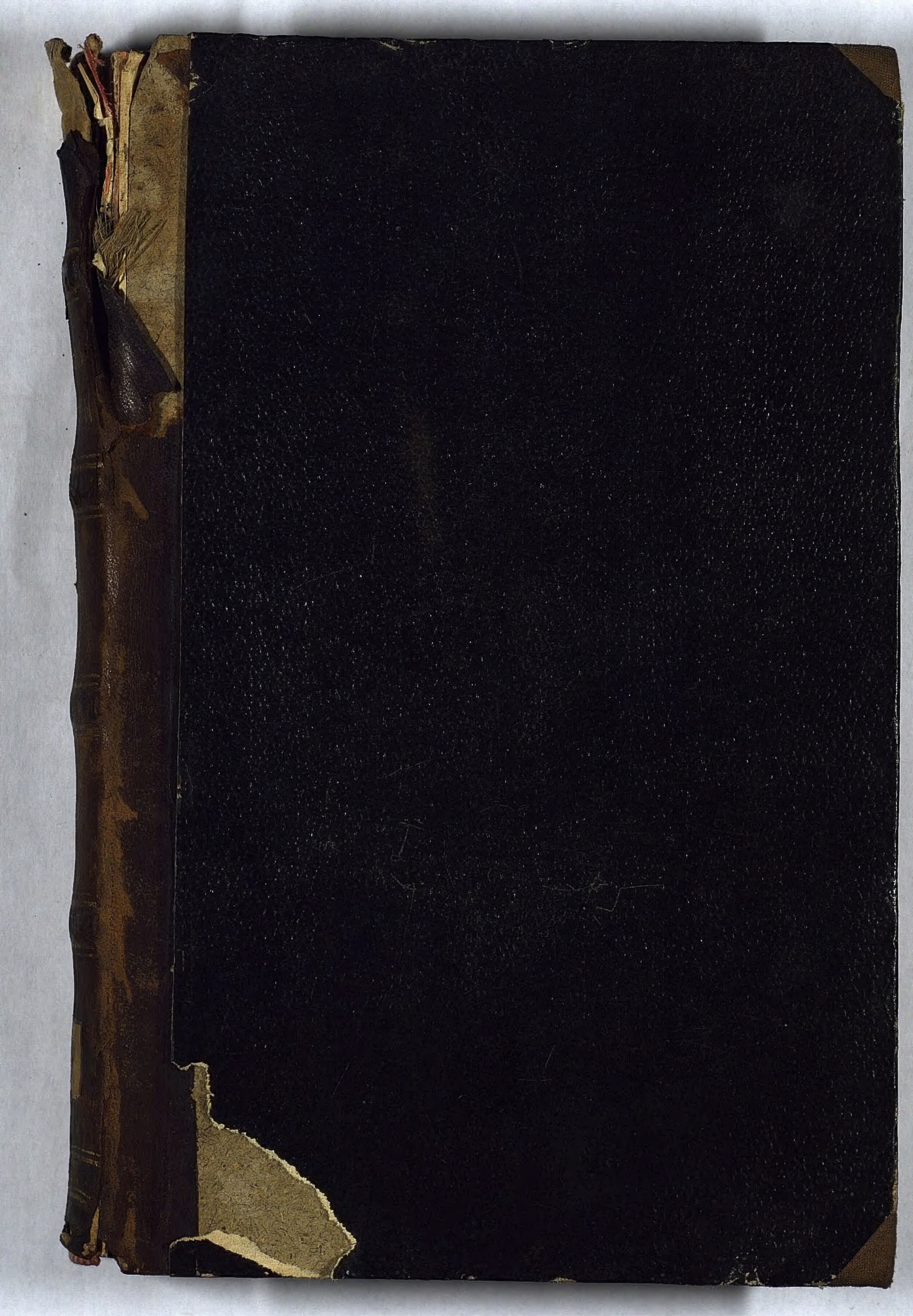


ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-ая.

НОЯБРЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго. Могилевская, 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 11-ая. — НОЯБРЬ, 1869.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1870-мъ году.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ", сохраняя прежнюю свою програму журнала исторіи, политики, литературы, будетъ, въ слѣдующемъ 1870-мъ году, издаваться въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 страницъ большого формата.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, 7 августа 1869 г., за пересылку по почтѣ внутри Имперіи періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, съ будущаго 1870 года, взимается: 1) за доставку по городской почтѣ на домъ 50 коп. за двѣнадцати-книжный журналъ, независимо отъ объявленной редакціею цѣны за годовой экземпляръ безъ доставки; и 2) за пересылку по почтѣ внутри Имперіи такого же журнала 10% съ объявленной цѣны за годовой экземпляръ безъ доставки.

Сообразно съ вышеизложеннымъ, съ будущаго 1870 года, для подписчиковъ „Вѣстника Европы" объявляется слѣдующая

ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

1) *Безъ доставки.*

15 рублей въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) *Съ доставкою на домъ.*

15 р. 50 к. въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адрессѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адрессъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и нумеръ дома и квартиры.

3) *Съ пересылкою въ губерніи.*

16 р. 50. к. высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію «Вѣстника Европы»—въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20*— для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться *лично,* или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) *Съ пересылкою за-границу.*

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ **Германію и Австрію** — **18** *руб.;* въ **Бельгію** — **19** *руб.;* **Францію и Данію** — **20** *руб.;* **Англію, Швецію, Испанію и Португалію** — **21** *руб.;* **Швейцарію** — **22** *руб.;* **Италію и Римъ** — **23** *рубля.*

Примѣчаніе. Заграничные адрессы доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ *Финляндіи* слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырѣзанный изъ книгъ редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его нумера, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адресса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, *въ которой допускается раздача журналовъ и газетъ*, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожительство.

2. Перемѣна адресса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ наканунѣ выхода книги (т. е. наканунѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просятъ сообщать предъ выѣздомъ свой новый адрессъ, для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ тоже время извѣстить редакцію о перемѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просятъ сообщить въ редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ. Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ первою почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желающіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

Годовые экземпляры „Вѣстника Европы“ за 1869 г. всѣ разошлись по подпискѣ.

С.-Петербургъ. 1 Октября, 1869 г.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ VI.

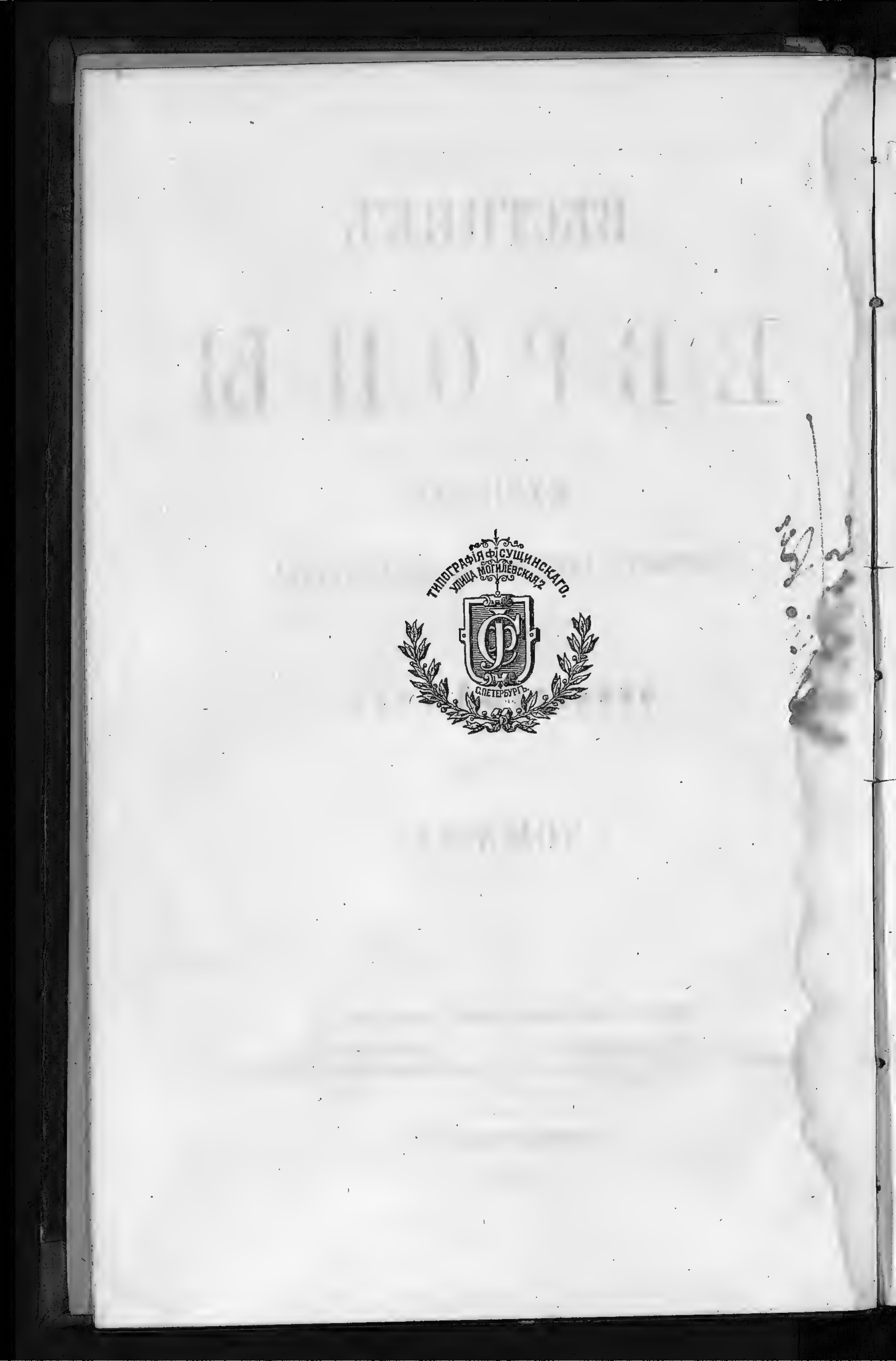
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

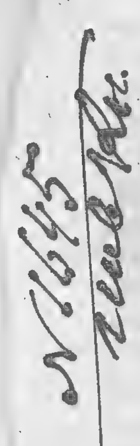
Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.


ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ 2
С.ПЕТЕРБУРГЪ



ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА VIII *).

ТОРЖЕСТВО УНИЖЕННОЙ.

Роландъ, войдя къ профессоршѣ, засталъ у нея Манну и Эриха. Они сидѣли, обсуживая страшную тайну и повѣряя другъ другу свои опасенія насчетъ того, какъ Роландъ перенесетъ постигшее его горе. А онъ, вдругъ явясь между ними, воскликнулъ:

— Манна, мы дѣти позора!

Всѣ трое бросились къ нему и наперерывъ стали осыпать его ласками.

— Мужайся, братъ! шепнулъ ему Эрихъ, нѣжно обнимая его.

«Я могу вдохнуть въ тебя мужество!» звучали въ ушахъ Роланда слова Гайаваты. Онъ молча опустился на стулъ; взоръ его дико блуждалъ по сторонамъ. Вокругъ него тѣснились близкіе ему люди. Никто не произносилъ ни слова...

Зонненкампъ между тѣмъ вышелъ изъ экипажа у воротъ парка и пѣшкомъ направился къ дому. Ему казалось, что почва исчезала у него изъ-подъ ногъ, а деревья и всѣ предметы вокругъ точно прыгали въ его глазахъ.

---

*) См. въ 1898 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; іюнь, 473; іюль, 5; авг. 447; сент. 447; окт. 471 стр. и слѣд.

«Что это, ужъ не боленъ ли я? задавалъ онъ себѣ вопросъ. Вздоръ, я не долженъ, я не смѣю быть больнымъ!»

И онъ тихо засвисталъ. Его исполинская сила еще крѣпко въ немъ держалась.

«Все здѣсь въ прежнемъ порядкѣ, и земля, на которой я стою, еще пока моя собственная», говорилъ онъ самому себѣ. Все, что въ немъ было отваги, мгновенно пробудилось, и онъ готовъ былъ сильнымъ отпоромъ встрѣтить враждебныя дѣйствія свѣта, который, казалось ему, теперь не замедлитъ осадить его со всѣхъ сторонъ. Но пусть весь міръ идетъ на него войной; ему не сломать его силы, его вѣры въ самого себя. Зонненкампъ полагалъ, что онъ достаточно вооруженъ. Пранкенъ былъ правъ, совѣтуя ему не покоряться, но дерзко смотрѣть въ лицо свѣту и людямъ. Это лучшее средство заставить ихъ въ свою очередь смириться. Не пройдетъ и года, какъ всѣ они снова начнутъ вокругъ него увиваться и ему, попрежнему, льстить.

Но на лѣстницѣ Зонненкампомъ вдругъ снова овладѣла слабость. Онъ схватился за перилы и съ трудомъ перевелъ духъ. Минуту спустя, ему, однако, удалось оправиться, и онъ, гордо выпрямившись, пошелъ далѣе. Взоръ его и вся наружность были спокойны. Въ немъ не виднѣлось ни малѣйшаго признака страха или волненія. Привычка владѣть собой и притворяться быстро изгладила на его лицѣ всѣ слѣды тревоги.

Зонненкампъ легко поднялся на лѣстницу и, пожимая Пранкену руку, похвалилъ его за выказанную имъ энергію, которая, прибавилъ онъ, отъ него уже начала переходить и къ нему самому.

Придя къ себѣ въ комнату, Зонненкампъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ находившіеся въ ней предметы, и удостовѣрясь, что все въ ней въ порядкѣ и на прежнемъ мѣстѣ, одобрительно кивнулъ головой. Потомъ онъ обратился къ сыну — такъ называлъ онъ теперь Пранкена — къ милому сыну, которымъ имѣлъ полное право гордиться, и просилъ его все сообщить Церерѣ.

— Если она начнетъ шумѣть и кричать, не мѣшайте ей. Теперь ея безумныя рѣчи намъ болѣе не опасны!

Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключалась не малая доля утѣшенія. Несравненно лучше вести открытую борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ, нежели постоянно дрожать втайнѣ за каждое неосторожное слово, могущее въ припадкѣ гнѣва вырваться у безразсудной, капризной женщины, которую то-и-дѣло приходилось успокоивать и сдерживать. Она была теперь обезоружена; кинжалъ, такъ долго служившій ей тайнымъ оружіемъ, внезапно перешелъ въ руки всего свѣта.

Пранкенъ отправился къ Церерѣ. Его долго заставили ждать въ передней. Наконецъ, къ нему вышла фрейленъ Пэрини.

Онъ ей въ короткихъ словахъ объявилъ, что довѣренная ему тайна, которую онъ до сихъ поръ такъ тщательно хранилъ, сдѣлалась всѣмъ извѣстна.

— Ужели? воскликнула фрейленъ Пэрини.

Пранкенъ выразилъ опасеніе насчетъ того, какъ приметъ Церера извѣстіе о томъ, что всѣ ея надежды на возвышеніе въ свѣтѣ разлетѣлись въ прахъ.

Фрейленъ Пэрини съ усмѣшкой возразила, что госпожа Зонненкампъ до такой степени поражена другимъ постигшимъ ее несчастіемъ, что трудно опредѣлить, насколько огорчитъ ее то, о чемъ ей пришелъ сообщить баронъ Пранкенъ.

И она, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, разсказала, что наканунѣ Церера, неосторожно схвативъ какую-то вещь, сломала одинъ изъ своихъ длинныхъ и изящныхъ ногтей, настоящее диво искусства и неусыпной заботливости. Это ее такъ огорчило, что она до сихъ поръ не могла утѣшиться.

Пранкенъ, въ свою очередь, разсмѣялся, и потомъ вмѣстѣ съ фрейленъ Пэрини вошелъ въ комнату Цереры.

Та подала ему, для обычнаго поцѣлуя, лѣвую руку, тщательно скрывая правую. Она спросила у Пранкена, принесъ ли онъ ей рисунокъ ихъ будущаго герба и указала ему, сначала на пяльцы, въ которыхъ намѣревалась вышивать подушку, а затѣмъ и на покровъ для алтаря, гдѣ уже былъ готовъ весь бордюръ.

Пранкенъ очень осторожно разсказалъ ей обо всемъ происшедшемъ.

— А онъ меня постоянно называлъ глупой! воскликнула Церера. Теперь оказывается, что я гораздо умнѣе его. Сколько разъ говорила я ему, что намъ не зачѣмъ ѣхать въ Европу, а гораздо лучше оставаться въ Америкѣ. Теперь ему по-дѣломъ досталось. Не правда ли, онъ стыдится меня и потому прислалъ ко мнѣ васъ? Да, ему стыдно, что я, ничего незнающая, лучше его понимаю вещи.

Въ эту первую минуту Церера, повидимому, ничего не ощущала, кромѣ злой радости, что человѣкъ, постоянно на нее смотрѣвшій, какъ на игрушку, наконецъ долженъ былъ признать ее умнѣе и дальновиднѣе себя.

Затѣмъ она погрузилась въ молчаніе и хотя шевелила губами, но не произносила ни слова. Лицо ея выражало злобное торжество.

Пранкенъ счелъ нужнымъ выразить надежду, что все въ домѣ не замедлитъ принять свой прежній видъ.

— И вы думаете, что насъ тогда сдѣлаютъ дворянами? спросила Церера.

Пранкенъ затруднялся что ему отвѣчать. Церера, ясно, еще не успѣла дать себѣ отчета въ томъ, что произошло. Избѣгая прямого отвѣта, онъ объявилъ о своемъ намѣренiи во всякомъ случаѣ остаться вѣрнымъ дому Зонненкампа и по прежнему считаетъ себя членомъ его семьи.

— Хорошо, сказала Церера, и свадьба непремѣнно должна завтра же совершиться. У васъ, въ Европѣ, такъ много всякаго рода церемонiй и вы все такъ медленно дѣлаете! Повторяю: свадьба будетъ завтра, и я сама поѣду съ вами въ церковь. Гдѣ Манна? Она совсѣмъ меня знать не хочетъ. Ахъ, любезный баронъ, я такъ рада, что наконецъ прекратится ея связь съ этой несносной учительской семьей! Пожалуйста, ни подъ какимъ видомъ не позволяйте ей продолжаться?

И она попросила фрейленъ Пэрини сходить за Манной.

Пранкенъ не могъ придти въ себя отъ изумленiя, слушая то злую, то дѣтски-безсмысленную, то теплую и задушевную рѣчь этой женщины. Но то была неудобная минута для разрѣшенiя загадокъ, и онъ, называя Цереру матерью, обратился къ ней съ просьбой дать Маннѣ еще нѣсколько дней свободы. Онъ хотѣлъ сначала самъ переговорить съ молодой дѣвушкой, а затѣмъ уже вмѣстѣ съ ней просить у госпожи Зонненкампъ ея материнскаго благословенiя.

— Я васъ уже и теперь благословляю, сказала Церера и до того увлеклась, что протянула ему обѣ руки.

Она разсказала, между прочимъ, о посѣщенiи Беллы и выразила удивленiе, что та, едва показавшись, поспѣшила уѣхать.

Вдругъ раздался выстрѣлъ.

— Это онъ себя убилъ! воскликнула Церера и испустила странный, непонятный крикъ, похожiй не то на вопль отчаянiя, не то на дикiй хохотъ.

Пранкенъ быстро вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА IX.

ЗНАКЪ НА СТѢНѢ.

Зонненкампъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ. Передъ нимъ лежала сумка съ письмами; онъ не рѣшался ее раскрыть. Его терзало желанiе сдѣлать что-нибудь необыкновенное, возмутительное, отъ чего содрогнулся бы весь мiръ. Но что? Онъ самъ еще

не зналъ. Въ кабинетѣ его были завѣшены окна, и онъ сидѣлъ точно въ сараѣ, куда не проникалъ ни свѣтъ, ни видъ прелестной мѣстности, посреди которой онъ находился.

Одно только было для него ясно, а именно, что онъ не долженъ предпринимать ничего такого, что можетъ нанести ущербъ ему самому. Онъ убѣждалъ себя ни подъ какимъ видомъ не сдаваться. Неужели ему страшны мнимыя добродѣтели и напыщенныя рѣчи сантиментальной старой дѣвы — Европы? Нѣтъ, онъ смѣло взглянетъ въ лицо опасности и съ честью выйдетъ изъ борьбы. Хорошо, что теперь нечего болѣе скрывать, что все открылось?...

Зонненкампъ всталъ и вышелъ въ паркъ. На одной высокой акаціи висѣла надломленная большая вѣтка. Дерево походило на птицу съ подстрѣленнымъ крыломъ. Главный садовникъ сказалъ, что наканунѣ надъ паркомъ пронеслась буря, которая произвела въ немъ не мало опустошеній. Зонненкампъ, смотря на дерево, нѣсколько разъ кивнулъ головой, а затѣмъ неслышно засвисталъ.

Буря можетъ сломить дерево, но человѣкъ, подобный ему, долженъ несокрушимо стоять подъ напоромъ враждебныхъ силъ.

Онъ пошелъ далѣе, въ фруктовый садъ. Тамъ красовались на солнцѣ крупные, сочные плоды. Подъ каждымъ изъ нихъ висѣли на проволокѣ стеклянные колпачки, наполненные водой, для того, чтобъ, увлажая вокругъ нихъ воздухъ, доставлять имъ постоянную пищу. Устроить все это было въ его власти. Природа подвластна человѣку. Отчего не можетъ онъ себѣ подчинить также и судьбу, и людей? Зонненкампъ вопросительно смотрѣлъ на плоды, точно ожидая отъ нихъ отвѣта, но они безмолвствовали. Онъ особенно долго стоялъ передъ однимъ деревомъ, вѣтви котораго были подстрижены въ видѣ графской короны.

Въ паутинѣ, протянутой между двумя вѣтками, билась муха... ахъ, какъ она бьется! Кто знаетъ, она, можетъ быть, и стонетъ также, только мы этого не слышимъ. Да, мухи подвергаются одной участи съ людьми. Въ мірѣ повсюду разсѣяны пауки.... онъ кишитъ ими. А ты, муха, еще счастлива: тебя не станутъ долго мучить, и ты будешь мигомъ съѣдена.

Зонненкампъ ударилъ себя рукой по лбу. Онъ досадовалъ на самого себя за то, что не могъ отдѣлаться отъ печальныхъ мыслей.

Онъ вернулся въ комнату. Ему пришло на умъ, что лучше всего поскорѣй съ собой покончить, самому освободиться отъ

мученій и избавить отъ себя дѣтей. Онъ снялъ со стѣны револьверъ.... Вдругъ кто-то постучался въ дверь.

— Что такое? Кто тамъ?

То былъ одинъ изъ конюховъ, который назвалъ себя по имени. Зонненкампъ отперъ дверь. Конюхъ пришелъ доложить, что вороной конь его господина внезапно захворалъ. Онъ страшно хрипѣлъ, а изъ рта его клубами шла пѣна.

— Вороной конь захворалъ! воскликнулъ Зонненкампъ. Его вѣрно не прогуливали шагомъ такъ, какъ было мной приказано. Ужъ не ѣздилъ ли на немъ кто-нибудь въ мое отсутствіе.

— Да. Капитанъ Дорнэ велѣлъ его въ прошлую ночь для себя осѣдлать и на долго съ нимъ куда-то отлучался.

— Вотъ какъ!... Хорошо. Пойдемъ со мной, я мигомъ вылечу коня.

— Они отправились на конюшню. Зонненкампъ угрюмо взглянулъ на коня, потомъ прицѣлился ему прямо въ лобъ и выстрѣлилъ. Конь еще сильнѣе захрипѣлъ и тяжело рухнулъ на землю.

— Кончено! воскликнулъ Зонненкампъ: ты свободенъ!

Выходя изъ конюшни, онъ встрѣтился съ Пранкеномъ.

— Что вы сдѣлали? съ испугомъ спросилъ молодой баронъ.

— Что я сдѣлалъ? Убилъ своего коня. Всякій, кто вздумалъ бы мнѣ противиться, прибавилъ онъ, возвышая голосъ нарочно для того, чтобъ его могли слышать слуги, теперь знаетъ, какая его ожидаетъ участь.

Затѣмъ онъ приказалъ конюху осѣдлать для себя другую лошадь.

Явился Іозефъ, присланный Церерой узнать, что случилось.

Зонненкампъ велѣлъ передать женѣ, что застрѣлилъ своего вороного коня. Онъ съ улыбкой выслушалъ разсказъ Пранкена о томъ, въ какомъ настроеніи духа находилась его жена. Ему самому не хотѣлось къ ней идти, и онъ почувствовалъ не малую благодарность къ судьбѣ за то что она ему дала возможность жить въ такомъ большомъ домѣ, гдѣ каждый могъ скрываться на своей половинѣ, не подвергаясь опасности безпрестанно встрѣчаться съ другими членами семьи.

Зонненкампъ пошелъ къ профессоршѣ. Ему не легко было явиться ей на глаза, но онъ принудилъ себя къ этому. Дерзко смотрѣть всѣмъ въ лицо, думалъ онъ, лучшее средство заставить себя уважать. Откуда вдругъ эта трусость, это малодушіе? Не затѣмъ ли онъ всю жизнь шелъ въ разрѣзъ со свѣтомъ, чтобъ теперь дрожать передъ этой учительской семьей?

Зонненкампъ вошелъ въ виноградный домикъ. Онъ ни про-

фессоршѣ, ни Эриху не подалъ руки, и прежде всего освѣдомился о дѣтяхъ. Ему отвѣчали, что они заперлись въ библіотеку.

Онъ смѣло выразилъ профессоршѣ и ея сыну свое удовольствіе, что его прошлая жизнь наконецъ всѣмъ сдѣлалась извѣстна. Теперь онъ могъ видѣть, кто дѣйствительно былъ ему преданъ. Затѣмъ Зонненкампъ, обратясь къ Эриху, сказалъ:

— Я сейчасъ убилъ моего вороного коня, на которомъ вы ѣздили въ прошлую ночь. Моя собственность еще мнѣ принадлежитъ.

И онъ спокойно вышелъ изъ комнаты. Проходя мимо библіотеки, онъ на минуту остановился. До слуха его долетали голоса Манны и Роланда, но онъ не могъ разобрать о чемъ они говорили.

Онъ два раза стукнулъ въ дверь. Все мгновенно смолкло. Зонненкампъ пошелъ далѣе.

Вернувшись на виллу, онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на дачу государственнаго совѣтника. Дорогой ему показалось, что слѣдовавшій за нимъ конюхъ вдругъ остановился, а затѣмъ продолжалъ путь уже не одинъ, а въ обществѣ еще другого человѣка. Кто бы это могъ быть? Зонненкампъ принудилъ себя не оборачиваться, и только лошадь вздрогнула отъ внезапно вонзившихся въ ея бока шпоръ. Достигнувъ дачи государственнаго совѣтника, онъ спросилъ у стоявшаго у воротъ слуги, дома ли его госпожа.

Садовникъ отвѣчалъ, что ея здѣсь нѣтъ и что она никогда болѣе сюда не вернется.

Что это? Зонненкампъ съ громкимъ смѣхомъ услыхалъ, что вилла, со всею находящеюся въ ней утварью, была наканунѣ продана американскому консулу въ столицѣ. Итакъ, въ концѣ концовъ его все-таки перехитрили. Люди перестаютъ быть его сосѣдями, и онъ не въ правѣ съ нихъ ничего взять. Ему остается довольствоваться ничтожной суммой, которую онъ получилъ отъ государственнаго совѣтника за мнимую продажу виллы его женѣ. Но послѣ первой минуты гнѣва, Зонненкампъ снова началъ радоваться тому, что на свѣтѣ такъ много умныхъ и ловкихъ людей. Пріятно, право, смотрѣть на всѣхъ этихъ рысей и лисицъ, изъ которыхъ каждая съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ носитъ свою маску.

На встрѣчу ѣхалъ придворный лакей.

Зонненкампъ остановился. Возможно ли, чтобъ при дворѣ раскаялись и послали за нимъ курьера?

— Куда вы ѣдете? спросилъ онъ у лакея.

— На виллу Эдемъ.

— Къ кому?

— Къ профессоршѣ Дорнэ.

— Можно узнать зачѣмъ?

— Почему же нѣтъ.

— Итакъ?...

— Профессорша была нѣкогда статсъ-дамой вдовствующей герцогини и ея высочество изволили ее очень любить.

— Хорошо, хорошо, далѣе.

— Профессорша живетъ теперь у одного ужаснаго человѣка, бывшаго торговца невольниками, которому удалось здѣсь всѣхъ обмануть. Ея высочество опасается за жизнь профессорши и послала меня къ ней съ порученіемъ немедленно ее увезти изъ такого страшнаго сосѣдства.

Лакей съ изумленіемъ посмотрѣлъ вслѣдъ всаднику, который, закидавъ его распросами, стремглавъ отъ него ринулся и мгновенно скрылся изъ виду.

Зонненкампомъ на минуту овладѣлъ страшный гнѣвъ. Но немного спустя онъ громко захохоталъ.

«Отлично! думалъ онъ. Меня боятся.... Я во всѣхъ вселяю страхъ! Это придастъ мнѣ новыя силы, превосходящія тѣ, которыя я могъ бы почерпнуть въ почестяхъ, требующихъ все-таки извѣстнаго рода подчиненности людямъ и свѣтскимъ приличіямъ».

Сердце его преисполнилось ненавистью ко всѣмъ, стоящимъ на вершинахъ счастья и могущества. Они теперь вздумали заботиться о покинутой женщинѣ, теперь.... отчего же не раньше?

Онъ поскакалъ въ замокъ. Тамъ было много работниковъ, которые трудились надъ возведеніемъ одного изъ боковыхъ строеній. Они съ явной неохотой поклонились тому, кто платилъ имъ деньги. Зонненкампъ усмѣхнулся: они все-таки были обязаны ему кланяться. Онъ съ радостью собралъ бы въ эту минуту вокругъ себя весь міръ съ тѣмъ, чтобъ дерзко и самодовольно взглянуть ему въ лицо.

Изъ зàмка Зонненкампъ поѣхалъ къ маіору.

Фрейленъ Милькъ стояла у окна своего жилища и завидѣвъ его, еще прежде чѣмъ онъ успѣлъ обратиться къ ней съ вопросомъ, закричала ему:

— Маіора нѣтъ дома.

Зонненкампъ поѣхалъ назадъ.

Приближаясь къ виллѣ, онъ замѣтилъ, что на стѣнѣ парка красовалась какая-то надпись. Подъѣхавъ ближе, онъ прочелъ: «Продавецъ невольниковъ! Убійца!» Вдобавокъ къ этому какой-то

неопытный живописецъ нарисовалъ еще висѣлицу, а на ней человѣческую фигуру съ высунувшимся непомѣрной длины языкомъ, на которомъ тоже виднѣлась надпись: «продавецъ невольниковъ!»

Зонненкампъ приказалъ кастеляну усилить надзоръ за виллой, а въ случаѣ надобности и стрѣлять по тѣмъ, которые, несмотря на предостереженіе, захотѣли бы слишкомъ близко подойти къ воротамъ.

— Стрѣлять я не стану, угрюмо отвѣчалъ кастелянъ, а къ Мартынову дню и вовсе прошу меня уволить отъ моей службы.

Зонненкампъ снова поѣхалъ по дорогѣ къ виноградному домику. Онъ хотѣлъ взять оттуда дѣтей и сказать профессоршѣ, чтобъ она болѣе не выдавала никакихъ пособій наглецамъ, осмѣлившимся намарать такую надпись на сіяющей бѣлизной стѣнѣ его парка. Но немного спустя, онъ одумался и поѣхалъ обратно. Самое лучшее, порѣшилъ онъ мысленно, дѣлать видъ, будто ничего не замѣчаешь.

Зонненкампъ, пылая гнѣвомъ, вернулся въ свой кабинетъ. Имъ вдругъ овладѣло какое-то странное чувство тоски и страха. Ему казалось, что домъ этотъ вдругъ пересталъ быть его собственностью. Въ него начинаютъ со всѣхъ сторонъ стекаться посторонніе люди, кто съ укоромъ, кто съ состраданіемъ на устахъ. Онъ не имѣетъ болѣе угла, гдѣ могъ бы укрыться отъ враговъ и живетъ точно на улицѣ; всякій имѣетъ право надъ нимъ смѣяться и осыпать его бранью, а ему нечѣмъ защититься.

Зонненкампъ съ яростью топнулъ ногой.

«Вотъ оно то, чего я желалъ! думалъ онъ. Я домогался почестей, хотѣлъ, чтобъ обо мнѣ говорили,—ну что же, теперь обо мнѣ говорятъ, но какимъ образомъ!»

«Я васъ всѣхъ презираю!» вдругъ вырвалось у него изъ груди.

Онъ давалъ себѣ слово не уступать. Но что̀ сдѣлаетъ онъ, чтобъ не позволить свѣту надъ собой восторжествовать? Этого онъ самъ еще не зналъ.

ГЛАВА X.

ЖАЛОБЫ РОЛАНДА.

Роландъ и Манна сидѣли въ библіотекѣ. Они походили на дѣтей, которые, внезапно застигнутые грозой, ищутъ отъ нея укрыться въ чужой хижинѣ. Они долго не могли произнести ни слова. Манна первая оправилась и нѣжно гладя Роланда по лицу, заговорила съ поддѣльной живостью.

— Тебѣ знакома сказка о братѣ и сестрѣ, которые, заблудясь въ лѣсу, все-таки нашли изъ него выходъ? Мы съ тобой похожи на этихъ дѣтей и подобно имъ блуждаемъ въ дикомъ и темномъ лѣсу. Но мы не дѣти болѣе. Ты уже взрослый и сильный мужчина, по крайней мѣрѣ долженъ быть такимъ.

— Ахъ, не говори пожалуйста, воскликнулъ Роландъ: каждое твое слово, каждый звукъ твоего голоса, какъ острый ножъ вонзаются мнѣ въ сердцѣ. Ахъ, сестра! Нѣтъ, нѣтъ!... Здѣсь стоятъ сотни книгъ, но увѣряю тебя, ни въ одной изъ нихъ не описывается ничего подобнаго нашей судьбѣ. Нѣтъ, конечно нѣтъ!

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, Манна опять начала:

— Теперь я могу тебѣ объяснить, почему я называла себя Ифигеніей. Я хотѣла принести себя въ жертву за всѣхъ васъ, думая тѣмъ искупить грѣхъ нашего отца.

— Ахъ, не говори пожалуйста! снова воскликнулъ Роландъ. Что намъ за дѣло до дѣтей въ лѣсу, или до Ореста и Ифигеніи? Орестъ былъ счастливъ, онъ могъ вопрошать боговъ въ Дельфахъ. Въ то время люди ссорились и мирились съ богами, которые должны были имъ отвѣчать, а теперь?... Гдѣ тѣ уста, которые говорятъ отъ имени боговъ? Греки имѣли также рабовъ,—а мы? Вонъ они тамъ толкуютъ, будто въ мірѣ водворилась любовь и всѣ люди безразлично сдѣлались дѣтьми Божіими!... Но если это такъ, то какъ могутъ они благословлять въ церкви бракъ человѣка, который владѣетъ невольниками?... Дѣти Божіи въ неволѣ! Ихъ крестятъ и оставляютъ рабами!... Ахъ, у меня голова идетъ кругомъ, я съ ума схожу!... О мое дѣтство! О моя юность!... Я еще молодъ, передо мною лежитъ длинный путь.... а ноша моя такъ тяжела! Всюду, куда я ни обернусь, я вижу черное пятно.... оно на всемъ и на всѣхъ!... Когда ловчій сидѣлъ въ тюрьмѣ.... дѣти не отвѣчаютъ за проступки отцовъ, но тѣмъ не менѣе страдаютъ о нихъ въ теченіи всей жизни. Гдѣ справедливость?... Помоги мнѣ, сестра.... Помоги мнѣ.

— Я не могу, не умѣю, сама не вижу выхода! Вѣдь это, о чемъ ты теперь говоришь, поколебало также и мою вѣру. Вокругъ меня тоже все темно.

И снова братъ и сестра долго сидѣли молча. Вдругъ Роландъ бросился къ Маннѣ на шею и скрывая свое лицо на ея груди воскликнулъ:

— Манна, я хотѣлъ лишить себя жизни.... мнѣ казалось, что я не въ силахъ этого перенести. Еще вчера все было такъ прекрасно.... Но теперь я даю тебѣ слово, что буду жить. Я еще не знаю на что мнѣ слѣдуетъ рѣшиться, но мнѣ ясно только

одно: я долженъ и буду жить. Еслибъ дѣти лишали себя жизни за грѣхи родителей, вина послѣднихъ была бы еще больше.

Роландъ оперся головой о спинку дивана и глухо прошепталъ:

— Онъ этого не исполнилъ немедленно и теперь уже конечно не исполнитъ.

— Чего? спросила Манна.

Роландъ устремилъ на нее безсмысленный, точно стеклянный взоръ. Онъ вспомнилъ какъ просилъ отца отказаться отъ всѣхъ своихъ богатствъ. Тотъ ему обѣщался, но Роланду вдругъ стало ясно, что этому никогда не бывать. Онъ то закрывалъ, то открывалъ глаза; вокругъ него все было такъ мрачно и пусто, а самъ онъ казался такимъ несчастнымъ и разбитымъ.

Манна хорошо понимала, что̀ въ немъ происходило. Она опустилась передъ нимъ на колѣни и сказала:

— Роландъ, я хочу тебѣ разсказать... Эрихъ и я...

— Что такое, спросилъ Роландъ, быстро приподнимаясь.

— Эрихъ и я... мы помолвлены.

— Ты, съ нимъ?

Онъ вскочилъ и горячо обнялъ Манну, повторяя:

— Ты, съ нимъ?

— Да, Роландъ. И представь себѣ, онъ уже давно все зналъ.

— Все зналъ? И не оттолкнулъ тебя.... и продолжалъ меня учить, оставаясь намъ вѣренъ... о!

Роландъ и Манна долго сидѣли обнявшись. Вдругъ кто-то постучался въ дверь: братъ и сестра вздрогнули и со страхомъ переглянулись. Каждый зналъ, что это стучался отецъ, но ни тотъ ни другая не рѣшались высказать своей догадки. Стукъ повторился; они продолжали молчать, и кто-то, тяжело ступая, отошелъ отъ двери. Роландъ и Манна узнали шаги отца. Отецъ стучится, дѣти ему не отворяютъ и даже другъ другу не рѣшаются назвать его по имени, — о, какъ это тяжело, какъ ужасно!

Мысли Роланда между тѣмъ переходили отъ одного лица къ другому.

— Баронъ фонъ-Пранкенъ, сказалъ онъ, совѣтуетъ мнѣ поступить въ папское войско. Ахъ, еслибы существовало поле сраженія, гдѣ можно было бы драться за торжество въ мірѣ идеи равенства и братства!... какъ охотно сложилъ бы я на такомъ полѣ свою голову. Но такого рода вещи не завоевываются на полѣ сраженія. Ахъ, сестра! Я самъ не знаю, что думаю, что говорю! Гайавата постился и мы должны поститься.

— Пойдемъ домой, сказала Манна.

— Домой! домой! Гдѣ нашъ домъ, развѣ мы имѣемъ право назвать что-нибудь своимъ?

Роландъ всталъ и рука объ руку съ сестрой пошелъ черезъ лугъ на виллу.

Солнце ярко сіяло, воздухъ былъ пропитанъ запахомъ сѣна, по рѣкѣ плыли пароходы, на поворотѣ дороги вдругъ появилась особаго рода процессія, носящая названіе «осенняго поѣзда». На большой бочкѣ сидѣлъ, въ видѣ Бахуса съ виноградным вѣнкомъ на головѣ, второй сынъ ловчаго, Клауса. Вокругъ него на телѣгѣ стояли молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и съ распущенными волосами. Онѣ махали кружками и наполняли воздухъ громкими и веселыми криками. Верхомъ на лошадяхъ сидѣли, съ головы до ногъ укутанныя въ мохъ, человѣческія фигуры. По временамъ раздавались ружейные выстрѣлы; все шумѣло, кричало и веселилось.

Братъ и сестра остановились и печально смотрѣли вслѣдъ веселому поѣзду, который вскорѣ скрылся за деревьями. И тотъ и другая думали: да, они могутъ веселиться, а мы!... Они пошли далѣе и Роландъ заговорилъ:

— Я самъ не знаю, что со мной дѣлается. Я какъ будто не живу, а вижу все это во снѣ, или какъ умершій духъ, который не имѣетъ болѣе ничего общаго съ землей. Всѣ предметы кажутся мнѣ такими далекими, недосягаемыми; они точно плаваютъ въ туманѣ, а я самъ ношусь между ними, какъ какая-нибудь тѣнь. Я смотрю на тебя и мнѣ думается, что между нами лежитъ страшная даль. А отецъ!... мать!

И онъ боязливо озирался вокругъ, точно страшась увидѣть привидѣніе.

Манна крѣпче схватила его за руку. Онъ мгновенно успокоился и поблагодарилъ ее улыбкой.

Къ нимъ на встрѣчу выбѣжалъ Грейфъ и съ громкимъ радостнымъ лаемъ бросился на своего молодого господина. Роландъ погладилъ его и сказалъ:

— Да, милый Грейфъ, когда я тебя потерялъ, ты съумѣлъ найти дорогу домой. Знаешь ли ты, что для меня такая дорога не существуетъ? Я болѣе тебѣ не господинъ, я ничто!

Собака казалась поняла, что ей говорилъ Роландъ. Она смотрѣла на него умными, ласковыми глазами, точно хотѣла сказать: не печалься и не порти понапрасну своей молодой жизни.

Братъ и сестра остановились на берегу Рейна.

— Я вижу себя въ водѣ!... Сестра, у меня на лбу нѣтъ никакого знака, который говорилъ бы о моемъ позорѣ, а между тѣмъ...

И тутъ онъ въ первый разъ горько заплакалъ.

— Пойдемъ дальше, сказала Манна, стараясь его успокоить.

— Дальше... дальше! Да, нашъ путь безконечно длиненъ, повторилъ Роландъ и пошелъ вслѣдъ за сестрой.

На дворѣ виллы конюхи медленно водили вокругъ лошадей, покрытыхъ длинными попонами.

Роландъ полуоткрылъ ротъ, собираясь закричать: снимите съ нихъ попоны и покройте ими нашъ стыдъ! Выпустите лошадей на волю: мы не имѣемъ надъ ними никакой власти, онѣ не наши!... Но голосъ не повиновался ему, и онъ не могъ произнести ни слова.

Взоръ его блуждалъ вокругъ, останавливаясь то на оранжереяхъ, то на деревьяхъ, какъ будто онъ хотѣлъ у нихъ спросить, знаютъ ли они, кому принадлежатъ.

Онъ попросилъ Манну пойти съ нимъ на конюшню.

Имъ на встрѣчу попадались слуги. Роландъ робко на нихъ взглядывалъ и съ изумленіемъ и благодарностью принималъ ихъ поклоны и предложенія услугъ. Люди не брезгали имъ, они ему еще кланялись и готовы были ему повиноваться!

На конюшнѣ онъ долго и нѣжно гладилъ своего пони, потомъ обнялъ его за шею и снова заплакалъ.

— О Пукъ! воскликнулъ онъ: когда я теперь снова съ легкимъ сердцемъ на тебѣ поѣду?

Собаки съ радостнымъ лаемъ прыгали вокругъ него, стараясь обратить на себя его вниманіе. Роландъ ласково кивнулъ имъ головой, погладилъ ихъ и съ грустью сказалъ Маннѣ:

— Животныя счастливѣйшія существа въ мірѣ. Они кромѣ жизни ничего не наслѣдуютъ отъ родителей... ни дома, ни сада, ни денегъ, ни одежды. Ахъ, мой добрый Пукъ, какая у тебя славная, длинная грива!

Безпорядочная рѣчь Роланда обличала сильное умственное напряженіе, которое невольно заставляло опасаться за его разсудокъ.

— Еслибъ невольники не могли ни говорить, ни молиться, воскликнулъ онъ, дергая за гриву пони, они были бы счастливы, подобно тебѣ и этимъ вѣрнымъ собакамъ!

Манна, испуганная странными, безсвязными словами Роланда, сказала ему:

— Ты не долженъ былъ бы ни на минуту разставаться съ нашимъ другомъ Эрихомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... онъ мнѣ теперь ничѣмъ не можетъ помочь. Это Аполлоновы стрѣлы, и педагогъ не въ силахъ ихъ отъ меня отвратить!

Манна приняла его слова за бредъ разстроеннаго воображенія. Роландъ не объяснилъ ей, что ему внезапно пришла на память группа Ніобы, которую онъ видѣлъ въ столичномъ музеѣ.

Минуту спустя, онъ продолжалъ:

— Да! дѣвочка укрывается въ объятіяхъ матери, а мальчикъ, простирая руки, старается самъ защититься отъ смертоносныхъ стрѣлъ. Ночью, когда я шелъ отыскивать Эриха, извозчикъ, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ, разсказалъ мнѣ сказку о смѣющемся духѣ. Много, много времени надо, чтобъ изъ желудя выросъ дубъ... а когда дубъ выростетъ, его срубятъ, сдѣлаютъ изъ него колыбель, положатъ въ него малютку, а тотъ уже отворитъ дверь. Слышишь, онъ смѣется? Онъ бродитъ по свѣту, нигдѣ не находя покоя.

Манна умоляла Роланда успокоиться, потомъ сказала:

— Я должна идти къ отцу.

— А я къ матери.

Поднимаясь на лѣстницу, они встрѣтились съ Пранкеномъ, который протянулъ Маннѣ руку.

— Благодарю васъ, сказала она ему: за то, что вы не покидаете моего отца.

Молодая дѣвушка хотѣла идти далѣе.

— Не можете ли вы мнѣ удѣлить минуту вашего времени? спросилъ у нея Пранкенъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она. Теперь я не могу съ вами остаться.

Братъ и сестра разстались.

Роландъ вошелъ къ матери.

— Тебѣ нечего печалиться тѣмъ, что произошло здѣсь, въ Старомъ Свѣтѣ, сказала она ему: мы всѣ снова отправимся въ Америку, твою настоящую родину.

Роланду казалось, что слова эти произнесъ кто-то другой, а не его мать. Они точно принеслись откуда-то издалека и поразили его новой мыслью.

— Это говоритъ самъ дельфійскій оракулъ! Воскликнулъ онъ внезапно.

— Что такое? спросила Церера. Я тебя не понимаю. Вѣдь ты знаешь, я ничему не училась.

Роландъ не отвѣчалъ. Изъ среды окружавшаго его хаоса, передъ глазами его на мгновеніе сверкнула и снова погасла свѣтлая точка.

— Подожди меня, сказала Церера. Пора обѣдать.

Она накинула на плечи шаль и вмѣстѣ съ сыномъ отправилась въ столовую.

Тамъ они застали Пранкена и фрейленъ Пэрини, которые шопотомъ между собой разговаривали.

Роландъ пошелъ за Эрихомъ.

— Не ужасно ли, что надо ѣсть? сказалъ онъ ему. Какую часть невольника проглотимъ мы сегодня за обѣдомъ? Ахъ, Эрихъ! положи мнѣ на голову руку. Вотъ такъ... хорошо... теперь мнѣ легче...

Зонненкампъ долго заставилъ себя ждать къ обѣду. Манна пришла еще позже его.

Лицо ея было покрыто яркимъ, точно лихорадочнымъ румянцемъ.

Всѣ такъ близко другъ отъ друга сидѣли за столомъ, а между тѣмъ, какая бездна раздѣляла многихъ изъ находившихся тутъ! Эрихъ и Манна всего только разъ обмѣнялись взглядомъ, но этого было вполнѣ достаточно для ихъ взаимнаго пониманія другъ друга.

— Когда ловчій, оправданный, вернулся изъ суда, шепнулъ Роландъ Эриху, у него на столѣ былъ только одинъ картофель.

Эрихъ ласково положилъ ему на плечо руку. Онъ хорошо понималъ все, что̀ должно было вызвать это воспоминаніе въ сердцѣ юноши. Ловчій оказался невиннымъ, а здѣсь?...

Пранкенъ въ теченіи всего обѣда одинъ старался поддерживать разговоръ, ловко избѣгая тѣхъ предметовъ, которые могли въ комъ-нибудь изъ присутствующихъ возбудить непріятное ощущеніе. Онъ преимущественно говорилъ о постройкѣ за̀мка.

Послѣ обѣда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Роландъ просилъ Эриха на сегодня оставить его одного.

ГЛАВА XI.

СВЯЗЬ ЧЕСТИ И УВАЖЕНІЯ.

Съ наступленіемъ вечера Роландъ отправился въ деревню. Въ воздухѣ носился запахъ молодого вина. Всюду замѣтно было особенное оживленіе, виноградные тиски усиленно дѣйствовали, на улицахъ безпрестанно встрѣчались поселяне, которые медленно ступали, сгибаясь подъ тяжестью большихъ деревянныхъ кадокъ и чановъ.

Роландъ на всѣхъ вопросительно поглядывалъ и съ трудомъ удерживался, чтобъ не закричать:

«Смотрите, передъ вами нищій, который молитъ васъ о

любви и состраданіи къ своему отцу. Не откажите ему въ этой милостынѣ!»

Онъ смотрѣлъ на дома, куда въ день своего рожденія разносилъ подарки. Ихъ обыватели учтиво отвѣчали на его поклоны, но никто болѣе не радовался его приходу и не почиталъ себѣ за честь его посѣщенія. Онъ поспѣшилъ уйти изъ деревни.

Роландъ сѣлъ на берегу рѣки за плетнемъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ вечеромъ передъ своимъ бѣгствомъ изъ дому, когда отправился на поиски за Эрихомъ. Онъ былъ какъ въ чаду отъ печали, которая угрожала въ немъ изсушить источникъ жизни. Надъ нимъ кружился воробей. Роландъ безсознательно раздвинулъ вѣтви повисшаго надъ водой дерева и увидѣлъ гнѣздо, въ которомъ сидѣло пять воробушковъ, усердно разѣвавшихъ клювы. Какъ въ былое время такая находка обрадовала бы его! Теперь же онъ только подумалъ:

— Счастливцы! они у себя дома.

Поблизости проѣхала телѣга. Рѣзкій скрипъ, какой издавали ея колеса, медленно катясь по песку, напомнилъ Роланду его ночной разговоръ съ бѣднымъ извозчикомъ, который голодъ и нищету предпочиталъ дурно́ пріобрѣтенному богатству.

Неподалеку отцѣпляли отъ берега лодку. Звукъ цѣпи, коснувшись слуха Роланда, пробудилъ въ немъ мысль о неграхъ. Ему казалось, что онъ видитъ невольниковъ, которые идутъ попарно скованные. Затѣмъ воображеніе живо нарисовало ему садовника, прозваннаго Гномомъ, и польскаго конюха съ колодками на рукахъ, идущихъ по улицѣ въ сопровожденіи жандарма съ обнаженнымъ палашомъ, который ослѣпительно сверкалъ на солнцѣ.

Роландъ поднялъ глаза.

Мимо дѣйствительно шелъ жандармъ. Что̀ если онъ явился арестовать его отца?

О нѣтъ! Преступленія послѣдняго не такого рода, чтобъ ихъ каралъ законъ.

Но какое же существуетъ для нихъ наказаніе?

Роландъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ взоръ на кусты, за которыми скрылся жандармъ. Мысль его усердно работала, открывая ему многое, о чемъ прежде онъ никогда не думалъ. Онъ старался угадать, что теперь говорили объ его отцѣ графъ Клодвигъ, докторъ Рихардтъ, маіоръ и ловчій. И вдругъ въ глубинѣ души его прозвучало: человѣкъ не для себя одного живетъ! Между людьми существуетъ невидимая неразрывная связь, которая дѣлаетъ изъ нихъ одно громадное и величавое цѣлое. Связь эта заключается въ взаимномъ уваженіи и въ чувствѣ чести.

Роландъ былъ не въ силахъ долѣе выносить наплыва горькихъ мыслей и ощущеній, которые буквально давили его своей тяжестью, и всталъ. Но куда ему идти?

— Къ ловчему! почти громко произнесъ онъ.

Невѣрными шагами, съ сильно бьющимся сердцемъ, отъ неизвѣстности того, что ожидало его впереди, сталъ онъ медленно взбираться на гору. У входа въ деревню ему повстрѣчался второй сынъ Клауса, который тоже съ трудомъ передвигалъ ноги, сгибаясь подъ тяжестью деревянной кадки, наполненной виномъ. Онъ былъ однихъ лѣтъ съ Роландомъ, завидѣвъ котораго, воскликнулъ:

— Отецъ такъ и думалъ, что вы къ нему зайдете. Ступайте скорѣй, онъ васъ ждетъ.

Роландъ поблагодарилъ и пошелъ далѣе. Приближаясь къ дому ловчаго, онъ услышалъ, какъ тотъ ему кричалъ:

— Я былъ увѣренъ, что ты придешь. У меня есть для тебя лекарство. Ничего мнѣ не разсказывай, я все знаю. Но повторяю, я могу тебѣ помочь.

— Чѣмъ?

— Слушай, молодецъ! Въ мірѣ есть двѣ вещи, которыя приносятъ человѣку утѣшеніе и облегченіе въ горѣ: это молитва и питье. Если ты не можешь молиться, то пей, пей, пока не забудешься. И по моему послѣднее несравненно лучше перваго.

— Стыдись! возразилъ Роландъ. Стыдись, ты говоришь неправду; на свѣтѣ есть еще...

— Что такое?

— Размышленіе. Я еще не вполнѣ вижу и понимаю къ чему оно меня приведетъ, но знаю, что оно одно можетъ меня спасти.

Ловчій громко и протяжно свистнулъ.— Ты отличный малый! воскликнулъ онъ потомъ. А скажи-ка, придумалъ ли ты уже, что станешь дѣлать со всѣми этими деньгами, когда онѣ тебѣ достанутся?

— Нѣтъ еще!

— Ну и не бѣда, современемъ ты и это узнаешь. А пока, послушайся моего совѣта и не губи своей молодости напрасной печалью. Имѣй состраданіе къ отцу: онъ, несмотря на всѣ свои милліоны, очень бѣденъ. Докажи, что ты добрый малый, заслуживающій того, чтобъ надъ тобой свѣтило солнце... Слушай, слушай! вдругъ перебилъ онъ самъ себя.

Черный дроздъ началъ насвистывать мелодію: «Радуйтесь»!

Ловчій и Роландъ переглянулись. Послѣдній слабо улыбнулся.

— Вотъ такъ-то лучше! воскликнулъ Клаусъ. Радуйтесь, а все остальное въ жизни пустяки. А вѣдь куда какъ умна птица!

Ты отлично выполнила свое дѣло, прибавилъ онъ, кивая головой дрозду, который серьезно поглядывалъ то на Роланда, то на своего хозяина, точно зналъ, что̀ сдѣлалъ и вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, какое произвелъ своею пѣснью.

Клаусъ, между тѣмъ, продолжалъ, снова обращаясь къ Роланду:

— Хорошо!... Ну, молодецъ, смѣлѣй! Подними голову и смотри всѣмъ прямо въ глаза. А если тебѣ понадобится помощь, приходи ко мнѣ. Я никогда не забуду, что ты по выходѣ моемъ изъ тюрьмы привезъ меня домой. Развеселись же! Смотри, какъ веселы и бодры твои собаки! Онъ подалъ Роланду хлѣбъ съ тѣмъ, чтобъ тотъ скормилъ его собакамъ, но мальчикъ вмѣсто того самъ съ жадностью принялся его ѣсть.

— Отлично! радостно воскликнулъ ловчій. Наша взяла! Ты чувствуешь голодъ: это хорошій знакъ. Теперь вода въ Рейнѣ можетъ спокойно течь, и завтра надъ нами снова взойдетъ и засіяетъ солнце!

Эрихъ предчувствовалъ, что Роландъ захочетъ навѣстить ловчаго и пошелъ за нимъ туда. Онъ не мало обрадовался, встрѣтивъ его почти совсѣмъ спокойнаго. Затѣмъ они вмѣстѣ отправились на виллу.

Дорогой Роландъ замѣтилъ:

— Когда я былъ у Клауса, мнѣ вдругъ пришелъ въ голову вопросъ: Что̀ бы обо всемъ этомъ сказалъ Веньяминъ Франклинъ? Какъ ты думаешь, Эрихъ, какой бы онъ мнѣ теперь подалъ совѣтъ?

— Не знаю вполнѣ, но полагаю, что онъ между прочимъ сказалъ бы вотъ-что: человѣкъ, который только страдаетъ, стоитъ на одной ступени съ животнымъ, неумѣющимъ справиться ни съ какой бѣдой. Человѣческая сила начинается тамъ, гдѣ ты даешь себѣ отчетъ въ твоемъ страданіи и трудишься надъ тѣмъ, чтобъ подчинить его своему разуму и волѣ. Отдаваясь горю безъ борьбы, ты дѣлаешь невозможнымъ свое нравственное выздоровленіе. Ободрись же и вооружись мужествомъ. Если въ тебѣ есть что-либо такое, за что ты считаешь себя достойнымъ своей собственной любви, то ты вправѣ ожидать ее и отъ другихъ.

— Благодарю! воскликнулъ Роландъ. Я самъ много думалъ о томъ, что могъ бы мнѣ теперь сказать Веньяминъ. Мнѣ казалось, что я вижу передъ собой его кроткое, обрамленное длинными сѣдинами лицо и слышу его голосъ. Худшее зло, говорилъ онъ, не въ томъ, что ты навлекаешь на себя стыдъ, а въ томъ, что этотъ стыдъ, овладѣвая тобой, помра-

чаетъ твой разсудокъ и заставляетъ тебя быть несправедливымъ ко всѣмъ остальнымъ людямъ.

Впечатлѣнія, полученныя Роландомъ во время его прогулки, сложились въ немъ въ ясное, сознательное воззрѣніе на его теперешнее положеніе.

Изъ глубины души Эриха поднялось радостное, благодарное чувство. Онъ былъ несказанно счастливъ тѣмъ, что ему удалось воспитать въ юношѣ такой возвышенный образъ мыслей. Онъ едва удержался, чтобъ не воскликнуть: ты сталъ настоящимъ человѣкомъ! Но нѣтъ, такого рода мысли лучше хранить про себя.

Эрихъ и Роландъ вернулись на виллу нѣсколько успокоенные.

У воротъ парка они нашли кастеляна, который усердно что-то стиралъ со стѣны.

— Тамъ стоитъ.... надпись.... Я видѣлъ.... я прочелъ ее!... воскликнулъ Роландъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.

Звукъ остраго, желѣзнаго инструмента, которымъ кастелянъ скребъ стѣну, болѣзненно отзывался въ сердцѣ Роланда. Самообладаніе мгновенно снова его покинуло.

— Тамъ стоитъ!... повторялъ онъ. Завтра снова придется стирать со стѣны, и послѣ завтра тоже, и такъ безъ конца. Ахъ, Эрихъ, зачѣмъ люди такъ злы! Неужели имъ пріятно насъ оскорблять!

Эрихъ старался успокоить Роланда, говоря, что люди вовсе не такъ злы, но только падки на насмѣшки и любятъ дразнить ближнихъ въ бѣдѣ.

Онъ проводилъ своего бывшаго воспитанника въ его комнату. Роландъ опустился на стулъ и прижавъ руку ко рту, крѣпко стиснулъ ее зубами. Онъ долго молчалъ, устремивъ взоръ на чучело птицы.—Гайавата! произнесъ онъ наконецъ шопотомъ, и вставъ со стула, подошелъ къ окну.

Передъ его глазами растилался паркъ, гдѣ суетились, кружась въ воздухѣ, цѣлыя стаи ласточекъ, собиравшихся летѣть за моря, въ теплыя страны. «У всѣхъ и у всего есть своя родина, думалъ юноша. Растеніе, которое не можетъ двигаться само, пользуется тщательнымъ уходомъ, а ласточка, не выносящая холода, съ наступленіемъ его, улетаетъ туда, гдѣ ей тепло. Ахъ, еслибъ кто-нибудь указалъ, гдѣ бы намъ могло быть тепло!»

Вдругъ Роландъ быстро отскочилъ отъ окна. Онъ видѣлъ, какъ на дворъ въѣхалъ верхомъ русскій князь, а за нимъ въ экипажѣ докторъ Рихардтъ.

Роландъ просилъ Эриха оставить его одного и никого къ нему не пускать.

Эрихъ ушелъ, а Роландъ заперся въ своей комнатѣ.

ГЛАВА XII.

ЗОННЕНКАМПЪ НАХОДИТЪ СУЩЕСТВО, ПОДОБНОЕ СЕБѢ.

Зонненкампъ сидѣлъ одинъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ и смотрѣлъ изъ окна на зàмокъ, постройка котораго быстро приближалась къ концу. Кто будетъ въ немъ жить? Онъ отвелъ отъ него глаза и устремилъ ихъ на портретъ Роланда.

— Лучше было бы мнѣ вовсе не имѣть дѣтей! Тогда не о комъ было бы и безпокоиться! воскликнулъ онъ и самъ испугался своего голоса.

Зонненкампъ отворилъ шкапъ съ деньгами и долго смотрѣлъ на тщательно увязанныя пачки бумагъ и на ящики съ звонкой монетой.

— Какую помощь можете вы мнѣ оказать? А между тѣмъ!

Въ дверь кабинета раздался стукъ.

— Кто тамъ? спросилъ Зонненкампъ.

Іозефъ отвѣчалъ:

— Его свѣтлость желаетъ...

— Какъ, неужели все это былъ сонъ? Возможно ли, чтобъ герцогъ самъ явился къ нему извиниться, признаться въ...

Зонненкампъ быстрыми шагами подошелъ къ двери и открылъ ее. Передъ нимъ стоялъ русскій князь Валеріанъ, который ласково и дружески старался объяснить ему, что пришелъ предложить свою помощь и участіе. Вейдеманъ тоже поручилъ...

— Мнѣ не надо ничьей помощи. Я ни въ комъ не нуждаюсь! рѣзко перебилъ его Зонненкампъ и захлопнувъ дверь, снова заперъ ее на замокъ.

— Я самъ ни къ кому не имѣю состраданія и не хочу чтобъ меня сожалѣли, проговорилъ онъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь.

Въ двери вторично раздался легкій стукъ.

— Что это? Неужели они не могутъ оставить меня въ покоѣ?

Между тѣмъ сквозь замочную скважину послышался мягкій голосъ, говорившій:

— Это я, графиня Белла.

Зонненкампъ вздрогнулъ.

Ужъ не обманъ ли это? Кому могло придти на умъ взять это имя и заговорить этимъ голосомъ?

Во всякомъ случаѣ человѣкъ, надѣвшій на себя эту маску, долженъ быть очень уменъ и заслуживаетъ того, чтобъ на него взглянуть.

Зонненкампъ быстро растворилъ дверь и остановился, пораженный изумленіемъ. Передъ нимъ дѣйствительно стояла Белла.

— Дайте мнѣ вашу руку! воскликнула она. Скорѣй вашу руку! Вы герой, какого мнѣ еще не случалось встрѣчать. Что такое въ сравненіи съ вами всѣ эти куклы, которыя васъ окружаютъ? Не болѣе какъ вѣшалки для мундировъ. Неужели можно считать за людей всѣхъ этихъ малодушныхъ профессоршъ, выскочекъ-учителей и журнальныхъ писакъ? Они выдумали себѣ какую-то гуманность и превратили ее въ пугало, котораго боятся, какъ дѣти волка. Вы одинъ заслуживаете названіе мужчины!

— Садитесь пожалуйста, отъ удивленія едва могъ проговорить Зонненкампъ. Онъ все еще не понималъ, чего отъ него хотѣли. А Белла между тѣмъ продолжала:

— Я знала, что природа создала васъ завоевателемъ, но не подозрѣвала въ васъ такой силы.

Зонненкампъ все еще не могъ придти въ себя отъ изумленія. Чего хочетъ отъ него эта женщина? Не издѣваться же надъ нимъ она пришла? Но дальнѣйшая рѣчь Беллы дала его мыслямъ другое направленіе.

— Всѣ люди, восклицала она, слабые, малодушные трусы, а въ особенности тѣ, которые составляютъ такъ-называемый высшій кругъ общества. Васъ слѣдовало бы произвести прямо въ графы, а не въ простые бароны. Вы сдѣлали то, что могъ бы каждый изъ нихъ, что могли бы всѣ... нѣтъ, не всѣ, а только тѣ, въ которыхъ есть задатки силы. Но они выдумали стыдиться того, на что у нихъ не хватаетъ смѣлости. Они вооружены ружьями и мечами, но тѣмъ не менѣе дрожатъ при видѣ линейки школьнаго учителя, который, ударяя ихъ ею по пальцамъ, восклицаетъ: Развѣ вы не знаете, что живете въ эпоху... или какъ они любятъ выражаться, въ столѣтіе, въ вѣкъ гуманности? Всѣ дворяне должны бы были броситься къ вамъ съ поздравленіями и съ раскрытыми объятіями принять васъ въ свое число. Многія ли бы изъ этихъ куколъ владѣли своими титулами, еслибъ имъ, подобно вамъ, пришлось пріобрѣтать ихъ посредствомъ геройскихъ подвиговъ. Еслибъ я узнала васъ въ моей

молодости, я пошла бы за вами на край свѣта. Въ васъ есть Наполеоновская жилка. Дайте мнѣ вашу руку!

Она схватила его за обѣ руки и крѣпко ихъ пожала.

— Вы конечно забыли, продолжала она все съ возростающимъ одушевленіемъ, но я хорошо помню, какъ вы, обѣдая у насъ вмѣстѣ съ княземъ Валеріаномъ, сказали: ученіе гуманистовъ имѣетъ своихъ фанатиковъ. Это совершенно справедливо. Они всѣ преисполнены благочестиваго страха къ гуманнымъ бреднямъ ихъ святого Жанъ-Жака Руссо. Эти мнимосильные, свободные люди мечтаютъ о раѣ на землѣ, гдѣ всѣ, и черные и бѣлые, и знатные и бѣдные, и геніи и дураки должны быть равны и пользоваться одинаковыми правами. Они создали себѣ новую вѣру въ книгу, которая называется «Contrat social» и замѣняетъ имъ Библію. Но что до меня касается, я вполнѣ равнодушна къ Жанъ-Жаку Руссо...

Зонненкампъ съ сіяющимъ лицомъ перебилъ ее восклицаніемъ:

— Какое дѣло можетъ считаться проиграннымъ, когда за него стоитъ геніальная женщина?

— Благодарю... благодарю, проговорила Белла.

Она взяла Зонненкампа за руку и начала нѣжно гладить большой палецъ, на которомъ виднѣлись слѣды зубовъ.

— Такъ вотъ то мѣсто, въ которое васъ укусилъ одинъ изъ любимцевъ учителя? Гордитесь этимъ знакомъ: онъ почетнѣе раны, полученной на полѣ сраженія. Но ради всего что есть для васъ дорогого на свѣтѣ, будьте тверды и ни подъ какимъ видомъ не уступайте вашимъ врагамъ. Радуйтесь, что вамъ нечего болѣе скрывать и докажите, что вы единственный человѣкъ, который не боится школьнаго учителя и не признаетъ школьной науки. Смѣлости все доступно, а ея обязанность водворять въ мірѣ то, чему надлежитъ въ немъ быть.

Белла встала, глаза ея сверкали зловѣщимъ огнемъ, на щекахъ игралъ яркій румянецъ. Въ ней было что-то обаятельное, притягивающее и въ тоже время возбуждающее ужасъ.

Такой точно видъ должна была имѣть Медуза. Она не могла иначе дышать какъ Белла и, безъ сомнѣнія, подобно ей трепетала всѣмъ тѣломъ.

Но посреди охватившаго ея волненія, въ головѣ графини опять мелькнула мысль, какъ прекрасна была эта сцена, въ которой она играла главную роль. Сколько въ ней величія, какая сила страсти! Она вдругъ замерла на мѣстѣ, точно стоя въ живой картинѣ, и взоръ ея невольно искалъ зеркала, въ которомъ она могла бы видѣть собственное изображеніе.

Затѣмъ она гордо взмахнула головой и снова вошла въ свою роль, точно актриса, появляющаяся изъ-за кулисъ, куда на время удалялась.

— Разскажите мнѣ, снова начала она, что сдѣлало васъ такимъ смѣлымъ и великимъ, такимъ... единственнымъ свободнымъ человѣкомъ.

Зонненкампъ вздрогнулъ. У него на языкѣ было уже признаніе, которое уста отказывались произнести. Но послѣдующія слова Беллы вызвали у него на лицѣ снова злую улыбку.

— Объ одномъ только прошу васъ, говорила она, не ссылайтесь на любовь... избавьте меня отъ этого общаго мѣста: оно не имѣетъ для меня никакого значенія, а равно и для васъ. Еще одно слово: вамъ теперь придется испытать, если вы этого еще не испытали, что нѣтъ въ мірѣ худшаго тирана, какъ семья. Послушайтесь меня и бросьте всѣ заботы о семьѣ. У героя не должно быть семьи. Разсказы о томъ, какъ герои играли съ своими дѣтьми у домашняго очага, въ сущности не что иное, какъ сантиментальная сказка. Вы должны быть одни и думать только о себѣ—тогда вы будете дѣйствительно сильны. Вы одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ могла создать только фантазія Байрона. Но, повторяю, вамъ, какъ герою, не слѣдуетъ имѣть семьи. Ваша единственная ошибка въ томъ, что вы пожелали ее имѣть. Пусть по крайней мѣрѣ теперь эта ошибка не дѣлаетъ васъ ни слабымъ, ни малодушнымъ.

Зонненкампъ, уже сильно потрясенный предыдущими событіями, не могъ безъ содроганія смотрѣть на эту женщину, явившуюся здѣсь передъ нимъ, какъ какое-то сверхъестественное видѣніе изъ иного, баснословнаго міра. Наконецъ, онъ, придя немного въ себя, объявилъ ей, что уже и прежде самъ рѣшился не сдаваться, но вести съ врагами ожесточенную борьбу. Онъ намѣревался произвести переворотъ въ образѣ мыслей здѣшнихъ добродѣтельныхъ мужей: въ этомъ теперь будетъ состоять задача его жизни. У него въ головѣ уже былъ готовъ планъ, который ему оставалось себѣ уяснить только въ подробностяхъ.

Белла сказала, что кромѣ него никого болѣе не хочетъ видѣть на виллѣ. Она намѣревалась немедленно вернуться домой, но передъ уходомъ еще разъ выразила надежду, что Зонненкампъ до конца останется вѣренъ самому себѣ. Въ противномъ случаѣ, она, Белла, утратитъ все уваженіе, которое возъимѣла теперь къ его силѣ, и станетъ презирать весь человѣческій родъ.

Зонненкампъ отворилъ комнату, гдѣ у него хранились сѣмена, а въ ней другую маленькую дверь, которая вела къ особому выходу на лѣстницу, обвитую зеленью и цвѣтами глицина.

Тамъ онъ на прощанье поцѣловалъ графинѣ руку. Белла уже съ лѣстницы еще закричала ему:

— Но прежде всего вамъ необходимо освободиться отъ этой учительской семьи.

Графиня сдѣлала движеніе рукой, какъ будто что-нибудь отъ себя отталкивала.

— Пусть она, эта семья, снова ѣдетъ въ университетскій городокъ и тамъ заводитъ свою фабрику мудрыхъ изреченій.

Затѣмъ Белла скрылась.

Зонненкампу, когда онъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ, казалось, что все это былъ сонъ. Но въ комнатѣ еще носился тонкій запахъ духовъ, который Белла всегда распространяла вокругъ себя; стулъ еще стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она сидѣла. Да, она дѣйствительно тутъ была.

Беллѣ, несмотря на ея желаніе, не удалось уйти съ виллы никѣмъ не замѣченной. Она въ паркѣ столкнулась съ братомъ, которому откровенно призналась, что была у Зонненкампа съ цѣлью ободрить и выказать къ нему свое участіе. Въ заключеніе она похвалила Отто за его постоянство и за презрѣніе къ слабому, лицемѣрному свѣту.

— Я могла бы страстно полюбить этого человѣка, воскликнула она. Онъ истый завоеватель и уже покорилъ себѣ частицу свѣта. Они тамъ занимаются откапываніемъ римскихъ древностей и воображаютъ себѣ, будто вправѣ издѣваться надъ этимъ сильнымъ и свободнымъ человѣкомъ. Они презираютъ его, отстаивая права невольниковъ.... а сами-то они кто и что такое?

— Сестра, насмѣшливо возразилъ Пранкенъ. Ты еще слишкомъ молода и хороша, чтобъ прибѣгать къ такого рода эксцентрическимъ выходкамъ. Подобныя косметическія средства пока тебѣ еще не нужны.

Белла отступила отъ него на шагъ.

— Я хотѣла тебя предостеречь, сказала она, но теперь ты ничего отъ меня не узнаешь. Желаю тебѣ успѣха съ Манной и совѣтую какъ можно скорѣе съ ней покончить. А что, каково поживаетъ нѣжное монастырское растеніе?

— Прошу тебя, Белла....

— Хорошо, хорошо, я удаляюсь. Я здѣсь ни для кого изъ васъ не гожусь.

Она быстро ушла и минуту спустя была уже на пути въ Вольфсгартенъ.

Пранкенъ въ изумленіи остался на мѣстѣ и съ безпокойствомъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Навстрѣчу къ нему шелъ патеръ. Онъ поспѣшилъ оправиться и, протягивая вновь пришедшему

руку, выразилъ свою благодарность за то, что тотъ добровольно явился въ домъ печали, гдѣ, безъ сомнѣнія, многіе нуждаются въ помощи и утѣшеніи.

ГЛАВА XIII.

ПРОТИВОЯДІЕ.

Князь Валеріанъ, участіе котораго Зонненкампъ такъ грубо отъ себя оттолкнулъ, велѣлъ доложить о своемъ приходѣ капитану Дорнэ.

Роландъ слышалъ изъ сосѣдней комнаты, какъ онъ вошелъ къ Эриху. Первыми словами князя было:

— Гдѣ Роландъ?

— Онъ хотѣлъ остаться одинъ, отвѣчалъ Эрихъ.

На это князь возразилъ, что Эрихъ конечно лучше всѣхъ знаетъ, что годится и что нѣтъ его воспитаннику. Но ему кажется, что Роландъ въ своемъ теперешнемъ горѣ скорѣе всего могъ бы найти утѣшеніе въ обществѣ людей, любовь которыхъ къ нему не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Роландъ въ сосѣдней комнатѣ приподнялся съ своего мѣста. Не лучше ли бы это въ самомъ дѣлѣ было, чѣмъ сидѣть въ одиночествѣ и предаваться горькимъ размышленіямъ? Однако онъ остался у себя и слышалъ далѣе, что князь освѣдомился о томъ, какъ жена и дочь господина Зонненкампа перенесли раскрытіе ужасной тайны.

Князь говорилъ громко, а Эрихъ очень тихо, но Роландъ догадался въ чемъ состоялъ отвѣтъ послѣдняго.

Князь упомянулъ о Вейдеманѣ, говоря, что тотъ былъ сильно возмущенъ грубымъ способомъ, какимъ профессоръ Крутіусъ разоблачилъ прошлое Зонненкампа и намекомъ, будто докторъ Фрицъ принималъ участіе въ его злой выходкѣ. Докторъ Фрицъ во все время своего пребыванія въ Маттенгеймѣ не переставалъ выражать желаніе, чтобъ ради дѣтей Зонненкампа его прошлое оставалось для всѣхъ тайной.

Роландъ вздрогнулъ.

Извѣстно ли все это Лиліанѣ, по ту сторону океана? А если еще нѣтъ, то скоро ли дойдутъ до нея объ этомъ слухи? Какое произведутъ они на нее впечатлѣніе? Станетъ ли она о немъ плакать? Роландъ вспомнилъ, какъ милая дѣвочка звала его пріѣхать въ Новый Свѣтъ для того, чтобъ положить конецъ господствовавшему тамъ злу.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, протянулъ руки, точно собираясь куда-то бѣжать, что-нибудь сдѣлать, лишь бы выйти изъ своего настоящаго томительнаго положенія.

А въ сосѣдней комнатѣ князь продолжалъ распространяться все о томъ же предметѣ. Вейдеманъ, говорилъ онъ, долго колебался, не ѣхать ли ему самому на виллу Эдемъ. Но потомъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ нашелъ это не совсѣмъ удобнымъ и предпочелъ просить князя Валеріана съѣздить къ Зонненкампу съ предложеніемъ его услугъ.

— Ахъ, въ заключеніе воскликнулъ князь, я чуть ли не въ первый разъ въ жизни порадовался своему высокому положенію въ свѣтѣ. Съ помощью его я надѣялся быть здѣсь полезнѣе всякаго другого. Особенно хотѣлось мнѣ что-нибудь сдѣлать для вашего воспитанника, Роланда, котораго я такъ люблю. Мысль о томъ, какъ сильно долженъ онъ страдать, ни на минуту не покидаетъ меня.

Роландъ сложилъ руки какъ на молитву и мысленно воскликнулъ:

— О, свѣтъ не такъ дуренъ, какъ я предполагалъ, напротивъ, онъ добръ, прекрасенъ! Вотъ человѣкъ, душа котораго сочувствуетъ моему горю....

А князь между тѣмъ продолжалъ.

— Ахъ, капитанъ, мнѣ теперь невольно пришло на умъ: чѣмъ мы и подобные намъ лучше этого человѣка? Мы жили также, какъ онъ, съ тою разницею, что то, за что его теперь караютъ, у насъ было освящено исторической, поросшей мхомъ давностью. На пути моемъ сюда все это весьма живо мнѣ представилось. Наши крѣпостные тоже продавались съ землею. А между тѣмъ они люди одной съ нами расы—не возмутительнѣе ли это еще въ тысячу разъ? Кромѣ того, капитанъ, я долженъ вамъ сознаться, что становлюсь страшнымъ еретикомъ. Меня преслѣдуетъ вопросъ, что̀ сдѣлали для водворенія въ мірѣ братскаго равенства и любви тѣ, на которыхъ лежитъ обязанность проповѣдовать и то, и другое? Они оставались спокойными зрителями беззаконія, въ силу котораго тысячи людей томились въ рабствѣ. А теперь чему обязаны мы уничтоженіемъ крѣпостного сословія? Чистой идеи гуманности, которая одна трудилась надъ освобожденіемъ крестьянъ.

Роландъ снова вздрогнулъ. Не тоже ли самое мелькало и въ его собственномъ умѣ.... не тоже ли говорила и Манна? Но изумленіе его еще усилилось, когда онъ услышалъ отвѣтъ Эриха:

— Я не стою, говорилъ молодой человѣкъ, за то, что̀ называютъ церковью, но въ ученіи Христа вижу корень, изъ кото-

раго вышло и достигло въ наши дни полной зрѣлости плодотворное дерево гуманности.

— Вы точь-въ-точь Вейдеманъ, который тоже.... началъ князь и не могъ докончить, потому что въ комнату вошелъ докторъ.

— Гдѣ Роландъ? и тотъ также освѣдомился послѣ первыхъ привѣтствій.

Ему, какъ и князю, отвѣчали, что Роландъ хотѣлъ остаться одинъ.

— Пусть будетъ по его желанію, сказалъ докторъ. Онъ теперь, безъ сомнѣнія, находится въ сильно возбужденномъ состояніи, вслѣдъ за которымъ онъ впадетъ въ апатію. Дайте ему все это хорошенько въ себѣ переработать и будьте съ нимъ какъ можно терпѣливѣе. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ даровъ природы заключается именно въ этой апатіи, которая составляетъ какъ бы сонъ души. Ограниченные люди и животныя постоянно вкушаютъ его и потому вовсе не способны приходить въ то возбужденное состояніе, которое ставитъ въ опасность самую жизнь человѣка. Но иногда природа, сжаливаясь надъ людьми высшаго разряда, наводитъ и на нихъ апатію. Что касается до Роланда, то вы не прежде, какъ когда онъ начнетъ выходить изъ этого состоянія полусна, постарайтесь доказать ему, что все это вовсе не такъ ужасно, какъ кажется ему теперь. Во всемъ этомъ много такого, что бросается въ глаза, но въ сущности, гдѣ же нѣтъ зла, часто вовсе не уступающаго тому, о которомъ теперь идетъ рѣчь? Помните ли вы, какъ я, при вашемъ вступленіи въ этотъ домъ, спрашивалъ у васъ, давно ли вы начали вѣрить въ существованіе зла?

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно, а докторъ все съ возрастающей развязностью продолжалъ:

— Ну вотъ, зло теперь передъ вами, но вы вслѣдствіе этого не падаете духомъ. Вы себя отлично вели, пока вѣрили въ чистоту человѣческой души, и я убѣжденъ, что вы останетесь попрежнему сильны и мужественны, несмотря на перемѣну, происшедшую въ вашихъ вѣрованіяхъ. Да, капитанъ, мы думаемъ быть учителями, а на дѣлѣ выходитъ, что мы ученики. Знаете ли что̀ меня всего болѣе возмущаетъ во всей этой исторіи?

— Откуда же мнѣ это знать?

— Меня зло беретъ, когда я смотрю на сытое, самодовольное, снаружи изукрашенное разнаго рода приличіями общество, гдѣ каждый думаетъ о себѣ: «Ахъ, какое я прекрасное существо въ сравненіи съ этимъ злодѣемъ!» А между тѣмъ вся гнусность, заключающаяся въ торговлѣ невольниками, отличается отъ множества ежедневно совершаемыхъ въ мірѣ гадостей развѣ только

тѣмъ, что она дѣйствуетъ откровеннѣе и потому больше всѣмъ бросается въ глаза. Золотая молодежь въ жокей-клубѣ, безъ сомнѣнія, тоже не отстаетъ отъ другихъ въ своихъ нападкахъ на Зонненкампа, а сама-то она что̀ дѣлаетъ? Сотни разнаго рода промысловъ, которыми въ мірѣ промышляютъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, граничатъ съ преступленіями. Во мнѣ еще не умеръ прежній теологъ, и я говорю, что подобно тому, какъ нѣкогда Содомъ могъ быть спасенъ, еслибъ въ немъ обрѣлось извѣстное количество праведниковъ, такъ точно и нынѣ міръ держится немногими находящимися въ немъ добродѣтельными людьми. Солнце сіяетъ только ради нѣсколькихъ праведниковъ, а затѣмъ душа каждаго человѣка представляетъ изъ себя настоящій Содомъ. Но въ тоже время въ немъ непремѣнно таится и частица добра, въ силу которой онъ и живетъ.

Эрихъ и князь въ недоумѣніи смотрѣли на доктора. Они до сихъ поръ еще не знали его съ этой стороны. А въ сосѣдней комнатѣ Роландъ съ отчаяніемъ потиралъ себѣ лобъ, не понимая къ чему клонилось все слышанное имъ.

Докторъ, повидимому, остался доволенъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на своихъ слушателей и продолжалъ, если возможно, еще громче прежняго:

— Что до меня касается, то я питаю къ господину Зонненкампу глубокое уваженіе.

Онъ на минуту остановился, потомъ продолжалъ:

— Этотъ Зонненкампъ, или, пожалуй, Банфильдъ отлично себя держалъ. Онъ не хотѣлъ склонить головы передъ знатью, тогда какъ—сдѣлай онъ это, и тайна его навсегда осталась бы сокрытой. Что̀ онъ не хотѣлъ никому подчиниться, доказываетъ въ немъ присутствіе силы, выходящей изъ ряда обыкновенной. А я еще вдобавокъ ко всему этому вовсе не чувствую себя зараженнымъ сантиментальной горячкой. Эти негры не могутъ быть моими братьями. Люди чернаго цвѣта не имѣютъ въ жизни никакого высшаго назначенія; они уже по самому сложенію своему, происходя изъ жаркаго климата, способны только къ низшаго разряда работѣ. Невольничество вовсе не такая ужасная вещь, и право не дурно было бы, еслибъ и мы имѣли въ нашемъ услуженіи рабовъ. Когда люди, будучи слугами, лишены возможности разыгрывать изъ себя господъ, они тѣмъ усерднѣе работаютъ. Съ другой стороны тогда и господамъ легче о нихъ заботиться и устраивать ихъ благосостояніе. Не разъ приходило мнѣ въ голову, что̀ еслибъ наши слуги и служанки какимъ-нибудь чудомъ вдругъ были бы превращены въ негровъ? Сначала это озадачило бы насъ, но потомъ безъ сомнѣнія все обошлось

бы какъ нельзя лучше. Нѣтъ ужъ, извините, что до меня касается, то я покорно благодарю за родство, которое мнѣ навязываютъ съ этими черными братьями. А можете вы себѣ представить живописца негра? Онъ на себя и въ зеркало-то не посмѣетъ взглянуть! Хороши также были бы государственные люди и профессора изъ негровъ!

Эрихъ не могъ придти въ себя отъ изумленія и негодованія. Онъ хотѣлъ возражать, но докторъ не допустилъ его и продолжалъ:

— Не давайте развиться въ Роландѣ болѣзненной чувствительности. Вы, какъ ученый, должны знать разсказъ.... кажется о римскомъ императорѣ, который пріобрѣлъ несмѣтныя богатства торговлей невольниками. Сынъ его, взявъ одну изъ пріобрѣтенныхъ этимъ путемъ золотыхъ монетъ, поднесъ ее къ носу и спросилъ: num olet? Роландъ конечно не долженъ продолжать торговли невольниками: это во всякомъ случаѣ не хорошее и грязное дѣло, но то, что уже случилось, ни подъ какимъ видомъ не должно портить его жизни. Онъ имѣетъ полное право на наслѣдство отца, а о томъ, какимъ образомъ оно пріобрѣтено, ему не слѣдъ заботиться.... да, онъ имѣетъ полное право на наслѣдство! повторилъ докторъ, еще болѣе возвысивъ голосъ.

Тутъ только Эрихъ догадался, что докторъ говорилъ все это вовсе не для него и не для русскаго князя.

Докторъ зналъ, что Роландъ находится въ сосѣдней комнатѣ, и рѣчь его была обращена исключительно къ нему. Эрихъ понялъ, что ему не слѣдовало противорѣчить и тѣмъ самымъ мѣшать доктору, который явно старался сильнымъ пріемомъ противоядія уничтожить въ сердцѣ юноши дѣйствіе принятаго имъ передъ тѣмъ яда.

Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ патеръ.

— А, милости просимъ, воскликнулъ докторъ: добро пожаловать. Я только что подвизался на полѣ вашей дѣятельности, и вы какъ нельзя болѣе кстати явились мнѣ помочь.

Онъ въ нѣсколькихъ словахъ передалъ патеру содержаніе своей предъидущей рѣчи, но къ удивленію своему вмѣсто поддержки встрѣтилъ въ немъ противорѣчіе.

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія, сказалъ патеръ. Вы, господа философы, толкующіе о самоуправленіи человѣка.... Вспомните, капитанъ, что я вамъ говорилъ при вашемъ пріѣздѣ сюда.... Вы всѣ или гордецы, или трусы. Вамъ не достаетъ нравственнаго равновѣсія, потому что вы лишены въ жизни твердой точки опоры.

Эрихъ, воздержавшійся отвѣчать доктору, приготовлялся рѣзко

возразить патеру, какъ вдругъ дверь сосѣдней комнаты растворилась, и на порогѣ ея появился Роландъ.

— Нѣтъ, докторъ, воскликнулъ онъ, вы меня не убѣдили.... я знаю.... понимаю.... А съ вами, патеръ, мнѣ не приходится спорить, но позвольте мнѣ только во всеуслышаніе объявить, что я никого не допущу оскорблять моего друга, моего брата, моего дорогого Эриха. Онъ далъ мнѣ твердую точку опоры въ жизни, возбудивъ во мнѣ вѣру въ долгъ и въ стремленіе къ добру и къ дѣятельности. Я ради него столько же, сколько ради самого себя докажу, на что я еще способенъ въ жизни.

Русскій князь горячо обнялъ Роланда, а докторъ, взявъ патера за руку, поспѣшилъ увести его изъ комнаты.

— Не мѣшайте имъ, шепнулъ онъ ему на ухо. Для юноши насталъ спасительный кризисъ. Пожалуйста, пойдемте прочь отсюда.

И онъ почти силою увлекъ за собой патера.

Эрихъ и Роландъ еще долго сидѣли съ княземъ, а потомъ велѣли осѣдлать лошадей и поѣхали его провожать.

Дорогой имъ повстрѣчалась какая-то странная фигура, которую они не вдругъ узнали.

— Да это.... это.... такъ, я не ошибаюсь, это нашъ другъ Кнопфъ, внезапно воскликнулъ Роландъ.

То былъ дѣйствительно Кнопфъ, который бродилъ въ ночной темнотѣ, глубоко сокрушаясь о томъ, что ему такъ многое непонятно въ мірѣ. А между тѣмъ онъ такъ горячо любилъ все, что его окружало! Зачѣмъ это, думалъ онъ, свѣтъ такъ преисполненъ таинственности, такъ неподатливъ на изученіе! Что станется теперь съ Роландомъ? Кромѣ того Кнопфъ ощущалъ маленькую, самую крошечную, досаду на маіора, который повидимому его совсѣмъ забылъ. Конечно, ему не слѣдовало этимъ обижаться: посреди такой ужасной суматохи невозможно было обо всемъ помнить. Да и чѣмъ онъ, Кнопфъ, могъ бы быть полезенъ? Онъ такой неловкій и неуклюжій, а у нихъ есть капитанъ Дорнэ, баронъ Пранкенъ.... О посѣщеніи виллы княземъ Валеріаномъ Кнопфъ еще ничего не зналъ. Онъ задумчиво шелъ по дорогѣ, погруженный въ свои мысли и по временамъ поглядывалъ на звѣзды.

— Господинъ Кнопфъ! Господинъ Кнопфъ! Господинъ магистръ! вдругъ разомъ окликнули его три голоса. Онъ остановился. Роландъ соскочилъ съ лошади и обнимая своего бывшаго учителя, воскликнулъ:

— Ахъ, простите меня.... забудьте, что я вамъ сдѣлалъ! Я

уже давно собирался вамъ это сказать, гораздо прежде.... на этомъ послѣднемъ словѣ голосъ Роланда внезапно оборвался.

— Я уже давно тебя простилъ, давно все забылъ. Но какимъ образомъ ты.... вы всѣ здѣсь очутились?

Вскорѣ все объяснилось. Кнопфъ положилъ руку на плечо Роланда и долго держалъ ее тамъ, точно желая сообщить юношѣ часть своей собственной силы. Слушая разсказъ о томъ, какъ Роландъ мало-по-малу начиналъ свыкаться съ своимъ тяжелымъ положеніемъ, онъ усердно прижималъ очки къ глазамъ и то и дѣло ихъ протиралъ. Затѣмъ онъ крѣпко пожалъ Эриху руку, точно желая ему сказать: ты можешь быть счастливъ и спокоенъ: тебѣ удалось вооружить юношу настоящей силой.

На прощанье Роландъ сталъ упрашивать Кнопфа, чтобъ тотъ вернулся домой на его пони. Кнопфъ долго отговаривался, увѣряя, что ничто не можетъ быть для него пріятнѣе ночной прогулки пѣшкомъ. Но Роландъ настаивалъ, говоря, что его Пукъ самое кроткое, умное и послушное животное въ мірѣ.

— Оправдай на дѣлѣ мои похвалы, добрая лошадка, сказалъ онъ, трепля ее по спинѣ, загладь своимъ хорошимъ поведеніемъ все зло, которое я сдѣлалъ моему бывшему учителю.

Кнопфъ попробовалъ еще отговориться и наконецъ признался, что у панталонъ его не было штрипокъ. Всѣ расхохотались, не исключая и Роланда. Послѣднее обстоятельство несказанно обрадовало Кнопфа, который вслѣдъ затѣмъ пересталъ сопротивляться желанію своего бывшаго воспитанника. Роландъ помогъ ему сѣсть на лошадку, а потомъ нѣжно погладилъ ему руку и потрепалъ по спинѣ Пука.

Кнопфъ и князь Валеріанъ поѣхали въ Маттенгеймъ. Эрихъ тоже болѣе не садился на лошадь, а ведя ее за узду, рука въ руку съ Роландомъ пошелъ обратно на виллу.

Дорогой Эрихъ, подъ вліяніемъ недавно слышанныхъ отъ доктора словъ, съ жаромъ распространился на счетъ разлада, водворившагося въ цѣломъ мірѣ отъ того, что въ немъ ни государственныя, ни частныя дѣятельности не достаточно опредѣлены и разграничены нравственными законами. Роланду необходимо было успокоиться, но не съ помощью средства, предписаннаго докторомъ, которое впрочемъ юноша и самъ отвергнулъ. Ему надлежало укрѣпиться въ сознательномъ взглядѣ на жизнь, гдѣ всякій долженъ бороться за свое существованіе, помня, что нравственные законы не могутъ стоять отдѣльно отъ избранной себѣ человѣкомъ дѣятельности, но всегда должны быть въ тѣсной съ нею связи.

Роландъ слушалъ молча и только по временамъ все крѣпче и крѣпче сжималъ руку своего учителя.

Подходя къ виллѣ, Роландъ сказалъ:

— Ахъ, Эрихъ, домъ нашъ снова ограбленъ, но совсѣмъ иначе, чѣмъ въ тотъ разъ, когда мы съ тобой возвращались изъ Вольфсгартена.

Слова доктора и Эриха еще не произвели на Роланда желаемаго дѣйствія, котораго слѣдовало ожидать впереди. Они пока заставили юношу только высказаться и тѣмъ уже немного облегчить свое горе.

ГЛАВА XIV.

НОВАГО РОДА ПОЗОРЪ, ИСПЫТАННЫЙ ПЕРЕДЪ ДВЕРЯМИ ЦЕРКВИ.

Воробьи съ громкимъ щебетаніемъ кружились надъ виллой Эдемъ, надъ тюрьмой не подалеку отъ жилища мирового судьи и надъ кровлей дома, гдѣ помѣщалось въ столицѣ военное казино̀. Всюду только и было толку, что о Зонненкампѣ, о томъ что̀ съ нимъ уже случилось и что̀ еще ожидало его впереди.

Въ нижнемъ этажѣ виллы Эдемъ, въ комнатѣ близъ кухни снова собралась обѣдать вся прислуга Зонненкампа. Только мѣсто Бертрама оставалось никѣмъ не занятое.

За столомъ шелъ оживленный разговоръ. Кто-то между прочимъ упомянулъ о кастелянѣ, который хотя и принужденъ былъ стереть со стѣны парка надпись, тѣмъ не менѣе уже объявилъ хозяину о своемъ намѣреніи отъ него отойти. Шефъ, въ-сердцахъ всегда какъ нельзя лучше изъяснявшійся по-нѣмецки, съ ожесточеніемъ напалъ на безстыдство и дерзость слугъ, которые ни съ того ни съ сего покидаютъ своихъ господъ, тогда какъ имъ въ сущности ни о чемъ не приходится заботиться, кромѣ аккуратной выдачи имъ жалованья. Бочаръ, сынъ ловчаго Клауса, горячо сталъ оспаривать это мнѣніе. Честь господъ, говорилъ онъ, отражается и на слугахъ. Но въ настоящемъ случаѣ онъ находилъ, что Зонненкампа не слѣдовало покидать. Въ этомъ человѣкѣ, рядомъ съ дурнымъ, было кое-что и хорошаго. Іозефъ, личное мнѣніе котораго въ качествѣ довѣреннаго слуги Зонненкампа, не могло имѣть никакого вѣса въ глазахъ его товарищей, былъ очень радъ, что бочаръ самъ такъ хорошо понялъ въ чемъ дѣло и объяснилъ его другимъ.

Второй кучеръ, англичанинъ, который тоже было собирался просить объ увольненіи его отъ занимаемой должности, объя-

вилъ, что теперь онъ останется, но только жаловался на то, что ему почти вовсе не придется сходить съ козелъ.

Садовникъ Бѣлка сокрушался, что вся страна вдругъ сдѣлалась какъ бы жертвой дьявольскаго навожденія. Лутцъ былъ усланъ—куда, никто не зналъ. Урсула горько оплакивала судьбу несчастныхъ дѣтей, что однако ей не мѣшало ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Она вообще никогда не произносила трогательныхъ рѣчей иначе, какъ съ полнымъ ртомъ.

Но въ подземномъ царствѣ всѣ единодушно разсыпались въ похвалахъ Пранкену. Трудно найти другого, подобнаго ему дворянина, говорили слуги. Онъ ни на минуту не покидаетъ барина, выѣзжаетъ съ нимъ посреди бѣлаго дня и нисколько не заботится о томъ, что о немъ скажутъ его знатные собратья.

Здѣсь было также хорошо извѣстно и объ отношеніяхъ Зонненкампа къ государственному совѣтнику. Всѣ знали, что дача, которую послѣдній недавно пріобрѣлъ по сосѣдству, была ему подарена богатымъ американцемъ, такъ какъ заплаченная за нея изъ приличія сумма равнялась развѣ той, какую обыкновенно даютъ на водку. Садовникъ съ дачи государственнаго совѣтника разсказывалъ, что она нарочно, въ видѣ злой шутки надъ Зонненкампомъ, была на дняхъ продана американскому консулу. Семейство государственнаго совѣтника не хотѣло болѣе имѣть ничего общаго съ обитателями виллы Эдемъ.

Судьба Зонненкампа точно также обсуживалась и въ военномъ казино и во всѣхъ пивныхъ лавочкахъ столицы. Главнымъ предметомъ разговора тамъ долгое время былъ герцогскій негръ Адамъ. О немъ разсказывались чудеса, такъ напримѣръ, что пять человѣкъ едва могли его сдержать, когда онъ въ припадкѣ бѣшенства бросился на Зонненкампа, котораго во чтобы то ни стало хотѣлъ задушить. Его съ большимъ трудомъ наконецъ успѣли удалить изъ столицы и теперь онъ находится въ загородномъ дворцѣ. О самомъ Зонненкампѣ также не мало было толковъ. Всѣ старались разрѣшить вопросъ, что станетъ онъ теперь дѣлать, и не могли надивиться на Пранкена, который продолжалъ свои дружескія сношенія съ его семьей. Въ военномъ казино была также своего рода кухарка Урсула въ лицѣ стараго отставного чиновника съ большимъ чиномъ. Онъ тоже чрезвычайно много ѣлъ и съ большимъ состраданіемъ говорилъ о бѣдныхъ дѣтяхъ милліонера.

Толки о Зонненкампѣ имѣли совсѣмъ особенный характеръ въ домѣ доктора Рихардта, гдѣ по случаю пріѣзда госпожи Вейдеманъ давался большой завтракъ съ кофе. Приготовленія къ нему дѣлались уже въ теченіи нѣсколькихъ дней, и на него въ

числѣ другихъ были приглашены также и профессорша, тетушка Клавдія, Церера и Манна, но онѣ конечно не пріѣхали. На этомъ завтракѣ всѣ совѣщались о томъ, какъ имъ теперь слѣдуетъ себя держать въ отношеніи къ семьѣ Зонненкампа, если онъ будетъ имѣть дерзость еще долго остаться въ странѣ.

Лина, недавно возвратившаяся изъ своей свадебной поѣздки, во всеуслышаніе объявила о своемъ намѣреніи не прекращать сношеній съ виллой Эдемъ и по прежнему оставаться другомъ Манны. Тамъ, говорила она, гдѣ профессорша не считаетъ для себя унизительнымъ оставаться, всякій можетъ бывать безопасно для своей чести.

Госпожа Вейдеманъ, а за ней и всѣ другіе вполнѣ одобрили Лину.

Затѣмъ госпожа Вейдеманъ съ большой похвалой отозвалась о Роландѣ, незадолго передъ тѣмъ бывшемъ у нея въ гостяхъ, и объ Эрихѣ, о которомъ мужъ ея былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія.

Такъ, общество мало-по-малу какъ-будто начинало снисходительнѣе смотрѣть на обитателей виллы Эдемъ. Только въ виноградномъ домикѣ на слѣдующій день оказались печальныя послѣдствія недавнихъ событій.

Всѣ нуждающіеся, получавшіе еженедѣльное вспомоществованіе отъ Зонненкампа, обыкновенно каждое воскресенье являлись къ профессоршѣ за часъ до обѣдни. На этотъ разъ пришла только одна женщина, чрезвычайно бѣдно и небрежно одѣтая. То была жена отъявленнаго пьяницы, постоянно жаловавшаяся на свою горькую участь и на печальную судьбу двухъ малютокъ, изъ которыхъ одна была у нея на рукахъ, а другая держалась за ея передникъ.

Профессорша долго не рѣшалась что-либо давать этой женщинѣ, изъ опасенія еще болѣе развратить ея пьяницу мужа. Наконецъ, она сдалась на убѣжденія фрейленъ Милькъ, но всегда старалась какъ можно скорѣе отпускать отъ себя женщину, которая напротивъ любила поболтать. На этотъ разъ профессорша волей-неволей принуждена была вступить съ ней въ разговоръ, такъ какъ она пришла одна.

— Да, да, все такъ идетъ въ жизни! говорила женщина. Странныя право вещи совершаются на свѣтѣ. Мой мужъ дѣлаетъ несчастными своихъ жену и дѣтей тѣмъ, что ихъ разоряетъ, а господинъ Зонненкампъ составляетъ несчастіе своей семьи тѣмъ, что ее черезъ мѣру обогащаетъ. Чудеса да и только!

Затѣмъ женщина начала клясться и божиться, что еслибъ не

крайняя нужда, она ни за что не стала бы брать денегъ человѣка, торговавшаго людьми.

«А моему сыну предстоитъ обогатиться деньгами этого человѣка», съ тоской думала профессорша, оставшись одна и прислушиваясь къ гудѣвшему въ воздухѣ церковному колоколу.

Она долго сидѣла, погруженная въ печальныя думы, какъ вдругъ въ комнату вошелъ Эрихъ, восклицая:

— Ахъ, матушка, новая бѣда!

— Новая? Что еще случилось?

— Онъ былъ дерзокъ и упрямъ, и несмотря ни на какія убѣжденія отправился съ Пранкеномъ въ церковь.

— Кто такой?

— Зонненкампъ. Народъ толпами ожидалъ его у выхода изъ церкви и когда онъ показался, съ любопытствомъ устремилъ на него взоръ. Онъ подошелъ къ одному бѣдняку и подалъ ему золотую монету. Бѣднякъ оттолкнулъ отъ себя деньги и воскликнулъ: «Я ничего отъ тебя не хочу!» И всѣ за нимъ повторили: «Мы ничего отъ тебя не хотимъ! Избавь насъ только отъ своего присутствія и уѣзжай отсюда прочь!» Зонненкампъ ушелъ, а золотая монета и до сихъ поръ лежитъ у церкви, гдѣ никто не хочетъ ее поднять. Ахъ, матушка, народъ въ одно и тоже время великъ и ужасенъ!

— Откуда ты это знаешь? Ты тоже былъ въ церкви и самъ все видѣлъ?

— Нѣтъ, но мнѣ разсказали Манна и Роландъ. Они теперь сидятъ въ саду и плачутъ. Я поспѣшилъ къ тебѣ, зная, что ты одна можешь ихъ утѣшить. Помоги имъ, ободри ихъ.

— Я болѣе не въ силахъ это сдѣлать, возразила профессорша. Я сама чувствую непреодолимую слабость и боюсь, ужъ не больна ли я.

Эрихъ позвалъ къ матери тетушку Клавдію, а самъ вернулся къ Роланду и Маннѣ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда въ виноградный домикъ былъ приглашенъ докторъ Рихардтъ. Профессорша дѣйствительно захворала.

ГЛАВА XV.

БЛАГОДѢТЕЛЬНАЯ БОЛЬНАЯ.

Та, на которую всѣ полагались, къ которой всѣ прибѣгали за совѣтомъ и утѣшеніемъ, теперь сама лежала въ опасности и нуждалась въ помощи и заботливомъ уходѣ. Всѣ обитатели виллы, кто благодаря молодости, кто гордости, кто равнодушію, начинали мало-по-малу свыкаться съ своимъ тягостнымъ положеніемъ, одна профессорша не могла съ нимъ примириться и день и ночь терзалась имъ.

Эрихъ уже давно примѣчалъ, что съ матерью его что-то не ладно. Онъ былъ особенно пораженъ тѣмъ, какъ она приняла его, когда онъ, рука въ руку съ Манной, явился объявить ей о своей помолвкѣ съ молодой дѣвушкой. Сквозь всю откровенность профессорши проглядывала какая-то сдержанность, она почти хотѣла и не могла высказаться, но Эрихъ тогда приписалъ все это неожиданности. Мать его никогда ни къ кому не обращалась за помощью, но всегда помогала другимъ и этимъ самымъ какъ бы обновляла свои собственныя силы.

Но съ того дня, какъ фрейленъ Милькъ довѣрила ей страшную тайну, энергія профессорши видимо стала ей измѣнять. Она только механически исполняла то, что прежде составляло для нея настоящую потребность.

Она съ того дня дала себѣ слово не поддаваться привычкѣ къ роскоши, которою Зонненкампъ съ свойственнымъ ему тщеславіемъ охотно распространилъ бы на нее. Она начала смотрѣть на свое пребываніе въ виноградномъ домикѣ, какъ на временное, и утратила всякую способность находить удовольствіе въ тѣхъ предметахъ, которые ее окружали. Ежечасно ожидая сигнала къ отъѣзду, она постоянно находилась на сторожѣ, а всѣ ея вещи, казалось ей, только и ждали того, чтобъ ихъ уложили и приготовили къ перевозкѣ.

Во всей ея предъидущей жизни профессоршѣ никогда не приходилось испытывать раскаянія. Она не сдѣлала до сихъ поръ ни одного проступка, за который могла бы себя упрекать, или который могла бы пожелать загладить. Теперь же она никакъ не могла отдѣлаться отъ горькаго сознанія, что сдѣлала ошибку.

Зачѣмъ она такъ необдуманно присоединилась къ этому загадочному семейству?

Она находилась въ лихорадочномъ, возбужденномъ состояніи,

гдѣ горе и радость представлялись ей въ какихъ-то фантастическихъ, чудовищныхъ размѣрахъ.

Взаимная любовь Эриха и Манны, которая при другихъ обстоятельствахъ не преминула бы сдѣлаться для нея источникомъ счастія, теперь была встрѣчена ею съ какимъ-то точно вынужденнымъ участіемъ. Затѣмъ оскорбленіе, нанесенное ей Беллой, поразивъ ее въ самое сердце, нашло ее уже совершенно беззащитной. Ей мало-по-малу начало казаться, что все, что съ ней самой совершилось, не имѣло прямого отношенія къ ней, но гораздо болѣе касалось какого-то другого, посторонняго лица.

Она жила въ странномъ разладѣ съ самой собою, но никому не жаловалась, таила все въ себѣ, надѣясь одна справиться съ тѣмъ, что заставляло ее такъ сильно страдать. Она и не подозрѣвала, что въ ней гнѣздилось внутреннее разстройство, которое ожидало только маленькаго толчка, чтобъ выдти наружу. Толчокъ этотъ былъ данъ отказомъ бѣдныхъ принимать пособіе изъ ея рукъ. Ею овладѣла нестерпимая тоска, и она почти не допускала возможности, чтобъ ея единственное дитя, ея возлюбленный сынъ могъ породниться съ этой семьей.

Докторъ засталъ профессоршу въ сильномъ лихорадочномъ припадкѣ. Онъ прописалъ ей успокоительное лекарство, но еще болѣе помогъ ей разсужденіемъ, которое высказалъ ей въ присутствіи Эриха, Манны и Роланда. Профессорша жаловалась, что она до сихъ поръ не знала до какой степени человѣкъ можетъ сдѣлаться жертвой, какъ внѣшняго такъ и внутренняго разлада въ жизни. Докторъ съ улыбкой возразилъ ей, что внутренній міръ дѣйствительно далеко не у всѣхъ людей такъ благоустроенъ, какъ у нея. И указавъ на Зонненкампа, онъ прибавилъ, что существуютъ своего рода особенные нравственные климаты, воспитывающіе необыкновенныя организаціи, которыя, будучи поставлены въ одни условія съ нашими будничными натурами, совершенно естественно не могутъ ужиться съ ними.

Ни съ кѣмъ нераздѣляемыя, хранимыя про себя тревоги и волненія и напряженное состояніе духа, стремившагося къ постоянному общенію съ ея покойнымъ мужемъ, до того истощили профессоршу, что близкіе ея не безъ основанія начали опасаться за благопріятный исходъ ея болѣзни. Малѣйшаго повода, казалось, достаточно было бы, чтобъ внезапно погасить безпокойно и уже слабо горѣвшій свѣтильникъ ея жизни.

Эрихъ, Манна и Роландъ окружили профессоршу самымъ тщательнымъ уходомъ. Въ заботахъ о ней имъ удалось забыть собственное горе. Докторъ однажды, позвавъ Эриха въ библіотеку, сказалъ ему:

— Ваша матушка не могла придумать ничего умнѣе, какъ захворать именно теперь. Ея болѣзнь пришлась какъ нельзя болѣе кстати. Благодаря ей, вы всѣ снова оправитесь и встанете на ноги.

Зонненкампъ тоже выказывалъ большое участіе къ профессоршѣ, но въ душѣ сердился на ея болѣзнь. Теперь не время хворать, думалъ онъ. Всѣ напротивъ, должны быть сильны и здоровы, чтобъ противостоять бурѣ. Но черезъ нѣсколько дней онъ не только примирился съ болѣзнью профессорши, но даже нашелъ ее весьма для себя удобной. Она давала ему время, необходимое для того, чтобъ хорошенько обдумать свое положеніе. Даже самая смерть ея врядъ ли бы теперь огорчила его, такъ какъ безъ сомнѣнія произвела бы нѣкоторое впечатлѣніе на умы и тѣмъ самымъ, хотя на время, отвлекла бы отъ него общественное вниманіе.

Фрейленъ Милькъ не допустила Манну исключительно посвятить себя профессоршѣ, но настояла на томъ, чтобъ раздѣлить съ ней ея труды и заботы. И надо отдать справедливость доброй старушкѣ: никто не умѣлъ такъ, какъ она, ухаживать за больными.

Маіоръ за это время точно осиротѣлъ. Онъ печально скитался по окрестности, думая о страшной тайнѣ, раскрытіе которой поразило его почти также сильно, какъ собственныхъ дѣтей Зонненкампа.

— Свѣтъ правъ, то-есть фрейленъ Милькъ права, часто повторялъ онъ. Не даромъ увѣряла она меня, что я плохой знатокъ человѣческаго сердца. Ея слова оправдались на дѣлѣ.

Наконецъ маіоръ нашелъ хорошій исходъ для своей тоски, а именно рѣшился поѣхать на два дня въ Маттенгеймъ къ Вейдеману.

ГЛАВА XVI.

ЧЕРНАЯ ВОЛНА.

Въ воскресенье вечеромъ толпы народа покрывали улицу, спускались съ виноградныхъ горъ и переправлялись черезъ рѣку. Всѣ повидимому стремились къ одной опредѣленной цѣли.

Въ тоже самое время Зонненкампъ, укутавшись въ плащъ, сидѣлъ на плоской крышѣ своего дома. Онъ смотрѣлъ на дальній ландшафтъ, у него рябило въ глазахъ и кружилась голова. Вставъ и подойдя къ периламъ, онъ на мгновеніе возъимѣлъ

сильное желаніе ринуться внизъ и разомъ положить конецъ своимъ тяжелымъ мыслямъ. Онъ быстро отступилъ назадъ и сѣлъ на прежнее мѣсто, гдѣ его вскорѣ застигла ночь.

Вдругъ у ногъ его раздался страшный шумъ, гамъ, крикъ и свистъ, точно внезапно разверзлись двери ада и всѣ злые духи вырвались изъ него на свободу. Зонненкампъ быстро приподнялся. Что это? Онъ ясно слышалъ шумъ, который не могъ быть игрой его воображенія, но дѣйствительно доносился до него съ низу. Онъ взглянулъ на улицу и при свѣтѣ мелькавшихъ въ ней факеловъ увидѣлъ странныя фигуры съ черными лицами. Откуда онѣ взялись? Не могли же онѣ явиться сюда изъ-за моря?

— Пусть онъ немедленно отсюда уѣзжаетъ!

— Да, да, обратно, къ своимъ неграмъ!

— Мы его стащимъ сюда и тоже начернимъ ему лицо!

— А потомъ привяжемъ его къ черному коню и повеземъ по странѣ, восклицая: смотрите на него, вотъ онъ!

И снова поднялся страшный свистъ, трескъ и удары въ сковороды и горшки. Шумъ былъ по истинѣ адскій.

Въ воображеніи Зонненкампа живо рисовалась картина изъ его прошлаго. Онъ видѣлъ человѣка, нагого, вымазаннаго смолой и облѣпленнаго перьями, котораго водили по улицамъ, а зрители съ ругательствами осыпали его гнилыми яблоками и кочарыжками. Вина этого человѣка заключалась въ томъ, что онъ старался возмутить негровъ противъ ихъ владѣльцевъ. Затѣмъ сцена перемѣнилась и передъ глазами Зонненкампа воздвиглась висѣлица, на которой качался трупъ Джона Броуна.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, а вслѣдъ за нимъ послышался голосъ Пранкена.

— Стрѣляйте по этимъ собакамъ! гнѣвно кричалъ онъ. Я беру на себя всю отвѣтственность.

Но выстрѣлъ не повторился, а шумъ въ низу усилился, послышался трескъ, ворота раскрылись и во дворъ хлынула толпа людей съ черными лицами.

— Онъ заслуживаетъ того, чтобъ мы его задушили!

— Гдѣ онъ?

— Давайте его сюда, а не то мы здѣсь все поломаемъ и разобьемъ!

Зонненкампъ быстро сошелъ съ крыши и поспѣшилъ на балконъ, гдѣ услышалъ голосъ Эриха, старавшагося усмирить толпу.

— Или вы не люди? говорилъ онъ. Не нѣмцы? Кто поставилъ васъ судьями? Говорите! вы отъ меня получите отвѣтъ.

Вы сами накликаете на себя бѣду. Въ томъ мало толку, что вы изъ предосторожности вымазали себѣ лица: васъ все-таки разыщутъ и всѣхъ узнаютъ. Завтра явится сюда настоящій судья и всѣхъ васъ призоветъ къ отвѣту.

— Капитану не будетъ сдѣлано никакого вреда! раздался одинъ голосъ изъ толпы.

Эрихъ продолжалъ:

— Если между вами есть хоть одинъ человѣкъ, знающій чего вы хотите, то пусть онъ выйдетъ и говоритъ за всѣхъ.

Изъ толпы выдѣлился человѣкъ съ намазаннымъ сажей лицомъ и сказалъ:

— Господинъ капитанъ, я ловчій Клаусъ. Позвольте мнѣ съ вами поговорить. Во всѣхъ этихъ ребятахъ бродитъ молодое вино, я одинъ только не пьянъ, прибавилъ онъ, съ трудомъ ворочая языкомъ.

— Чего же они хотятъ?

— Они требуютъ, чтобъ господинъ Зонненкампъ, или какъ тамъ его зовутъ, убрался изъ нашей мѣстности туда, откуда пріѣхалъ.

— Да, да! подтвердила вся толпа.

— Пусть онъ отсюда уѣдетъ, но прежде возвратитъ мнѣ мой лугъ.

— А мнѣ мой виноградникъ на горѣ!

— А мнѣ мой домъ!

Ловчій быстро взбѣжалъ на лѣстницу и ставъ на площадкѣ рядомъ съ Эрихомъ, закричалъ:

— Если вы всѣ будете такъ орать и говорить всякій вздоръ, то я первый пойду противъ васъ и задушу всякаго, кто вздумаетъ сюда идти.

— Прочь его! кричала толпа.

— Зачѣмъ онъ не показывается?

Въ эту самую минуту Зонненкампъ появился на крыльцѣ. Свистъ, гамъ и шумъ возобновились съ прежней силой, въ воздухѣ начали летать камни, которые, попадая въ рамы, въ дребезги разбивали стекла.

Клаусъ бросился къ Зонненкампу и становясь передъ нимъ, сказалъ:

— Не бойтесь, я васъ собой прикрою.

Затѣмъ онъ, обращаясь къ толпѣ, хриплымъ голосомъ закричалъ:

— Если вы всѣ сейчасъ не замолчите и не перестанете дѣйствовать руками, я первый въ васъ выстрѣлю, пусть пуля моя попадаетъ въ виноватаго или невиннаго!

— Вы всѣ, здѣсь собравшіеся! громко воскликнулъ Зонненкампъ: что я вамъ сдѣлалъ?

— Людоѣдъ!

— Душепродавецъ!

— Душегубецъ! раздалось въ толпѣ.

— Но если бы это и дѣйствительно было такъ, кто далъ вамъ право меня судить?

— Прочь отсюда!

— Прочь изъ нашей страны!

— Господинъ Зонненкампъ и вы, капитанъ, поспѣшно проговорилъ ловчій, вы должны знать, что я примкнулъ къ этой дикой толпѣ только потому, что былъ не въ силахъ ее сдержать, но не бойтесь, я ее уведу по добру по здорову. Положитесь на меня и мы изо всей этой исторіи сдѣлаемъ святочную шутку. Господинъ капитанъ, скажите имъ что-нибудь, а вамъ, господинъ Зонненкампъ, я совѣтовалъ бы молчать.

— Друзья! началъ Эрихъ: оставьте въ покоѣ камни. Развѣ вы забыли великое слово: пусть тотъ, кто считаетъ себя безгрѣшнымъ, первый броситъ камень. Или вы полагаете, что никто изъ васъ не сдѣлалъ ничего...

— Мы не продавали людей... Душегубецъ! снова завопила толпа.

Эриху не пришлось докончить своей рѣчи. На площадкѣ появилась Манна съ двумя горящими свѣчами въ рукѣ. Ропотъ изумленія пробѣжалъ по толпѣ, а вслѣдъ затѣмъ настало мертвое молчаніе. Всѣ взоры были устремлены на молодую дѣвушку, которая стояла съ распущенными волосами, блѣдная, между тѣмъ какъ глаза ея метали молніи.

Роландъ, ставъ около Эриха, громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Убейте насъ, разорвите на части, закидайте каменьями, мы беззащитны!

— Дѣтямъ не будетъ сдѣлано никакого вреда!

— Но душепродавецъ долженъ отсюда уѣхать.

— Да, да, прочь его!

Шумъ снова усилился, толпа заколебалась, задніе ряды налегли на переднія и двинули ихъ впередъ. Стоявшая на площадкѣ лѣстницы группа невольно отступила назадъ.

Вдругъ въ дверяхъ показалась фигура женщины въ бѣломъ, съ сѣдыми волосами по плечамъ. Все мгновенно затихло и обратило взоры на профессоршу, которая казалась какимъ-то сверхъестественнымъ явленіемъ изъ другого міра. Профессорша спокойно приблизилась къ периламъ и поднявъ руки къ верху снова медленно опустила ихъ, точно благословляя или усмиряя бушую-

щія у ногъ ся пародныя волны. Вокругъ не слышно было ни малѣйшаго шороха. Всѣ притаили дыханіе и ждали, что будетъ. Профессорша яснымъ и твердымъ голосомъ произнесла:

— Если другіе согрѣшили, не причина, чтобъ и вы грѣшили. Воздержитесь сегодня, чтобы завтра не плакать.

Возвысивъ голосъ, она прибавила:

— Постарайтесь побѣдить врага въ самихъ себѣ!

Затѣмъ, положивъ руку на плечо Зонненкампа, профессорша сказала:

— Этотъ человѣкъ, который дѣлалъ также и добро, поступитъ съ вами великодушно и не станетъ васъ преслѣдовать. Я вамъ это обѣщаю. Вѣрите ли вы мнѣ?

— Да, да, мы вѣримъ профессоршѣ!

— Да здравствуетъ профессорша... ура! ура!

— Пойдемте домой... довольно!

У кого-то изъ толпы оказался барабанъ, на которомъ немедленно забили маршъ. Всѣ приготовились къ отступленію, какъ вдругъ послышался лошадиный топотъ, блеснули мѣдные шишаки, и на сцену явилась пожарная команда. Въ воздухѣ взвились водяныя струи и дождемъ разсыпались на буйную толпу. Съ другой стороны послѣдовало тоже самое. Іозефъ, видя что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, бросился къ главному садовнику и уговорилъ его пустить въ ходъ трубы, употребляемыя для орошенія сада. Вода съ обѣихъ сторонъ лилась потоками и обдавала свѣжей струей толпу, которая съ визгомъ, крикомъ, хохотомъ и ругательствами наконецъ рѣшилась разойтись.

Только группа на площадкѣ лѣстницы все еще оставалась тамъ.

— Матушка, сказалъ Эрихъ, ты, больная, пришла сюда! но вѣдь ты можешь отъ этого умереть!

— Нѣтъ, сынъ мой, и я, и ты, и всѣ вы, мы будемъ жить новой и чистой жизнью. Я болѣе не больна. То, что мнѣ удалось сдѣлать, меня спасло.

Изъ глазъ профессорши лились потоки мягкаго свѣта. Зонненкампъ снялъ съ себя плащъ и накинулъ его на плечи великодушной женщинѣ, которую подъ руки увели въ большую залу. Тамъ она сѣла, а всѣ другіе стоя расположились вокругъ нея, съ любовью и благоговѣніемъ смотря на нее, какъ на святую.

Манна опустилась передъ ней на колѣни и горькими слезами обливала ей руки.

— Теперь прошу васъ объ одномъ, сказала профессорша, дайте мнѣ покой. Волненіе мое прошло, не возбуждайте его снова. Я сама не знаю, какимъ образомъ до меня дошло извѣ-

стіе о томъ, что здѣсь происходило,—не знаю также и какъ я сюда пришла. Меня точно кто позвалъ, толкнулъ и привелъ къ вамъ. Все окончилось благополучно и вѣрьте мнѣ, мы снова будемъ счастливы. Господинъ Зонненкампъ, дайте мнѣ вашу руку, я хочу вамъ что-то сказать.

— Чего бы вы отъ меня ни потребовали, я заранѣе обѣщаюсь все исполнить.

— Вы непремѣнно должны что-нибудь сдѣлать для успокоенія умовъ.

— Я и сдѣлаю! Я созову судъ изъ людей, которыхъ вы мнѣ поможете выбрать, разскажу имъ всю свою жизнь и отдамъ въ ихъ руки свою судьбу.

— Это хорошая мысль. Мы завтра ее лучше обсудимъ. А теперь довольно, сказала профессорша. Манна, ступай къ твоей матери.

Молодая дѣвушка немедленно повиновалась.

Всѣ, собравшіеся въ этотъ день на виллѣ, поздно разошлись. Зонненкампъ настоялъ на томъ, чтобъ профессорша провела настоящую ночь въ его домѣ и велѣлъ приготовить для нея самую лучшую комнату. Эрихъ проводилъ туда свою мать и сидѣлъ у ея постели, пока она не заснула.

А тамъ внизу, у рѣки стояла толпа народа, омывая свои намазанныя черной краской лица и отрезвляясь отъ молодого вина. Въ эту ночь мимо виллы Эдемъ катилась въ Рейнѣ черная волна, которая влилась въ море и исчезла въ немъ...

Еслибъ и черное дѣло могло точно также быть вымыто и поглощено волнами вѣчности!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

ИЗГЛАЖЕННЫЕ СЛѢДЫ.

Садовники усердно скребли, мели и уравнивали дорожки въ паркѣ, подвязывали помятые кусты и вырывали тѣ, которые были совсѣмъ затоптаны. Въ это утро даже конюхи работали въ саду. А въ домѣ стекольщики съ позаранку начали вставлять разбитыя стекла, такъ чтобъ господа, проснувшись, не видѣли болѣе никакихъ слѣдовъ того, что произошло наканунѣ.

Всѣ въ домѣ въ это утро долго спали. Даже Манна и та не выходила изъ своей комнаты и въ первый разъ пропустила обѣдню. Ей въ предъидущій вечеръ пришлось многое испытать. Когда, по удаленіи толпы, она пришла къ матери, та встрѣтила ее криками:

— Они его непремѣнно вымажутъ смолой и облѣпятъ перьями. Вспомните мое слово, что они съ нимъ такъ поступятъ. Зачѣмъ только онъ самъ поѣхалъ и взялъ насъ къ своимъ врагамъ.

Церера заткнула себѣ уши, чтобъ ничего не слышать, а когда наконецъ Маннѣ удалось разсказать ей о томъ, какъ профессорша, подобно ангелу-хранителю, явилась посреди нихъ, она громко разсмѣялась и воскликнула:

— Отлично! Они здѣсь въ Европѣ позволяютъ собою управлять старымъ женщинамъ!

Манна умолкла и закрыла себѣ лицо руками. Ей уже давно во снѣ и на яву чудилась сцена, подобная той, какую она теперь недавно пережила. Стоя на площадкѣ лѣстницы и слушая дикіе возгласы пьяной толпы, она говорила самой себѣ, что это сонъ, который она уже не разъ видѣла, и утѣшала себя мыслью, что онъ не замедлитъ исчезнуть.

Любовь доказала ей тщету жертвы, какую она хотѣла принести для искупленія чужихъ грѣховъ, но въ тоже время дала ей понять, что въ ея власти возвысить и украсить существованіе любимаго человѣка. Но теперь въ душѣ молодой дѣвушки снова пробудились сомнѣнія. Она слышала адскій шумъ и въ ея собственномъ сердцѣ внезапно водворился адъ. «Ужъ не мое ли отступничество всему причиной? съ ужасомъ задавала она себѣ вопросъ. Останься я вѣрна своему первоначальному рѣшенію — и можетъ быть, ничего бы не случилось. Кто знаетъ, въ силу какого таинственнаго, сверхъ-естественнаго вліянія въ столицѣ раскрывалась страшная тайна въ тотъ самый часъ, когда я измѣняла своему обѣту?»

Манна мысленно старалась представить себѣ мучениковъ, которые, съ поникшей головой, смиренно допускали побивать себя каменьями. Но изъ хаоса всѣхъ ея терзаній и волненій снова выдѣлялся образъ Эриха, который протягивалъ ей руку помощи и звалъ ее къ себѣ. Ей казалось, что она чувствуетъ его прикосновеніе, и мало-по-малу успокоивалась.

Манна вернулась въ комнату, измученная этими постоянными переходами отъ счастія къ отчаянію. Она заснула поздно и на слѣдующее утро, противъ обыкновенія, не слышала призывнаго благовѣста въ церковь. Погруженная въ сладкій сонъ, она и не подозрѣвала, что была предметомъ горячаго разговора между Пранкеномъ и фрейленъ Пэрини.

Послѣ возвращенія своего изъ столицы, Пранкенъ еще сильнѣе прежняго сталъ ненавидѣть Эриха. Его особенно возмутило то обстоятельство, что князь Валеріанъ, а за нимъ и другіе посѣтители, являясь на виллу, шли прямо въ комнату къ учителю, доказывая тѣмъ самымъ, что смотрѣли на него какъ бы на центръ всей семьи. «Это не можетъ и не должно такъ продолжаться, говорилъ себѣ Пранкенъ: учителю необходимо указать его мѣсто.» Но событія предъидущей ночи, какъ нарочно, снова выдвинули впередъ эту ненавистную профессорскую семью. Презрѣнная чернь позволила себя усмирить старой, больной женщинѣ.

Пранкенъ угрюмо ходилъ по парку, потомъ направился къ церкви. Онъ рѣшился теперь же, не откладывая далѣе, на этой самой дорогѣ объясниться съ Манной, а затѣмъ приступить къ удаленію съ виллы учительской семьи. Долго ждалъ онъ, Манна все не шла: наконецъ на поворотѣ дорогѣ показалась фрейленъ Пэрини. Она была одна. Пранкенъ поклонился ей и освѣдомился о Маннѣ.

— А до меня самой вамъ и дѣла нѣтъ, колко возразила

фрейленъ Пэрини. Я имѣю вамъ сообщить нѣчто чрезвычайно интересное и важное, но вы, кажется, болѣе не считаете нужнымъ обо мнѣ заботиться.

— Напротивъ... напротивъ, но подумайте...

— Я думаю, что вы должны думать и обо мнѣ также. Повторяю, у меня есть важныя для васъ извѣстія.

— Пожалуйста, вы были всегда такъ добры...

— Слишкомъ добра, и потому вы такъ скоро меня забываете. Слушайте же: что вы сдѣлаете, если я вамъ докажу, что надменный учитель осмѣлился поднять глаза на вашу невѣсту?

Фрейленъ Пэрини засмѣялась, а Пранкенъ почти съ испугомъ на нее взглянулъ. Ему прежде никогда не приходилось слышать, чтобы она смѣялась такимъ образомъ. И странно, смѣхъ ея и при этомъ поворотъ головы живо напомнили ему маленькую Нелли. Онъ и досадовалъ на самого себя и находилъ забавнымъ, что такого рода мысль могла въ эту минуту придти ему въ голову.

— Ночная тревога, повидимому, очень хорошо на васъ подѣйствовала. Вы въ отличномъ расположенiи духа, попытался онъ пошутить. Вы мнѣ послѣ обѣдни все разскажете, а теперь уже въ третiй разъ звонятъ.

— О нѣтъ, извѣстiе мое такъ важно, что я, ради него, готова не идти въ церковь. Благотворительность освобождаетъ отъ....

— Благотворительность?

— Да.

И она разсказала ему, какъ видѣла Манну выходящею изъ комнаты Эриха, и какъ у нихъ въ виноградномъ домикѣ уже все было рѣшено. Кромѣ того, служанка профессорши донесла ей, что Манна хранила у себя брачный контрактъ, составленный въ библiотекѣ.

Пранкенъ недовѣрчиво покачалъ головой. Но фрейленъ Пэрини не ограничилась своимъ разсказомъ и стала домогаться отъ Пранкена прямого отвѣта на счетъ того, согласится ли онъ, въ случаѣ своей женитьбы на Маннѣ, отдать подъ монастырь виллу съ ея принадлежностями? Пранкенъ нетерпѣливо пожалъ плечами, а глаза фрейленъ Пэрини метнули молнiю, подобную той, какую она уже однажды, послѣ разговора съ Беллой, послала ей вслѣдъ. Она видѣла недостатокъ къ себѣ уваженiя Пранкена и пыталась ему досадить, требуя отъ него обѣщанiя, чтобъ онъ, въ случаѣ, если ея слова окажутся справед-

ливыми, вызвалъ капитана Дорнэ на дуэль и постарался его убить.

Пранкенъ казался смущеннымъ. Передъ нимъ воскресло воспоминаніе о странномъ предчувствіи, которое съ такой необычайной силой охватило его въ то время, когда онъ съ Эрихомъ ѣхалъ въ Вольфсгартенъ. Неужели предчувствію этому дѣйствительно суждено было сбыться? Пранкенъ старался оттолкнуть отъ себя эту мысль. Въ отвѣтъ фрейленъ Пэрини онъ сказалъ, что считаетъ дуэль невозможной,—такъ какъ она во всякомъ случаѣ приведетъ его къ потерѣ Манны. Если онъ самъ падетъ, то дѣло, конечно, само собой окончится, если же онъ убьетъ Эриха, то все-таки не получитъ Манны, такъ какъ она ни подъ какимъ видомъ не согласится выдти замужъ за человѣка, который изъ-за нея убилъ другого.

Фрейленъ Пэрини опустила глаза въ землю, стараясь скрыть насмѣшливую улыбку. Она именно того и хотѣла, чтобъ оба жениха были потеряны для Манны, которая тогда совершенно естественно бросится въ монастырь, какъ въ единственное остающееся ей на землѣ убѣжище.

Обѣдня между тѣмъ окончилась, и изъ церкви вышелъ патеръ. Фрейленъ Пэрини немедленно къ нему присоединилась, а Пранкенъ пошелъ обратно на виллу. Ему вскорѣ попались на встрѣчу докторъ и Эрихъ, которые о чемъ-то живо разговаривали.

Докторъ былъ въ своемъ обычномъ бодромъ и веселомъ настроеніи духа. Онъ говорилъ Эриху, что свѣжее виноградное сусло, имѣющее такой пріятный вкусъ, по мнѣнію старыхъ людей, заключаетъ въ себѣ цѣлебныя свойства, которыя не только укрѣпляютъ, но вполнѣ обновляютъ тѣло и веселятъ духъ. Отъ того-то заботливые о своемъ здоровьи люди и пьютъ его въ такомъ изобиліи. Докторъ увѣрялъ, что дѣйствіе хмѣля въ молодомъ винѣ въ самомъ дѣлѣ очень полезно. Тоже самое, прибавилъ онъ, можно сказать и о происшедшей нынче ночью тревогѣ: она во многихъ отношеніяхъ была полезна. Негодованіе окрестныхъ жителей, перейдя за черту справедливости, утратило бо́льшую часть своего значенія. Съ этой стороны ничего болѣе не оставалось бояться, а въ самомъ домѣ тоже явно насталъ кризисъ, послѣ котораго должна начаться новая жизнь. Ужъ одно то, что тамъ еще всѣ спали, служило хорошимъ признакомъ.

Увидѣвъ проходившаго мимо бочара, докторъ окликнулъ его и заставилъ себѣ снова разсказать, какъ все произошло наканунѣ вечеромъ. Его несказанно забавляло появленіе на мѣсто

дѣйствія пожарныхъ и садовыхъ трубъ. По словамъ бочара, пожарная команда, обязанная Зонненкампу за подарокъ отличнаго устройства пожарныхъ орудій, была мигомъ готова слѣдовать за посланнымъ съ виллы.

Немного далѣе они встрѣтили цѣлую группу поселянъ. То были выборные изъ окрестныхъ селъ и деревень, шедшіе къ Зонненкампу съ увѣреніями въ своей готовности защищать его отъ всякихъ новыхъ оскорбленій, лишь бы онъ согласился оставить безъ послѣдствій безпорядки предъидущей ночи.

Докторъ взялъ на себя передать Зонненкампу просьбу поселянъ, а имъ самимъ посовѣтовалъ придти снова въ слѣдующее воскресенье.

Затѣмъ Эрихъ и докторъ вернулись на виллу и къ немалому своему изумленію нашли профессоршу на террасѣ вмѣстѣ съ Манной. Докторъ весело пошутилъ надъ самимъ собой, говоря, что простой случай сплошь да рядомъ оказывается дѣйствительнѣе и умнѣе самой глубокомысленной науки. Онъ объявилъ профессоршу совсѣмъ здоровой.

Профессорша дѣйствительно выздоровѣла. Къ ней вернулось ея обычное самообладаніе, она снова ободрилась духомъ и стала спокойна. «Удивительно, говорила она, какъ благотворно дѣйствуетъ на человѣка сознаніе, что у него на сердцѣ нѣтъ никакой тайны. То, что знаютъ всѣ, утрачиваетъ значительную часть своего ужаса. Самое тягостное въ положеніи преступника— это необходимость, въ какую онъ поставленъ отъ всѣхъ скрывать свое преступленіе. Онъ на свободѣ и посреди общества чувствуетъ себя какъ бы запертымъ въ тѣсную тюрьму, потому что носитъ замкнутую въ собственномъ сердцѣ тайну, которую никто кромѣ него не долженъ знать.»

Всякій разъ, что профессоршѣ удавалось почему-нибудь тягостно отзывавшееся на ней событіе съ его послѣдствіями перенести въ область чистой мысли, гдѣ оно обобщалось и утрачивало свой личный характеръ, она мгновенно чувствовала облегченіе. Она сверхъ всего совѣтывала сыну не насиловать событій, а спокойно выжидать, что̀ они сами принесутъ.

Докторъ освѣдомился, не пріѣзжала ли графиня Белла. Ему сказали, что она была на виллѣ, но ни съ кѣмъ не видѣлась и не говорила, кромѣ самого Зонненкампа.

— Я сильно ошибаюсь, сказалъ докторъ, если графиня Белла не питаетъ особенной симпатіи къ исполненному отваги Зонненкампу. Такое чувство вполнѣ соотвѣтствовало бы ея смѣлой, лишенной всякаго уваженія къ установленнымъ приличіямъ натурѣ.

Профессорша, несмотря на нанесенное ей Беллой оскорбленіе, сдѣлала попытку опровергнуть мнѣніе о ней доктора.

Эрихъ слушалъ молча, удивляясь настойчивости, съ какою докторъ постоянно старался изобличать Беллу и изъяснять посвоему ея своеобразный характеръ.

Докторъ послалъ спросить у Зонненкампа, не желаетъ ли онъ его принять. Зонненкампъ отвѣчалъ приглашеніемъ ему сначала навѣстить Цереру.

— Какой у меня видъ? проснувшись утромъ спросилъ Зонненкампъ у камердинера Іозефа.

— Какой у меня видъ? повторилъ онъ.

— Вашъ обычный, сударь.

Зонненкампъ велѣлъ подать себѣ ручное зеркало, но немедленно отдалъ его назадъ, и снова опустившись на подушки, закрылъ глаза. Ему казалось, что всякій по его лицу будетъ въ состояніи прочесть исторію прошедшей ночи. Онъ долго не выходилъ изъ своей комнаты, сказавъ Іозефу, что хочетъ остаться одинъ. До слуха его долеталъ шумъ шаговъ собравшихся въ саду людей, которые скребли и мели аллеи. Онъ дожидался, чтобъ по возможности изгладились всѣ слѣды ночной тревоги и чтобъ въ немъ самомъ улеглось волненіе и все пришло въ надлежащій порядокъ. Долго сидѣлъ онъ одинъ съ своей любимой собакой. У Зонненкампа было странное ощущеніе, какъ будто онъ держалъ на плечахъ не собственную голову, а что-то постороннее, какой-то шаръ, до котораго ему не было никакого дѣла. Но онъ всячески боролся съ осаждавшими его мрачными мыслями и убѣждалъ себя ободриться, говоря, что ему не отъ кого ожидать помощи, кромѣ какъ отъ самого себя.

«Но неужели мнѣ дѣйствительно никто болѣе не можетъ помочь? вдругъ задалъ онъ себѣ вопросъ, и мысль его невольно обратилась къ Беллѣ. Вотъ женщина, которой нѣтъ подобной. Въ ней мужество, сила, геній. Но какую помощь можетъ она оказать? Никакой... да, я одинъ...»

Положивъ руку на голову собакѣ, Зонненкампъ думалъ: въ мірѣ существуютъ два пугала, которыя отравляютъ намъ жизнь: страхъ передъ дѣломъ и раскаяніе послѣ дѣла. Это шарлатанство насъ губитъ. Только тотъ вполнѣ свободенъ, кто не боится будущности и не раскаявается въ прошломъ.

«Я хочу быть свободнымъ! громко воскликнулъ Зонненкампъ. Внутри себя, я и то свободенъ, но кто здѣсь признаетъ мою свободу? Мнѣ надо вернуться въ Америку... Или нѣтъ, я поѣду въ Италію, въ Парижъ, въ новыя страны. Но дѣти, дѣти! Они преисполнены понятій, которыя заставятъ ихъ страдать отъ

неимѣнія родины, они на чужбинѣ будутъ чувствовать себя сиротами. Нѣтъ, мнѣ всего лучше остаться здѣсь и вооружиться презрѣніемъ къ людямъ, ненависть которыхъ мало-по-малу уляжется и оставитъ меня въ покоѣ. Кромѣ того можно поискать средства, которое, походя на раскаяніе, могло бы отчасти удовлетворить умы. Профессорша вчера намекала на нѣчто подобное, и самъ я что-то говорилъ о судѣ присяжныхъ... Да, да, пусть будетъ такъ! Я это сдѣлаю, снова встану на ноги и все пойдетъ попрежнему...

Но сильнѣе всего въ эту минуту говорила въ Зонненкампѣ горечь противъ Крутіуса.

Какъ самодовольно долженъ онъ теперь потирать себѣ руки, расхаживая въ своей редакторской комнатѣ, гдѣ дрожитъ маленькое газовое пламя! Какъ обрадуется онъ, узнавъ, что его сигнальная ракета произвела такой эффектъ, что на нее откликнулся весь народъ!... Какъ краснорѣчиво опишетъ онъ на столбцахъ своей газеты тревогу предъидущей ночи...

Зонненкампъ позвонилъ и приказалъ позвать къ себѣ Эриха. Напомнивъ молодому человѣку, какъ онъ незадолго передъ тѣмъ прекрасно описалъ выраженіе къ нему народной благодарности, Зонненкампъ просилъ его теперь предупредить всѣ газетные толки описаніемъ того, что произошло наканунѣ, выставивъ все дѣло незначительной вспышкой, слѣдствіемъ неумѣреннаго употребленія поселянами молодого вина. Въ заключеніе статьи слѣдовало прибавить, что господинъ Зонненкампъ — онъ имѣлъ полное право носить это имя, которое получилъ въ наслѣдство отъ своей матери—не замедлитъ совершить дѣло, которое вполнѣ удовлетворитъ общественное мнѣніе. Зонненкампъ мысленно назвалъ Эриха педантомъ, когда тотъ выразилъ желаніе немедленно узнать, въ чемъ именно будетъ состоять это удовлетвореніе.

Къ чему эти излишнія объясненія?

Достаточно что-нибудь посулить общественному мнѣнію и вовсе нѣтъ надобности непремѣнно давать ему обѣщанное. Люди легко забываютъ обѣщанія.

Зонненкампъ едва не высказалъ этой мысли вслухъ, но вовремя удержался. Затѣмъ онъ отпустилъ Эриха.

Вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ, въ кабинетъ явился смотритель за собаками.

— О, сударь, ее отравили!

— Кого отравили? воскликнулъ онъ.

— Нашу Нору. Ночью, когда произошла вся эта суматоха, злые люди накормили ее жареной въ салѣ губкой. Она непремѣнно околѣетъ.

— Гдѣ она?

— У своей конуры.

Зонненкампъ послѣдовалъ за смотрителемъ и засталъ собаку дѣйствительно съ трудомъ переводящую духъ. Возлѣ нея лежала ея цѣпь.

— Нора! позвалъ Зонненкампъ.

Собака слегка помахала хвостомъ, на мгновеніе раскрыла глаза, приподняла голову и снова тяжело опустила ее.

Еще мгновеніе, и Норы не стало.

Послѣдній жалобный взглядъ, брошенный ею на Зонненкампа, произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

— Зарой въ землю собаку, пока Роландъ ее не видѣлъ, проговорилъ онъ наконецъ.

— Гдѣ прикажете ее зарыть?

— Вонъ тамъ, подъ вязомъ. Но прежде сними съ нея шкуру, которая стоитъ деньги.

— Нѣтъ, сударь, этого я не могу сдѣлать. Я слишкомъ любилъ собаку, чтобъ теперь сдирать съ нея кожу.

— Въ такомъ случаѣ зарой ее вмѣстѣ съ кожей.

И онъ пошелъ прочь.

Зонненкампъ долго послѣ того бродилъ по саду, пока не очутился, самъ того не замѣчая, у вяза, подъ которымъ велѣлъ зарыть собаку.

— Да, произнесъ онъ вслухъ, таковъ свѣтъ! онъ предлагаетъ вамъ въ жирѣ зажаренную губку: она вкусна, но отравляетъ.

И онъ вернулся въ домъ.

На дворѣ страшно выли остальныя собаки, точно сознавая, что лишились одной изъ своихъ подругъ.

ГЛАВА II.

ДВѢНАДЦАТЬ ИЗБРАННЫХЪ МУЖЕЙ.

Пранкенъ, остававшійся вѣрнымъ Зонненкампу, видимо тревожился на его счетъ и по временамъ какъ-то странно на него поглядывалъ, но не высказывалъ того, что̀ было у него на душѣ.

Зонненкампъ, съ своей стороны, тоже кое-что замѣчалъ. До него, черезъ Лутца, дошли слухи о томъ, что Пранкенъ нѣсколько разъ получалъ письма, украшенныя большими печатями. Такъ однажды къ нему пришелъ пакетъ за печатью министерства двора, другой за печатью военнаго министерства. Зоннен-

кампу очень хотѣлось спросить у Пранкепа, ужъ не продолжаются ли переговоры на счетъ того, чтобы все-таки дать ему желанный дипломъ. Онъ вопросительно посматривалъ на Пранкена, но тотъ продолжалъ отмалчиваться. Наконецъ, Зонненкампъ однажды счелъ нужнымъ замѣтить молодому человѣку, что тотъ вовсе не правъ, пренебрегая его содѣйствіемъ, такъ какъ онъ во многихъ отношеніяхъ все-таки человѣкъ знающій и бывалый, хотя теперь и спасовалъ немного.

Пранкенъ отговаривался свойствомъ занимавшаго его дѣла, которое будто бы не допускало ничьего посторонняго вмѣшательства. Онъ одинъ могъ привести его къ хорошему концу. Но при этомъ онъ замѣтилъ, что общество вездѣ, не исключая и маленькой столицы, состоитъ изъ различныхъ партій.

Больше ничего нельзя было добиться отъ Пранкена, и Зонненкампъ, чтобы разсѣять свои сомнѣнія, ужъ началъ помышлять объ одномъ, весьма избитомъ средствѣ, которое въ настоящемъ случаѣ представляло всѣ шансы на удачу, а именно онъ хотѣлъ съ помощью Лутца украсть полученныя Пранкеномъ письма. Но подумавъ немного, онъ отбросилъ эту мысль. Только разъ, когда Пранкенъ, немедленно вслѣдъ за полученіемъ большого пакета, поспѣшно отправился на желѣзную дорогу, Зонненкампъ пришелъ къ нему въ комнату. Ему казалось безопаснѣе дѣйствовать одному, безъ сообщниковъ: онъ вѣдь и самъ съумѣетъ взять письма. Пранкенъ былъ настолько безпеченъ, что не предвидѣлось никакой надобности прибѣгать ко взлому или къ фальшивымъ ключамъ.

Но дорогой въ комнату молодого человѣка, на Зонненкампа напалъ припадокъ честности, и онъ отказался отъ своего намѣренія.

Пранкенъ между тѣмъ вернулся и наконецъ высказался. Оказалось, что ему самому угрожаетъ опасность. Объяснивъ Зонненкампу въ чемъ дѣло, онъ настоятельно требовалъ, чтобы тотъ предоставилъ ему попрежнему самому по возможности выпутаться изъ бѣды.

Зонненкампъ обнялъ взволнованнаго молодого человѣка и взялъ съ него слово, что онъ во всякомъ случаѣ не приметъ вызова на дуэль, не предупредивъ его.

Пранкенъ обѣщался неохотно и уѣхалъ.

Эрихъ находился еще у своей матери, когда въ виноградный домикъ пришелъ Зонненкампъ съ письмомъ въ рукѣ. Выразивъ удовольствіе, что видитъ профессоршу такой бодрой и свѣжей, онъ сообщилъ ей, что получилъ извѣстія отъ ея друга. Затѣмъ

онъ вручилъ ей письмо отъ профессора Эйнзиделя и прибавилъ, усмѣхаясь:

— У господъ ученыхъ однако очень хорошая память. Я, по правдѣ сказать, совсѣмъ забылъ, что когда-то приглашалъ его къ себѣ.

Профессорша прочла письмо Эйнзиделя, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что предстоящей зимой не будетъ читать лекцій, и выражалъ желаніе воспользоваться приглашеніемъ Зонненкампа провести нѣсколько времени на виллѣ Эдемъ.

Профессорша возвратила письмо съ улыбкой, а на лицѣ Зонненкампа мелькнула злая радость. Стало быть и у этихъ новыхъ людей, у этихъ пуританъ, тоже есть свои слабыя струны?

Профессорша, должно быть, догадывалась о томъ, что происходило въ душѣ ея собесѣдника, и съ большою твердостью сказала:

— Я была бы очень рада, если бы этотъ почтенный и благородный человѣкъ пріѣхалъ къ намъ. Его присутствіе здѣсь было бы благотворно для меня и можетъ быть для другихъ. А для Роланда, я не могла бы желать ничего лучшаго. Ты, Эрихъ, слишкомъ уже съ нимъ сжился, освоился и въ настоящую минуту не въ состояніи дать ему той поддержки, въ которой онъ можетъ быть еще долго будетъ нуждаться.

Лицо Зонненкампа мгновенно осунулось. Должно быть, эта женщина въ самомъ дѣлѣ благородна и чиста въ своихъ помыслахъ. У кого хватило бы настолько ума и силы воли, чтобы постоянно носить маску такой строгой добродѣтели. Онъ однако не мало удивился, когда вслѣдъ затѣмъ Эрихъ съ оговорками и извиненіями замѣтилъ, что по его мнѣнію, врядъ ли будетъ хорошо для нѣжной натуры профессора внезапно очутиться въ бурномъ водоворотѣ здѣшней жизни.

Самыя усилія Эриха скрыть настоящій, горькій смыслъ своихъ словъ, ясно доказывали Зонненкампу, до какой степени молодой человѣкъ считалъ себя не вправѣ ставить еще кого-нибудь въ близкія отношенія съ виллой Эдемъ. Внутренно негодуя, но наружно улыбаясь, онъ поспѣшилъ сказать, что подтвердитъ свое приглашеніе профессору, но предоставитъ ему на выборъ поселиться въ виноградномъ домикѣ или на виллѣ.

Профессорша стояла за виноградный домикъ.

Зонненкампъ въ знакъ согласія кивнулъ головой, а затѣмъ позвалъ слугу и приказалъ ему никого не принимать. Онъ объявилъ профессоршѣ и ея сыну, что хочетъ сообщить имъ нѣчто весьма важное.

Эрихъ и его мать вздрогнули. Неужели Зонненкампъ уже

знаетъ? Онъ между тѣмъ усѣлся и началъ, обращаясь къ профессоршѣ:

— Вы оказали мнѣ большую услугу: и я рѣшаюсь отдать въ ваши руки, какъ мою собственную участь такъ и судьбу моей семьи.

Онъ помолчалъ, и затѣмъ продолжалъ:

— Ночное нападеніе, котораго я былъ жертвой, навело меня на одну мысль. Она возникла вдругъ и теперь требуетъ осуществленія. Еще въ воскресенье, когда я шелъ въ церковь, гдѣ меня опозорилъ нищій, я намѣревался...

— Пожалуйста не забудьте, что̀ вы хотѣли сказать, прервала профессорша... но прежде позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Скажите, все ли ваше богатство проистекаетъ изъ...

— Нѣтъ... развѣ только его шестая доля: это знаютъ даже мои враги.

— Теперь, прошу васъ, продолжайте. Вы говорили, что когда шли въ церковь...

— Да, я намѣревался тогда, несмотря на свое невѣріе, исповѣдаться передъ духовнымъ лицомъ. Сознаюсь, вліяніе барона Пранкена не мало способствовало къ тому, чтобъ укрѣпить меня въ этой мысли, но возникла она все-таки во мнѣ самомъ. Исповѣдь есть одно изъ величайшихъ учрежденій нашей церкви. Человѣкъ совершаетъ беззаконіе, которое не подходитъ ни подъ одинъ изъ параграфовъ существующихъ въ мірѣ законовъ, имѣющихъ въ виду карать преступленія. И вдругъ беззаконіе это отпускается ему человѣкомъ, свыше облеченнымъ таинственною властью разрѣшать грѣхи,—человѣкомъ, который не видитъ кающагося, но принимаетъ его робкое признаніе и въ одно и тоже время находится отъ него такъ близко и такъ далеко.

Профессорша опустила глаза.

Удивительно, какъ могъ человѣкъ съ подобнымъ прошлымъ говорить такія вещи!

Зонненкампъ почувствовалъ, что̀ объ немъ думала профессорша, и воскликнулъ:

— Но вы, вы помѣшали мнѣ исполнить мое намѣреніе.

— Я?

— Да, вы. Мнѣ вдругъ пришло въ голову передъ вами раскрыть мою душу и предоставить вамъ отпустить мнѣ мой грѣхъ, а впрочемъ, нѣтъ... даже и вы не имѣете этой власти.

Профессорша вздохнула свободнѣе.

Зонненкампъ продолжалъ:

— Вы, или я, не помню кто изъ насъ двухъ, сказалъ слово,

которое навело меня на слѣдующую мысль. Въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ законы еще не такъ твердо установились, обыкновенно, въ случаѣ преступленія, сзывается судъ изъ сосѣдей. И я хочу созвать такой же точно судъ изъ свободныхъ людей. Я раскрою передъ ними свое прошлое и такимъ образомъ—соединю судъ съ исповѣдью. Какой бы приговоръ ни произнесли надо мной, какое бы искупленіе ни наложили на меня, я все обязуюсь исполнить. Возвратясь въ Европу, я обязанъ или примириться съ европейскимъ обществомъ или заставить его думать по-своему. Понимаете ли вы, что я хочу сказать?

— Какъ нельзя лучше. Приговоръ, произнесенный свободными людьми, по совѣсти, долженъ успокоить кающагося и примирить его со своей совѣстью.

— Я вижу, что вы меня вполнѣ понимаете, съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ Зонненкампъ,—а теперь я обращусь къ вамъ за совѣтомъ, кого вы мнѣ предложите въ члены этого, если можно такъ сказать, нравственнаго суда присяжныхъ. Барона Пранкена мы, конечно, должны отъ этого устранить. Онъ мнѣ сынъ и не можетъ быть моимъ судьей.

— Я никого здѣсь не знаю.... Къ тому же, извините, я еще слишкомъ слаба, и эти разсужденія, это исканіе, это, если можно такъ сказать, мысленное скитаніе по свѣту, причиняютъ мнѣ просто-на-просто физическую боль.

— Въ такомъ случаѣ не трудитесь. Капитанъ Дорнэ, вы слышали о чемъ мы говорили?... вѣдь вы все слышали, не правда ли, повторилъ онъ, замѣтивъ разсѣянный взглядъ Эриха.

— Да, конечно.... все.

— Кого же предложите вы мнѣ?

— Самый достойный и проницательный судья, какого я только знаю, сегодня самъ подалъ о себѣ вѣсть: это мой учитель.

— Согласенъ. А еще кого?

— Вейдемана.

— Вейдемана? Дядю моего злѣйшаго врага?

— Это ему не помѣшаетъ быть справедливымъ.

— Но онъ участвовалъ въ составленіи газетной статьи профессора Крутіуса.

— Неправда, онъ поручилъ князю Валеріану сказать вамъ, что даже вовсе не одобряетъ поступка профессора Крутіуса.

— А еслибы даже Вейдеманъ и былъ вашимъ врагомъ, что въ томъ? вставила профессорша. Вамъ болѣе всего слѣдуетъ стараться оправдать себя въ глазахъ враговъ.

— Вы удивительная женщина! Вы правы, и я докажу вамъ

на дѣлѣ, какъ я серьёзно отношусь ко всему этому. Хорошо, возьмемъ Вейдемана. А еще кого?

— Графа Вольфсгартена.

— Противъ этого я не имѣю ничего возразить. Дальше.

— Мирового судью.

— Опять согласенъ.

— Затѣмъ я предложилъ бы человѣка, котораго вы, можетъ быть....

— Прошу васъ безъ обиняковъ! Кого? нетерпѣливо перебилъ его Зонненкампъ.

— Ловчаго Клауса.

— Клауса? со смѣхомъ повторилъ Зонненкампъ. Пожалуй! Кстати, я уже и самъ назову доктора Рихардта. А теперь, капитанъ Дорнэ, прошу васъ, немедленно отправляйтесь въ путь собирать судей. Дѣло не терпитъ отлагательства. Чѣмъ скорѣй все будетъ кончено, тѣмъ лучше.

«А кто пока останется съ Роландомъ?» хотѣлъ спросить Эрихъ, но остановился, примѣтивъ взглядъ матери, которая, повидимому, угадала вопросъ, готовый вырваться у него. «Ты можешь спокойно предоставить мнѣ Манну и Роланда», говорили ея глаза.

— А добраго нашего маіора вы совсѣмъ забыли? весело сказала профессорша.

— Я о немъ и о патерѣ считалъ излишнимъ упоминать, отвѣчалъ Зонненкампъ. Они, само собою разумѣется, должны участвовать въ судѣ.

Эрихъ назвалъ еще князя Валеріана, банкира и Кнопфа. Теперь число двѣнадцать оказалось сполна.

Зонненкампъ торопился, настаивалъ, чтобъ ни минуты не было потеряно. Эрихъ приказалъ сѣдлать лошадь.

ГЛАВА III.

ТЩЕТНО ПРОТЯНУТАЯ РУКА ПРИМИРЕНІЯ.

Передъ отъѣздомъ Эриха, Манна объявила ему о своемъ намѣреніи еще разъ побывать въ монастырѣ. Она считала своимъ долгомъ прежде всего тамъ сказать всю правду и хотѣла это сдѣлать безотлагательно.

Эрихъ удивился и встревожился. Зачѣмъ Маннѣ еще разъ ѣхать въ монастырь? Но онъ тотчасъ же понялъ, что въ ея рѣшимости сказывалась потребность что-нибудь дѣлать, не оставаться въ праздности. Къ тому же способъ, которымъ она искала

достигнуть успокоенія, былъ въ высшей степени благороденъ. И потому онъ сказалъ только:

— Хорошо, но помни, что ты больше не вправѣ самовольно подвергать себя истязаніямъ или позволять другимъ налагать на тебя какіе бы то ни было обѣты. Ты больше не принадлежишь себѣ. Манна, ты моя и не должна ни мучить меня, ни позволять мучить мою Манну.

Манна бросила на него лучезарный взглядъ и свѣжимъ, веселымъ голосомъ проговорила:

— Эрихъ, это я, благодаря тебѣ, рѣшилась на мой теперешній поступокъ.

— Благодаря мнѣ?

— Да. Ты однажды разсказывалъ мнѣ, какъ тебѣ было отрадно, когда послѣ того, какъ ты оставилъ полкъ, одинъ товарищъ пришелъ къ тебѣ и сказалъ: не думай обо мнѣ дурно, если я съ этихъ поръ прекращу мои сношенія съ тобой. Ты не могъ поступить иначе, а я со своей стороны не смѣю дѣйствовать иначе. Вотъ тоже самое хочу и я сдѣлать. Моя рѣшимость покинуть монастырь, которую монахини не преминутъ принять за отступничество, ни подъ какимъ видомъ не должна оставаться бременемъ на ихъ душѣ.

Манна желала, чтобы ее сопровождала тетушка Клавдія, но Эрихъ нашелъ, что ей приличнѣе ѣхать съ Роландомъ. Братъ съ сестрой такимъ образомъ будутъ совсѣмъ одни; Роланду придется оберегать сестру, быть ей полезнымъ, и это выведетъ его изъ томительной атмосферы, которую распространяло вокругъ него горе.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ пріятно исполнять твои приказанія, сказала Манна.

Роландъ скоро былъ готовъ сопровождать сестру.

— Но вамъ слѣдуетъ еще испросить позволеніе у родителей, сказалъ Эрихъ, и дѣти съ прискорбіемъ почувствовали, что исполненіе этого долга въ ихъ теперешнемъ положеніи не болѣе, какъ пустая формальность. Между отцомъ и ими все было порвано, разбито. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не оставалось болѣе мѣста ни привязанности, ни послушанія.

— Манна, теперь настало время, сказалъ Роландъ взволнованнымъ голосомъ.

— Чему?

— Спросить у отца.... можетъ быть онъ тебѣ и скажетъ.... неужели у насъ нѣтъ никого родныхъ въ Европѣ? Кто бы они ни были, теперь пора имъ придти къ намъ. Не ужасно ли, что мы до сихъ поръ о нихъ не вспомнили?

Манна вопросительно посмотрѣла на Эриха, а тотъ, находя вполнѣ законнымъ стремленіе юноши къ семейнымъ связямъ, однако просилъ его пока воздержаться отъ всякихъ разспросовъ, говоря, что всему придетъ свое время.

Манна пошла къ отцу и сказала, что хочетъ ѣхать въ монастырь.

Зонненкампъ испугался, но тотчасъ же успокоился, такъ какъ Манна прибавила, что ѣдетъ туда съ цѣлью съ нимъ навсегда распроститься. Она окончательно рѣшилась не поступать въ монастырь. Зонненкампъ просіялъ.

— Ты убѣдилась наконецъ?.... Они съ самаго начала знали.... у меня на то есть положительныя доказательства.... они знали, говорю я, какимъ образомъ было добыто приданое, которое ты собиралась имъ принести. А между тѣмъ, слышала ли ты отъ нихъ когда-нибудь хоть одно слово насчетъ того, что они не смѣютъ или не хотятъ его принять?

Это замѣчаніе смутило Манну, она хотѣла сейчасъ же все открыть отцу, но удержалась, потому что дала слово Эриху дѣйствовать только по его указаніямъ.

Братъ и сестра отправились въ путь вмѣстѣ съ фрейленъ Пэрини. День былъ пасмурный и холодный, но плаваніе по рѣкѣ тѣмъ не менѣе ихъ освѣжило и ободрило.

— Ахъ, воскликнулъ Роландъ, въ мірѣ есть еще много другого, кромѣ нашей внутренней жизни.

Около полудня выглянуло солнце и разогнало туманъ. Пароходъ быстро несся по прозрачнымъ волнамъ, между облитыхъ солнцемъ горъ, на которыхъ мѣстами еще происходили осеннія работы. На палубѣ толпились пассажиры; кто изъ нихъ прохаживался, кто весело вглядывался вдаль, наслаждаясь прелестнымъ ландшафтомъ. Но Манна была внизу, въ каютѣ. Она лежала съ закрытыми глазами и не обращала никакого вниманія на слова фрейленъ Пэрини, убѣждавшей ее пойти наверхъ, вдохнуть немного свѣжаго воздуха. На всѣ доводы Манна отвѣчала просьбой оставить ее въ покоѣ. И такъ она лежала, точно въ забытьи, перебирая въ своемъ умѣ все, что въ послѣднее время случилось съ близкими ей и съ ней самой. Какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она съ Роландомъ плыла здѣсь весною вверхъ по теченію рѣки! Ей пришло на мысль замѣчаніе Эриха насчетъ того, какъ богатство, окружая человѣка изобиліемъ внѣшнихъ предметовъ, развиваетъ въ немъ склонность искать утѣшенія въ горѣ посреди развлеченій. Этотъ упрекъ не могъ касаться ее въ настоящемъ случаѣ. Она имѣла въ виду только дружелюбно распроститься съ прошлымъ. Ей казалось, что на ней ле-

жить обязанность въ отношенiи монахинь, которыя съ такой готовностью приняли ее въ свою среду, и она хотѣла доказать имъ, что, несмотря на предполагаемую съ ними разлуку, она все-таки оставалась имъ вѣрна.

Манна снова съ тоской вспомнила о различiи вѣроисповѣданiй между ею и Эрихомъ. Но что же оставалось ей дѣлать? Измѣнить благочестивымъ сестрамъ или Эриху.... нѣтъ, последнее уже было для нее невозможно. Она надѣялась на великодушiе настоятельницы, которая, безъ сомнѣнiя, пойметъ состоянiе ея сердца и съумѣетъ ее успокоить. Терзаемая такого рода сомнѣнiями, Манна неподвижно лежала въ каютѣ.

Наверху фрейленъ Пэрини радовалась тому, что Манна не показывалась на палубу. Тамъ между пассажирами шла рѣчь о Зонненкампѣ. Кто-то разсказывалъ, какъ герцогскiй негръ Адамъ обѣими руками поднялъ на воздухъ американца и стащилъ его, несмотря на противодѣйствiе, съ лѣстницы, гдѣ его, наконецъ, выручили придворные слуги. Одинъ знакомый фрейленъ Пэрини, ходатай по дѣламъ, старался угадать, кто купитъ виллу, такъ какъ само собой разумѣлось, что ея теперешнiй владѣлецъ непремѣнно оставитъ страну.

Лутцъ помѣстился на кормѣ и тамъ долженъ былъ слушать, какъ зеленщики, скупавшiе овощи у главнаго садовника Зонненкампа и развозившiе ихъ по низовьямъ Рейна, сообщали другъ другу, что отнынѣ ни подъ какимъ видомъ не станутъ болѣе запасаться у этого человѣка своимъ товаромъ. Впрочемъ, они воздавали Зонненкампу должную хвалу за то, что онъ много содѣйствовалъ распространенiю въ странѣ скороспѣлыхъ сортовъ яблокъ.

За станцiю до монастыря на пароходъ сѣли двѣ монахини въ черныхъ рясахъ. Фрейленъ Пэрини знала одну изъ нихъ и спустилась съ ними въ каюту, гдѣ спала Манна. Монахини усѣлись противъ молодой дѣвушки и, вынувъ молитвенники, принялись молиться за бѣдную душу, лежавшую передъ ними въ скорбной дремотѣ.

Манна открыла глаза и съ изумленнымъ видомъ озиралась вокругъ, точно спрашивая, гдѣ она? Монахиня помоложе, та самая, которая постоянно робко держалась въ сторонѣ, привѣтствовала молодую дѣвушку на французскомъ языкѣ и сказала ей, что она должна терпѣливо переносить всѣ горести, какiя небу угодно будетъ на нее ниспослать.

Манна быстро выпрямилась. Такъ стало-быть и здѣсь уже всѣ знаютъ объ ихъ позорѣ!... Она вышла на палубу вмѣстѣ съ Роландомъ и тремя женщинами. Вдали уже показался монастырь.

Все вокругъ сіяло и улыбалось. Маннѣ казалось, что она вдругъ изъ какого-то невѣдомаго міра снова перенеслась на землю, гдѣ все оставалось въ прежнемъ видѣ, и весело смотря ей въ глаза, какъ будто спрашивало у нея: а гдѣ же ты была такъ долго?

Затѣмъ они въ лодкѣ перебрались на островъ. Манна привѣтствовала каждое дерево, каждую скамью, каждый кустъ, какъ предметы, когда-то, очень давно, близкіе ея сердцу. Печально взглянула она на хорошенькую, круглую скамейку у пристани, такъ-называемое птичье гнѣздышко, гдѣ она, бывало, часто сиживала съ дѣвочкой, прозванной сверчкомъ, но гдѣ теперь лежали одни мокрые, увядшіе листья.

Онѣ пришли въ монастырь.

Манна тотчасъ же просила доложить о себѣ настоятельницѣ. Та приказала ей сначала пойти въ церковь, а затѣмъ явиться къ ней, но не прежде, какъ по истеченіи часа.

Манна въ туже минуту поняла смыслъ этого приказанія. Но развѣ настоятельница уже знала о ея отступничествѣ? Молодая дѣвушка направилась къ церкви, но у дверей ея остановилась. Она вспомнила о находившемся тамъ образѣ, подумала, что не въ силахъ будетъ удержаться отъ соблазна и не взглянуть на него, и не посмѣла войти въ церковь. Она пошла обратно и углубилась въ паркъ. Наверху въ домѣ рѣзвились дѣти. Въ другомъ этажѣ пѣли молодые, звонкіе голоса. Манна знала, гдѣ сидитъ каждая изъ ея бывшихъ подругъ; она хорошо помнила каждый уголокъ, каждую скамью въ классѣ. Подойдя къ ели, подъ которой ей такъ часто приходилось сидѣть, она увидѣла, что тамъ не было скамьи, а на подставочкѣ, гдѣ обыкновенно помѣщалась у ея ногъ умершая малютка, лежали желтые листья. Ей вдругъ страстно захотѣлось на могилу къ бѣдной дѣвочкѣ. Она вернулась, прошла мимо монастыря, упрекая себя за дерзкое неповиновеніе настоятельницѣ, приказанія которой она осмѣлилась ослушаться. Манна вошла на кладбище. На могилѣ маленькой дѣвочки стоялъ крестъ съ надписью золотыми буквами: «Дѣвица не умерла, но спитъ! Маркъ, V, 39.»

— Какъ? вскричала Манна. Развѣ эти слова здѣсь умѣстны? Въ св. писаніи они относятся къ дѣвицѣ, которая съ одра смерти была пробуждена къ жизни, а не о ребенкѣ, который совсѣмъ умеръ и похороненъ!

Она опустилась на колѣни передъ могилой. Мысли въ безпорядкѣ толпились у ней въ головѣ, унося ее далеко отъ дѣйствительности; она не сознавала, какъ долго здѣсь пробыла. Наконецъ, ей удалось овладѣть собой, и она вернулась въ монастырь. Ее впустили въ пріемную, но долго заставили тамъ ждать

одну. Образа по стѣнамъ всякій разъ, какъ она на нихъ взглядывала, какъ будто уходили отъ нея вдаль, на разстояніе, гдѣ становились для нея недосягаемы.

Между тѣмъ пришла настоятельница.

Манна поспѣшила къ ней навстрѣчу и хотѣла ее обнять, но настоятельница оставалась недвижимо на мѣстѣ, и перебирая концы своего пеньковаго пояса, обматывала его вокругъ пальцевъ и такъ крѣпко его стягивала, что онъ врѣзывался ей въ тѣло.

Манна упала передъ ней на колѣни.

— Встань, строго произнесла настоятельница. Мы здѣсь не терпимъ никакихъ порывовъ страсти. Этого ты, надѣюсь, еще не успѣла забыть. Была ты въ церкви?

— Нѣтъ, сказала Манна, вставая.

Настоятельница долго не произносила ни слова, точно ожидая, чтобъ молодая дѣвушка объяснила причину своего неповиновенія, но Манна, въ свою очередь, молчала. Все, что она въ послѣднее время пережила и передумала, мгновенно поднялось у нея изъ глубины души и лишило ее способности говорить.

— Преподобная мать, начала она наконецъ: я пришла сюда затѣмъ, чтобъ разсѣять въ вашей душѣ всякую тѣнь сомнѣнія насчетъ моей неблагодарности. Вы поступали со мной великодушно, вы....

— Пожалуйста, безъ лести. Обо мнѣ ни слова. Говори о себѣ.

— Воспоминаніе обо мнѣ не должно вамъ причинять ни малѣйшей горечи. Я пришла васъ просить....

— Чего ты такъ медлишь. Говори, что́ тебѣ надо?

— Ничего, кромѣ довѣрія къ чистотѣ моихъ побужденій: я честно боролась и не могла устоять. Теперь я невѣста Эриха Дорнэ.

— Какъ, чья? Такъ ли я слышала? Развѣ баронъ Пранкенъ умеръ? Развѣ ты.... но нѣтъ! Говори яснѣе.

Манна откровенно, безъ утайки, разсказала настоятельницѣ обо всемъ случившемся. Она стояла прямо, и голосъ ея былъ твердъ. Когда она кончила, настоятельница спросила:

— Ты, стало быть, явилась сюда принести покаяніе?

— Нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же?

Манна схватилась за голову и сказала:

— Развѣ я не довольно ясно высказала, что вовсе не считаю себя виновной и не признаю въ себѣ ничего грѣховнаго. Я пришла поблагодарить васъ за все добро, оказанное мнѣ вами

въ былое время. Я не желала бы, чтобъ воспоминаніе обо мнѣ служило вамъ источникомъ горя.... Вы сами предсказывали мнѣ тяжелую борьбу съ жизнью. Я оказалась въ ней несостоятельной, но.... прошу васъ только объ одномъ: не осуждайте меня. Удѣлите мнѣ въ вашемъ воспоминаніи мирный уголокъ.

— Тебѣ этого и теперь еще хочется? Да, вотъ они каковы эти люди, живущіе въ свѣтѣ! Самоубійцы требуютъ для себя освященной могилы. Ты для насъ умерла, и въ нашей святой землѣ нѣтъ для тебя мѣста. Ты протягиваешь намъ руку примиренія.... но мы не принимаемъ ее.

Явилась послушница и передала желаніе фрейленъ Пэрини войти къ настоятельницѣ и Маннѣ.

Минуту спустя вошла и сама фрейленъ Пэрини.

— Вы имѣли намъ что-нибудь сказать? обратилась къ ней настоятельница.

— Да. Фрейленъ Манна, въ присутствіи святой матери, напоминаю вамъ объ обѣщаніи, которое вы съ меня взяли.

— Я, съ васъ.... обѣщаніе....

— Да. Вы заставили меня поклясться, что я всячески, даже силой, стану васъ удерживать, еслибъ въ вашу душу, сверхъ ожиданія, запала мысль объ отступничествѣ. Правда это, Манна, или нѣтъ?

— Правда.

— И что же? спросила настоятельница.

— То, что я болѣе себѣ не принадлежу. У меня нѣтъ ничего своего, никакой собственности, не исключая и меня самой. Я не могу отдавать на жертву то, что мнѣ не принадлежитъ.

Долго стояли три женщины молча, наконецъ настоятельница сказала:

— Ты исповѣдывалась патеру?

— Нѣтъ.

Настоятельница медленно отвернулась.

— Мы тебя не принуждаемъ, сказала она, не связываемъ; мы не можемъ этого и не хотимъ. Ступай!... Я не хочу тебя болѣе видѣть.... иди прочь!... Въ тебя вселился адъ! Твое присутствіе здѣсь оскверняетъ наши стѣны.... Ни слова болѣе. Иди!... Ушла она?... Не отвѣчай мнѣ. Любезная Пэрини, скажите, ушла она отсюда?

— Уходитъ, отвѣчала фрейленъ Пэрини.

— Гдѣ моя сестра? вдругъ послышался громкій голосъ Роланда.

Дверь шумно распахнулась; Роландъ мгновенно понялъ все, что здѣсь происходило.

— Довольно тебѣ смиряться, сестра, сказалъ онъ: пойдемъ со мною.

И схвативъ Манну за руку, онъ увлекъ ее за собой.

Выйдя изъ монастыря, Роландъ разсказалъ, какъ сильно встревожило его продолжительное отсутствіе Манны. Имъ овладѣлъ непреодолимый страхъ, чтобъ ей не нанесли оскорбленій, которыя она, пожалуй, захочетъ покорно снести въ видѣ искушенія.

— А это не должно быть, даже еслибъ ты сама захотѣла. Ты не вправѣ давать въ обиду невѣсту Эриха.

Какой огонь свѣтился въ глазахъ Манны, когда она смотрѣла на пылающее лицо Роланда!

— Все кончено, сказала она. Я оставляю за собой цѣлый міръ. Все кончено, и благо, что оно миновало.

Фрейленъ Пэрини оставалась еще нѣсколько времени у настоятельницы, а потомъ присоединилась къ брату и сестрѣ. Сидя уже въ лодкѣ, она произнесла своимъ обычнымъ, нѣсколько хриплымъ шепотомъ:

— Я должна была это сказать; я не могла молчать.

Манна протянула ей руку.

— Вы исполнили вашъ долгъ, отвѣчала она, и я на васъ за то вовсе не сержусь. Простите и вы меня.

Манна не помнила, какъ вышла изъ монастыря. Только позже, обнимая Роланда, она наконецъ могла заплакать. На возвратномъ пути, плывя по Рейну, она уже не удалялась въ каюту, но сидѣла на палубѣ рядомъ съ братомъ. И ея большіе черные глаза все время покоились на разстилавшемся передъ ними ландшафтѣ.

ГЛАВА IV.

СПОКОЙСТВІЕ МАІОРА И ТЕРЗАНІЕ ГРАФА.

На пути своемъ въ Маттенгеймъ, Эрихъ встрѣтилъ маіора. У него хватило веселости пошутить съ добрымъ старикомъ, объявивъ ему, что онъ ѣздитъ по околотку съ цѣлью собирать пожарную команду. Когда же онъ объяснилъ маіору настоящую причину своихъ странствованій, тотъ безъ всякихъ оговорокъ немедленно выразилъ свое согласіе участвовать въ судѣ. Онъ отнесся къ этому, какъ къ дѣлу чести и совѣсти, отъ котораго никто не вправѣ отказаться.

— Бѣдный! Несчастный! повторялъ онъ; — онъ былъ не от-

кровененъ со мной, да и она тоже. Но я на нее не сержусь: вѣдь это въ первый разъ въ жизни. Она, — маіоръ безъ сомнѣнія говорилъ о фрейленъ Милькъ,—боялась, что мнѣ не справиться съ этимъ. Я на многое способенъ, да, товарищъ, вы и не подозрѣваете, какъ многое я могу сдѣлать, но лицемѣрить свыше моихъ силъ. Я не съумѣю ласково обходиться съ человѣкомъ, котораго не люблю и не уважаю. Я зналъ, что онъ владѣлъ невольниками и всегда говорилъ, что кто имѣетъ дѣло съ пуделемъ, тому не избѣжать блохъ. Но не удивительно ли, что у этого человѣка всегда на готовѣ столько хорошихъ, теплыхъ словъ? Вѣдь и съ вами, товарищъ, онъ не разъ говаривалъ, какъ мудрецъ или какъ святой. Я своей глупой башкой никакъ не могу сообразить, чѣмъ же тутъ виноваты бѣдные дѣти и за что имъ приходится страдать. Вейдеманъ тоже не могъ мнѣ этого объяснить, но теперь я самъ сообразилъ. Такъ-то. Я вѣдь ничему не учился.... былъ барабанщикомъ.... когда-нибудь я вамъ это поподробнѣе разскажу.

— Но что же вы теперь сообразили?

— Вотъ и она точно также всегда меня останавливаетъ, когда я заболтаюсь... Человѣкъ, видите ли, какъ сказано въ св. писаніи, родится въ болѣзняхъ. Такъ точно и умъ человѣческій тоже родится въ болѣзняхъ, т. е. въ скорби и нуждѣ. Нашъ братъ, бѣднякъ, это знаетъ, но богатымъ и знатнымъ отъ этого часто жутко приходится.... Я хочу сказать.... вы вѣдь знаете.... вотъ и нашъ Роландъ тоже вновь родился, сталъ благороднымъ и останется такимъ на всю жизнь.... Герцогъ можетъ облагородить имя, но не душу человѣка.... понимаете?... Ну, да.... А нашъ Роландъ теперь въ полномъ смыслѣ слова благородный человѣкъ. Терпѣть зло и дѣлать добро, вотъ отнынѣ его девизъ.... Ни на одномъ рыцарскомъ щитѣ, никто никогда не видѣлъ подобнаго девиза, и онъ съ нимъ на вѣки не разстанется....

И маіоръ дрожащей рукой ударилъ себя въ грудь. Эрихъ былъ не мало удивленъ этой длинной рѣчью, которая вдругъ, правда не совсѣмъ плавно, съ частыми перерывами, но тѣмъ не менѣе съ большимъ одушевленіемъ вылилась изъ устъ этого застѣнчиваго, обыкновенно не быстраго на слова человѣка. Затѣмъ маіоръ припомнилъ, какъ они, при вступленіи Эриха на виллу Эдемъ, мучились вопросомъ о томъ, что станетъ Роландъ дѣлать съ огромнымъ богатствомъ, которое рано или поздно должно было ему достаться. Нынѣ вопросъ этотъ самъ собою разрѣшался. Теперь становилось ясно, что изъ денегъ будетъ сдѣлано непремѣнно хорошее употребленіе.

Эрихъ уже собирался ѣхать далѣе, но маіоръ опять остановилъ его:

— Погодите, дайте мнѣ еще разъ вамъ сказать.... Я былъ барабанщикомъ.... меня произвели въ офицеры.... Товарищи и не подозрѣвали, какъ почетно было для меня данное мнѣ ими прозвище. Они за спиной, думая, что я не слышу, сплошь да рядомъ величали меня капитаномъ барабанная-палка. Ну вотъ, съ тѣхъ поръ мнѣ и стало ясно.... это она мнѣ объяснила, самъ бы я до этого не добрался, но она все можетъ.... вотъ, говорю я, мнѣ и стало ясно, что счастье только на половину дѣлаетъ человѣка. Горе же можно сравнить со св. Духомъ, который говоритъ человѣку: встань и иди! Понимаете ли вы меня?

— Да, да, отвѣчалъ Эрихъ, и пожавъ старому герою руку, уѣхалъ.

Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ маіора все на томъ же мѣстѣ. Добрый старикъ смотрѣлъ всаднику вслѣдъ и кивалъ головой, какъ бы желая сказать: я тебѣ взвалилъ на плечи хорошую ношу, но ты ее не потеряешь, а когда умру, она останется при тебѣ и ты ее никому не отдашь. И маіоръ отъ души поблагодарилъ Зиждителя вселенной, что Тотъ, посылая ему тяжелыя испытанія, даетъ въ тоже время силу выходить изъ нихъ невредимымъ.

Эрихъ между тѣмъ бодро ѣхалъ по дорогѣ въ Маттенгеймъ. Вдругъ ему пришло на умъ, что по чести и совѣсти, онъ прежде всѣхъ другихъ долженъ предупредить Клодвига. Кромѣ того къ нему въ сердце вкралось желаніе узнать, какъ держитъ себя при теперешнихъ обстоятельствахъ Белла. Честно сознаваясь себѣ въ своихъ побудительныхъ причинахъ, онъ тѣмъ не менѣе повернулъ лошадь и поскакалъ въ Вольфсгартенъ.

Подъѣзжая къ дому, онъ былъ встрѣченъ громкимъ крикомъ попугая, который, завидѣвъ его изъ окна, точно хотѣлъ возвѣстить всѣмъ домашнимъ, какой рѣдкій гость къ нимъ пріѣхалъ. Эриха уже давно не было видно въ Вольфсгартенѣ. Теперь ему показалось, что въ комнатѣ сосѣдней съ той, гдѣ у открытаго окна висѣлъ попугай, мелькнула фигура Беллы. Но она мгновенно исчезла и болѣе не являлась.

Эрихъ вошелъ къ Клодвигу, и засталъ его печальнымъ, точно обезсиленнымъ. Графъ повидимому также и физически страдалъ. Онъ не всталъ на встрѣчу гостю, и привѣтствовалъ его безъ обычнаго радостнаго оживленія.

— Я зналъ, что вы ко мнѣ пріѣдете, тихо и съ трудомъ проговорилъ Клодвигъ. Если духовное вліяніе можетъ дѣйствовать на разстояніи, то вы и ваша матушка должны были чувствовать

въ эти дни, что я съ вами. Я не совсѣмъ здоровъ и потому, прошу васъ, давайте говорить какъ можно спокойнѣе. Прежде всего забудемъ, что мы запятнаны сношеніями съ этимъ человѣкомъ. Я полагаю, намъ слѣдуетъ думать не о самихъ себѣ, а о немъ. Вотъ видите, и Клодвигъ коснулся рукою стоявшей около него стклянки съ жидкостью: меня дѣтски радуетъ изобрѣтеніе этого новаго химическаго состава. Онъ прозраченъ, какъ вода, а между тѣмъ служитъ къ тому, чтобы сводить съ бумаги написанное на ней, не прибѣгая къ скобленію. Мнѣ теперь невольно приходитъ на умъ: нельзя ли найти какое-нибудь подобное этому средство въ нравственномъ отношеніи?

Такимъ образомъ былъ поднятъ вопросъ, для разрѣшенія котораго и пріѣхалъ Эрихъ. Онъ прямо приступилъ къ дѣлу, и изложивъ передъ графомъ планъ суда, пригласилъ его принять въ немъ участіе.

Клодвигъ отказался, замѣтивъ, что господинъ Зонненкампъ, или какъ бы онъ ни назывался, долженъ искать суда равныхъ себѣ, то-есть людей одинаковаго съ нимъ происхожденія или положенія въ свѣтѣ. Онъ же не пара ему.

Эрихъ съ большой осторожностью попытался напомнить своему другу его собственныя разсужденія о равенствѣ.

Клодвигъ, казалось, ничего не слышалъ.

Тяжелое бремя, должно быть, лежало на душѣ этого, обыкновенно столь внимательнаго человѣка, чтобъ сдѣлать его, какъ теперь, глухимъ къ замѣчаніямъ своего молодого друга. Минуту спустя, онъ самъ принялся разсказывать, сколько хлопотъ стоило ему въ эти послѣдніе дни отклонить отъ намѣренія нѣсколько горячихъ головъ при дворѣ, которыя во что бы то ни стало хотѣли притянуть богатаго американца къ суду за оскорбленіе высочества. Герцогъ по этому случаю собственноручно написалъ Клодвигу письмо, въ которомъ благодарилъ его за мнѣніе, высказанное имъ противъ увеличенія числа новыхъ дворянъ. Графъ въ своемъ отвѣтѣ просилъ герцога прекратить всякое дальнѣйшее преслѣдованіе американца, котораго раздражили и подстрекали другіе на то, что ему самому бы и въ голову не пришло.

Эрихъ еще разъ высказалъ желаніе, чтобы Клодвигъ принялъ участіе въ судѣ.

— Я доведу до свѣдѣнія двора, что онъ добровольно требуетъ надъ собою суда, отвѣчалъ графъ. Это произведетъ тамъ хорошее впечатлѣніе. А затѣмъ я, ради васъ.... онъ выпрямился, мгновенно оживился и провелъ рукою по лицу, какъ бы желая стереть съ него печальное выраженіе, — да, я соглашаюсь принять

предложеніе. Намъ такимъ образомъ, можетъ быть, удастся уяснить ваши отношенія къ этому дому.

Эриху было тяжело, что Клодвигъ соглашается только ради него, а вовсе не изъ сочувствія къ самому дѣлу. У него на языкѣ вертѣлось признаніе, что онъ въ скоромъ времени будетъ сыномъ этого человѣка: но онъ не успѣлъ ничего сказать, потому что въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Клодвигъ поспѣшно приподнялся, и торопливо схвативъ Эриха за руку, тихо, но рѣшительно произнесъ:

— Хорошо, я согласенъ. Онъ хочетъ суда по чести и совѣсти, пусть будетъ по его волѣ.

Клодвигъ выговорилъ это торопливо, точно на бѣгу. Въ комнату вошла Белла.

На лицѣ ея виднѣлись слѣды сильнаго волненія, которые она явно старалась, но не могла вполнѣ преодолѣть.

Она привѣтствовала Эриха латинской фразой и тономъ, который находился въ странномъ и непріятномъ противорѣчіи съ положеніемъ данной минуты, а въ особенности съ тяжелымъ настроеніемъ духа Клодвига.

— Скажите пожалуйста, спросила Белла, не было ли въ вашей жизни времени, когда вы съ восторгомъ и изумленіемъ преклонялись передъ натурами подобными Эццелино ди Романо. Въ такихъ сильныхъ натурахъ есть что-то величественное, поражающее васъ, особенно въ сравненіи съ ничтожными и мелочными претензіями на высшія добродѣтели большинства людей.

Эрихъ не догадывался, къ чему и къ кому могли относиться слова графини. Онъ и не подозрѣвалъ, что Белла, пользуясь присутствіемъ посторонняго человѣка, безвредно для себя, метала стрѣлы, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрно попадали въ цѣль.

Клодвигъ опустилъ голову и закрылъ глаза, потомъ снова ихъ открылъ.

— Ахъ, да, весело и развязно продолжала Белла. Мнѣ давно хотѣлось предложить вамъ вопросъ. Скажите, чтобы сказали Цицеронъ или Сократъ, если бы они прочли «Каина» лорда Байрона?

Эрихъ совсѣмъ растерялся. Вопросъ поражалъ своею странностью и могъ быть принятъ за насмѣшку или за внушеніе разстроеннаго мозга. Но Белла, не смущаясь, продолжала:

— Читалъ Роландъ «Каина»?

— Не думаю.

— Дайте ему теперь прочесть эту книгу. Она должна произвести на него впечатлѣніе. Онъ тоже сынъ, имѣющій право воз-

мущаться тѣмъ, что его отецъ довелъ себя до изгнанія изъ рая. Странно, какое сходство въ положеніяхъ! Не удивительно ли это? А впрочемъ, развѣ всѣ мы въ сущности не дѣти Каина? Авель былъ бездѣтенъ,—да, богобоязненный Авель не имѣлъ потомства, а мы всѣ происходимъ отъ Каина. Знаменитая родословная!... Еще одно, любезный капитанъ-докторъ: неужели ученые до сихъ поръ не добрались, какого вида и цвѣта былъ знакъ, которымъ Богъ-Отецъ заклеймилъ Каина?

— Я васъ не понимаю, отвѣчалъ Эрихъ.

— Я сама себя не понимаю, возразила Белла, и рѣзко, непріятно засмѣялась.

— Я, разумѣется съ помощью перевода, начала читать сочиненіе Цицерона о высшемъ благѣ, но не далеко ушла и принялась за «Каина», который въ моихъ глазахъ есть лучшее произведеніе во всей литературѣ новѣйшихъ временъ.

Эрихъ все еще не находился, что ему отвѣчать. Взоръ его тревожно переходилъ съ лица Беллы на лицо Клодвига. Что такое здѣсь происходило?

— Вѣдь это правда, снова начала графиня, что когда благородныя римлянки били по лицу своихъ невольницъ, тѣ должны были надувать щеки. Римскія матроны, по всему видно, не были сантиментальными пансіонскими цвѣтками въ родѣ современныхъ намъ мужчинъ и женщинъ. Ахъ, кстати, что дѣлаетъ фрейленъ Зонненкампъ?

— Она уѣхала въ монастырь, отвѣчалъ Эрихъ, опуская глаза. Ему было тяжело говорить съ Беллой о Маннѣ.

— Она поступила какъ нельзя практичнѣе, продолжала Белла. Монастырь во всемъ этомъ играетъ роль ширмъ. Чувствительная дѣвушка тамъ лучше всего укроется отъ бури, пока та не минуетъ. Но что станетъ дѣлать Роландъ? А вы и ваша матушка, на что думаете рѣшиться? спрашивала Белла, такимъ холоднымъ, безстрастнымъ тономъ, что Эрихъ мгновенно успокоился и почти весело отвѣчалъ:

— Пока мы пробавляемся тѣмъ, что составляетъ предметъ занятій большинства людей.

— Чѣмъ же?

— Мы ничего не дѣлаемъ.

Разговаривая съ Беллой, Эрихъ мысленно сопровождалъ Манну въ монастырь. Молодая дѣвушка, думалъ онъ, въ эту минуту, тоже стоитъ передъ людьми, которые нѣкогда были ея друзьями, а теперь превратились во враговъ. Но этимъ послѣднимъ, безъ сомнѣнія, чуждъ холодный, равнодушный тонъ рѣчи Беллы. Эрихомъ вдругъ овладѣло страстное желаніе простереть надъ Ман-

ной руку, и защитить ее отъ всѣхъ оскорбленій, какія ей можетъ быть приходится выслушивать. Лишь бы они не вздумали прибѣгнуть къ какимъ-нибудь насильственнымъ мѣрамъ! Онъ жестоко упрекалъ себя, что отпустилъ Манну одну съ Роландомъ и съ фрейленъ Пэрини. Ему не слѣдовало бы ее покидать.

Эрихъ впалъ въ глубокое раздумье и разсѣянно простился съ Клодвигомъ и Беллой, говоря, что ему надо ѣхать къ Вейдеману.

Молодой человѣкъ снова углубился въ лѣсъ, которымъ онъ ѣхалъ въ первый разъ, отправляясь на виллу Эдемъ верхомъ на лошади, данной ему Клодвигомъ. Какъ все съ тѣхъ поръ измѣнилось! Въ самомъ Вольфсгартенѣ, невольно думалось ему, — происходитъ что-то непонятное. Какими счастливыми казались ему въ его первое посѣщеніе Клодвигъ и Белла. Куда дѣвалось теперь ихъ счастье? Безпорядочный разговоръ Беллы, ея странные переходы отъ Цицерона къ Байрону свидѣтельствовали о томительной тревогѣ, которая ни на минуту ее не покидала. Клодвигъ съ другой стороны, по всему видно, не менѣе ея страдалъ. Имъ овладѣло тягостное уныніе, которое ему, подъ вліяніемъ безграничной любви къ человѣчеству, только съ трудомъ и то на минуту удавалось съ себя стряхнуть.

Но Эрихъ не могъ долго предаваться своимъ мыслямъ. Передъ нимъ была цѣль, къ которой ему надлежало стремиться для самого себя, для другихъ, а сверхъ всего для Манны. Только тотъ, кто можетъ на время совсѣмъ забыть себя, можетъ съ пользою отдаться другимъ.

ГЛАВА V.

ПОДАТЛИВЫЙ И УПОРНЫЙ.

Эрихъ достигъ Маттенгейма уже съ наступленіемъ ночи. Вейдеманъ и его семейство перебрались въ свою зимнюю резиденцію, какъ они называли красивыя, свѣтлыя комнаты въ верхнемъ этажѣ, гдѣ у нихъ стѣны были украшены прекрасными картинами, а въ каминахъ пылало яркое пламя.

Госпожа Вейдеманъ сидѣла съ невѣсткой за столомъ, у лампы, а сынъ ея читалъ. Самъ Вейдеманъ былъ у себя въ кабинетѣ. Эрихъ попросилъ позволенія пройти прямо къ нему и засталъ его между кубами и ретортами его химической лабораторіи.

— Я не могу вамъ подать руки, весело сказалъ онъ Эриху.

А вамъ совѣтую, постарайтесь обратить ваше вниманіе на что-нибудь другое, кромѣ постигшаго васъ горя. Это иногда удается. Меня вы застаете въ наилучшемъ настроеніи духа. Мы теперь трудимся надъ усовершенствованіемъ новаго открытія. Найдено, что изъ виноградныхъ выжимокъ, можно приготовлять типографскія чернила. Дѣло обѣщаетъ пойти на ладъ, и другъ нашъ Кнопфъ въ эту минуту пишетъ въ честь его новое стихотвореніе. Онъ утверждаетъ, что впередъ всѣ произведенія лирической музы, а въ особенности застольныя пѣсни, должны печататься не иначе, какъ только чернилами, добытыми изъ винограда. Посмотрите, вотъ тутъ варится новый составъ. Но я полагаю, вамъ лучше удалиться въ сосѣднюю комнату. Тамъ вы найдете газеты съ весьма интересными для васъ свѣдѣніями, а я не замедлю къ вамъ присоединиться.

Эрихъ повиновался. Въ комнатѣ, въ которую онъ вошелъ, лежали на столѣ американскія газеты. Онѣ были преисполнены горячихъ преній между республиканцами и демократами. Этимъ послѣднимъ именемъ называли себя тѣ, которые стремились довести самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ до тѣхъ границъ, за которыми становилось невозможнымъ всякое государственное единство. Но первой и главной ихъ цѣлью при всемъ этомъ было упрочить за собой право владѣть невольниками. На сторонѣ республиканцевъ стояли всѣ послѣдователи и приверженцы Авраама Линкольна. Въ Новомъ Свѣтѣ, по всему было видно, рѣшался великій вопросъ. Какъ отнесется къ нему Зонненкампъ? мелькнуло въ умѣ Эриха. Онъ продолжалъ читать, но уже машинально, ничего не понимая и думая о другомъ.

Немного спустя явился и Вейдеманъ. Онъ давно ожидалъ къ себѣ Эриха и теперь просилъ его въ короткихъ словахъ передать ему, какое впечатлѣніе произвело на дѣтей Зонненкампа разоблаченіе страшной тайны. Узнавъ о предполагаемомъ судѣ, Вейдеманъ выразилъ полное къ нему сочувствіе и охотно согласился принять въ немъ участіе. Пока онъ, правда, не предвидѣлъ отъ суда никакихъ особенныхъ послѣдствій, но надѣялся, что съ помощью его во всякомъ случаѣ многое разъяснится, а главное опредѣлится дальнѣйшая судьба дѣтей.

Вейдеманъ былъ первое постороннее лицо послѣ маіора, которому Эрихъ сказалъ о своихъ отношеніяхъ къ Маннѣ. Это извѣстіе нисколько не удивило Вейдемана, напротивъ, онъ какъ будто ожидалъ его. Все, что онъ до сихъ поръ слышалъ о Маннѣ и что зналъ объ Эрихѣ, казалось ему, неизбѣжно должно было послужить къ ихъ сближенію. Что касается до суда, то онъ тѣмъ охотнѣе принималъ въ немъ участіе, что считалъ необходимымъ

для Эриха по возможности возстановить доброе имя его будущаго тестя, въ чемъ всѣ его друзья по мѣрѣ силъ своихъ должны ему содѣйствовать.

— Ахъ, воскликнулъ Эрихъ, какъ сильно въ былое время гордился я своею честностью, а теперь....

— Вы можете попрежнему гордиться ею, перебилъ его Вейдеманъ. Я же могу сказать вамъ въ успокоеніе, что большая часть состоянія Зонненкампа пріобрѣтена имъ не торговлей неграми. Я это знаю изъ вѣрнаго источника, а именно отъ моего племянника.

— Пожалуйста, убѣдите въ этомъ прежде всего нашего Роланда.

— Непремѣнно, а для этого пришлите его ко мнѣ какъ можно скорѣе.

Вейдеманъ между прочимъ выразилъ удивленіе, что Пранкенъ до сихъ поръ продолжаетъ считать себя сыномъ Зонненкампа и женихомъ Манны. Ему казалось непонятнымъ упорство, съ какимъ молодой баронъ цѣплялся за свои близкія отношенія съ обитателями виллы Эдемъ.

Эрихъ могъ только сказать, что они съ Манною рѣшили, во избѣжаніе новыхъ затрудненій и непріятностей, до поры до времени держать свою любовь въ тайнѣ. Вейдеманъ посовѣтовалъ имъ во всемъ признаться Зонненкампу до совершенія надъ нимъ суда. Эрихъ обѣщалъ.

Затѣмъ Вейдеманъ снова перешелъ къ обсужденію вопроса о судѣ и сказалъ:

— По моему мнѣнію, негру Адаму тоже слѣдовало бы участвовать въ судѣ, но я знаю что это очень трудно устроить.

Эрихъ сомнѣвался, чтобы Зонненкампъ согласился на подобную мѣру. Но Вейдеманъ стоялъ на томъ, что если бѣлые судятъ черныхъ, то черные въ свою очередь имѣютъ право судить бѣлыхъ. Эрихъ обѣщалъ переговорить съ Зонненкампомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Вейдемана не ставить этого въ непремѣнное условіе своего согласія самому участвовать въ судѣ.

Къ обѣду явился новый гость—докторъ. Онъ былъ по близости у одного больного, которому только-что сдѣлалъ очень удачную операцію и потому находился въ отличномъ расположеніи духа. Обратясь къ Эриху, онъ сказалъ:

— Еслибъ аптеки могли снабдить насъ, наравнѣ съ другими лекарствами, болѣе или менѣе значительными дозами успокоительныхъ недѣль и мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобъ мы ихъ разомъ принимали, многое бы на свѣтѣ легче устроивалось. Люди, у которыхъ я сегодня былъ, служатъ тому доказательствомъ.

И разсказавъ о своемъ недавнемъ визитѣ, докторъ прибавилъ:

— Прошу послѣ этого вѣрить громкимъ крикамъ дворянъ на счетъ ихъ оскорбленной добродѣтели! Человѣкъ, съ которымъ я только-что разстался, сынъ бывшей герцогской любовницы, а дѣти его уже успѣли породниться со всей знатью въ странѣ. Такъ точно будетъ и съ Роландомъ. Лѣтъ черезъ десять никто больше не станетъ заботиться объ источникѣ его богатства.

Когда доктору изложили планъ предполагаемаго суда и сказали, что отъ него ожидаютъ участія въ немъ, онъ воскликнулъ:

— Вотъ они, старые тираны! Они любятъ играть въ собственные похороны; только я, мое почтеніе, отказываюсь участвовать въ траурномъ кортежѣ. Неужели вы думаете, что онъ подчинится нашему приговору? Будьте увѣрены, онъ все это устроиваетъ съ цѣлью скомпрометтировать съ собой другихъ людей. Онъ всѣхъ васъ морочитъ, а вы, любезный Дорнэ, уже и безъ того не мало пострадали отъ него. Совѣтую вамъ все это бросить. Вы хотите негра — то-есть нѣтъ, ошибся, торговца неграми вымыть до-бѣла.

Докторъ засмѣялся и по обыкновенію увлекъ за собой всѣхъ другихъ, такъ какъ никто не могъ слышать его веселаго хохота безъ того, чтобы самому не заразиться имъ.

— Въ сущности, продолжалъ докторъ, молодецъ мнѣ нравится. Онъ изъ матеріала, изъ котораго въ доброе старое время слагались отличные злодѣи. Въ наше время не то. Современные намъ злодѣи слишкомъ рефлективны, сознательны. Имъ мало дѣйствовать подъ вліяніемъ элементарныхъ силъ природы, и они безпрестанно посягаютъ на логику. Еслибъ этотъ Зонненкампъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ перемѣниться, онъ выказалъ бы себя самымъ жалкимъ и презрѣннымъ трусомъ.

— Трусомъ?... повторилъ Вейдеманъ. У кого нечиста совѣсть, тотъ, я полагаю, не можетъ быть истинно храбрымъ человѣкомъ. Злодѣй бываетъ дерзокъ, отваженъ до безумія, но никогда не обладаетъ настоящимъ мужествомъ.

— Вотъ какъ! перебилъ докторъ. Но развѣ я вамъ уже не говорилъ, до какой степени мнѣ противны всѣ эти сантиментальные толки объ улучшеніи быта негровъ. У меня врожденное отвращеніе къ чернымъ людямъ. Я не вижу, почему мой разсудокъ долженъ возставать противъ такого естественнаго физіологическаго явленія и давать моему отвращенію обидное названіе предразсудка. Но вѣдь, мнѣніе, будто наши предразсудки всегда неосновательны, тоже можетъ въ свою очередь быть названо предразсудкомъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы у насъ было побольше такихъ естественныхъ отвращеній, отъ которыхъ бы насъ не могли

избавить никакія усилія такъ-называемой цивилизаціи. Торговля неграми, конечно, дѣло не хорошее, но я на мѣстѣ герцога все-таки далъ бы Зонненкампу дворянство, да еще сказалъ бы ему вдобавокъ: любезный другъ, пойди въ баню, умойся, а затѣмъ ѣшь, пей и веселись. Къ чорту всѣ эти толки о чистотѣ крови!.. Больше всего бѣситъ меня профессоръ Крутіусъ, который преждевременнымъ выпускомъ въ свѣтъ своей статьи оказалъ большую услугу знати. Что стоило ему обождать день другой, пока Зонненкампъ вступитъ въ ряды дворянъ, а тамъ бы и хватилъ его, а съ нимъ вмѣстѣ и ихъ всѣхъ. Такъ было бы гораздо лучше.

Докторъ, казалось, поставилъ себѣ задачей обратить все дѣло въ шутку. Но вечеромъ, когда Эрихъ, собираясь домой, привязалъ свою лошадь къ его экипажу, а самъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, докторъ сказалъ:

— Впрочемъ я, ради васъ, согласенъ принять участіе въ судѣ, который сзываетъ этотъ Зонненкампъ. Вы серьезно думаете, что человѣкъ съ помощью воли можетъ загладить преступное и вѣрите въ возможность исправленія? Хорошо, ваша вѣра подвигнетъ мою гору невѣрія. Посмотримъ.

Эрихъ сообщилъ о своемъ посѣщеніи Вольфсгартена и не мало удивился, когда докторъ сказалъ ему, что противорѣчіе между Клодвигомъ и Беллой, доселѣ глухо дававшее себя чувствовать, въ настоящую минуту приближалось къ кризису.

— Белла, сказалъ онъ, старается забыться. Она стала учиться по-латыни и подобно тому, какъ другія, болѣе мелкія натуры, ищутъ возбужденія въ водкѣ, она ищетъ опьяненія въ поэзіи Байрона. Мнѣ не слѣдовало бы такъ говорить о Байронѣ, я нѣкогда былъ отъ него безъ ума. Но теперь пришелъ къ убѣжденію, что его поэзія не вино, а.... Впрочемъ, я вѣдь отъявленный еретикъ и отщепенецъ.

Эриха передернуло, а докторъ, замѣтивъ это, прибавилъ:

— Васъ возмущаетъ моя ересь, но вѣдь это не болѣе какъ мое личное мнѣніе!! Докторъ хотѣлъ-было по старой привычкѣ напасть на Беллу, но Эрихъ остановилъ его невольно вырвавшимся у него замѣчаніемъ. Онъ не могъ не удивляться упорству, съ какимъ докторъ постоянно выражалъ самое невыгодное мнѣніе о графинѣ, къ которой въ былое время питалъ довольно сильную склонность.

— Отлично! воскликнулъ докторъ. Что за удивительная женщина! она вамъ сказала, что я былъ къ ней не равнодушенъ? Превосходно! Я удивляюсь ловкости, съ какой она прибѣгла къ средству, которое, по ея разсчету, должно было уничтожить въ

васъ всякое довѣріе къ моему сужденію о ней. Мы, мужчины, въ сравненіи съ нею непроходимые дураки. Чѣмъ бы вамъ поклясться? Да, нѣтъ, вы и такъ повѣрите. Неужели вы считаете меня способнымъ дурно говорить о женщинѣ, къ которой бы я чувствовалъ хоть самую мимолетную страсть!... Но какъ бы то ни было, я вамъ очень благодаренъ, вы доставили мнѣ случай напомнить мое знаніе людей. Къ тому же теперь я могу успокоиться, а то я боялся, ужъ не черезчуръ ли я былъ строгъ къ этой женщинѣ. Припомните мнѣ когда-нибудь нашу сегодняшнюю поѣздку. Говорю вамъ, эта женщина еще заставитъ о себѣ говорить.—Какимъ образомъ, не знаю, но изобрѣтательность ума, какою она обладаетъ, не можетъ такъ рано умереть.

Эрихъ былъ непріятно пораженъ. Зачѣмъ еще этому было сегодня сюда примѣшиваться? или у него и безъ того мало тяжести на сердцѣ? Онъ едва слышалъ, какъ докторъ сообщалъ ему о непріятностяхъ, которымъ баронъ фонъ-Пранкенъ подвергался въ обществѣ и при дворѣ, за то, что продолжалъ свои близкія сношенія съ Зонненкампомъ.

Достигнувъ долины, Эрихъ отвязалъ свою лошадь отъ экипажа и, простясь съ докторомъ, поѣхалъ обратно на виллу.

Въ комнатѣ Зонненкампа еще свѣтился огонь. Онъ приказалъ просить къ себѣ Эриха. Молодой человѣкъ сообщилъ ему, что всѣ изъявили готовность участвовать въ судѣ; но о предложеніи Вейдемана на счетъ негра Адама умолчалъ.

— Благодарю васъ, отъ всего сердца благодарю, сказалъ Зонненкампъ, сидя въ своемъ креслѣ. Въ голосѣ его было что-то старческое, разбитое..... Но еще одно слово, прибавилъ онъ вставая. Графинѣ Беллѣ все извѣстно?

— Не знаю, но полагаю, что графъ ей все сообщитъ.

— Она ничего обо мнѣ не говорила?

— Нѣтъ.

— Ровно ничего? А о моей семьѣ?

— Какже, она освѣдомлялась о дѣтяхъ.

— Такъ.... о дѣтяхъ!.... хорошо. Благодарю васъ.... Доброй ночи!...

Эрихъ ушелъ въ свою комнату. Онъ долго стоялъ у окна и смотрѣлъ въ даль.

Любовь къ природѣ присуща человѣку въ самыя тяжелыя минуты его жизни, и благо тому, кто въ созерцаніи ея способенъ забывать всѣ свои горести.

То была темная осенняя ночь. Надъ горами тяжелой массой висѣла черная туча. Вдругъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она какъ будто соединилась съ холмами, блеснула и легла на горизонтѣ яркая

полоса свѣта. Туча мгновенно утратила часть своего мрака; изъ-за горъ медленно выплылъ мѣсяцъ, но туча быстро покрыла его. Она какъ будто еще тяжеле повисла надъ ландшафтомъ и только окраины ея свѣтились мягкимъ серебристымъ свѣтомъ. А справа и слѣва по всему небосклону носились небольшія сѣраго цвѣта облака.

Эрихъ закрылъ глаза и погрузился въ глубокую думу. Когда онъ опомнился, мѣсяцъ стоялъ высоко надъ тучей и ландшафтъ блисталъ облитый луннымъ свѣтомъ, который трепеталъ, отражаясь въ рѣкѣ. Но туча, медленно подвигаясь, снова накрыла мѣсяцъ. Эрихъ долго смотрѣлъ въ окно. Наконецъ туча исчезла, все небо стало гладко какъ поверхность слегка затуманившейся стали, по которой спокойно и величаво катился серебристо-огненный шаръ.

Природа въ своихъ дѣйствіяхъ сообразуется съ вѣчными непреложными законами, почему бы и человѣческой жизни не слагаться по ея образцу?

Эрихъ думалъ о Маннѣ, и мысль о ней наполняла его душу мягкимъ, кроткимъ свѣтомъ, подобнымъ тому, какой разливалъ на всѣ предметы сіявшій на небѣ мѣсяцъ.

ГЛАВА VI.

ОТОРВАННАЯ ВѢТВЬ.

Зонненкампъ еще продолжалъ хлопотать объ устройствѣ суда, когда вернулся Пранкенъ. Молодой баронъ казался не въ духѣ, и на распросы Зонненкампа о причинѣ его разстройства вмѣсто отвѣта вынулъ изъ кармана нѣсколько писемъ. Прежде всего онъ раскрылъ то, въ которомъ гофмаршалъ старался его убѣдить, что ему, въ качествѣ каммергера при герцогскомъ дворѣ, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ поддерживать сношеній съ человѣкомъ, который, не только себя обезчестилъ, но еще провинился въ нанесеніи его высочеству оскорбленія. Онъ прибавлялъ, что даже шли толки о томъ, не слѣдуетъ ли Зонненкампа за это послѣднее обстоятельство подвергнуть суду.

Зонненкампъ слегка вздрогнулъ, а затѣмъ разразился громкимъ, неестественнымъ хохотомъ.

— Дайте мнѣ еще разъ взглянуть на это письмо, сказалъ онъ.

Внимательно перечитавъ его, онъ, молча, отдалъ его назадъ, а потомъ спросилъ, что заключалось въ другомъ письмѣ?

— Это еще серьезнѣе и рѣшительнѣе, замѣтилъ Пранкенъ,

передавая ему пакетъ за печатью военнаго суда. Барону угрожали исключеніемъ изъ полка, если онъ не прекратитъ сношеній съ Зонненкампомъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ Зонненкампъ. Я съ своей стороны ничего отъ васъ не требую.

— Но я рѣшился вась не оставлять, сказалъ Пранкенъ.

Зонненкампъ обнялъ его. Наступило молчаніе.

— Я никого и ничего не боюсь! воскликнулъ Пранкенъ. Но вотъ письмо къ вамъ самимъ.

И онъ вручилъ ему пакетъ отъ государственнаго совѣтника.

Зонненкампъ началъ читать.

Тонъ письма отличался вѣжливостью, но заключалъ въ себѣ совѣтъ, куда-нибудь ѣхать хоть навремя, пока не остынетъ рвеніе партіи, требовавшей подвергнуть Зонненкампа суду за оскорбленіе высочества.

— Вамъ извѣстно содержаніе этого письма? спросилъ Зонненкампъ.

— Какъ же! Государственный совѣтникъ хотѣлъ дать мнѣ его незапечатаннымъ.

— Что же вы мнѣ посовѣтуете?

— Я раздѣляю его мнѣніе.

Легкая судорога на мгновеніе исказила лицо Зонненкампа.

«Умно, очень умно, подумалъ онъ про себя. Вы хотите меня спровадить и завладѣть моимъ имуществомъ.....»

И воображеніе живо нарисовало ему картину тюрьмы, а въ ней томящагося въ неволѣ самого себя. Ему вдругъ стало жутко, онъ вздрогнулъ, но тотчасъ же оправился.

— Слѣдовательно, вы раздѣляете мнѣніе государственнаго совѣтника?

— Да. Но прежде чѣмъ вы уѣдете, позвольте мнѣ предложить вамъ мѣру, которая вамъ дастъ возможность снова встать на ноги, а мнѣ принесетъ новую честь.

— Развѣ существуетъ такая мѣра?

— Да. Я уже вамъ говорилъ, что есть еще другая, скромная, но могущественная партія, которую мы, или скорѣе вы, можете склонить легко въ свою пользу.

Пранкенъ объявилъ, что ему предстоитъ на дняхъ явиться въ собраніе дворянъ, приверженцевъ римской церкви, которые соберутся толковать о приисканіи средствъ для снабженія папы военными силами.

— Ужъ вы сами не думаете ли вступить въ папское войско? спросилъ Зонненкампъ.

— Я охотно вступилъ бы, отвѣчалъ Пранкенъ, еслибъ не

долженъ былъ оставаться здѣсь на посту, гдѣ меня удерживаетъ долгъ чести и любви!!

— Хорошо, очень хорошо. Извините, что я васъ прервалъ! Но зачѣмъ вы мнѣ все это говорили? Вѣдь я не дворянинъ, а слѣдовательно, не могу принять участія въ этомъ собраніи.

— Можете.

— Какимъ образомъ?

— Вы дадите денегъ для образованія полка, а я вамъ ручаюсь, что вы не только не подвергнетесь болѣе никакому преслѣдованію, но еще, напротивъ, пріобрѣтете себѣ славу и почести.

Зонненкампъ усмѣхнулся.

— А если я дамъ денегъ, спросилъ онъ, то мнѣ будетъ позволено здѣсь остаться?

— По моему, вамъ все-таки лучше бы на время уѣхать.

По лицу Зонненкампа скользнула торжествующая улыбка. «Такъ вотъ какъ! думалъ онъ, они хотятъ разомъ отнять у меня часть имущества и выслать меня прочь.» Онъ очень любезно улыбнулся Пранкену и сказалъ:

— Отлично! А здѣшній патеръ знаетъ объ этомъ?

— Нѣтъ. Но я заручился содѣйствіемъ декана капитула канониковъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пригласить сюда патера!

Сдѣлайте одолженіе! Я самъ за нимъ схожу.

— Нѣтъ, останьтесь?

Зонненкампъ крикнулъ въ проведенную въ стѣнѣ трубу, чтобъ немедленно пошли за патеромъ и пригласили его на виллу. Затѣмъ, обращаясь къ Пранкену, онъ сказалъ:

— Такъ вотъ что вы мнѣ совѣтуете! отлично! оно такъ и слѣдуетъ. Мы на деньги, вырученныя за продажу черныхъ, купимъ бѣлыхъ, и послѣдніе отъ этого станутъ еще бѣлѣе,—нѣтъ, они превратятся въ святыхъ.

— Я васъ не понимаю.

— Очень можетъ быть. Я, видите ли, радуюсь тому, что свѣтъ такъ хорошо устроенъ. Молодой другъ мой! въ университетахъ, я слышалъ, читаютъ лекціи о добродѣтели, которую возводятъ тамъ въ строгую нравственную систему. Я вамъ предлагаю сдѣлать тоже самое въ отношеніи къ пороку, а затѣмъ учредить въ университетѣ каѳедру для преподаванія этой новой отрасли науки. Могу васъ увѣрить, къ намъ нахлынутъ толпы слушателей, которыхъ мы станемъ просвѣщать свѣтомъ настоящей истины, а не той, которую обыкновенно называютъ этимъ

именемъ. Свѣтъ, повторяю, отлично устроенъ! Общество непремѣнно должно бы было назначить меня профессоромъ житейской мудрости, которую до сихъ поръ вовсе не такъ понимали и толковали. Пора взяться за умъ и сбросить съ себя личину мнимой нравственности. Но вотъ бѣда, я до сихъ поръ встрѣтилъ только одного человѣка, который съ успѣхомъ могъ бы слушать мои лекціи. Человѣкъ этотъ, къ сожалѣнію — женщина; а впрочемъ пора намъ бросить и этотъ предразсудокъ. Отлично!

— Вы все еще мнѣ не сказали, началъ Пранкенъ, одобряете ли вы мой планъ?

— Неужели не сказалъ? Ахъ, молодой другъ мой! Вы еще не можете быть профессоромъ; вы ученикъ, которому предстоитъ начать учиться чуть ли не съ азбуки. Я хотѣлъ бы основать новый Римъ, какъ нѣкогда былъ основанъ древній, исключительно изъ бродягъ и изъ преступниковъ. Это самый лучшій и способный классъ людей.

— Я васъ не понимаю.

— Гдѣ же вамъ! мягко проговорилъ Зонненкампъ. Вы правы, намъ слѣдуетъ быть тихими, кроткими, въ высшей степени нравственными и честными людьми. Только, знаете ли, молодой другъ мой, у меня есть въ виду кое-что совсѣмъ другое. Къ тому же ловушка, разставленная для меня деканомъ, черезчуръ не затѣйлива: я не пойду на такую грубую приманку.

Пранкенъ былъ до крайности возмущенъ. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ обращались какъ со школьникомъ, и это выводило его изъ себя.

Онъ выпрямился, бѣгло взглянулъ на себя въ зеркало, точно желая убѣдиться, что онъ въ самомъ дѣлѣ уже не мальчишка. Затѣмъ, гордо откинувъ назадъ голову, онъ съ важностью произнесъ:

— Многоуважаемый батюшка! прошу васъ прекратить эти неумѣстныя шутки.

— Шутки? Да развѣ я шучу?

— Да. Вы не станете отвергать, что я оставался вамъ до конца вѣренъ.... Что преданность моя къ вамъ и вашему дому была безгранична. Я обращался съ вами, какъ съ равнымъ. Впрочемъ я вовсе не это хотѣлъ сказать. Я хочу только просить васъ не отвергать моего плана. У насъ есть серьезныя обязанности, и я считаю себя вправѣ требовать отъ васъ....

— Что же, договаривайте! Повиновенія, хотите вы сказать, не такъ ли? Извольте, благородный другъ, я готовъ вамъ повиноваться. Хорошо... Какой же полкъ сформируемъ мы: пѣхотный или кавалерійскій? Въ какую форму одѣнемъ мы солдатъ? Роланда

мы, конечно, прямо произведемъ въ офицеры. Онъ отлично сидитъ на конѣ, и потому я стою за кавалерію. Видите ли, молодой мечтатель, у меня тоже нѣтъ недостатка въ фантазіи. Ахъ, какъ весело! мы съ вами, съ головы до ногъ вооруженные, мчимся по полямъ.... У насъ отличное оружіе.... Я кое-что въ этомъ дѣлѣ смыслю. Я въ Америкѣ пошатался, можетъ, болѣе, чѣмъ всѣ вы думаете.... А что, не отправить ли намъ будущій полкъ въ Америку?

— Это было бы еще лучше.

— Ха, ха, ха! разсмѣялся Зонненкампъ. Утренніе сны! Говорятъ, что утромъ всегда снятся самыя пріятныя вещи.... Но, любезный другъ, пора ужъ и проснуться и перестать бредить.

Пранкенъ чувствовалъ себя точно связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Ему казалось, что онъ попалъ въ пасть ко льву и волей или неволей долженъ былъ уступить, смириться. Боясь раздражить льва, онъ давалъ ему играть съ собой, но всякую минуту дрожалъ отъ страха, чтобъ тотъ, вонзивъ въ него свои когти, не разорвалъ его на части. Еслибъ была какая-нибудь возможность убѣжать!

Пранкенъ схватился за голову. «Что это за человѣкъ? чего онъ отъ меня хочетъ?»

А Зонненкампъ, спокойно положивъ ему руку на плечо, говорилъ:

— Я ничего не имѣю противъ вашего благочестія,—искреннее оно или притворное—все равно. Но, молодой другъ мой, я вовсе не желаю, чтобъ на мои деньги разживались монахи. Манна собирается основать монастырь, вы хотите формировать полкъ, а я на все это подавай деньги.... Сознайтесь, что вы пошутили, и перестанемъ объ этомъ говорить. Будьте себѣ на умѣ, водите за носъ тѣхъ, которые воображаютъ себя умнѣе васъ; вы увидите со временемъ, что это самое пріятное занятіе... Ахъ, вонъ Манна въѣзжаетъ въ дворъ! Надо ее позвать сюда!

Онъ крикнулъ въ трубу, чтобы Манна немедленно къ нему пришла.

Прежде чѣмъ Пранкенъ успѣлъ вымолвить слово, отворилась дверь и въ комнату вошла молодая дѣвушка.

— Вы меня звали? сказала она, обратясь къ отцу.

— Да. Ну что въ монастырѣ?

— Я распростилась съ нимъ навѣки.

— Благодарю тебя, дитя мое, благодарю! Ты хорошо поступила: ты знала, какъ меня утѣшить, особенно теперь. Ну, покончимъ же кстати и другое дѣло. Какъ ты свѣжа и бодра! Я давно тебя такою не видалъ. Баронъ Пранкенъ, вы видите, Манна

наконецъ освободилась... Дайте мнѣ слово, что все, о чемъ мы сейчасъ говорили, останется между нами. Согласны вы?

Пранкенъ не отвѣчалъ.

— Я не знала, что вы здѣсь, баронъ, начала Манна; но впрочемъ это къ лучшему, что я васъ здѣсь застала.

— Конечно къ лучшему, подтвердилъ Зонненкампъ. Чтобы ты ни хотѣла мнѣ сообщить, нашъ молодой и вѣрный другъ все можетъ слышать. Садись!

Онъ по привычкѣ взялъ маленькую палочку и принялся ее стругать.

Манна не сѣла, но, схватившись за спинку стула, взволнованнымъ голосомъ произнесла:

— Баронъ Пранкенъ, прежде всего позвольте мнѣ вамъ высказать мою признательность за вашу неизмѣнную дружбу....

— Это дѣло.... перебилъ ее Зонненкампъ и поднялъ глаза отъ своей работы. —Хорошо; мнѣ теперь ничто такъ не нужно какъ спокойствіе, миръ и тихая радость. Подай же нашему другу руку.

— Я ему охотно подаю ее, но на прощанье...

— Какъ на прощанье? грозно воскликнулъ Зонненкампъ и, сильно вонзивъ ножъ въ палочку, разсѣкъ ее пополамъ. Онъ всталъ съ мѣста и, подойдя къ Маннѣ, схватилъ ее за руку.

— Позвольте, остановила его Манна. Баронъ Пранкенъ, вы благородный человѣкъ и я васъ глубоко уважаю. Вы много сдѣлали для моего отца, и я, какъ дочь, до конца жизни буду вамъ признательна, но....

— Но что? спросилъ Зонненкампъ.

Манна не отвѣчала ему, но продолжала, обращаясь къ Пранкену:

— Я считаю себя обязанной сказать вамъ правду. Я не могу быть вашей женой, потому что люблю Эриха Дорнэ, который съ своей стороны меня любитъ. Онъ и я, мы составляемъ одно, и никакія силы земли и неба не могутъ насъ разлучить.

— Ты любишь учителя, гугенота, презрѣннаго торгаша сентенціями, обманщика, лицемѣра?...... Да я задушу его своими руками, этого вора....

— Отецъ, сказала Манна, гордо выпрямляясь. Въ глазахъ ея засвѣтилось геройское мужество; она какъ будто выросла и сдѣлалась сильнѣе. Отецъ! капитанъ Дорнэ, правда, учитель и гугенотъ, но все остальное, что ты о немъ говорилъ, тебѣ внушаетъ твой гнѣвъ.

— Мой гнѣвъ.... ты меня еще не знаешь. Я положилъ всю свою жизнь на этотъ....

— Отецъ, не произноси угрозъ; намъ, твоимъ дѣтямъ, и безъ того не легко.

Страшный, ужасающій вопль вырвался изъ груди Зонненкампа.

Онъ обратился къ Пранкену и воскликнулъ:

— Уйдите, баронъ! Я хочу остаться съ ней одинъ.

— Нѣтъ! сказалъ Пранкенъ, я не могу уйти... Я любилъ вашу дочь и имѣю право ее защищать.

Зонненкампъ схватился рукою за столъ; у него начинала кружиться голова.

— Слышишь, Манна, воскликнулъ онъ, слышишь? И ты отталкиваешь отъ себя такого рыцаря! Опомнись, дитя! Я готовъ тебя молить на колѣняхъ.... Пойми свое заблужденіе!.. Мнѣ и безъ того горько, тяжело... не возлагай на меня еще этого новаго бремени. Смотри, что за человѣкъ предъ тобою... Манна, ты умное и доброе дитя! неправдали, ты только пошутила... ты хотѣла насъ испытать... Да, ты улыбаешься... благодарю тебя, дитя мое, благодарю!... Ты теперь еще болѣе убѣдилась въ его благородствѣ. Манна, вотъ онъ! возьми его... Раскрой ему свои объятія. Я на все соглашусь.... Я готовъ умереть, только исполни это мое единственное желаніе....

— Я не могу, отецъ, не могу!

— Можешь и исполнишь!

— Отецъ, повѣрь мнѣ....

— Тебѣ повѣрить? Но развѣ это можно? Давно ли ты клялась, что будешь монахиней?... Кто такъ быстро мѣняетъ свои намѣренія, тому нельзя вѣрить.

— Отецъ, мнѣ невыразимо больно огорчать тебя и барона....

— Хорошо.... хорошо! я и это вынесу. Вырѣжь у меня изъ груди сердце; оно къ сожалѣнію еще бьется во мнѣ. На то ли шелъ я въ бой съ Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, на то ли потерпѣлъ пораженіе и подвергся изгнанію, чтобы назвать сыномъ этого лицемѣра!... Вотъ каковы они эти философы-идеалисты и добродѣтельные мечтатели!.. Они вкрадываются къ вамъ въ домъ въ качествѣ воспитателя и затѣмъ женятся на вашей дочери, или лучше сказать—на ея милліонахъ.... О мудрые философы и въ тоже время ловкіе пройдохи, плуты и лицемѣры!. Нѣтъ! я этого не потерплю!!.

Онъ сжималъ и разжималъ пальцы, точно дикій звѣрь, собирающійся вонзить въ добычу когти.

— Дайте мнѣ что-нибудь разорвать или уничтожить, воскликнулъ онъ въ бѣшенствѣ, иначе я не знаю, что сдѣлаю. Ты...

Пранкенъ положилъ ему на плечо руку. Всѣ трое молчали,

тяжело переводя духъ. Болѣе всѣхъ взволнованнымъ казался Пранкенъ.

Манна спокойно выдержала взглядъ отца, хотя не могла вполнѣ дать себѣ отчета въ выраженіи, съ какимъ онъ былъ на нее устремленъ. А онъ, подойдя къ трубѣ, снова крикнулъ въ нее:

— Позвать сюда капитана Дорнэ.

Затѣмъ, обратясь къ дочери, онъ продолжалъ:

— Манна, я тебя не принуждаю ни къ чему, но только требую одного, а именно, чтобъ ты отказалась отъ этого учителя.

Минуту спустя онъ прибавилъ:

— Кажется, патеръ долженъ былъ сюда придти?

— Да, вы за нимъ посылали.

Патеръ не заставилъ себя долго ждать. Увидѣвъ его въ дверяхъ, Зонненкампъ сказалъ:

— Святой отецъ, здѣсь, въ присутствіи этихъ свидѣтелей, объявляю вамъ, что отдаю мою виллу Эдемъ подъ монастырь, если только дочь моя Манна, согласно своему давнишнему желанію, приметъ монашество.

Манна недоумѣвала. Какъ могъ ея отецъ такъ жестоко шутить съ ней, съ Эрихомъ, съ Пранкеномъ, со всѣми? Она не знала, что ей дѣлать, что говорить. Патеръ обратился къ ней съ протянутой рукой. Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ Эрихъ и сразу все понялъ.

— Извѣстно ли вамъ, кто я? спросилъ у него Зонненкампъ.

Эрихъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— А знаете ли вы, кто этотъ человѣкъ и кто эта дѣвушка? А затѣмъ, видите ли вы что тамъ на стѣнѣ? И онъ указалъ рукой на висѣвшій надъ его головой хлыстъ. Знаете ли вы, что это такое? Не одна невольничья спина... Онъ задыхался и не могъ продолжать.

Эрихъ, окинувъ его гордымъ взглядомъ, спокойно произнесъ:

— Есть руки, отъ которыхъ получить ударъ не составляетъ безчестія.

Изъ груди Зонненкампа вырвался глухой стонъ, а Эрихъ, обращаясь къ Маннѣ сказалъ:

— Прошу тебя, Манна, уйди отсюда.

— Ты!... Манна!... воскликнулъ Зонненкампъ, и бросился на Эриха. Пранкенъ остановилъ его.

— Господинъ Зонненкампъ, если здѣсь кто-нибудь имѣетъ право требовать у капитана Дорнэ удовлетворенія, то это конечно я.

— Прекрасно! воскликнулъ Зонненкампъ, опускаясь на стулъ.

Отдаю въ твои руки, месть, мою жизнь и честь. Говори ты, я болѣе ни слова не произнесу.

— Капитанъ Дорнэ, началъ Пранкенъ. Когда я васъ ввелъ въ этотъ домъ, я вамъ съ самаго начала объяснилъ, въ какихъ отношеніяхъ находился къ дочери господина Зонненкампа. До сихъ поръ я васъ до нѣкоторой степени все-таки уважалъ, но теперь съ сожалѣніемъ вижу себя вынужденнымъ вовсе лишить васъ моего уваженія.

Эрихъ гордо выпрямился.

— Я не стану съ вами драться, продолжалъ Пранкенъ. Вы ограждены отъ нападенія съ моей стороны священнымъ въ моихъ глазахъ панцыремъ. Ваша жизнь, капитанъ Дорнэ, находится подъ защитой фрейленъ Манны и потому самому неприкосновенна для меня. Это да будетъ моимъ послѣднимъ словомъ вамъ. Но васъ, господинъ Зонненкампъ, я буду просить еще объ одномъ. Дайте мнѣ вашу руку и обѣщайтесь исполнить мое желаніе.

— Обѣщаюсь... Я все готовъ для тебя сдѣлать, только не сформировать полкъ и не согласиться на соединеніе этихъ двухъ... За исключеніемъ этого, требуй отъ меня, чего хочешь.

— Хорошо. Итакъ, я беру съ васъ слово, что вы пощадите этого человѣка.

Пранкенъ дрожащими руками ощупалъ свои карманы и вынувъ изъ нихъ маленькую книжечку, подалъ ее Маннѣ.

— Фрейленъ Манна, произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ: здѣсь и до сихъ поръ лежитъ та вѣтка, которую вы мнѣ нѣкогда дали. Она теперь завяла, возьмите ее обратно. Подобно тому, какъ оторванная отъ дерева вѣтка болѣе не можетъ къ нему прирости, такъ точно я навсегда оторванъ отъ всѣхъ васъ.

Окинувъ Манну исполненнымъ грусти взглядомъ, онъ прибавилъ:

— Итакъ, мы на вѣки разстались.

Затѣмъ онъ, не торопясь, спокойно натянулъ перчатку, застегнулъ ее, взялъ шляпу, всѣмъ поклонился и вышелъ.

Манна почти съ восторгомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, потомъ быстрымъ движеніемъ схватила за руку Эриха.

Они рядомъ стояли передъ Зонненкампомъ, который, закрывъ лицо руками, воскликнулъ:

— Ужъ не благословенія ли моего вы ожидаете? Человѣкъ, подобный мнѣ, изъ рукъ котораго не есть безчестіе получить ударъ, не можетъ раздавать благословеній. Идите, идите прочь

отсюда!... Или я болѣе не имѣю права ничего приказывать? что вы тутъ продолжаете стоять и на меня смотрѣть?

— Господинъ Зонненкампъ, началъ Эрихъ, увѣряю васъ, что мое замѣчаніе относилось не къ вамъ, а къ барону Пранкену. Но оно васъ оскорбило, и я отъ всего сердца прошу у васъ прощенія. Я не владѣлъ собой, но тѣмъ не менѣе сознаю себя неправымъ передъ вами, не потому только что вы отецъ Манны, но и потому еще, что вы человѣкъ, которому теперь и безъ того приходится многое переносить...

— Хорошо, хорошо, мнѣ знакомо ваше умѣнье читать проповѣди... Довольно. Развѣ вся ваша жизнь здѣсь не была ложью? Или вы станете утверждать, что вы не воръ? Помните ли вы, о чемъ я васъ спрашивалъ, когда водилъ васъ по дому? И вы могли такъ долго лгать и притворяться! Проклятіе! Какая послѣ этого возможна вѣра въ людей! Я вамъ вѣрилъ, считалъ васъ неспособнымъ на обманъ. Вы же все время лгали, съ того самаго часа, какъ я васъ водилъ по дому и до сей минуты. Что бы ни было далѣе, я теперь срываю съ васъ маску.

— Господинъ Зонненкампъ, возразилъ Эрихъ. Я долго боролся, прежде чѣмъ поддался этой любви, которая оказалась сильнѣе меня... сильнѣе всего на свѣтѣ. Меня прельщаютъ не ваши богатства: я доказываю это тѣмъ, что отказываюсь отъ нихъ навсегда и говорю: никогда ничто изъ нихъ не будетъ моей собственностью. Я не присоединяю къ моимъ словамъ ни увѣреній, ни клятвъ. И тѣ и другія безполезны, такъ какъ вы мнѣ не вѣрите.

— А вы бы еще хотѣли, чтобъ я вамъ вѣрилъ? Шутите, прекрасный, благородный, добрый, великодушный молодой человѣкъ! Я многимъ владѣю, но къ сожалѣнію не имѣю того, чего вы желаете, а именно вѣры въ васъ. Она когда-то и была у меня, но теперь безвозвратно пропала. Я тоже не клянусь, но знаю что меня болѣе никто не обманетъ.

— Я прошу отца Роланда и Манны... началъ Эрихъ дрожащимъ голосомъ... прошу его съ сыновней покорностью, не быть ко мнѣ несправедливымъ. Вы еще убѣдитесь, я въ томъ не сомнѣваюсь, что я тогда какъ теперь говорилъ вамъ одну правду.

— Правду? Хороша правда! Уйдите прочь! Я хочу... я долженъ остаться одинъ.

Эрихъ и Манна, держась за руку, вышли изъ комнаты, но остановились у дверей и долго тамъ ждали. Немного спустя къ Зонненкампу въ кабинетъ прошелъ Іозефъ, и возвращаясь оттуда объявилъ, что баринъ его послалъ за нотаріусомъ.

Эрихъ и Манна отправились въ садъ. Такова сила любви, что они, несмотря на терзавшія ихъ горе и сомнѣнія, въ глубинѣ души чувствовали себя счастливыми, какъ будто всѣ печали ихъ уже миновали.

— Помоги мнѣ, сказала Манна Эриху, идя съ нимъ подъ руку. Меня преслѣдуетъ мысль, которая, я не вижу, къ чему могла бы насъ привести. Когда герцогъ во время своего посѣщенія нашей виллы ласково о тебѣ отозвался, слова его обрадовали меня болѣе, чѣмъ еслибъ относились прямо ко мнѣ. Помнишь ли ты? Я тебѣ передала его замѣчаніе. Онъ просилъ тебя не забывать, что ты нѣкогда былъ его товарищемъ, обстоятельство, которое самъ онъ очень хорошо помнилъ. Не думаешь ли ты, что это расположеніе къ тебѣ герцога можно было бы теперь употребить въ нашу пользу? Какимъ образомъ, я не умѣю сказать, но мнѣ кажется... я сама не знаю, что мнѣ кажется.

— Я тоже объ этомъ думалъ отвѣчалъ Эрихъ; мнѣ хорошо памятны слова герцога, но я рѣшительно не знаю, на что бы намъ теперь могли пригодиться его милости. Ахъ, Манна, тогда мнѣ въ первый разъ сдѣлалось ясно, что мысли твои были обращены ко мнѣ.

И молодые люди, забывъ всѣ свои заботы, углубились въ воспоминанія о прошломъ. Вся горечь настоящаго для нихъ исчезла.

На лицо Манны точно легъ яркій солнечный лучъ. У нея была сильная, свободная душа, которая ясно свѣтилась въ ея большихъ, черныхъ, блестящихъ глазахъ.

— О чемъ ты смѣешься? внезапно спросила она, замѣтивъ улыбку на лицѣ Эриха.

— Мнѣ пришло на умъ одно сравненіе.

— Сравненіе?

— Да. Я когда-то слышалъ, что настоящій брильянтъ отличается отъ фальшиваго тѣмъ, что если на него дохнуть, съ него мгновенно исчезаетъ всякая тусклость. Ты, моя Манна, точно такой же брильянтъ.

Между тѣмъ какъ молодые люди гуляли въ саду, Зонненкампъ сидѣлъ одинъ и почти радовался новой причинѣ своихъ мученій. Изъ глубины души его вдругъ поднялось гордое, радостное чувство, при мысли о мужествѣ, выказанномъ его дочерью. Она его истинное, гордое и непреклонное дитя. Мысли Зонненкампа шли дальше. «Дочь меня покидаетъ, думалъ онъ, слѣдуетъ влеченію собственной воли и тѣмъ самымъ освобождаетъ отъ всякихъ въ отношеніи къ ней обязанностей. Мнѣ

только о ней и слѣдовало заботиться, сынъ самъ себѣ проложитъ дорогу въ жизни. Церера... Ту не трудно удовлетворить. Стоитъ только подарить ей новое платье, дорогой уборъ и разсказать ей сказку, которая мгновенно ее убаюкаетъ».

Зонненкампъ вышелъ въ садъ и отправился въ оранжерею, гдѣ были накоплены цѣлыя кучи чернозема. Онъ накинулъ на себя сѣрую блузу и принялся копаться въ землѣ. Но напрасно вдыхалъ онъ въ себя запахъ, который ему обыкновенно такъ нравился. Сегодня онъ не доставлялъ ему ни малѣйшаго удовольствія.

Зонненкампъ съ гнѣвомъ сорвалъ съ себя блузу.

— Вздоръ, ребячество! воскликнулъ онъ. Время для этого навсегда миновало.

Онъ остановился на минуту у того мѣста, гдѣ Эрихъ сидѣлъ за завтракомъ въ первый день своего прибытія на виллу.

Такъ вотъ тотъ человѣкъ, которому отнынѣ здѣсь суждено властвовать... и это простой учитель!

По дорогѣ мимо шелъ бочаръ.

Зонненкампъ его окликнулъ и похвалилъ за распорядительность на счетъ пожарныхъ трубъ. Затѣмъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ пустился въ разсказы о томъ, какъ поселенцы въ степяхъ на далекомъ западѣ обороняются отъ нападеній дикихъ племенъ тѣмъ, что обливаютъ ихъ изъ пожарныхъ трубъ кипяткомъ. Въ иныхъ случаяхъ они прибавляютъ туда еще сѣрной кислоты, отъ которой всякій, кому она попадаетъ въ глаза, мгновенно слѣпнетъ.

Бочаръ, разинувъ ротъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на человѣка, который такъ спокойно могъ говорить о такихъ ужасныхъ вещахъ.

Зонненкампъ оставилъ его стоять въ недоумѣніи, а самъ пошелъ въ фруктовый садъ. Тамъ онъ занялся снятіемъ съ деревьевъ плодовъ. Мысли его невольно обратились къ прошедшимъ днямъ, въ теченіи которыхъ наливались и зрѣли плоды. Онъ вспомнилъ о протекшей веснѣ, доставившей столько наслажденій Роланду, едва начинавшему тогда оправляться отъ тяжкой болѣзни,—вспомнилъ о посѣщеніи герцога, о поѣздкѣ на воды, о солнечныхъ дняхъ и росистыхъ ночахъ... и у него въ головѣ мелькалъ вопросъ: «что со мной станется къ тому времени, когда созрѣютъ новые плоды! Гдѣ я тогда буду? можетъ быть, подъ землей. Кто знаетъ, придется ли мнѣ еще когда-нибудь рыться въ черноземѣ?...» У Зонненкампа закружилась голова.

Не явная ли то насмѣшка природы и судьбы, что мы не

только должны умирать, но еще и осуждены знать, что насъ ожидаетъ смерть.

Онъ тоскливо оглядывался вокругъ, стоя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, при вступленіи Эриха въ его домъ, высказывалъ ему подобныя этой мысли. Вѣроятно, мѣсто это обладало способностью пробуждать въ немъ печальныя думы. Или ужъ не суждено ли было клочку земли, на которомъ онъ теперь стоялъ, сдѣлаться современемъ его могилой?

Вскорѣ Зонненкампа позвали домой, куда по его приглашенію явился нотаріусъ съ двумя помощниками.

Зонненкампъ предложилъ нотаріусу сначала отобѣдать и повелъ его въ столовую, гдѣ указалъ ему мѣсто, которое до сихъ поръ постоянно занималъ Пранкенъ. За столомъ Зонненкампъ велъ себя чрезвычайно развязно, какъ будто съ нимъ не случилось никакой бѣды.

Послѣ обѣда онъ съ нотаріусомъ и его помощниками заперся у себя въ кабинетѣ. Все дѣло совершилось такъ тихо, что даже никто изъ слугъ не могъ добиться, въ чемъ заключалось содержаніе вновь составленнаго завѣщанія, свидѣтелями подъ которымъ подписались оба помощника нотаріуса.

Немного позже явилось письмо отъ Беллы, въ которомъ она писала, что пріѣдетъ вмѣстѣ съ Клодвигомъ на судъ и поручала Зонненкампу устроить такъ, чтобъ она могла быть въ числѣ судей.

Зонненкампъ усмѣхнулся: онъ, было, вовсе позабылъ и о судѣ и о судьяхъ.

Эрихъ просилъ Роланда и Манну сопровождать его мать, которая отправлялась на нѣсколько дней въ Маттенгеймъ.

Братъ и сестра охотно согласились. Такимъ образомъ вилла почти совсѣмъ опустѣла, и на ней водворилась невозмутимая тишина.

ГЛАВА VII.

ВЪ ПРЕДДВЕРІИ.

Дни проходили медленно и скучно. Зонненкампъ писалъ много писемъ и читалъ газеты, но не отсылалъ ихъ попрежнему къ Церерѣ.

На виллу начали съѣзжаться выбранные въ судьи гости.

Зонненкампъ приказалъ всѣмъ объявить, что не желаетъ никого изъ нихъ видѣть прежде, чѣмъ явится передъ ними на судъ. Однако онъ сдѣлалъ исключеніе одной личности, и Белла,

съ помощью Лутца, черезъ поросшую глициномъ лѣсенку и черезъ комнату съ сѣменами была введена прямо въ кабинетъ Зонненкампа.

— Милости просимъ на два слова, сказалъ Зонненкампъ, встрѣчая ее на порогѣ: Вы не можете сидѣть здѣсь вмѣстѣ съ судьями, но объявляю вамъ, что если я еще хочу жить и стараюсь доказать всѣмъ, какой я человѣкъ, то это единственно потому, что на свѣтѣ еще есть существо, подобное вамъ. Я буду говорить здѣсь, въ этой комнатѣ.

И онъ той же дорогой проводилъ ее обратно. Она знала, что дверь его кабинета останется открытой, и она все услышитъ.

Белла въ тревожномъ состояніи духа пошла бродить около дома. Она видѣла, какъ пріѣхалъ мировой судья съ дочерью. Лина явилась съ цѣлью раздѣлить съ Манной ея горе и была не мало удивлена и огорчена, узнавъ до какой степени опустѣлъ весь домъ.

Она просила Беллу пойти съ ней къ тетушкѣ Клавдіи, которая одна еще оставалась въ виноградномъ домикѣ.

Белла обѣщалась придти немного позже.

Лина отправилась одна и принесла съ собой тетушкѣ Клавдіи истинную отраду и утѣшеніе.

— Скажите пожалуйста, спросила Лина, негры и арапы одно и тоже?

— Совершенно одно и тоже.

— Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я зла на негровъ и араповъ! Я рѣшительно ничего не имѣю противъ того, чтобъ они тоже были свободны... отчего имъ не быть свободными? Но я хотѣла бы, чтобъ это сдѣлалось или раньше, или позже, а не теперь. Изъ-за нихъ совсѣмъ испортился мой медовый мѣсяцъ. О весельи никто и думать не хочетъ, всѣ только и толкуютъ, что о неграхъ. Вонъ даже выдумали носить въ видѣ украшенія цѣпи, которыя называются chaînes d'esclaves... Ахъ, я хотѣла у васъ спросить... что такое хотѣла я спросить?.. Ахъ да! Скажите пожалуйста, если негры сдѣлаются такими же людьми, какъ мы, что станется тогда съ чортомъ?

— Какъ съ чортомъ?

— Да, какъ станутъ тогда рисовать чорта? Нельзя же ему будетъ по прежнему оставаться чернымъ.

Тетушка Клавдія расхохоталась и отъ души порадовалась тому, что посреди мрака, водворившагося на виллѣ, туда все-таки еще долетали кое-какіе звуки веселья, напоминавшіе, что оно существуетъ въ мірѣ. Она охотно согласилась пойти съ Линой въ замокъ, какъ вдругъ явилась Белла. Но графиня не

задержала ихъ, а напротивъ просила, чтобъ онѣ не откладывали своей прогулки, но только позволили бы ей посидѣть въ библіотекѣ. Затѣмъ Лина и тетушка Клавдія отправились въ замокъ и пробыли тамъ до вечера. Въ теченіи этого времени взоры ихъ не разъ обращались на виллу, гдѣ совершалось необычайное, какъ выражалась Лина.

Белла съ своей стороны не долго оставалась въ библіотекѣ, но быстрыми шагами снова отправилась на виллу, а затѣмъ по лѣстницѣ, поросшей глициномъ, неслышно пробралась въ комнату, гдѣ хранились сѣмена.

Зонненкампъ счелъ нужнымъ объявить своей женѣ о томъ, чему надлежало свершиться. Она насмѣшливо напомнила ему о его намѣреніи снова вернуться въ Америку и замѣтила, что рѣшеніе въ этомъ случаѣ ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало предоставлять другимъ.

У Зонненкампа было правиломъ, что бы ни говорила Церера, никогда не прерывать ее и не противорѣчить ей. Онъ обыкновенно слушалъ ее съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Вернувшись въ свою комнату, онъ велѣлъ передать всѣмъ собравшимся гостямъ, что выйдетъ ихъ привѣтствовать, не прежде какъ когда настанетъ время суда.

Прежде всѣхъ явился Вейдеманъ съ княземъ Валеріаномъ и съ Кнопфомъ. За нимъ послѣдовали Клодвигъ съ банкиромъ и докторъ съ мировымъ судьей. Профессоръ Эйнзидель стоялъ у собачей конуры и горячо о чемъ-то разсуждалъ съ Клаусомъ. Его сильно интересовали толки ловчаго о воспитаніи собакъ. Разъ даже добрый старикъ съ особенной энергіей потеръ себѣ двумя пальцами лобъ, точно желая потверже напечатлѣть въ своей памяти замѣчаніе Клауса, которое вдругъ разъяснило ему одно мѣсто въ восьмой книгѣ Плинія, гдѣ рѣчь идетъ о животныхъ, живущихъ на сушѣ.

Маіоръ явился въ полной формѣ со всѣми своими орденами. Увидѣвъ Клодвига въ простомъ, статскомъ платьѣ безъ малѣйшаго намека на какой-нибудь крестъ или звѣзду, онъ не могъ удержаться отъ нетерпѣливаго движенія и мысленно воскликнулъ:

«Опять она была права! Но я думалъ, что... Э, да ну, это во всякомъ случаѣ ничему не помѣшаетъ!»

Эрихъ все приготовилъ для предстоящаго собранія въ большой концертной залѣ, но Зонненкампъ приказалъ все, и стулья и буфетъ съ различными яствами и питіями перенести къ себѣ въ кабинетъ. Свой стулъ, вмѣстѣ съ большимъ столикомъ, онъ помѣстилъ у двери, которая вела въ комнату съ сѣменами, куда онъ пока и удалился.

ГЛАВА VIII.

НОВЫЙ КАИНЪ.

Судьи Зонненкампа собрались. Эрихъ по уговору постучалъ въ дверь. Дверь медленно растворилась и снова заперлась. Въ комнату вошелъ Зонненкампъ. Лицо его было покрыто синеватой блѣдностью. Онъ подошелъ къ столику, на которомъ лежали два кусочка дерева и ножикъ. Опустивъ руку на столъ, Зонненкампъ началъ:

— Люди чести и добра!

Онъ на минуту остановился, затѣмъ продолжалъ:

— Я говорю: чести и добра—потому что честное и доброе не всегда, и даже очень рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ. Вы собрались сюда по моему призыву исполнить долгъ людской и, удѣливъ мнѣ часть своего времени, своихъ мыслей и чувствованій, подарить мнѣ долю своей жизни. Я вамъ чрезвычайно признателенъ. Въ пустыняхъ Америки, на далекомъ западѣ, гдѣ люди живутъ разбросанно, въ уединенныхъ хижинахъ, мы за нѣсколько миль сзываемъ сосѣдей произнести приговоръ надъ человѣкомъ, который въ чемъ либо провинился..... тоже самое я и вы дѣлаемъ здѣсь. Вамъ предстоитъ произнести приговоръ, назначить искупленіе за проступокъ, который не можетъ быть подведенъ ни подъ одну статью закона. Я передъ вами безъ малѣйшей утайки раскрою все мое прошлое. Мнѣ служитъ не малымъ облегченіемъ то, что вамъ уже извѣстно худшее. Вы увидите, чѣмъ я былъ съ самаго дѣтства, а затѣмъ творите судъ и произнесите вашъ приговоръ. Я въ теченіи всей моей жизни не зналъ что такое состраданіе, и теперь въ отношеніи къ себѣ прошу у васъ не состраданія, а только справедливости.

Зонненкампъ началъ слабымъ, точно утомленнымъ голосомъ; взоръ его былъ мутенъ. Но мало-по-малу онъ оживился, звуки голоса сдѣлались громче и тверже, выраженіе лица сосредоточеннѣе, въ глазахъ появился блескъ.

— Итакъ, я объявляю, что добровольно отдаю вамъ себя на судъ и безпрекословно подчинюсь вашему приговору. Объ одномъ только прошу: пусть каждый изъ васъ напишетъ свой приговоръ и по истеченіи семи дней передастъ его въ руки находящагося здѣсь доктора Эриха Дорнэ, который, въ присутствіи двухъ другихъ судей, вскроетъ печати. Я на минуту удалюсь, чтобъ вы могли обсудить мое предложеніе и порѣшить, согласны ли вы такимъ образомъ исполнить возлагаемую на васъ обязан-

ность. Кромѣ того, вы можетъ быть пожелаете выбрать изъ своей среды старшину.

Онъ поклонился и вышелъ. Въ манерѣ его и въ рѣчи было что-то нѣсколько театральное, точно разсчитанное на эффектъ, но въ тоже время чрезвычайно серьезное и не лишенное благородства.

Судьи переглянулись. Никто не произносилъ ни слова, но взоры всѣхъ обратились къ Клодвигу, въ ожиданіи чтобъ онъ заговорилъ.

Графъ спокойно и тихо произнесъ:

— Пусть господинъ Вейдеманъ возьметъ на себя трудъ быть нашимъ старшиной. Это намъ необходимо для заключенія предварительныхъ условій.

Вейдеманъ согласился и объявилъ, что съ своей стороны ничего не имѣетъ противъ письменнаго приговора. Другіе раздѣляли его мнѣніе, только профессоръ Эйнзидель, сначала робко, а потомъ все болѣе твердымъ голосомъ, рѣшился сдѣлать небольшую оговорку. За судьями, говорилъ онъ, во всякомъ случаѣ должно остаться право взаимнаго совѣщанія, для того чтобъ они, прежде чѣмъ произнести свой приговоръ, могли себѣ хорошенько уяснить смыслъ дѣла. Въ противномъ случаѣ, имъ не зачѣмъ бы тутъ и было собираться.

Замѣчаніе профессора встрѣтило единодушное одобреніе, и Эриху поручили позвать Зонненкампа обратно въ кабинетъ.

Когда молодой человѣкъ входилъ въ комнату съ сѣменами, ему показалось, что онъ услышалъ шелестъ шелковаго платья.

Зонненкампа онъ засталъ курящимъ сигару, которую тотъ немедленно отложилъ въ сторону, и послѣдовалъ за нимъ.

Вейдеманъ передалъ Зонненкампу рѣшеніе судей на счетъ его предложенія и замѣчаніе профессора Эйнзиделя.

Зонненкампъ, въ знакъ согласія съ своей стороны, наклонилъ голову.

— Прежде чѣмъ я начну свое повѣствованіе, сказалъ онъ, взявъ въ руки одинъ изъ кусочковъ дерева, я долженъ просить у васъ извиненія въ привычкѣ, отъ которой никакимъ образомъ не могу отказаться. Работая одинъ... а я буду говорить съ вами, какъ съ самимъ съ собою.... я имѣю обыкновеніе или курить, или стругать кусочки дерева, а иногда дѣлаю и то и другое вмѣстѣ. Если вы мнѣ позволите теперь заняться тѣмъ же, это поможетъ мнѣ сосредоточиться.

И сѣвъ за столъ, онъ сдѣлалъ по глубокому надрѣзу на каждомъ изъ четырехъ угловъ кусочка дерева.

— Прошу васъ, если вамъ въ моемъ разсказѣ покажется что-нибудь непонятнымъ, или вопреки моему желанію, не со-

всѣмъ яснымъ, немедленно остановите меня. Итакъ, я начинаю... Я единственный сынъ одного изъ богатѣйшихъ людей въ Варшавѣ. Излагая передъ вами подробности моего дѣтства и моей юности, я вовсе не намѣренъ сваливать на обстоятельства проступки моей позднѣйшей жизни. Мой отецъ велъ въ обширныхъ размѣрахъ торговлю лѣсомъ и хлѣбомъ. Старшій братъ мой, однажды работая въ лѣсу, былъ задавленъ упавшимъ на него деревомъ, мать моя умерла вскорѣ послѣ него, и оба они похоронены на кладбищѣ одной бѣдной деревушки. Мнѣ было шесть лѣтъ отъ роду, когда отецъ мой переселился въ сосѣдній большой нѣмецкій городъ. Не разъ послѣ того приходилось мнѣ слышать толки о томъ, что у меня скоро будетъ мачиха, но этого не случилось. Отецъ мой.... я не стѣсняясь говорю о немъ, какъ о самомъ себѣ.... отецъ мой былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые внушаютъ сильныя страсти, но сами никого не любятъ. Приходившихъ къ нему онъ всегда встрѣчалъ съ распростертыми объятіями, былъ съ ними чрезвычайно ласковъ, дружелюбенъ, даже нѣженъ, но лишь только къ нему оборачивались спиной, онъ немедленно давалъ полную волю своему презрѣнію, которымъ всѣхъ и каждаго надѣлялъ съ избыткомъ. Онъ льстилъ изъ любви къ искусству, не имѣя въ томъ ни малѣйшей нужды, и расточалъ свои любезности даже передъ нищими. Но мнѣ все это сдѣлалось ясно гораздо позже. За столомъ моего отца часто являлись знатные сановники, знаменитые ученые и художники. Имъ было пріятно хорошо поѣсть, и за то они украшали наше жилище блескомъ своихъ титуловъ и орденовъ. Мы задавали большіе пиры, но ни съ кѣмъ не были въ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ назначенные дни за нашимъ обѣденнымъ столомъ обыкновенно сидѣли украшенные орденами мужчины и дамы съ обнаженными плечами. Къ десерту и меня выводили въ столовую. Я переходилъ изъ рукъ въ руки, съ колѣнъ на колѣни, всѣ мнѣ улыбались, меня ласкали, давали мнѣ конфектъ и мороженаго. Я былъ всегда очень порядочно одѣтъ. Много далъ бы я теперь, чтобъ получить обратно портретъ, на которомъ я былъ изображенъ въ настоящій ростъ и съ кудрявой головкой. Первый придворный художникъ рисовалъ его, а потомъ онъ былъ проданъ со всей нашей остальной домашней утварью. Я полагаю, онъ и теперь еще находится въ какой-нибудь лавочкѣ, гдѣ торгуютъ старыми вещами. Родственниковъ у меня никакихъ не было. Я учился дома съ гувернеромъ, такъ какъ меня не хотѣли отдавать ни въ одно изъ общественныхъ заведеній. Я былъ кумиромъ моего отца, который, когда я къ нему приходилъ, всегда

осыпалъ меня поцѣлуями. Съ наставникомъ своимъ я дѣлалъ что хотѣлъ. Онъ научилъ меня считать самого себя центромъ всего живущаго въ мірѣ и какъ можно меньше заботиться о ближнихъ. Уроки его оказались мнѣ полезнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Самое лучше что человѣкъ можетъ для себя сдѣлать, это убить въ себѣ совѣсть. Всѣ къ этому стремятся, но одни медленнѣе, другіе быстрѣе достигаютъ цѣли. Міръ состоитъ изъ сплетенія различныхъ эгоизмовъ... Шестнадцати лѣтъ я былъ уже въ рукахъ ростовщиковъ, такъ какъ всѣ знали, что я наслѣдникъ милліона, который въ то время равнялся теперешнимъ семи. Повѣренный въ дѣлахъ моего отца выплатилъ имъ все, чего они требовали, но я немедленно вслѣдъ затѣмъ возобновилъ ихъ векселя. Мнѣ нравилось пользоваться такимъ большимъ кредитомъ. Однимъ словомъ, я былъ легкомысленъ и остался такимъ. Мнѣ кажется, я уже говорилъ, что не питалъ къ отцу ни малѣйшей любви или уваженія. Онъ былъ, надо сознаться, самый ловкій изъ обманщиковъ, когда-либо носившихъ бѣлый галстукъ приличій. Но въ тоже время онъ былъ честный обманщикъ, вовсе не похожій на тѣхъ, которые, драпируясь въ высокія мысли и чувства, увѣряютъ самихъ себя, будто для нихъ деньги и наслажденія не составляютъ высшихъ благъ въ мірѣ. Отецъ мой къ тому же былъ еще и настоящій философъ. «Сынъ мой, не разъ говаривалъ онъ мнѣ, міръ принадлежитъ тому, кто силой или хитростью съумѣетъ себѣ его покорить. А кто хочетъ на него смотрѣть съ сантиментальной точки зрѣнія, тому всегда приходится ограничиваться въ жизни одной только ролью зрителя».

Зонненкампъ усердно стругалъ дерево; съ минуту въ комнатѣ только и былъ слышенъ сухой рѣзкій звукъ, издаваемый ножемъ въ его рукахъ. Закругливъ кусочекъ дерева, онъ снова приступилъ къ своему разсказу.

— Объяснивъ вамъ все это, сказалъ онъ, я могу спокойно продолжать далѣе. Въ семнадцать лѣтъ я былъ посвященъ во всѣ таинства свѣтскихъ пороковъ. Меня считали негодяемъ, но любили въ качествѣ пріятнаго собесѣдника. Мое богатство располагало всѣхъ въ мою пользу. Ко всему этому природа и судьба одарили меня наклонностью непомѣрно сорить деньгами. Отецъ то и дѣло уплачивалъ мои карточные и другіе долги. Онъ часто водилъ меня въ балетъ и тамъ ссужалъ своимъ биноклемъ, чтобъ я могъ наблюдать за прыжками легкой какъ сильфида Кортини, съ которой, онъ зналъ, я былъ хорошо знакомъ. Нечего сказать, весело мы съ нимъ жили! Отецъ старался мнѣ внушить только одно, а именно, чтобъ я старался, какъ можно болѣе разнообразить свой умъ и характеръ. Каждое воскресенье я долженъ былъ го-

ворить, что иду въ церковь, тогда какъ на дѣлѣ отправлялся совсѣмъ въ другія мѣста. Отецъ это зналъ и втайнѣ этому не мало радовался. Въ одно воскресенье нашъ экипажъ останавливался передъ церковью, которая наиболѣе славилась благочестіемъ и высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ своего проповѣдника,—въ другое мы шли туда пѣшкомъ, для того чтобъ дать отдыхъ лошадямъ, а кучеру возможность тоже побывать въ церкви. Всѣ, носившіе нашу ливрею, непремѣнно должны были слыть за людей съ религіознымъ образомъ мыслей. Отецъ мой былъ протестантъ, а я, по желанію моей матери, католикъ. Предоставляю другимъ рѣшить, которое изъ двухъ вѣроисповѣданій успѣшнѣе подвизается на поприщѣ обмана. Наконецъ, рѣчь зашла о томъ, чѣмъ мнѣ быть. Сидѣть на конторѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія. Военная служба приходилось мнѣ по душѣ, но я не принадлежалъ къ дворянскому сословію и не хотѣлъ быть постоянно только терпимымъ въ жокей-клубѣ. Товарищи оказывали мнѣ нѣкоторое пренебреженіе, и я уѣхалъ въ Парижъ. Не было такого наслажденія, которымъ бы я не пресытился. Большинство людей хвалится своей добродѣтелью, но въ сущности она есть не что иное, какъ слѣдствіе слабаго сложенія. Они нужду возводятъ въ добродѣтель. Когда я достаточно натѣшился въ Парижѣ, отецъ вызвалъ меня обратно домой. Примѣры добродѣтели, которыя я имѣлъ тамъ передъ глазами, опять-таки были слѣдствіемъ или трусости, или заслуживающей презрѣнія неспособности. Быть дѣйствительно добродѣтельнымъ скучно, казаться такимъ—забавно и въ тоже время выгодно. Все, что совершается втайнѣ, не подвергаясь опасности выдти наружу, позволительно. Вся задача въ томъ, чтобъ принадлежать къ обществу. Нерѣдко случалось мнѣ покидать блестящія собранія и проникать въ самые ужасные притоны нищеты и разврата. Порокъ низшаго разряда казался мнѣ особенно привлекателенъ. Я оставался по прежнему легкомысленъ и гордился своими беззаконіями. Въ этомъ заключалась своего рода поэзія. Стоитъ только быть необыкновеннымъ, блестящимъ, подобнымъ Байрону поэтомъ, и все, что въ низшихъ слояхъ общества называется развратомъ, становится въ глазахъ всѣхъ жаждой къ необыкновеннымъ приключеніямъ. Я уже тогда видѣлъ, что весь міръ есть не что иное, какъ прикрытый маскою приличій порокъ. А въ сущности я даже думаю, что порокъ вовсе не существуетъ. Это пустое слово, похожее на надпись *ядъ*, которую выставляютъ на стклянкахъ, въ видѣ предостереженія толпѣ, чтобъ она не вздумала имъ упиться. Не знаю, случайно или намѣренно познакомили меня съ прелестной молодой дѣвушкой, свѣжей какъ едва распустив-

шаяся роза. На двадцать второмъ году моей жизни мнѣ предстояло превратиться въ почтеннаго супруга и отца семейства. Моя невѣста была нѣжный, мечтательный ребенокъ, и я до сихъ поръ не понимаю, какъ могла она вмѣстѣ со мной шутить о моемъ прошломъ? Вѣроятно, ее къ тому побуждала ея мать. Что заставило меня на ней жениться, я до сихъ поръ не знаю. Я отправился въ церковь, вернулся изъ нея, совершилъ свою безстыдную свадебную поѣздку точно во снѣ. По возвращеніи нашемъ.... этому такъ давно, что я не помню какъ это случилось.... я узналъ, что у прелестнаго ребенка, моей жены, до нашего брака, существовала другая любовь. Обманъ, котораго я былъ жертвой, меня глубоко оскорбилъ, и я задумалъ бросить жену. Дѣло о нашемъ разводѣ еще не успѣло кончиться, какъ она умерла, а съ нею еще и другая жизнь. Я снова былъ свободенъ.... свободенъ! Меня влекло въ Парижъ, я жаждалъ развлеченій и въ наслажденіи видѣлъ цѣль своего существованія. Я постоянно стремился истрачивать свою жизнь, но она съ каждымъ утромъ какъ бы вновь во мнѣ выростала. Презирая жизнь, я однако не думалъ полагать ей конецъ. Что даетъ она намъ? Славу, богатство! Перваго я не могъ требовать, второе было у меня съ избыткомъ. Отецъ вздумалъ не давать мнѣ денегъ; я пустился играть на биржѣ, выигралъ и снова потерялъ значительную сумму. Но у меня еще осталось достаточно, чтобъ продолжать прежній образъ жизни. Находясь въ Марсели въ веселомъ обществѣ, я получилъ извѣстіе о смерти отца. Бòльшая часть моего наслѣдства была у меня отнята моими кредиторами. Не намѣреваясь болѣе возвращаться на родину и желая изгладить въ себѣ всѣ воспоминанія о ней, я написалъ своему повѣренному въ дѣлахъ, чтобъ онъ распродалъ все мое имущество. Послѣ смерти отца, въ обществѣ кто-то пустилъ въ ходъ весьма злую на нашъ счетъ фразу. Мы до тѣхъ поръ и не подозрѣвали, чтобъ его настоящій характеръ былъ такъ хорошо всѣмъ извѣстенъ. А тутъ вдругъ всѣ пошли говорить: въ его пользу можно сказать только одно, а именно, что онъ былъ лучше своего сына. Нѣмцы говорятъ: Богъ и чортъ ведутъ между собой постоянную борьбу за то, кому владѣть міромъ. Я часто слышалъ объ этихъ двухъ силахъ, но никогда не могъ составить себѣ о нихъ яснаго понятія. За то мнѣ приходилось жестоко бороться съ двумя другими врагами, а именно съ работой и со скукой. Люди ищутъ забвенія въ наслажденіи, въ трудѣ, въ страхѣ, какой на нихъ наводитъ ими же самими созданное пугало нравственности. Все въ мірѣ суета, сказалъ извѣстный мудрый царь, а я говорю: все скука, пустота, ничтожество, возбуждающая зѣвоту,

которая оканчивается только въ предсмертныхъ судорогахъ. Я измѣрилъ все пространство пустыни скуки и нашелъ, что выдти изъ нея можно только съ помощью опіума, гашиша, азартныхъ игръ или приключеній. Я взялъ нѣсколько уроковъ у фокусника, научился у него разнымъ штукамъ и потомъ, являясь въ общество, удивлялъ всѣхъ своимъ искусствомъ. Я завелъ себѣ необходимый для этого аппаратъ и въ теченіи нѣкотораго времени, чисто изъ шалости, жилъ въ Италіи въ качествѣ фокусника по ремеслу. Въ царствованіе Луи-Филиппа я почти не выѣзжалъ изъ Парижа, находя большое удовольствіе въ политическихъ смутахъ, которыя имѣли въ моихъ глазахъ значеніе той же азартной игры.

Зонненкампъ снова остановился перевести духъ, а затѣмъ продолжалъ, выдѣлывая ножемъ тонкій узоръ на деревѣ:

— Вы безъ сомнѣнія удивляетесь высказываемымъ мною истинамъ. Что же, онѣ непріятны на вкусъ, подобно всему другому въ мірѣ: чести, золоту, искусству, дружбѣ, славѣ. Все это не болѣе какъ одни только громкія слова. Такъ-называемые добродѣтельные, честные люди сильно смахиваютъ на оракуловъ, которые, встрѣчаясь, не смѣютъ смотрѣть другъ другу въ глаза, изъ опасенія разсмѣяться надъ басней, какою они тѣшатъ міръ. Нынѣшніе боги, какъ церковные, такъ и свѣтскіе, говорятъ про себя: «мы очень хорошо знаемъ, что вы намъ только льстите, но то, что вы считаете нужнымъ намъ льстить, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ нашей власти». Что такое въ сущности пресловутая любовь къ природѣ, къ горамъ, долинамъ, водамъ и лѣсамъ, къ солнечному свѣту, лунному и звѣздному сіянію? Чистая ложь, завѣса, служащая прикрытіемъ могильному тлѣну. Что остается человѣку на землѣ? Знать, что до него жили милліоны подобныхъ ему и смотрѣть на звѣзды? Гордиться тѣмъ, что вся эта исторія безконечно повторяется, подобно положенной на вальсъ мелодіи, которую постоянно разыгрываетъ на своемъ инструментѣ шарманщикъ, какъ вчера, такъ и сегодня, и завтра? Вы видите, я ужъ и тогда былъ хорошо знакомъ съ Байрономъ. Вся бѣда моя заключалась въ томъ, что судьба не сдѣлала меня ни поэтомъ, ни интереснымъ морскимъ разбойникомъ. Все въ мірѣ, не исключая и меня самого, возбуждало во мнѣ отвращеніе. Убить себя я не хотѣлъ, но намѣревался жить для того, чтобъ все презирать. Въ припадкѣ какого-то непонятнаго безумія, точно съ цѣлью насмѣяться надъ самимъ собой, я однажды проигралъ все свое состояніе. Вслѣдъ затѣмъ пошла для меня настоящая потѣха. То была сырая, холодная ночь, но я ничего не замѣчалъ и съ наслажденіемъ шелъ по улицѣ въ сознаніи крайности, въ которой я вне-

запно очутился. Ахъ, какъ пріятно свисталъ вокругъ меня вѣтеръ! Онъ обдувалъ меня со всѣхъ сторонъ, а я спокойно бродилъ себѣ въ обширномъ муравейникѣ большого города. Всѣ деньги мои были проиграны, моя возлюбленная мнѣ измѣнила, а въ умѣ у меня вертѣлась мысль, на которую меня недавно навелъ за бутылкою канарскаго одинъ чрезвычайно умный человѣкъ. Онъ меня увѣрялъ, будто я обладаю капиталомъ, который только не умѣю пустить въ оборотъ; по его мнѣнію, я былъ природный дипломатъ. Для меня достаточно было этого намека, и я схватилъ его на лету. Хорошо, если мнѣ слѣдуетъ быть дипломатомъ, я имъ буду. Вскорѣ новыя лошади и слуги, новая возлюбленная и новое роскошное жилище опять очутились къ моимъ услугамъ. Я состоялъ при посольствѣ въ качествѣ шпіона. Вы видите, я называю вещи ихъ настоящимъ именемъ, не накидывая на нихъ стыдливо покрова нравственности. И какую же веселую жизнь я велъ! Теперь лесть моя и изворотливость имѣли цѣль. Похвалы, расточаемыя мнѣ посланникомъ, были мною заслужены болѣе, нежели онъ предполагалъ. Знакомы ли вы съ учрежденіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ обратнаго страхованія? Я передавалъ посланнику извѣстія, что̀ уже доставляло мнѣ не мало выгодъ, и кромѣ того имѣлъ постоянныя сношенія съ начальникомъ полиціи, которому доносилъ все, что успѣвалъ узнать о тайныхъ продѣлкахъ министра. Посланникъ сообщалъ мнѣ невѣрныя свѣдѣнія, съ помощью которыхъ намъ однако всегда удавалось добраться до истины.

Слушатели слегка улыбнулись, а Зонненкампъ продолжалъ:

— Но случилось такъ, что мнѣ пришлось бѣжать. У меня было пять паспортовъ и я изъ пяти именъ могъ выбрать для себя любое. Я полагалъ, что мнѣ сначала лучше пожить скромно, такъ, чтобъ ничѣмъ не бросаться въ глаза, и я не нашелъ ничего удобнѣе, какъ поселиться между такъ-называемыми честными людьми. Съ этой цѣлью я отправился въ Ниццу и сдѣлался тамъ садовникомъ. Всѣ мои чувства и способности какъ-то странно притупились; я казался самому себѣ умершимъ, а мысли мои точно составляли погребальный кортежъ моего тѣла. Сдѣлавшись садовникомъ, я долгое время находилъ единственное удовольствіе въ томъ, чтобъ вдыхать въ себя запахъ сырой земли. Запахъ этотъ меня ободрялъ, освѣжалъ, однимъ словомъ, давалъ мнѣ чувствовать, что я еще живу. Химія все воспроизводитъ, но запахъ, исходящій изъ сырой земли, остался для нея недосягаемъ. Капитанъ Дорнэ, впервые явясь на виллу, засталъ меня копающимся въ землѣ. Это занятіе постоянно возобновляло во мнѣ силы. Кромѣ того, маскарадъ пришелся мнѣ по

сердцу; сонъ и аппетитъ не замедлили ко мнѣ вернуться. Дочь садовника, у котораго я служилъ, хотѣла выдти за меня замужъ. Тутъ снова подвернулись обстоятельства, которыя побудили меня вторично бѣжать. Но я успѣлъ отложить порядочную сумму денегъ. Выкопавъ ее изъ земли, гдѣ она у меня хранилась, я отправился въ Неаполь и тамъ снова принялся весело жить. Признаюсь, я не мало гордился своими похожденіями и былъ по прежнему веселъ, здоровъ и отваженъ. Съ моимъ легкомысліемъ и съ моими способностями пріятнаго собесѣдника, передо мной были открыты всѣ пути. Куда бы я ни являлся, у меня немедленно находились друзья. Расположеніе ихъ, правда, длилось не долго, только до тѣхъ поръ, пока не истощался мой кошелекъ, но это меня ни мало не смущало. Я самъ не отличался постоянствомъ и вѣрностью и не требовалъ ихъ отъ другихъ. Родителямъ моимъ я былъ безгранично признателенъ за одно благо, которымъ они меня надѣлили, а именно, за мое необычайно крѣпкое сложеніе. Тѣло у меня было желѣзное, сердце мраморное, нервы не знали потрясеній. Болѣзнь и состраданіе были одинаково чужды моей натурѣ.

Зонненкампъ остановился. На губахъ его мелькнула улыбка, единственная въ теченіи всего разсказа, а лицо на минуту выразило нѣчто похожее на умиленіе. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Однако я не вполнѣ избѣгъ порывовъ сантиментальности. Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ Неаполѣ, я въ многочисленномъ обществѣ катался по морю. Въ числѣ моихъ спутниковъ никого не было веселѣе меня. Мы вышли на берегъ, и тутъ со мной произошло что-то странное. Кто можетъ вполнѣ изслѣдовать и объяснить движенія человѣческаго сердца? Вдругъ подъ яснымъ небомъ Италіи, посреди беззаботно смѣющихся и поющихъ мужчинъ и женщинъ, сердце мое болѣзненно сжалось, а въ головѣ мелькнулъ вопросъ: что есть у тебя на землѣ?—Ничего.... а впрочемъ, нѣтъ, тамъ, на Сѣверѣ, въ польской деревушкѣ находится могила твоей матери. И покинувъ безоблачное, вѣчно улыбающееся небо Италіи, я устремился на родину. Поспѣшно, нигдѣ не останавливаясь, проѣхалъ я различныя земли и, наконецъ, прибылъ въ деревню, которой не видалъ съ шестнадцати-лѣтняго возраста. Но.... таковъ человѣкъ, или лучше сказать, таковъ я.... достигнувъ цѣли своего странствія, я вдругъ не захотѣлъ подвергнуть себя горести, которую, безъ сомнѣнія, вызвалъ бы во мнѣ видъ могилы матери. Я подошелъ къ кладбищу, черезъ стѣну взглянулъ на него и пустился въ обратный путь, не видѣвъ близкой мнѣ могилы. Я весь тутъ, хорошъ или дуренъ—предоставляю вамъ судить, мнѣ же кажется и то и дру-

тое вмѣстѣ. Долго послѣ того странствовалъ я по Греціи, Египту, Алжиру и вездѣ велъ самый распутный образъ жизни. Я дѣлалъ все, чтобъ изсушить въ себѣ источникъ жизни, и не могъ. Повторяю, у меня желѣзное здоровье, несокрушимыя силы. Посѣтилъ я между прочимъ и Англію, пресловутую страну приличій и уваженія къ человѣческому достоинству. И что же? Можетъ быть у меня странный взглядъ на вещи, но я всюду видѣлъ ложь, притворство и обманъ. Я отправился въ Америку. Вы станете смѣяться и пожалуй не повѣрите, если я вамъ скажу, что одно время думалъ присоединиться къ сектѣ мормоновъ, а между тѣмъ это сущая правда. Эти люди имѣютъ смѣлость и искренность открыто проповѣдовать многоженство и даже возводятъ его въ законъ, тогда какъ во всемъ остальномъ мірѣ онъ господствуетъ съ такой же силой, какъ у нихъ, но только прикрывается маской лжи. Въ Нью-Іоркѣ я нашелъ высшую школу, настоящій Олимпъ игроковъ. Всѣ ваши парижскіе и лондонскіе гуляки ничто въ сравненіи съ янки, которые куда какъ далеко ихъ опередили. Въ то время въ Сѣверной Америкѣ уже начинало входить въ моду съ презрѣніемъ и ненавистью отзываться о южанахъ. А я вамъ скажу, что между ними еще только и можно найти героевъ, подобныхъ тѣмъ, которые воздвигли древній Римъ. Кто былъ въ Америкѣ, тотъ одинъ вправѣ сказать, что видѣлъ настоящихъ людей. Имъ тамъ все ни по чемъ, они всему смѣло смотрятъ въ глаза и притворяются только въ дѣлѣ религіи. Но это необходимо, потому что придаетъ почтенный видъ.

Эрихъ и Вейдеманъ переглянулись. Послѣдній за нѣсколько дней передъ тѣмъ развивалъ въ Маттенгеймѣ тоже самое, только совсѣмъ въ другомъ смыслѣ.

Зонненкампъ продолжалъ:

— Мои пять паспортовъ еще не утратили своего значенія. Я выбралъ для себя имя графа Гранау на томъ основаніи, что американцы любятъ имѣть дѣло съ аристократами. Разъ, послѣ страшной ночной оргіи, я застрѣлилъ на улицѣ одного человѣка, который вздумалъ меня оскорбить. Мнѣ снова пришлось бѣжать. Я укрылся въ Арканзасѣ и долгое время жилъ тамъ въ обществѣ конокрадовъ. То была славная, беззаботная, исполненная приключеній жизнь. Когда она мнѣ надоѣла, я разстался съ моими товарищами и завербовался матросомъ на китоловное судно. Въ Алжирѣ я стрѣлялъ львовъ и леопардовъ, теперь охотился на морского царя. Развѣ все въ мірѣ не для того и создано, чтобъ подвергаться истребленію? Чего только я не пережилъ! Вскорѣ я пріобрѣлъ такой навыкъ и такую сноровку въ ловлѣ китовъ, что получилъ мѣсто штурмана, а не-

много спустя оставилъ и этотъ промыселъ для другого, который пришелся мнѣ еще гораздо болѣе по сердцу. Оказалось, что я еще одного не испыталъ на своемъ вѣку, а именно охоты на людей, самой увлекательной изъ всѣхъ. Судно, на которомъ я находился, счастливо избѣгнувъ многихъ опасностей, благополучно прибыло въ Мадагаскаръ. Тамъ мы занялись ловлей и покупкой людей. Дѣло это требовало большой смѣлости, ловкости и хитрости, и потому самому сильно мнѣ понравилось. Много риску, много и выгодъ. Въ Луизіанѣ, гдѣ обработываются самыя обширныя сахарныя плантаціи, многіе изъ плантаторовъ считаютъ у себя въ зависимости отъ трехъ, четырехъ и до пяти сотъ негровъ, главный рынокъ которыхъ находится въ Карлстонѣ, въ Южной Каролинѣ. Тамъ самый большой сбытъ на мальчиковъ, а пожилыхъ негровъ трудно и встрѣтить. Вы, можетъ быть, найдете страннымъ и станете смѣяться, но я утверждаю, что сила и свобода человѣческаго духа ни въ чемъ не проявляется такъ поразительно, какъ въ томъ, что одни люди крадутъ и продаютъ другихъ. Ни одно животное не въ состояніи до такой степени поработить себѣ другое, одной съ нимъ породы, какъ человѣкъ человѣка, допустивъ, что негры дѣйствительно люди. Да, я торговалъ невольниками и былъ извѣстепъ подъ именемъ морского орла, который обладаетъ необыкновенно тонкимъ чутьемъ и летаетъ съ быстротой, дѣлающей тщетными всѣ попытки его поймать. Я велъ смѣлую, искусную игру. Въ одинъ прекрасный день мнѣ даже удалось поймать самого негритянскаго царька, который продавалъ мнѣ своихъ подданныхъ. Эти черныя, говорящія животныя обладаютъ одной способностью, которая дѣйствительно можетъ навести на мысль объ ихъ тождествѣ съ нами: они умѣютъ лгать не хуже любого бѣлаго. Животныя не лгутъ и не обманываютъ, и если ложь можетъ давать человѣческія права, то черные, конечно, ихъ вполнѣ заслуживаютъ. Послѣ первыхъ порывовъ ярости, царёкъ, повидимому, совсѣмъ успокоился и примирился съ своей участью. Но въ одинъ день я очутился въ большой опасности: за мной гнался англійскій корабль. Мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ покидать въ море весь человѣческій соръ, которымъ было нагружено мое судно. Это доставило обильную пищу акуламъ. Но мой царёкъ вздумалъ сопротивляться и вотъ палецъ, въ который онъ мнѣ вонзилъ зубы, чтобъ его откусить: вамъ всѣмъ извѣстно неожиданное появленіе этого негра здѣсь. Съ тѣхъ поръ я пересталъ самъ ѣздить въ море, и сначала предоставилъ другимъ вести за меня торговлю, а вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и вовсе ее прекратилъ. Довольно было съ меня: я владѣлъ обширными планта-

ціями. Взявъ на свое попеченіе дочь умершаго штурмана, мѣсто котораго я занялъ на китоловномъ суднѣ, я выростилъ ее, воспиталъ, а въ заключеніе женился на ней. Мнѣ нравилась ея сонная, апатичная, дѣтски-неразвитая натура, и я полагалъ, что буду въ состояніи дѣлать изъ нея все, что мнѣ вздумается. Я въ то время и не подозрѣвалъ о существованіи сильныхъ, могучихъ, геройскихъ женщинъ, способныхъ завоевывать міры.

Эти послѣднія слова Зонненкампъ произнесъ чрезвычайно громко и отчетливо, затѣмъ, послѣ коротенькой паузы, продолжалъ:

— Я наслаждался мирнымъ и тихимъ житьемъ, какъ вдругъ на Сѣверѣ возникла и начала быстро усиливаться партія, имѣвшая въ виду уничтоженіе невольничества. Больше всѣхъ шумѣли и кричали мои соотечественники. Это побудило меня напечатать статью, въ которой я объявлялъ, что далеко не всѣ нѣмцы преисполнены такого рода гуманныхъ бредней, и въ подтвержденіе этого, я приводилъ собственный примѣръ. Я доказывалъ, что стремленіе освободить негровъ есть чистое безуміе. Такъ-называемые благодѣтели человѣческаго рода думаютъ благодѣяніями изгнать изъ міра бѣдность, горе и стыдъ. Они жестоко ошибаются: никакія благодѣянія не въ силахъ этого сдѣлать, и въ концѣ концовъ все это одно пустое шарланство. Для низшаго разряда людей на свѣтѣ существуетъ одно только благо, а именно рабство. Спокойно оставаться въ зависимости на попеченіи своихъ хозяевъ, лучшее что можно придумать для черныхъ.... да и для бѣлыхъ также. Господинъ Вейдеманъ знаетъ, что во всемъ этомъ моимъ злѣйшимъ врагомъ былъ его племянникъ. Я и тѣ, которые думали и дѣйствовали за одно со мной, мы составляли аристократію Южныхъ Штатовъ. Въ мірѣ есть привилегированныя племена, а между ними привилегированныя личности: таковы плантаторы Южныхъ Штатовъ. Они одни казались мнѣ достойными названія честныхъ людей, между тѣмъ какъ весь остальной міръ лгалъ. Мнѣ, правда, не совсѣмъ-то нравилось ихъ лицемѣріе въ дѣлѣ религіи, но съ другой стороны меня несказанно забавляла готовность духовенства прикрывать ихъ продѣлки. Однако и южане тоже не замедлили меня отчасти разочаровать на свой счетъ: они въ свою очередь оказывались несостоятельными обманщиками. Допуская и всячески поддерживая невольничество, они презирали тѣхъ, кто имъ доставлялъ невольниковъ. Это еще остатки добродѣтельнаго лицемѣрія, завезеннаго въ Новый Свѣтъ изъ Стараго. Почему смѣло не выдавать себя за то что̀ есть? Зачѣмъ не исповѣдовать открыто то, чему служишь втайнѣ? Ужъ не потому ли, что англійскіе низкопоклонники и лицемѣры при-

числяютъ насъ, торговцевъ невольниками, къ разряду морскихъ разбойниковъ. Да, надо сознаться, что и свободные южане въ свою очередь рабы привычки. У меня былъ сынъ, и во мнѣ мало-по-малу начало пробуждаться стремленіе, котораго я никакъ не могъ побѣдить. Не помню, говорилъ я уже вамъ, что въ молодости мнѣ не разъ приходила на умъ мысль о возможности для меня совершенно иной участи. Будь я дворяниномъ, думалось мнѣ, я поступилъ бы въ военную службу, гдѣ съ моей силой и храбростью, конечно, имѣлъ бы большой успѣхъ. Сначала я, безъ сомнѣнія, велъ бы нѣсколько безпорядочный образъ жизни, но потомъ угомонился бы, сдѣлался бы смирнымъ человѣкомъ подобно многимъ другимъ, и закончилъ бы жизнь управляя своимъ имѣніемъ и заботясь о продолженіи моего благороднаго рода. Главная причина моего безпокойнаго, исполненнаго самыхъ странныхъ приключеній существованія, казалось мнѣ, заключалась въ моемъ мѣщанскомъ происхожденіи, которое постоянно служило преградой моимъ стремленіямъ занять въ жизни видное и почетное мѣсто. Во мнѣ таилось странное противорѣчіе: я презиралъ свѣтъ и людей и въ тоже время жаждалъ почестей. Это, я полагаю, было слѣдствіемъ впечатлѣній, полученныхъ мною въ ранней молодости. Жизнь улыбается только двумъ вещамъ въ мірѣ: генію и высокому происхожденію: безъ того или другого человѣкъ, заключенный въ посредственность, только терпится обществомъ. Я самыми яркими красками изобразилъ женѣ счастливую жизнь, какую люди ведутъ при дворѣ маленькихъ германскихъ государей, и попасть туда сдѣлалось ея мечтой. У нея легче вырвать изъ груди самое сердце, чѣмъ то что̀ случайно въ него западетъ. Я вижу, въ Новомъ Свѣтѣ приготовляется борьба. Мужество и сила на нашей сторонѣ, и мы несомнѣнно выйдемъ побѣдителями изъ кровавой рѣзни. Южные штаты требуютъ для себя независимости, а это великое и правое дѣло. Я и въ Европѣ не мало поработалъ для нашей партіи. Мы долго жили въ Англіи, Италіи и Швейцаріи. Одно время я сильно подумывалъ о томъ, чтобъ мнѣ превратиться въ такъ-называемаго свободнаго прозаическаго швейцарскаго гражданина. Но Швейцарія мнѣ скоро опротивѣла: въ ней привольно только иностранцамъ. Кто же въ ней поселяется въ качествѣ гражданина, тотъ тотчасъ утрачиваетъ свою свободу, такъ какъ непремѣнно долженъ участвовать во всѣхъ кропотливыхъ дѣйствіяхъ ея маленькой правительственной машины. Кто не хочетъ заработывать денегъ трудомъ и быть благочестивымъ, — оказывается, что и то и другое совмѣстимо, — кто не умѣетъ довольствоваться малымъ, тотъ не годится для Швейцаріи. Тамъ нѣтъ ни двора,

ни аристократіи, ни казармъ, а есть только церковь, школа и больница — три учрежденія, къ которымъ я болѣе чѣмъ равнодушенъ. Нѣтъ, я не могъ оставаться въ Швейцаріи. Имѣть постоянно передъ глазами недосягаемыя вершины горъ, казалось мнѣ невыносимымъ, и я предпочелъ берега Рейна, гдѣ все такъ мило и уютно, гдѣ такъ легко и привольно живется. Для свободнаго человѣка Германія единственная страна въ мірѣ. Въ ней, заплати только свою подать, а тамъ живи себѣ спокойно. Я пріѣхалъ сюда съ цѣлью завоевать себѣ и своему сыну блестящее положеніе въ свѣтѣ. Уваженіе ближнихъ составляло въ моихъ глазахъ завидную роскошь, которой я во что бы то ни стало хотѣлъ достигнуть. Я желалъ доставить моему сыну то, что вполнѣ свойственно однимъ только нѣмцамъ, а именно приверженность къ долгу. Кромѣ того, мнѣ страстно хотѣлось выстроить себѣ здѣсь на Рейнѣ дачу и поселиться въ ней. Желаніе это преслѣдовало меня съ дѣтства. Оно составляло единственную слабую, сантиментальную черту моего характера, и ему-то суждено было привести меня къ гибели. Мысленно обозрѣвая весь міръ, я задавалъ себѣ вопросъ, гдѣ всего счастливѣе живется человѣку. Нигдѣ, казалось мнѣ, какъ на Рейнѣ. Въ моихъ глазахъ не было существованія пріятнѣе того, какое выпадаетъ на долю богатыхъ бароновъ небольшого германскаго государства. Жизнь ихъ полна наслажденій и не обременена никакими обязанностями; они вращаются въ небольшомъ кругу, но пользуются въ немъ безграничнымъ почетомъ и всевозможными житейскими радостями. Я испыталъ всего на свѣтѣ. Сколько разъ приходилось мнѣ то бражничать, то враждовать съ краснокожими индѣйцами. Въ былое время черепу моему нерѣдко угрожала опасность быть скальпированнымъ, но тутъ мнѣ во что бы то ни стало захотѣлось поближе посмотрѣть на мундиры съ красными воротниками и испробовать жизни, какою живутъ при герцогскихъ дворахъ. Кромѣ того я мечталъ объ идилліи. Во мнѣ еще таилась слабая искра нѣмецкаго романтизма и я не даромъ назвалъ мою дачу виллой Эдемъ. Я надѣялся здѣсь мирно докончить мой вѣкъ посреди цвѣтовъ и растеній, но забота о будущности дѣтей снова вовлекла меня въ водоворотъ общественной жизни. Вамъ извѣстно, что я домогался получить дворянскій дипломъ. Довольно, я все сказалъ. Но...

Онъ остановился и сталъ разсматривать вырѣзанную имъ изъ дерева фигуру. Она изображала голову негра съ высунутымъ языкомъ. Зонненкампъ однимъ меткимъ ударомъ ножа отрѣзалъ языкъ и ротъ, которые упали ему къ ногамъ, а затѣмъ, оскаливъ зубы на подобіе находившейся у него въ рукахъ фигуры, продолжалъ:

— Я перенесъ себя и свою семью въ лоно такъ-называемой цивилизаціи. Говоря откровенно, я въ этомъ нисколько не раскаяваюсь. Я не слабонервный человѣкъ, и душа моя закалилась въ адскомъ пламени. Если я скрывалъ свое прошлое, то вовсе не потому, чтобы считалъ его дурнымъ. Развѣ на свѣтѣ есть что-нибудь дурное? Нѣтъ, я скрывался изъ опасеній быть непонятымъ. Тысячи людей раскаяваются въ своихъ дѣлахъ, но отъ этого ни чуть не исправляются. Я ни въ чемъ не раскаявался и вовсе не думалъ объ исправленіи. Еслибъ я былъ солдатъ и попалъ на войну, я удивилъ бы міръ своимъ геройствомъ. Я человѣкъ безъ предразсудковъ и потому самому не зараженъ такъ-называемой гуманностью. Я жилъ и умру съ убѣжденіемъ, что всеобще равенство пустая мечта. Освобожденіе негровъ не приведетъ къ добру. Ихъ послѣдній часъ пробьетъ въ тотъ самый день, какъ одинъ изъ нихъ—если только дѣло когда-нибудь до этого дойдетъ—вступитъ въ вашингтонскій Бѣлый Домъ. Свѣтъ преисполненъ лжи и лицемѣрія. Единственная моя гордость заключается въ томъ, что я никогда не былъ лицемѣромъ. А теперь, люди чести и добра, если кто изъ васъ желаетъ спросить у меня объясненій, говорите. Я готовъ отвѣчать.

Онъ пріостановился.

Всѣ молчали.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Зонненкампъ въ заключеніе, мнѣ остается только просить васъ, не ради меня, а ради моихъ дѣтей, наложить на меня какое-либо искупленіе. Потребуете вы самоубійства, я его тотчасъ совершу; найдете вы нужнымъ меня изгнать, я немедленно уѣду; потребуете вы наконецъ, чтобъ я отдалъ половину моего имущества, хотя это составитъ сумму гораздо бо̀льшую той, какую я пріобрѣлъ торговлей моими такъ-называемыми братьями, неграми,—я и на то готовъ. Затѣмъ благодарю васъ и жду вашего приговора.

Съ этими словами, онъ удалился.

Клодвигъ шепнулъ Эриху на ухо:

— Древній Каинъ убилъ брата, а новый продаетъ ближнихъ.

Б. Ауэрбахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787—1795.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I *).

Отозваніе Булгакова.—Назначеніе Сиверса.—Игельстромъ.—Прибытіе Сиверса.—Столкновенія съ конфедераціей.—Обращеніе Сиверса съ королемъ.—Его выѣздъ въ Гродно [1]).

Въ Варшавѣ совершилась великая перемѣна лицъ, грозившая приближеніемъ грозъ. Послѣ торжества конфедераціи и прибытія русскихъ войскъ, столица на время какъ будто забыла потрясеніе края, паденіе конституціи, въ честь которой такъ недавно и такъ шумно пировала; все въ ней пахло праздникомъ: балъ за баломъ, обѣдъ за обѣдомъ; поляки какъ будто радовались гостямъ—братъ любимца императрицы, Валеріанъ Зубовъ, казалось, хотѣлъ превзойти пышностію своего гостепріимства поляковъ; польскія дамы плѣняли сердца русскихъ генераловъ; самъ Зубовъ былъ у ногъ Потоцкой, первой красавицы въ Польшѣ, жены самаго безобразнѣйшаго по наружности и одного

*) См. выше: февраль, 685; мар., 154; апр., 618; май, 138; іюнь, 559; іюль, 89; авг., 548; сент., 17; окт., 562 стр.

[1]) См. источники №№ 3, 1, 18, 23, 30, 34, 38, 47, 71, 80, 84, 87, 88, 91, 111, 112, 115.—Кромѣ того: 1) журналъ гродненскаго сейма, составленный Билеромъ, русскимъ полномочнымъ при конфедераціи; 2) дѣла гродненскаго сейма, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ; 3) рѣчи пословъ на гродненскомъ сеймѣ.

изъ умнѣйшихъ людей въ Польшѣ, предпріимчиваго Прота Потоцкаго. Слѣдуя примѣру Зубова и другіе русскіе были безъ ума отъ очаровательныхъ полекъ. Но веселость Варшавы была только наружная; за этою веселостью чувствовались грусть, смущеніе и ожиданіе чего-то ужаснаго. Это замѣтилъ русскій посолъ. Всѣхъ грустнѣе былъ самъ король, часто удалялся отъ большого общества и проводилъ время въ кругу своихъ племянницъ, Мнишковой и Тышкевичъ.

Въ это время императрица, готовясь къ великому шагу, перемѣнила нѣкоторыхъ своихъ дѣятелей въ Польшѣ. Вмѣсто Коховскаго назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ баронъ Игельстромъ; надъ войскомъ, стоявшимъ въ Литвѣ и въ Украинѣ, главнокомандующимъ былъ генералъ-аншефъ Кречетниковъ. Неугоденъ императрицѣ сталъ и Булгаковъ; говорятъ, что ему повредилъ рагузинецъ Альтести, котораго онъ вывезъ изъ Константинополя, облагодѣтельствовалъ, въ люди вывелъ, рекомендовалъ Зубову: теперь онъ въ благодарность рылъ подъ нимъ яму при дворѣ. Впрочемъ, отозваніе Булгакова произошло и потому, что императрица разсчитывала предстоявшее дѣло возложить на личность, болѣе чѣмъ всякая другая, способную къ такому дѣлу; личность эта былъ Яковъ Евфимовичъ Сиверсъ, бывшій нѣкогда новгородскимъ губернаторомъ, и не ладившій съ Потемкинымъ, вслѣдствіе чего онъ нѣсколько лѣтъ сидѣлъ въ своемъ лифляндскомъ имѣніи. Теперь императрица вспомнила о немъ и призвала его снова къ дѣятельности.

Трудно было найти человѣка, болѣе подходящаго къ дѣлу, какъ графъ Сиверсъ. Несмотря на старость, это былъ человѣкъ въ высокой степени дѣятельный и проницательный, легко схватывавшій положеніе, въ которомъ находился, узнающій насквозь и оцѣнивающій людей, не пылкій, не заносчивый, но ни на минуту не терявшій своего достоинства, хладнокровно разсматривающій вещи въ ихъ надлежащемъ видѣ, не злой и не упрямый, не дѣлавшій ничего по своенравію, безмѣрно терпѣливый, мягкій къ человѣческому несчастію, но твердый какъ камень въ исполненіи избраннаго средства, неподатливый впечатлѣніямъ и потому неспособный ни выйти изъ себя, ни дать провести себя. Для него въ дѣлѣ было одно дѣло; онъ видѣлъ ясно цѣль свою, умѣлъ находить прямыя дороги и простѣйшія средства, ведущія къ этой цѣли, не отступалъ съ нихъ ни шагу, не бросался въ сторону, не размѣнивался на мелочи; добродушный съ виду и съ постоянною простодушною улыбкою, вѣжливый въ обращеніи, онъ не вдавался въ реторику, умѣлъ помолчать тамъ, гдѣ нужно было молчаніемъ сказать болѣе, чѣмъ

языкомъ, говорилъ мало и дѣльно, и даромъ не отступалъ отъ своего слова. Это былъ человѣкъ, какого именно въ Польшѣ въ то время было нужно, который бы полякамъ былъ и страшенъ, и въ тоже время пріятенъ.

Такого старика избрала Екатерина. Вызванный изъ своего имѣнія въ Петербургъ, онъ получилъ отъ 22 декабря рескриптъ отъ императрицы такого содержанія. Государыня вспомнила, какъ она, со вступленія своего на престолъ, заботилась о сохраненіи вольности и независимости Польши, и удерживала алчность и жадность другихъ дворовъ, но обстоятельства вынудили ее согласиться на раздѣлъ Польши въ 1773, навлеченный междоусобіями поляковъ. «Казалось бы по всѣмъ вѣроятностямъ — выражалась она—что вышеупомянутое событіе послужитъ поученіемъ и убѣжденіемъ для переду, что дальняя цѣлость и спокойствіе польскихъ владѣній зависитъ отъ соблюденія тѣснаго и непрерывнаго согласія съ нами и державою нашею. Но время и весьма короткое доказало, что легкомысліе, надменность, вѣроломство и неблагодарность сему народу свойственныя не могутъ быть исправлены ниже самыми бѣдствіями». Указавъ, что вины поляковъ противъ Россіи побудили императрицу пригласить къ своему двору недовольныхъ произведенными въ Польшѣ перемѣнами и составить конфедерацію, Екатерина высказывала очень нелестное мнѣніе о составителяхъ конфедераціи, замѣчала, что всѣ они, исключая Щенснаго Потоцкаго, помышляли не о благѣ отечества, а о своихъ личныхъ и корыстолюбивыхъ видахъ и при соглашеніи ихъ съ русскимъ министерствомъ о предварительныхъ мѣрахъ и о началахъ будущаго правленія «примѣчено было разнообразіе видовъ, не предвѣщавшихъ ни единодушія, ни прочности въ созидаемомъ зданіи, какимъ бы образомъ оно ни устроилось.» Она считала признаніе конфедераціи со стороны Станислава-Августа поступкомъ неискреннимъ и упрекала его въ томъ, что онъ, какъ ей, по ея словамъ, было достовѣрно извѣстно, продолжаетъ возбуждать питать въ польскомъ народѣ злобу и недоброжелательство къ Россіи и ея войскамъ. Но болѣе всего безпокоило императрицу то, что въ Варшавѣ развелись клубы на подобіе якобинскихъ и французское ученіе могло оттуда распространиться по всей Польшѣ и коснуться границъ ея сосѣдей. «Нѣтъ мѣръ предосторожности и строгости— говорила Екатерина въ своемъ рескриптѣ—каковыхъ бы опасеніе столь лютаго зла оправдать не долженствовало. Рѣшительный отзывъ короля прусскаго принудилъ насъ войти въ ближайшее соображеніе всѣхъ обстоятельствъ и околичностей въономъ встрѣчающихся. Тутъ усмотрѣли мы очевидно и ощути-

тельно, во-1) что по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, т. е. по непостоянству и вѣтренности сего народа, по доказанной его злобѣ и ненависти къ нашему, а особливо по изъявляющейся въ немъ наклонности къ разврату и неистовству французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда, иначе какъ приведя его въ сущее безсиліе и немогущество; во-2) что неподатливостью нашею на предложеніе короля прусскаго и послѣдуемымъ за тѣмъ его отпаденіемъ отъ римскаго императора въ настоящемъ ихъ общемъ дѣлѣ, мы подвергаемъ сего естественнаго и важнаго союзника нашего такимъ опасностямъ, что слѣдствія онаго вовсе опровергнутъ европейское равновѣсіе, и безъ того уже потрясенное нынѣшнимъ положеніемъ Франціи; и въ-3) что король прусскій, ожесточенный безполезностію употребленныхъ имъ издержекъ, не взирая и на отчужденіе наше отъ его видовъ, можетъ по извѣстной горячности его нрава или теперь силою завладѣть тѣми землями, или для достиженія къ тому надежнѣйшаго способа, навлечь на насъ новыя отяготительныя хлопоты, къ усугубленію которыхъ сами поляки готовы будутъ содѣлаться первымъ орудіемъ. Сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить землю и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и единную вѣру съ нами исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ назначенный начальникомъ войскъ баронъ Игельстромъ получилъ подобный рескриптъ отъ государыни въ такихъ словахъ:

«Нѣтъ нужды излагать причины, побудившія насъ присоединить къ нашему государству земли, вошедшія въ составъ польской республики, которыя въ древности принадлежали Россіи, гдѣ города построены русскими князьями, гдѣ жители происходятъ отъ одного племени какъ и русскіе, и притомъ наши единовѣрцы. Все сіе узнаете изъ манифеста, долженствующаго быть обнародованнымъ въ свое время. Теперь же вы должны узнать о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять, чтобы на все быть готовымъ.

«Прусскій дворъ, вошедшій, какъ и вѣнскій, съ нами въ союзъ, и съ послѣднимъ ведущій общее дѣло противъ мятежныхъ французовъ, по причинѣ неудачи послѣдняго похода, увидѣли себя въ невозможности продолжать войну, не получивъ соразмѣрнаго вознагражденія за понесенныя потери. Прусскій король требуетъ этого вознагражденія въ особенности для того, чтобы съ обнов-

ленными силами предпринять общую всѣмъ монархамъ и всѣмъ благоустроеннымъ правительствамъ войну, поставить въ границы послушанія необузданный народъ и не допустить дальнѣйшаго распространенія по Европѣ духа безначалія. По этимъ причинамъ прусскій король и императоръ предложили намъ раздѣлъ Польши, какъ единственное средство достиженія вышеупомянутаго, какъ сообразнаго съ ихъ ожиданіями, вознагражденія. На этотъ конецъ король прусскій далъ уполномочіе своему довѣренному министру, съ которымъ мы, вошедши въ переговоры, заключили слѣдующія прелиминарныя статьи:

«Берлинскій дворъ получитъ Данцигъ и Торнъ и всю Великую Польшу, за исключеніемъ Мазовецкаго воеводства, проводя границу отъ Ченстохова на Раву и Солдомъ. Вѣнскій дворъ долженъ быть вознагражденъ Баваріею. Намъ предстоитъ расширить нашу грань слѣдующимъ образомъ: отъ конца Семигаліи на Поставы и Велико на Виліи, оттуда вдоль границы Виленскаго воеводства до Столпецъ, отъ Столпецъ перейдя черезъ Нѣманъ на Несвижъ, далѣе Припетью на Пинскъ и Куновъ, оттуда посредствомъ прямой линіи на Вышегородъ на галиційской границѣ, а оттуда къ Днѣстру, гдѣ эта новая граница совпадетъ съ существующею границею между Польшею и Австріею, а далѣе вдоль Днѣстра образуетъ границу съ Молдавіей. Всѣ въ этой чертѣ заключающіяся земли останутся на вѣки въ нашемъ владѣніи и должны быть намъ уступлены сеймомъ польской республики и обезпечены взаимными гарантіями союзныхъ съ нами государствъ.

«Въ ожиданіи ратификаціи со стороны прусскаго короля, которая не замедлитъ быть сюда доставленною, вы должны для удобнаго исполненія всего вышеупомянутаго приготовить и найти мѣры, какія окажутся необходимыми, какъ въ отношеніи расположенія войскъ, такъ и ихъ содержанія. Вы не должны никому открывать причинъ этихъ мѣръ, но подавать видъ, что это дѣлается для удобнаго содержанія войска ради демонстраціи со стороны турокъ, и это во-первыхъ для того, чтобы въ занимаемыхъ нами земляхъ не произошло возмущенія, во-вторыхъ, чтобы никто не могъ сказать, что мы самовольно начали этотъ раздѣлъ, такъ какъ мы принуждены были къ этому прусскимъ королемъ. Послѣдній уже рѣшилъ ввести свои войска въ Великую Польшу, и занять вышеупомянутую линію подъ предлогомъ удерживать тамъ спокойствіе, не прежде присоединяя эти земли къ своему государству, какъ послѣ точнаго опредѣленія границъ между нами.

«Такое вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу поставляетъ

насъ въ необходимость прибѣгнуть къ соотвѣтствующимъ средствамъ съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что того требуетъ какъ положеніе всей Европы, такъ и состояніе Польши. Господствующія между поляками несогласія, отчасти внушеніями якобинцевъ, отчасти приверженцами конституціи 3-го мая, и недовольными торговицкою конфедераціею, грозятъ ниспровергнуть все сдѣланное нами для водворенія порядка въ Польшѣ».

Съ перваго взгляда бросается разница въ инструкціяхъ Сиверсу и Игельстрому. Послѣднему говорится яснѣе о конечной цѣли, чѣмъ первому, хотя и въ инструкціи Сиверсу эта цѣль не скрывается. Инструкція Игельстрому писана позднѣе (6-го января), тогда уже, когда, какъ видно, дѣло съ Пруссіею представлялось опредѣленнѣе. Вѣроятно императрица сообщила своему посланнику изустно то, что не хотѣла еще сообщать бумагѣ, не зная, какимъ образомъ должно совершиться предначертанное намѣреніе.

Сиверсъ прибылъ въ Гродно 20-го (31-го) января, и прибытіе его, какъ водится, было предлогомъ къ празднествамъ и веселостямъ. Ему оказывали чрезвычайныя почести. Щенсный устроилъ для него великолѣпный обѣдъ, затѣмъ послѣдовали другіе обѣды и балы. Конфедераты, между собою несогласные, одинаково заискивали милостей и расположенія посла Екатерины. Сиверсъ помѣстился у состоявшаго при конфедераціи отъ русской императрицы барона Билера. — «Спасибо нашей государынѣ, — говорилъ Сиверсу Билеръ — Польша была бы демократическою страною, если бы не спасла ее отъ этого государыня: теперь въ ней установится прочное республиканское правленіе, и весь свѣтъ будетъ имъ доволенъ». — Онъ не понималъ, что Польша никогда не была демократическою страною, и никакого твердаго республиканскаго правленія для нея не предстояло.

Черезъ десять дней послѣ пріѣзда своего въ Гродно, Сиверсъ прибылъ въ Варшаву, получивъ отъ Булгакова вѣсть о казни Людовика XVI; это казалось чѣмъ-то пророческимъ для него, въѣзжавшаго въ столицу государства, также осужденнаго на казнь, которой исполненіе возлагалось на него. Онъ остановился въ наемномъ домѣ русскаго посольства, который предоставилъ ему Булгаковъ со всѣми удобствами — прислугою, кухнею, экипажами, мебелью, со всѣмъ, кромѣ (какъ говорилъ прежній посолъ къ новому) библіотеки, которая у него оставлена на старость, какъ лекарство отъ скуки. Новый посланникъ, пообѣдавши на первый разъ съ Игельстромомъ и русскими генералами, далъ знать о своемъ пріѣздѣ иностраннымъ посламъ и надворному маршалу. Начались визиты. Чужіе послы первые являлись къ представи-

телю Россіи. 3-го (14-го) февраля, въ 12 часовъ дня Сиверсъ отправился представляться королю въ щегольскомъ экипажѣ, запряженномъ прекрасными лошадьми, съ блестящею прислугою. Народъ толпился на улицѣ и по окнамъ домовъ. У всѣхъ было тревожное желаніе взглянуть на лицо этого новаго гостя: ни одинъ еще русскій посланникъ не возбуждалъ такого любопытства, вниманія, надеждъ, страха, ни одинъ еще не являлся въ польскую столицу въ такую знаменательную эпоху крайняго безсилія Польши и крайняго могущества надъ нею Россіи. Всѣ дамы были въ глубокомъ трауръ. Польша надѣла его по Людовикѣ XVI, но вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно надѣла его и по себѣ. Изобильныя синія ленты Бѣлаго Орла и красныя Станислава нарушали однообразіе черныхъ одеждъ.

Въ тронной залѣ Станиславъ-Августъ сидѣлъ на тронѣ въ порфирѣ, подъ балдахиномъ, и увидя посла, сдѣлалъ къ нему два или три шага. Сиверсъ отвѣсилъ два поклона. Король указалъ послу на кресло. Сиверсъ подалъ ему довѣрительную грамоту и сказалъ комплиментъ; король отвѣтилъ комплиментомъ, а посланникъ всталъ, отвѣсилъ три поклона и удалился. Этимъ кончилось первое свиданіе. Между тѣмъ они были старые знакомые; сорокъ лѣтъ тому назадъ, Сиверсъ и Понятовскій проводили вмѣстѣ весело время въ Лондонѣ, и теперь въ первый разъ послѣ того встрѣтились стариками.

На другой день, въ одиннадцать часовъ, назначено было черезъ посредство маршала Мнишка, у котораго въ тотъ день обѣдалъ посолъ, свиданіе съ королемъ, въ его кабинетѣ.

«Я долженъ — сказалъ сидя съ нимъ посланникъ — объявить вашему величеству, что если неудовольствіе ея императорскаго величества, которое ваше величество навлекли на себя принятымъ поведеніемъ во время послѣдняго сейма и особенно въ день 3-го мая, причинило вамъ нѣкоторыя непріятности въ настоящемъ положеніи вашемъ, вы должны ихъ приписать себѣ самому; тѣмъ не менѣе ея императорское величество склоняется къ тому, чтобы васъ вывести изъ этого положенія, и я получилъ соотвѣтствующее повелѣніе пригласить ваше величество въ Гродно на конфедерацію; тамъ, независимо отъ вліянія варшавскихъ козней и хитростей, дѣла республики постепенно пойдутъ своимъ законнымъ путемъ и придутъ скорѣе къ концу; тамъ легче принять сообразные способы къ выбору пословъ на сеймъ. Наконецъ, исполнить желаніе ея величества будетъ для вашего величества единственнымъ средствомъ возвратить себѣ ея благосклонность. Сношенія вашего величества съ польскими выход-

цами привели дѣла къ худшему состоянію, нежели какъ они были послѣ 3-го мая».

Король клялся, что не имѣлъ сношеній съ эмигрантами со времени приступленія къ конфедераціи, но только старался побудить ихъ къ возвращенію въ отечество. Король началъ длинную рѣчь, продолжавшуюся до трехъ четвертей часа, разводя сущность дѣла водою реторики. Смыслъ этой рѣчи былъ таковъ:

«Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ я не нарушалъ привязанности и долга благодарности къ моей благодѣтельницѣ, императрицѣ всероссійской, но мнѣ приписывали, совершенно напрасно, деспотическія и въ то же время демократическія наклонности. Моя преданность государынѣ вѣдома ей издавна; будучи въ Каневѣ, я подавалъ ея величеству записку съ проектомъ преобразованія польскаго королевства въ провинцію россійской имперіи, но я получилъ на это уклончивый отвѣтъ. Составленіе сейма совершилось при условіяхъ, самыхъ согласныхъ съ видами Россіи, и мое собственное поведеніе было заранѣе охуждено вмѣстѣ съ поведеніемъ гр. Штакельберга. Несчастный поворотъ дѣлъ на сеймѣ слѣдуетъ приписать тѣмъ узамъ, которыя на меня были наложены въ средствахъ дѣйствовать на выборы сеймовыхъ пословъ покойнымъ княземъ Потемкинымъ и гетманомъ Браницкимъ; черезъ ихъ посредство рекомендованы были послы, которые сдѣлались буйными и задорными подстрекателями къ тому, что̀ случилось; многіе изъ нихъ теперь ушли изъ отечества. Я присталъ къ генеральной конфедераціи и съ тѣхъ поръ терплю невыносимыя оскорбленія отъ графа Щенснаго Потоцкаго; въ этомъ королевскомъ за̀мкѣ я нахожусь въ качествѣ плѣнника; мнѣ не позволяютъ даже раздавать паролей караульнымъ. Моя поѣздка къ генеральной конфедераціи не принесетъ никакой пользы дѣлу, а мнѣ она очень тяжела; мое нездоровье препятствуетъ предпринимать это путешествіе въ такое время года; я не имѣю средствъ на это, и главное, поѣздка эта была бы для меня безмѣрно унизительна. Я умоляю ея величество и надѣюсь, что государыня не будетъ настаивать на этомъ. Я прошу васъ, господинъ посланникъ, представить ея величеству о моемъ ужасномъ положеніи».

— Всѣ эти жалобы сами собой уничтожатся, — сказалъ посланникъ,—какъ только ваше величество соединитесь съ конфедераціею. Если вы туда пріѣдете, права ваши будутъ возстановлены, а чтобы васъ никто не оскорбилъ, надъ этимъ буду наблюдать я.

Король продолжалъ просить, чтобы его не неволили ѣхать въ Гродно.

Сиверсъ сказалъ: «Я не думаю, чтобы ея величество согласилась на отмѣну своей воли. Лучше будетъ, если ваше величество рѣшитесь ѣхать. Могу вамъ дать время обдумать эту поѣздку, но если ея императорское величество будетъ настаивать на своемъ, то, вѣроятно, и тогда вы все-таки сдѣлаете такъ, какъ ей угодно, только тогда вамъ не будетъ у нея заслуги; теперь, по крайней мѣрѣ, начните дѣлать приготовленія къ отъѣзду».

Король сталъ распространяться о своемъ униженіи, о бѣдствіяхъ, которыя угрожаютъ и ему и Польшѣ. Сиверсъ сказалъ: «я вамъ совѣтую, не какъ посланникъ, а какъ человѣкъ, искренно желающій вамъ добра, рѣшиться на поѣздку».

— Позвольте нѣсколько подумать, — сказалъ король.

Сиверсъ согласился и удалился отъ него.

Какъ только возвратился посланникъ въ свое помѣщеніе, къ нему явился разорившійся Тепперъ и принесъ записку о своихъ долгахъ: оказалось, что ему король долженъ 1.566,000 червонцевъ, что̀ составляло болѣе тридцати милліоновъ польскихъ злотыхъ ходячею монетою. Не говоря уже о многихъ другихъ панскихъ долгахъ, Тепперъ считалъ королевскій долгъ одною изъ главныхъ причинъ своего разоренія и просилъ посредничества Россіи въ этомъ дѣлѣ. «Прежде, чѣмъ король не поѣдетъ въ Гродно,— сказалъ Сиверсъ,—я не могу для васъ ничего сдѣлать». Сиверсъ разсчитывалъ, что если кредиторы атакуютъ сильно короля, то ему представится надежда на уплату своихъ долговъ отъ Россіи, и онъ можетъ быть поѣдетъ въ Гродно.

Король прислалъ послу черновое письмо къ императрицѣ. Сиверсъ сказалъ, что отошлетъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ оно сочинено.

Нѣсколько дней послѣ того пошли угощенія и пиры; Сиверсу не давали покоя,—сегодня обѣдъ у примаса, въ его нарядномъ домѣ, завтра у короля, на семнадцать близкихъ особъ въ укромномъ отдѣленіи дворца, гдѣ одна дверь изъ столовой вела въ кабинетъ, другая въ спальню короля; послѣ завтра у королевской сестры, Браницкой—(madame de Cracovie), потомъ обѣдъ у самого Сиверса, данный дипломатическому корпусу и русскимъ генераламъ, всего на двадцать шесть персонъ.

Между тѣмъ прусскія войска, вступивши въ Польшу, съ успѣхомъ разбили и разсѣяли польскія войска, не хотѣвшія уступить, и заняли Торунь. Пруссаки обезоруживали польскіе гарнизоны, забирали польскую казну въ таможняхъ. По приказанію генеральной конфедераціи, канцлеръ Малаховскій снова подалъ ноту прусскому послу Бухгольцу, гдѣ заявлялъ, что вѣроятно

такіе поступки дѣлаются безъ воли прусскаго короля, что вѣроятно и нота, которая была подана въ отвѣтъ на прусскую ноту отъ 15-го января, не дошла до его прусскаго величества. «Мы думаемъ, —сказано было въ нотѣ, — что самое вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу предварило время, въ которое представленія, сдѣланныя по распоряженію генеральной конфедераціи, могли дойти до прусскаго короля, и событія, послѣдовавшія затѣмъ, вѣроятно навлекутъ порицанія его величества прусскаго короля». Черезъ три дня послѣ того, генеральная конфедерація послала ноту Сиверсу, гдѣ жаловалась на вторженіе прусскихъ войскъ, и просила увѣреній со стороны императрицы, покровительницы Польши, которыя бы могли успокоить напуганныхъ обывателей. Въ протестаціи, опубликованной вмѣстѣ съ тѣмъ, конфедерація разсыпалась въ чрезвычайныхъ похвалахъ русской императрицѣ и возлагала единственную надежду на ея великодушіе.

Игельстромъ, чрезъ Сиверса, по поводу размѣщенія войскъ и прохожденія ихъ въ южныхъ провинціяхъ какъ будто для демонстраціи противъ турокъ, требовалъ отъ конфедераціи распоряженія о выдачѣ фуража и провіанта. Конфедерація исполнила его требованіе безропотно и назначила коммиссаровъ для этого дѣла, но замѣтила въ своемъ универсалѣ такъ: «что касается до уплаты, слѣдуемой за взятый фуражъ, для войскъ ея императорскаго величества, генеральная конфедерація не имѣетъ никакого свѣдѣнія, чтобы кому-нибудь была учинена такая уплата», и въ этихъ видахъ ссылаясь на цѣну, которая была подана черезъ делегованныхъ отъ обоихъ народовъ, «снова обращается къ великодушію той монархини, которой повѣрена не только цѣлость отечества, но и судьба всего существованія нашего».

Но дальнѣйшія дѣйствія Пруссіи показывали, что на протестаціи изъ Гродно не обращается ни малѣйшаго вниманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разносились уже вѣсти, что русскія войска не съ добрыми видами размѣщаются по Украинѣ и будто бы хотятъ отдалить отъ Днѣстра и Каменца дивизію войскъ Рѣчи-Посполитой и обезоружить ее. Тогда конфедерація отъ 11-го февраля издала универсалъ о посполитомъ рушеньѣ. По поводу вторженія пруссаковъ, всякій, исключая слабыхъ и больныхъ, долженъ быть готовъ къ посполитому рушенью, забывъ всякіе споры, духъ партій. Мѣстныя конфедераціи должны были выбрать региментарей и ротмистровъ по землямъ, повѣтамъ и приходамъ; приказывалось сохранять согласіе съ русскими и ждать въ вооруженіи, когда послѣдуютъ третьи вици, какъ издавна велось въ случаяхъ подобныхъ опасностей, и тогда выходить всѣмъ разомъ.

Универсалъ обращается и къ королю и ко всѣмъ тѣмъ согражданамъ, которые прежде иначе думали; ихъ просили забыть все противное, и вмѣстѣ съ народомъ защищать отечество. Къ королю послано было письмо, гдѣ, какъ всегда и прежде бывало въ Польшѣ, поручали ему принять начальство надъ посполитымъ рушеньемъ. Къ Сиверсу послѣдовала нота отъ 19-го февраля, гдѣ извѣщалось о слухахъ, ходившихъ о замыслахъ русскаго войска, и говорилось, что конфедерація уповаетъ на честныя и великодушныя намѣренія государыни, и для нея довольно будетъ одного успокоительнаго и увѣрительнаго слова посланника ея величества; вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація напоминала, во имя долга и справедливости, заплатить за взятый войскомъ фуражъ и провіантъ. На все это отъ Сиверса послѣдовала такого рода нота:

«Удивляюсь, что генеральная конфедерація сочла умѣстнымъ отъ 11-го февраля предписать націи приготовленіе къ посполитому рушенью, не входя о такомъ крайнемъ поступкѣ въ сужденія со мною, министромъ дружественнаго сосѣдняго двора, отъ котораго конфедерація должна единственно ожидать счастія и спокойствія Польшѣ. Одно размышленіе объ этомъ долженствовало бы угасить огонь, воспламенившій генеральную конфедерацію, когда она рѣшалась на вызовъ мятежей и неизбѣжныхъ волненій, которыя естественно были бы послѣдствіями ея патетическаго воззванія. Предписывается выборъ полковниковъ и ротмистровъ по землямъ, повѣтамъ и приходамъ съ обѣщаніями будущихъ наградъ! Какъ же это можетъ произойти безъ многочисленныхъ и шумныхъ собраній, часто безчинныхъ, какъ опытъ показывалъ? Полковники будутъ сбирать полки, ротмистры станутъ производить вербунки; начнутся военныя упражненія и эволюціи, въ ожиданіи сбора всѣхъ войскъ, и необходимое для блага страны спокойствіе сдѣлается призрачнымъ. Нижеподписавшійся не можетъ не высказать своего безпокойства и о томъ, что наияснѣйшая конфедерація тайно обѣщаетъ амнистію тѣмъ, которые, по ея собственному сознанію, старались возмутить республику и причинить ей всякое зло: этимъ эмигрантамъ, которые своими интригами и безразсудными заявленіями предъ національною конвенціею въ Парижѣ, осмѣлились признать ужасный принципъ, унизившій французскую націю въ глазахъ всей вселенной; этимъ эмигрантамъ, которые дерзнули увѣрять, будто громада польской націи думаетъ также какъ они, — какъ могутъ они опять войти въ нѣдра націи, не внося новыхъ элементовъ огня и раздора? Нижеподписавшійся, не ожидая новыхъ приказаній императрицы, считаетъ обязанностью, сообразно данной ему инструкціи, заботиться, вмѣстѣ съ конфедератами, въ согласіи съ гене-

ралами россійской арміи, о спокойствіи Рѣчи-Посполитой, и удалять все, что можетъ его нарушить, а потому проситъ наияснѣйшую конфедерацію повсюду, гдѣ только обнародованъ прежній универсалъ о посполитомъ рушеньѣ, обнародовать новый универсалъ о томъ, что наияснѣйшая конфедерація не желаетъ какихъ бы то ни было собраній, чтобы избѣжать всякой смуты и волненія, чтобы всякій добрый гражданинъ соблюдалъ спокойствіе до будущаго призыва націи, смотря по обстоятельствамъ. Нижеподписавшійся не можетъ умолчать, что, въ видахъ совершеннаго спокойствія въ земляхъ Рѣчи-Посполитой, командиры арміи ея величества, стоящей на зимнихъ квартирахъ, имѣютъ положительное приказаніе препятствовать сходбищамъ».

Получивъ это нравоученіе, конфедерація поспѣшила тотчасъ (отъ 22-го февраля) опубликовать другой универсалъ, и въ немъ объясняла, что въ первомъ ея универсалѣ говорилось о посполитомъ рушеньѣ въ видѣ предположенія, на случай опасности, а затѣмъ объявляла націи такъ: «если для нашей Рѣчи-Посполитой есть еще на что-нибудь надежда, то единственно на великодушіе великой Екатерины; отвергнуть ея совѣты, значило бы губить отечество преждевременно. Заклинаемъ соотечественниковъ и обязываемъ ихъ любовью къ отечеству, ранними движеніями не приблизить конца Рѣчи-Посполитой.» Вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація отослала объяснительный отвѣтъ Сиверсу, доказывая въ немъ, что назначеніе начальниковъ предполагаемаго посполитаго рушенья не могло произвести волненій, и присовокупляла: «генеральная конфедерація могла бы поручиться за внутреннее спокойствіе и хорошія отношенія къ русскому войску, если бы довѣріе къ великодушію императрицы возбуждало равную взаимность, и если бы не препятствовали конфедерованному правительству Рѣчи-Посполитой употреблять средства и собственныя силы для сохраненія спокойствія и цѣлости Рѣчи-Посполитой; теперь же, когда польскому войску запрещаютъ передвигаться, а провинціальнымъ конфедераціямъ собираться для совѣщаній, одинъ человѣкъ, ловкій въ интригахъ, можетъ надѣлать смутъ». На счетъ упрековъ за амнистію, конфедерація въ этомъ же письмѣ увѣряла Сиверса, что, не видя себѣ никакого сопротивленія, конфедерація не имѣла повода оглашать амнистію и призывать къ возвращенію эмигрантовъ, ибо никто не былъ изгнанъ. Наконецъ, замѣчалось, что если кто-то въ Парижѣ говорилъ подобныя рѣчи, то эта личность не имѣетъ ничего общаго съ Польшею и обывателями ея. Письмо это кончалось такъ: «Г. посолъ увѣряетъ, что монархиня, которую мы умоляемъ о спасеніи и цѣлости Рѣчи-Посполитой, поручила ему наблюдать надъ спо-

койствіемъ нашего края. Эти слова утѣшили бы народъ, если бы г. посолъ имѣлъ также порученіе увѣрить Рѣчь-Посполитую въ цѣлости ея владѣній. Одно слово великой Екатерины, какъ ручательницы существованія и цѣлости Рѣчи-Посполитой, было бы сильнѣйшею порукою, чѣмъ всѣ наши усилія».

На это не было утѣшительнаго отвѣта. Сиверсъ въ Варшавѣ распоряжался такъ, что верховное правительство изображали не король, не конфедерація, а онъ, посолъ императрицы. Онъ приказалъ удалить изъ Варшавы французовъ, на которыхъ тогда въ глазахъ всего стараго порядка лежала печать отверженія, арестовалъ одного изъ нихъ, Боннó, не обращая вниманія на его республиканскія угрозы, и отослалъ въ Петербургъ; запретилъ канцлерамъ сообщать иностраннымъ посланникамъ универсалы конфедераціи; не позволялъ воротиться въ отечество Іосифу Понятовскому, за то, что послѣдній въ пылу полемической переписки съ Щенснымъ Потоцкимъ, вызывалъ Потоцкаго на поединокъ; не дозволилъ кредиторамъ обанкрутившагося банкира Теппера пересмотрѣть его книги, потому что тамъ записаны были пенсіоны, которые платила Россія разнымъ должностнымъ лицамъ; чтобы не навлечь на нихъ пятна, Сиверсъ приложилъ къ этимъ книгамъ печать, и по его приказанію конфедерація назначила коммиссію для разсмотрѣнія дѣлъ Теппера, а члены выбраны были угодные Сиверсу, и въ томъ числѣ былъ надворный маршалъ Рачинскій, издавна получавшій отъ Россіи пенсіонъ и дѣлавшій все по приказанію русскихъ пословъ. Сиверсъ раздавалъ пенсіоны: назначилъ Коссаковскому въ мѣсяцъ тысячу червонцевъ, генералу Ожаровскому, начальнику польскихъ войскъ въ Варшавѣ, 500 черв. въ мѣсяцъ. Ожаровскій передъ тѣмъ стоялъ съ своими войсками въ Великой Польшѣ, и, при вступленіи пруссаковъ, спрашивалъ у конфедераціи, слѣдуетъ ли ему давать отпоръ? Конфедерація нашла страннымъ такой вопросъ въ устахъ воина, котораго беретъ сомнѣніе: долженъ ли онъ защищаться, когда на него нападаютъ. Теперь его перевели въ Варшаву, тамъ онъ долженъ былъ наблюдать за общимъ спокойствіемъ, и, получая отъ Сиверса хорошій пенсіонъ, повиноваться ему во всемъ. Сиверсъ размѣщалъ государственныхъ дѣятелей, а Игельстромъ войска. Послѣ приведенія войскъ на мѣста сообразно плану, ожидали оглашенія деклараціи о новомъ раздѣлѣ. Войска русскія были расположены такъ, что окружали столицу; фуражъ и провіантъ собирались съ понужденіемъ. Выдавая квитанціи, о платежѣ не думали. Не только за то, что забиралось въ настоящее время, но и за то, что было забрано еще во время главной команды Коховскаго, не было выплачено.

Сиверсъ ни однимъ словомъ не проговорился предъ поляками о томъ, что̀ будетъ съ ихъ отечествомъ, напротивъ, когда литовскій подскарбій Огинскій выразилъ ему опасеніе о раздѣлѣ, Сиверсъ сказалъ: «это все выдумки пустоголовыхъ и безпокойныхъ повѣсъ, которые ищутъ средствъ навлечь неблаговоленіе государыни, презирая ея благодѣяніями. Васъ пугаетъ то, что большая часть Польши занята иностранными войсками. Да что же дѣлать съ вами, безпокойными и безалаберными, когда вы возмущаетесь какъ морскія волны въ бурю? Императрица хочетъ созвать въ Гродно сеймъ, чтобы испытать, умнѣе ли на этотъ разъ будутъ представители Польши, чѣмъ прежде были? Она бы сама была рада вывести отъ васъ свои войска, которыя введены сюда только для того, чтобы вамъ открыть глаза. Неужели вы думаете, что императрицѣ очень пріятно видѣть, какъ ея сосѣдъ, прусскій король, усилится на счетъ Польши? Все зависитъ отъ мудрости тѣхъ, которые будутъ руководить сеймомъ и отъ того, какъ они поведутъ себя съ Россіею. По крайней мѣрѣ у меня нѣтъ инструкцій, гибельныхъ для польской націи, а что дальше будетъ, и что мнѣ прикажется, того я не знаю. Несомнѣнно могу васъ увѣрить, что если вы поведете себя такъ, что заслужите довѣріе и покровительство государыни, то вамъ еще останется политическое существованіе въ Европѣ, подъ покровительствомъ собственнаго вашего мудро устроеннаго правленія.»

Сиверсъ продолжалъ тянуть короля въ Гродно. Станиславъ-Августъ упирался изо всѣхъ силъ. 18-го февраля (1-го марта) Сиверсъ обѣдалъ у него въ Уяздовѣ; король подалъ ему записку о своихъ долгахъ, которую Сиверсъ снабдилъ своими примѣчаніями и измѣненіями. Тогда король сказалъ:

«Сознаюсь вамъ, г. посолъ, меня давитъ страхъ, при мысли, что меня принудятъ къ чему-нибудь насиліемъ. Я уже теперь краснѣю отъ стыда, какъ только подумаю, что меня заставятъ подписать новый раздѣлъ Польши».

Сиверсъ отвѣчалъ ему: «Никакого насилія не сдѣлаютъ ни надъ вами, ни надъ кѣмъ; это слишкомъ несообразно съ образомъ мыслей моей государыни. Главная цѣль вашего присутствія — та, чтобы удалить васъ отъ гнѣзда интригъ въ Варшавѣ, учинить нѣкоторыя распоряженія о срокѣ сеймиковъ и сейма, на которомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на улучшенія въ конституціи 1775 года, и усовершенствовать ее сколько возможно. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы приблизите то время, когда ея императорское величество найдетъ благоумѣстнымъ объявить свои конечныя намѣренія. Примиреніе ваше съ ея императорскимъ

величествомъ послѣдуетъ тогда, когда поступки ваши будутъ показывать полную преданность ея волѣ».

Король дѣлалъ ему еще вопросы, а Сиверсъ увертывался. Король, наконецъ, сказалъ ему, что онъ его успокоилъ.

Возвратившись домой, Сиверсъ засталъ курьера съ письмомъ государыни къ королю. На другой день онъ вручилъ его по принадлежности. Письмо было ласковое; король, прочитавъ его, разсыпался въ благодарности, потомъ сказалъ:

«Ея императорское величество ничего не пишетъ о поѣздкѣ въ Гродно».

— Во вниманіе къ важности тѣхъ причинъ, которыя для вашего величества содѣлаютъ это путешествіе желательнымъ, я имѣю приказаніе уговорить васъ ѣхать въ Гродно. Я самъ твердо рѣшился ѣхать черезъ восемь дней.

«Нѣтъ, я надѣюсь, — сказалъ король — ея императорское величество обратитъ вниманіе на тѣ причины, которыя я приведу. У меня нѣтъ ни денегъ, ни кредита; банкрутство Теппера совершенно подорвало меня, да и другіе банкиры на волоскѣ висятъ. Кромѣ этого я подвергаюсь личнымъ опасностямъ. Если сдѣлается попытка на новый раздѣлъ Польши, конфедерація поднимется, сдѣлаетъ смѣлое заявленіе противъ раздѣла: что мнѣ дѣлать? если я ей покорюсь — мой поступокъ совсѣмъ подорветъ меня въ глазахъ ея величества, а не покорюсь — стыдно будетъ передъ націей».

— Но вѣдь и въ Варшавѣ — сказалъ Сиверсъ, — въ этомъ случаѣ остается для васъ одинаковое сомнѣніе, только вы не будете имѣть такой поддержки, какъ въ Гродно. Я не стану отлагать моей поѣздки и совѣтую вашему величеству ускорить вашу.

Король опять свернулъ на недостатокъ средствъ. Сиверсъ долженъ былъ согласиться, что это была отговорка справедливая; не только король, но и его министры нуждались въ деньгахъ. Сиверсъ писалъ Зубову: «Думаю, что главныхъ лицъ, Малаховскаго, Хребтовича, Рачинскаго, слѣдуетъ тайно расположить, давши имъ на дорогу тысячи по двѣ или по три червонцевъ.» Что касается до короля, то Сиверсъ счелъ за нужное побудить его къ отъѣзду, объяснивъ ему, что вопросъ о его долгахъ будетъ разсматриваться на предстоящемъ сеймѣ, какъ предметъ государственный и экономическій.

Несмотря на то, что государыня, отправляя Сиверса въ Польшу, назначила ему 100,000 руб., да сверхъ того экстраординарной суммы 200,000 руб., Сиверсъ имѣлъ затрудненіе и жаловался на задержки въ присылкѣ денегъ. Къ концу февраля

онъ получилъ только 10,000 руб., черезъ генералъ-прокурора, а 2,000 червонцевъ привезъ ему полковникъ Диковъ; сверхъ того онъ имѣлъ отъ 12 до 13 т. червонцевъ у Теппера, оставленныхъ Булгаковымъ, и долженъ былъ занять у банкировъ 12,000 червонцевъ, но занимать было трудно, такъ какъ банкиры одинъ за другимъ лопались. Это было причиною, что Сиверсъ долженъ былъ болѣе обѣщать, чѣмъ давать. Впрочемъ, было что обѣщать — на то въ Польшѣ были королевщины, на которыя можно было имѣть виды въ награду за услуги, оказанныя Россіи.

Дня черезъ три, Сиверсъ съ курьеромъ опять получилъ письмо Екатерины къ королю и передалъ его. Императрица требовала, чтобы король ѣхалъ въ Гродно, гдѣ долженъ открыться сеймъ. «Боже мой! воскликнулъ со слезами Станиславъ-Августъ; меня будутъ принуждать къ подписи новаго раздѣла Польши, къ моему стыду. Да лучше пусть меня засадятъ въ тюрьму, пусть лучше въ Сибирь сошлютъ: я не подпишу.»

— Ваше величество, — сказалъ Сиверсъ — вы себѣ воображаете нелѣпость: никогда объ этомъ рѣчи не будетъ, чтобы васъ принуждать. Вы останетесь королемъ; письмо императрицы ручается за это, и я увѣряю васъ ея именемъ, чего же вамъ болѣе?

«Да для чего мнѣ ѣхать — говорилъ король — я никакой пользы тамъ не принесу. Нѣтъ, я еще напишу къ ея императорскому величеству и подожду, пока курьеръ воротится съ ея отвѣтомъ.»

— Это безполезно — сказалъ Сиверсъ — это даже оскорбитъ государыню; вѣдь она уже въ трехъ письмахъ писала вамъ, что вы должны исполнять ея волю.

— Да у меня денегъ нѣтъ, сказалъ ему король, — вѣдь на это нужно покрайней мѣрѣ тысячь двадцать червонцевъ.

— Мы какъ-нибудь найдемъ для васъ, сказалъ Сиверсъ.

Король говорилъ опять о своемъ роковомъ положеніи и заливался слезами. «Я поѣду», сказалъ онъ наконецъ.

— Я ѣду завтра — сказалъ Сиверсъ.

— Нѣтъ, останьтесь еще нѣсколько времени, посѣтите меня.

Сиверсъ обратился къ примасу и сестрѣ короля, упрашивая ихъ дѣйствовать на брата, чтобы онъ болѣе не упрямился. Они обѣщали и съ своей стороны находили, что королю слѣдуетъ ѣхать. Послѣ этого король уже не отрекался ѣхать, но выдумывалъ разныя увертки, чтобы тянуть время—говорилъ, что погода дурная, рѣки разливаются, ледъ не прошелъ, и послѣдняя отговорка была прилична: дѣйствительно половодье задерживало нѣсколько дней самого Сиверса. Потомъ король сталъ говорить:

къ чему въ Гродно собираютъ сеймъ, развѣ нельзя въ Варшавѣ? Сиверсъ повторилъ ему то, что уже говорилъ по этому поводу, что въ Варшавѣ собрать сеймъ нельзя потому, что въ Варшавѣ господствуетъ безпокойный духъ, тамъ гнѣздо революціонеровъ. Король обѣщалъ ѣхать, но на другой день пригласилъ къ себѣ Сиверса и говорилъ:

«Приближается страстная недѣля, я всегда говѣю въ это время; ранѣе 4-го или 5-го апрѣля я не поѣду». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ: «я ни за что не подпишу смѣщенія отъ должностей, которыя были розданы прошлымъ сеймомъ.»

— Ваше величество должны знать, что все, постановленное сеймомъ и революціею, объявлено уничтоженнымъ и недѣйствительнымъ, а всѣмъ тѣмъ, которые раскаются, обѣщано прощеніе.

— Позвольте, я напишу къ ея императорскому величеству письмо, сказалъ король—увѣрю императрицу, что назначу время, когда поѣду, и представлю причины, по которымъ не могу ѣхать раньше.

Сиверсъ согласился и откланялся. Король съ чувствомъ просилъ его еще посѣтить его.

Сиверсъ, сообщая императрицѣ всѣ увертки, какія выдумывалъ съ нимъ король, замѣчалъ:

«Ваше императорское величество изволите убѣдиться, что нужно большого труда склонить его. Онъ себя выявилъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ глубинѣ души онъ исповѣдуетъ начала 3-го мая. Это однако ничего. По пріѣздѣ въ Гродно будетъ ему красное яичко—декларація; универсалы будутъ ему готовы къ подпису; всѣ мѣры приняты. Четыре недѣли дается на сеймики, и четыре на сеймъ, вмѣсто шести недѣль. Четыре недѣли мы выигрываемъ. Сеймъ можетъ начаться 10-го іюня.»

Дѣйствительно, изъ записокъ Огинскаго мы видимъ, что король въ это время колебался, и люди, которые подлаживались къ Сиверсу, въ одно и то же время настроивали короля къ оппозиціи. Такъ дѣйствовалъ Огинскій, подскарбій литовскій, о которомъ Сиверсъ получилъ мнѣніе какъ о сговорчивомъ, покорномъ человѣкѣ. Ему вторили Мошинскій и Тышкевичъ, маршалы коронный и литовскій, также передъ русскимъ посломъ старавшіеся показаться преданными Россіи. Они совѣтовали королю ѣхать въ Гродно, но открывая сеймъ, упереться на томъ, что ни онъ, ни члены сейма не станутъ подписывать никакихъ унизительныхъ уступокъ. Король, унывъ духомъ, возражалъ: «А что сдѣлаетъ моя выходка, которая не идетъ ни къ моимъ лѣтамъ, ни къ моимъ силамъ, истощеннымъ страданіями и безпрестанными

непріятностями? Развѣ мы можемъ предотвратить раздѣлъ Польши?» — «Можемъ, государь», говорилъ ему Огинскій, — «вы увлечете всѣхъ своимъ примѣромъ, никто не посмѣетъ открыть рта, послѣ того какъ вы себя заявите такимъ образомъ и покажете свою готовность принести себя въ жертву за отечество. Я слишкомъ хорошаго мнѣнія о моихъ соотечественникахъ: между ними нѣтъ измѣнниковъ; если нѣкоторые унизились до того, что брали подачки отъ иностранныхъ дворовъ для своихъ нуждъ, то все-таки не думаю, чтобы это они дѣлали съ намѣреніемъ способствовать новому раздѣлу: я думаю, три четверти собранія окажутся уже убѣдившимися, по опыту, что конституція 3-го мая полезна для отечества. Не найдется такого негодяя, который приложилъ бы руку къ подписи о раздѣлѣ Польши, когда вы, король, смѣло откажетесь это сдѣлать. Всѣ угрозы русскаго посланника уступятъ передъ страшнымъ единодушіемъ; онъ его не ожидаетъ. Онъ долженъ будетъ писать въ Петербургъ, а между тѣмъ выиграется время, отсрочатъ или закроютъ сеймъ, можетъ быть захотятъ созвать другой; время еще протянется, а тутъ могутъ случиться событія, которыя заставятъ Россію и Пруссію пріостановить свое дѣло. Успѣхъ французской революціи возрастаетъ, и непремѣнно обратитъ на себя вниманіе всѣхъ европейскихъ кабинетовъ. Да если бы и не такъ, — что смѣетъ сдѣлать русскій посланникъ съ королемъ и со всѣмъ собраніемъ сейма? если бы онъ и имѣлъ на счетъ этого власть поступать круто съ нѣкоторыми личностями, не можетъ же онъ отправить въ Сибирь всѣхъ членовъ сейма или изрубить ихъ саблями! Наконецъ, если все-таки приведутъ въ исполненіе раздѣлъ Польши — и тогда лучше пусть насъ возьмутъ военною силою, съ которою мы не можемъ бороться, чѣмъ принудятъ насъ самихъ оправдывать наѣздъ на страну нашу.» Такъ благородно высказывался человѣкъ, въ тоже время увивавшійся около Сиверса съ цѣлію подслужиться Россіи. Король только вздыхалъ.

Чтобы еще больше попугать короля, Сиверсъ написалъ въ коммиссію, назначенную по дѣламъ банкира Теппера, чтобы она наложила запрещеніе на часть доходовъ королевскихъ для удовлетворенія долговъ короля, и чтобы такимъ образомъ генералъ Игельстромъ находился въ состояніи покрыть средства на содержаніе войска и фуража, а когда королевскій секретарь Фризе явился къ Сиверсу и заговорилъ объ обѣщанныхъ на дорогу королю двадцати тысячахъ червонцевъ, то Сиверсъ сказалъ: «Я не знаю, будетъ ли довольна императрица шестинедѣльною проволочкою и дастъ ли, при этой проволочкѣ, тѣ же средства, какія дала бы безъ этого. Нужно имѣть вторичное приказаніе».

Когда ледъ на рѣкахъ сталъ проходить, Сиверсъ 19-го марта выѣхалъ изъ Варшавы; надзирать за королемъ остался въ Варшавѣ баронъ Игельстромъ, помѣстившійся въ палацѣ Рѣчи-Посполитой, въ томъ самомъ, гдѣ жилъ Штакельбергъ. Этотъ домъ, во время четырехъ-лѣтняго сейма, въ порывѣ нерасположенія поляковъ къ Россіи, былъ отобранъ, и Булгаковъ во время своего короткаго пребыванія въ Варшавѣ жилъ въ наемномъ домѣ, очень удобномъ. Теперь Игельстромъ занялъ прежній домъ и, при отъѣздѣ, получилъ отъ Сиверса такую оффиціальную инструкцію:

«Если бы король, несмотря на данное обѣщаніе ѣхать 23-го марта (4-го апрѣля), вопреки нашему ожиданію вздумалъ увертываться, поручаю вамъ объявить ему въ секретной аудіенціи, именемъ государыни, что онъ навлечетъ гнѣвъ императрицы и на себя и на свою фамилію, не получитъ двадцати тысячъ червонцевъ, которые ему обѣщала государыня, и не можетъ уже разсчитывать на ея помощь въ будущемъ; напротивъ, я наложу секвестръ на его доходы, не стану болѣе и думать о проектѣ уплаты долговъ его, а дѣла въ Гродно приведутся къ концу и безъ него.—Въ случаѣ, если онъ будетъ изъявлять страхъ возстанія черни, можете его увѣрить, что, кромѣ полковъ генералъ-лейтенанта (польнаго гетмана) Ожаровскаго, будетъ подъ ружьемъ до 15,000 готоваго войска, по вашему приказанію; что на всѣхъ открытыхъ площадяхъ и улицахъ поставятъ орудія, что это средство достаточно для того, чтобы никто не осмѣлился тронуться. Чтобы дать вашимъ увѣреніямъ болѣе вѣса, можете сообщить роднѣ короля, что новые полки, именно конные, уже на пути въ Варшаву. Въ случаѣ, если король начнетъ отговариваться болѣзнію, извольте, черезъ посредство Булгакова, познакомиться съ какимъ-нибудь докторомъ и посредствомъ подарка 250 дукатовъ расположить его сказать, что легкое нездоровье не помѣшаетъ поѣздкѣ короля. Если король пришлетъ къ вамъ своего тайнаго секретаря, человѣка почтеннаго, по какому-нибудь неважному дѣлу, скажите ему, что у васъ лежатъ 20,000 червонцевъ: онъ не замедлитъ сообщить объ этомъ королю. Слѣдуетъ королю угождать въ мелочахъ; онъ придаетъ большой вѣсъ мелочамъ. Прилагаю вексель на банкира Мейснера; по немъ банкиръ отпуститъ королю 10,000 червонцевъ. При случаѣ и этотъ вексель можно показать. По извѣстнымъ вамъ причинамъ, прошу васъ обращайте вниманіе, чтобы по кошелькамъ, бумагамъ, нумерамъ не узнали, откуда достались эти деньги въ ваши руки. При малѣйшемъ подозрѣніи прошу сдѣлать перемѣну.»

II.

Сиверсъ въ Гродно.—Приготовленія.—Отъѣздъ короля изъ Варшавы въ Гродно.—Декларація россійской императрицы и прусскаго короля о второмъ раздѣлѣ.—Король въ Бѣлостокѣ. — Протестаціи Ржевускаго и Валевскаго. — Ноты Сиверса. — Возобновленіе постояннаго совѣта. — Прибытіе короля въ Гродно. — Универсалъ о созваніи сейма.

Сиверсъ прибылъ въ Гродно 21-го марта (2-го апрѣля) при громѣ пушекъ и при огромномъ стеченіи народа. Конфедерація находилась тогда въ очень неполномъ составѣ. Щенсный Потоцкій отправился въ Петербургъ. Видя что приходятъ бѣды, этотъ магнатъ, заваривъ кашу, поспѣшилъ убраться по добру по здорову, чтобы не быть маршаломъ конфедераціи тогда, когда уже ей придется расплачиваться за свое существованіе. Его супруга, съ которою онъ собирался разводиться, прежде него отправилась въ Петербургъ и была принята съ почестями. Потоцкій собирался туда же; конфедераты долго не пускали его. Но императрица дала приказаніе Сиверсу сообщить конфедераціи ея желаніе, чтобы Потоцкій ѣхалъ въ Петербургъ, и Потоцкій былъ отпущенъ. У Щенснаго блистала еще надежда, что быть можетъ личное присутствіе его въ Петербургѣ будетъ полезно для отечества. Конфедерація дала ему инструкцію отъ 7-го марта, въ которой было сказано, что конфедерація, оставаясь при своемъ желаніи сохранить независимость и свободу Польши, надѣется счастья отечеству только отъ тѣснѣйшаго соединенія съ Россіею. Въ этихъ видахъ конфедерація и посылала къ императрицѣ своего маршала Потоцкаго, поручая ему освѣдомиться объ условіяхъ, на которыхъ можетъ совершиться соединеніе обоихъ народовъ, составить объ этомъ предметѣ прелиминарныя статьи и сообщить конфедераціи; вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось ему имѣть въ виду присягу, данную конфедераціей и цѣлымъ народомъ: охранять цѣлость границъ краевъ Рѣчи-Посполитой, обезпеченныхъ торжественными трактатами; никакое противное предложеніе, откуда бы оно ни происходило, не должно быть предметомъ договора съ польскимъ народомъ.

Вмѣсто Потоцкаго въ Гродно избранъ былъ маршаломъ Пулавскій.

Сиверсъ, прибывъ въ Гродно, помѣстился во второмъ ярусѣ трехъ-этажнаго дома Сапѣги, первый ярусъ онъ отдалъ для хозяйственныхъ принадлежностей, а третій для своихъ чиновниковъ, Помѣщеніе его было хотя, по его замѣчанію, съ невысокими потолками, но просторное; ему надо было давать обѣды и балы.

Это, впрочемъ, отлагалось до скоро наступавшихъ праздниковъ Пасхи: но пока была страстная недѣля, пріемъ его не сопровождался церемоніями и пирами, какъ бы случилось въ другое время.

Одни конфедераты предвидѣли, другіе навѣрное знали, что̀ появится черезъ нѣсколько дней. Одни молчали, страшась вдумываться въ то, чего боялись, другіе спѣшили заявлять передъ посланникомъ свое расположеніе къ Россіи, припоминать свои услуги императрицѣ, увѣряли, что они на прошедшемъ сеймѣ старались говорить и дѣлать угодное императрицѣ; тѣ, которые прежде одобрительно покрикивали въ честь 3-го мая, извинялись, говоря, что это былъ невольный грѣхъ. Тѣ искали старостствъ, тѣ должностныхъ мѣстъ, и на мѣста такъ много являлось охотниковъ, что приходилось, какъ выражается Сиверсъ, на каждое мѣсто по двадцати конкуррентовъ. Сиверсъ раздавалъ имъ пенсіоны, обязывая каждаго получавшаго дѣлать то, что ему прикажутъ. Такимъ образомъ Сиверсъ далъ надворному маршалу Забѣллѣ тысячу червонцевъ на мѣсяцъ, съ обѣщаніемъ удвоить, если онъ будетъ вести себя какъ слѣдуетъ. Со всѣми, кто только имѣлъ вліяніе въ конфедераціи, поступалъ онъ также; и прусскій министръ Бухгольцъ, пріѣхавшій въ Гродно, долженъ былъ принимать на себя половину этихъ издержекъ.

Северинъ Ржевускій неистовствовалъ противъ Россіи и возбуждалъ къ тому же другихъ конфедератовъ; онъ оказался самымъ задорнымъ изъ пановъ, и сдѣлался Сиверсу несноснѣе всѣхъ. Но посланникъ, привыкшій во всѣхъ полякахъ видѣть слабость и податливость на приманку выгодами, замѣчалъ въ письмѣ къ Зубову, что и Ржевускій поумнѣетъ, если ему дать два хорошихъ староства, о которыхъ уже онъ старается, да прибавить еще другихъ два, которые ему обѣщалъ Зубовъ прежде. «Одно слово отъ ея императорскаго величества — писалъ Сиверсъ — было бы истиннымъ бальзамомъ и произвело бы хорошее вліяніе въ здѣшней публикѣ.» Сиверсъ, какъ и вообще всѣ дипломаты того времени, считалъ, что громада польскаго дворянства не имѣетъ ни твердыхъ убѣжденій, ни смѣлости, а всегда идетъ за сильными и вліятельными панами, привыкши отъ дѣдовъ и прадѣдовъ лакействовать передъ ними; всѣ готовы кричать и сопротивляться, когда есть между важными панами такіе, что̀ кричатъ и сопротивляются, а потому надобно было, какъ прежде всегда и дѣлалось, ублажить важныхъ и вліятельныхъ пановъ, склонить ихъ на свою сторону или покрайней мѣрѣ заставить молчать,—тогда и крику поубудетъ настолько, насколько велико вліяніе замолчавшихъ пановъ. Въ противномъ случаѣ, когда бы такія мѣры

оказались слабыми, Сиверсъ всегда готовъ былъ употребить болѣе энергическія мѣры, въ родѣ секвестра на имѣнія, или высылки. Государыня, услыхавъ еще прежде о сопротивленіи Ржевускаго, велѣла Сиверсу внушить ему, что русская императрица не хочетъ дѣлать непріятнаго полякамъ, но судьба государствъ не можетъ подчиняться частнымъ отношеніямъ; государыня имѣетъ въ виду благо своихъ подданныхъ и самихъ поляковъ, чтобы избавить ихъ отъ бурь, которыя ихъ волнуютъ; но если онъ желаетъ выйти и удалится отъ дѣлъ, пусть выходитъ.

Надѣясь на твердость своей политики, императрица по поводу Ржевускаго писала: «не слѣдуетъ отъ поляковъ требовать пожертвованій ихъ чувствами и политическими убѣжденіями, хотя бы и ошибочными. Не слѣдуетъ требовать отъ Ржевускаго отчета; нужно оставить ему полную свободу, въ надеждѣ, что онъ оцѣнитъ это доказательство великодушія императрицы».

День, въ который должна быть обнародована декларація генераломъ Кречетниковымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поданы ноты отъ русскаго и прусскаго пословъ, назначенъ былъ 27-го марта (8-го апрѣля). Намѣревались принудить конфедерацію издать универсалъ о созваніи сеймиковъ, для выбора пословъ на сеймъ; сеймики эти допускались только въ тѣхъ воеводствахъ, которыя не входили въ область земель, отходившихъ отъ Польши. Чтобы въ Гродно послы были посговорчивѣе, рѣшено было двинуть поближе къ городу корпусъ войска; Игельстромъ былъ готовъ къ услугамъ по приказанію Сиверса. Онъ приказалъ заранѣе заготовить кантониръ-квартиры для корпуса, но въ самый городъ не рѣшался вводить много войска, а поставить тамъ только четыре роты егерей.

До времени слѣдовало все еще хранить молчаніе. Тайна раздѣла должна была грянуть внезапно, какъ бомба, на Польшу. Самого Сиверса бралъ невольный страхъ съ приближеніемъ дня, въ который должна была рѣшиться судьба государства. «Если бы не надежда принести пользу человѣчеству, — писалъ онъ къ своей дочери—то я бы попросилъ увольненія отъ этой должности.» Этотъ страхъ не происходилъ, однако, отъ убѣжденія, чтобы дѣло, которое ему поручено, было нехорошо или недостойно его; какъ ливонца, его немного смущало воспоминаніе о томъ, какъ Польша нѣкогда защищала его рыцарскую родину отъ Москвы, но какъ вѣрный слуга Россіи, онъ радовался увеличенію своего государства и даже смотрѣлъ впередъ на будущее обрусеніе края, который возвращался во владѣніе Россіи. «Хорошо было бы, — писалъ онъ императрицѣ, — все, относящееся къ губерніямъ, которыя пріобрѣтетъ Россія, приказать печатать

по-русски, латинскими буквами, по польскому произношенію. Ручаюсь, что въ десять лѣтъ всѣ будутъ превосходно знать по-русски, а инымъ способомъ не научатся и въ пятьдесятъ. Я говорилъ объ этомъ съ Захаромъ Григорьевичемъ (Чернышевымъ), но онъ черезчуръ московскаго духа и человѣкъ гордый — не хотѣлъ говорить объ этомъ съ вашимъ величествомъ; а мнѣ кажется, такимъ бы образомъ русскій языкъ не только въ Литвѣ, но и въ остальной Польшѣ распространился. Можетъ быть ваше императорское величество скажете, что старый новгородскій слуга заглядываетъ черезчуръ впередъ».

Въ ожиданіи королевскаго пріѣзда, Сиверсъ безпрестанно писалъ къ Станиславу-Августу и посылалъ ему одну за другой горькія, хотя позолоченныя пилюли. Такимъ образомъ, онъ потребовалъ отъ короля, чтобы онъ назначилъ начальникомъ коронной гвардіи Ожаровскаго, человѣка, ненавистнаго королю. Станиславъ-Августъ повиновался. Познанскій епископъ былъ, какъ говорили, при смерти; Сиверсъ потребовалъ, чтобы король, согласно желанію императрицы, далъ коадъюторство познанскаго епископства одному изъ родственниковъ Рачинскаго. Король прежде обѣщалъ тоже самое другому лицу, но долженъ былъ нарушить свое обѣщаніе и повиноваться послу Екатерины. Наконецъ, Сиверсъ, по приказанію государыни, наложилъ секвестръ на имѣнія князя Іосифа и не хотѣлъ снять его. Насилу король выпросилъ одно староство для его матери. Сиверсъ послалъ объ этомъ просьбу императрицѣ, и утѣшалъ короля, что, вѣроятно, императрица сдѣлаетъ для него эту милость, а между тѣмъ торопилъ ѣхать скорѣе въ Гродно. «Мои поступки напоминаютъ, писалъ онъ дочери, того римскаго консула, который начертилъ кругъ около одного азіатскаго царя и приказалъ ему дать отвѣтъ не выходя изъ круга». Король не отрекался ѣхать, но жаловался на судьбу и громко говорилъ своимъ родственникамъ, что не подпишетъ трактата о раздѣлѣ, если ему его поднесутъ; но американецъ Литтльпажъ, вмѣстѣ и любимецъ короля и шпіонъ Игельстрома, объявилъ послѣднему, что король ему съ глаза на глазъ сказалъ, что все сдѣлаетъ, что ему велятъ, разсуждая такимъ образомъ: большинство голосовъ составляетъ народъ, а что народъ приговоритъ, то не будетъ преступленіемъ подписать.

Сиверсъ, 1-го апрѣля, писалъ королю такое утѣшеніе: «Могу васъ увѣрить, по истинной правдѣ, что вашему величеству не будутъ дѣлать здѣсь личныхъ непріятностей, напротивъ, дѣло идетъ о реформѣ, которая принесетъ счастіе Рѣчи-Посполитой и королю, ея главѣ. Судьбы личностей только отчасти будутъ здѣсь касаться, и я долженъ увѣрить васъ, что ни съ характеромъ

ея императорскаго величества, ни съ моимъ, смѣю сказать, не сообразно причинять кому бы то ни было огорченіе, если только общественное благо не потребуетъ этого. Ваше величество можете смѣло выѣхать изъ Варшавы и прибыть въ Гродно безъ малѣйшаго опасенія. Я боюсь только одного, чтобы время года не подѣйствовало вредно на ваше драгоцѣнное здоровье и чтобы это не произвело неожиданнаго замедленія въ желанномъ прибытіи вашемъ въ Гродно».

Въ то же время, по донесенію Игельстрома, онъ сообщалъ государынѣ, что король сходится съ шведскимъ посломъ, и въ этомъ онъ видитъ что-то предосудительное.

Въ назначенный день, 24-го марта (4-го апрѣля), король выѣхалъ наконецъ изъ Варшавы, въ двадцать пять экипажей. Игельстромъ далъ ему въ провожатые подполковника Штакельберга (своего племянника) какъ будто для почета и для безопасности при проѣздѣ черезъ русскія войска, а въ самомъ дѣлѣ для наблюденія надъ королемъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать скоро, какъ хотѣлось послу, король каждый день ѣхалъ верстъ по двадцати или тридцати и останавливался. Такимъ образомъ, выѣхавши 4-го апрѣля, онъ доѣхалъ до Окунева, имѣнія пана Кицкаго, и тамъ остановился у владѣльца обѣдать, потомъ легъ отдыхать, а на другой день слушалъ обѣдню. Выѣхавши оттуда, онъ доѣхалъ до имѣнія другого пана, и тамъ тоже самое; и такъ далѣе. Проѣзжая черезъ мѣста, гдѣ квартировали русскія войска, онъ былъ принимаемъ русскими генералами со знаками вниманія и почестями. Во многихъ мѣстахъ къ нему являлись обыватели и духовные для изъявленія чувствъ своихъ. Такимъ образомъ, 11-го апрѣля, онъ едва добрался до Бѣлостока, и тамъ зажилъ на нѣсколько дней. Мимо его проѣзжали и спѣшили въ Гродно разные паны изъ Варшавы, являлись къ нему и уѣзжали туда, куда ѣхали, а онъ медлилъ, слушалъ обѣдни, посѣщалъ школы и отдѣлывался то нездоровьемъ, то другими предлогами. Король напоминалъ собою вола, который, чуя, что его ведутъ на закланіе, упирается и ногами и рогами, отчаянно реветъ и все-таки, подгоняемый бичемъ, слѣдуетъ на мѣсто смерти.

Наступилъ праздникъ Пасхи. Въ Гродно начались торжества. Въ понедѣльникъ, Сиверсъ далъ у себя балъ и ужинъ; потомъ прусскій министръ далъ обѣдъ, въ пятницу далъ обѣдъ Сиверсъ, а въ субботу епископъ Масальскій далъ роскошный обѣдъ и балъ для цѣлаго города. Посланники, пріѣхавшіе убивать Польшу, угощали поляковъ, а поляки, по своему обычаю, пили и танцовали надъ вырытою могилою своего отечества.

Курьеры во множествѣ бѣгали изъ Гродно въ Варшаву, изъ

Варшавы въ Гродно, изъ Гродно и Варшавы въ Полонное, гдѣ стоялъ Кречетниковъ, и въ Великую Польшу, гдѣ стоялъ прусскій главнокомандующій Меллендорфъ, изъ Гродно въ Петербургъ и обратно. Отовсюду шли тревожные вопросы, и отовсюду приносились отвѣты, что все пока спокойно и благополучно.

Между тѣмъ Гданскъ, столь дорогой полякамъ, который такъ упорно поляки отстаивали отъ Пруссіи, палъ въ руки пруссаковъ. Прусскій генералъ Раумеръ блокировалъ его съ 6-го марта по 15-е, и требовалъ сдачи укрѣпленій и устья Вислы. Магистратъ просилъ его не брать укрѣпленій и предлагалъ принять городъ съ округомъ въ прусское владѣніе. Послали просить прусскаго короля. Повѣренный Рѣчи-Посполитой, тамъ находившійся, напрасно протестовалъ противъ этого. Лишенные подвоза, жившіе торговлею граждане Гданска, большею частію нѣмцы, не слишкомъ душевно привязаны были къ Рѣчи-Посполитой. 25-го марта, пришелъ отвѣтъ короля. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ желаніе Гданска, но требовалъ допущенія войскъ своихъ въ городъ, и обѣщалъ покровительство и льготы. 27-го марта, объявили Раумеру, что городъ сдается. Но на другой день, когда Раумеръ сталъ занимать укрѣпленія, толпа мѣщанъ, къ которой присталъ польскій гарнизонъ, овладѣла пушками и стала стрѣлять по пруссакамъ. Бой продолжался до трехъ съ половиною часовъ, пока зачинщики не были перехватаны и гарнизонъ не обезоруженъ. Раумеръ вошелъ въ городъ и обнародовалъ манифестъ, въ которомъ грозилъ строгою казнію за составленіе всякихъ сборищъ.

Наконецъ, пришло воскресенье 27-го марта (7-го апрѣля). «Наступилъ день — писалъ Сиверсъ своей дочери — памятный и знаменитый въ исторіи Польши, Россіи и Пруссіи». Въ мѣстечкѣ Полонномъ, на Волыни, опубликовано было генераломъ Кречетниковымъ такое объявленіе отъ имени императрицы всероссійской [1]).

«Участіе ея императорскаго величества императрицы всероссійской, принимаемое въ дѣлахъ польскихъ, всегда основывалось на ближайшихъ коренныхъ и взаимныхъ пользахъ обоихъ государствъ. Но это благожелательство ея императорскаго величества и заботливость о сохраненіи въ сосѣдней державѣ спокойствія, согласія и свободы не только были безплодными, но сдѣлались безполезнымъ и напраснымъ бременемъ для ея императорскаго величества и нанесли ея государству неисчислимыя потери, въ чемъ

[1]) Переводъ съ польскаго текста.

очевидно убѣждаетъ тридцатилѣтній опытъ. Между многими безобразіями и насиліями, вытекавшими изъ несогласія и взаимныхъ ссоръ, и тяготившими безпрестанно польскую Рѣчь-Посполитую, ея императорское величество съ особеннымъ прискорбіемъ взирала на тѣ утѣсненія, которыя должны были переносить города и провинціи, прилегавшіе къ владѣніямъ ея императорскаго величества, нѣкогда бывшіе ея истиннымъ наслѣдіемъ, обитаемые и наполненные людьми одного происхожденія и племени, просвѣщенными православною христіанскою вѣрою и до сихъ дней исповѣдующими эту вѣру. Въ наше время нѣкоторые выродки поляки, измѣнники собственнаго отечества, не устыдились поджигать правительство, составленное изъ безбожныхъ бунтовщиковъ во французскомъ королевствѣ, и искать у него опоры, чтобы съ его помощію навлечь на Польшу кровавыя бѣдствія междоусобной войны. Но ближайшею и вѣрнѣйшею опасностью какъ для святой христіанской вѣры, такъ и для благоденствія общаго для упомянутыхъ краевъ угрожаетъ ихъ наглость чрезъ распространеніе ядовитаго ученія, клонящагося къ разрыву всѣхъ связей религіи, гражданственности и политики, на которыхъ основывается и которыми держится совѣсть, безопасность и имущество каждаго. Ненавистные непріятели общественнаго спокойствія, подражая безбожной, бѣшеной, преступной и разбойнической шайкѣ французскихъ бунтовщиковъ, стараются по всей Польшѣ разсѣять и привить ихъ ученіе и тѣмъ самымъ навсегда погубить спокойствіе и собственной страны, и ея сосѣдей.

«По этимъ-то поводамъ, ея императорское величество, моя всемилостивѣйшая государыня, какъ въ вознагражденіе многихъ своихъ утратъ, такъ и заботясь о благѣ и безопасности россійской имперіи и самыхъ польскихъ провинцій, а равнымъ образомъ и для того, чтобы навсегда укротить и отнять причину всякихъ замысловъ своевольныхъ, частыхъ и враждебныхъ одна другой перемѣнъ правленія, постановила наконецъ принять подъ свою державу и на вѣчныя времена присоединить къ россійской имперіи всѣ края съ обитателями ихъ въ ниже описанныхъ границахъ, именно: начиная линію отъ селенія Друи, лежащаго на лѣвомъ берегу Двины, на углу границы Семигаліи и проводя ее на Нарочъ и Дуброву, оттуда слѣдуя по частному рубежу виленскаго воеводства на Столпцы, потомъ на Несвижъ, потомъ до Пинска, а оттуда переходя черезъ Куневъ между Вышегродомъ и Новой Греблей, близъ границы Галиціи, съ которою соединясь и слѣдуя по ней до рѣки Днѣстра, откуда идя внизъ по рѣкѣ Днѣстру, доходитъ до Ягорлика, до пункта, прежде составлявшаго границу между Россіею и Польшею. Всѣ земли,

города и повѣты, занимаемые вышеописанною линіею новой границы между Россіею и Польшею, будутъ навсегда оставаться подъ скипетромъ россійской имперіи; обыватели этихъ провинцій и жители всякаго званія поступятъ въ число россійскихъ подданныхъ. Для этой цѣли, отъ ея императорскаго величества дано мнѣ, какъ генералъ-губернатору новоприсоединяемыхъ краевъ высочайшее повелѣніе торжественно увѣрить, священнымъ именемъ ея императорскаго величества и словомъ (что я этимъ оглашеніемъ для вѣдома каждому и для несомнѣннаго увѣренія и исполняю), всѣхъ новыхъ подданныхъ ея императорскаго величества, моихъ отнынѣ любезныхъ соотчичей, что всемилостивѣйшая государыня не только изволитъ подтвердить имъ полную и неограниченную свободу публичнаго отправленія обрядовъ ихъ религіи, законное владѣніе достояніями и имуществами, недвижимыми и движимыми, но приспособляя совершенно и внѣдряя въ россійскую имперію, пріобщая къ славѣ и благоденствію россійской имперіи, на образецъ вѣрноподданныхъ ея императорскаго величества, обитателей бѣлорусскихъ, живущихъ въ ненарушимомъ спокойствіи и изобиліи подъ мудрымъ и милостивымъ господствомъ ея, каждому дается право въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія съ этого времени пользоваться всякими пожалованными льготами и преимуществами, какими пользуются ея давніе подданные, такъ, что каждое сословіе обывателей новоприсоединяемыхъ провинцій съ этого дня начинаетъ участвовать во всѣхъ выгодахъ и пользахъ, присвоенныхъ его сословію; взаимно же ея императорское величество надѣется и требуетъ признательности и преданности новыхъ своихъ подданныхъ, чтобы, такъ какъ она по благости своей допускаетъ ихъ къ равнымъ выгодамъ и къ имени русскихъ, и они съ своей стороны старались бы содѣлаться достойными этой чести истинною любовью къ своему теперь новому, а современемъ старому отечеству, и ненарушенной вѣрностью могущественной и великодушной государынѣ, и по этому всѣ и каждый въ особенности, начиная отъ знатнѣйшей шляхты и чиновниковъ, до послѣдняго, кому надлежать будетъ, обязаны въ продолженіи мѣсяца произнести торжественную присягу на вѣрность, при свидѣтеляхъ, нарочно для того назначенныхъ. Если же бы кто-нибудь изъ шляхты или изъ лицъ другого сословія, владѣющій земскимъ имуществомъ, мало заботясь о собственномъ счастіи, не хотѣлъ произнести присяги, тому дается трехъ-мѣсячный срокъ для продажи своего имѣнія и добровольнаго выѣзда изъ края, по минованіи котораго срока, все остающееся у него имущество будетъ секвестровано и взято въ казну.

«Высшее и низшее духовенство, какъ духовные пастыри, долж-

ны дать собою примѣръ, произнести первые присягу, и каждый день въ общественномъ богослуженіи возсылать горячія молитвы о здравіи ея императорскаго величества, нашей августѣйшей и всемилостивѣйшей государыни и вселюбезнѣйшаго сына ея и наслѣдника престола, цесаревича и великаго князя Павла Петровича и всего августѣйшаго императорскаго дома, по формѣ, которая для этой цѣли въ скорѣйшемъ времени предпишется. При торжественномъ обезпеченіи всѣхъ и каждаго въ свободѣ вѣроисповѣданія и въ сохраненіи собственности, само собою разумѣется, и еврейскія общества, живущія въ городахъ и селеніяхъ новоприсоединенныхъ провинцій, должны быть сохранены и содержимы въ цѣлости, со всѣми правами, служившими ихъ вѣрѣ и имуществамъ, ибо человѣколюбіе и милосердіе августѣйшей государыни не дозволяетъ ей исключать ихъ однихъ отъ всеобщей ея ко всѣмъ благости и отъ наступающаго подъ благословенною ея державою благоденствія, доколѣ они съ своей стороны будутъ пребывать въ покорности и послушаніи, занимаясь, какъ до сихъ поръ, торговлею и промыслами. Суды и расправы, оставаясь на своихъ мѣстахъ, должны отправлять свои занятія именемъ и властію ея императорскаго величества, съ точнѣйшимъ соблюденіемъ порядка и правосудія. Наконецъ, исполняя волю августѣйшей государыни, признаю необходимымъ извѣстить еще и о томъ, что всѣ войска, находясь уже въ своемъ краю, будутъ соблюдать наистрожайшую дисциплину, а потому ни вступленіе ихъ въ разсличныя мѣста, ни самое измѣненіе правленія, не можетъ препятствовать спокойному занятію хозяйствомъ, торговлею и промыслами, напротивъ, чѣмъ болѣе возрастаніе всего этого умножитъ частныя выгоды, тѣмъ болѣе это пріятно будетъ августѣйшей государынѣ и заслужитъ ея вниманіе.

«Это объявленіе 27-го марта текущаго мѣсяца должно быть читано по всѣмъ церквамъ, записано въ судебныя книги и гдѣ слѣдуетъ публично вывѣшено для всеобщаго свѣдѣнія. А для полнаго увѣренія утверждаю его по власти, мнѣ данной, подписомъ руки моей съ приложеніемъ моей гербовой печати. Въ Полонномъ, въ главномъ лагерѣ.—Михаилъ Кречетниковъ».

Въ то же время, на противоположномъ концѣ умиравшей и раздираемой Польши, былъ опубликованъ другой манифестъ отъ имени прусскаго короля, такого содержанія:

«Всѣмъ сословіямъ, епископамъ, аббатамъ, прелатамъ, воеводамъ, каштеллянамъ, старостамъ, подкоморіямъ, земскимъ судьямъ, рыцарству, вассаламъ, шляхтѣ, начальствующимъ, обывателямъ городовъ, земледѣльцамъ и инымъ всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ чинамъ, обывателямъ и жителямъ воеводствъ поз-

нанскаго, гнѣзненскаго, калишскаго, сѣрадзьскаго, города и магистрата Ченстохова, земли Велюнской, воеводства ленчицкаго, повѣта куявскаго, земли добржинской, воеводствъ равскаго и плоцкаго, и проч. по пограничному пути, также городовъ Гданска и Торуня, которые находились прежде подъ владѣніемъ Польши, всѣмъ вообще и каждому объявляемъ особо нашу королевскую благосклонность.

«Каждому извѣстно, что польскій народъ не переставалъ подавать причины къ справедливому неудовольствію пограничнымъ монархамъ, особенно прусскому государству, и не довольно того, что вопреки всѣмъ правамъ добраго сосѣдства частыми наѣздами дѣлалъ вредъ прусской странѣ, безпокоилъ пограничныхъ жителей, и обращался съ ними презрительно, всегда почти отказывая имъ въ правосудіи и немедленномъ удовлетвореніи, но еще затѣвалъ зловредные замыслы, которые должны были возбудить опасеніе пограничныхъ правительствъ. Все это извѣстно каждому, кто въ послѣднее время слѣдилъ затѣмъ, что дѣлалось въ Польшѣ. Но преимущественно возбуждаетъ опасенія пограничныхъ монарховъ духъ несогласій и смутъ, котораго опасное вліяніе, возрастая съ каждымъ днемъ, клонится къ тому, чтобъ разорвать всѣ политическія и религіозныя связи и предать жителей всѣмъ ужасамъ анархіи. Если эти правила, разрушающія всякій общественный порядокъ, были зловредны во всякомъ государствѣ, гдѣ только допускались, то какъ не опасаться ихъ послѣдствій у народа, который всегда отличался страстію къ безпорядкамъ и горячкою, съ которою, сломя голову, кидался ко всему, что питало и распространяло безпорядки въ народѣ, который при томъ довольно силенъ, чтобъ сдѣлаться страшнымъ для сосѣдей, противъ которыхъ постоянно направлялъ свои замыслы? Было бы несогласно съ предусмотрительною политикою и съ обязанностями охранять спокойствіе въ краѣ нашемъ, если бы мы оставались только спокойными зрителями и ожидали бы времени, когда эта дерзкая партія безпорядка почувствуетъ возможность возстать съ надеждою на успѣхъ, и наши пограничныя Польшѣ провинціи подвергнутся опасностямъ анархіи, противъ которой уже поздно будетъ предпринимать мѣры.

«Поэтому, вмѣстѣ съ августѣйшею россійскою императрицею, съ согласія августѣйшаго римскаго императора, мы признали, что безопасность нашихъ провинцій требуетъ провести польской Рѣчи-Посполитой такія границы, которыя болѣе бы соотвѣтствовали ея внутреннимъ силамъ и подали бы ей возможность безъ ущерба свободы учредить у себя мудрое, сильное, прочное и несложное правленіе, и, при спокойномъ пользованіи онымъ, избѣ-

гать тѣхъ безпорядковъ, которые такъ часто возмущали ея собственное спокойствіе и безопасность сосѣдей. Чтобы достигнуть этого и избавить Рѣчь-Посполитую отъ страшныхъ бѣдствій, которыя должны быть слѣдствіемъ внутреннихъ тревогъ, и такимъ образомъ спасти ее отъ уничтоженія, въ особенности же чтобы отвлечь обывателей ея отъ той зловредной науки, которою ядомъ они такъ сильно заразились, по нашему убѣжденію, раздѣляемому единомысленно и ея величествомъ императрицею всероссійскою, нѣтъ другого способа, какъ присоединить къ нашему государству пограничныя съ нами провинціи, и на этотъ конецъ взять ихъ теперь же во владѣніе, дабы такимъ образомъ предупредить всякое зло, могущее возникнуть изъ настоящихъ волненій въ Польшѣ.

«Итакъ, съ вѣдома ея императорскаго величества, государыни россійской, предприняли мы вышеупомянутыя области польскія, а также города Гданскъ и Торунь принять въ наше владѣніе и присоединить къ нашему государству. Настоящій манифестъ имѣетъ цѣлію привести въ извѣстность таковое наше твердое и неизмѣнное намѣреніе. Ожидаемъ отъ польскаго народа, что онъ какъ можно скорѣе соберется на сеймъ и помыслитъ о дѣйствительнѣйшихъ средствахъ дружелюбно исполнить дѣло, отъ котораго зависитъ спокойствіе Польши и избавленіе ея жителей отъ ужасныхъ послѣдствій анархіи. Милостиво и вмѣстѣ строго предостерегаемъ жителей повѣтовъ и городовъ, отходящихъ въ наше владѣніе, не противиться принятію ихъ края въ наше владѣніе и не сопротивляться приказаніямъ генераловъ и дѣйствіямъ войскъ нашихъ, посланныхъ съ этой цѣлью, подчиниться съ охотою нашимъ законамъ, признать насъ своимъ законнымъ королемъ и господиномъ, наравнѣ съ другими нашими вѣрными подданными и устраниться отъ всякаго общенія съ Рѣчью-Посполитою. Мы же взаимно настоящимъ патентомъ торжественно обѣщаемъ обывателямъ всѣхъ классовъ и каждому въ особенности, оставить ихъ съ правами и преимуществами, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, въ особенности обѣщаемъ исповѣдующимъ римско-католическую вѣру, предоставить свободное отправленіе богослуженія, покровительствовать ихъ и вообще управлять цѣлымъ краемъ такъ правосудно и человѣколюбиво, чтобы разсудительные и благомыслящіе обыватели, будучи счастливыми и довольными, не имѣли никакой причины сожалѣть о прежней власти.

«Чтобы увѣриться въ вѣрности и преданности нашихъ новыхъ подданныхъ, мы признали за благо потребовать обычной въ такихъ обстоятельствахъ присяги; но какъ по причинѣ отдаленности не можемъ сами лично принять ее, поэтому назначаемъ

вмѣсто себя уполномоченныхъ, генерала отъ инфантеріи и орденовъ нашихъ кавалера, вице-оберъ-кригсъ-президента, губернатора столицы нашей Берлина, шефа полка инфантеріи Вейхарта-Іоакима-Гейнриха фонъ-Меллендорфа, и нашего дѣйствительнаго статсъ-и юстицъ-министра и шефа-президента всѣхъ регенцій Адольфа-Альбрехта-Генриха-Леопольда барона фонъ-Данкельмана, съ тѣмъ, чтобы они вмѣсто насъ именемъ нашимъ приняли вышеупомянутую присягу. Всемилостивѣйше приказываемъ всѣмъ вышеупомянутымъ обывателямъ въ теченіи двухъ дней срока послѣ назначенія отъ уполномоченныхъ коммиссаровъ мѣста для присяги присягнуть на вѣрность и подданство намъ, и наслѣдникамъ нашимъ. Епископы, аббаты, прелаты, воеводы, каштеляны, старосты, подкоморіи и земскіе судьи, должны явиться лично или черезъ своихъ довѣренныхъ, а прочія сословія присягнуть чрезъ выбранныхъ изъ своей среды депутатовъ съ надлежащимъ полномочіемъ, такъ, чтобы изъ каждаго повѣта по крайней мѣрѣ было четыре особы изъ шляхетства, четыре духовныхъ и плебановъ и шесть солтысовъ изъ селъ, а отъ городскихъ начальствъ по два бурмистра и по одному синдику. Всѣ эти уполномоченные изъ своихъ повѣтовъ и городовъ должны получить инструкціи, по которымъ они должны произнести присягу. Такая присяга будетъ имѣть силу вѣчнаго закона и потому должна быть засвидѣтельствована въ земскихъ судахъ и внесена въ акты ихъ канцелярій, съ выдачею копій нашимъ коммиссарамъ. Надѣемся, что каждый, кого это касается, окажется послушнымъ; если жъ бы, сверхъ нашихъ ожиданій, какое-нибудь сословіе или какой-нибудь обыватель вышеупомянутыхъ повѣтовъ и городовъ дерзнули не повиноваться настоящему нашему манифесту и отказались присягнуть намъ на вѣрность и признать нашу власть, или же осмѣлились неповиноваться приказаніямъ нашихъ генераловъ и сопротивляться нашему войску, такіе подвергнутся немедленно обычнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ наказаніямъ, не взирая на свои особы. Для бо̀льшей вѣры, мы подписали нашъ манифестъ собственноручно и приказали, утвердивъ его нашею королевскою печатью, огласить его гдѣ надлежитъ и опубликовать посредствомъ печати. Берлинъ. 25-го марта 1793 года.—Фридрихъ-Вильгельмъ».

Черезъ два дня по появленіи этихъ декларацій на своихъ мѣстахъ, Сиверсъ подалъ конфедераціи ноту такого содержанія: «Намѣренія, которыя ея императорское величество императрица всероссійская приказала огласить въ деклараціи, поданной ея министромъ въ Варшавѣ 7-го (18-го) мая прошлаго года по поводу вступленія войскъ своихъ въ Польшу, безъ сомнѣнія

были такого рода, что долженствовали пріобрѣсть расположеніе, уваженіе и даже благодарность цѣлаго польскаго народа. Однако Европа увидала, какимъ образомъ они были встрѣчены и оцѣнены. Для открытія тарговицкой конфедераціи пути къ достиженію своихъ правъ и законной власти, надлежало прибѣгать къ оружію, и творцы конституціи 3-го мая 1791 года съ своими сторонниками сошли съ поля борьбы только послѣ пораженія ихъ россійскими войсками.

«Но явное противодѣйствіе прекратилось только для того, чтобъ уступить мѣсто скрытнымъ equivalents козням, которыхъ тонкія пружины тѣмъ опаснѣе, что часто ускользаютъ отъ прозорливѣйшаго наблюденія и избѣгаютъ преслѣдованія законовъ. Духъ партій и смутъ пустилъ такіе глубокіе корни, что тѣ, которые взяли на себя зловредный трудъ внушать и распространять его, послѣ неудачныхъ интригъ у иностранныхъ дворовъ, съ цѣлью набросить подозрѣніе на намѣренія Россіи, обратили свои усилія къ обольщенію черни, всегда легко способной быть обманутою, и успѣли настолько, что и она стала раздѣлять ненависть и злобу, которую они возъимѣли противъ нашей имперіи, за то, что послѣдняя уничтожала ихъ преступныя надежды. Не говоря уже о многихъ поступкахъ, всѣмъ извѣстныхъ, доказывающихъ злобныя наклонности большаго числа поляковъ, достаточно сказать, что они употребили во зло правила человѣколюбія и умѣренности, съ которыми, по данному нами строгому приказанію, соображались въ своемъ поведеніи и поступкахъ генералы и офицеры войска ея императорскаго величества, начали съ ними дурно обходиться и дѣлать имъ оскорбленія, а самые дерзкіе стали даже поговаривать о сицилійскихъ вечерняхъ и угрожать имъ чѣмъ-то подобнымъ. Такую награду великодушнымъ намѣреніямъ этой монархини готовили враги спокойствія и добраго порядка. Можно поэтому судить, насколько искренно приступила большая часть поляковъ къ тарговицкой конфедераціи и насколько прочно и непоколебимо внутреннее и внѣшнее спокойствіе Рѣчи-Посполитой. Но ея императорское величество, привыкши въ продолженіи тридцати лѣтъ бороться съ непрестанными волненіями въ этой странѣ и уповая на данные ей Провидѣніемъ способы къ удержанію въ границахъ господствующихъ тамъ раздоровъ, неизмѣнна была бы въ своихъ безкорыстныхъ усиліяхъ и предала бы забвенію всѣ поводы неудовольствія, какъ равно и справедливыя притязанія, на которыя они даютъ право, если бы не оказывались безпорядки иного рода, важнѣе и опаснѣе.

«Противоестественное сумасбродство народа, нѣкогда цвѣтущаго, нынѣ же упавшаго, растерзаннаго и стоящаго на краю

готовой пожрать его пропасти, вмѣсто того, чтобы приводить въ содроганіе этихъ возмутителей, показалось имъ предметомъ достойнымъ подражанія. Они стараются ввести въ нѣдра Рѣчи-Посполитой адское ученіе, порожденное безбожною, святотатственною и нелѣпою сектою на несчастіе и разрушеніе всякаго общества духовнаго, гражданскаго и политическаго. Уже въ столицѣ и во многихъ польскихъ областяхъ учреждены клубы, состоящіе въ связи съ французскимъ клубомъ якобинцевъ. Они извергаютъ тайно ядъ свой и возмущаютъ умы. Появленіе такого жерла, опаснаго для всѣхъ сосѣднихъ государствъ, побудило послѣднихъ принять на себя трудъ взаимно отыскать средства къ истребленію зла въ самомъ зародышѣ и къ отвращенію заразы отъ собственныхъ своихъ предѣловъ.

«Ея императорское величество, государыня императрица всероссійская и его королевское величество, король прусскій, съ согласія его величества императора римскаго, не нашли для своей безопасности иного средства, какъ заключить Рѣчь-Посполитую въ болѣе тѣсныя границы, устроивъ для нея существованіе и пропорцію приличныя государству средняго размѣра, чтобы этимъ способомъ облегчить ей способы, не нарушая своей старинной свободы, устроить и удержать мудрое и стройное правленіе, достаточно сильное для укрощенія и предотвращенія всякихъ безпорядковъ и смутъ, такъ часто вредившихъ спокойствію и ея собственному и сосѣднихъ съ нею государствъ.

«По совершенномъ соглашеніи цѣлей и правилъ, ея императорское величество императрица всероссійская, и его королевское величество, король прусскій, глубоко убѣждены, что не могутъ иначе предотвратить совершеннаго уничтоженія Рѣчи-Посполитой, которымъ угрожаютъ ей господствующія въ ней несогласія, а въ особенности чудовищныя заблужденія, какъ присоединеніемъ къ своимъ государствамъ пограничныхъ провинцій, и немедленнымъ принятіемъ ихъ въ свое владѣніе. Вышереченные монархи, извѣщая польскій народъ о такомъ своемъ крѣпкомъ и неизмѣнномъ постановленіи, приглашаютъ его собраться на сеймъ и подружески обсудить этотъ предметъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ избрать спасительныя мѣры, по отношенію къ устройству невозмутимаго спокойствія и прочнаго, твердаго правительства.— 9-го апрѣля 1793 года».

Всѣ три документа, приведенные здѣсь по ихъ важности цѣликомъ, краснорѣчиво показываютъ, безъ всякихъ съ нашей стороны комментаріевъ, какого рода были пріемы, употребленные политикою сильныхъ государствъ, рѣшавшихъ судьбу слабой Польши.

Въ тотъ же день Сиверсъ отослалъ копію съ деклараціи ко-

ролю въ Бѣлостокъ, и писалъ ему: «Мнѣ приказано, августѣйшій государь, сообщить вашему величеству, что опасенія ваши на счетъ судьбы Польши къ несчастію оправдались. По приказанію ея императорскаго величества я подалъ сегодня, вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ, ноту, съ приложеніемъ деклараціи, рѣшающей судьбу Рѣчи-Посполитой. Довѣріе, которое ваше величество мнѣ изволили оказывать, дозволяетъ мнѣ надѣяться, что ваше величество примете это сообщеніе какъ знакъ сочувствія, какое я имѣю къ вашей священной особѣ. Если бы случайно я не имѣлъ возможности повѣрить врученіе этихъ бумагъ кавалеру Литтльпажу, то рѣшился бы предпринять путешествіе въ Бѣлостокъ самъ, чтобы увѣдомить обо всемъ ваше королевское величество, доказать вамъ, какъ много участія я принимаю въ этомъ событіи какъ человѣкъ частный, и склонить васъ къ единственному рѣшенію, какое вамъ можно принять въ этомъ случаѣ, то-есть, подчиниться во всемъ волѣ ея императорскаго величества. Я надѣюсь, впрочемъ, что ваше королевское величество, послѣ однодневнаго или двухдневнаго отдыха въ Бѣлостокѣ, будете въ состояніи предпринять путь въ Гродно, съ цѣлію подумать о томъ, съ чего слѣдуетъ начать, именно объ универсалахъ на сеймики; объ этомъ предметѣ существуютъ различныя мнѣнія, и многія изъ нихъ только затруднили бы положеніе дѣлъ».

Короля такъ поразило это извѣстіе, хотя уже давно предвидѣнное, что онъ не имѣлъ духа выѣхать изъ Бѣлостока и сидѣлъ въ немъ еще недѣли двѣ, проматывалъ данныя ему деньги и приказывалъ разрисовывать себѣ комнаты.

«Литтльпажъ привезъ мнѣ вѣсть о горькой судьбѣ отечества, писалъ онъ Сиверсу; я теперь ничего иного не могу выразить вамъ, кромѣ глубокаго чувства страданія. Оно поражаетъ разомъ и мой умъ, и мое здоровье?»

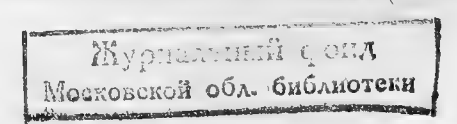
Тогда Сиверсъ отвѣчалъ ему: «Я чувствую всю великость, всю глубину страданій вашего величества. Пріѣзжайте же, вылейте эти страданія на сочувствующую вамъ грудь расположеннаго человѣка; это можетъ быть принесетъ вамъ облегченіе». Тайная иронія виднѣлась въ этихъ выраженіяхъ. Но король показывалъ видъ, что принимаетъ ее за чистую монету и говорилъ: «этого бы не сдѣлалось, если бы все зависѣло отъ пана Сиверса». Сиверсъ понималъ, что король весь составленъ изъ фразъ, декламаціи, сантиментальности, но на самомъ дѣлѣ, если онъ дѣйствительно страдалъ, въ это время, то болѣе отъ крайняго униженія нанесеннаго его самолюбію, а не отъ бѣдствій отечества; иначе бы онъ, ради личныхъ своихъ выгодъ, не игралъ такой печально-комической роли.

Въ то же время Сиверсъ, въ письмѣ къ императрицѣ, доносилъ, что король сносится съ шведскимъ посломъ, изображалъ его притворщикомъ, интриганомъ, которому ни въ чемъ нельзя довѣрять. Приглашая Станислава-Августа изливать свои страданія на дружескую грудь, русскій посолъ въ то же время извѣщалъ его, что по изъявленному конфедераціею желанію онъ возобновляетъ «Постоянный Совѣтъ», который вмѣстѣ съ королемъ выдастъ универсалъ на сеймики для собранія сейма. Это были новыя пилюли для короля. Во-первыхъ, онъ зналъ, что этотъ совѣтъ будетъ выбранъ изъ людей враждебныхъ ему; во-вторыхъ, на него грозили возложить обязанность подписывать универсалъ, созывающій сеймъ, который долженъ узаконить гибель отечества и тѣмъ самымъ принуждали самого принимать въ этомъ участіе. Онъ писалъ къ Сиверсу:

«Сами знаете, что генеральная конфедерація соединила въ себѣ весь укладъ правленія. Она одна имѣла значеніе высочайшей власти въ краѣ, обвѣщала народу манифесты и постановляла распоряженія; всѣ обыватели, признавшіе конфедерацію, ее одну слушаютъ и почитаютъ законными ея воззванія. Поэтому и оглашеніе универсаловъ на сеймъ, по праву принадлежитъ исключительно конфедераціи».

Но Сиверсъ не могъ допустить до этого; право созывать сеймы принадлежало только королю, и сеймъ, созванный инымъ путемъ, былъ бы незаконнымъ. Король приглашалъ Сиверса къ себѣ. Сиверсъ отговаривался болѣзнію, и упрашивалъ короля поспѣшить въ Гродно. Русскій и прусскій послы объяснили увертки короля тѣмъ, что онъ во-первыхъ побесѣдовалъ съ шведскимъ посломъ, и запасся отъ него совѣтами, вовторыхъ—его пріятно пощекотали вѣсти, будто у Турціи начинаются недоразумѣнія съ Россіей, а въ-третьихъ Австрія, какъ писалъ канцлеру Малаховскому изъ Вѣны Вόйна, недовольна была раздѣломъ, который предприняли Россія и Пруссія. Императоръ, видя, что его сосѣди обогащаются немедленно, ему же предоставляютъ дожидаться лучшихъ обстоятельствъ тогда, когда напротивъ обстоятельства для него дѣлались хуже, говорилъ Вόйнѣ: «Я не одобряю этого раздѣла и не беру въ немъ никакого участія, но мое положеніе не дозволяетъ мнѣ противиться. Успокойте земляковъ вашихъ; пусть не отчаяваются; найдется возможность поправить Польшу послѣ всѣхъ несчастій, которыя ее постигли.» Де-Каше въ Варшавѣ говорилъ явно, что его государь никогда бы не допустилъ до этого, еслибъ не такое положеніе.

Канцлеръ Малаховскій, до сихъ поръ, какъ извѣстно, вѣрнѣйшій слуга Россіи, спохватился; онъ не ожидалъ того, что слу-



чилось, и не хотѣлъ болѣе вести дѣла, которому такъ ревностно помогалъ. Онъ взялъ отставку.

Многіе изъ конфедератовъ, по объявленіи декларацій, думали о томъ, какъ бы самимъ заслужить благосклонность государыни покорностью ея волѣ и готовностью быть орудіями ея замысловъ надъ Польшею. Такими были Коссаковскій, Пулавскій, Масальскій, Міончинскій, Рачинскій. Епископъ Коссаковскій, составившій центръ для всѣхъ угодниковъ Россіи, первый заявлялъ Сиверсу свое удовольствіе о томъ, что Россія воспользуется на счетъ его отечества; онъ безпокоился, однако, о судьбѣ церковныхъ имѣній въ тѣхъ земляхъ, которыя отойдутъ къ Россіи; въ качествѣ коадъютора виленскаго епископства, получая до 15,000 злотыхъ въ годъ, онъ соображалъ, что значительная часть фундушей коадъюторства заключается въ земляхъ, отходившихъ къ Россіи. «Ея величество,—говорилъ Сиверсъ,—не отнимаетъ ни у кого владѣній, а вѣрныхъ еще и сверхъ того наградитъ всещедро. Католическая религія будетъ строжайшимъ образомъ обезпечена; будетъ по два и по три епископства въ губерніи.» Но не всѣ были такъ покорны какъ онъ. Между конфедератами рѣзче всѣхъ заявляли недовольство Ржевускій и Валевскій; послѣдній, воевода сѣрадскій, пріѣхалъ недавно на генеральную конфедерацію и, вмѣсто Пулавскаго, избранъ намѣстникомъ маршала; за ними выказывали себя человѣкъ шесть совѣтниковъ конфедераціи. Надобно было конфедераціи дать отвѣтъ Сиверсу на представленную декларацію. Отвѣтъ, разумѣется, по желанію посла долженъ быть исполненъ покорности. Валевскій написалъ протестацію противъ русской декларація и напоминалъ, что конфедерація обязана хранить цѣлость границъ Рѣчи-Посполитой. Сиверсъ сначала звалъ его къ себѣ и кротко уговаривалъ. Узнавши снова, что Валевскій продолжаетъ возбуждать ропотъ, онъ призвалъ его снова, въ сопровожденіи Анквича, Юзефовича и Забѣлла, людей покорныхъ Россіи. «Если вы не отстанете отъ вашей протестаціи,—говорилъ ему Сиверсъ,—я велю занять городъ войсками и прикажу запереть сплавъ на Нѣманѣ.» Эти угрозы не слишкомъ испугали пана Валевскаго, но онъ сталъ чувствительнѣе и не могъ удержаться отъ слезъ тогда, когда Сиверсъ сказалъ ему: «Я выслалъ курьера къ Кречетникову и написалъ, чтобы онъ вашу милость не считалъ подданнымъ ея императорскаго величества и взялъ подъ секвестръ ваши имѣнія, находящіяся въ областяхъ, отходящихъ къ Россіи, какъ слѣдуетъ поступать съ возмутителемъ общественнаго спокойствія. Тоже самое сдѣлаютъ и пруссаки съ вашими имѣніями, въ краковскомъ и сендомирскомъ воеводствахъ.»—Дайте мнѣ время какихъ-нибудь два или три дня,

пока пріѣдетъ король и министры. — «Король и министры не имѣютъ ничего общаго съ вами въ этомъ», сказалъ посолъ. — Вы допустите баллотировку? — «Нѣтъ»! — «Подпишете вы отвѣтъ на декларацію, какъ маршалъ, хотя бы несогласно съ вашими мнѣніями?» спросилъ Сиверсъ. — Нѣтъ, былъ отвѣтъ. — «Я вамъ даю время подумать», сказалъ Сиверсъ.

Конфедерація, возбуждаемая Валевскимъ и Ржевускимъ, медлила десять дней написать отвѣтъ на декларацію, и Сиверсъ послалъ ей ноту, изъявивъ удивленіе и прискорбіе на счетъ долгаго молчанія конфедераціи; онъ выражался: «посолъ ея императорскаго величества не требуетъ, чтобы наияснѣйшая конфедерація немедленно рѣшила важный вопросъ, но желаетъ, чтобы она прекратила возникающія препятствія, и приняла необходимыя мѣры для созванія сейма. Не справедливо и противозаконно мнѣнію одного имѣть значеніе закона и останавливать мнѣнія цѣлаго состава генеральной конфедераціи, которая будетъ отвѣчать за всѣ послѣдствія своей медленности.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ приказалъ заградить путь сплаву по Нѣману и Вислѣ. Тогда къ нему явились четверо членовъ конфедераціи (изъ нихъ два епископа), умолять о снисходительности. Сиверсъ встрѣтилъ ихъ упреками. «Вы всѣ — говорилъ онъ, — привыкли къ интригамъ и кознямъ, но все это напрасно. Какъ ни увертывайтесь, я все-таки достигну цѣли; видно съ вами другихъ средствъ нѣтъ, кромѣ суровыхъ. Да, я вамъ покажусь безчеловѣчнымъ.»

Протестовавшіе, и послѣ этого внушенія, не поддавались. Между тѣмъ Игельстромъ донесъ Сиверсу, что Ржевускій въ качествѣ гетмана возбуждаетъ войско, стоявшее въ Варшавѣ, приказываетъ въ арсеналѣ производить работы и распаляетъ жолнѣровъ надеждою войны съ пруссаками. Ржевускій въ это время написалъ отъ себя протестацію, еще болѣе рѣзкую, чѣмъ Валевскій. «Связанный узами свободной конфедераціи подъ дѣйствительнымъ покровительствомъ ея императорскаго величества, я чувствовалъ благодарность къ этой великой государынѣ, благословлялъ ея имя и думалъ, что молясь за нее, молюсь вмѣстѣ съ тѣмъ за мое отечество. Такъ думалъ я, и всѣ поляки также думали. Но день 9-го апрѣля, когда появилась декларація петербургскаго и берлинскаго дворовъ, угрожающая съ двухъ сторонъ несправедливымъ отторженіемъ польскихъ областей, отравилъ нашу радость о возвращеніи свободы. Новый роковой ударъ отечеству тѣмъ болѣе доводитъ насъ до отчаянія, что онъ постигъ насъ во время существованія конфедераціи, которая возникла съ самыми чистыми намѣреніями спасенія отчизны, а теперь должна окон-

читься ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ, которому помочь нельзя. Съ моей стороны, призываю высочайшаго Бога судію, вѣдующаго помышленія мои, и свидѣтельствуюсь предъ Богомъ и отечествомъ и предъ самою императрицею, что не зналъ ничего о раздѣлѣ Польши, напротивъ того, имѣя предъ глазами ея свободу и цѣлость, самъ написалъ статью присяги для конфедераціи, которую каждый членъ обязывался не дозволять ни малѣйшаго умаленія Рѣчи-Посполитой. Омочая въ слезахъ перо мое, хочу оставить память несчастія отечества и моего собственнаго, протестую противъ всякаго ущерба польскихъ границъ, свидѣтельствую, что никогда не положу моей подписи на подобномъ актѣ, и никогда не дозволю чего-нибудь противнаго присягѣ, которую произнесъ передъ Богомъ и отечествомъ. Мой протестъ не отвратитъ всеобщаго несчастія, но я долженъ его заявить, сообразно моей присягѣ. Не стану избѣгать личнаго моего несчастія. Какова бы ни была моя судьба, которую мнѣ приготовило Провидѣніе, я перенесу ее со смиреніемъ, и если буду несчастливъ, то никогда не буду достойнымъ наказанія. Подписывая этотъ протестъ, прилагаю его къ актамъ конфедераціи, предоставляя себѣ право возобновить его со всѣмъ народомъ.»

Этотъ протестъ приказано напечатать.

Этимъ протестомъ Ржевускій вполнѣ выявилъ всего себя. Въ немъ дышала досада оскорбленнаго пана, который вдругъ увидѣлъ себя въ дуракахъ, который считалъ себя важнымъ двигателемъ дѣлъ и вдругъ оказался нулемъ, воображая себя великимъ политикомъ, думалъ, что онъ употребляетъ для своихъ цѣлей силу чужеземныхъ государствъ, и вдругъ почувствовалъ, что онъ, по своей недальновидности, только предложилъ себя орудіемъ для такой цѣли, о которой и не подозрѣвалъ. Его безпокоило болѣе всего то, что объ немъ могутъ подумать, что онъ заранѣе зналъ о гибели отечества—отъ этого только онъ и хотѣлъ очиститься. Положеніе его было не только жалкое, но и комическое; это почувствовалъ Ржевускій, и оттого горячился, выходилъ изъ себя и выходками безсильной злобы и досады становился еще комичнѣе, чѣмъ прежде.

Сиверсъ, послѣ этой протестаціи, послалъ еще одну ноту такого содержанія: «Я, нижеподписавшійся, съ прискорбіемъ узналъ о второй протестаціи, которую представилъ Ржевускій для включенія въ акты конфедераціи. Хотя авторъ задалъ себѣ трудъ прикрыть непріязненныя свои чувствованія покровомъ восторженнаго патріотизма, но декларація эта одного смысла съ тою, которую заявилъ г. Валевскій, назадъ тому десять дней прибывшій къ генеральной конфедераціи играть въ оппозицію. Ниже-

подписавшійся презиралъ эти выходки, считая ихъ маловажнымъ пустословіемъ. Курьеръ отъ генерала Игельстрома привезъ извѣстіе, что въ варшавскомъ арсеналѣ, по секретному распоряженію гетмана Ржевускаго, происходятъ тайныя приготовленія къ войнѣ; поэтому нижеподписавшійся полагаетъ своимъ долгомъ предупредить генеральную конфедерацію, что онъ выдастъ приказаніе секвестровать посредствомъ войска е. и. в. имѣнія тѣхъ пановъ, которые такъ явно выказываютъ свои непріязненныя намѣренія, печатая и разсылая свои протестаціи, а за тѣмъ, такой же секвестръ постигнетъ имѣнія всѣхъ тѣхъ гг. членовъ генеральной конфедераціи, которые осмѣлятся выступить съ протестомъ противъ декларацій союзныхъ государствъ. Нижеподписавшійся считаетъ себя въ-правѣ требовать отъ конфедераціи, чтобы, за непріязненныя чувствованія г. Валевскаго, который до сихъ поръ не имѣлъ вліянія на дѣла генеральной конфедераціи и Рѣчи-Посполитой, и не держалъ маршальскаго жезла иначе, какъ будучи первымъ по ряду, а не по выбору въ эту должность, немедленно отнятъ былъ у него маршальскій жезлъ и отданъ тому, кто держалъ его передъ тѣмъ. Это самое незначительное удовлетвореніе, о которомъ проситъ нижеподписавшійся, за подобные поступки, такъ явно клонящіеся ко введенію въ заблужденіе слабыхъ умовъ, къ возбужденію смутъ и къ произведенію новыхъ несчастій для страны, для которой приближается время возрожденія и новой конституціи, ожидаемой отъ мудрыхъ трудовъ какъ генеральной конфедераціи, такъ и наступающаго сейма.»

Нота эта подана была 20-го апрѣля вмѣстѣ съ другою нотою, гдѣ требовалось отъ конфедераціи секвестрованіе имѣній, принадлежащихъ тѣмъ, которые, будучи виновниками конституціи 3-го мая, до сихъ поръ упорствуютъ въ своемъ революціонномъ духѣ, и находясь въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, не перестаютъ, посредствомъ интригъ и козней, возбуждать вредный демократическій духъ.

Въ засѣданіи конфедераціи 20-го апрѣля господствовалъ большой раздоръ. Литовская половина, руководимая Коссаковскими, готова была оказать всяческую покорность волѣ россійскаго посла и потому согласилась на возстановленіе упраздненнаго въ 1789 году «Постояннаго Совѣта.» Коронная половина, разжигаемая Валевскимъ и Ржевускимъ, не допускала этого. «Польша, говорилъ Валевскій, должна склониться подъ гнетомъ страшной силы, но мы, связанные присягой, не должны быть святотатцами. Пока у меня не отнято право вздыхать и заявлять о чистотѣ намѣреній моихъ, свидѣтельствуюсь передъ Богомъ, передъ вами, обыватели, и передъ цѣлымъ свѣтомъ, не дозволю никакого про-

екта, имѣющаго цѣлью возвращеніе Постояннаго Совѣта и всѣхъ учрежденій 1772 года, истиннаго источника нашихъ бѣдствій.» Тогда была прислана приведенная выше нота Сиверса. Рѣшительный тонъ, показывавшій, что этотъ господинъ не желаетъ тянуть дѣлъ, заставилъ многихъ членовъ энергически воспротивиться протестующимъ. Буря поднялась большая, но кончилась, однако, тѣмъ, что Валевскаго стали покорно просить, и Валевскій оставилъ маршальскій жезлъ намѣстничества и передалъ его Антонію Пулавскому.

На другой день по возобновленіи Постояннаго Совѣта было рѣшено; прежніе члены вступили въ прежнія обязанности, а на мѣсто тѣхъ, которые выбыли по какому-либо поводу, назначены новые [1]).

Между тѣмъ Сиверсъ каждый день призывалъ короля изъ Бѣлостока. Онъ такъ силился убѣдить его, что написалъ ему письмо на девяти страницахъ, соглашался даже, чтобы король сидѣлъ въ Бѣлостокѣ и дожидался сейма, но пріѣхалъ бы на нѣсколько дней въ Гродно присутствовать на одномъ только засѣданіи Постояннаго Совѣта и подписать универсалы объ открытіи сеймиковъ и собраніи сейма. Станиславъ-Августъ все еще увертывался подъ ничтожными предлогами; сперва къ нему въ Бѣлостокъ пріѣзжала депутація отъ конфедераціи, а потомъ король послалъ въ Гродно своего конюшаго Кицкаго, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы приготовить себѣ покои въ Гродно, наконецъ съ крайнимъ нежеланіемъ и стѣсненнымъ сердцемъ онъ прибылъ въ Гродно 22-го апрѣля.

Послѣ энергическихъ заявленій Сиверса, конфедерація не выступала болѣе съ протестаціями. 27-го апрѣля данъ отвѣтъ на ноту 9-го апрѣля. Въ началѣ этого отвѣта изъявлена была при-

---

[1]) Виленскій воевода Михаилъ Радзивиллъ, коронный подскарбій Рохъ Коссовскій, королевскій секретарь Грановскій, паны: Свѣнтославскій, Модзелевскій, Храповицкій, Забѣлло, Юндзило, Юзефовичъ, Швейковскій, Мануцци, Ксаверій Валевскій; на третій день, 25-го апрѣля, прибавлены были слѣдующіе члены: Ѳеофилъ Залускій, Валицкій, Влодекъ, секретарь и шефъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ Тенгоборскій. Залускій и Тенгоборскій были помѣщены по рекомендаціи Игельстрома, и первый изъ нихъ вслѣдствіе любовной связи съ графинею Залуской, на которой Игельстромъ послѣ женился. Затѣмъ, за вакансіею маршала, Мнишекъ, маршалъ коронный, обязанъ былъ созвать прежнихъ членовъ Постояннаго Совѣта: плоцкаго епископа Шембека, жмудскаго Гедройца, троцкаго каштеляна Платтера, брестскаго воеводу Зиберга, сѣрадзьскаго каштеляна Бернадскаго, ленчицкаго каштеляна Липскаго, зарновскаго каштеляна Шидловскаго, сендомирскаго каштеляна Попеля, варшавскаго каштеляна Соболевскаго, и пановъ старостъ: Осмяловскаго, Шидловскаго, Курженецкаго, Янковскаго, Дзержбицкаго, полковника Копарскаго, ленчицкаго подкоморія Стаховскаго, генералъ-маіора Валевскаго и польнаго литовскаго писаря Гелгуда.

чина, почему конфедерація замедлила отвѣтомъ: она не надѣялась никогда услышать декларацію объ отторженіи провинцій Рѣчи-Посполитой, и потому находилась въ трудномъ положеніи соединить чувство страданія, возбужденное деклараціею, съ долгомъ въ отношеніи союзныхъ дворовъ. Далѣе говорилось: «Генеральная конфедерація полагала, что предметъ отторженія отъ Рѣчи-Посполитой богатѣйшихъ областей не можетъ быть предметомъ сношеній и взаимныхъ объясненій, и декларація написана только для свѣдѣнія о томъ, что угодно было государствамъ присоединить подъ свою власть. Конфедераціи казалось, что никакая власть, и даже самихъ сеймовъ не можетъ имѣть достаточной силы для отвращенія несчастій, упавшихъ на Рѣчь-Посполитую, поэтому конфедерація, присягнувъ разъ передъ Богомъ соблюдать цѣлость страны своей до наименьшихъ его частей, не можетъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ, ибо въ противномъ случаѣ на нее падало бы обвиненіе въ вѣроломствѣ.» Но какъ въ нотѣ г. посла отъ 18-го апрѣля, сказано, что всѣ квитанціи, данныя войску ея императорскаго величества не иначе будутъ ликвидованы, какъ послѣ выдачи универсаловъ на чрезвычайномъ сеймѣ, то генеральная конфедерація поручила нижеподписавшимся (намѣстнику маршалковъ Антонію Пулавскому и Іосифу Забѣллѣ) именемъ ея заявить, что генеральная конфедерація свидѣтельствуетъ передъ Богомъ, сострадательными сосѣдними и союзными государствами, и предъ своимъ справедливымъ и безпристрастнымъ народомъ, что она не принимала участія въ раздѣлѣ Польши и чувствуетъ себя совершенно правою по отношенію къ средствамъ, которыя она принимала по силѣ законовъ, гарантированныхъ тѣми же государствами, именно: призывая вновь Постоянный Совѣтъ, не отдавшій еще отчета въ своей прошлой администраціи, назначая новыхъ членовъ на мѣсто умершихъ или выбывшихъ на законномъ основаніи для пополненія комплекта, установленнаго въ 1775 году, сообщая этому учрежденію достодолжную дѣятельность для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей Рѣчи-Посполитой и представительства ея правленія.»

Этотъ отвѣтъ не понравился Сиверсу: онъ желалъ другого, болѣе покорнаго, безъ всякихъ жалобъ, но императрица не велѣла ему сердиться и дозволяла полякамъ излить естественную въ ихъ положеніи скорбь объ ударѣ, постигшемъ ихъ отечество. Она требовала покорности, а не насилія чувствъ. Вслѣдъ за тѣмъ, оба упрямца, Валевскій и Ржевускій, смирились, удовольствовавшись тѣмъ, что показали передъ всѣми свое мужество и патріотизмъ. Валевскій произнесъ присягу на вѣр-

ность императрицѣ, а Сиверсъ, все-таки не совсѣмъ довѣряя ему, обѣщалъ снять секвестръ съ его имѣній не ранѣе какъ только тогда, когда окончатся сеймики. Ржевускій сложилъ съ себя званіе польнаго гетмана, объявилъ, что не будетъ участвовать ни на сеймикахъ, ни на сеймѣ, и удалится за границу. Сиверсъ не только приказалъ тотчасъ снять секвестръ съ его имѣній, но даже предлагалъ ему мѣсто канцлера. Ржевускій сказалъ, что не приметъ никакой должности и не станетъ вмѣшиваться въ политическія дѣла вообще.

Надобно было подписать универсалъ о созваніи сейма. Это была самая тяжелая минута для короля, этой минуты онъ такъ давно боялся; по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ нему, онъ изнемогалъ духомъ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, грустный и задумчивый, онъ пригласилъ къ себѣ Сиверса. Они обѣдали за маленькимъ столомъ, въ кругу королевской родни и самыхъ близкихъ особъ. Послѣ обѣда онъ позвалъ русскаго посланника въ свой кабинетъ и сталъ говорить о своихъ долгахъ, потомъ перешелъ къ своему положенію, къ своему стыду въ глазахъ всей современной Европы и потомъ сказалъ: «Ахъ, если бы мнѣ дозволили сложить корону! Долги меня безпокоятъ; я не столько забочусь о томъ, чѣмъ мнѣ жить, но долги—вотъ моя тягость; если бы только заплатили мои долги, и дали немного на содержаніе — я былъ бы доволенъ. Много найдется охотниковъ принять послѣ меня эту корону изъ рукъ ея императорскаго величества. Напишите объ этомъ императрицѣ, или позвольте написать мнѣ самому.» Рѣчь его была длинна; нѣсколько разъ король прерывалъ ее и принимался за нее снова.

Сиверсъ сказалъ королю:

«Ея императорское величество совсѣмъ не желаетъ вашего отреченія; она уже сообщала объ этомъ въ первомъ своемъ милостивомъ письмѣ, и мнѣ о томъ писала тоже нѣсколько разъ».

«Я знаю цѣну этого, сказалъ король, и продолжалъ свое. Если не приметъ короны великій князь Константинъ, другихъ много найдется, которые примутъ этотъ подарокъ.» Съ злобою и презрѣніемъ онъ упомянулъ о Щенсномъ Потоцкомъ въ числѣ кандидатовъ на престолъ.

«Я увѣренъ, — сказалъ Сиверсъ, — что онъ не будетъ королемъ.»

«Принцъ Виртембергскій, — продолжалъ король, только не тотъ, котораго мы въ Польшѣ видѣли, или графъ д'Артуа? говорятъ, они старались оба о коронѣ; но они оба не сдѣлаютъ Польшу счастливою.»

«А саксонскій электоръ, сказалъ Сиверсъ, очевидно испытывая его — онъ не принялъ бы ее?

«Нѣтъ, онъ бы принялъ, сказалъ король, у него нѣтъ сыновей, но есть дочь, которую онъ любитъ и которая будетъ богата.»

Сиверсъ показалъ суровый видъ и сказалъ: «этотъ князь не заслужилъ благоволенія государыни.»

Король смутился, помолчалъ и сказалъ: «мнѣ не остается ничего—только отречься, лишь бы мои долги уплатили.» Сиверсъ сказалъ: «уплата можетъ уладиться, разумѣется съ пожертвованіями съ вашей стороны».

«Вы возьмете у меня экономіи?» сказалъ король.

«Да, ваше величество, сказалъ Сиверсъ; но они приносятъ вашему величеству только половину доходовъ».

«А что же вы мнѣ оставите?» спросилъ король.

«Пять или шесть мильоновъ; изъ нихъ половина пойдетъ на уплату вашихъ долговъ. Думаю дадутъ шесть мильоновъ. Если вы отречетесь отъ престола, вашему преемнику нечѣмъ будетъ жить, или уплата долговъ встрѣтитъ затрудненіе. Могли ли бы ваше величество жить въ уединеніи на полтора мильона?»

Король вдругъ повеселѣлъ. «Это 80 тысячъ червонцевъ! О, столько даже не нужно въ Римѣ или въ Неаполѣ.» Онъ протянулъ дружески Сиверсу руку. «Ахъ, если бы вы могли это для меня сдѣлать, любезный посолъ», сказалъ онъ по-нѣмецки. «Поѣдемте въ Италію, тамъ будемъ счастливы!».

Но Сиверсъ какъ будто холодною водою облилъ его своимъ сухимъ дѣловымъ тономъ. Король просилъ его писать къ императрицѣ объ отреченіи. «Хорошо, сказалъ холодно посолъ, я напишу, но знаю, что это напрасно».

Изъ этого разговора съ королемъ Сиверсъ тотчасъ вывелъ заключеніе, и донесъ императрицѣ, что, вѣроятно, король сносится съ эмигрантами, находящимися въ Дрезденѣ, и ему обѣщаютъ какую-нибудь пожизненную пенсію, если онъ отречется въ пользу саксонскаго электора.

Изготовленный универсалъ о созваніи сеймиковъ поданъ былъ королю 3-го мая. Нарочно ли выбрали этотъ день, или такъ неумышленно случилось, какъ увѣряетъ Сиверсъ, только для короля это обстоятельство увеличило скорбь. Въ тотъ самый день, который такъ недавно думали праздновать на вѣчныя времена, какъ день независимости и обновленія Польши, въ этотъ самый день король первый невольно долженъ былъ подымать топоръ на свое отечество. Станиславъ-Августъ обливался слезами, когда подписывалъ. Приступъ въ этомъ универсалѣ былъ таковъ:

«Нѣтъ надобности и причины распространяться о настоящемъ положеніи нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ, не хотимъ умножить скорби собственнаго сердца и вашей, почтенные обыватели, мы обращаемся къ нашимъ соотечественникамъ, для которыхъ опубликованное въ печати не составляетъ тайны.»

Извѣщалось, что возобновленный конфедераціею Постоянный Совѣтъ призналъ за благо поручить королю собрать сеймъ въ Гродно, и потому шляхетство призывалось на сеймики 27-го мая, а сеймъ въ Гродно назначался 17-го іюня.

Страданія короля усилились послѣ этого шага, и онъ написалъ императрицѣ письмо въ такихъ выраженіяхъ:

«Тридцать лѣтъ труда, въ которыя я, желая всегда дѣлать добро, долженъ былъ бороться съ несчастіями всякаго рода, привели меня, наконецъ, къ безнадежности служить отечеству съ пользою, и исполнять мою обязанность съ честью. Настоящія обстоятельства таковы, что мой долгъ возбраняетъ мнѣ всякое личное участіе въ мѣрахъ, ведущихъ къ разрушенію Польши. Я желаю оставить должность, которую мнѣ невозможно исполнить съ достоинствомъ, предоставляя болѣе счастливому тотъ тронъ, который и безъ того черезъ нѣсколько лѣтъ мои годы и болѣзни сдѣлаютъ вакантнымъ».

III.

Мѣры Сиверса къ устройству сейма. — Открытіе гродненскаго сейма.

До открытія сеймиковъ, Сиверсъ принялъ мѣры къ тому, чтобы выборъ палъ на такихъ пословъ, которые бы могли подписать все, что имъ прикажутъ. Два сильнѣйшихъ двигателя приведены были въ дѣйствіе для этой цѣли: подкупъ и страхъ. Около Сиверса были паны, получавшіе отъ Россіи жалованье за свои услуги и деньги для подкупа пословъ. Этимъ панамъ поручалось вести выборы. Эта обязанность въ Литвѣ была повѣрена Коссаковскимъ. Епископъ получилъ на выборы 4,000 червонцевъ. Онъ просилъ восемь, но Сиверсъ напомнилъ ему, что онъ уже и безъ того получаетъ черезчуръ много, именно 50,000 руб. годоваго дохода съ краковскаго епископства. Трехъ братьевъ Коссаковскихъ глубоко презиралъ Сиверсъ и не довѣрялъ имъ. Онъ боялся, что они могутъ, при случаѣ, измѣнить ему изподтишка. Другой агентъ въ Литвѣ былъ исправлявшій должность литовскаго маршала въ конфедераціи, Забѣлло, человѣкъ глубоко безнравственный, эгоистъ, грабитель казеннаго и частнаго

достоянія, творецъ разныхъ мерзостей, коварный и безстыдный; пользуясь своимъ значеніемъ, онъ съ корыстными цѣлями уничтожалъ приговоры судовъ, назначалъ по разнымъ дѣламъ коммиссіи, производившія большія несправедливости. Онъ ограбилъ собственнаго брата и даже мать свою, которая, поэтому поводу, подала на него жалобу. Самъ Сиверсъ, чтобы прекратить такого рода насилія, дозволяемыя себѣ вліятельными членами конфедераціи, запретилъ конфедераціи безъ своего позволенія устроивать сходки и назначать коммиссіи. Этого-то человѣка съ самою дурною репутаціею Сиверсъ употребилъ для выборовъ и давалъ ему, кромѣ того, по 1000 червонцевъ въ мѣсяцъ, но не довѣряя ему, объявилъ, что будетъ не додавать ему жалованье, какъ только онъ позволитъ себѣ какія-нибудь уловки, незаслуживающія одобренія посланника. Пулавскій, назначенный маршаломъ конфедераціи, получилъ отъ Сиверса 1000 червонцевъ платы въ мѣсяцъ и кромѣ того, взялъ двѣ тысячи для выборовъ на Волыни, пятьсотъ на выборы въ Холмѣ, да сверхъ того тысячу восемьсотъ червонцевъ на десять пословъ, и тысячу червонцевъ на издержки своего путешествія. Міончинскій и Анквичъ, маршалъ Постояннаго Совѣта, поѣхали въ краковское и сендомирское воеводства; имъ Сиверсъ далъ 1,500 червонцевъ, а 3,000 червонцевъ они получили отъ Игельстрома для той же цѣли. Анквичъ былъ выбранъ люблинскимъ посломъ, и за это, какъ и за направленіе сеймика, получилъ особенно тысячу пятьсотъ червонцевъ. Оба, кромѣ того, получали по 1500 червонцевъ въ мѣсяцъ. Изъ получавшихъ тогда жалованье и руководившихъ выборами, большую роль игралъ Ожаровскій; онъ получалъ между 500 и 1000 червонцевъ въ мѣсяцъ, и сверхъ того ему дали на выборы 1000 червонцевъ. Этотъ человѣкъ былъ очень облагодѣтельствованъ отъ Россіи, получалъ жалованье издавна, еще при Штакельбергѣ и Булгаковѣ, а теперь ему дали званіе коменданта Варшавы, приносившее ему 24,000 злот. годового дохода. По сложеніи гетманства Ржевускимъ, его назначили гетманомъ. Несмотря на свои огромныя средства онъ жилъ такъ роскошно, что былъ весь въ долгахъ, сумма которыхъ доходила до 30,000 червонцевъ.

Маршаломъ предстоявшаго сейма предназначался Билинскій, человѣкъ развратный, игрокъ и плутъ. Сиверсъ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, на все готовое, и давалъ ему 1000 черв. въ мѣсяцъ, и сверхъ того 2,500 на открытіе сейма. Кромѣ этихъ, работали надъ сеймиками Оссолинскій въ Подлясьѣ, получавшій 500 черв., Залускій, Понинскій и другіе, менѣе значительные. Прусскій посолъ обязанъ былъ давать за Пруссію,

какъ Сиверсъ за Россію. Съ своей стороны Игельстромъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 10,000 черв., сумму, употреблявшуюся для той же цѣли. Его обязанностью было разослать отряды русскихъ войскъ въ тѣ мѣста, гдѣ будутъ отправляться сеймики. Порядокъ въ этомъ случаѣ былъ таковъ: прежде раздавали деньги шляхтѣ, которая должна была съѣзжаться на сеймики, суммы на это выходили небольшія: кому десять, кому двадцать червонцевъ. Имъ приказывалось заранѣе выбрать маршаломъ сеймика такого-то, и послѣднему давали 500 червонцевъ. На этихъ сеймикахъ не дозволяли читать ничего такого, что̀ бы могло волновать, и не допускали разсужденій. Получившая чужія деньги шляхта, угрожаемая русскими штыками, которые видѣла во-очію, избирала такихъ пословъ, какихъ указывалъ посланный агентъ-полякъ, и избранному послу давали жалованье: размѣръ его былъ различенъ, смотря по достоинству того, кому давали; были послы, что получали по 500 черв. въ мѣсяцъ, другіе менѣе, даже по сту, но всего выходило со стороны Россіи среднимъ числомъ червонцевъ по 200 на каждаго посла въ мѣсяцъ. Въ Литвѣ подъ ферулою Коссаковскаго и Забѣлла на каждаго посла приходилось также по 200 черв. Кромѣ того Сиверсъ обѣщался нѣкоторыхъ содержать на русскій счетъ во время пребыванія на сеймѣ. Въ такомъ способѣ не было ничего новаго или необычнаго въ Польшѣ. Игельстромъ употреблялъ ту же систему двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, да и безъ вліянія иностраннаго дѣлалось такъ изстари предъ каждымъ сеймомъ, только тогда вліятельные паны дѣлали тоже самое, что теперь дѣлали Россія и Пруссія. Для большей безопасности, по приказанію Сиверса, генеральная конфедерація издала 11-го мая санциту (распоряженіе), чтобы не допускать на сеймикахъ къ участію не только тѣхъ, которые не отступились отъ конституціи 3-го мая, но даже и такихъ, которые прежде заявляли какъ-нибудь похвалы этой конституціи, или впослѣдствіи осуждали дѣянія генеральной конфедераціи.

Около Сиверса составился кружокъ сотрудниковъ. То были маршалъ Рачинскій, человѣкъ издавна получавшій отъ Россіи жалованье еще во времена Штакельберга, продажный и безнравственный во всѣхъ отношеніяхъ, но умный и работящій. Другой его товарищъ въ дѣлахъ былъ Мошинскій, внукъ короля Августа. Никто не могъ укорять его, чтобы онъ бралъ когда-нибудь жалованье отъ иностранныхъ дворовъ, или кривилъ душою для выгоды. Онъ служилъ прежде въ скарбовой коммиссіи и считался, а еще болѣе самъ себя считалъ великимъ финансистомъ. Во время конституціи 3-го мая, онъ призналъ ее и произносилъ ей похвалы; при появленіи тарговицкой конфе-

дераціи, уѣхалъ въ Дрезденъ съ Малаховскимъ и Коллонтаемъ, но тамъ пожалѣлъ объ имѣніяхъ, которыя конфедерація хотѣла секвестровать, воротился въ отечество, присталъ къ конфедераціи и поддѣлался къ Сиверсу. У него въ земляхъ, отходившихъ къ Россіи, было двадцать пять тысячъ душъ крестьянъ, и расположеніе къ Россіи этого Аристида, какимъ онъ самъ себя выставлялъ, вполнѣ понятно. Русскій посланникъ любилъ его. Вдвоемъ съ Рачинскимъ, они состряпали конституцію для Польши и толковали о разныхъ улучшеніяхъ, въ томъ числѣ о каналахъ и путяхъ сообщеній, а это былъ, такъ сказать, любимый конекъ Сиверса. Составляя съ ними проекты, онъ посылалъ ихъ Екатеринѣ, но государыня не отвѣчала на нихъ вовсе, и когда наконецъ, какъ видно, они ей надоѣли, приказала отложить занятія конституціей на будущее время. Прозорливая Екатерина уже не считала возможнымъ существованіе самостоятельной Польши, на дальнѣйшее время. Дни ея были сочтены въ умѣ государыни; поэтому-то она и не обращала вниманія на то, что̀ охотникъ до преобразованій и учрежденій, бывшій новгородскій губернаторъ съ такою наивною довѣрчивостью и добродушною болтовнею присылалъ ей. Въ числѣ лицъ, на которыхъ разсчитывалъ Сиверсъ, были тогда люди, занимавшіе правительственныя мѣста. Мѣсто канцлера, по выходѣ Малаховскаго, Сиверсъ далъ князю Антонію Сулковскому, котораго имѣнія лежали въ областяхъ земель, отходившихъ къ Пруссіи, и который съ молодыхъ лѣтъ уже служилъ тайно Россіи и привыкъ къ этому такъ, что Сиверсъ увѣренъ былъ, что онъ способенъ всегда измѣнить Пруссіи для Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ мало довѣрялъ ему. Епископъ Масальскій издавна извѣстенъ былъ какъ вѣрный и постоянный слуга Россіи. Любитель веселаго житья, хорошаго вина, женщинъ и игры, славный издавна своими пирами, Масальскій въ Гродно долженъ былъ служить Россіи тѣмъ, чтобы кормить, поить и забавлять въ своемъ домѣ пословъ и настроивать ихъ въ такомъ духѣ, какой нуженъ былъ Сиверсу и Бухгольцу.

Изъ другихъ пановъ, окружавшихъ Сиверса, два подскарбія, Дзѣконьскій и Огинскій были въ распоряженіи русскаго посланника; первый, приверженецъ короля, человѣкъ уклончивый, обращавшійся на сторону Россіи потому, что это была сила болѣе всякой другой внушавшая страха; второй — сторонникъ конституціи 3-го мая, ради своихъ имѣній, отходившихъ къ Россіи, приставшій притворно къ конфедераціи, ѣздившій для спасенія этихъ имѣній въ Петербургъ, поклонами Зубову выхлопотавшій себѣ должность по указу Екатерины, и постоянно показывавшій себя въ двухъ лицахъ: между патріотами онъ говорилъ, что дѣйствуетъ

по неволѣ, передъ Сиверсомъ и русскими разыгрывалъ полезнаго для Россіи человѣка Къ этому разряду пановъ, увивавшихся около русскаго посла, слѣдуетъ отнести и богатаго Людовика Тышкевича, котораго прочили въ литовскіе маршалы для будущаго сейма. За нимъ слѣдуютъ члены Постояннаго Совѣта: Юзефовичъ, Мечковскій, Модзелевскій, Швейковскій, Гелгудъ, Платтеръ, Тенгоборскій, Лопота, Высоцкій, Валицкій и пр.,— всѣ до поры до времени ради своихъ имѣній готовы были поклоняться тому божеству, отъ котораго зависѣли ихъ маетности. Надобно замѣтить, что тогда не только полученіе жалованья отъ русскаго посланника и надежды на личныя выгоды отъ императрицы наклоняли многихъ къ Россіи; были люди, которымъ надоѣли безпрестанныя неустройства и безвыходныя смуты польской Рѣчи-Посполитой, люди, которые перестали надѣяться на что-нибудь въ будущемъ для нея и приходили къ убѣжденію, что при соединеніи съ Россіею будетъ болѣе спокойствія. Изъ двухъ золъ предпочитали меньшее. Всѣ тогда готовы были идти лучше подъ власть Россіи, чѣмъ Пруссіи. Отъ этого холмская земля добровольно обратилась къ Екатеринѣ и просила принять ее подъ свою власть.

«Если намъ — писано въ ея прошеніи — суждено неизбѣжно отпасть отъ тѣла Рѣчи-Посполитой, то мы хотимъ подъ кроткимъ господствомъ вашего императорскаго величества пользоваться свободою наравнѣ съ другими новозанятыми краями». Императрица приказала Сиверсу (отъ 15-го іюня) благодарить шляхту холмской земли за такое желаніе и призвавши холмскихъ пословъ объявить имъ, что, оставляя ихъ землю въ составѣ Рѣчи-Посполитой, она будетъ ихъ охранять отъ дурныхъ событій, которыхъ они боятся, и стараться о благоденствіи Рѣчи-Посполитой, которой они всегда будутъ принадлежать».

Въ такомъ разложеніи, до какого достигала Польша, дѣлившія польскую державу государства были въ то же время охранителями дворянскихъ правъ и даже жизни дворянъ. Давняя ненависть южно-русскаго народа на Волыни и на Украинѣ постоянно готова была вспыхнуть, какъ бывало въ прежнія времена: только русскія войска удерживали народъ отъ бунтовъ, и не только въ этой заповѣдной странѣ ненависти къ ляхамъ, даже въ коренной Польшѣ прорывалась долго сдерживаемая злоба простого народа къ дворянству. Въ странѣ, занятой пруссаками, началось волненіе между крестьянами; подданные не хотѣли слушаться пановъ своихъ, не шли на работы, требовали вольности, подавали на имя прусскаго короля жалобы на утѣсненія своихъ пановъ, такъ что паны прибѣгли съ просьбой къ Меллендорфу, принудить не-

покорныхъ къ работѣ войскомъ. Меллендорфъ отвѣтилъ крестьянамъ, чтобы они оставались въ послушаніи панамъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ новое устройство области и королевскій судъ не разберетъ ихъ жалобъ, а обывателямъ вмѣнялъ въ обязанность не раздражать крестьянъ и не облагать ихъ повинностями болѣе того, сколько они отбывали прежде.

Казалось бы, съ такою обстановкой и въ такихъ условіяхъ, дѣло Сиверса должно было пойти какъ по маслу, и дѣйствительно, все давало поводъ надѣяться, какъ и надѣялся Сиверсъ, окончить свою работу присоединенія областей какихъ-нибудь недѣли въ двѣ. Послы съѣхались въ Гродно; Сиверсъ давалъ на шестьдесятъ пословъ одинъ за другимъ обѣды, нанималъ для нихъ черезъ своего агента Боскампа квартиры и экипажи. Къ 17-му іюня большая часть ихъ заручена была полученнымъ жалованьемъ. Но тутъ оказалось, что довѣренные Сиверса, и особенно Коссаковскіе, провели его. Во-первыхъ, несмотря на всѣ предосторожности, прорвались въ число пословъ люди противныхъ убѣжденій, и даже участники бывшаго сейма; во-вторыхъ, изъ получившихъ русскія и прусскія деньги, нашлось не мало такихъ, которые, поживляясь на счетъ дѣлившихъ Польшу державъ, въ тоже время сочли удобнымъ поиграть въ патріотизмъ, поступая такъ, чтобы, какъ говорится, и козы были цѣлы, и волки сыты. Отъ этого суть дѣла хотя не испортилась, хотя предотвратить грозящей бѣды для Рѣчи-Посполитой ея представители не были въ состояніи, но они могли тянуть время, строить козни, интриговать, лукавить, выдумывать недоумѣнія и вообще ставить посланникамъ подъ ноги бревна, и черезъ то самое затруднять ихъ и приводить въ досаду. Въ этомъ и состоитъ исторія этого сейма, послѣдняго сейма Рѣчи-Посполитой.

На первомъ же засѣданіи, при открытіи сейма, началась буря. Сеймы въ Польшѣ открывались маршаломъ прошедшаго сейма, но таковаго тогда не было, и этотъ сеймъ открылъ маршалъ Постояннаго Совѣта Анквичъ, бывшій въ то же время краковскимъ посломъ, а это званіе давало ему старшинство между прочими послами. Избраны были, по желанію Сиверса, единогласно маршаломъ сейма Билинскій и литовскимъ Тышкевичъ. Тутъ возникъ вопросъ. Еще не бывало въ Польшѣ, чтобы собирался сеймъ при нераспущенной конфедераціи. Какъ надобно было присягать? Анквичъ обратился съ этими вопросами къ конфедераціи, и конфедерація прислала формулу присяги, въ которой внушали сейму обязанность зависѣть отъ конфедераціи и слушаться ея, засѣданія открывать при закрытыхъ дверяхъ, безъ арбитровъ или свидѣтелей, и не прибѣгать при рѣшеніи дѣлъ къ баллоти-

ровкѣ. Противъ этого поднялись голоса. «Что это, — кричали многіе послы — конфедерація предписываетъ намъ законы; вѣдь сеймъ выше всѣхъ конфедерацій». Первое засѣданіе не кончилось ничѣмъ.

Собрались на другой день—опять шумъ, крики. Когда маршалъ Билинскій подошелъ цѣловать крестъ и хотѣлъ произносить присягу, толпа недовольныхъ членовъ вырвала у него распятіе. Въ залу впустили постороннихъ; они шумѣли противъ конфедераціи. Одни послы кричали, чтобы посторонніе ушли; другіе требовали, чтобы посторонніе оставались въ залѣ. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Всѣ кричали, никто никого не слушалъ. На третій день—та же сцена. Между тѣмъ по польскимъ обычаямъ, было такъ, что если двѣ Избы, сенаторская и посольская, не сойдутся вмѣстѣ на третій день сейма, до заката солнца, то сеймъ считается прерваннымъ. Сиверсъ, которому обо всемъ доносили, подозрѣвалъ, что здѣсь можетъ быть такъ дѣлается съ хитростью, затѣмъ, чтобы прекратить сеймъ, заставить собирать другой, и тѣмъ самымъ тянуть время, и послалъ русскаго генерала Раутенфельда арестовать тѣхъ членовъ, которые кричали и не давали маршалу присягать. То были Шидловскій, князь Адамъ Понинскій, Выгановскій, Блешинскій, Раковскій, Служевскій, Микорскій и Карскій. Послѣдній убѣжалъ къ королю въ его переднюю; генералъ выманивалъ его оттуда, подъ предлогомъ приглашенія обѣдать, но онъ упрямился и не выходилъ. Когда не стало въ залѣ всѣхъ этихъ крикуновъ, велѣно было удалить всѣхъ постороннихъ, и тогда маршалъ сейма произнесъ присягу по формѣ, присланной конфедераціей, но съ тою разницею, что присягалъ слушать не конфедерацію, а собранныхъ чиновъ Рѣчи-Посполитой. Затѣмъ обѣ Избы соединились, и всѣ были поражены бѣдностью числа лицъ въ сенаторской Избѣ; кромѣ министровъ Тышкевича, Дзѣконьскаго, Огинскаго, Мнишка, гетмана Коссаковскаго, Сулковскаго, Платтера, было только три сенатора, именно Коссаковскій, его братъ виленскій воевода и Суходольскій. Отъ этого нельзя было даже соблюсти обычной при этомъ формы, по которой король долженъ былъ назначить нѣсколько сенаторовъ для приглашенія посольской Избы къ соединенію съ сенаторскою. По соединеніи Избъ, новоизбранный маршалъ произнесъ рѣчь, въ которой постарался елико возможно обругать предшествовавшій сеймъ и назвалъ его виновникомъ бездны золъ, въ которую упала Рѣчь-Посполитая.

На слѣдующемъ послѣ того засѣданіи — опять новое недоумѣніе. Въ залу нашли посторонніе. Нѣкоторые послы, опираясь на то, что конфедерація приказывала держать засѣданія безъ

арбитровъ, требовали ихъ выхода; другіе хотѣли, чтобы они оставались, потому что по прежнимъ обычаямъ всегда допускались арбитры, исключая тѣхъ засѣданій, когда разсматривались особой важности политическіе предметы. Маршалъ литовскій Тышкевичъ поддерживалъ право присутствовать арбитрамъ, ради большей пышности и блеску. Билинскій настаивалъ, чтобы они вышли, такъ какъ наступаютъ разсужденія такого рода, которыя и по прежнимъ обычаямъ обходились безъ свидѣтелей. Посторонніе должны были уйти. Тышкевичъ, послѣ того, получилъ отъ Сиверса строгое внушеніе.

По уходѣ постороннихъ были представлены сейму ноты обоихъ посланниковъ, Сиверса и Бухгольца, съ предложеніемъ сейму въ самомъ началѣ заняться содержаніемъ деклараціи 9-го апрѣля, «чтобы облегчить исполненіе этого неизбѣжно-необходимаго дѣла— сказано было въ нотахъ—которое должно возвратить въ возможно-скоромъ времени спокойствіе Рѣчи-Посполитой и установить въ тоже время спасительный и угодный націи образъ правленія, нижеподписавшійся проситъ собранныхъ членовъ безотлагательно назначить делегацію съ достаточнымъ полномочіемъ, съ которою онъ могъ бы войти въ совѣщанія и заключить окончательно трактатъ на основаніи означенной деклараціи, каковый окончательно будетъ ратификованъ впослѣдствіи королемъ съ сеймомъ».

Всталъ король и сказалъ: «Я приступилъ къ генеральной конфедераціи, гарантированной императрицею, только потому, что актъ ея увѣрилъ меня въ цѣлости и независимости Рѣчи-Посполитой. Я не могу никакъ освободить себя отъ обязательствъ, принятыхъ при моемъ приступленіи къ конфедераціи, и рѣшился ни подъ какимъ видомъ не подписывать какого бы то ни было трактата, который имѣетъ цѣлью лишить Рѣчь-Посполитую хотя бы самой малѣйшей части ея владѣній; надѣюсь, что и члены сейма, связанные тою же клятвою, съ удовольствіемъ послѣдуютъ моему примѣру. Дадимъ на присланныя ноты отвѣтъ въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ и представимъ сильные и убѣдительные доводы, которые бы могли произвести возвращеніе намъ занятыхъ земель, въ надеждѣ, что мудрость и великодушіе ихъ величествъ россійской императрицы и прусскаго короля признаютъ, что наша нація не дала никакихъ поводовъ къ такому поступку».

Эта рѣчь принята была съ видимымъ восторгомъ; даже и тѣ, которые видѣли здѣсь препятствіе къ скорѣйшему успѣху дѣла, за которое имъ платили деньги, находили нужнымъ показать свой патріотизмъ.

На слѣдующій день, 21-го іюня, въ началѣ засѣданія возникъ вопросъ, слѣдуетъ или нѣтъ допускать къ засѣданіямъ

арбитровъ. Актъ — говорили нѣкоторые послы — который послужилъ поводомъ къ удаленію арбитровъ, не есть подлинный актъ генеральной конфедераціи, а только его копія и потому вопросъ еще не рѣшенъ. Анквичъ и Ожаровскій говорили за легальную силу этой копіи. Вдругъ Тышкечичъ объявилъ: «я согласился на удаленіе арбитровъ во вниманіе къ обстоятельствамъ прошлаго засѣданія, и соображаясь съ закономъ, я не вижу ничего чтобы уполномочивало насъ на ихъ удаленіе». Тотчасъ на галереяхъ, куда успѣли проникнуть посторонніе, раздались рукоплесканія. Но со стороны противной партіи, между послами, раздались крики неодобренія, негодованія: видѣли въ этомъ даже опасный якобинизмъ. Стали потомъ разсуждать объ отвѣтѣ. «Намъ, говорили нѣкоторые, слѣдуетъ просить ея императорское величество русскую императрицу и короля прусскаго отложить ихъ намѣреніе учинить новый раздѣлъ Польши; послѣ 1775 г., когда произошелъ первый раздѣлъ владѣній Польши, былъ гарантированъ договоръ съ Польшею; Польша не сдѣлала ничего такого, что бы могло считаться нарушеніемъ договора съ ея стороны. Въ декларацiи императрицы 18-го мая 1792 г. не угрожали намъ раздѣломъ; спросимъ же, по крайней мѣрѣ, императрицу, чѣмъ именно Польша навлекла на себя несчастіе». Янковскій, посолъ сендомирскій, прибавилъ къ этому, что слѣдуетъ, кромѣ того, обратиться къ нѣмецкому императору, къ Англіи, Швеціи и другимъ государствамъ, съ просьбою о ходатайствѣ съ ихъ стороны предъ россійскою императрицею и прусскимъ королемъ, а для этого послать особыхъ пословъ, но какъ оказалось, что финансовыя средства для содержанія такихъ пословъ недостаточны, то рѣшили ограничиться тѣмъ, что обратиться съ такими вопросами къ посламъ иностранныхъ государствъ, находящимся въ Польшѣ. Къ посланникамъ составили ноту уклончиваго свойства. Въ ней между прочимъ говорилось: «декларація 9-го апрѣля, гдѣ упоминается о съуженіи границъ Рѣчи-Посполитой, никакъ не была понята чинами въ смыслѣ акта, извѣщающаго о безповоротномъ отобраніи провинцій и послѣдовавшія распоряженія, вытекавшія отсюда, считались дѣломъ второстепенныхъ властей, а не выраженіемъ воли государыни, которой великодушіе и чувствованія превышаютъ ея могущество»; сеймъ извѣщалъ, что онъ не имѣетъ достаточной власти отдѣлять отъ республики какія бы то ни было ей принадлежащія земли и всякая подобнаго рода уступка не будетъ имѣть законной силы. Въ заключеніе просили посланниковъ яснѣе выразить предметъ обсужденій требуемой делегаціи. Все это только протягивало время; чтобы еще болѣе протянуть

его, новые члены требовали изложить сейму состояніе финансовъ, другіе—состояніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ.

Но Сиверсъ не далъ долго задумываться сейму, и 13-го (24-го) іюня отправилъ снова ноту, гдѣ выразился, что онъ, сообразно своей инструкціи, неизмѣннымъ намѣреніямъ ея величества императрицы, не можетъ входить въ разсужденія о предметѣ деклараціи, а потому вторично требуетъ безотлагательнаго назначенія делегаціи съ полномочіемъ для заключенія договора въ смыслѣ деклараціи 9-го апрѣля. Почти дословно такую же ноту послалъ и Бухгольцъ.

IV.

Дѣло о назначеніи делегаціи для подписи договора съ Россіей.—Увертки сейма.—Энергическія мѣры Сиверса.—Назначеніе делегаціи.—Уступка Россіи земель.

Послѣ этого прошло три дня въ продолжительныхъ засѣданіяхъ и толкахъ о назначеніи делегаціи. Маршалъ сейма Билинскій былъ того мнѣнія, чтобы назначить делегацію по предписанію посланниковъ и исполнить ихъ волю. Поддерживая его, Ожаровскій говорилъ: «Назначеніе делегаціи есть единственное средство, которое намъ осталось, чтобы дать Польшѣ спокойствіе, а потому слѣдуетъ выбрать делегацію и теперь же дать инструкцію». За безусловное послушаніе волѣ посланниковъ говорили послы: равскій Влодекъ, краковскій Анквичъ, люблинскіе Залѣскій и Міончинскій, закрочимскій Виламовскій, но противъ нихъ поднялъ протестъ цѣлый кружокъ рьяныхъ пословъ, между которыми отличались сендомирскіе Блешинскій, Гославскій и Случевскій, черниховскій Голинскій, вышегродскій Микорскій, рожанскіе Цѣмневскій и Модзолевскій. Они кричали, что не допустятъ назначенія делегаціи и стоятъ за поданный проектъ ихъ товарища Янковскаго, состоявшій въ томъ, чтобы, не входя въ требуемыя посланниками объясненія, назначить пословъ къ императрицѣ, королю прусскому, и просить ихъ отмѣнить раздѣлъ Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправить и къ другимъ дворамъ просьбу о ходатайствѣ предъ императрицею, въ особенности же къ императору. Канцлеры, по прежнему приговору сейма, уже писали къ находившимся въ Варшавѣ иностраннымъ министрамъ, австрійскому, голландскому, шведскому, англійскому и къ папскому нунцію, но получили отъ нихъ короткія записки, гдѣ не было ничего, кромѣ дружескихъ чувствъ и обѣщаній сообщить своимъ дворамъ, что слѣдуетъ. Это естественно показалось Избѣ недостаточнымъ. Главное, хотѣли какъ бы то ни было протяну

время и думали, что вмѣшательство другихъ дворовъ затянетъ вопросъ, и отдалитъ его роковое разрѣшеніе. Лидскій посолъ Александровичъ говорилъ: «Европейскіе дворы не могутъ оставаться равнодушными къ судьбѣ Польши въ виду того чрезвычайнаго могущества, какое пріобрѣтаютъ двѣ союзныя державы, нарушая равновѣсіе». Увлекаясь порывами краснорѣчія, онъ обратился къ королю и восклицалъ: «веди насъ, наияснѣйшій государь, и мы всѣ за тобою!» Холмскій епископъ Скаржевскій объявлялъ, что на основаніи религіи, насильственная присяга, произнесенная жителями отобранныхъ провинцій, недѣйствительна. Но маршалъ сейма не допустилъ проектъ Янковскаго къ голосованію, несмотря на сильную бурю противъ себя: въ особенности отличался рѣзкимъ тономъ противъ Билинскаго Микорскій. Холмскій посолъ Куницкій, казавшійся расположеннымъ къ Россіи, допускалъ только съ нею, а никакъ не съ Пруссіею, вступать въ переговоры, и говорилъ: «надобно на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочить сеймъ; можетъ быть въ это время случится какая-нибудь благопріятная для насъ перемѣна».

Епископъ Коссаковскій принялъ на себя роль примирителя обѣихъ крайностей, представлялъ, что можно соединить оба проекта воедино. «Надобно—говорилъ онъ—обратиться къ иностраннымъ дворамъ, но незачѣмъ посылать особыхъ пословъ: это ввело бы насъ въ издержки; достаточно сообщить наши просьбы посредствомъ нашихъ министровъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ. Между тѣмъ въ требованіи назначить делегацію я не вижу ни малѣйшаго шага къ требованію уступокъ, иначе я бы самъ отвергъ его; но въ немъ не упоминается ни о полномочіи делегаціи, ни объ инструкціяхъ, какія слѣдуетъ дать членамъ делегаціи. Я думаю, очень опасно отвергать всякую возможность соглашенія, предлагаемаго намъ министрами дворовъ». Король принялъ это мнѣніе, произнесенное его личнымъ врагомъ, какимъ былъ всегда епископъ. Анквичъ, зная, какъ много значили для того общества, въ которомъ онъ находился, слова и фразы, предлагалъ, вмѣсто делегаціи, назвать ее депутаціею, иначе слово делегація напоминала ту делегацію, которая оставила по себѣ возмутительную память о первомъ раздѣлѣ. Коссаковскій подхватилъ эту мысль и повторялъ ее. Многихъ это обрадовало, казалось уже одна перемѣна названія на половину спасала Польшу. Мысль объ отдѣленіи трактата съ Россіею отъ трактата съ Пруссіею, овладѣла мало-по-малу большинствомъ Избы. Ярые противники всякаго трактата должны были умолкнуть предъ ясными доводами о крайней неизбѣжности. Ожаровскій говорилъ: «Европа достаточно видитъ, что мы, назначая депутацію, сдѣлали это

по неволѣ, а не по доброй волѣ; этого отъ насъ требуютъ вооруженною рукою, стало быть нельзя не исполнить требованія; русская сила можетъ насъ сломить въ одну минуту, и безразсудно было бы намъ безплоднымъ упрямствомъ причинять разореніе нашему отечеству».

Многіе изъ членовъ, Скирмонтъ (новогродскій), Случевскій (сендомирскій), Коссаковскій (ковенскій), Нарбутъ, Шишко (лидскіе) и другіе одинъ за другимъ говорили въ пользу соединенія съ Россіею. Рѣчистѣе всѣхъ былъ Нарбутъ. «Сознаемся, говорилъ онъ, что у Россіи есть причины жаловаться на Польшу; на послѣднемъ сеймѣ къ Россіи было мало уваженія, разорванъ былъ трактатъ о гарантіи; мы предпринимали противъ нея войну. Все это заслуживало, чтобы Рѣчь-Посполитая теперь прибѣгнула къ такимъ средствамъ, которыя бы заставили Россію забыть все прошедшее и привели къ истинному примиренію съ великодушною императрицею, которой дружба можетъ еще воскресить для Польши счастливые дни. Назначимъ же депутацію для заключенія вѣчнаго союза съ Россіею. Но совсѣмъ другое у насъ съ Пруссіею. Берлинскому кабинету мы одолжены всѣми настоящими несчастіями; онъ первый побудилъ Польшу разорвать гарантію Россіи и требовать очищенія краевъ Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ войскъ, и черезъ то ему удалось устроить недружелюбныя отношенія къ Россіи. Нынѣшнія притязанія прусскаго короля противны его дружественнымъ договорамъ съ Польшею, ибо онъ торжественно гарантировалъ ей цѣлость ея владѣній. Когда приписывали берлинскому двору проектъ присвоенія Гданска, его министры объявили намъ, что они удивляются, какъ люди образованные, каковы члены сейма, могутъ вѣрить такимъ выдумкамъ. Теперь его величество прусскій король ввелъ въ Польшу войска подъ тѣмъ предлогомъ, будто польскія провинціи заражены якобинствомъ; но вѣдь онъ могъ увѣриться, что никакихъ якобинцевъ нѣтъ въ Польшѣ, и потому слѣдуетъ просить его прусское величество вывести свои войска изъ Польши.» Древновскій (ломжинскій) говорилъ за переговоры и съ Пруссіею, указывая на то, что Россія дѣйствуетъ совмѣстно съ Пруссіею. Его сторону приняли послы мазовецкіе, потому что боялись Пруссіи: ихъ край прилегалъ къ захваченнымъ Пруссіею землямъ, и они могли ожидать, что, за сопротивленіе, прусскія войска войдутъ и станутъ разорять ихъ имѣнія. Послѣ многихъ споровъ наконецъ положили рѣшить дѣло голосованіемъ по вопросу: вести ли переговоры съ одной Россіей, или въ одно время и съ Пруссіей? Большинство голосовъ (107 противъ 24) рѣшило въ пользу того, чтобы ихъ вести съ одной Россіей. Изъ двадцати четырехъ противныхъ голосовъ двадцать

были даны лицами самыми преданными Россіи, и послушными ей; они не хотѣли пристать къ большинству, оттого только, что буквально слушались русскаго посланника.

Это непослушаніе, однако, могло быть, съ извѣстной стороны втайнѣ пріятно русскому послу; оно показывало, что поляки гораздо наклоннѣе къ Россіи, чѣмъ можно было предполагать; оно притомъ объяснялось бесѣдою съ Коссаковскимъ, которую велъ Сиверсъ наканунѣ этого дня.

Епископъ увѣрилъ русскаго посланника, что Литва и часть Короны готовы соединиться съ Россіею и совершенно отдаться въ подданство императрицѣ. «Лишь бы — говорилъ онъ, — наши привилегіи были ненарушимы, повѣрьте, всѣ къ этому пристанутъ».— «Я—сказалъ Сиверсъ —въ этомъ отношеніи могъ бы заранѣе вамъ поручиться, что государыня оставила бы вамъ свободу избранія судей и раскладки податей. Впрочемъ, я скажу вамъ, что въ Россіи повинности легче, чѣмъ въ Польшѣ, а что касается другихъ отношеній къ престолу, то льготы, которыя ея величество даровала своимъ подданнымъ, могутъ свидѣтельствовать о благости ея намѣреній.»

Но когда, послѣ того, въ голосованіи одержало верхъ мнѣніе, показывавшее, что поляки предпочитаютъ Россію Пруссіи, Сиверсъ нашелъ его несогласнымъ съ оффиціальнымъ требованіемъ своего правительства и написалъ грозную ноту вмѣстѣ съ Бухгольцемъ. Впрочемъ, Сиверсъ, какъ нѣмецъ по происхожденію, не могъ по чувству черезъ мѣру увлечься предпочтеніемъ, какое оказывали славяне славянамъ передъ нѣмцами, а какъ умный и проницательный человѣкъ, не могъ не видѣть хитрости за этимъ признакомъ дружелюбія. Поляки хватались за все, какъ утопающій за бритву. Они воображали, что можно будетъ затянуть въ дѣло иностранныя державы, устроить изъ польскаго вопроса обще-европейскій и передать его безконечной работѣ кабинетной дипломаціи; помышляли вмѣстѣ съ тѣмъ прельстить Россію надеждами овладѣть всею Польшею и поссорить ее съ Пруссіею. Такого рода хитрость была простодушна. Дѣло было рѣшено заранѣе, все разсчитано, и естественно, хитрость этого рода удаться не могла. Сиверсъ вмѣстѣ съ Бухгольцемъ 28-го іюня послали ноту, очень короткую, замѣчали неумѣстность видовъ отдѣлить интересы россійскаго двора отъ интересовъ прусскаго, взвѣшенные мудростью ихъ монарховъ, и объявляли, что только принятіе способа равныхъ отношеній къ обоимъ союзнымъ дворамъ можетъ привести сношенія къ счастливому окончанію и возвратить Польшѣ желанное спокойствіе.

Въ выходкахъ короля, въ особенности въ его рѣчи, въ ко-

торой онъ возбуждалъ сеймъ къ несогласію на добровольную уступку земель, Сиверсъ видѣлъ прямую измѣну и тотчасъ объявилъ наложеніе секвестра на всѣ королевскіе и казенные доходы, да вмѣстѣ съ тѣмъ наложилъ секвестрацію на имѣнія литовскаго маршала Тышкевича, въ особенности за то, что онъ допускалъ постороннихъ, которые, по соображеніямъ Сиверса, способствовали патріотическимъ выходкамъ Избы. Онъ объявилъ, что не сниметъ секвестра до тѣхъ поръ, пока не составится требуемая делегація или депутація для трактата съ Россіею и Пруссіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ хотѣлось союзнымъ дворамъ.

Когда, 28-го іюня, нота была прочитана въ сеймѣ, люблинскій посолъ Міончинскій, состоявшій на жалованьи у Россіи, подалъ проектъ о назначеніи делегаціи для переговоровъ съ послами обоихъ государствъ, но противъ него поднялось множество голосовъ; требовали читать проектъ инструкціи для депутаціи, которую предназначали для переговоровъ съ однимъ только русскимъ посланникомъ. Напрасно Билинскій, маршалъ сейма, силился склонить членовъ сейма къ послушанію новой нотѣ обоихъ посланниковъ; кричали, что вести переговоры съ однимъ Сиверсомъ посредствомъ депутаціи, уже постановлено закономъ. И это мнѣніе взяло верхъ; положили вопросъ о присланной нотѣ отнести къ делибераціи (по нашему, въ длинный ящикъ), и канцлеръ Сулковскій началъ чтеніе проекта предварительно. Въ началѣ онъ замѣтилъ, что въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ Польшѣ не на кого и ни на что нельзя надѣяться. Прочитанный проектъ состоялъ изъ четырехъ пунктовъ: въ первомъ, прежде всего хитро была припомянута декларація императрицы, изданная при началѣ тарговицкой конфедераціи (какъ бы въ огражденіе обѣщанной тогда цѣлости государства), и потомъ предоставлялось депутаціи совѣщаться съ россійскимъ посломъ объ устройствѣ такого вѣчнаго союза Рѣчи-Посполитой съ Россіей, при которомъ обѣ державы считались какъ бы единымъ тѣломъ по отношенію къ безопасности и общности выгодъ жителей, такъ и по взаимности издержекъ въ каждой потребѣ и взаимной помощи. Во второмъ пунктѣ, поручалось депутаціи установить правила объ устраненіи недостатковъ польскаго правленія. Въ третьемъ, имъ поручалось установить договоръ о торговлѣ Польши съ Россіею, и о взаимномъ устройствѣ путей сообщенія. Въ четвертомъ—поручалось просить русскаго посланника посредствовать для заключенія выгоднаго торговаго трактата съ Пруссіею. Объ уступкѣ земель не говорилось, но въ концѣ было сказано: «Рѣчь-Посполитая убѣждена, что, соединяясь, сколько возможно тѣснѣе, съ россійскимъ государствомъ,

она бо́льшую приноситъ жертву, чѣмъ если бы отдавала свои земли и имущества для вѣрности вѣчнаго союза.» Депутація въ важныхъ случаяхъ должна была обращаться для разрѣшенія вопросовъ къ сейму, и сама не имѣла права рѣшать ничего.

На слѣдующій день, 1-го іюля, сеймъ былъ пораженъ наложеніемъ секвестраціи на польское казначейство и королевскія экономіи. Случевскій потребовалъ, чтобы канцлеры просили отмѣны такого насилія; король же, поблагодаря членовъ сейма за участіе къ его положенію, замѣтилъ, что лучше этотъ вопросъ отнести къ делибераціи, а теперь заняться разсмотрѣніемъ инструкціи депутаціи. Тутъ Голынскій подалъ проектъ допустить къ конференціямъ депутаціи австрійскаго посланника, и заключить вѣчный союзъ съ Россіею не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ Россія возвратила Польшѣ присвоенныя по первому раздѣлу области. Онъ боялся, чтобы предлагаемый союзъ Польши съ Россіею не сдѣлался актомъ присоединенія польской Рѣчи-Посполитой къ россійской имперіи.

Не окончивъ дѣла о проектѣ и въ этотъ день, послы занялись вопросомъ о продолженіи сейма. По польскимъ законамъ, экстраординарный сеймъ, какимъ былъ гродненскій, выбирался только на двѣ недѣли, но можно было продолжить его. Поданъ проектъ отсрочить его еще на двѣ недѣли. Тогда послы Скаржинскій (ломженскій), Млодзіановскій (цѣхановскій) и Случевскій заявили такую мысль: отвѣты на отношенія къ иностраннымъ дворамъ не могутъ придти въ двѣ недѣли, потому лучше прекратить всѣ занятія до того времени, пока эти отвѣты получатся, а Случевскій прибавилъ, что слѣдуетъ отсрочить сеймъ до 1-го сентября и потомъ начать его въ Варшавѣ. Такого рода проектъ пошелъ-было на обсужденіе. «Я не согласенъ на перенесеніе сейма въ Варшаву,—сказалъ посолъ Лобаржевскій— Варшава, какъ объявилъ прусскій король, наполнена якобинцами». Послѣ спора обратились опять къ вопросу о делегаціи и рѣшили большинствомъ 108 противъ 27 голосовъ на томъ, чтобы вести переговоры съ одною только Россіею, а не съ Россіею и Пруссіей вмѣстѣ. Карскій не забылъ при этомъ помянуть недобрыми словами Люккезини за его дипломацію.

На другой день послѣ этого засѣданія, Сиверсъ приказалъ арестовать въ ихъ помѣщеніяхъ шестнадцать пословъ, которые предлагали и поддерживали мысль о прекращеніи сеймовыхъ занятій и отличались выходками противъ видовъ союзныхъ дворовъ.

Адамъ Понинскій первый объявилъ въ сеймовомъ засѣданіи объ арестованіи пословъ и самъ вопіялъ противъ насилія. Изба

заволновалась; члены вскакивали съ мѣстъ, толпились около маршаловъ и канцлеровъ, кричали: насиліе вольному народу? На силу король успокоилъ ихъ. Стали изготовлять ноту къ Сиверсу, а между тѣмъ король отправилъ канцлеровъ и нѣкоторыхъ пановъ къ русскому посланнику съ просьбою выпустить изъ-подъ ареста пословъ, иначе сеймъ прекратится. Домогались также истребовать отъ Сиверса снятія секвестра съ королевскихъ имѣній и съ имѣній Тышкевича. Сиверсъ удовольствовался тѣмъ, что только напугалъ Избу; онъ приказалъ выпустить арестованныхъ, обязавъ ихъ впередъ быть осторожнѣе, а епископъ Коссаковскій, явившись отъ Сиверса въ Избу, объяснялъ, что это арестованіе случилось по ошибкѣ; всему виною нѣкоторые изъ своихъ, которые донесли на своихъ товарищей и оклеветали ихъ.

Это, какъ и слѣдовало ожидать, подало поводъ къ разнымъ подозрѣніямъ. Между тѣмъ нота, приготовленная къ Сиверсу, не была ему послана, такъ какъ главное, чего въ этой нотѣ просили — освобожденіе арестованныхъ членовъ, было уже исполнено Сиверсомъ. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующее засѣданіе, 3-го іюля, послы напали на маршала Билинскаго, зачѣмъ онъ не отослалъ ноты; въ ней, кромѣ просьбы объ освобожденіи арестованныхъ, что уже было сдѣлано, была также просьба о снятіи секвестраціи. Споръ дошелъ до того, что Случевскій сказалъ: «г. маршалъ, въ публикѣ говорятъ, что вы участвовали въ дѣлѣ арестованія пословъ, извольте оправдаться противъ этого». Но Міончинскій (люблинскій) заявилъ такое требованіе: «маршалъ долженъ подвергнуться смертной казни, если окажется виновнымъ, а если г. Случевскій не докажетъ его виновности, то пусть подвергается тому же наказанію самъ». Подканцлеръ Пляттеръ даромъ своего краснорѣчія кое-какъ пріостановилъ этотъ споръ.

Тогда Понинскій предлагалъ проектъ такого рода: если еще разъ окажется какое-нибудь малѣйшее посягательство на личность или собственность членовъ, то сеймъ прерываетъ свои занятія. Сохачевскій посолъ Плихта говорилъ: «если мы еще народъ свободный, то пусть намъ дадутъ обезпеченіе отъ подобныхъ насилій, а если мы уже завоеваны, то пусть лучше, вмѣсто сейма, посылаютъ намъ приказы изъ лагеря. Я совѣтую прекратить засѣданія и не начинать ихъ, пока россійскій посолъ не объявитъ, что онъ впередъ не станетъ поступать съ нами такъ насильственно».

Предложеніе Плихты было принято всѣми. Къ довершенію храбрости, холмскій посолъ Куницкій какъ бы для того, чтобы дразнить русскаго посланника, заявилъ требованіе, отсрочить

сеймъ до 15-го октября и потомъ перенести его въ Варшаву. Его проектъ не былъ принятъ, да и онъ заявлялъ это болѣе для того, чтобъ порисоваться своею храбростію. Требованіе о снятіи секвестра не было послано по настоянію короля, который совѣтовалъ прежде окончательно составить инструкцію и назначить депутацію, такимъ образомъ удовлетворить посла, а потомъ уже просить его.

Дѣло объ инструкціи для депутаціи было обсуждаемо и долго ни на чемъ не могли остановиться. Въ проектѣ, прочитанномъ канцлеромъ, однихъ пугала инкорпорація Польши съ Россіею, другіе напротивъ, стояли за это. Голынскій говорилъ: «наша инструкція должна начинаться и кончаться цѣлостію земли и независимости народа. Ничего нѣтъ вреднѣе инкорпораціи съ Россіей, которая дѣлится теперь съ другими нашимъ достояніемъ. Развѣ можетъ быть у насъ съ Россіею инкорпорація, которая бы равнымъ образомъ связывала оба народа? Кто бы не засмѣялся, если бы намъ Россія сказала: Польша, соединимся. Мы будемъ имѣть право держать войска въ соединенныхъ съ нами краяхъ на общія средства; для насъ открыты будутъ вашъ скарбъ и арсеналы; вмѣстѣ будемъ вести войны и пользоваться выгодами. На это мы бы отвѣчали: «Россія! лучше возьми у насъ все, раздѣли земли наши на свои провинціи, смотри на насъ какъ на своихъ подданныхъ, по крайней мѣрѣ ты будешь правдива». Брестскій посолъ Озѣпбловскій говорилъ: «делегація должна заключить союзъ съ Россіею, не иначе, какъ съ соблюденіемъ цѣлости нашихъ границъ и съ возвращеніемъ отобранныхъ прежде отъ насъ областей». «Намъ, сказалъ Валентиновичъ, предлагаютъ вѣчную унію Польши съ Россіею. Хотятъ, чтобы мы однимъ народомъ сдѣлались... мы, такимъ образомъ, утратимъ имя поляка. Что же? слѣдуетъ спросить цѣлый народъ объ этомъ, какъ поступили съ проектомъ наслѣдственнаго правленія. Что же, быть можетъ, изнуренный несчастіемъ и обнищалый обыватель порадуется этому, когда ему обѣщаютъ въ будущемъ постоянный порядокъ, внутреннее спокойствіе и правосудіе.»

Порѣшили собраться на частное засѣданіе и тамъ обсудить предварительно вопросъ, а потомъ уже рѣшить его на сеймѣ. Вечеромъ 3-го іюля н. ст., сошлась толпа членовъ у епископа Коссаковскаго, сдѣлали нѣсколько перемѣнъ въ редакціи проекта, составленной канцлеромъ. Съ этими отмѣнами составлена новая редакція проекта и прочтена Анквичемъ 4-го іюля. Но тѣ члены, которые не были у Коссаковскаго на совѣщаніи, требовали, чтобы имъ также дозволили собраться на предварительное

засѣданіе и обсудить эти проекты по своему. 5-го числа, утромъ, до засѣданія въ той же сеймовой Избѣ, собрались послы и составили новую, уже третью редакцію проекта. Въ сеймовомъ засѣданіи поднялся сильный споръ о томъ, какую изъ трехъ редакцій слѣдуетъ принимать. Маршалъ счелъ нужнымъ посредствомъ хитрыхъ предложеній отстранить вовсе третью редакцію, какъ будто ея не бывало: она была черезчуръ въ духѣ неугодномъ Сиверсу. Маршалъ представилъ вопросъ: какая изъ двухъ редакцій должна быть принята? Тѣ, которые принимали участіе въ составленіи третьей редакціи, подняли крикъ и не соглашались, чтобы такое предложеніе пошло на голосованіе. Тогда маршалъ принялъ другую увертку, и сдѣлалъ именныя приглашенія ко всѣмъ посламъ, отвѣчать на вопросъ: должно ли послѣдовать голосованіе о двухъ проектахъ? Вопросъ былъ такъ поставленъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые брались защищать третью редакцію, не видѣли здѣсь еще исключенія этой третьей. Утвердительныхъ голосовъ оказалось только пятнадцатью болѣе отрицательныхъ. Изъ двухъ редакцій, подвергнутыхъ голосованію, одержала верхъ вторая, почти единогласно, только трое пословъ не хотѣли участвовать въ голосованіи вовсе. Многіе изъ тѣхъ, которые составили третью редакцію проекта, болѣе патріотическую, при голосованіи о двухъ проектахъ одобрили составленный у Коссаковскаго; они надѣялись, что послѣ разсужденія о двухъ редакціяхъ, можетъ быть еще начнется разсужденіе и о третьей, и такимъ образомъ, сказавши, что редакція, составленная у Коссаковскаго, лучше представленной канцлерами, можно будетъ потомъ сказать, что третья еще лучше второй. Но они горько обманулись: чуть не единогласное утвержденіе второй редакціи само собою исключало уже разсужденія о третьей.

Въ этой редакціи проекта инструкціи было очень важно то, что вмѣсто выраженій, которыя имѣли для Польши смыслъ совершеннаго соединенія съ Россіею, вставлены были такія, въ которыхъ говорилось только о союзѣ ихъ какъ отдѣльнаго государства съ другимъ [1]). Здѣсь-то показалось все коварство Кос-

[1]) Напр., въ первой редакціи сказано: «дабы съ этихъ поръ оба государства считались однимъ и нераздѣльнымъ тѣломъ навсегда» (aby odtąd oba państwa uważały się być iakoby iednym y nerozdzielnym na zawsze ciałem); во второй редакціи сказано: «къ оборонѣ цѣлости отдѣльно каждаго государства (do obrony całości każdego oddzielnie państwa)». Въ статьѣ о торговлѣ выпущено объ употребленіи взаимныхъ таможенъ между Россіей и Польшей, а въ концѣ слово złączenie (сложеніе, соединеніе) замѣнено словомъ związek (союзъ); въ первой редакціи сказано было: «Рѣчь-Посполитая вполнѣ убѣждена, что посредствомъ натѣснѣйшаго соединенія съ россійскимъ государствомъ,

саковскаго. Накануне подачи первой редакціи, Коссаковскій разговаривалъ съ Сиверсомъ и съ участіемъ говорилъ о готовности Литвы соединиться съ Россіею; теперь же, у него въ домѣ, и, конечно, подъ его вліяніемъ, составилась вторая, противоположная редакція. Сиверсъ за это былъ очень озлобленъ противъ него.

По утвержденіи инструкціи, 6-го іюля, маршалъ сейма напомнилъ сейму, что пора уже дать отвѣтъ посланникамъ россійскому и прусскому на присланную ноту, которую отложили тогда къ делибераціи. Канцлеръ вслѣдствіе этого представилъ проектъ отвѣта, въ такомъ смыслѣ: Изба раздѣлила предметы сношеній съ двумя посланниками и дала преимущество русскому на основаніи различія въ предметахъ, составляющихъ сущность сношеній съ Россіею и Пруссіею; но это не значило, чтобъ сеймъ вовсе не хотѣлъ вести сношеній съ Пруссіею, онъ приступитъ къ нимъ въ свое время. Только что былъ прочитанъ такой проектъ, какъ Ожаровскій, въ качествѣ главнаго начальника польскаго войска, извѣстилъ, что, по донесенію подначальныхъ ему генераловъ, пруссаки вступаютъ въ краковское и сендомирское воеводства и требуютъ тамъ фуража. Изба пришла въ смятеніе. Гетманъ Коссаковскій задорнѣе всѣхъ кричалъ противъ Пруссіи: «не надобно водить съ нею никакихъ переговоровъ; силу противопоставимъ силѣ; будемъ защищаться оружіемъ противъ новаго насилія надъ польскою территоріею». Его хитрый братъ, епископъ, прибѣгнулъ сейчасъ къ такой уловкѣ: «не надобно — говорилъ онъ — показывать теперь съ нашей стороны досады больше, чѣмъ прежде, а то подумаютъ, что мы уже успокоились послѣ перваго занятія польскихъ провинцій; напротивъ, слѣдуетъ намъ отвѣчать съ умѣренностію на ноту посланниковъ; присовокупимъ только замѣчаніе, что вступленіе войскъ его величества короля прусскаго въ глубину Польши, противорѣчитъ ходу сношеній». Но братъ его горячился, доказывалъ, что слѣ-

---

она покажетъ желаніе принести собою угоднѣйшую жертву, чѣмъ если бы она имѣла возможность и способность отдать свои имущества и даже области (Rzecz Pospolita iest w zupełnym u siebię przeswiadczeniu że przez złączenie się iako nayścislicysze z państwem Rossyjskim dogodnieyszą z siebię czynić chce ofiarę iak żeby była w sposobności i możności skarby swoie i nawet kraie etc.)»; во второй это мѣсто измѣнено такъ: «Рѣчь-Посполитая вполнѣ убѣждена, что посредствомъ этого торжественнаго дружественнаго союза съ россійскимъ государствомъ, сообразнаго съ достоинствомъ свободнаго народа, она даетъ доказательство сильнѣйшаго желанія быть въ союзѣ и довѣрія къ ея императорскому величеству (Rzecz Pospolita iest w zupełnem przeświadczeniu że przez związek przyiacielski iak nayuroczystszy y z godnością narodu wolnego stosowny z państwem Rossyjskim daie dowód naymocnieyszey chęci sprzymierzenia się i ufności w Nayjas. Imperatorowey etc.)».

дуетъ употреблять военную силу противъ силы. За него поднялось-было много голосовъ; но мало-по-малу патріотическая кровь начинала успокоиваться, и король произнесъ такое слово: «Если бы не было очень многихъ обстоятельствъ, намъ неблагопріятствующихъ, то одно печальное состояніе нашихъ финансовъ достаточно, чтобы доказать намъ невозможность отважиться въ настоящее время на войну съ Пруссіею. Мое мнѣніе—уклониться отъ всякаго рѣшенія по этому предмету и обратиться къ россійскому посланнику».

Мнѣніе короля было принято. Канцлеры, по назначенію сейма, отправились лично объясняться по этому поводу съ Сиверсомъ.

Русскій посланникъ сказалъ имъ такъ: «намѣреніе прусскихъ войскъ вступить далѣе въ польскія области и идти къ столицѣ, вѣроятно есть послѣдствія, во-первыхъ, того, что сеймъ до сихъ поръ не постановилъ никакого рѣшенія о сношеніяхъ съ берлинскимъ дворомъ, а во-вторыхъ, того, что нѣкоторые члены въ своихъ рѣчахъ позволяли себѣ не совсѣмъ умѣренныя выраженія объ особѣ его величества прусскаго короля. Я полагаю, Бухгольцъ уже отправилъ приказаніе прекратить дальнѣйшее движеніе этихъ войскъ, но совѣтую сейму не навлекать новыхъ несчастій на Польшу и поскорѣе назначить депутацію съ достаточнымъ полномочіемъ вести переговоры съ обоими дворами, которыхъ интересы между собою одинаковы, какъ это показываютъ вамъ достаточно ихъ поступки и ноты».

8-го іюля, послѣ того, когда канцлеры сообщили сейму отвѣтъ Сиверса, отправлена отвѣтная нота на его ноту отъ 28-го іюня. Демонстрація прусскихъ войскъ и объясненіе русскаго посланника подвинули назначеніе депутаціи, которое умышленно тянули до сихъ поръ. Состоявшій на русскомъ жалованьи инфлянтскій посолъ Юзефовичъ подалъ проектъ дать депутаціи самое широкое полномочіе, такое, чтобы король и сеймовые чины обязывались утверждать все, что только депутація постановитъ въ сношеніяхъ своихъ съ посланниками, «иначе, говорилъ онъ, посланникъ русскій, имѣющій полномочіе отъ своей государыни, не приметъ такой депутаціи, которая не будетъ имѣть равнаго полномочія. Русскій посланникъ только въ такомъ случаѣ можетъ довѣрять депутаціи, когда будетъ знать, что слова ея имѣютъ окончательную силу. Русскій посланникъ не станетъ говорить съ нашими депутатами, если у нихъ не будетъ такого же полномочія, какое онъ получилъ отъ своей государыни.

Сначала это возбудило оппозицію и раздѣленіе. Послы, предварительно подрядившіеся дѣлать угодное Россіи, поддерживали Юзефовича. Противники указывали на составленную уже инструк-

цію для депутаціи; она буквально противорѣчила требуемому теперь полномочію. «Покрайней мѣрѣ, говорили они, если давать полномочіе, то все-таки обязавъ депутатовъ держаться данной прежде инструкціи». На это говорили: «иное дѣло полномочіе, иное дѣло инструкція. Русскій посланникъ имѣетъ отъ государыни полномочіе и вмѣстѣ съ тѣмъ у него есть и инструкціи, которыя ограничиваютъ его полномочіе; такъ точно и наши депутаты будутъ имѣть полномочіе, которое должны предъявить посланнику, и инструкцію, которую они должны получить отъ сейма. За ея несоблюденіе они будутъ отвѣчать не передъ посланникомъ, а передъ сеймомъ. Посланнику же необходимо видѣть только ихъ полномочіе; своей инструкціи они не обязаны ему предъявлять».

Послѣ многихъ споровъ и измѣненій въ редакціи, наконецъ, 9-го іюля, полномочіе было принято единогласно. Депутатамъ предоставлялось составлять, установлять, заключать и подписывать все, что ими признано будетъ полезнымъ и согласнымъ съ интересами Рѣчи-Посполитой. «Все, сказано было въ этомъ полномочіи, что означенные депутаты наши по сему учинятъ, заключатъ, постановятъ и подпишутъ, все это нами, королемъ, съ предварительнаго согласія чиновъ и съ сознаніемъ справедливости дѣла, сходнаго съ условіями, предписанными депутаціи, будетъ принято и ратификовано!»

На слѣдующемъ засѣданіи, 10-го числа, начали толковать о выборѣ въ депутаты. Патріоты [1]) заявляли желаніе, чтобы выборъ состоялся секретными голосами. Маршалъ сейма не допустилъ до этого подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ въ данной имъ присягѣ обязался, не допускать секретной подачи голосовъ. Послѣ долгаго спора, король предложилъ такой способъ: опредѣливъ число депутатовъ, пусть раздадутъ всѣмъ посламъ списокъ членовъ сейма и каждый изъ нихъ означитъ тѣхъ, которыхъ желаетъ избрать въ депутаты, назвавъ каждаго громко по имени, а потомъ пусть составится счетъ голосовъ, и тѣ, которые получатъ наиболѣе голосовъ, будутъ черезъ то самое признаны депутатами. Это было принято большинствомъ 100 голосовъ противъ 26.

Положено допустить трехъ епископовъ, всѣхъ министровъ, трехъ сенаторовъ, и по восьми пословъ изъ каждой изъ трехъ провинцій Рѣчи-Посполитой. Тогда нѣкоторые патріоты стали требовать, чтобъ депутаты произнесли присягу въ томъ, что они ничего не брали и брать не будутъ ко вреду Рѣчи-Посполитой.

---

[1]) Блешинскій, Скаржинскій, Микорскій и др.

Противъ этого проекта возстало много противниковъ и прежде, чѣмъ подвергать его голосованію, предложенъ былъ вопросъ: можетъ ли этотъ проектъ быть пущенъ на голоса. Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ (75 голосовъ).

Сиверсъ узналъ объ этомъ въ тотъ же день отъ маршала и вѣрныхъ пословъ. Онъ былъ очень недоволенъ. Ему нужно было такихъ депутатовъ, которые бы согласились на все, чего онъ потребуетъ, и потому-то онъ заранѣе далъ именной списокъ тѣхъ, кого желаетъ онъ назначить депутатами. Способъ избранія на сеймѣ не соотвѣтствовалъ его цѣлямъ. Такимъ образомъ могли попасть въ число депутатовъ люди, съ которыми произойдутъ затрудненія. Требованіе присяги отъ депутатовъ въ томъ, что они ничего не брали и не будутъ брать, прямо направлялось противъ дѣйствій русскаго посланника и поражало тѣхъ пословъ, которые были у него на жалованьи, а онъ изъ числа такихъ-то и желалъ видѣть депутацію. Поэтому утромъ русскій посланникъ отправилъ на сеймъ грозную ноту; онъ замѣчалъ, что въ сеймѣ постоянно господствуетъ безпорядокъ и неприличіе. Онъ указывалъ, что сеймъ 1771 года долженъ служить настоящему сейму образцомъ относительно выбора членовъ делегаціи; тогда не выбирали делегатовъ: они были назначены изъ сената королемъ, изъ рыцарскаго сословія сеймовымъ маршаломъ; по этому примѣру требовалось назначить депутатовъ и теперь. Вчерашнее засѣданіе, замѣчалъ Сиверсъ, отзывается якобинствомъ революціоннаго сейма 3-го мая. Ему не нравилось, что въ полномочіи хотѣли упомянуть имя тарговицкой конфедераціи, очевидно потому, что этой конфедераціи обѣщана была цѣлость Рѣчи-Посполитой. Но болѣе всего Сиверсъ гнѣвался за мысль обязать депутатовъ присягою въ томъ, что они не брали и брать не будутъ. «Этотъ шагъ — говорилось въ его нотѣ — нижеподписавшійся долженъ почитать особеннымъ оскорбленіемъ какъ себѣ лично, такъ и своему званію. Подобная присяга была бы безчестіемъ самому почтеннѣйшему собранію, если бы въ нѣдрѣ его не было особъ, не подлежащихъ подозрѣнію въ подкупѣ. Нижеподписавшійся надѣется, что сеймъ удержится отъ наложенія на себя самого подобнаго пятна. Нижеподписавшійся желаетъ, чтобы непремѣнно была установлена делегація 1-го (12-го) іюля и безъ потери времени вступить въ конференціи, въ противномъ случаѣ онъ увидитъ себя въ печальной необходимости сдѣлать то, о чемъ говорилъ въ своей нотѣ отъ 23-го іюня (3-го іюля), именно удалить подстрекателей и возмутителей спокойствія и порядка, истинныхъ враговъ своего отечества, какъ единое препятствіе правильному ходу дѣлъ на сей-

мѣ, который потерялъ уже болѣе четырехъ недѣль дорогого времени на то, что могъ бы окончить въ четыре дня, увеличивъ черезъ то несчастіе народа, вмѣсто того, чтобъ даровать ему спокойствіе и прочное благоденствіе, сообразно спасительнымъ намѣреніямъ высокихъ дворовъ, изложеннымъ въ декларація отъ 9-го апрѣля».

Когда 2-го (13-го) іюля прочитали въ Избѣ эту ноту, сохачевскій посолъ Плихта объявилъ, что секвестрація имѣній Тышкевича приводится въ исполненіе. «Я требую — сказалъ онъ — исполнить законъ, постановленный нами,—не приступать ни къ какому рѣшенію о предметахъ, означенныхъ въ нотѣ посланника, прежде, чѣмъ секвестръ не будетъ снятъ». «Неблагоразумно, возразилъ состоявшій у Россіи на жалованьѣ Лобаржевскій, держаться за формальности, когда отечество подвергается угрожающей опасности, видимой изъ самой этой ноты. Если Россія теперь намъ дѣлаетъ насилія, то, конечно, она рѣшится прибѣгнуть еще къ дальнѣйшимъ крайностямъ, какъ скоро мы станемъ упрямиться и не подчиняться ея видамъ. Позвольте просить чтенія составленной мною записки о мѣрахъ къ положенію конца этимъ несчастіямъ.» «Нѣтъ, нѣтъ, не позволяемъ», кричали противники, знавшіе напередъ, что долженъ былъ написать и читать Лобаржевскій. «Нельзя разсуждать ни о какихъ предметахъ, Изба въ бездѣйствіи; пусть прежде снимется секвестръ съ имѣнія пана Тышкевича». «Этимъ—сказалъ король,—мы перервемъ всякія сношенія съ Россіею и навлечемъ на себя новыя несчастія; я предлагаю отправить къ г. посланнику канцлеровъ и маршаловъ сейма представить ему побужденія, которыя руководили собраніемъ». «Мнѣ идти вмѣстѣ съ гг. канцлерамъ нельзя, сказалъ маршалъ сейма,—сеймъ долженъ оставаться въ засѣданіи до ихъ возвращенія, и я, какъ маршалъ сейма, по закону не долженъ оставлять Избы; притомъ же обязанность сношеній съ иностранными посланниками лежитъ на гг. канцлерахъ, а не на мнѣ.»

«Нѣтъ, нѣтъ, панъ маршалъ долженъ идти съ гг. канцлерами», кричали послы.

Сами канцлеры просили, чтобы съ ними шелъ маршалъ и былъ свидѣтелемъ того, что произойдетъ. «Мы знаемъ, говорили они, что ничего не выйдетъ изъ сношеній съ упрямымъ посланникомъ».

«Видя, что чины Рѣчи-Посполитой прекращаютъ свои занятія изъ-за обстоятельства, касающагося меня, — сказалъ Тышкевичъ, — я прошу забыть все, что мнѣ сдѣлала секвестрація моихъ имѣній; все это—слѣдствіе неблагопріятныхъ извѣщеній, сдѣланныхъ г. посланнику нашими собственными согражданами.

Оставьте мое дѣло; займитесь другими болѣе важными. Если я буду и совершенно разоренъ этимъ секвестромъ, то для меня будетъ болѣе чести при окончаніи этого сейма сдѣлаться бѣднѣе того, чѣмъ я былъ при началѣ его».

Вознесены были похвалы такому благородному патріотическому заявленію. Канцлеры отправились къ Сиверсу.

Сиверсъ имъ сказалъ такъ: «Даю вамъ слово, что секвестръ съ имѣній пана Тышкевича снимется немедленно, какъ только назначутся депутаты. Я предоставляю сейму, кромѣ того, свободу поручить назначеніе всѣхъ депутатовъ самому королю».

Сиверсъ надѣялся, что король, имѣя въ рукахъ списокъ лицъ, какихъ Сиверсу хотѣлось, не рѣшится пойти противъ его воли.

Канцлеры сообщили объ этомъ сейму. Тогда задорнѣйшіе патріоты говорили: «Нельзя перемѣнять, ради произвола россійскаго посла, уже состоявшееся вчера рѣшеніе сейма о способѣ избранія членовъ. Мы готовы подвергнуться гнѣву посланника: и безъ того мы рано или поздно станемъ его жертвами; но мы не хотимъ получать приказы отъ иностранцевъ посреди нашихъ совѣщаній».

Другіе представляли безплодность такой отваги и говорили: «Если уже приходится измѣнять состоявшійся законъ, то по крайней мѣрѣ измѣнимъ его такъ, чтобы назначеніе депутатовъ предоставлялось одному королю».

«Почтенные паны,—сказалъ король,—въ продолженіи моего двадцатидевяти-лѣтняго царствованія я еще никогда не былъ въ такомъ ужасномъ положеніи, какъ сегодня. Чувствую, господа, вопіющую несправедливость; требуютъ, чтобы вы перемѣнили законъ, составленный единогласнымъ мнѣніемъ; но кто же изъ васъ не видитъ, что наша свобода существуетъ только на словахъ? Мы окружены иностранными войсками; онѣ расположились у воротъ этого города; мы должны быть свидѣтелями безпрестанныхъ насилій, совершаемыхъ надъ личностію и собственностію членовъ этого сейма; мы даже не имѣемъ полнаго права выходить изъ этого города безъ билетовъ отъ россійскихъ генераловъ. Россійскій посланникъ каждую минуту угрожаетъ намъ новыми несчастіями. Къ чему же послужитъ наше сопротивленіе? Дѣлайте, что угодно: ваша воля всегда будетъ и моей волею; но въ званіи отца и короля, которое я ношу, я всегда желалъ, по крайней мѣрѣ, предупредить бо́льшее бѣдствіе; г. подканцлеръ Плятгеръ видѣлъ у г. посланника изготовленное приказаніе арестовать двадцать пословъ и наложить секвестръ на имѣнія еще бо́льшаго числа членовъ сейма, если депутація не будетъ назначена сегодня. Я думаю, вы убѣждены, господа, что я мало до-

могаюсь, чтобы право назначенія депутатовъ предоставлено было мнѣ, но если таково ваше доброе желаніе, то я смѣю льстить себя надеждою, что мой выборъ будетъ отвѣчать вашему довѣрію.»

«Пусть будетъ извѣстно,—произнесли нѣкоторые, желая все еще прихвастнуть своею отвагою,—что не страхъ угрозъ заставитъ насъ измѣнить вчерашнее рѣшеніе, а единственно увѣренность, что королевскій выборъ будетъ еще лучше выбора, зависящаго непосредственно отъ членовъ сейма».

Король наименовалъ членами депутаціи изъ министровъ: литовскаго маршала Тышкевича, литовскаго польнаго гетмана Коссаковскаго, канцлера короннаго Сулковскаго, литовскаго подканцлера Пляттера, литовскаго подскарбія Огинскаго, литовскаго надворнаго подскарбія Дзѣконскаго, короннаго польнаго гетмана Забѣлло; люблинскаго и холмскаго епископа Скаржевскаго, войницкаго каштеляна Ожаровскаго; пословъ: краковскихъ Анквича и Коссаковскаго, сендомирскихъ Залускаго и Янковскаго, холмскаго Куницкаго, волынскаго Валевскаго; изъ провинціи великопольской: инфлянтскаго епископа Коссаковскаго; плоцкаго Рокитницкаго, черскихъ Станишевскаго и Остророга, варшавскихъ Бѣлинскаго и Клицкаго, пурскаго Замбржицкаго; изъ великаго княжества литовскаго сенаторовъ: виленскаго епископа князя Масальскаго, виленскаго воеводу Радзивилла, и пословъ: лидскаго Шишку, троцкаго Клечковскаго, гродненскаго Зынева, жмудскаго Гелгуда и новогродскаго Лопату.

Но Сиверсъ не былъ доволенъ, увидавъ, что въ спискѣ нареченныхъ депутатовъ не было тѣхъ, которыхъ онъ прежде требовалъ у короля. Онъ заявилъ требованіе о прибавкѣ къ назначеннымъ въ депутацію еще семерыхъ членовъ. Въ засѣданіи 12-го іюля, король объявилъ объ этомъ, и назвалъ имена пословъ угодныхъ Сиверсу; то были: волынскій Пулавскій, любельскій Міончинскій, ломжинскій Древновскій, закрочимскій Александръ Понинскій, равскій Скарбекъ, и инфлянтскіе Юзефовичъ и Снарскій.

Взрывъ негодованія потрясъ Избу. «Это невозможно, кричали, вчера законъ состоялся, сегодня перемѣна: стало быть король не свободенъ». Гославскій требовалъ, чтобы пошло на голоса предложеніе: назначилъ ли вчера король депутаціи или нѣтъ? Маршалъ Билинскій не допустилъ такого вопроса къ голосованію и выразилъ свой отказъ рѣшительнымъ и настойчивымъ тономъ; Гославскій за это потребовалъ маршала къ суду; за Гославскимъ началъ кричать противъ маршала Карскій, а король, всегда при-

миряющій, пытался охолодить горячившихся пословъ. Король сдѣлалъ угодное Сиверсу.

На слѣдующемъ засѣданіи сеймъ былъ отсроченъ еще до 30-го іюля.

Депутація начала конференціи съ русскимъ посланникомъ. Сиверсъ подалъ имъ готовый трактатъ: уступка провинцій была его главнымъ предметомъ. Виленскій епископъ, начальникъ депутаціи, обратился съ просьбой къ Сиверсу дать сроку на двѣ недѣли, чтобы отправить прошеніе къ императрицѣ, съ цѣлью упросить ее пощадить Польшу.

«Это ловушка, говорилъ Сиверсъ, хотятъ выиграть время. Напрасная уловка — не проведутъ меня?» Онъ рѣзко отвергъ просьбу Масальскаго.

Депутаты начали отговариваться, что у нихъ нѣтъ полномочія для подписанія трактата. Сиверсъ немедленно требовалъ полной довѣренности депутаціи подписать трактатъ. «Мои предыдущія ноты, писалъ онъ, которыя я долженъ былъ подавать сейму въ продолженіе четырехъ недѣль времени, потраченнаго въ пустыхъ толкахъ, достаточно показали сейму, что дальнѣйшія увертки могутъ только увеличить тягость судьбы народа, который, послѣ такихъ смятеній, имѣетъ право ожидать, что сеймъ искренно займется тѣмъ, что ему единственно осталось, дабы даровать народу спокойствіе и благосостояніе.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ утѣшалъ поляковъ, что будетъ заключенъ выгодный для Польши торговый трактатъ съ Россіею.

Эта нота была прочитана на сеймѣ въ засѣданіи 4-го (15-го) іюля, но въ тотъ же день на нее не отвѣчали. Изба занялась чтеніемъ неутѣшительныхъ депешъ, присланныхъ польскими министрами при иностранныхъ дворахъ. Послы изъ нихъ видѣли, что отечество ихъ теперь гибнетъ ради вознагражденія трудовъ и издержекъ тѣхъ, которые воюютъ съ французами. Одно только лелѣяло ихъ надеждою: имъ казалось, что Австрія не потерпитъ у себя подъ бокомъ усиленія Пруссіи и Россіи на счетъ Польши.

Сиверсъ, узнавши, что на этомъ засѣданіи не обратили на посланную имъ ноту скораго вниманія, написалъ другую, такого содержанія:

«Нижеподписавшійся, извѣстившись, что наияснѣйшіе чины конфедераціоннаго сейма въ засѣданіи прошлаго 4-го (15-го) іюля, въ которомъ читаны были рапорты делегаціи и нота нижеподписавшагося, не сочли умѣстнымъ объясниться объ этомъ предметѣ, и даже не указали дня, когда они желаютъ разсуждать объ немъ, усматриваетъ, что заключеніе трактата еще оттягивается на дальнѣйшее время, и чины конфедераціоннаго сейма,

закрывая себѣ глаза предъ плачевною судьбою отечества, забываютъ, чѣмъ они обязаны своимъ избирателямъ; и потому онъ видитъ себя принужденнымъ объявить, что дальнѣйшія увертки и отказы снабдить делегацію надлежащимъ полномочіемъ будутъ считаться не только за нежеланіе вести переговоры и окончить по-дружески дѣло съ нижеподписавшимся, но даже за явное объявленіе войны Россіи. Печальныя послѣдствія, вытекающія изъ такихъ поступковъ сейма, которому народъ довѣрилъ устроеніе своего настоящаго и будущаго благоденствія, должны быть ужасны для народа, особливо же для несчастныхъ и невинныхъ поселянъ. Нижеподписавшійся, въ случаѣ отказа, явно означающаго объявленіе войны, будетъ принужденъ съ крайнимъ сожалѣніемъ послать войска ея императорскаго величества на военную экзекуцію въ имѣнія и мѣста жительства тѣхъ членовъ сейма, которые будутъ противиться всеобщему желанію добродѣтельныхъ людей и народа, страдающаго подъ бременемъ анархіи. Такая военная экзекуція, въ случаѣ, если король будетъ склоняться на сторону оппозиціи, распространится на всѣ королевскія экономіи, а равно и на имѣнія всѣхъ тѣхъ особъ, которыя въ какомъ бы то ни было отношеніи принадлежатъ вѣдомству его величества; наконецъ, слѣдствіемъ такого поступка сейма будетъ конфискація всѣхъ государственныхъ доходовъ и задержка платежа за взятый провіантъ и фуражъ для войска, которое тогда будетъ содержаться на счетъ несчастныхъ поселянъ. Поэтому нижеподписавшійся надѣется, что мѣры, принятыя сообразно съ данною ему инструкціею, произведутъ на сеймѣ достаточное дѣйствіе, и что слѣдующаго же дня 6-го (17-го) іюля дано будетъ депутатамъ надлежащее полномочіе для заключенія трактата. Наконецъ, нижеподписавшійся не можетъ скрыть передъ сеймомъ, что всѣ такія мѣры противны тѣмъ правиламъ, которыми онъ думалъ руководствоваться въ порученномъ ему посольствѣ; мѣры эти угрожаютъ сейму, вмѣсто тѣснаго, выгоднаго союза и торговаго трактата съ Россіею, потерею этихъ выгодъ и лишеніемъ благожелательства и пріязни ея императорскаго величества, безъ которыхъ Польша не можетъ существовать и ожидать въ будущемъ успѣха отъ выгодъ, утверждаемыхъ предполагаемымъ трактатомъ. Въ Гродно, 5-го (16-го) іюля».

Утромъ, передъ тѣмъ какъ эта нота должна быть прочитана на сеймѣ, Сиверсъ созвалъ къ себѣ депутацію и началъ внушать ей строгое нравоученіе, и особенно припугнулъ епископа Коссаковскаго, котораго онъ считалъ большимъ плутомъ.

«Вы, вы въ особенности причина всѣхъ этихъ увертокъ, — говорилъ Сиверсъ епископу, — вы хвастали, что у васъ шесть-

десятъ голосовъ въ Литвѣ, а теперь дозволяете на сеймѣ проходить безъ оппозиціи конституціямъ, оскорбительнымъ для моего двора и для моей личности. Вы съ вашею партіею спокойно слушаете, что говорятъ фанатики! Я уже вамъ дѣлалъ внушенія, но вы не исправились. Слушайте же: если вы и вашъ братъ гетманъ сегодня не сдѣлаете такъ, какъ я требую, то знайте, что вы первые будете жертвами несчастія, которое постигнетъ отечество ваше. Сегодня же вечеромъ пошлю курьера съ приказаніемъ ввести войско на экзекуцію въ имѣнія краковскаго епископства. Знаете ли, что я могу у васъ также легко отнять все, что вамъ дано? Если у меня завтра не будетъ полномочія, и если вы не станете впередъ вести себя такъ, какъ я имѣю право ожидать отъ васъ, то вамъ будетъ худо».

16-го іюля, происходило засѣданіе, одно изъ важнѣйшихъ въ исторіи гродненскаго сейма. Маршалъ открылъ его рѣчью: «Вы знаете состояніе Европы и можете заключить, что для Польши не видится надежды на спасительное посредничество государствъ въ ея пользу; она предоставлена своей собственной судьбѣ; ей осталось облегченіе въ настоящемъ положеніи — предотвратить благоразумною рѣшимостью новыя бѣдствія, которыя ей угрожаютъ. Пусть наияснѣйшіе чины обратятъ надлежащее вниманіе на новую ноту, полученную нами отъ господина россійскаго посланника, указывающую на рѣшительно враждебныя отношенія, въ случаѣ, если депутаціи не будетъ выдано 17-го іюля безграничное полномочіе заключить трактатъ съ нимъ».

Противъ этого поднялись голоса патріотовъ. Рѣшительный тонъ послѣдней ноты Сиверса возбудилъ досаду и оскорбленіе даже и въ тѣхъ, которые должны были по обязанности держаться стороны уступокъ. На челѣ оппозиціи явился плоцкій посолъ Шидловскій.

«Поляки! — восклицалъ онъ: — народъ ли мы или нѣтъ? Пусть всѣ народы знаютъ, что поляки могутъ быть несчастными, но никогда не будутъ подлецами. Посмотрите, — у насъ хотятъ отбирать земли, а не говорятъ даже о религіи, о правахъ народа, о привилегіяхъ шляхты въ отбираемыхъ краяхъ. Въ XVIII столѣтіи человѣкъ уже не скотъ: великая государыня любитъ своихъ подданныхъ — зачѣмъ же считаетъ шляхту подлою? Въ случаѣ неподписанія трактатовъ намъ угрожаютъ неволею и Сибирью. Я все готовъ принять изъ любви къ отечеству, но хотя бы меня принуждали мученіями, я, даже изъ любви къ собратіямъ, не перестану носить имя поляка, вольнаго и честнаго гражданина. Я—потомокъ главныхъ защитниковъ свободы и вольностей. Иначе—я понесъ бы пятно безчестія и жизнь сдѣла-

лась бы для меня постоянною пыткою. Будемъ стоять твердо: ручаюсь, что мы побѣдимъ силу нашею твердостію. Екатерина будетъ насъ уважать. Убѣдившись въ нашемъ мужествѣ, она велитъ своему посланнику поступать съ нами какъ прилично съ народомъ, умѣющимъ понимать взаимныя пользы международныя. Не позволяю измѣнить полномочія».

— Мы безоружны,—говорилъ краковскій посолъ Бобровницкій — легко насъ устрашить, но мучить беззащитныхъ—это дѣло тигровъ, а не людей. Когда нѣтъ способовъ не допустить отнятія у насъ земель, будемъ молчать и сносить насиліе, но одобрять такой поступокъ—значитъ идти противъ собственнаго убѣжденія.

«Чего хотятъ отъ насъ дворы петербургскій и берлинскій— говорилъ ломжинскій посолъ Скаржинскій, — получить согласіе наше на раздѣленіе Польши, чтобы оправдать себя въ глазахъ остальной Европы? показать, какъ будто Польша сама уступила имъ добровольно свои области? Нашъ прямой интересъ—не поддаваться и не узаконять подобной уступки; иначе мы отнимемъ у самихъ себя надежду возвратить такія обширныя провинціи».

За нимъ говорилъ Блешинскій, Верещака (брестскій) и другіе.

«О, если бы въ эту минуту пришелъ сюда самъ россійскій посланникъ— воскликнулъ Стоинскій, люблинскій посолъ, весьма искусный въ риторикѣ. Какъ бы онъ удивился мужеству поляковъ! Пусть онъ не воображаетъ, что его ноты 15-го и 16-го іюля устрашили Избу нашу; пусть смѣло окружаетъ ее войсками своими: они найдутъ здѣсь мужей, готовыхъ скорѣе со славою умереть, чѣмъ согласиться на мельчайшее измѣненіе въ полномочіи для депутаціи; пусть потомство скажетъ: были поляки такіе, что губили свое отечество, но были и такіе, что спасали его, сколько могли, и за то остались разоренными и погибли, не одобряя раздѣла своего края.»

Предложеніе Шидловскаго встрѣтили одобреніями. Не говоря противъ него, маршалъ сейма, по своей обязанности въ подобномъ случаѣ, спрашивалъ: есть ли всеобщее согласіе на предложеніе Шидловскаго? Два раза онъ спрашивалъ. Два раза ему отвѣчали одобрительными криками; изъ купленныхъ Россіею одни, забывая взятые червонцы, переходятъ въ противный лагерь, другіе не смѣютъ разинуть рта въ минуту всеобщаго патріотическаго порыва. Оставалось маршалу сдѣлать въ третій разъ тотъ же вопросъ, и упорство противъ требованія русскаго посланника стало бы въ этотъ день закономъ не по большинству, а единогласно. Но епископъ Коссаковскій, помня вчерашнюю головомойку, полученную отъ Сиверса, рѣшается остановить увлеченіе. «Неизбѣжная необходимость —говоритъ онъ — обязываетъ

меня. Я прошу делиберацiи. По закону достаточно голоса одного члена, чтобы проектъ былъ отложенъ и пущенъ въ делиберацію.»

Это охладило горячность членовъ. Начали разсуждать спокойнѣе. Блешинскій, кричавшій за Шидловскаго, говорилъ: «Я предлагаю объявить всей Европѣ: такъ какъ въ трактатѣ, который намъ представляетъ посланникъ, есть пункты, которые превышаютъ власть самаго сейма, то мы рѣшились сообщить копіи съ этого трактата и ноты русскаго посланника иностраннымъ министрамъ; пусть всѣ державы знаютъ, чего требуютъ отъ государственныхъ чиновъ, пусть будетъ имъ извѣстно и какіе способы предпринимаются для того, чтобы насъ принудить».

Модзелевскій дѣлаетъ другое предложеніе. «Пусть—говоритъ онъ—нота, которую подастъ депутація посланнику, будетъ подписана всѣми членами сейма и отправлена нашему министру въ Петербургъ для представленія императрицѣ».

Оба предложенія слѣдовали къ делиберацiи. Но тогда поднялъ голосъ вѣрный Сиверсу Лобаржевскій. Онъ началъ съ того, что восхвалялъ всѣмъ блистаніемъ риторики геройство патріотовъ, стоявшихъ въ оппозиціи, а потомъ поворотилъ такъ: «все это безполезно. Система насилія, принятая надъ нами двумя дворами, все-таки достигнетъ своего. Два государства, отнимая у насъ провинціи въ глазахъ Европы, не думаютъ шутить. Чувствую, какъ унизительно склоняться и уступать области послѣ недавняго еще политическаго значенія. Но что же намъ дѣлать? Нашъ край безъ казны, безъ войска, безъ чужеземной помощи—можно ли подвергать собратій разграбленію, всякимъ несчастіямъ и можетъ быть скорой, затѣмъ потерѣ имени поляковъ.... Человѣколюбіе беретъ верхъ въ моемъ сердцѣ. Послѣ такихъ злоключеній, какія на насъ навлекли давнія наши ошибки, намъ, безсильнымъ, лучше склониться передъ насиліемъ, оставить Европѣ рѣшеніе дѣлъ нашихъ, а себѣ—спокойствіе и порядокъ, склоняя народъ къ той надеждѣ, которую онъ давно уже имѣетъ въ великой Екатеринѣ. Несчастный король! твоя корона, какъ выразился епископъ Коссаковскій, украшена терніемъ; всѣ эпохи твоего царствованія доказываютъ, что честолюбіе пановъ причиною гибели отечества. Жаль, что ты вѣрилъ прежде этимъ божкамъ! Насъ принуждаютъ въ двадцать четыре часа дать рѣшеніе. Я представляю проектъ; онъ внушенъ человѣколюбіемъ. Я прошу читать его».

И проектъ прочитали. Онъ гласилъ такъ:

«Члены настоящаго сейма, собранные съ намѣреніемъ при-

нять мѣры къ предотвращенію раздѣла Польши, сообщаютъ, по этому поводу, всей Европѣ голосъ угнетеннаго народа; нѣтъ ни одного согражданина, который не былъ бы убѣжденъ, что означенные члены сейма готовы принести себя самихъ въ жертву, если бы только они могли спасти этимъ свое отечество. Но получивъ ноты русскаго посланника, отъ 15-го и 16-го іюля, угрожающія всей странѣ всеобщимъ разореніемъ и истребленіемъ самаго имени польскаго, они были бы виновны передъ собственнымъ народомъ, если бы рѣшились объявить войну, которую невозможно вести. Государство безъ войска, безъ денегъ, ни откуда не имѣетъ надеждъ на помощь; поэтому, принимая цѣлый міръ во свидѣтельство несчастнаго положенія, въ какомъ находится Рѣчь-Посполитая, настоящій сеймъ не видитъ другого спасенія для Польши, какъ отдать свою судьбу въ руки великой государыни, которая, видя безпредѣльное довѣріе, оказываемое ей польскою націею, безъ сомнѣнія, не захочетъ ея конечной погибели. По этимъ соображеніямъ, чины государства, узнавъ, что россійскій посланникъ не дозволяетъ никакой перемѣны въ проектѣ трактата, поданномъ имъ же, соглашаются, чтобы депутація, назначенная для переговоровъ съ означеннымъ посланникомъ, подписала этотъ проектъ».

«Прежде, чѣмъ рѣшиться на это — сказалъ Суходольскій — не подождать ли отвѣта отъ дворовъ, у которыхъ мы просили ходатайства?». Говорившій это ораторъ не замѣчалъ крайняго легкомыслія своихъ рѣчей и несбыточности своего предложенія при той обстановкѣ, когда Сиверсъ требовалъ отвѣта черезъ ночь. Это ему замѣтилъ бельзскій посолъ Дронговскій, а пинскій посолъ Орда предлагалъ отправить посольство къ Екатеринѣ и пріостановить работы сейма до полученія отъ нея отвѣта. Это многимъ понравилось, и самому королю въ томъ числѣ; но никто не смѣлъ быть увѣреннымъ, чтобы упрямый Сиверсъ поддался на такую ловушку.

Засѣданіе не окончилось ничѣмъ рѣшительнымъ. Слѣдующій день, 17-го числа, былъ роковой день, назначенный русскимъ посломъ какъ послѣдній срокъ. Продажный маршалъ обратился, какъ всегда водилось, со вступительною рѣчью, восхвалялъ твердость, мужество, геройство поляковъ, доблесть, достойную древнихъ римлянъ, и спустившись съ высоты риторики на низменность дѣйствительности, совѣтовалъ изслѣдовать: не будетъ ли проектъ, поданный вчера Лобаржевскимъ, самымъ удобнѣйшимъ средствомъ спасти, по крайней мѣрѣ, остатокъ отечества?

Тутъ возвысилъ голосъ король: «Наше отечество на краю ги-

бели. Судьба Польши въ отчаянномъ положеніи. Если есть еще для нея какое-нибудь спасеніе, то развѣ въ великодушіи императрицы; къ ней единой слѣдуетъ прибѣгнуть, испытать послѣднія средства, если не отвратить навсегда, то, по крайней мѣрѣ, отсрочить ужасную минуту раздѣла нашего отечества. Пошлемъ къ русскому посланнику канцлеровъ просить его дать хотя короткій срокъ сейму, пока посланный нами курьеръ воротится отъ императрицы».

Согласились на это. Канцлеры отправились къ Сиверсу. Между тѣмъ патріоты опять начали показывать свое геройство.

«Спасти остатокъ отечества!—говорилъ Гославскій, повторяя послѣднія слова маршала — мы не спасемъ его. Послѣ перваго раздѣла, трактаты 1773 и 1775 г. гарантировали намъ цѣлость остатка отечества, а теперь мы видимъ, какъ можно надѣяться на трактаты. Нѣтъ, лучше погибнуть со славою, сохранивъ уваженіе къ себѣ всѣхъ народовъ, чѣмъ, покрывшись стыдомъ, съ обманчивой надеждой спасать остатокъ отечества. Наияснѣйшій король! Наступила великая минута; она рѣшитъ приговоръ, какой сдѣлаетъ объ васъ потомство. Если вы первый подпишите раздѣлъ, вы сдѣлаетесь виновникомъ стоновъ безчисленнаго множества вашихъ согражданъ, которые теперь васъ уважаютъ. Они будутъ гнушаться вашею памятью, за то, что въ ваше царствованіе свободные граждане подчинились тиранніи деспотовъ. Угрозы разорить столовыя королевскія имѣнія, которыми хочетъ устрашить васъ посланникъ, не извинятъ васъ въ глазахъ Европы; напротивъ, ваша слава будетъ блистательнѣе, когда вы пріобрѣтете ее потерею вашихъ доходовъ».

«Иду въ неволю — восклицалъ Микорскій (вышегродскій) — не жалѣйте обо мнѣ. Я добровольно буду терпѣть».

«Прежде эта святыня заплыветъ кровью, чѣмъ мы подпишемъ трактатъ, — говорилъ другъ тарговицкой конфедераціи и врагъ 3-го мая, Карскій,—пусть Европа смотритъ, что дѣлается съ вольнымъ народомъ. Невозможно, чтобы, видя такой примѣръ, Европа не приняла мѣръ для безопасности другихъ государствъ и насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не воздвигнула изъ упадка. Намъ посланникъ грозитъ непріятельскимъ обращеніемъ? Да лучше умереть, чѣмъ продать въ оковы своихъ братьевъ и сдѣлаться посмѣшищемъ другихъ народовъ».

Люблинскій посолъ Галензовскій говорилъ: «Объявимъ Сиверсу, что народъ польскій хладнокровно ожидаетъ слѣдствій страшныхъ его замысловъ, подобно тому, какъ нѣкогда римляне въ сенатѣ ожидали галловъ, и враги сочли ихъ статуями, а не людьми».

Но вотъ возвратились канцлеры. Сиверсъ объявилъ имъ такъ: «Я получилъ недавно еще приказаніе ея императорскаго величества не измѣнять ни одного слова въ проектѣ. Поэтому, господа, толки ни къ чему не поведутъ. Если сегодня же не будетъ дано депутаціи полномочія подписать трактатъ, я буду поступать съ Польшею какъ съ непріятельскою землею».

Услышавши о безуспѣшности посольства канцлеровъ, патріоты разразились взрывомъ негодованія. Карскій выразился тогда: «Если въ этой Избѣ есть кто-нибудь, кто подпишетъ этотъ трактатъ, я первый подамъ примѣръ, какъ поступать съ измѣнниками». Но умѣренные мало-по-малу одинъ за другимъ подавали свои голоса. Лидскій посолъ Нарбутъ говорилъ: «Мы были бы измѣнники, если бы поступали добровольно. Но развѣ мы свободны? Развѣ мы не невольники? Вотъ уже пять недѣль сеймъ въ неволѣ; однихъ пословъ арестуютъ, у другихъ имѣнія секвеструютъ; безъ билетовъ нельзя выѣзжать изъ города; кругомъ Гродно чужеземное войско; всего этого мало — грозятъ лишить бѣдныхъ поселянъ куска хлѣба, разорить край—за что бѣдные жители будутъ страдать за насъ? Мы завоеваны. Я плѣнникъ. А плѣнникъ развѣ можетъ распоряжаться своимъ достояніемъ? Развѣ, будучи въ неволѣ, не согласится дѣлать все, что прикажутъ?» — «Дѣло нашего сейма — говорилъ епископъ Коссаковскій — беззаконно; но вѣдь мы уступаемъ насилію, и притомъ послѣ опыта борьбы. Развѣ можетъ кто-нибудь намъ это поставить въ укоръ и сказать, что трактатъ подписывается по добровольному согласію; подписанный же поневолѣ, онъ не имѣетъ и силы до окончательной ратификаціи. Я совѣтую лучше не противиться посланнику; это единственное средство спасти остатокъ отечества; быть можетъ наши просьбы у императрицы въ промежутокъ времени до утвержденія трактата могутъ еще смягчить ее!» Тогда взоры многихъ обратились на короля; его просили заявить свое окончательное мнѣніе.

«Не думайте, — сказалъ король — чтобы я мало цѣнилъ героическое мужество гражданъ, пренебрегающихъ опасностію, неподатливыхъ никакому устрашенію. Но что похвально въ нихъ, то принимаетъ совсѣмъ иное значеніе въ томъ санѣ, какой я ношу. Ихъ похвальная твердость сдѣлаетъ имя ихъ знаменитымъ, но можетъ также и способствовать исключенію нашей Польши изъ ряда государствъ. Я же не только какъ король, но и какъ отецъ, долженъ не гоняться за минутными рукоплесканіями, а говорить языкомъ истины. При открытіи сейма, я сказалъ, что не отступлю никогда отъ большинства, выражающаго

волю Избы; я сказалъ также, что не подпишу первый трактата о раздѣлѣ. Я полагалъ, что съ нами будутъ обращаться какъ съ народомъ свободнымъ и предоставятъ дѣлать то, чего требуетъ долгъ; отъ того я такъ и сказалъ; я не предвидѣлъ, чтобы дошло до такихъ крайностей, какими угрожаетъ намъ нота, полученная вчера. Я обманулся, господа, также, какъ обманулся, приступивъ къ тарговицкой конфедераціи. Тогда я думалъ этимъ поступкомъ предотвратить раздѣлъ Польши: мнѣ говорили, что онъ непремѣнно послѣдуетъ, если я не приступлю къ конфедераціи. Теперь же у насъ нѣтъ ни войска, ни денегъ, ни союзниковъ; сто тысячъ иностраннаго войска готовится внести въ нашу страну ужасы разоренія, угрожая каждому семейству.... Есть ли для насъ какая-нибудь свобода избирать то, что̀ намъ кажется лучшимъ? Если вы станете упорствовать, то будете отвѣчать предъ вашими довѣрителями; они послали васъ спасать согражданъ отъ иностраннаго владычества. Вы же не только не успѣете сдѣлать того, что вамъ поручено, но еще и на тѣхъ, которые васъ послали, навлечете разрушительную войну и подвергнете ихъ въ конецъ тому же игу, отъ котораго хотѣли избавить другихъ согражданъ; напротивъ, уступая силѣ, мы, по крайней мѣрѣ, спасемъ остатокъ отечества отъ бо́льшихъ еще несчастій; и, кто знаетъ, быть можетъ великая государыня проникнется нашимъ смиреніемъ до того, что окажетъ великодушіе къ несчастной націи!»

Тонъ короля утишилъ многихъ. Но Шидловскій выступилъ опять съ своимъ проектомъ; его поддерживала небольшая уже кучка патріотовъ. Маршалъ сталъ читать проектъ Лобаржевскаго. Патріоты шумѣли при каждомъ словѣ, хотѣли, чтобъ никто не слыхалъ читаемаго. Проектъ, однако, былъ прочитанъ до конца и пущенъ на голоса. Оказалось 64 голоса за него, а противныхъ было только двадцать. Чтеніе другихъ проектовъ объ этомъ предметѣ оказалось само собою неумѣстнымъ.

Депутація получила полномочіе. Послѣ похвалъ мужеству и безстрашію сеймовыхъ пословъ и горькихъ жалобъ на насиліе, оно кончалось такъ:

«Дошедши до крайнихъ предѣловъ бѣдствій, намъ ничего не остается, какъ призвавши во свидѣтельство Бога, судію сердецъ человѣческихъ и цѣлый свѣтъ, взирающій на насъ, отдать судьбу нашего отечества волѣ той великой государыни, которая, вѣроятно, будетъ побѣждена довѣріемъ къ себѣ польскаго народа, подастъ ему благодѣтельную руку и не пожелаетъ его погибели. А потому мы, король, съ согласія чиновъ сейма, поручаемъ депу-

таціи, назначенной для переговоровъ съ г. россійскимъ посломъ, заявивъ о силѣ довѣрія нашего къ справедливости и великодушію ея императорскаго величества, подписать, не допуская никакой отмѣны, трактатъ съ Россіею въ тѣхъ статьяхъ, какія даны г. посланникомъ въ его нотѣ, и какія признаны умѣстными тою государынею, которая такъ часто держала въ рукахъ своихъ судьбу народовъ, и которую несчастный народъ избираетъ судьею своей участи, не противопоставляя ея волѣ ничего, кромѣ избытка собственнаго несчастія и величія ея чувствованій».

Такъ окончилъ гродненскій сеймъ половину своей работы. Страннымъ быть можетъ покажется, какъ это, послѣ столькихъ заявленій горячаго патріотизма, все ограничилось одними фразами; но надобно принять во вниманіе, что многіе изъ пословъ, получивъ отъ Сиверса, что слѣдуетъ въ мѣсяцъ, разыгрывали комедію своими рѣчами въ духѣ Тита Ливія. Они считали умѣстнымъ и приличнымъ, не устоявъ противъ искусительнаго блеска червонцевъ, въ то же время покрасоваться и благородствомъ, мужествомъ и твердостью, чтобы показать себя чистыми въ глазахъ Европы и скрыть свои грѣхи. Нельзя сказать, чтобы здѣсь не пробуждалось и дѣйствительное чувство и сожалѣніе потерять столько областей и унизить свое отечество; оно боролось съ любовью къ выгодамъ и еще болѣе со страхомъ и съ размышленіемъ о безплодности оппозиціи. Крутыя мѣры, какими угрожалъ Сиверсъ, были болѣе плодомъ его соображеній, чѣмъ прямыхъ предписаній Екатерины. Въ своемъ рескриптѣ отъ 13-го іюля, государыня изъявляла такого рода взглядъ на удобнѣйшее веденіе дѣла: «лучше по назначеніи делегаціи тотчасъ лимитовать сеймъ. Я ненавижу принудительныя средства и я не вижу даже, послѣ вашего отвѣта, чтобы строгія мѣры, предварительно вами предпринятыя, были полезны. Если же они неизбѣжны, лучше употреблять ихъ надъ всею націею вообще и надъ королемъ. Тутъ они по крайней мѣрѣ полезны, а въ другихъ случаяхъ они только раздражаютъ умы и бросаютъ тѣнь на самые поступки. Прежде, чѣмъ прибѣгать къ фактическимъ мѣрамъ и насилію, сдѣлайте опытъ кроткихъ мѣръ съ начальниками оппозиціи: обѣщайте имъ награды, мѣста, повышенія, староства. Этимъ лучше всего теперь утишить волненіе умовъ. Повѣрьте: изъ тѣхъ, кто рѣшился явиться въ качествѣ пословъ на сеймъ, нѣтъ ни одного, кто бы не пришелъ съ цѣлью устроить свою приватную пользу. Поэтому и слѣдуетъ взять ихъ на эту удочку, какъ обстоятельства покажутъ.

Большая часть ихъ думаетъ о староствахъ. Объявить имъ напередъ, что не допустится раздача земель, значитъ отнять у нихъ надежды, какія могутъ сдѣлать ихъ покорными. Продажу чиновъ тоже слѣдуетъ допустить. Это велось издавна въ Польшѣ. Прусскія войска вошли въ краковское и сендомирское воеводства. Вы всегда можете пригрозить ими непокорному сейму, когда онъ заупрямится, но только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Вы можете устрашить лицемѣрную совѣсть короля и другихъ, напомнивъ имъ, какъ сами они принуждали насильно къ принятію конституціи 3-го мая нехотѣвшихъ раздѣлять ихъ мнѣнія. Да, примѣровъ насильства довольно въ царствованіе этого короля».

Депутація подписала трактатъ 22-го іюля, въ день рожденія великой княжны Ольги Павловны. Этотъ день выбралъ Сиверсъ, чтобы соединить торжество національное русское съ семейнымъ торжествомъ царствующаго дома. Въ этотъ день Сиверсъ устроилъ великолѣпный обѣдъ, пригласилъ къ нему иностранныхъ министровъ, иныхъ знатныхъ особъ и депутацію, покончившую съ нимъ дѣло. Пушечные выстрѣлы при заздравныхъ тостахъ возвѣстили радость Россіи о присоединеніи своего древняго достоянія и позоръ Рѣчи-Посполитой, такъ постыдно уступившей его послѣ долгаго владѣнія. Приглашенные къ столу поляки должны были раздѣлять это печальное для нихъ торжество.

Одинъ изъ ярыхъ патріотовъ, Краснодембскій, послѣ подписанія полномочія, говорилъ такъ: «можно уважать и тѣхъ, которые намъ не милы. Таковъ россійскій посланникъ. Я вижу въ немъ великую доблесть; тяжело намъ его могущество, но добродѣтель его и твердость достойны подражанія. Онъ сдѣлалъ все, что былъ обязанъ сдѣлать по долгу къ своему отечеству и къ своей монархинѣ. Онъ насъ и ласкалъ, и угрожалъ намъ, и поставилъ на своемъ. Вотъ если бы мы имѣли такое мужество, такую твердость въ предпріятіяхъ и ревность по отношенію своихъ обязанностей, и были также вѣрны своей отчизнѣ. Поблагодаримъ его за обѣщанное покровительство и помощь; но я бы ни за что не хотѣлъ пользоваться щедротами Россіи. Пусть бы она жаловала насъ изъ своего, а то вѣдь она готова намъ благодѣтельствовать изъ ограбленнаго у насъ же. Принимать у нея что-либо, значитъ сознать, что русскія притязанія правильны, значитъ признавать легальность отнятія у насъ края. Я всегда былъ и теперь остаюсь противъ этого; и не хочу, чтобы мы обязывались какою-нибудь благо-

дарностію къ Россіи; пусть она или возвратитъ намъ все отнятое, или возьметъ все, а назначенныя намъ границы носятъ видимое пятно насилія.»

Содержаніе трактата заключалось въ десяти статьяхъ. Первая установляла вѣчный миръ между русскою императрицею, ея потомками и наслѣдниками и всѣмъ государствомъ съ одной стороны, и между польскимъ королемъ и его преемниками на престолѣ королевства польскаго и великаго княжества литовскаго, съ другой. Было сказано: «Для прочнѣйшаго утвержденія взаимной дружбы, высоко-договаривающіяся стороны обязываются и обѣщаютъ не только предать прошедшее совершенному забвенію, но и прилагать крайнее тщаніе о прекращеніи въ самомъ началѣ всякаго повода къ разрыву, могущаго вновь поколебать искреннюю между ними дружбу и взаимныя сношенія между народами.» Во второй означались отобранныя земли, въ порядкѣ, означенномъ въ деклараціи Кречетникова. Земли эти отбирались отъ Польши для того, «чтобъ установить сію счастливую систему мира на прочнѣйшемъ основаніи.» Было сказано: «Его величество король и чины королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго самымъ формальнымъ, торжественнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ уступаютъ ея величеству императрицѣ всероссійской, наслѣдникамъ и преемникамъ ея все, что, вслѣдствіе того къ имперіи россійской принадлежать долженствуетъ, а именно всѣ земли и уѣзды, отдѣленные вышереченною чертою отъ настоящихъ польскихъ владѣній, со всею собственностію, самодержавіемъ и независимостію, со всѣми городами, крѣпостями, мѣстечками, селами, деревнями, рѣками и водами, со всѣми подданными и жителями, освобождая сихъ послѣднихъ отъ подданства и присяги въ вѣрности, учиненной ими его величеству и коронѣ польской, со всѣми правами какъ по политической и гражданской, такъ и по духовной части, и вообще со всѣмъ принадлежащимъ къ самодержавію сихъ земель, и реченныя его величество король и Рѣчь-Посполитая, польскіе, обѣщаютъ точнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ не дѣлать никогда ни явно, ни скрытно и ни подъ какими предлогами никакого притязанія на сіи земли и области, настоящимъ трактатомъ уступленныя.» Въ третьей — король за себя и за своихъ преемниковъ и генеральные чины отказались на вѣчныя времена отъ всякихъ притязаній на эти уступленныя земли. Въ четвертой было сказано, что императрица «отрицается на вѣчныя времена, какъ за себя такъ и за наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ, отъ всякаго права и притязанія, какія бы она нынѣ или впредь учинить могла посредственно

или непосредственно, и подъ какими бы видами, наименованіемъ, предлогомъ или условіемъ и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ или происшествіяхъ, на какую-либо область или малѣйшую часть владѣнія, заключающагося теперь въ Польшѣ.» Въ пятой, императрица обязывалась, «не сопротивляться никакой перемѣнѣ въ образѣ правленія, какую въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ польскихъ его величество король и Рѣчь-Посполитая признаютъ за лучшее учинить въ древней конституціи согласно съ желаніемъ народа, которое добровольно изъявлено будетъ его уполномоченными, законнымъ образомъ на настоящемъ сеймѣ созванными.» Въ шестой предполагалось установить правила относительно взаимной торговли народовъ польскаго и русскаго, а въ седьмой назначить коммисаровъ для опредѣленія границъ между государствами. Въ восьмой, россійская императрица обѣщала свободное отправленіе богослуженія и церковнаго порядка римско-католической религіи, объявляя за себя и преемниковъ своихъ, что «никогда не соизволитъ употреблять права самодержавія въ предосужденіе римско-католическому обоихъ обрядовъ закону въ земляхъ, по силѣ сего договора въ ея подданство поступившихъ.» Въ девятой сказано, что послѣ этого трактата будутъ составлены другія обоюдныя постановленія, а десятая обязывала обѣ стороны ратификовать трактатъ въ теченіи шести недѣль.

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ

въ

ПАРИЖѢ.

H. Heine's Leben und Werke, von *Ad. Strodtmann.* Band II. Berlin. 1869.

Переживаемую нами эпоху нельзя отнести къ числу тѣхъ историческихъ моментовъ, когда пульсаціи великихъ политическихъ и общественныхъ движеній бываютъ наиболѣе ощутительны. Мы наслаждаемся миромъ, увеличивая вооруженія; мы почитаемъ искусства, не будучи однако увлекаемы однимъ изъ тѣхъ поворотовъ въ эстетическомъ мірѣ, которые знаменовали сближеніе его съ какими-либо общественными задачами. Однимъ словомъ, настоящая минута одна изъ минутъ гладкаго, внѣшняго благополучія въ исторіи. И, однакожъ, нельзя сказать, что благополучіе это порождено искуснымъ разрѣшеніемъ съ нашей стороны всѣхъ тревожныхъ вопросовъ. Совсѣмъ напротивъ, мы имѣемъ достаточное основаніе тревожиться тѣмъ, что слишкомъ много вопросовъ не разрѣшено. Что̀ будетъ во Франціи послѣ того, какъ со сцены сойдетъ не болѣе, какъ одинъ человѣкъ? Что̀ будетъ въ Англіи послѣ того «скачка̀ въ темноту», какимъ представляется перенесеніе на одну ступень ниже политической силы въ странѣ? Что̀ будетъ въ Германіи, этой многосторонней, многопродумавшей, всеобъемлющей странѣ, и неужели ее, послѣ всего ея великаго прошлаго, удовлетворитъ однообразіе мундировъ, вмѣстѣ съ ихъ многочисленностью?

Накопецъ, не только политическіе, но и нравственные, религіозные вопросы продолжаютъ агитироваться подъ тою корою равнодушнаго индустріализма, которою, не безъ нѣкоторой афектаціи, одѣлся цѣлый періодъ безпокойнаго, пытливаго, горячаго, благороднаго девятнадцатаго вѣка. Послѣ трехсотлѣтняго папскаго интерима, въ Римѣ собирается верховный соборъ католичества, и событіе это волнуетъ даже протестантскій міръ. Не рѣшено еще ничто, не сдѣлано никакого существеннаго шага къ измѣненію, улучшенію повседневныхъ, общественныхъ отношеній, однимъ словомъ, всѣ главнѣйшіе вопросы, тѣ вопросы, которые волновали насъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и которые мы было отложили въ сторону для того, чтобы безпрепятственно позаняться «пріобрѣтеніемъ» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова—продолжаютъ угрожать нашему спокойствію и напоминать, что эпохи индифферентизма не могутъ быть продолжительны.

Исторія прежнихъ дѣятелей, до насъ думавшихъ и страдавшихъ надъ веденіемъ борьбы, продолжаетъ имѣть интересъ не только въ смыслѣ любопытныхъ воспоминаній о прошлыхъ, пережитыхъ обществомъ годахъ, но и въ смыслѣ поученія практическаго, представляющаго примѣры тѣхъ усилій, на которыя обречены лучшіе люди общества для проложенія ему путей. Одинъ изъ такихъ дѣятелей близкаго прошедшаго, завѣщавшаго намъ задачи еще далеко неоконченныя, былъ Гейне, поэтъ, принимавшій самое дѣятельное участіе въ ходѣ общественнаго развитія.

Біографъ Гейне, Штродтманъ, окончилъ теперь свой трудъ, съ началомъ котораго мы уже въ прошломъ году познакомили нашихъ читателей. Первый томъ книги Штродтмана появился въ 1868 году. Второй томъ былъ раздѣленъ на два выпуска, изъ которыхъ послѣдній вышелъ лѣтомъ нынѣшняго года. Въ статьѣ «Генрихъ Гейне и его жизнь» [1]) мы могли воспользоваться трудомъ Штродтмана только относительно тѣхъ фактовъ въ жизни поэта, которые предшествовали 1825 году. Но такъ какъ мы высказывали мнѣніе объ общемъ смыслѣ дѣятельности Гейне, то не могли остановиться на этомъ годѣ, и дополнили разсказъ Штродтмана на основаніи другихъ источниковъ и самыхъ произведеній поэта.

Цѣль наша была познакомить читателя съ книгой Штродтмана, сдѣлать по ней нѣсколько подробный очеркъ жизни поэта, но въ тоже время представить опытъ характеристики Гейне, какъ общественнаго дѣятеля. Статья наша была составлена «по новымъ свѣдѣніямъ», но новыя свѣдѣнія относились только ко вре-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», сентябрь 1868.

мени до 1825 года, такъ что о жизни Гейне въ Парижѣ новыхъ свѣдѣній въ ней быть не могло. Этихъ строкъ достаточно, чтобы объяснить цѣль настоящей статьи, въ которой мы преимущественно упоминаемъ именно о дѣятельности Гейне во время пребыванія во Франціи, дополняя и нашу характеристику его, какъ общественнаго дѣятеля.

Такъ какъ въ прежней статьѣ мы зашли впередъ разсказа Штродтмана и упомянули о всѣхъ главныхъ произведеніяхъ Гейне, то теперь мы не будемъ къ нимъ возвращаться, а только свяжемъ 1825 годъ съ 1830 годомъ въ его жизни, бѣглымъ перечисленіемъ промежуточныхъ фактовъ.

Кончивъ юридическій курсъ, Гейне явился въ Гамбургъ, чтобы сдѣлаться адвокатомъ, но адвокатомъ онъ не сдѣлался просто потому, что мысли его были слишкомъ сильно направлены въ иную сторону. Въ 1826 году, уже явились въ печати пѣсни его «Heimkehr» и «Путешествіе на Гарцъ», въ журналахъ, а вскорѣ и отдѣльно первый томъ «Reisebilder», съ первою частью «Nordsee». Въ 1827 году, вышелъ второй томъ «Reisebilder», а самъ авторъ совершилъ поѣздку въ Лондонъ. Въ томъ же году, лирическія стихотворенія его были напечатаны отдѣльною книгою — «Buch der Lieder», которая, хотя не заключала въ себѣ ничего новаго, дала ему безспорное положеніе въ ряду значительнѣйшихъ поэтовъ. Заманчивыя предложенія отъ мюнхенскаго издателя, барона Котта, привлекли его въ томъ же году въ Мюнхенъ, гдѣ онъ дѣйствительно принялъ участіе въ періодическихъ изданіяхъ Котта и одно время старался о полученіи профессуры, но безуспѣшно. Въ слѣдующемъ году онъ удовлетворилъ давнишнему желанію, посѣтивъ Тироль и Италію, путешествіе, доставившее матеріалы для «Флорентинскихъ ночей» и «Bäder von Lucca». Изъ Италіи онъ вдругъ возвратился въ томъ же году въ Гамбургъ, подъ вліяніемъ внезапнаго неудержимаго желанія повидаться съ отцомъ, котораго, однако, не засталъ въ живыхъ. Затѣмъ, въ 1829 году, онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ возобновилъ старыя свои знакомства въ Фарнгагенскомъ кружкѣ. Затѣмъ, поѣздка на Гельголандъ, изданіе третьяго тома «Reisebilder» (съ книгою о Платенѣ, въ которомъ онъ думалъ казнить клерикаловъ, но зашелъ слишкомъ далеко, подъ вліяніемъ личной непріязни) — вотъ главные факты въ жизни поэта за 1829 годъ. Въ 1830 году, онъ видѣлъ въ Гамбургѣ Паганини, типъ котораго включилъ въ «Флорентинскія ночи». Въ іюлѣ 1830 г. онъ былъ опять на островѣ Гельголандѣ, когда въ Парижѣ произошла революція. Революція неудержимо подѣйствовала на Гейне и рѣшила его судьбу. Пѣсни «Neuer Frühling» были какъ бы

прощаніемъ его съ поэзіею любви. Отъ хлѣбной карьеры онъ долженъ былъ отказаться, не имѣя ни охоты настойчиво добиваться ея, ни удачи въ первыхъ попыткахъ. Какъ поэту, и поэту, котораго неудержимо привлекали общественные вопросы, въ Германіи ему предстояли только цензорскій карандашъ и вѣроятность личныхъ преслѣдованій; во Францію его манило страстное, неудержимое желаніе «вздохнуть свѣжимъ воздухомъ» и «принять послѣднее посвященіе въ жрецы новой религіи», — какъ онъ писалъ Фарнгагену.—3-го мая 1831 года, Гейне былъ въ Парижѣ.

I.

«Священные іюльскіе дни! вы будете вѣчнымъ свидѣтельствомъ о естественномъ благородствѣ людей, которое ничѣмъ не можетъ быть уничтожено навсегда. Кто прожилъ васъ, тотъ уже не станетъ плакать надъ могилами стараго, а будетъ радоваться, вѣруя въ воскрешеніе народовъ. Священные іюльскіе дни! Какъ чудно сіяло солнце и какъ великъ былъ народъ Парижа! Небесные боги, смотрѣвшіе на великую борьбу, привѣтствовали ее кликами удивленія и охотно поднялись бы со своихъ золотыхъ престоловъ и сошли бы на землю, чтобы сдѣлаться гражданами города Парижа!».... Вотъ какъ восторженно привѣтствовалъ Гейне Парижъ. Революція привлекла его во Францію, и въ Парижѣ онъ привѣтствовалъ прежде всего сцену того событія, на которое возлагалось столько надеждъ.

Парижъ не могъ не понравиться Гейне. Здѣсь онъ нашелъ всемірную сцену, какой не было ни въ одной изъ нѣмецкихъ столицъ, какой онъ не могъ найти въ чуждой ему, по аристократическому духу, столицѣ Англіи. Въ Парижѣ онъ не только нашелъ свободу въ политической жизни и равенство, перешедшее въ нравы, но еще не находилъ многихъ изъ тѣхъ условій германской жизни, которыя ему всегда были тягостны, отчасти по его политическимъ убѣжденіямъ, отчасти по его происхожденію, отчасти, наконецъ, по личнымъ его наклонностямъ и вкусамъ. Крѣпость Шпандау, которую не мѣшало имѣть въ виду при веденіи политической аргументаціи, была оставлена далеко за Рейномъ; никто въ Парижѣ не думалъ возражать ему словомъ «жидъ» на всякое сужденіе, уклонявшееся отъ государственнаго или ультранаціональнаго катихизиса; наконецъ, самые литературные нравы и обычаи общества во Франціи были мягче, чѣмъ въ тогдашней Германіи, и болѣе изящны.

Страстный демократъ, Гейне однако не видѣлъ сущности демократіи въ грубой фамильярности и небрежной или эксцентричной одеждѣ. Онъ терпѣть не могъ ни буршескаго шика, ни филистерскаго хамства. «О сладостное ананасное благоуханіе вѣжливости, какъ благодѣтельно оживляешь ты мою наболѣвшую душу, которая наглоталась въ Германіи столько табачнаго дыма, запаха кислой капусты и грубости. Россиніевскими мелодіями прозвучали въ моемъ ухѣ вѣжливыя, извинительныя рѣчи едва-едва толкнувшаго меня на улицѣ француза. Я почти испугался такой элегантности манеръ, я, привыкшій къ германскимъ толчкамъ въ ребра, безъ извиненій; въ первую недѣлю самъ нарочно старался, чтобъ меня толкали, единственно, чтобы попривыкнуть къ музыкѣ этихъ извинительныхъ рѣчей.»

Прежде, чѣмъ изучать сцену, гдѣ разыгрывала свои роли іюльская монархія, сен-симонизмъ и борьба романтиковъ съ классиками, Гейне хотѣлъ познакомиться съ повседневною жизнью Парижа, съ обычаями французовъ, и сталъ съ утра до вечера ходить по улицамъ, театрамъ, музеямъ, и т. д. Былъ въ люксембургскомъ отелѣ, гдѣ засѣдала палата пэровъ — «музей мумій отступничества, сохраняемыхъ вмѣстѣ съ набальзамированными ложными присягами, которыя онѣ приносили поочередно всѣмъ династіямъ французскихъ фараоновъ»; былъ въ Morgue; видѣлъ и самаго знаменитаго изъ живыхъ людей — «Lafayette aux cheveux blancs (по выраженію пѣсни), видѣлъ и волосы Лафайета, но отдѣльно, въ медальонѣ одной дамы, а самого Лафайета видѣлъ въ парикѣ».

Усердное изученіе парижской жизни не обошлось для Гейне и безъ ряда легкихъ связей съ женщинами, о которыхъ онъ не умолчалъ и въ сочиненіяхъ, что̀ было прямо на̀-руку его доброжелателямъ въ Германіи — оффиціальнымъ представителямъ и защитникамъ всякой морали, начиная отъ цензурности мыслей, до добродѣтельнаго прикрыванія человѣческихъ слабостей въ частной жизни.

Гейне, въ первый годъ своего пребыванія въ Парижѣ, былъ счастливъ, насколько веселье есть счастье. Въ одномъ письмѣ въ Германію, писанномъ въ это время, онъ говоритъ: «Если васъ будутъ спрашивать, каково мнѣ здѣсь живется, то отвѣчайте — какъ рыбѣ въ водѣ, или, лучше, скажите моимъ землякамъ, что когда въ морѣ одна рыба, встрѣчаясь съ другою, спрашиваетъ, какъ она себя чувствуетъ, то она отвѣчаетъ — чувствую себя какъ Гейне въ Парижѣ».

Первая работа Гейне въ Парижѣ была—описаніе выставки картинъ 1831 года; онъ началъ эту работу скоро по пріѣздѣ.

Выставка эта была замѣчательная, достаточно сказать, что на ней были въ первый разъ выставлены картины: Ари Шеффера—«Фаустъ и Маргарита», «Леонора», портреты Таллейрана, Генриха IV и Людовика-Филиппа; Гораса Верне—«Камилль Демуленъ и арестованіе принца Конде», «Лонгвилль и Конти»; Делакруà—«Герои іюльскихъ баррикадъ»; Поля Делароша—«Смерть Ришлье», «Умирающій Маззарини», «Убіеніе сыновей Эдуарда IV», и «Кромвель у гроба Карла I»; картины Декампа, Лессора, Робера и т. д.

Добросовѣстное и живое описаніе Гейне, по свидѣтельству Штродтмана, не осталось безъ вліянія и въ спеціально-художественномъ отношеніи, впервые обративъ серьёзное вниманіе нѣмцовъ на успѣхъ новѣйшей французской живописи. Вмѣстѣ съ тѣмъ богатство и знаменательность сюжетовъ этихъ картинъ дали Гейне поводъ, какъ поэту-публицисту, высказать увлекательно сѣтованіе и призывы политическаго свойства. Артистическія, поэтическія наслажденія въ Парижѣ были не то что въ Германіи: они не поглощали всей умственной дѣятельности даже артиста и поэта. «Хотя въ Парижѣ, говоритъ онъ, искусство процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, но постоянному наслажденію имъ мѣшаетъ суровый голосъ жизни; сладчайшіе звуки Пасты и Малибранъ здѣсь прерываются криками ожесточенной бѣдности и сердце, только что опьянѣвшее отъ великолѣпія роберовскаго колорита, въ моментъ отрезвляется видомъ публичной нищеты».

Нельзя не признать переѣздъ Гейне въ кипѣвшую политическою жизнью Францію счастьемъ для его генія. Кто знаетъ, если бы этотъ человѣкъ самъ не зачахъ на родинѣ среди гоненій, одинъ среди чуждыхъ кружковъ, не заглохъ ли бы его геній въ сферѣ отвлеченнаго искусства, куда ему рано или поздно поневолѣ пришлось бы заключиться. Этотъ послѣдній результатъ былъ почти неизбѣженъ, и издатель его, гамбургскій Кампе, даже при отъѣздѣ поэта во Францію, умолялъ его совершенно замкнуться въ искусство, забывъ о политикѣ. Уѣзжая, Гейне сказалъ: «послѣ когда-нибудь, только не теперь». Если бы онъ остался въ Германіи это «послѣ» наступило бы; быть можетъ, очень скоро; во Франціи оно не наступило никогда.

Для служенія своимъ политическимъ цѣлямъ онъ нашелъ другого издателя—барона Котта, издателя аугсбургской «Allgemeine Zeitung». «Allgemeine Zeitung», въ которой Гейне помѣщалъ свои письма изъ Парижа, конечно не могла быть органомъ сочувственнымъ ему по направленію; она издавалась подъ вліяніемъ вѣнскаго кабинета. Но для народнаго оратора нужна была прежде всего высокая трибуна, съ которой его голосъ былъ бы

слышанъ далеко, и потому Гейне подчинился не только неприятному сосѣдству съ оффиціозными статьями, но и мучительной операціи двойной цензуры; цензуры редакціонной, во-первыхъ, цензуры оффиціальной, во-вторыхъ. Вотъ какъ самъ онъ объясняетъ участіе свое въ такомъ органѣ, какъ аугсбургская газета: «Политическій писатель долженъ, ради того дѣла, которое защищаетъ, рѣшаться на горькія пожертвованія силѣ внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ разныхъ углахъ страны немало неизвѣстныхъ листковъ, въ которыхъ намъ предстояла бы возможность изливать все наше сердце, со всѣми потоками гнѣва, которымъ оно горитъ; — но у этихъ листковъ малочисленная и маловліятельная публика, такъ что писать въ нихъ было бы почти все-равно, что витійствовать передъ обычными посѣтителями въ пивной лавкѣ или кофейнѣ. Мы станемъ ближе къ цѣли, когда умѣримъ нашъ жаръ, и трезвыми словами, пожалуй даже подъ маскою, станемъ высказываться въ газетѣ всемірной, дѣйствующей на сотни тысячъ читателей, въ разныхъ странахъ. Здѣсь, даже въ несчастномъ искаженномъ своемъ видѣ, слово все-таки можетъ дѣйствовать благотворно; тончайшій намекъ становится иногда плодотворнымъ сѣменемъ въ почвѣ, которая намъ самимъ невѣдома. Если бы мною не руководила эта именно мысль, то ужъ навѣрное не сталъ бы я налагать на себя пытку—писать для «Аугсбургской газеты».

Пытка состояла не только въ хирургическихъ операціяхъ двойной цензуры: цензуры редакціонной и цензуры оффиціальной, но и въ томъ такъ сказать физіологическомъ насиліи, которому подвергаетъ себя самъ писатель, когда онъ на свое призваніе смотритъ честно, а между тѣмъ сила такъ-называемыхъ «независящихъ обстоятельствъ» положительно противъ него. Мы сейчасъ увидимъ, что эти обстоятельства были положительно противъ самаго участія Гейне въ Аугсбургской газетѣ вообще; каждая мысль, которую ему случалось высказать тамъ, въ какой бы то ни было умѣренной и даже замаскированной формѣ — представляла завоеваніе его, вопреки обстоятельствамъ. Завоеванія эти были важны; свѣтлое слово правды, высказанное въ то время, когда общество блуждаетъ въ потемкахъ, а еще болѣе въ такое время, когда оно стремится за факеломъ, который несутъ фальшивые либералы, фальшивые народолюбцы, возбуждающіе національныя страсти для того, чтобы отуманить народный умъ и отвлечь его отъ сознанія естественно-законныхъ потребностей, какъ то было тогда въ Германіи, можетъ имѣть и, въ данномъ случаѣ, дѣйствительно имѣло очень большое значеніе: письма Гейне въ Аугсбургской газетѣ производили сильное впечатлѣніе въ Гер-

маніи. Но все это не уменьшаетъ болѣзненности насилія надъ собственнымъ умомъ, надъ лучшими своими мыслями, для того, чтобы получить возможность привесть ихъ въ гласность хотя бы въ неполномъ видѣ. Насиліе это тѣмъ болѣзненнѣе, что оно несомнѣнно безнравственно, такъ какъ въ немъ есть и согласіе на самоискаженіе, на уступку силѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе обмануть эту силу. Надо, дѣйствительно, имѣть полную увѣренность, что отъ такого самоприниженія можетъ быть польза, чтобы подвергать себя ему.

Такая увѣренность была у Гейне, и онъ рѣшился идти хотя бы окольными путями къ исполненію своего призванія. «Если намъ удастся, говоритъ онъ, выяснить массѣ настоящее, какъ оно дѣйствительно есть, то народы не позволятъ болѣе наемникамъ аристократіи напускать себя другъ на друга съ ненавистью и съ войною, а заключатъ великій союзъ между собою, священный союзъ народовъ, который сдѣлаетъ излишнимъ содержаніе постоянныхъ армій, для взаимнаго убіенія; они содержатся на счетъ нашего недовѣрія, но мы употребимъ ихъ мечи на плуги, въ которые запряжемъ ихъ коней, и наступитъ спокойствіе и благосостояніе и свобода. Дѣятельности въ этомъ смыслѣ я посвятилъ свою жизнь, она—мое призваніе. Ненависть враговъ моихъ служитъ мнѣ порукою, что призваніе это я исполнялъ до сихъ поръ вѣрно и добросовѣстно. Я покажу себя всегда достойнымъ этой ненависти.» Спеціально же къ корреспонденціямъ изъ Парижа примѣняются слѣдующія слова послѣдняго завѣщанія Гейне, писаннаго въ 1851 году: «Великою задачею моей жизни было работать на пользу искренняго согласія между Германіею и Франціею, стараясь пресѣчь козни враговъ демократіи, которые эксплуатируютъ для своихъ интересовъ международные предразсудки и національную вражду. Думаю, что этимъ я оказалъ услугу какъ моимъ землякамъ, такъ и французамъ, и право мое на признательность тѣхъ и другихъ составляетъ безъ сомнѣнія наиболѣе цѣнную часть всего моего наслѣдства.»

Сознавая такое призваніе и имѣя въ себѣ такую увѣренность, Гейне не даромъ искалъ себѣ трибуны прежде всего звонкой, хотя бы и не очень привлекательной по условіямъ сосѣдства; не даромъ соглашался на самоприниженіе и на операцію двойной цензуры. А въ томъ обстоятельствѣ, что несмотря на тонъ индифферентизма, которымъ были прикрыты мысли корреспондента, и на усилія двухъ цензурныхъ карандашей, парижскія корреспонденціи Аугсбургской газеты скоро привлекли на себя общее вниманіе и въ Германіи, и въ самой Франціи—представляется вся безполезность такихъ предупредительныхъ мѣръ. Во-

обще можно сказать, что Гейне, котораго всѣ важнѣйшія произведенія первоначально прошли сквозь цензуру [1]), представляетъ самъ собою краснорѣчивѣйшій доводъ въ смыслѣ полной безуспѣшности цензуры. Цензура можетъ вычеркивать и запрещать все что ей угодно, и по отношенію къ Гейне она ужъ никакъ не стѣснялась: иныя вещи были такъ искажаемы при первомъ появленіи ихъ въ свѣтъ, что Гейне, не могъ ни спать, ни ѣсть до тѣхъ поръ пока не былъ напечатанъ гдѣ-нибудь протестъ его; произведенія его долгое время были безусловно запрещены во всѣхъ государствахъ, принадлежавшихъ къ германскому союзу. А между тѣмъ, вотъ несомнѣнный фактъ: подъ гнетомъ и запретомъ цензуры, Гейне сталъ въ Германіи силою и нанесъ обскурантизму такіе удары, отъ которыхъ тотъ не оправился никогда. Едва ли въ исторіи всей европейской литературы есть болѣе живое, болѣе убѣдительное доказательство безсилія, безуспѣшности предварительной цензуры, чѣмъ Генрихъ Гейне.

Успѣшность его въ борьбѣ съ аугсбургскою цензурою, несмотря на тѣ раны, какія она наносила ему, удостовѣряются лучше всего тѣмъ, что на парижскія корреспонденціи въ «Allgemeine Zeitung» обратилось вниманіе самого папы обскурантизма, главы вѣнскаго кабинета.

Меттернихъ самъ втайнѣ принадлежалъ къ почитателямъ таланта Гейне, но это, конечно, не помѣшало бы ему засадить самого Гейне куда-нибудь въ крѣпкое мѣсто, если бы поэтъ попался ему подъ руку. Парижскія корреспонденціи не могли нравиться Меттерниху уже потому, что въ нихъ живо описывалась борьба принциповъ во Франціи, вѣрно отражалось то всестороннее обсужденіе политическихъ и спеціальныхъ вопросовъ, которому Парижъ въ это время служилъ всемірною трибуною. Но отъ зоркаго глаза высшаго блюстителя реакціонныхъ интересовъ не могъ укрыться и тотъ духъ отрицанія, который Гейне заботливо прикрывалъ, избирая для ѣдкой насмѣшки только мелкія подробности. Употребленъ былъ въ дѣло одинъ изъ любимыхъ пріемовъ «пресѣченія» — дружескій совѣтъ издателю. По порученію Меттерниха, извѣстный агентъ обскурантизма, Генцъ написалъ къ барону Котта, издателю Аугсбургской газеты, письмо, въ которомъ обращалъ вниманіе его на направленіе его газеты, потому только будто бы, что оно было враждебно кабинету Казиміра Перье, представлявшему собою принципъ европейскаго мира. Но начавъ съ этого, Генцъ продол-

---

[1]) Текстъ былъ возстановленъ частью самимъ авторомъ, частью издателями уже при послѣдующихъ изданіяхъ.

жалъ такъ: «Наконецъ мѣра этого ошибочнаго и, какъ я думаю, предосудительнаго направленія исполнилась — извините за это сильное выраженіе—допущеніемъ тѣхъ ругательныхъ статей,— подъ заглавіемъ «Французскія дѣла», которыя бросилъ Гейне какъ пожарную головню въ вашу газету, доселѣ недоступную для такого глумленія, достойнаго черни. Я вполнѣ понимаю, что и подобныя статьи находятъ цѣнителей и даже многихъ цѣнителей, такъ какъ значительная часть публики отъ души увеселяетъ себя наглостью и злостью какого-нибудь Бёрне или Гейне, а Перье, и съ нимъ самъ Людовикъ-Филиппъ — уже потому одному, что представляютъ собою только порядокъ и спокойствіе — внушаютъ безпокойнымъ головамъ у насъ въ Германіи такъ мало уваженія, что теперь охотнѣе было бы принято извѣстіе о вступленіи въ Парижъ казаковъ, чѣмъ увѣренность о продолженіи тамъ господства системы juste-milieu. Все это мнѣ не можетъ показаться страннымъ; я слишкомъ долго присматривался къ мірскимъ дѣламъ, чтобы не быть приготовленнымъ къ наиболѣе невѣроятнымъ и наиболѣе нелѣпымъ поворотамъ въ общественномъ мнѣніи. Но что вы, благородный другъ мой, можете хотя бы только *терпѣть* тѣ ядовитыя выходки, которыхъ вы, навѣрное, не одобряете—это, признаюсь, заходитъ далѣе, чѣмъ я въ состояніи понять. Я не желаю доискиваться, чего въ сущности *хочетъ* и *надѣется* такой отчаянный искатель приключеній, какъ Гейне — какъ поэта, я признаю и даже люблю его, а стало быть мною и не руководитъ никакая личная къ нему ненависть — когда онъ втоптываетъ въ грязь нынѣшнее французское правленіе, — хотя довольно легко догадаться о его цѣли. Но, какъ мнѣ кажется, то безграничное презрѣніе, съ какимъ эти чудовища между прочимъ, и въ особенности именно теперь, говорятъ о самыхъ почтенныхъ классахъ *средняго сословія*, должно бы возбудить противъ нихъ и самый этотъ классъ. Въ вашемъ прибавленіи къ номеру 13-го апрѣля, одна статья начинается такимъ объявленіемъ: — «Никогда еще, даже и во времена Помпадуръ и Дюбарри, Франція не падала такъ низко въ глазахъ всего свѣта, какъ теперь, и такимъ образомъ оказывается, что и въ правленіи любовницъ все-таки можетъ быть болѣе души, чѣмъ въ банкирской конторѣ». Каково долженъ чувствовать себя при этомъ просвѣщенный негоціантъ? Духовенства и дворянства давно уже не хотятъ знать; съ ними уже покончили: requiescant in pace! Но если такихъ людей, какъ Перье и его приверженцы, т. е. чиновниковъ, банкировъ, помѣщиковъ и лавочниковъ, представляютъ въ еще болѣе ненавистномъ свѣтѣ, то кто же, наконецъ, долженъ управ-

лять государствами? Остается только выборъ между редакторами «der Freisinnige», какъ—Господи помилуй насъ!—руководителями умѣренной революціонной клики, и такими представителями народа, какъ Гейне, Виртъ, Зибенфейферъ и проч.»

Трогательна эта заботливость австрійскаго агента о «просвѣщенныхъ негоціантахъ»! И надо сказать, что французская буржуазія въ царствованіе Людовика-Филиппа сдѣлала все, чтобы заслужить сочувствіе Меттерниха и Генца; — но вотъ вмѣстѣ и лучшій приговоръ для іюльской монархіи.

Значеніе «дружескаго письма» Генца было слишкомъ ясно, особенно когда оно сопровождалось цѣлымъ рядомъ преслѣдованій противъ періодическихъ изданій: Гейне долженъ былъ прекратить свои корреспонденціи въ «Allgemeine Zeitung». Но это побудило его только выступить яснѣе въ своей оппозиціи тогдашнему порядку. Нѣмецкіе радикалы, республиканцы, эмигранты, жившіе во Франціи, уже давно старались увлечь Гейне къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. Ихъ писанія, конечно, не производили такого впечатлѣнія, какъ корреспонденціи Гейне, хотя и были гораздо рѣзче. Но эти смѣлыя заявленія доставляли имъ авторитетъ жертвъ преслѣдованія; и вотъ, подвергаясь преслѣдованіямъ, они выражали негодованіе на неприкосновенность Гейне. А Гейне сравнивалъ ихъ съ обезьяною, которая стала бриться изъ подражанія, но бороду не обрила, а надрѣзала себѣ горло. «Смотрите, кричатъ они, мы добросовѣстно намылились и проливаемъ кровь за благое дѣло, а этотъ Гейне брѣется нечестно; ему не достаетъ истинной серьезности при употребленіи ножа, онъ никогда самъ не порѣжется, а спокойно оботретъ мыло и засвиститъ съ безпечностью, даже смѣется надъ ранами горлорѣзовъ, поступающихъ благонамѣренно. Ну вотъ, будьте довольны — въ этотъ разъ и я порѣзался».

Это было сказано по поводу смѣлаго шага, который Гейне сдѣлалъ вслѣдъ за прекращеніемъ своихъ корреспонденцій въ Аугсбургской газетѣ: онъ издалъ «Французскія дѣла» книгою, включивъ всѣ тѣ мѣста, которыя были зачеркнуты баварскою цензурою, и все то, что было исключено самою редакціею, и книгу эту снабдилъ еще предисловіемъ самаго отъявленно-оппозиціоннаго свойства. Къ этому шагу побудила его собственно заботливость о своемъ положеніи передъ мнѣніемъ либеральной партіи; инсинуацій было дѣлаемо не мало, и Гейне хотя и презиралъ ихъ, однако не могъ не заботиться и о томъ, чтобы положеніе его въ политической печати было несомнѣнно. «Предисловіемъ къ «Französische Zustände», писалъ онъ Иммерману, я хотѣлъ только показать, что я — не подкупленный бездѣль-

никъ». Онъ не скрывалъ отъ себя притомъ, что эта демонстрація, необходимая для его личнаго авторитета, могла закрыть ему навсегда путь къ возвращенію въ отечество.

Положеніе дѣлъ въ Германіи, дѣйствительно, оправдывало озлобленный языкъ «предисловія». Въ Союзѣ началось систематическое стремленіе къ отмѣнѣ и тѣхъ конституцій, какія уже существовали, а объ исполненіи обѣщаній, данныхъ народу во время войны за освобожденіе прусскимъ правительствомъ, не только свыше не было рѣчи, но считалось даже преступнымъ и намекать на что-нибудь подобное. Со стороны Австріи систематическое преслѣдованіе всякой либеральной идеи было только продолженіемъ твердой системы. Но со стороны прусскаго правительства участіе въ этой системѣ, заботливое проведеніе ея у себя дома и поддержаніе ея внѣ Пруссіи представлялось и отступничествомъ, и непониманіемъ своихъ интересовъ, однимъ словомъ — плодомъ узкой, зависимой отъ чужихъ вліяній, робкой и піетистской политики. Вотъ отчего Гейне ненавидѣлъ именно Пруссію, а за Австрію готовъ былъ даже — для контраста конечно — признать хотя бы нѣкоторое величіе. «Австрія, говоритъ онъ, всегда была открытымъ, честнымъ противникомъ, который никогда и не отрекался отъ своей борьбы противъ либерализма.... Но Фридрихъ-Вильгельмъ III, котораго народъ спасъ изъ самаго жалкаго положенія, въ какомъ когда-либо находился монархъ.... Гдѣ обѣщанная прусская конституція? Пока король прусскій не исполнитъ этого обязательства, нельзя назвать его справедливымъ, и при мысли о мельницѣ въ Санъ-Суси я вспоминаю не о справедливости, а о вѣтренности». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о Пруссіи: «еще недавно многіе патріоты дѣйствительно желали увеличенія Пруссіи и надѣялись видѣть въ ея короляхъ вождей соединенной Германіи, существовалъ и прусскій либерализмъ... Но я никогда не увлекался такимъ довѣріемъ. Наоборотъ, я всегда не безъ безпокойства взиралъ на прусскаго орла, и въ то время, когда другіе славили, какъ смѣло онъ можетъ устремлять взоры къ солнцу, я посматривалъ ему на когти. Недовѣрялъ я этой Пруссіи, этому долговязому, ханжествующему герою въ штиблетахъ, съ широкимъ брюхомъ, широкимъ ртомъ и капральской палкой, которую онъ предварительно макаетъ въ святую воду, а потомъ прихлопываетъ ею кого надо. Не нравилась мнѣ эта философская, христолюбивая солдатчина, эта помѣсь изъ жидкаго пива, лжи и песку. Противна, глубоко противна была мнѣ эта Пруссія, натянутая, лицемѣрная, святошествующая Пруссія, этотъ Тартюфъ между государствами».

Негодованіе Гейне возбуждалось еще и тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что прусскіе администраторы — «эти іезуиты сѣвера» — умѣли развращать писателей и ученыхъ, и обращать умственныя силы противъ успѣховъ умственнаго развитія общества. И такую роль соглашались играть не только какіе-нибудь литературные промышленники, а люди съ авторитетомъ, такіе люди какъ Ранке, Шлейермахеръ, Гегель, Раумеръ. Но тяжеле всего для Гейне, какъ и для другихъ передовыхъ людей того времени, была, конечно, апатія самого народа, за освобожденіе котораго они предприняли бороться. Современнымъ педантамъ легко указывать въ Гейне несерьезность и заподозривать даже искренность его страстныхъ призывовъ къ свободѣ, когда за этими призывами поэтъ иногда съ горькою, язвительною усмѣшкою относится къ собственному своему дѣлу. Они не хотятъ понять того невыносимаго нравственнаго положенія, въ которомъ находится писатель, сознающій, что сама масса, которой онъ приноситъ лучшія свои мысли, въ пользу которой онъ, такъ сказать выгораетъ самъ, потому что борьба съ цѣлымъ общественнымъ складомъ нелегко достается борцу, хотя оружіемъ его и былъ смѣхъ — что эта масса, говоримъ мы, недоразвитая до полнаго пониманія своего защитника, сама, своею апатіею и привычкою къ прислужничеству, безпрестанно оскорбляетъ его фактическимъ противорѣчіемъ его стремленіямъ и надеждамъ. Мало того, масса хотя и воспринимаетъ впечатлѣніе отъ передового писателя, привыкаетъ мало-по-малу сомнѣваться въ томъ, въ чемъ прежде не сомнѣвалась, смѣяться надъ напыщенностями, въ которыхъ прежде видѣла величіе, дѣлать себѣ вопросы, которые прежде не приходили ей и въ мысль; но эта умственная переработка массы идетъ медленно, и въ первое время она видитъ въ такомъ писателѣ только остроумнаго софиста или забавнаго шута. И это «первое время» бываетъ не совсѣмъ коротко; по большей части, самъ писатель не переживаетъ его.

Такъ, самъ Гейне массою положительно не понятъ до сихъ поръ. Въ нѣмецкомъ бюргерствѣ Гейне до сихъ поръ слыветъ болѣе всего острякомъ; въ этомъ классѣ, извѣстный вѣнскій острякъ Зафиръ пожалуй столь же популяренъ, какъ Гейне, и если Гейне больше уважаютъ, то потому, что онъ прославился еще какъ поэтъ. А между тѣмъ, кто можетъ сомнѣваться, какою огромною долею вошла сатира Гейне въ нынѣшнее міросозерцаніе самого этого общества? Имъ вдохновлялись писатели «юной Германіи», онъ запечатлѣлъ политическую сатиру въ Германіи своей личностью до такой степени, что до сихъ поръ,— возьмите любой нумеръ «Кладдерадача» или другого популярнаго листка въ этомъ родѣ,—сатира эта является безпрестанно

въ гейневской формѣ, съ гейневскимъ слогомъ, съ гейневскою манерою.... Господа «Шульце» и Миллеръ» безъ сомнѣнія чувствуютъ недовольство при видѣ піетистскихъ, клерикальныхъ мѣръ министра фонъ-Мюлера и понимаютъ ихъ нелѣпость гораздо лучше, чѣмъ насколько «Шульце и Миллеры» начала тридцатыхъ годовъ возмущались тогдашнимъ піетизмомъ. Но въ Гейне эти люди и нынѣ помнятъ только остряка да стихотворца, не сознавая, насколько Гейне измѣнилъ самый составъ ихъ мозга.

Вотъ это-то отчужденное положеніе передового писателя, встрѣчающаго на каждомъ шагу противорѣчіе себѣ и непониманіе со стороны того общества, которому онъ служитъ, и служитъ не такою службою, на которую можно отгораживать въ своей жизни аккуратно извѣстное количество часовъ, а всѣми своими помыслами, расходуя на нее всего себя—оно-то и тяжеле всего для такого человѣка. Слишкомъ естественно, что расходуя такимъ образомъ себя всего, онъ оставляетъ за собою въ единственную личную собственность — улыбку пренебреженія ко всему окружающему и къ неблагодарности своей должности.

Вотъ это-то и есть та истинно-трагическая усмѣшка, которую педанты принимаютъ за доказательство «несерьёзности» Гейне. Прилично ли, напримѣръ, называть шутомъ народъ по отношенію къ феодаламъ?... «На головѣ у него дурацкій колпакъ съ погремушками, тяжелыми какъ церковные колокола, а въ рукѣ огромная желѣзная палка. Много боли въ его груди. Но онъ не хочетъ думать объ этой боли, и нарочно выкидываетъ самыя развеселыя штуки, и смѣется, чтобы не плакать. А если боль, слишкомъ жгучая, бросится ему въ голову, тогда онъ какъ безумный закачаетъ головой и оглушитъ себя благовѣстомъ своей шапки. Подойдетъ ли къ нему благопріятель и захочетъ съ участіемъ пособолѣзновать ему, пожалуй даже присовѣтовать ему какое-нибудь домашнее средство отъ его боли, — онъ остервенится и пристукнетъ доброжелателя палкой. Вообще онъ золъ на всякаго, кто желаетъ ему добра. Онъ злѣйшій врагъ своихъ друзей и лучшій другъ своихъ враговъ. О, большущій шутъ, онъ всегда будетъ преклоняться предъ вами, будетъ исполинскими дурачествами своими веселить барченковъ, будетъ, имъ на потѣху, выдѣлывать старыя свои штуки и балансировать на носу огромныя тяжести, и сотни тысячъ солдатъ спокойно будутъ расхаживать у него на брюхѣ. Но не беретъ ли васъ порою страхъ, что вдругъ онъ устанетъ отъ тяжестей и стряхнетъ съ себя солдатъ, и вамъ самимъ, перейдя въ шалости мѣру, придавитъ мизинцомъ головы такъ, что мозгъ вашъ брызнетъ къ небу? Успо-

койтесь, это я только пошутилъ: большущій дуракъ останется у васъ въ повиновеніи, и если мелкіе шуты предпримутъ сдѣлать вамъ непріятность, такъ большой убьетъ ихъ до смерти.» Серьезно ли это?

Цензура страшно изуродовала «Предисловіе» къ «Französische Zustände.» Хуже всего въ этомъ изуродованіи было то, что во многихъ мѣстахъ мысль автора была искажена до смысла прямо противоположнаго намѣренію автора. Такъ, напримѣръ, въ печати вышло, какъ будто по мнѣнію Гейне, профессоръ Раумеръ—лучшій изъ писателей; между тѣмъ, какъ Гейне уже никакъ не намѣренъ былъ сказать что-либо въ пользу Раумера, служившаго въ прусской цензурѣ, и въ рукописи было сказано, что «Раумеръ изъ всѣхъ плохихъ писателей еще лучшій.» Всѣмъ извѣстно, какъ часто цензура, исключивъ одни мѣста и оставивъ другія, навязываетъ иному писателю самыя несвойственныя ему мысли. Извѣстно также, что писатели принимаютъ близко къ сердцу подобныя искаженія, переносятъ въ полномъ смыслѣ нравственную пытку, чувствуютъ себя и оскорбленными, и компрометтированными передъ публикою. Но извѣстно также, что вся эта система искаженій, взятая не въ отдѣльности, а въ совокупности, не достигаетъ своей цѣли: она унижаетъ писателя, заставляетъ его прибѣгать къ уверткамъ, оговоркамъ и иносказанію, но за то въ публикѣ она развиваетъ способность дополнять напечатанное, угадывать пропуски, иногда предполагать силу тамъ даже, гдѣ ея нѣтъ. Однимъ словомъ, съ цензоромъ борется не только авторъ, но и читатель, и чѣмъ строже цензура, тѣмъ сильнѣе анти-цензурный духъ развивается въ публикѣ: цензура насильно превращаетъ читателя въ сообщники автора.

Корреспонденціи, въ которыхъ Гейне обсуждалъ событія во Франціи, скоро обратили на него вниманіе самихъ французовъ. Нѣкоторыя изъ корреспонденцій были перепечатаны въ газетѣ «Tribune», органѣ республиканской партіи, а орлеанистская газета «Temps» жаловалась, что нѣмецкая цензура, столь строгая по отношенію къ интересамъ германскихъ властей, пропускаетъ вещи обидныя для династіи орлеанской, возсѣдающей на либеральномъ престолѣ. Гейне въ то время жилъ въ постоянной тревогѣ: съ одной стороны онъ боялся, чтобы его не выслали изъ Франціи, какъ другихъ политическихъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, которыхъ Людовикъ-Филиппъ изгналъ по требованію прусскаго правительства; съ другой стороны, его тревожилъ кружокъ самихъ эмигрантовъ, которые требовали отъ него участія въ ихъ протестахъ и т. д. Бёрне преобладалъ въ этомъ кружкѣ, и имѣя

въ виду роль практическаго агитатора, умѣлъ мириться съ разными преувеличеніями и странностями. Но Гейне никогда не имѣлъ въ виду роли практическаго агитатора, заговорщика, и мириться со смѣшными странностями не видѣлъ никакой для себя надобности. Отсюда произошли недоразумѣнія, которыя много повредили Гейне.

Правда, онъ не всегда умѣлъ сдерживать свою иронію и иногда громко смѣялся надъ невинными пустяками, забывая, что оскорбляетъ людей своей же партіи. Но за то и съ другой стороны, можно сказать, было сдѣлано все, чтобы затруднить Гейне исполненіе того призванія, которое одно онъ признавалъ. Онъ уклонялся отъ участія въ формальныхъ резолюціяхъ кружка эмигрантовъ по отношенію то къ германскому союзу, то къ папской власти и т. д. Онъ не любилъ и боялся такихъ церемоній, какъ раздача кинжаловъ и т. п. Участвовать въ тщетныхъ заговорахъ онъ не хотѣлъ, участвовать въ церемоніяхъ онъ не любилъ; наконецъ, онъ, какъ личность въ высшей степени самобытная, вообще не былъ склоненъ руководствоваться мнѣніемъ и интересами какого-нибудь кружка̀. Нѣкоторые изъ эмигрантовъ казались ему жалкими, другіе слишкомъ деспотическими. За то же, кружокъ, съ своей стороны, преслѣдовалъ Гейне разными требованіями и даже клеветами. Самъ Бёрне—противъ котораго Гейне впослѣдствіи дѣйствительно сильно провинился — первый выступилъ враждебно къ Гейне. Въ своихъ парижскихъ письмахъ, онъ первый напалъ на корреспонденціи Гейне, доказывая, что Гейне—писатель сомнительный, потому только, что у Гейне не было опредѣленныхъ, окончательныхъ, рѣзкихъ приговоровъ, которыхъ, разумѣется, и не могло быть по самому роду статей. Еще сильнѣе стали нападки Бёрне на Гейне послѣ выхода въ свѣтъ его книги «De l'Allemagne». Бёрне былъ преданъ исключительно практической политикѣ; къ философскому освобожденію мысли онъ никакого сочувствія онъ имѣлъ; онъ стремился въ тѣсномъ смыслѣ къ революціи, и какъ онъ, такъ и всѣ члены эмигрантскаго кружка̀ стояли прежде всего за «своихъ», все, что исходило отъ одного изъ «своихъ», защищали безусловно, подписывали всѣ тѣ адресы, которые придумывалъ кто-либо изъ нихъ, и во всякомъ человѣкѣ, желавшемъ сохранить независимость отъ кружка̀, видѣли человѣка неблагонамѣреннаго и сомнительной политической нравственности. Во всемъ этомъ проявлялась, конечно, сила добросовѣстнаго убѣжденія, но вмѣстѣ и нѣсколько стадообразная узкость какъ взглядовъ, такъ и дѣйствій, то-есть именно то свойство, которое было діаметрально противоположно природѣ Гейне.

Книга Гейне о «Бёрне», какъ не только возраженіе на нападки, но и месть поэта, во всякомъ случаѣ была дѣйствіемъ недостойнымъ Гейне; но нельзя не согласиться, что наложить тяжелую руку сатиры на одномышленниковъ, трактовавшихъ съ пренебреженіемъ ту силу, которая не подчинялась имъ — было очень соблазнительно. Но мы имѣли уже случай опредѣлить значеніе книги о Бёрне и поэмы «Атта-Троль» въ ряду произведеній Гейне, и назвали ихъ явными отступленіями его отъ пути, подъ вліяніемъ субъективнаго возмущенія поэтическаго таланта противъ воли публициста.

II.

Главною мыслью Гейне, при переѣздѣ во Францію, было, какъ мы замѣтили выше, — «служить посредникомъ между духомъ французской націи и духомъ германской націи». Знакомить нѣмцовъ съ французами и наоборотъ, стараться установить связь между этими двумя просвѣщенными обществами, такъ, чтобы они сознавали солидарность свою въ общемъ дѣлѣ человѣческаго развитія, движенія впередъ,—Гейне признавалъ это дѣломъ первостепенной важности и важнымъ средствомъ для борьбы съ тѣми мрачными силами, которыя стремились къ общему порабощенію путемъ разъединенія народовъ, возбужденія и эксплуатированія ихъ незнакомства другъ съ другомъ и національныхъ предразсудковъ каждаго изъ нихъ противъ другого. Изъ задачи, которую поставилъ себѣ Гейне, вытекала для него необходимость, оставаясь писателемъ нѣмецкимъ, сдѣлаться еще и французскимъ писателемъ. Германскія правительства, съ своей стороны, сдѣлали что могли, чтобы побудить Гейне къ исполненію этого намѣренія, такъ какъ они запрещали одно за другимъ всѣ его нѣмецкія произведенія, въ которыхъ было что-нибудь политическое. Такъ, его «Französische Zustände», несмотря на то, что были обезображены предварительной цензурою, а также и процензурованные третій и четвертый томы «Reisebilder», при новомъ изданіи были запрещены въ Пруссіи и Австріи, а при появленіи въ 1833 году перваго тома его «Salon» запрещеніе было наложено, какъ на эту книгу, такъ и на всѣ послѣдующіе (еще не выходившіе) томы того же сочиненія.

Борьба романтизма съ классицизмомъ, начавшаяся во французской литературѣ при реставраціи и еще не кончившаяся, была благопріятна для внесенія въ эту литературу новыхъ, народныхъ элементовъ и новыхъ литературныхъ формъ. Борьба романтизма

съ классицизмомъ во Франціи имѣла иной характеръ, чѣмъ въ Германіи. Это было болѣе отрицаніе старыхъ педантическихъ формъ, стѣснявшихъ литературу: отрицаніе знаменитыхъ трехъ единствъ въ драмѣ, господства тяжелыхъ alexandrins, допущеніе большей вольности и прихотливости стиха (напримѣръ, enjambement стиха, и даже непризнаніе цезуры, какое встрѣчается у В. Гюгò). Сходство же французскаго романтизма съ нѣмецкимъ заключалось только въ томъ, что онъ также оказывалъ предпочтеніе сюжетамъ средневѣковымъ и поощрялъ картинность выраженія и образность мысли (свойства совершенно чуждыя писателямъ «великаго вѣка», которые стремились только къ точности и силѣ выраженія и къ гладкости стиха и слога).

Французскій романтизмъ тотчасъ обратился за помощью къ литературамъ англійской и нѣмецкой. Переведены были драмы Шиллера, «Фаустъ» Гёте, «Титанія» Жан-Поля, повѣсти Лудвига Тика, сказки Гоффмана и т. д. Въ числѣ переводчиковъ были Жераръ де-Нерваль, Ксаверій Мармье и Адольфъ Лёв-Веймаръ. Въ тоже время труды германскихъ философовъ и филологовъ нашли во Франціи такихъ цѣнителей и толкователей, какъ Кинё, Кузенъ, Лерминье, Сен-Маркъ Жирарденъ, Карнò, Гизò и др. Время было самое благопріятное для исполненія той задачи, какую поставилъ себѣ Гейне.

При посредствѣ Лёв-Веймара, въ «Revue des deux Mondes» было помѣщено нѣсколько законченныхъ отрывковъ изъ «Reisebilder», именно: сокращенная поѣздка на Гарцъ, извлеченіе изъ «книги Легранъ» и изъ «Купаленъ въ Луккѣ». Все это явилось въ 1832 году, и скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что этотъ оригинальный, остроумный поэтъ и юмористъ «Анри Гейнъ» не кто иной, какъ авторъ саркастическихъ корреспонденцій, перепечатанныхъ газетою «Tribune». Гейне сразу сталъ въ первомъ ряду французскихъ писателей. Онъ по-французски всегда писалъ свободно, но для выступленія на литературномъ полѣ ему понадобилось сотрудничество французскихъ литераторовъ. Даже впослѣдствіи, когда онъ совершенно усвоилъ себѣ французскій литературный языкъ, Гейне, чрезвычайно дорожившій каждымъ выраженіемъ, не писалъ по-французски ничего безъ совѣщаній съ пріятелями своими Жераромъ де-Нерваль, Эдуардомъ Греньè и въ особенности Сен-Ренè-Талльяндьè.

Въ концѣ 1832 года, составилось въ Парижѣ предпріятіе на акціяхъ для изданія всеобщаго литературнаго журнала, «L'Europe littéraire», подъ редакціею Виктора Богэна. Въ сотрудники были приглашены извѣстные литераторы и критики по части искусствъ, въ разныхъ странахъ Европы. Редакція вошла также

въ сношенія со всѣми академіями и учеными обществами во Франціи. Все предпріятіе устроивалось что́ называется на большую ногу, и на одни собранія сотрудниковъ издержано было сто тысячъ франковъ. «L'Europe littéraire» стала выходить въ половинѣ февраля 1833 года, но прекратилась еще до конца года, чему главной причиной была, быть можетъ, не только расточительность редакціи, сколько невозможность чисто-литературнаго изданія въ задуманныхъ размѣрахъ.

Для такого предпріятія Гейне былъ необходимъ, и по приглашенію Богэна онъ написалъ для него рядъ статей о новой нѣмецкой литературѣ, въ которыхъ предупреждалъ французовъ объ опасности той влюбленности во все средневѣковое, какое оказалось результатомъ романтизма въ Германіи. Здѣсь онъ представилъ галлерею портретовъ представителей романтической школы въ Германіи: братьевъ Шлегелей, Тика, Новалиса, Брентано, фонъ-Арнима, Жанъ-Поля, Вернера, Фуке и Уланда. Сочиненіе это, вскорѣ переведенное и на нѣмецкій языкъ, имѣло значеніе и для германской литературы, въ которой, по словамъ Гейне, чувствовалась необходимость «подвесть итоги» по окончаніи Гётевскаго періода. Руководящая мысль высказывается въ слѣдующихъ строкахъ предисловія: «По общему мнѣнію, со смертью Гёте, въ Германіи долженъ начаться новый литературный періодъ, такъ какъ съ Гёте умерла и старая Германія, аристократическая эпоха литературы миновалась и наступаетъ эпоха демократическая или, какъ выразился недавно одинъ французскій журналистъ, духъ единичный скончался, духъ коллективности получилъ свое начало».

Французы до того времени еще очень мало были знакомы съ Германіею, ея философіею и литературою. То, что они знали въ этомъ отношеніи, было почерпнуто ими исключительно изъ книги M-me de Staël—«De l'Allemagne», написанной подъ вліяніемъ А. В. Шлегеля. Гейне сказалъ объ этой книгѣ, что тамъ, гдѣ г-жа Сталь руководствовалась своими собственными наблюденіями, сужденіе ея вѣрно, но что она приняла въ свое сочиненіе ученіе такой школы, которой цѣли ей были неизвѣстны, и что послѣдніе выводы этой школы прямо противорѣчатъ протестантской свободѣ мышленія, которой держалась г-жа Сталь. Гейне, предпринявъ пополнить этотъ важный пробѣлъ во французской литературѣ, продолжалъ работать для ознакомленія французовъ съ истиннымъ положеніемъ умственной жизни въ своемъ отечествѣ. Такъ, въ 1834 году онъ помѣстилъ въ нѣсколькихъ книжкахъ «Revue des deux Mondes», статьи «Объ исторіи религіи и философіи въ Германіи», которыя потомъ включилъ

въ свое сочиненіе, названное имъ «De l'Allemagne», въ параллель съ книгою Сталь. Въ этихъ сочиненіяхъ усилившемуся въ Пруссіи романтизму противопоставляются пантеистическія идеи, которыми проникнуты древнія германскія легенды. Борьба между спиритуализмомъ и сенсуализмомъ и возстановленіе правъ физической природы человѣка, подвергавшихся новому отрицанію— вотъ нити, которымъ слѣдовалъ Гейне въ своемъ изложеніи германскихъ философскихъ системъ, изложеніи, представлявшемъ во всякомъ случаѣ ту важную заслугу, что оно впервые выводило философскія теоріи изъ ихъ недоступной для массы и утомительный для всякаго вниманія спеціальной терминологіи и мнимо-научной формальности.

Въ нѣмецкомъ переводѣ этого сочиненія цензура, конечно, произвела большія опустошенія, и Гейне снова протестовалъ противъ нихъ въ «Аугсбургской Газетѣ». Какъ ни тяжело было положеніе подцензурныхъ нѣмецкихъ авторовъ, но они хоть протестовать-то могли. Само собою разумѣется, что критика лакеевъ и доносчиковъ, поощряемыхъ «просвѣщенными руководителями *здраваго* общественнаго мнѣнія» въ Германіи, несмотря на запрещеніе цензурою «неблаговидныхъ мѣстъ», а потомъ и всего сочиненія, стала стараться всѣми силами очернить Гейне предъ нѣмцами, какъ измѣнника отечеству, врага своей національности, друга французовъ и «жида». Книга «De l'Allemagne» заключала въ себѣ приведенныя статьи, написанныя Гейне для «Europe littéraire» и «Revue des deux Mondes» и еще статью о германскихъ народныхъ легендахъ, помѣщенную въ одномъ изъ томовъ «Salon». Она вышла въ 1835 году; въ 1834 году былъ напечатанъ полный французскій переводъ «Reisebilder».

Хотя такимъ образомъ французской публикѣ облегчилось знакомство съ умственнымъ движеніемъ въ Германіи, но самый характеръ, духъ германства, этотъ глубокій поэтическій духъ, полный знанія и вмѣстѣ мечты, смѣлости и вмѣстѣ нѣжности и скромности, глубина внутренняго чувства и рядомъ съ нею язвительное отрицаніе, вызываемое и пробѣлами въ знаніи, и противорѣчіемъ существующаго внѣшняго истинамъ, выработавшимся во внутреннемъ сознаніи, все то, что надо было чувствовать, дабы понять смыслъ гейневскаго юмора — оставалось для французовъ чуждымъ, невѣдомымъ. Гейне нравился имъ какъ остроумный, мыслящій и знающій писатель, онъ увлекалъ ихъ какъ поэтъ, но именно юмориста въ немъ они понимали сначала всего менѣе.

Впослѣдствіи и французы поняли Гейне, и въ настоящее время едва ли даже во Франціи говорятъ о Гейне не съ боль-

шимъ сочувствіемъ, чѣмъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ въ той Германіи, которая отдалась прусской «идеѣ». Но смѣшно читать первые отзывы о Гейне Жюля Жанена и Филарета Шаля. Оба они совѣтуютъ ему не возмущать своего высокаго поэтическаго вдохновенія «политикою». Правда и то, что политическія вылазки Гейне въ его чисто-литературныхъ вещахъ имѣли менѣе значенія для французовъ, дѣйствительно жившихъ политическою жизнью, чѣмъ для нѣмцевъ. Политическія пренія, политическіе вопросы во Франціи были дѣломъ обыденнымъ, въ Германіи— только предметомъ стремленій и вмѣстѣ запретнымъ плодомъ.

Лучше другихъ французскихъ критиковъ съумѣлъ понять Гейне съ самаго начала Теофилъ Готье. Вотъ что говорилъ онъ, по поводу французскаго изданія «Reisebilder»: «Талантъ Гейне удивительно-эластиченъ и съ легкостью переходитъ изъ одного тона въ другой; манера его — рефлективна, и избранная тема по бо̀льшей части служитъ ему только предлогомъ. Этотъ способъ изложенія наугадъ, повидимому наиболѣе легкій, но въ дѣйствительности самый трудный, употреблялся уже Стерномъ. Впрочемъ едва ли не слишкомъ далеко зашли иные критики, сравнивая «Reisebilder» съ «Sentimental Journey» и «Tristram Shandy», и находя у нѣмецкаго автора преднамѣренное подражаніе англійскому. Стернъ остроуменъ, милъ, впечатлителенъ почти до болѣзненности, полонъ юмора и откровенной веселости; у него тонкое обоняніе и отличная наблюдательность. Кромѣ того, и несмотря на свои курьезныя выдумки, онъ очень благоразумный человѣкъ, и только такъ, изъ кокетства усвоилъ себѣ прозваніе Йорика, имя шута датскаго короля. Но вотъ обстоятельство, которое достаточно, чтобы поставить самое глубокое, основное различіе между Генрихомъ Гейне и имъ: Гейне—поэтъ, Стернъ не поэтъ. Гейне — колористъ, Стернъ только рисовальщикъ, и сцены его производятъ скорѣе впечатлѣніе отличныхъ англійскихъ гравюръ, чѣмъ картинъ, писанныхъ красками. У Гейне остроуміе не вредитъ поэзіи, а само изъ нея происходитъ; юморъ его не губитъ лирической воспріимчивости; въ немъ Раблѐ не заслоняетъ Гёте. Въ большей части случаевъ, острота убиваетъ поэзію, потому что природа первой чисто-отрицательная, и самый остроумный изъ людей — Вольтеръ никогда не могъ написать сносной оды. У Гейне острота часто хватается за наружную сторону вещей и словъ; если можно такъ выразиться, это острота — матеріальная. Свойство это зависитъ отъ его пантеистическаго воззрѣнія, благодаря которому для него ящерица и профессоръ богословія имѣютъ одинаковое значеніе, и кажутся ему одинаково заслуживающими изображенія съ прибавкою шу-

токъ. Фантазіи его всегда живописны, чего никакъ нельзя сказать о причудахъ одного остроумія; сарказмы его носятъ парчевое одѣяніе, усѣянное перлами и золотыми бубенчиками, какъ одежда придворныхъ скомороховъ въ средніе вѣка. Отрѣжьте бубенчики—и это одѣяніе можетъ служить параднымъ платьемъ самому учителю — Аполлону».

Филаретъ Шаль, хотя самъ далеко не съумѣлъ вполнѣ понять Гейне съ самаго начала, съумѣлъ однако угадать, что въ немъ есть многое, что усвоится во Франціи только современемъ. Онъ предсказалъ, что вліяніе Гейне будетъ еще сильнѣе въ 1850, чѣмъ въ 1830 году, что оно возрастетъ тогда, когда Франція болѣе проникнется духомъ нѣмецкимъ, а Германія — духомъ французскимъ.

Гейне съ большою тщательностью занимался съ 1852 года редакціею французскаго изданія полнаго собранія своихъ сочиненій — «Ouvres complètes de Henri Heine», котораго при жизни его вышло семь томовъ. По мнѣнію Штродтманна, французскій текстъ сочиненій его въ прозѣ, написанный или просмотрѣнный самимъ Гейне, мастерски передаетъ всѣ обороты и тонкости его слога; но переводы его стихотвореній далеко не такъ удовлетворительны. Пѣсни «Nordsee» переведены Жераромъ де-Нерваль еще съ нѣкоторою вѣрностью оригинальному духу, но объ остальныхъ, по мнѣнію Штродтманна, совершенно вѣрно сказано однимъ пріятелемъ поэта, что эти переводы — «лучъ мѣсяца, завернутый въ солому.» Гейне самъ говорилъ Жерару де-Нерваль, что ему проходитъ морозъ по кожѣ, когда онъ читаетъ иные переводы своихъ стиховъ, и что въ такія минуты боится всякаго нѣмца, «опасаясь встрѣтить въ немъ тайнаго агента нѣмецкаго парнасса», присланнаго потребовать выдачи его головою. «Современемъ, говорилъ онъ, какой-нибудь профессоръ въ Новой Зеландіи, когда культура погибнетъ въ Европѣ и перенесется туда, скажетъ своимъ слушателямъ: наши геологи открыли въ одной мѣстности цѣлые пласты окаменѣлыхъ ночныхъ колпаковъ — здѣсь нѣкогда была страна, которая называлась Германія, и вотъ тамъ былъ маленькій стихотворъ, Гейне по имени, который на закатѣ дней своихъ сталъ собственною своею обезьяной, и произведенія свои передразнивалъ на языкѣ понятномъ другой націи, именно французамъ. И вы, Жераръ, будете виноваты въ этомъ.»

Недурнымъ переводомъ Штродтманнъ признаетъ изданный въ 1864 году въ Берлинѣ «Poésies choisies de Henri Heine, traduites en vers par Charles Morelle.» Штродтманнъ высказываетъ желаніе, чтобы за переводъ стиховъ Гейне на францу-

скій языкъ взялся Эдуардъ Шюре̂, который превосходно перевелъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ, въ своей исторіи народной пѣсни въ Германіи.

III.

Говоря о Гейне, мы обращаемъ вниманіе преимущественно на общественнаго дѣятеля, сознательно и вѣрно служившаго своему дѣлу, и обнаруживаемъ, откуда могли произойти ошибочныя мнѣнія, которыя приписываютъ ему какой-то олимпійскій индифферентизмъ, или природную злобу на все и вся, или легкомысленный смѣхъ для смѣха, или наконецъ, спеціально-еврейское отрицаніе порядка, основаннаго на христіанствѣ. При этомъ разумѣется, необходимо заняться вопросомъ — въ чемъ состояли стремленія Гейне, какъ публициста, и былъ ли у него какой-нибудь политическій идеалъ или хотя опредѣленная политическая формула для немедленнаго примѣненія; тогда объяснятся и отношенія его къ опредѣленнымъ политическимъ партіямъ, и все то, что въ этихъ отношеніяхъ его кажется невполнѣ согласимымъ. Одинъ изъ современныхъ ему критиковъ произнесъ мнѣніе, которое, повидимому, раздѣляетъ и біографъ его, Штродтманнъ, именно, что все, что представляется несогласимаго и даже противорѣчиваго у Гейне, вполнѣ объяснится, если смотрѣть на него исключительно какъ на поэта-художника. Въ душѣ поэта отзывались всѣ мотивы современности, и гармонію изъ нихъ создаетъ именно типичность, индивидуальность его поэзіи. Такимъ образомъ, поэзія Гейне представляется въ нѣкоторомъ родѣ музыкою, которой различные мотивы служатъ только сюжетами для модуляцій, и которой цѣль заключается въ ней самой, то-есть, которая сама себѣ служитъ цѣлью. Мнѣніе это до такой степени противорѣчитъ фактамъ, что въ немъ нельзя признать даже невольной ошибки. Но развѣ есть возможность найти въ чемъ-нибудь иномъ то единство Гейне, которое будетъ стоять выше частныхъ его несогласій и хотя бы и противорѣчій его съ самимъ собою? Чтобы выяснить это, надо ближе присмотрѣться къ стремленіямъ Гейне, какъ публициста, среди опредѣленныхъ партій.

Что Гейне самъ стремился къ реальной цѣли, и не считалъ цѣль достигнутую уже тѣмъ, что остроуміе его вызывало смѣхъ, однимъ словомъ, что онъ имѣлъ въ виду нѣчто гораздо болѣе серьёзное, чѣмъ роль артиста по части остроумія — это доказывается любою его страницею. Мало того, онъ самъ выражалъ

свое презрѣніе къ подобной роли и сознавалъ, что смѣхъ въ его рукахъ—могущественное оружіе, которое должно быть употребляемо съ разсчетомъ и за употребленіе котораго онъ несетъ отвѣтственность. Объ этомъ мы уже говорили прежде, и здѣсь ограничимся одною ссылкою на слова самого Гейне: «Остроуміе, писалъ онъ Мозеру, который сообщалъ ему объ успѣхахъ въ Берлинѣ извѣстнаго остряка Зафира, голое остроуміе ничего не стоитъ. Острота только тогда сносна, когда она опирается на серьезной почвѣ... Обыкновенное остроуміе есть просто нѣкое чиханье разума, собака, гоняющаяся за своей тѣнью, ублюдокъ, родившійся отъ встрѣчи ума съ помѣшательствомъ.» Отрицая остроуміе для остроумія, вотъ какъ говоритъ Гейне въ другомъ мѣстѣ, на что остроуміе можетъ быть годно:... «Съ тѣхъ поръ, какъ всякъ не носитъ болѣе меча при бедрѣ, необходимо носить острую мысль въ головѣ. То наступательное остроуміе, которое называется сатирою, весьма полезно въ это скверное, негодное время. Никакая религія ныньче уже не въ состояніи обуздывать маленькихъ властелиновъ земли, они безнаказанно попираютъ васъ, кони ихъ топчутъ ваши жатвы, дочери ваши голодаютъ и продаютъ свою красоту грязному parvenu, всѣ розы здѣшняго міра служатъ добычею привилегированныхъ лакеевъ, и передъ дерзостью богатства нѣтъ другой защиты, какъ смерть и сатира...» Мы привели эти слова потому, что въ нихъ есть намекъ на назначеніе сатиры какъ въ политической, такъ и соціальной борьбѣ.

Въ борьбѣ политической, въ пользу какого принципа ратовалъ Гейне при помощи сатиры? Отвѣтъ не труденъ—въ пользу свободы. Но это отвѣтъ неопредѣленный въ томъ смыслѣ, что имъ однимъ не вполнѣ еще объясняется публицистическая дѣятельность Гейне. Надо приглядѣться ближе, къ какого рода свободѣ онъ стремился.

Если Гейне изливалъ свою сатиру на германскіе порядки, собственно чтобы подготовить ее къ парламентской формѣ правленія, то нѣтъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ вынесть отрадныя впечатлѣнія изъ своей поѣздки въ Англію, долженъ былъ высоко ставить передъ глазами своихъ соотечественниковъ, которые были въ восторгѣ отъ смѣлости зафировскихъ выходокъ противъ членовъ берлинской полиціи, Великобританію, эту «колыбель» свободы, классическую страну парламентскаго правленія, въ которой и королевскія права ничто передъ властью общинъ. Оказалось однако совсѣмъ не то: никогда Гейне не ставилъ Англію образцомъ, и свобода ея нисколько не очаровала его, несмотря

на то, что духъ свободы въ то время торжествовалъ въ Англіи новую побѣду.

Это было въ 1827 году. По смерти лорда Ливерпуля, первымъ министромъ Великобританіи сдѣлался либеральный Каннингъ, противникъ соглашеній Священнаго Союза и внутренняго духа нетерпимости: онъ принялъ участіе въ союзѣ для освобожденія Греціи, онъ вносилъ билль объ уравненіи католиковъ. Но ни оживленная борьба партій въ парламентѣ, ни самоувѣренность британцевъ въ ихъ конституціонныхъ правахъ, все это, несмотря на новизну такого зрѣлища, не увлекло Гейне. Извѣстна антипатія его къ Англіи. Антипатія эта имѣла очень реальную причину. «Англичане, когда они говорятъ, напр., о вигахъ, не соединяютъ съ этимъ словомъ опредѣленное понятіе, какъ мы; когда мы говоримъ о либералахъ, то подъ именемъ либераловъ разумѣемъ людей, которые всѣ внутренно согласны между собою относительно нѣкоторыхъ правъ необходимыхъ для свободы; англичане же подъ названіемъ виговъ разумѣютъ внѣшній союзъ между людьми, изъ которыхъ каждый, еслибы судить о немъ по личному его образу мыслей, составилъ бы особую партію, но который, соединясь подъ вліяніемъ внѣшнихъ поводовъ, случайныхъ интересовъ, образуемыхъ дружбой и ненавистью, съ другими людьми, въ союзѣ съ ними борется противъ торіевъ. И въ этой борьбѣ мы не должны видѣть борьбу противъ аристократовъ, въ нашемъ смыслѣ, такъ какъ эти тори въ чувствахъ своихъ вовсе не болѣе аристократичны, чѣмъ сами виги, даже чѣмъ само среднее сословіе, которое считаетъ аристократію чѣмъ-то непреложно вѣчнымъ, какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, которое на привилегіи лордства и духовенства смотритъ какъ на нѣчто не только полезное для государства, но и естественно необходимое, и за права эти стало бы бороться съ бо̀льшимъ рвеніемъ, нежели сама аристократія, потому именно, что среднее сословіе сохранило крѣпкую вѣру въ нихъ, и они сами вѣру въ себя утратили. Въ этомъ отношеніи надъ духомъ англичанъ все еще лежитъ средневѣковой мракъ; священная идея гражданскаго равенства всѣхъ людей еще не просвѣтила ихъ, и государственнаго человѣка въ Англіи, который самъ не дворянинъ, а держится торизма, мы никакъ не должны за это одно признавать прислужникомъ, и отчислять его къ тѣмъ общеизвѣстнымъ, прислуживающимъ собакамъ, которыя могли быть свободны, и между тѣмъ забрались опять въ свою старую конуру и оттуда лаютъ на солнце свободы.»

Въ политическомъ мірѣ Великобританіи многое произошло съ тѣхъ поръ; прошли двѣ парламентскія реформы, и въ са-

момъ положеніи партій и въ уровнѣ политическаго развитія общества осуществились важныя перемѣны. Но въ сравненіи съ материкомъ, въ Англіи все-таки болѣе чѣмъ гдѣ-либо замѣтно еще преобладаніе аристократической идеи, не столько даже въ учрежденіяхъ, исправляемыхъ практикою, сколько въ нравахъ. Понятно почему Гейне не увлекся свободою, какую нашелъ въ Англіи, свободою, опиравшеюся на привилегію, а не на новомъ міровоззрѣніи, не на философической идеѣ человѣческаго достоинства и равноправности личностей.

Перейдемъ къ другой кажущейся странности Гейне, къ его наполеоновскому культу. Что могло прельщать поэта въ грубой силѣ, философа въ наложеніи молчанія на мысль, и какъ могли совмѣщаться радикализмъ Гейне съ его бонапартизмомъ?

Здѣсь мы опять коснулись одного изъ тѣхъ свойствъ Гейне, которыя въ настоящее время лишаютъ его сочувствія въ Германіи. Ненависть его къ тевтонамъ-націоналамъ и пристрастіе къ Наполеону, вотъ что ставитъ его прямо въ разрѣзъ съ нынѣшнимъ настроеніемъ въ Германіи; это-то заставляетъ въ сущности и его біографа заботиться указывать въ Гейне недостатокъ качествъ для роли «народнаго трибуна.» Но пристрастіе Гейне къ Наполеону и великой арміи означаетъ вовсе не ребяческій культъ, а накипѣвшую ненависть къ германскимъ порядкамъ того времени. Вотъ человѣкъ, писатель, котораго въ Германіи на каждомъ шагу преслѣдовало hep hep, — великій поэтъ, котораго чиновникъ фонъ-Генцъ называетъ искателемъ приключеній, человѣкъ, котораго насквозь проѣдаетъ сознаніе апатіи нѣмецкаго народа противъ ярма, которое онъ носитъ, и сознаніе безсилія своего въ настоящемъ противъ этого ярма, противъ этихъ мрачныхъ силъ, этого высокомѣрія одной касты, основаннаго на рожденіи, этого деспотизма ссылающагося на первобытныя права. Не было ли совершенно естественно, что такой человѣкъ родному деспотизму и феодализму предпочиталъ воспоминаніе о томъ деспотизмѣ, который самъ ничѣмъ не оправдывался кромѣ силы, ни на что не могъ сослаться кромѣ революціи, подъ собою не признавалъ никакихъ существенныхъ различій и вихремъ прошелся по феодальнымъ загородкамъ Германіи, обращая въ самый жалкій видъ все то, что составляло величіе и силу порядка, впослѣдствіи возстановленнаго; германскихъ королей держалъ у себя въ передней, князей и бароновъ гналъ прочь съ избитой спины народа, дворянчиковъ прочь съ плацпарадовъ, гдѣ они упражнялись фухтелями надъ своими солдатами, лучше чѣмъ саблями противъ непріятеля, отмѣнилъ феодальные поборы, кассировалъ десятки владѣній, вводилъ ко-

дексъ равноправности, уровнялъ и евреевъ со всѣми людьми... Не естественно ли было, говоримъ, человѣку, видѣвшему, какъ почти весь этотъ разрушенный порядокъ возстановился, какъ вновь благочестивые голоса запѣли старую пѣсню законности всего существующаго, только на новый, болѣе ученый ладъ, видѣвшему наконецъ свое безсиліе сдѣлать что-нибудь противъ этого въ настоящемъ,—услаждаться мыслью, что еще такъ недавно и на эту силу была сила, что все это, представлявшееся нынѣ такъ грандіознымъ и непреложнымъ, еще недавно бѣжало въ смятеніи или въ смѣшномъ видѣ слѣдовало за конемъ геніальнаго выскочки, солдата-уравнителя?

Влюбленность Гейне въ преданія великой арміи и въ демократическое величіе Наполеона столь же естественны, какъ холодность его къ свободнымъ учрежденіямъ аристократической Англіи; то и другое истекало изъ одного источника. Но далѣе такого по существу своему отрицательнаго культа къ наполеоновскому періоду Гейне и не заходилъ. Онъ очень хорошо умѣлъ различать въ Наполеонѣ сына французской революціи и учредителя новаго аристократизма. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать оговорку его, что любитъ онъ Наполеона безусловно только до восьмнадцатаго брюмэра, а не позже, когда онъ сталъ возстановлять титулы и заводить у себя новое дворянство.

Былъ ли Гейне республиканецъ? Онъ всегда съ сочувствіемъ отзывался о республиканской партіи. Оговорка, которую онъ дѣлалъ въ подобныхъ случаяхъ, что онъ не республиканецъ, а напротивъ всегда былъ монархистомъ, едва ли имѣетъ иное значеніе, какъ вставка необходимая для цензуры. По крайней мѣрѣ онъ ничѣмъ не доказалъ своего монархическаго убѣжденія. Но ничто не доказываетъ также, чтобы онъ ожидалъ наибольшей пользы именно отъ введенія республиканскаго образа правленія. Онъ самъ говоритъ, что сочувствіе его къ республиканской партіи во Франціи происходило собственно оттого, что эта партія вела себя и благороднѣе, и логичнѣе другихъ, и была единственною, гдѣ демократическій принципъ не нарушался никакими уступками. Описывая въ одной изъ своихъ корреспонденцій кровопролитное усмиреніе республиканской попытки къ возстанію, въ іюнѣ 1832 года, Гейне говоритъ: «я не могъ безъ слезъ смотрѣть на мѣста, окрашенныя ихъ кровью. Право, лучше было бы, если бы я и всѣ умѣренные вмѣстѣ со мною умерли, вмѣсто тѣхъ республиканцевъ». Но республиканцемъ онъ все-таки не былъ. Онъ былъ слишкомъ практиченъ въ своемъ направленіи, чтобы сдѣлаться республиканскимъ *дѣятелемъ*, то-есть членомъ даннаго республиканскаго кружка, затѣвавшаго введеніе респуб-

лики въ Германіи тогда, когда огромному большинству образованнаго общества тамъ еще и малѣйшее предоставленіе ему участія въ управленіи представлялось верхомъ стремленій. Для того же, чтобы стать только республиканскимъ *мыслителемъ*, т. е. проповѣдникомъ республиканской формы in abstracto, Гейне имѣлъ слишкомъ обширный умъ, слишкомъ глубокій взглядъ. Онъ, стремившійся къ освобожденію человѣческой личности, объявившій войну узамъ клерикализма и безусловныхъ политическихъ преданій, ратовавшій противъ цѣлаго міровоззрѣнія, служившаго основою всѣмъ видамъ закабаленія личности, могъ ли съузить свой кругозоръ такъ, чтобы сдѣлаться проповѣдникомъ одной политической формы? Онъ стремился къ преобразованію понятій человѣчества, къ осуществленію переворота въ самомъ умѣ человѣка, въ смыслѣ полноправности и свободнаго развитія его личности, считалъ эту задачу и практичнѣе и выше перемѣны одной политической одежды на другую.

Кромѣ того, Гейне сознавалъ еще гораздо раньше 1848 г. и прежде неуспѣшности, вызванной имъ во Франціи республики, что стремленія чистыхъ революціонеровъ-политиковъ, каковъ былъ напр. Бёрне, и республиканцевъ, видѣвшихъ все спасеніе общества въ республиканскомъ образѣ правленія, поражены внутреннею безплодностью, и что не за ними можетъ быть прочная сила.... «Вопросы эти, писалъ онъ другу своему Генриху Лаубе еще въ 1833 году, не касаются данныхъ формъ и извѣстныхъ лицъ, касаются не введенія республики или ограниченія монархіи, а—матерьяльнаго благосостоянія народной массы. Прежній чистый спиритуализмъ былъ хорошъ и полезенъ, пока большинство людей на землѣ жило въ нищетѣ и обречено было на то, чтобы утѣшать себя манною. Но съ тѣхъ поръ, какъ успѣхи производства и экономіи стали указывать на возможность спасти человѣчество отъ нищеты и осуществить для него благосостояніе на землѣ, съ тѣхъ поръ—вы понимаете, что я хочу сказать. И всѣ люди поймутъ насъ, если мы заговоримъ имъ о возможности телятины вмѣсто картофеля». Это тотъ самый вопросъ, о которомъ Гейне упоминаетъ въ своей трагедіи «Ратклиффъ», и которому онъ, говоря объ этой трагедіи, далъ характеристическое названіе «вопроса о похлебкѣ».

Поэтъ сочувствовалъ постановкѣ этого вопроса, признавалъ необходимость рѣшенія его, и не только не отрицалъ его правъ на общественное вниманіе, но и преклонялся предъ нимъ, на своемъ пути къ нравственному освобожденію человѣческой личности. Не будучи публицистомъ въ смыслѣ экономиста и статистика, Гейне, конечно, не могъ самъ высказаться въ пользу

такого или иного опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса, напр. хотя бы въ пользу предоставленія ирландскимъ фермерамъ права на выкупъ ихъ участковъ, не говоря уже о полной экономической теоріи въ томъ смыслѣ, какъ ее вырабатывали сен-симонисты и коммунисты.

Мы хотѣли только очертить здѣсь направленіе Гейне какъ участника въ борьбѣ, называемой прогрессомъ, и для насъ достаточно упомянуть, что и важный экономическій вопросъ не ускользнулъ отъ его вниманія и не заставилъ его отступить назадъ, замкнуться въ какое-нибудь «послѣднее слово» политической партіи. Мы сейчасъ увидимъ, что глубокая искренность служенія Гейне его идеѣ подтверждается даже покорностью его такимъ видамъ въ будущемъ, которые были положительно противны его артистической натурѣ.

Естественно, что въ ученіи сен-симонистовъ, какъ оно установилось уже по смерти основателя школы, графа Сен-Симона, поэта интересовала преимущественно философская и религіозная сторона. Онъ сознавалъ, что въ формулѣ сен-симонистской критики экономическаго устройства—l'exploitation de l'homme par l'homme, была доля правды; но привлекали его въ особенности тѣ положительныя философскія воззрѣнія сен-симонизма, которыя, для краткости, мы выразимъ формулами: пантеизмъ, возстановленіе правъ физической природы человѣка, святость труда, солидарность и вмѣстѣ свободу человѣческихъ личностей, равноправность женщины, и т. д.

Какъ ни ребячески-забавны были впослѣдствіи практическія дѣйствія сен-симонистскаго кружка, съ его отцомъ—Просперомъ Анфантеномъ, культомъ и т. д., но никто не рѣшится сказать, что вопросы, которыхъ въ свою очередь коснулся сен-симонизмъ, не суть вопросы огромнаго значенія, и что личныя усилія самихъ сен-симонистовъ пропали даромъ. Достаточно въ этомъ отношеніи, какъ на примѣръ, сослаться на вопросъ о правахъ женщинъ, который положительно сен-симонисты провели въ общественное сознаніе.

Къ кружку сен-симонистовъ въ Парижѣ, въ то время, когда Гейне пріѣхалъ во Францію, принадлежали: Мишель Шевальѐ, Пьеръ Леру, Лерминьѐ, Эмиль Перейръ, Этьенъ Монэ, Дюверьѐ, Жанъ Рено̀, Ипполитъ Карно и др.. Руководителями были Сент-Аманъ База̀ръ и Барт. Просперъ Анфантенъ. Въ Парижѣ они излагали свое ученіе въ публичныхъ рѣчахъ по политической экономіи и философіи, и на эти конференціи стекалась толпа, между прочимъ и то, что̀ называется «весь Парижъ», т. е. все модное общество, свѣтскія дамы и всякія знаменитости. Въ сно-

шеніяхъ съ парижскими кружками стояли многочисленные сен-симонистскіе кружки въ главныхъ городахъ Франціи. Сен-симонисты издавали свою газету, представляли адресъ въ палату депутатовъ и т. д., однимъ словомъ, дѣятельность ихъ была очень замѣтна. По мѣрѣ того, какъ представители сен-симонизма стали доводить это ученіе до полнаго коммунизма съ одной стороны и до мистицизма съ другой, дѣятельность ихъ становилась менѣе практическою и наконецъ впала въ смѣшное, когда отецъ Анфантенъ устроилъ въ Менильмонтанѣ нѣчто въ родѣ монастырскаго общежитія, въ которомъ онъ былъ въ родѣ философскаго епископа. Послѣ процесса, которому подвергло сен-симонистовъ правительство, коммуна разстроилась, и Анфантенъ, выпущенный изъ тюрьмы, отправился въ Египетъ, гдѣ занялся инженерными работами по порученію тамошняго правительства, а впослѣдствіи, возвратясь во Францію, получилъ мѣсто въ управленіи сѣверной желѣзной дороги. Онъ умеръ въ 1864 году.

Гейне не вступилъ въ сен-симонистскій кружокъ, но понималъ огромное значаніе тѣхъ вопросовъ, которые поднимали сен-симонисты, и вліяніе сен-симонистскихъ воззрѣній на него обнаружилось пантеистическимъ направленіемъ его «Исторіи религіи и философіи въ Германіи» и расширеніемъ его воззрѣній на задачу прогресса вообще. Не принадлежавъ къ кружку въ то время, когда кружокъ былъ въ модѣ, онъ нисколько не поколебался въ своемъ сочувствіи къ цѣлямъ и направленію сен-симонизма въ то время, когда кружокъ этотъ подвергся преслѣдованіямъ общества. Толпа обрадовалась тому, что въ дѣйствіяхъ сен-симонистовъ было смѣшного, и цѣлая гора насмѣшекъ была взвалена на нихъ, чтобы задушить сѣмена ихъ ученія. Можно сказать, что философскія основы этого ученія въ первые годы послѣ паденія кружка, находили наиболѣе энергическаго представителя и пропагандиста именно въ Гейне.

Не имѣя научно-экономической подготовки, Гейне, какъ мы сказали, оставлялъ безъ разбора собственно вопросъ о похлебкѣ. Но онъ признавалъ его и къ искреннему ужасу своей артистической природы, руководимый именно одною добросовѣстностью, готовъ былъ признать, что будущность принадлежитъ приверженцамъ нѣкоего грубаго коммунизма, который уничтожитъ искусства и воцаритъ на землѣ скучную ровность и пошлое однообразіе. Нельзя безъ легкой улыбки читать эти фантастическія строки Гейне, котораго варварскій коммунизмъ глубоко тревожилъ въ часы раздумья. Но въ томъ фактѣ, что онъ готовъ былъ принесть всѣ свои артистическія сочувствія, всѣ свойства интимной своей природы въ жертву этому воображаемому чудо-

вищу, думая, что того требуетъ законъ прогресса—въ самомъ дѣлѣ много трогательнаго. Видя поверхностность, отсутствіе истинно-живого нравственнаго принципа въ своемъ времени, Гейне допускалъ, что оно клонится къ упадку и что ему положитъ конецъ безпримѣрная общественная борьба, въ которой погибнутъ всѣ вопросы о религіи, національности и т. д. и разработается одинъ вопросъ — вопросъ хлѣбный. Онъ допускалъ даже, что результатомъ этой борьбы можетъ быть новый деспотизмъ—деспотизмъ демократическаго диктатора — пастуха, надъ стадомъ гладко подстриженныхъ натуръ.... и эта перспектива приводила его въ глубокое содроганіе, а между тѣмъ, онъ все-таки готовъ былъ согласиться съ неизбѣжностью, даже и законностью такого переворота, увѣровать въ этотъ новый апокалипсисъ и признать, что бороться противъ него не слѣдуетъ.

Эта фантасмагорія, конечно, доказываетъ, что Гейне вносилъ въ экономическіе вопросы поэтическую фантастичность, но она доказываетъ въ тоже время, что Гейне, какъ поэтъ, посвятившій себя на служеніе развитію человѣчества, былъ глубоко искрененъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тревожившіе его ужасы коммунизма были противнѣе его личной природѣ, чѣмъ природѣ тѣхъ *реальныхъ* идеалистовъ, которые готовы возставать противъ какой угодно системы, несовмѣстной съ ихъ интересомъ. Но онъ не считалъ себя вправѣ возставать противъ своего убѣжденія, какъ ни противно оно было его чувству. Вотъ лучшій отвѣтъ тѣмъ критикамъ, которые въ публицистической сторонѣ дѣятельности Гейне видятъ одни капризы художника и во всей борьбѣ его съ «темными силами» усматриваютъ одни поэтическіе мотивы.

Этого обзора, какъ намъ кажется, достаточно, чтобы доказать наоборотъ, что Гейне былъ совершенно логиченъ въ своемъ служеніи идеѣ общественнаго развитія, что всѣ противорѣчія его, стоявшаго посреди партій, представляютъ противорѣчія только кажущіяся, что онъ готовъ былъ жертвовать личными чувствами общему дѣлу, и въ своихъ отношеніяхъ къ партіямъ повергалъ все второстепенное въ подножіе главной, обще-человѣческой идеѣ. Однимъ словомъ, обзоръ этотъ подтверждаетъ то, что мы уже сказали прежде: «не было ни одной *школы*, которой бы Гейне остался вѣренъ или согласился быть послушнымъ, постояннымъ ученикомъ и учителемъ; не появилось ни одной мысли, на которой бы онъ *окончательно* остановился и сказалъ: вотъ это правда, правда абсолютная, въ настоящую минуту! Единственный девизъ, котораго онъ держался всегда было слово: впередъ!»

IV.

Отношенія Гейне къ большинству нѣмецкихъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ Парижѣ, были неудовлетворительны. Одни преслѣдовали его просьбами о денежной помощи и о рекомендаціяхъ, которыя не разъ ставили его потомъ въ затруднительное положеніе, потому-что оказывались иногда вовсе незаслуженными. Другіе, болѣе самостоятельные, посягали на самостоятельность самого Гейне, то-есть ожидали и требовали, чтобы онъ былъ подчиненъ рѣшеніямъ кружка, требовали его участія и въ своихъ митингахъ и резолюціяхъ, и заявляли притязаніе даже заставлять его высказываться болѣе или менѣе рѣшительно въ томъ или другомъ смыслѣ, въ его сочиненіяхъ. Но Гейне былъ менѣе, чѣмъ какой-либо самобытный писатель и независимый человѣкъ, способенъ къ такому коллективному дѣйствію и къ такой кружковой диктатурѣ. Отсюда — его несогласія съ Бёрне. Но никакъ не слѣдуетъ воображать, будто Гейне потому именно уклонялся отъ большинства своихъ соотечественниковъ въ Парижѣ, что они были несчастливы и требовали его помощи.

Изъ разсказовъ нѣсколькихъ эмигрантовъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ, слѣдуетъ совершенно противоположное. Гейне былъ человѣкъ мягкаго сердца; нѣжность его чувствъ и доброта его обнаруживались въ постоянныхъ его отношеніяхъ къ матери и женѣ, и къ старымъ друзьямъ. Нуждавшимся эмигрантамъ, а также и самимъ французамъ, которыхъ онъ знавалъ въ нуждѣ, онъ всегда готовъ былъ помочь и деньгами и хлопотами. Онъ не разъ ручался за людей, малоизвѣстныхъ ему, на значительныя суммы, давалъ взаймы нуждавшимся землякамъ сотни франковъ, безъ малѣйшей надежды когда-либо получить ихъ обратно, и т. д. Въ книгѣ Штродтманна приведено нѣсколько достовѣрныхъ примѣровъ этой готовности Гейне помогать ближнимъ: какъ онъ, между прочимъ, узнавъ, что одинъ молодой живописецъ не въ состояніи окончить портрета, послалъ ему въ подарокъ 300 фр., какъ онъ одного молодого поэта спасъ отъ конскрипціи и т. п. Въ числѣ этихъ примѣровъ оригинально ходатайство Гейне за одного чахоточнаго музыканта, который просилъ, чтобы ему позволено было жить въ люксембургской оранжереѣ, въ кадкѣ только-что погибшаго померанцоваго дерева, для того, чтобы пользоваться теплымъ воздухомъ и окончить оперу (на югъ онъ не имѣлъ средствъ ѣхать). Гейне энергически хлопоталъ за этого бѣдняка, ѣздилъ просить объ этомъ Тьера, но напрасно, и Гал-

ліенъ скоро умеръ, воспользовавшись только денежною помощью, какую могъ предоставлять ему самъ Гейне.

Изъ соотечественниковъ своихъ Гейне въ первые годы своего пребыванія во Франціи болѣе другихъ сблизился съ композиторомъ Фердинандомъ Гиллеромъ, въ домѣ котораго собирался музыкальный свѣтъ: Керубини, Шопенъ, Тальбергъ, Онсловъ, знаменитый теноръ Адольфъ Нурри. Въ числѣ новыхъ знакомыхъ его были князь Пюклеръ-Мускау и графъ Ауэрспергъ, два аристократа-литератора, Генрихъ Лаубе и Рихардъ Вагнеръ, который, въ 1839 году, съ необыкновенною самоувѣренностью пріѣхалъ изъ Риги въ Парижъ, безъ всякихъ средствъ, безъ извѣстности, но съ оперною партитурою, съ женою и съ огромною ньюфаундлендскою собакой. Вагнеръ написалъ музыку на слова «Двухъ гренадеровъ» Гейне. Кромѣ того, онъ заимствовалъ у Гейне его обработку сюжета «Вольнаго голландца» (въ запискахъ Шнабелевопскаго) и по обсужденіи сюжета вмѣстѣ съ Гейне, составилъ самъ либретто и написалъ на него оперу того же имени (Der Fliehende Holländer), которая въ Германіи вскорѣ доставила Вагнеру извѣстность. Онъ познакомился въ тоже время съ извѣстнымъ датскимъ писателемъ Андерсономъ, а въ началѣ сороковыхъ годовъ и съ Эленшлегеромъ. Между тѣмъ, многіе изъ ближайшихъ друзей, оставленныхъ Гейне въ Германіи, изъ тѣхъ друзей, которые сочувствовали первымъ его успѣхамъ и съ которыми его связывала нѣкогда общая точка отправленія, умерли: какъ-то: Лудвигъ Робертъ и его жена, Рахиль Фарнгагенъ, Мозеръ, Гансъ, Иммерманъ.

За то кругъ его знакомства постоянно расширялся въ Парижѣ. Въ парижскихъ литературныхъ кружкахъ Гейне считали сперва почти французомъ, и только узнавъ его поближе, угадали въ немъ, кромѣ французской внѣшности, нѣчто непохожее на общій мѣстный типъ, нѣчто чужое и таинственное. Въ парижскомъ литературномъ свѣтѣ Гейне пріобрѣлъ немалый личный авторитетъ. Лаубе, которому рекомендація Гейне открыла входъ ко всѣмъ знаменитымъ или извѣстнымъ писателямъ, представляетъ это какъ доказательство большого уваженія, какимъ пользовался въ Парижѣ Гейне, «ибо — замѣчаетъ онъ — французскій литераторъ очень дорожитъ своимъ временемъ и иностранцы въ особенности интересуютъ его мало».

Во французскомъ литературномъ мірѣ не могли понять тѣхъ безпрестанныхъ мелочныхъ придирокъ, личныхъ клеветъ и сплетень, какими Гейне осыпали въ нѣмецкой журналистикѣ. Разъ А. Дюма, когда при немъ зашелъ объ этомъ разговоръ, сказалъ съ удивленіемъ: «Ну, въ такомъ случаѣ нѣмецкіе литераторы

сами еще болѣе жалки, чѣмъ тамошняя пресса! Если Германія не хочетъ знать Гейне, то мы охотно признаемъ его нашимъ; бѣда только, что Гейне самъ любитъ Германію больше, чѣмъ она заслуживаетъ». Жюль Жаненъ также свидѣтельствуетъ, что Гейне, въ разговорахъ съ французами, всегда усердно защищалъ Германію. Въ то самое время, какъ доносчики и слуги ливрейнаго патріотизма въ Германіи постоянно выставляли Гейне измѣнникомъ отечеству, унижающимъ Германію въ угоду французамъ, Гейне дрался на дуэли съ однимъ французомъ по поводу оскорбительныхъ словъ о нѣмцахъ вообще, сказанныхъ въ его присутствіи, но обращенныхъ не къ нему. Эта дуэль кончилась благополучнымъ обмѣномъ выстрѣловъ.

Наиболѣе близокъ онъ былъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ съ Дюма, Ж. Жаненомъ, Т. Готье, А. де-Виньи, Миньè, Тьерри, и Жоржемъ Зандомъ, которую онъ назвалъ «величайшимъ изъ французскихъ поэтовъ, писавшихъ прозою». Но знакомъ и болѣе или менѣе близокъ онъ былъ со всѣми знаменитостями французскаго литературнаго міра; въ числѣ его пріятелей были: и Викторъ Гюго, и Граньè изъ Кассаньяка (въ то время), и Тьерри и Беранжè, и Эженъ Сю, Кюстинъ, Альфредъ де-Мюссè, Ф. Шаль, Фред. Сульè, Л. Гозланъ, Эмиль Жирарденъ и жена его Дельфина Гэ, графиня д'Агу (Даніель Стернъ), Берліозъ, пѣвецъ Рожè и т. д.

Гейне говорилъ по-французски свободно, но не особенно хорошо, когда не былъ оживленъ; но онъ говорилъ характеристично, то-есть умѣлъ всегда найти удачное и рельефное выраженіе для своей мысли. Но когда что-нибудь особенно оживляло его, онъ говорилъ по-французски отлично, остроумная и образная безъ притязательности рѣчь его текла свободно. Такъ, пріятель его, Лаубе, котораго онъ привелъ къ Ж. Зандъ, утромъ, въ то время, когда та только-что встала, и который увидѣлъ тамъ вскорѣ явившихся съ визитами Шопена, герцога Ларошфукò и Ламеннэ — удивился, услыхавъ, какъ Гейне, оживленный неожиданнымъ обществомъ, сталъ увлекательно говорить по-французски. Такъ, Арнольдъ Ругè, извѣстный радикальный писатель, свидѣтельствуетъ, что Гейне мастерски умѣлъ употреблять французскую рѣчь съ ея бойкими оборотами.

Изъ иностранцевъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ, Гейне былъ близокъ съ Листомъ и венгерскимъ писателемъ, графомъ Дешевфи, и Теодоромъ Моравскимъ, польскимъ эмигрантомъ, который былъ секретаремъ внѣшнихъ сношеній въ революціонномъ правительствѣ 1831 года, и съ княгинею Христиною Бельджойозо, изгнанницею изъ Ломбардіи.

Со времени переселенія его во Францію, здоровье Гейне значительно поправилось, хотя онъ все-таки остался подверженъ частымъ припадкамъ нервной головной боли. Здоровье свое онъ поддерживалъ поѣздками къ морскимъ купаньямъ каждое лѣто, въ Булонь, Дьеппъ и т. д. Но на одной изъ поѣздокъ въ Бретань онъ заболѣлъ желтухою и по совѣту врачей поѣхалъ въ Марсель, чтобы отправиться оттуда въ Неаполь. Съ судномъ, на которомъ онъ отправился-было, приключилось несчастіе, и онъ вернулся. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, въ 1836 и 1837 году, Гейне имѣлъ такой здоровый видъ, какъ никогда прежде: на щекахъ у него былъ легкій румянецъ, онъ сталъ замѣчать въ себѣ даже нѣкоторое дородство и собирался сдѣлаться скоро «совсѣмъ бюргермейстеромъ». Одѣвался Гейне всегда изящно и по модѣ, безъ мелочного франтовства. Но квартира его не была такъ старательно и изящно убрана и украшена, какъ у большей части французскихъ литераторовъ: у него не было ни рѣзной мебели, ни статуэтокъ и картинъ, ни дорогихъ ковровъ; квартира была простая, бюргерская квартира.

Въ употребленіи вина и вообще напитковъ Гейне былъ очень умѣренъ; онъ даже будучи студентомъ не бывалъ навеселѣ! Виноградное вино онъ еще пилъ, но и то едва касаясь стакана губами, а грогъ, пуншъ и водка были ему просто невыносимы. Но лакомкой онъ былъ всегда и съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ карту у Вефура или Вери, прежде чѣмъ заказать свой обѣдъ.

Распоряжаться деньгами съ экономіею Гейне не былъ мастеръ: и жена его тоже не была образцовою хозяйкой. Частыя поѣздки на воды и на дачи, съ женою, частыя перемѣны квартиръ, наконецъ — обильныя вспомоществованія, которыя онъ оказывалъ нуждающимся пріятелямъ и бѣднымъ, составляли такой бюджетъ расходовъ, который трудно было уравновѣсить платою за литературный трудъ. За этотъ трудъ онъ въ первые годы своего пребыванія во Франціи пріобрѣталъ немного болѣе *трехъ тысячъ* франковъ (!) въ годъ, среднею цифрою, да отъ дяди своего, Соломона Гейне, онъ получалъ, со времени переселенія въ Парижъ, по четыре тысячи фр. въ годъ, такъ что весь годовой доходъ его составлялъ около 7,000 франковъ. Не говоря уже о томъ, какъ ничтожно было вознагражденіе литературнаго труда Гейне, нельзя не признать, что и жить-то въ Парижѣ вдвоемъ на 7,000 фр. нельзя было съ нѣкоторымъ комфортомъ даже и въ тѣ времена, особенно еще помогая другимъ.

Поэтому, Гейне постоянно нуждался въ деньгахъ. Онъ познакомился съ парижскимъ Ротшильдомъ и часто бывалъ у него. Это знакомство подало ему мысль пускаться въ биржевыя спе-

куляціи, лучшимъ результатомъ которыхъ было, впрочемъ, только то, что Ротшильдъ нѣсколько разъ спасъ его отъ большихъ потерь, какимъ онъ неизбѣжно подвергся бы при своемъ незнаніи дѣла и при своей горячности. Отношенія Гейне къ Джемсу Ротшильду были совершенно независимыя, и онъ не стѣсняясь подшучивалъ надъ слабостями милліонера, и умѣлъ иногда, вслучаѣ нужды, и «осадить его», чѣмъ Ротшильдъ, впрочемъ, не обижался. Такъ, однажды Ротшильдъ позволилъ себѣ сказать при немъ: «Что̀ мнѣ всѣ эти никуда негодные литераторы и артисты?! Захочу, такъ могу дюжинами скупить ихъ».—«Очень можетъ быть, — возразилъ Гейне — но какъ вы сдѣлаете потомъ, чтобы продать ихъ съ барышомъ?» Есть множество разсказовъ о сатирическихъ выходкахъ Гейне въ разговорахъ съ Ротшильдомъ. Но къ г-жѣ Ротшильдъ онъ относился всегда съ уваженіемъ; онъ не разъ и съ успѣхомъ указывалъ ей на людей, нуждающихся въ помощи. Во всякомъ случаѣ, онъ не былъ неблагодаренъ и по отношенію къ самому барону Джемсу за радушный пріемъ, какой находилъ въ его домѣ, и разъ нашелъ возможность, онъ, полу-бѣднякъ Гейне, сдѣлать подарокъ «князю милліонеровъ». Когда Фридрихъ Штейнманъ — тотъ самый, который послѣ смерти Гейне издалъ нѣсколько апокрифическихъ стихотвореній съ его именемъ—составилъ исторію дома Ротшильдовъ, написанную въ самомъ враждебномъ духѣ, то Гейне предупредилъ на свой счетъ изданіе этой книги, убѣдивъ Кампе заплатить гонораpій, обѣщанный Штейнману, изъ денегъ, причитавшихся самому Гейне, но съ тѣмъ, чтобы пасквиль напечатанъ не былъ.

Запрещеніе въ Германіи сочиненій всѣхъ представителей «юной Германіи», въ томъ числѣ и Гейне, по доносу Менцеля, нанесло денежнымъ средствамъ поэта очень чувствительный ударъ, хотя, конечно, сочиненія его все-таки проникали въ Германію. Около того времени, какъ на немъ отозвался этотъ ударъ, онъ еще попалъ въ большее затрудненіе вслѣдствіе несостоятельности одного пріятеля въ Парижѣ, за котораго онъ поручился. Онъ обратился съ просьбою о помощи къ дядѣ Соломону, но тотъ отвѣчалъ только упреками, и это повело къ перепискѣ, вслѣдствіе которой дядя рѣшился-было прекратить всякое пособіе племяннику. Но вскорѣ отношенія между ними опять уладились и даже къ лучшему. Соломонъ Гейне, пріѣхавъ въ Парижъ въ 1838 году, обошелся совсѣмъ подружески съ Гейне и его женой, даже возвысилъ ежегодную пенсію племяннику до цифры 4,800 франковъ и далъ ему обѣщаніе, что половина этой суммы будетъ завѣщана имъ женѣ Гейне, на случай смерти поэта.

Гуцковъ не даромъ упрекалъ своихъ соотечественниковъ въ тупомъ равнодушіи къ судьбѣ лучшихъ своихъ людей.... «Правда— писалъ онъ—мы, нѣмцы, поэтичны только до извѣстной степени. Намъ и не приходитъ въ голову подумать, какъ много драгоцѣннаго, благороднаго написалъ Гейне, какъ трогательна его шутка, какъ смѣшонъ его преднамѣренный паѳосъ, какъ ироничны его слезы, какъ чудны и привлекательны всѣ его выходки! А чтобы, вмѣсто каменныхъ памятниковъ, какіе мы воздвигаемъ Шиллерамъ, Гёте и Лессингамъ, мы послѣдовали бы примѣру французовъ относительно Беррьё или англичанъ относительно Вальтера Скотта, и подарили бы Гейне дачу или заплатили бы его долги—на это мы всегда останемся слишкомъ неловки. Никто не мѣшаетъ намъ устроить для Гейне пенсію, чрезъ посредство какого-нибудь парижскаго дома и производить ему ее до тѣхъ поръ, пока у насъ не кончится царство полицейскаго произвола.... Но ни гроша не соберутъ нѣмцы» [1]). Не мудрено, что Гейне принялъ ежегодное пособіе, назначенное ему французскимъ правительствомъ, какъ изгнаннику, но Гейне никогда и не скрывалъ этого факта отъ своихъ нѣмецкихъ друзей. Относительно вліянія, какое могло оказать это пособіе на парижскія корреспонденціи Гейне въ «Allgemeine Zeitung», Штродтманнъ, въ послѣдней части своей книги, справедливо замѣчаетъ, что особенно рѣзкія нападки на французское правительство въ Аугсбургской газетѣ были и безъ того невозможны, такъ какъ Людовикъ-Филиппъ нарочно далъ орденъ Почетнаго Легіона цензору этой газеты, чтобы предупредить ихъ. Было одно время, когда Гейне даже едва не выслали изъ Франціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми эмигрантами, на которыхъ указало прусское правительство. Гейне оставили въ покоѣ просто по ошибкѣ, полагая, что онъ пріобрѣлъ себѣ право французскаго гражданства. Между тѣмъ, Гейне хотя и въ самомъ дѣлѣ исполнилъ первыя формальности для пріобрѣтенія натурализаціи во Франціи, именно для безопасности, но въ послѣднюю минуту не рѣшился довершить ихъ, не рѣшился именно потому, что ему больно было даже такимъ наружнымъ образомъ отречься отъ Германіи.... «Для меня была бы нестерпима мысль, что я — германскій поэтъ и въ тоже время натурализованный французъ....—говоритъ онъ—нѣтъ, пусть не будетъ никакой оговорки на моей могильной надписи, гласящей, что здѣсь лежитъ нѣмецкій поэтъ».

[1]) Это было совершенно вѣрно относительно тогдашнихъ нѣмцевъ и по отношенію къ Гейне. Но нравы перемѣнились нынѣ, и именно для Гуцкова: когда онъ недавно впалъ въ тяжкую болѣзнь, была сдѣлана въ Германіи національная подписка.

Отношенія Гейне съ его издателемъ Юліемъ Кампе, въ Гамбургѣ, были опредѣлены въ 1837 году контрактомъ, которымъ поэтъ предоставилъ Кампе право эксплуатаціи всѣхъ своихъ произведеній втеченіе 11-ти лѣтъ, за сумму всего 20 тысячъ франковъ. Осенью 1843 года, Гейне былъ въ Гамбургѣ и тогда заключилъ съ Кампе новый контрактъ, которымъ выговорилъ себѣ пенсію, которая должна была по смерти его перейти къ г-жѣ Гейне. Цифра этой пенсіи была назначена такъ: втеченіи первыхъ четырехъ лѣтъ по 200 банковыхъ марокъ, съ 1848 же года по 1,200 марокъ, а съ 1853 года — по 1,500 марокъ. За это Гейне впередъ продалъ Кампе будущее полное собраніе своихъ сочиненій (до изданія этого онъ не дожилъ) и такимъ образомъ хотя нѣсколько обезпечилъ себя въ настоящемъ тѣмъ, что получилъ возможность заплатить всѣ свои долги, достигавшіе до суммы 20 тысячъ франковъ. Въ денежныхъ дѣлахъ Гейне былъ очень практиченъ и, какъ замѣчаетъ Лаубе, «въ немъ оставалась фамильная купеческая способность». Онъ хотя гордился тѣмъ, что хорошо понималъ издательское дѣло и умѣлъ разсчитывать съ точностью и гонорарій, и издержки изданій и проч., «но послѣ всѣхъ этихъ точныхъ предварительныхъ разсчетовъ, говоритъ Штродтманнъ, достаточно было какого-нибудь поворота въ общественномъ мнѣніи, какого-нибудь новаго движенія нравственнаго свойства, чтобы сбить все это цифровое зданіе какъ карточный домикъ. Въ немъ тотчасъ воспрянетъ поэтъ, джентльменъ, и всякій споръ о денежныхъ выгодахъ отбрасывается въ сторону».

Одно время, въ 1838 году, Гейне былъ занятъ мыслью объ изданіи въ Парижѣ нѣмецкой газеты, подъ заглавіемъ «Pariser Zeitung». Онъ полагалъ возможнымъ, что прусское правительство согласится допустить ее въ свои владѣнія, если онъ, Гейне, поручится, что она не будетъ систематично враждебна прусскому правительству, но безпристрастна. Онъ даже писалъ объ этомъ прусскому министру Вертеру. Въ письмѣ своемъ къ Фарнгагену о томъ же предметѣ онъ обѣщалъ даже заимствовать прусскія извѣстія только изъ прусскихъ же цензурованныхъ газетъ; онъ говорилъ еще, что ему дѣла нѣтъ до старыхъ прусскихъ провинцій, но что онъ желаетъ полнаго простора для сужденія о томъ, что касается до рейнскихъ провинцій, которыхъ интересы ему близки. Само собою разумѣется, что прусскій министръ не поспѣшилъ дать удовлетворительный отвѣтъ, и Гейне оставилъ этотъ проектъ также легкомысленно, какъ за него взялся. Легкомысленно это было потому, что еслибы даже прусское правительство и дало требуемое согласіе — что уже само по себѣ было

невѣроятно — то нѣтъ сомнѣнія, что Гейне повелъ бы все-таки свою газету такъ, что она была бы тотчасъ же запрещена въ Пруссіи, и онъ остался бы тогда, во-первыхъ, компрометтированнымъ передъ радикальною партіею, которой конечно показалось бы слишкомъ уступчивымъ и то, за что прусская цензура сочла бы необходимымъ запретить газету,—а во-вторыхъ — съ огромнымъ долгомъ на рукахъ.

Возвратимся къ частной жизни поэта. Въ первые года своего пребыванія въ Парижѣ онъ имѣлъ не мало любовныхъ интригъ. Одной изъ такихъ интригъ суждено было обратиться въ постоянную страстную привязанность. Возлюбленную своей молодости Гейне видѣлъ въ послѣдній разъ, въ Гамбургѣ, въ октябрѣ 1827 года. Эта особа, внушившая Гейне столько чудныхъ по нѣжности и меланхолическому юмору пѣсенъ, была кузина его Амалія Гейне, вышедшая въ 1821 году за кёнигсбергскаго помѣщика Фридлендера. Сомнѣніе относительно того, кто именно была эта муза поэтической юности Гейне, не было разрѣшено до послѣдняго времени, и даже братъ Гейне, докторъ Гейне, въ своихъ «воспоминаніяхъ» о поэтѣ утверждаетъ, что эта любовь Генриха къ кузинѣ ихъ Амаліи не болѣе какъ басня. Но сомнѣніе невозможно послѣ подлиннаго письма Гейне къ Фарнгагену, которое приводитъ Штродтманнъ, и гдѣ Гейне прямо ее называетъ. При послѣднемъ свиданіи, онъ написалъ на листѣ бумаги, которымъ играла шести-лѣтняя дочь г-жи Фридлендеръ, стихотвореніе, до сихъ поръ еще не напечатанное. Эта дочь женщины, которую любилъ Гейне, теперь замужемъ за берлинскимъ литераторомъ Лео. Послѣднее свиданіе однако уже не растравило, повидимому, въ Гейне прежней раны, по крайней мѣрѣ оно не отразилось, какъ прежде, на его дѣятельности.

Вторая любовь Гейне, уже въ зрѣломъ возрастѣ, имѣла совсѣмъ иной характеръ. Какъ та была безнадежна, состояла вся изъ отчаянія, такъ это была реальная и сперва даже не казалась прочною. Гейне влюбился въ дѣвушку изъ рабочаго сословія и сперва, какъ видно изъ писемъ его, считалъ эту любовь сильнымъ, но не-серьезнымъ увлеченіемъ, которое только мѣшаетъ ему работать. «Розовыя облака еще закрываютъ отъ меня все остальное, и запахъ цвѣтовъ меня одуряетъ, такъ что я не могу бесѣдовать съ вами, какъ разумный человѣкъ. Прочтите пѣснь пѣсней Соломона, и вы найдете тамъ все, что я могу вамъ сказать», вотъ какъ писалъ Гейне объ этой связи одному изъ своихъ пріятелей, Левальду, въ апрѣлѣ 1835 г. Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ, что это «состояніе» продолжается уже съ октября. Около того же времени, онъ пишетъ своему издателю Кампе:... «волны

жизни съ такой силою бьютъ мнѣ черезъ голову, что я едва даже могъ думать о васъ... Безумный, я полагалъ, что пора страстей для меня уже миновалась...» Гейне даже попробовалъ-было спастись отъ этой любви, уѣхавъ на-время изъ города. Но страсть покорила его, и возвратясь въ Парижъ, онъ нанялъ новую квартуру и зажилъ какъ женатый человѣкъ. Матильда Кресценсія Мира (Mirat) сдѣлалась m-me Heine для всѣхъ знавшихъ Гейне. Матильда Мира была хорошенькая брюнетка, довольно высокаго роста, съ блестящими глазами, низкимъ лбомъ, обрамленнымъ черными волосами, нѣсколько большимъ ртомъ, бойкимъ и веселымъ характеромъ, настоящая парижская гризетка, въ лучшемъ смыслѣ этого слова; она была дѣтски-весела, наивно-страстна, болтлива, остроумна по-своему, и способна къ глубокой привязанности, какъ то оказалось изъ невозмутимаго супружескаго счастья, какимъ наслаждался Гейне двадцать лѣтъ и о которомъ онъ еще при концѣ жизни говорилъ, какъ о чемъ-то неземномъ по безусловности, хотя и совершенно земномъ съ другой стороны по своему характеру. Само собою разумѣется, что такая женщина не могла понять Гейне какъ поэта, и поэтъ не только не обижался равнодушіемъ ея къ его славѣ, но еще гордился этимъ, какъ доказательствомъ, что онъ дорогъ любимой женщинѣ просто какъ личность и не потому что онъ—знаменитость, а какъ говорила она—«parce qu'il est bien». Однажды какъ-то Матильдѣ Гейне попалъ въ руки переводъ стихотвореній Гейне и она, открывъ наудачу, стала читать; вдругъ она поблѣднѣла и положила книгу на столъ: ей попалось одно изъ любовныхъ стихотвореній. Она тогда же сказала, что не хочетъ знать сочиненій, въ которыхъ мужъ ея любилъ другихъ женщинъ.

Вообще трудно понять то пренебреженіе нѣмецкихъ біографовъ Гейне къ этой любящей женщинѣ, которую Гейне, въ дѣйствительности — по удостовѣренію какъ всѣхъ знавшихъ его людей, такъ и тѣхъ трогательныхъ словъ о ней, какія встрѣчаются въ стихахъ его и письмахъ—любилъ болѣе, чѣмъ какое-либо существо на свѣтѣ. Что она была француженка и не очень образована, это еще далеко не объясняетъ пренебреженія къ той женщинѣ, которая могла занять собою и осчастливить геніальнаго человѣка въ продолженіи двадцати лѣтъ. Они видятъ въ этомъ бракѣ нѣкоторую mesalliance. Какъ будто всѣ тѣ образованныя германскія дѣвицы, которыя были женами нѣмецкихъ поэтовъ, стояли на уровнѣ своихъ мужей!

Матильда ничего не знала о томъ, какой великій поэтъ ея мужъ и почему онъ великій поэтъ; но она со слезами разсказывала Мейсснеру о томъ, какой хорошій человѣкъ Гейне, ка-

кое у него доброе сердце и т. д. Они въ первые годы очень часто ссорились, такъ какъ Матильда бывала капризна и всегда была горяча. Даже черезъ два года послѣ ихъ знакомства, Гейне въ нѣкоторыя минуты высказывалъ убѣжденіе, что эта связь «не кончится добромъ». Но все это уладилось, когда они лучше поняли каждый характеръ другого. Впослѣдствіи Гейне любилъ дразнить свою жену, представляясь, будто онъ считаетъ себя жертвою ея капризовъ, будто она его мучитъ и т. д., такъ что m-me Heine наконецъ вспылитъ, «но гнѣвъ ея, говоритъ Мейсснеръ, былъ не страшнѣе гнѣва канарейки».

Гейне позаботился дать ей нѣкоторое образованіе, помѣстилъ ее въ 1839 году въ пансіонъ, и посѣщалъ ее по воскресеньямъ. Разъ онъ взялъ съ собою Мейсснера. «Молодыя пансіонерки устроили маленькій балъ, и Гейне позвалъ меня посмотрѣть, какъ будетъ танцовать его petite femme. Она была больше всѣхъ воспитанницъ, но къ восторгу своего мужа, танцовала съ совершенно-дѣтскою граціею, точно небольшая дѣвочка. Какъ счастливъ былъ онъ въ то время, какъ безпеченъ въ волшебной сферѣ своей привязанности! Каждая ступень Матильды въ ея образованіи, особенно въ изученіи исторіи и географіи, давала ему поводъ къ веселымъ наблюденіямъ. Что она умѣла перечислить въ порядкѣ египетскихъ царей лучше, чѣмъ онъ, и сообщила ему неизвѣстный для него, какой-то чудесный случай съ Лукреціею— это приводило его въ безграничный восторгъ». Черезъ восемь лѣтъ супружеской жизни, именно въ 1843 году, Гейне писалъ брату своему Максимиліану: «моя жена — доброе, естественное, веселое дитя, причудливое какъ только можетъ быть француженка, и она не позволяетъ мнѣ погружаться въ меланхолическія думы, къ которымъ я такъ склоненъ. Вотъ уже восемь лѣтъ какъ я люблю ее съ нѣжностью и страстностью, доходящими до баснословнаго. Въ это время я испыталъ много счастья, мученій и блаженства въ угрожающихъ дозахъ, болѣе, чѣмъ сколько годилось бы для моей чувствительной натуры».

Какъ Матильда не принимала участія въ общественномъ служеніи поэта, такъ онъ не вмѣшивался въ ея религіозныя обыкновенія. Она была усердная католичка; въ комнатѣ у нея было распятіе и восковая фигура Спасителя: она много молилась и къ обѣдни ходила каждый день, какъ пріучена была дома. Приведемъ шутливыя соображенія, которыя все это вызывало въ умѣ Гейне: «Что болѣе обезпечиваетъ вѣрность женъ—католицизмъ или протестантизмъ, объ этомъ я разсуждать не буду. Но во всякомъ случаѣ, католицизмъ женъ имѣетъ спасительныя стороны для мужей. Жены католички если провинятся, не долго но-

сятся съ горемъ по этому поводу, и какъ только получатъ отпущеніе грѣха, тотчасъ развеселяются и не портятъ мужьямъ крови или супа мрачною задумчивостью надъ грѣхомъ, который пришлось бы искупать до конца жизни ужасающею строгостью обычаевъ или сердитою добродѣтелью. Обрядъ признанія патеру въ грѣхѣ хорошъ еще тѣмъ, что онъ удовлетворяетъ свойственную женщинамъ сообщительность, а тѣмъ самымъ устраняетъ непріятную возможность, что жена въ минуту откровенности вдругъ выболтаетъ свои ужасныя тайны злополучному супругу».

Гейне и при концѣ жизни нисколько не охладѣлъ къ своей Матильдѣ: «обдумавъ все это хорошенько, говоритъ Мейсснеръ (котораго свидѣтельство почти буквально подтверждается Генрихомъ Лаубе), я долженъ придти къ такому выводу, что свою Матильду поэтъ любилъ болѣе, чѣмъ какое-либо живое существо. На постели, гдѣ онъ страдалъ, во время сильнѣйшихъ мученій, всѣ его мысли постоянно были устремлены къ тому, чтобы охранить ея честь передъ свѣтомъ, и обезпечить ее на всю жизнь. Его вѣчно мучила мысль, что онъ въ счастливое время ничего не отложилъ для нея, и онъ напрягалъ послѣднія свои усилія, чтобы исполнить это, насколько оставалось къ тому возможности.... Она не принимала участія въ его умственныхъ отправленіяхъ, она не знала ничего о той борьбѣ, которую онъ велъ, но она все-таки жила въ немъ, и только имъ однимъ, и двадцать лѣтъ была ему вѣрнымъ другомъ».

Гейне узаконилъ свою супружескую жизнь въ 1841 году по поводу дуэли, которая была однимъ изъ послѣдствій его книги «о Бёрне». Въ этой книгѣ онъ оскорбилъ женщину, съ которою Бёрне былъ въ дружбѣ, и мужъ этой дамы, нѣкто Соломонъ Штраусъ, встрѣтивъ поэта въ іюнѣ 1841 года въ Парижѣ, на улицѣ сталъ ругать его крупною бранью, самъ весь трясясь отъ гнѣва. Гейне собирался въ то время отлучиться изъ Парижа и просилъ отложить «это дѣло» до его возвращенія, такъ какъ со времени обиды, въ которой упрекалъ его Штраусъ, и безъ того прошолъ уже годъ. Но Штраусъ, его жена и весь ихъ кружокъ, питая къ Гейне непримиримую ненависть, не стѣснялись въ своихъ средствахъ вредить ему, и главнымъ ихъ оружіемъ было именно распространеніе о Гейне всякихъ гнусныхъ сплетень. Такъ и теперь, въ газетахъ было помѣщено извѣстіе, что Гейне уѣхалъ изъ Парижа, будто бы съ цѣлью спастись отъ Штрауса. Узнавъ объ этомъ, Гейне возвратился въ Парижъ и послалъ къ Штраусу секундантовъ — Теофиля Готье и Альфонса Ройе (впослѣдствіи директоръ оперы).

Дуэль состоялась 7-го сентября въ сен-жерменской долинѣ;

оружіемъ были, по требованію Гейне, избраны пистолеты. Секундантами Гейне на мѣстѣ были: вандейскій помѣщикъ Тессье де-Мало и корреспондентъ аугсбургской газеты Скуффертъ; Штрауса—извѣстный врачъ, республиканецъ Распайль и одинъ нѣмецъ. Первымъ стрѣлялъ Штраусъ, и пуля его ранила Гейне въ бедро на вылетъ; Гейне выстрѣлилъ на воздухъ. Рана его причинила только незначительное воспаленіе накостной плевы. Но этимъ дѣло со Штраусами не кончилось, и они продолжали распространять клеветы противъ него гдѣ только могли. Разъ Гейне чуть-было не вызвалъ редактора газеты «National», Армана Марра, за перепечатку одной изъ такихъ клеветъ, гдѣ утверждалось, что Гейне всегда ругалъ республиканцевъ, называлъ Ламенне un prêtre abominable и т. п. Арманъ Марра съ сердцемъ объяснилъ Гейне, что къ нему пристало около тридцати человѣкъ евреевъ изъ Франкфурта и не давали ему покоя, покуда онъ не напечаталъ этой отмѣтки. Онъ разумѣется исправилъ дѣло. Гейне приписывалъ Штраусамъ все непріятное для него, что только исходило изъ Германіи.

Вотъ передъ этой-то дуэлью, Гейне и счелъ себя обязаннымъ легитимировать положеніе своей подруги. Онъ долженъ былъ подписать реверсъ о крещеніи дѣтей, если они будутъ у него—въ католическую вѣру, и получивъ диспенсъ архіепископа, вѣнчался съ Матильдою 31-го августа 1841 года въ церкви св. Сульпиція. На свадьбу онъ пригласилъ только такихъ друзей, которые, подобно ему, жили въ брачныхъ отношеніяхъ, неосвященныхъ закономъ, и за обѣдомъ произнесъ юмористическій увѣщательный спичъ.

Въ 1843 году, Гейне совершилъ поѣздку въ Германію, или собственно говоря въ Гамбургъ, куда влекло его неодолимое желаніе повидаться съ матерью. На слѣдующій годъ онъ опять собрался туда и взялъ съ собою жену, но она должна была скоро возвратиться въ Парижъ, такъ какъ ея мать опасно занемогла. Плодомъ этой второй поѣздки была поэма «Deutschland», напечатанная въ 1844 году въ одной книгѣ съ «Neue Gedichte», и въ тоже время отдѣльнымъ изданіемъ. Эта поэма закрыла ему навсегда въѣздъ въ прусскія владѣнія, такъ какъ за напечатаніемъ ея послѣдовало циркулярное предписаніе объ арестованіи автора, разосланное во всѣ пограничныя мѣстности Пруссіи. И эта мѣра никогда не была взята назадъ, такъ что прусское правительство совершило даже относительно Гейне актъ самаго мелочного «невеликодушія»: когда, въ 1846 году, поэтъ почувствовалъ первые удары своей тяжкой болѣзни и просилъ о дозволеніи ему проѣхать въ Гамбургъ, чрезъ прусскую

территорію, для того, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ матерью — просьба эта не была исполнена. Великая держава Пруссія мстила человѣку, пораженному параличемъ. Гейне обратился съ просьбою по этому предмету къ знаменитому Гумбольдту, который былъ, какъ извѣстно, въ большой милости у короля. Въ книгѣ Штродманна впервые помѣщенъ полный текстъ письма Гейне къ Гумбольдту, списанный съ подлинника, находящагося въ коллекціи автографовъ, принадлежавшей Радовицу, а также и отвѣтъ Гумбольдта. Гейне просилъ позволенія проѣхать въ Гамбургъ для свиданія съ матерью и пріѣхать на нѣсколько дней въ Берлинъ, чтобы посовѣтоваться съ тамошними врачами о необыкновенной болѣзни, постигшей его. Въ отвѣтѣ своемъ Гумбольдтъ заботливо упомянулъ о своемъ уваженіи именно къ автору невинной «Buch der Lieder», и сообщилъ ему, что ему «не удалось». «Отказъ», пишетъ онъ далѣе, былъ даже столь рѣшителенъ, что я, ради личнаго вашего спокойствія, долженъ даже особенно просить васъ не касаться прусской территоріи.» На сохраненной копіи съ этого отвѣта есть надпись Гумбольдта, въ которой онъ самъ называетъ свой отвѣтъ «осторожнымъ» и увѣряетъ, будто король, искренно любившій Гейне какъ поэта, позволилъ бы ему пріѣхать, если бы не помѣшала полиція. Какъ будто полиція ограничивала власть прусскаго короля, точно законодательное или церковное учрежденіе!

Мы должны перейти теперь къ тому факту, за которымъ непосредственно послѣдовала нервная болѣзнь Гейне, такъ непосредственно въ самомъ дѣлѣ, что нельзя въ этомъ фактѣ не видѣть по меньшей мѣрѣ окончательнаго толчка, вызвавшаго болѣзнь. Гейне до 1845 года страдалъ только слабостью зрѣнія. Что болѣзнь эта имѣла нервную причину, ясно изъ ея характера: она заключалась въ чрезмѣрномъ расширеніи зрачка въ правомъ глазу. Но неожиданное нравственное потрясеніе дало болѣзни непредвидѣнное развитіе. Въ декабрѣ 1844 года умеръ дядя поэта, Соломонъ Гейне, и сынъ его и главный наслѣдникъ Карлъ Гейне (тотъ самый, котораго Гейне нѣкогда спасалъ своими попеченіями и съ увѣренностью, что подвергаетъ свою жизнь опасности, когда онъ заболѣлъ холерою), отказался продолжать поэту ту пенсію, которая, какъ всѣмъ было извѣстно, и какъ Соломонъ Гейне положительно объявилъ самъ, должна была быть пожизненною и даже перейти, въ половинной части, на вдову поэта. Карлъ Гейне соглашался признать право Генриха Гейне только на 8,000 марокъ, сумму, которая была назначена Генриху Гейне и каждому изъ его братьевъ, какъ еди-

новременный даръ, въ завѣщаніи. Знаменитый Мейербэръ поспѣшилъ дать поэту письменное удостовѣреніе въ томъ, что Соломонъ Гейне, назначивъ племяннику своему пенсію по его, Мейербэра, ходатайству, назначилъ ее именно на все продолженіе жизни поэта, съ ясно выраженною цѣлью обезпечить его въ старости и упрочить за нимъ личную независимость. Гейне былъ не только пораженъ въ своихъ средствахъ на будущее время, и въ видахъ своихъ относительно будущности жены, но и глубоко возмущенъ несправедливостью и неблагодарностью именно того единственнаго человѣка изъ семейства дяди, котораго онъ всегда искренно любилъ.

Мы не будемъ излагать переписки, происходившей по этому поводу. Скажемъ только, что Гейне твердо стоялъ на своемъ правѣ и что друзья его дѣлали что могли, чтобы усовѣстить жаднаго наслѣдника Соломона. Особенно энергически возбуждалъ ихъ къ дѣйствію другъ Генриха Гейне, Фердинандъ Лассаль, которому въ то время (въ 1846 году) было еще только 21 годъ. Гейне угадалъ въ этомъ юношѣ необыкновеннаго человѣка, и не только любилъ, но и почиталъ молодого Лассаля. Вотъ, что онъ писалъ между прочимъ о Лассалѣ въ рекомендательномъ письмѣ къ Фарнгагену:... «Это соединеніе знанія и силы, таланта и твердости убѣжденій было для меня отраднымъ явленіемъ, и я надѣюсь, что и вы, при вашей многосторонности, оцѣните это. Г. Лассаль—рельефный представитель новаго времени, которое не хочетъ знать того самоотреченія и той скромности, съ какими мы пробивались въ наше время, болѣе или менѣе лицемѣрно».

Карлъ Гейне впослѣдствіи, именно черезъ два года, согласился признать и выплачивать Генриху Гейне пенсію, а при свиданіи съ нимъ, въ февралѣ 1847 года, обязался продолжать ее въ половинной части вдовѣ Гейне, съ условіемъ, чтобы поэтъ со своей стороны обязался никогда не печатать ничего сколько-нибудь оскорбительнаго для всей обширной родни Карла Гейне, къ которой принадлежали между прочимъ и Фульды. Онъ грозилъ, въ противномъ случаѣ, немедленно прекратить производство пенсіи вдовѣ Гейне, лишь только въ печати явится что-нибудь, написанное поэтомъ безъ уваженія къ его роднѣ, хотя бы это произошло послѣ его смерти и независимо отъ выраженной имъ воли.

Такимъ образомъ, дѣло о наслѣдствѣ устроилось наконецъ удовлетворительно, но ударъ поэту былъ нанесенъ. Въ декабрѣ 1844 года, умеръ его дядя и послѣдовалъ отказъ отъ платежа пенсіи, а въ январѣ 1845 года, съ Гейне случился уже родъ

паралича: сперва поражено было зрѣніе, потомъ параличъ распространился на оконечности, затронувъ и грудь. «Измѣна, поразившая меня въ нѣдрахъ семейства, гдѣ я былъ безоруженъ и полонъ довѣрія, писалъ Гейне Фарнгагену, подѣйствовала на меня какъ ударъ молніи, внезапно вылетѣвшей изъ яснаго воздуха, и почти смертельно сломила меня».

Ach, Blutsfreunde sind es eben,
Welche mir den Tod gegeben,
Und die schnöde Meuchelthat
Ward verübet durch Verrath.

Впослѣдствіи, когда болѣзнь поэта усилилась, Карлъ Гейне сталъ присылать ему еще періодическія пособія, которые удвоили его пенсію. Но леченіе и уходъ за больнымъ стоили такъ дорого, что Генрихъ Гейне долженъ былъ еще занимать у своихъ родныхъ братьевъ: «болѣзнь моя — звѣрь пожирающій деньги, писалъ онъ къ Кампе, а у Карла Гейне я никогда не буду ничего просить; онъ и такъ довольно сдѣлалъ для меня».

V.

При началѣ 1848 года, Гейне жилъ нѣкоторое время въ одномъ лечебномъ заведеніи, за зоологическимъ садомъ, близъ заставы. Однажды онъ, посѣтивъ свою жену, которая оставалась на прежней его квартирѣ, послалъ нанять карету, чтобы ѣхать назадъ въ лечебницу. Карета была нанята, но долго заставляла себя ждать, наконецъ, не пріѣхала: ее захватила по дорогѣ февральская революція и употребила на баррикаду. Гейне едва добрался домой, оглушенный шумомъ и нѣсколько дней не могъ придти въ себя отъ волненія. Онъ былъ въ то время уже очень боленъ, особенно — худо видѣлъ. Описаніе первыхъ впечатлѣній переворота было послѣднею изъ его корреспонденцій въ «Allgemeine Zeitung». Статья эта, писанная 3-го марта 1848 г., послѣ того еще не была перепечатана нигдѣ и является теперь цѣликомъ въ послѣднемъ томѣ Штродтманна. Приводимъ изъ нея нѣсколько выдержекъ.

«Не могъ еще собраться писать вамъ о событіяхъ трехъ великихъ февральскихъ дней, потому что голова моя была совсѣмъ отуманена. Барабанный бой, перестрѣлка и марсельеза безъ отдыха. Послѣдняя, эта вѣчно-гудѣвшая пѣсня, едва не разломила мнѣ черепа, и о! самый государственно-преступный сбродъ мыслей, какой я годы содержалъ тамъ взаперти, вдругъ вырвался

опять на волю. Дабы хотя отчасти усмирить мятежъ, возникавшій въ моемъ духѣ, я пробовалъ жужжать про себя нѣкоторыя отечественныя, благонамѣренныя мелодіи, какъ напр. «Heil Dir im Siegerkranz», или «Üb du Treu' und Redlichkeit», но—тщетно. Та чертовская гальская пѣсня покрывала во мнѣ всѣ мотивы. Боюсь, что демонически-преступные тоны ея въ непродолжительномъ времени достигнутъ и вашего слуха, и вы на себѣ узнаете увлекательную ихъ силу. Равнодушіе къ смерти, съ какимъ дрались французскіе рабочіе, должно бы удивлять собственно по той причинѣ, что оно происходитъ въ нихъ вовсе не изъ религіознаго сознанія и нисколько не опирается на прекрасное вѣрованіе въ будущій міръ, гдѣ можно ждать награды за жертвованіе жизнью отечеству. Столь же велика и столь безкорыстна какъ храбрость, была и честность, выказанная этими бѣдняками въ курткахъ и лохмотьяхъ. Честность ихъ была именно безкорыстна, и тѣмъ не похожа на разсчетъ лавочника, который соображаетъ, что держась постоянно честности можно пріобрѣсть болѣе покупателей и болѣе барыша, чѣмъ удовлетворивъ воровскимъ наклонностямъ.... Богачи не мало удивились, увидѣвъ, что несчастные голодные, погосподствовавъ въ Парижѣ дня три, не тронули ничьей собственности. Богачи трепетали за свои сундуки съ деньгами и вытаращили глаза, когда оказалось, что никто ничего не кралъ. Строгость, какую выказывалъ народъ къ рѣдкимъ покушавшимся на воровство, инымъ даже не совсѣмъ понравилась, иные же просто испугались, услыхавъ, что народъ воровъ на мѣстѣ разстрѣливаетъ: этакъ, пожалуй, и жить нельзя. Брали только оружіе да еще все съѣдобное, оказавшееся во дворцахъ. Въ нашемъ домѣ живетъ пятнадцатилѣтній мальчикъ; онъ тоже дрался и принесъ больной бабушкѣ горшокъ съ вареньемъ, завоеванный имъ въ Тюльери. Какъ онъ радъ былъ, когда бабушка расхваливала варенье Людовика-Филиппа! Бѣдный Людовикъ-Филиппъ! Въ такой старости опять браться за странническій посохъ, и удаляться въ страну холодныхъ тумановъ, въ Англію, гдѣ вдвойнѣ горько должно быть варенье изгнанія!»

Но одушевленіе, испытанное Гейне въ февралѣ 1848 года, было только минутное. Онъ уже былъ боленъ, надломленъ болѣзнью. Послѣ 1848 года, Гейне уже не публицистъ, не общественный дѣятель. Всѣ его отзывы, всѣ его взгляды принимаютъ чисто-старческій оттѣнокъ. Одною изъ причинъ при этомъ было, конечно, и появленіе новыхъ, молодыхъ дѣятелей, и именно всей плеяды «юной Германіи». Гейне былъ въ извѣстномъ смыслѣ родоначальникомъ ихъ, и это само по себѣ придавало уже ему старость. Поэтъ, художникъ не можетъ съ успѣхомъ продол-

жать общественное служеніе десятки лѣтъ, какъ обыкновенный политическій писатель или ученый. У послѣднихъ для успѣха не такъ важна литературная оригинальность; у нихъ нѣтъ манеры, ничего что могло бы быть дѣломъ вкуса, и по прошествіи нѣкотораго времени утрачивать обаяніе. То, что поэтъ вложилъ въ общественное сознаніе — останется тамъ также прочно, но самъ онъ, какъ литературная личность подлежитъ всѣмъ измѣненіямъ вкуса, наконецъ, по прошествіи нѣкотораго времени утомляетъ именно самобытностью, оригинальностью своею, которая, когда люди привыкнутъ къ ней, скоро начинаетъ представляться имъ монотонностью. Гейне, какъ и Байронъ, именно вслѣдствіе огромнаго вліянія, какое они имѣли на свое время, непремѣнно должны были «выйти изъ моды». Для всѣхъ «вліятельныхъ» поэтовъ въ ближайшемъ будущемъ наступаетъ періодъ реакціи, и только уже впослѣдствіи общество, провѣряя кому чѣмъ оно обязано, вспоминаетъ о нихъ, какъ о законныхъ вождяхъ своихъ и отводитъ имъ приличное мѣсто въ своемъ уэстминстерскомъ аббатствѣ.

Когда самъ поэтъ доживаетъ до такой реакціи, когда онъ видитъ, что продолжатели, вышедшіе изъ-подъ его крыла, уже болѣе обращаютъ на себя вниманіе общества, чѣмъ онъ, потому что говорятъ ему языкомъ болѣе новымъ — то для него съ самаго момента этого сознанія начинается старческій возрастъ: онъ самъ перестаетъ понимать современниковъ и теряетъ увѣренность, безъ которой уже нѣтъ постояннаго, энергическаго служенія общественному дѣлу.

Съ Гейне были еще другія причины, ускорившія его старость и положившія конецъ такому служенію. Мы видѣли выше, что онъ, посвятивъ всего себя идеѣ свободы и равенства людей, свободѣ гражданской и свободѣ мышленія, никогда не ожидалъ спасенія всего общества отъ введенія или удержанія такой или иной формы правленія. Но когда въ переворотѣ 1848 года и въ очень скоро оказавшейся безплодности его, онъ увидѣлъ, что и самая идея политическихъ правъ далеко недостаточна для устраненія общественныхъ недуговъ, когда наросли новые люди и стали заявлять новыя требованія, онъ готовъ былъ соглашаться съ ихъ направленіемъ, покрайней мѣрѣ признавалъ реальность ихъ исходной точки и не разъ выражалъ положительную увѣренность, что будущее принадлежитъ имъ. Но тутъ-то онъ именно чувствовалъ себя устарѣвшимъ и ослабѣвшимъ; онъ не безъ страха сулилъ имъ будущее, а себя признавалъ уже неспособнымъ для борьбы подъ новымъ знаменемъ. Всѣ его признанія, послѣ 1848 года, носятъ отпечатокъ такого

меланхолическаго настроенія: онъ постоянно говоритъ о себѣ, какъ о человѣкѣ прошлаго: «мы, романтики», «мы, боровшіеся въ свое время» и т. д., и когда онъ является еще великимъ поэтомъ, то уже только поэтомъ личнаго настроенія, поэтомъ субъективнымъ.

Безплодность февральской революціи и ненадежность самой республики во Франціи онъ сознаяъ очень скоро. Уже весною 1849 года, онъ говорилъ Альфреду Мейсснеру: «Это не долго продержится. Близость государственнаго переворота очевидна для всѣхъ. Президентъ работаетъ по рецептамъ своего дядюшки и идетъ къ восьмнадцатому брюмэра.... Республика не больше, какъ перемѣна названія, это — революціонный титулъ. Могло ли это испорченное, избалованное общество такъ скоро перемѣниться? Сколачивать деньги, захватывать мѣста, ѣздить четвернею, имѣть абонированную ложу, бросаться отъ одного удовольствія къ другому, вотъ что было до сихъ поръ ихъ идеаломъ.... Вѣрьте мнѣ, духъ Парижа чисто-наполеоновскій, а именно: здѣсь царствуетъ наполеондоръ. Пусть другіе считаютъ для себя обязанностью партіи поддерживать одно названіе, пусть самъ Прудонъ объявляетъ настоящую форму правленія, въ жалкомъ видѣ ея, неприкосновенною, непреложною, стоящею даже внѣ и выше источника всѣхъ правъ — общаго голосованія — это не моя политика. Для меня названіе — ничто».

Болѣзнью Гейне былъ медленный параличъ. Спинной мозгъ его размягчался, и нервы парализировались постепенно втеченіи *восьми* лѣтъ. Сперва парализировались вѣки, отчасти и глазные нервы, потомъ оконечности пальцевъ на рукахъ, потомъ ноги; потомъ нервы языка; наконецъ спинной хребетъ сталъ сохнуть и искривляться, причиняя страданія, которыя въ послѣдніе годы стали почти безпрерывны.

Въ послѣдній разъ онъ вышелъ на воздухъ въ маѣ 1848 года; извѣстно трогательное, но вмѣстѣ блещущее поэтическимъ вдохновеніемъ, описаніе этого выхода и визита въ Луврскій музей, на поклоненіе богинѣ красоты. Уже въ зиму 1848 на 1849 страданія спинного мозга сдѣлались такъ сильны, что пришлось прибѣгать къ частому употребленію опіума, съ цѣлью давать роздыхъ больному, и часто выжигать ему на спинѣ раны, чтобы уменьшить спазмы въ позвоночномъ столбѣ. Мейсснеру, который не разъ посѣщалъ его въ это время, онъ разсказывалъ, какою искусственною жизнью онъ живетъ, въ угадываніи прошлыхъ вѣковъ, въ воспроизведеніи сценъ изъ нихъ, какъ ему бы хотѣлось еще писать, какъ ему порою хочется оборвать эти невыносимыя страданія.... Въ 1850 году, онъ сказалъ Штару:

«одно меня поддерживаетъ; это — мысль, что я сношу эти муки добровольно, что мнѣ стòитъ только протянуть руку за опіумомъ, принять дозу посильнѣе, и я не проснусь.... Сознаніе этой послѣдней свободы придаетъ мнѣ мужество и даже иногда развеселяетъ меня». Въ описаніи своей болѣзни, помѣщенной имъ самимъ въ «Аугсбургской газетѣ» въ 1848 году, такъ представляетъ онъ нравственное дѣйствіе болѣзни:... «прескверная болѣзнь, которая мучитъ меня день и ночь, и значительно потрясла не только мою нервную систему, но и систему мышленія. Въ иныя минуты, особенно когда спазмы въ позвоночномъ столбѣ начинаютъ слишкомъ куралесить, въ меня закрадывается сомнѣніе, въ самомъ ли дѣлѣ человѣкъ есть двуногое божество, какъ меня увѣрялъ въ томъ, лѣтъ двадцать пять назадъ, профессоръ Гегель въ Берлинѣ. Въ маѣ прошлаго года я слегъ въ постель и болѣе не вставалъ. Впродолженіе этого времени, сознаюсь въ томъ откровенно, со мною произошла большая перемѣна. Я теперь уже никакъ не двуногое божество; я уже не «самый свободный изъ нѣмцевъ послѣ Гёте», какъ называлъ меня Руге въ дни моего здоровья; уже не тотъ великій язычникъ № II..., не тотъ полный жизненной силы, нѣсколько дородный эллинъ, который усмѣхался нѣсколько свысока, глядя на назареевъ — я теперь просто бѣдный, смертельно-больной жидъ, исхудавшая фигура страданія, несчастный человѣкъ!»

Если при такомъ положеніи Гейне еще умѣлъ сохранить ясность ума и если порою къ нему возвращалась вся сила его поэтическаго таланта, весь юморъ, вся свѣжесть мечтаній, — то само собою разумѣется, что участвовать въ такомъ дѣлѣ, какъ общественная борьба, онъ уже не могъ; для нея онъ уже умеръ, и сама поэзія его «Романсеро», несмотря на блескъ свой, имѣетъ какой-то могильный характеръ.

Въ первое время своей болѣзни, онъ очень желалъ посѣтить Гамбургъ, но чтобы везти его такъ далеко, понадобился бы особаго устройства экипажъ, а на это не было средствъ. Гейне мало вѣрилъ врачамъ, неохотно и неаккуратно принималъ лекарства, и неуспѣхъ леченія относилъ къ неискусству французскихъ врачей. Въ одно лекарство онъ почему-то вѣрилъ, именно въ іодистое кали и принималъ его одно время исправно, но безъ результата. Изъ всѣхъ врачей наиболѣе довѣрялъ онъ венгерцу, доктору Грубы, котораго способъ леченья былъ такъ сказать либераленъ, то-есть, который не мучилъ его непріятными микстурами, соглашался на всѣ удовольствія, сколько-нибудь сообразныя съ положеніемъ больного и старался укрѣплять его нервы различными ваннами. Докторъ Грубы началъ лечить

Гейне съ 1849 года, принявъ его на свои руки въ такомъ положеніи, что больной былъ согнутъ дугою и не могъ ничего ѣсть; новому врачу удалось доставить больному хоть возможность сидѣть; сверхъ того, онъ возстановилъ его зрѣніе, уже совсѣмъ почти утраченное, и движеніе ручныхъ мышцъ.

Постель Гейне, которую онъ прозвалъ «перинною могилою», состояла изъ нѣсколькихъ перинъ, положенныхъ одна на другую, такъ какъ въ его состояніи онъ не могъ бы выносить ни малѣйшаго сопротивленія. Съ этой постели его брала на руки здоровая сидѣлка-мулатка и сажала въ ванну. «Меня въ Парижѣ все еще на рукахъ носятъ», шутилъ онъ. Послѣ ванны, онъ завтракалъ. Мы уже сказали, что одно время нервы языка были парализированы: тогда онъ вовсе не могъ различать вкуса: все казалось ему деревяннымъ. Но это состояніе впослѣдствіи прошло, и когда къ нему возвратился вкусъ, само собою разумѣется, что Гейне сдѣлался лакомкой, такъ какъ ѣда была единственное доступное ему удовольствіе. Между завтракомъ и обѣдомъ онъ принималъ посѣтителей, диктовалъ секретарю или слушалъ его чтеніе. Для чтенія онъ выбиралъ преимущественно описанія путешествій, собранія былинъ разныхъ народовъ и романы, которые онъ выписывалъ изъ Гамбурга и Кёльна, такъ такъ нѣмецкихъ книгъ въ Парижѣ въ то время было мало.

Къ работѣ при помощи диктовки онъ долго не могъ привыкнуть: старательность въ отдѣлкѣ формы особенно затруднялась при этомъ. «Надо не только слышать звукъ рѣчи, но и видѣть предъ собою архитектурный складъ періодовъ», сказалъ онъ разъ пріятелю своему Штару. И къ диктовкѣ онъ все-таки никогда не привыкъ совсѣмъ: онъ диктовалъ только письма и стихи, которые зарождались у него въ умѣ въ тѣ страшныя, безсонныя ночи, когда самъ морфій уже не дѣйствовалъ, онъ писалъ крупными каракулями на твердыхъ оберткахъ книгъ, карандашемъ.

Изъ посѣтителей онъ болѣе всего любилъ женщинъ и дѣтей. Тѣ и другіе любили его, и къ дому, гдѣ онъ жилъ, каждый день подъѣзжало нѣсколько экипажей, изъ которыхъ выходили свѣтскія дамы, считавшія обязанностью развеселить умирающаго поэта. При этихъ посѣщеніяхъ онъ оживалъ вновь, молодѣлъ, голосъ его дѣлался тверже и рѣчь становилась увлекательною. Всѣ посѣтительницы его были француженки, кромѣ одной, именно — сестры Лассаля, г-жи Фридлендеръ, которой мужъ старался поправить денежныя дѣла Гейне спекуляціями. Дѣтямъ Гейне могъ долго разсказывать самыя фантастическія сказки.

Изъ земляковъ посѣщали больного поэта Альфредъ Мейсснеръ,

графъ Ауэрспергъ, Геббель, Шторъ, Фанни Левальдъ, Кольбъ—редакторъ аугсбургской газеты, Генрихъ Лаубе—драматическій писатель, князь Пюклеръ, композиторъ Фердинандъ Гиллеръ. Изъ французскихъ друзей въ послѣдніе годы поэта чаще другихъ посѣщали Александръ Дюма, Теофиль Готье, Жераръ де-Нерваль и Сен-Рене-Талльяндье. Даже зашолъ самъ семидесятипятилѣтній Беранже. Но посѣтители все рѣдѣли и рѣдѣли. Разъ, по долгомъ отсутствіи, зашелъ Берліозъ. — «Неужели ко мнѣ кто-то пришолъ?» — обратился къ нему Гейне; «Берліозъ вѣчно оригиналенъ!»—Другому пріятелю онъ сказалъ однажды въ 1855 году: «неправда ли баснословно, что я еще все живъ? Со стороны моихъ друзей требуется каучуковое терпѣніе, чтобы выдержать такую растянутость.» Изъ родственниковъ своихъ, Гейне видѣлся въ 1851 со старшимъ своимъ братомъ, Густавомъ, въ 1852 году съ младшимъ братомъ Максимиліаномъ (русскимъ военнымъ докторомъ), въ 1855 году съ сестрою своею Шарлоттою.

Гейне былъ убѣжденъ, что самая болѣзнь его, и все еще державшаяся жизнь надоѣли свѣту. «Да живъ ли я еще? спрашивалъ онъ. Могила безъ спокойствія, смерть безъ привилегій покойниковъ, которымъ не нужно расходовать денегъ и писать письма, сочинять книги—это плачевное состояніе. Мнѣ уже давно сняли мѣрку для гроба, равно для некролога, но я умираю такъ медленно, что это дѣлается просто несноснымъ для друзей. Но немножко терпѣнія—на все бываетъ конецъ, и въ одно утро вы увидите, что заперта та лавочка, въ которой васъ такъ часто веселили кукольныя представленія моего юмора.»

Истиннымъ счастіемъ для послѣднихъ лѣтъ поэта была жена его. Г-жа Матильда Гейне съ неутомимою преданностью ухаживала за нимъ и услаждала его жизнь своей наивной, глубокой привязанностью и своимъ дѣтски-веселымъ характеромъ. Для больного было хорошо и то, что она никогда не вѣрила въ близость опасности. Это и его поддерживало въ трудныя минуты, и всегда утѣшало его по отношенію къ ней самой. Онъ постоянно уговаривалъ ее развлекаться, ходить въ гости, ходить гулять, а между тѣмъ, когда она отлучалась, онъ былъ неспокоенъ, иногда даже предавался какой-то фантастической, совсѣмъ безпричинной ревности: «что мнѣ дѣлать, приходится положиться на судьбу и волю Божію. Могу ли я, больной человѣкъ, конкуррировать съ полумилліоннымъ населеніемъ?»

Свою мать Гейне заботливо держалъ въ полной неизвѣстности о своемъ положеніи. Она все жила въ Гамбургѣ, и въ уединеніи своемъ, не читая газетъ, и не видя никого изъ пріѣзжихъ,

никогда и не узнала правды. Сынъ писалъ ей аккуратно разъ въ мѣсяцъ и сочинялъ самыя веселыя письма, а такъ какъ онъ долженъ былъ диктовать ихъ, то объяснялъ это постоянно одною слабостью зрѣнія. Заботливость о томъ, чтобы скрыть отъ матери свои страданія, Гейне простиралъ до того, что приказывалъ издателю своему Кампе непремѣнно вырѣзать изъ своихъ новыхъ сочиненій, въ экземплярахъ назначенныхъ для старушки, всѣ тѣ листы, гдѣ онъ упоминалъ о своемъ собственномъ положеніи.

Еще гораздо болѣе чѣмъ физическая живучесть Гейне была его живучесть умственная. Спазмы въ спинномъ хребтѣ бывали иногда таковы, что весь корпусъ больного изгибался спиралью и послѣ такого припадка онъ лежалъ нѣкоторое время въ безпамятствѣ, совершеннымъ мертвецомъ. Но какъ только онъ могъ опять шевелить губами, онъ начиналъ говорить, какъ будто ничего не бывало. Удивительное психическое явленіе былъ этотъ человѣкъ, который, чувствуя себя слѣпымъ, говорилъ: «теперь я еще лучше буду пѣть, какъ соловей, когда ему выжгли глаза», который въ ужасномъ своемъ положеніи, подъ бременемъ нестерпимыхъ страданій, жившій только благодаря постоянному употребленію морфія, принимаемаго въ такихъ дозахъ, что онѣ причиняли періодическую рвоту, — могъ все еще такъ свѣтло мыслить, такъ горячо любить, такъ шутить, издѣваясь надъ своей болѣзнью и надъ судьбою человѣка вообще. Сломано было только одно—энергія убѣжденія; ослабла вѣра въ призваніе, не доставало духа защищать прежніе принципы съ прежнею силой. Но острый умъ и поэтическій геній блистали полнымъ своимъ блескомъ въ этомъ полу-трупѣ, до конца. Замѣтимъ еще, что его не могло поддержать то что могло бы поддерживать другого:

Und ist man todt, so muss man lang
Im Grobe liegen; ich bin bang,
Ja ich bin bang, das Auferstehen
Wird nicht so schnell von Statten gehen.....

«Если ужъ человѣкъ непремѣнно нуждается въ вѣчномъ застрахованіи жизни, пусть утѣшаетъ себя всемірною исторіею»,— саркастически замѣтилъ онъ въ философскомъ разговорѣ съ Генрихомъ Лаубе и Александромъ Вейллемъ.

Отреченіе Гейне отъ пантеизма и обращеніе его къ христіанскому ученію есть фактъ, въ которомъ сомнѣваться нельзя, такъ какъ онъ самъ не разъ высказывалъ его въ послѣдніе годы, объясняя, что «богъ пантеистовъ неудовлетворителенъ, ибо сроссся съ природою, и когда къ нему обращаешься, такъ онъ только зѣваетъ.» Несомнѣнно также и то, что возвратив-

шись къ духу христіанскаго ученія, Гейне не могъ однако принять ученія ни одной церкви, и въ завѣщаніи своемъ выразилъ положительное желаніе, чтобы въ погребеніи его не участвовало никакое духовное лицо, какой бы то ни было церкви. Но вообще на этомъ чѣмъ менѣе останавливаться, тѣмъ лучше: самъ Гейне впередъ выразилъ недовѣріе къ позднимъ обращеніямъ, и лежа на постели, съ которой не всталъ, говорилъ, что «для здоровыхъ есть одна религія, а для больныхъ другая.»

Но для сколько-нибудь точной исторіи настроеній Гейне необходимо указать еще на два отзыва его, высказанные незадолго до смерти. Въ бесѣдѣ съ Штаромъ, Гейне сказалъ ему: «Разсудкомъ я совершенно убѣждаюсь въ полномъ прекращеніи нашего существованія, но чувство мое не можетъ вмѣстить этого убѣжденія. Я не могу обнять этого, пока я еще—есть. И думаю, что только эгоисты могутъ вполнѣ освоиться съ такою мыслью. Съ сердцемъ любящимъ она несовмѣстима, что̀ бы ни говорилъ умъ. Я, напримѣръ, не въ состояніи вообразить себѣ, что долженъ буду окончательно покинуть мою жену; и я всегда говорю ей, что буду посѣщать ее, въ формѣ совсѣмъ невидимой—ибо она боится привидѣній и проситъ меня не приходить — и буду держать въ порядкѣ ея дѣла̀, что̀ она сама не умѣетъ.» —Въ одномъ письмѣ же, къ Кампе, Гейне даже высказывалъ желаніе, чтобы въ дальнѣйшихъ изданіяхъ «Мемуаровъ Шнабелевопскаго», были выпущены всѣ мѣста, заключающія въ себѣ кощунство. «Я не сдѣлался ханжей, писалъ онъ, но все-таки не желаю шутить тѣмъ, что относится до Бога; въ отношеніи къ Богу я хочу быть честнымъ, какъ и въ отношеніяхъ къ людямъ, и все что еще оставалось у меня изъ прежняго кощунственнаго періода, самые прекрасные ядовитые цвѣты я вырвалъ твердою рукою, и благодаря моей физической слѣпотѣ, можетъ быть бросилъ при этомъ въ каминъ и нѣкоторыя невинныя растенія, бывшія въ сосѣдствѣ съ тѣми. Когда все это хрустѣло подъ огнемъ въ каминѣ, мнѣ, признаюсь, сдѣлалось весьма странно; я не зналъ навѣрное, что̀ я такое былъ въ эту минуту—герой или сумасшедшій; и въ тоже время мнѣ слышалось утѣшительное нашептываніе какого-то Мефистофеля—что за сожженное я получу гораздо лучшій гонораръ, чѣмъ сколько бы мнѣ далъ Кампе, да притомъ и за корректурой смотрѣть не надо, и торговаться съ вами не надо будетъ за это исчисленіе, какъ за пару старыхъ штановъ.» Все выше приведенное достаточно для оцѣнки «Признаній» Гейне.

Въ 1854 году, по случаю появленія въ Парижѣ холеры, Гейне

поселился въ предмѣстьѣ Парижа—Batignolles, въ домѣ съ садомъ, потомъ простудился, выдержалъ операцію срѣзанія нароста на спинѣ и переѣхалъ въ Avenue Matignon, № 3, близъ Champs-Elysées. Эта квартира была на высотѣ болѣе ста ступеней; въ спальнѣ Гейне былъ балконъ съ маркизою; квартира была свѣтлая и покойная, такъ какъ уличный стукъ умѣрялся высотою. Съ 1854 по 1855 годъ положеніе больного ухудшалось разными компликаціями простуды. Замученный, кромѣ всегдашнихъ болей, еще катарромъ, Гейне на вопросъ врача: «pouvez-vous siffler?» — отвѣчалъ: «Helas non! pas même les pièces de M. Scribe.» Въ этомъ же году его оставилъ давнишній секретарь его Рейнгардъ, ставшій ему другомъ; его мучили еще несогласія съ Кампе, по поводу платы за «Vermischte Schriften».

Положеніе его не улучшилось и въ слѣдующемъ году. Въ этомъ году, Гейне обязанъ былъ свѣтлыми минутами одной увлекательной, красивой и умной дѣвушкѣ, нѣмкѣ, которую онъ въ запискахъ къ ней называетъ не иначе, какъ «Mouche». Шутки и кокетничанье съ нею—вотъ чѣмъ занимался онъ въ интервалахъ боли; разговоры и переписка его съ «Mouche» были самаго ребяческаго характера, иногда смѣшны до шутовства, иногда таинственно-фантастичны—до безумія. Гейне въ это время уже постоянно примѣшивалъ въ своемъ воображеніи гробовыя картины, и даже своей утѣшительницѣ «Mouche» онъ посвятилъ стихотвореніе, въ которомъ самъ поэтъ изображается мертвымъ, лежащимъ въ гробу, а она цвѣткомъ, склонившимся на гробъ возлюбленнаго:

. . . .

Frag, was er strahlet, den Karfunkelstein,
Frag, was sie duften, Nachtviol' und Rosen—
Doch frage nie, wovon im Mondenschein
Die Marterblume und ihr Todter kosen!

Въ началѣ января 1856 года, онъ писалъ къ «Mouche»: «я сильно страдаю и раздражителенъ до смерти. И правый глазъ закрывается, и я ужъ почти не въ состояніи писать. Слезливое настроеніе одолѣваетъ меня. Сердце мое спазматически зѣваетъ. Эти baillements невыносимы. Хотѣлъ бы я быть уже мертвымъ. Глубочайшее мученіе! имя тебѣ — Г. Гейне!»

Вотъ послѣдняя записка его къ «Mouche»; она писана въ половинѣ января: «любезный другъ, я все еще вожусь съ головною болью, которая пройдетъ пожалуй только завтра, такъ что достолюбезную я увижу не ранѣе послѣзавтра. Что за горе! Я такъ боленъ, такъ боленъ! My brain is full of madness and my heart is full of sorrow! Никогда не было поэта столь жалкаго при счастьи, которое нарочно смѣется надъ нимъ. Прощай!»

Вотъ какъ описываетъ конецъ его Мейсснеръ:

«Съ нимъ сдѣлалась рвота, которая продолжалась три дня и не могла быть остановлена никакими средствами; тогда всѣ окружающіе поняли, что на этотъ разъ Гейне долженъ умереть. Огромныя дозы морфія, которыя онъ постепенно привыкъ принимать, причиняли ему и прежде подобные припадки, но никогда еще они не бывали такъ сильны и неудержимы. Но онъ все-таки не падалъ духомъ и думалъ, что и изъ этой борьбы выйдетъ живымъ. Онъ сталъ составлять новое завѣщаніе, но остановился на первомъ же параграфѣ. Впрочемъ, онъ оставался въ полной памяти и даже шутливость не оставляла его. За нѣсколько часовъ до его кончины, вбѣжалъ въ комнату одинъ знакомый, чтобы еще разъ повидаться съ нимъ. Тотчасъ какъ вошелъ, онъ обратился къ Гейне съ вопросомъ, приготовилъ ли онъ себя, въ религіозномъ отношеніи. Гейне улыбнулся и сказалъ: «будьте спокойны; Dieu me pardonnera, c'est son métier!» Такъ наступила послѣдняя ночь, съ 16 на 17 февраля. Когда вошелъ докторъ, Гейне спросилъ, умретъ ли онъ теперь. Докторъ Грубы счелъ себя обязаннымъ не скрывать отъ него правды. Больной выслушалъ это извѣстіе совершенно спокойно. Въ четыре часа утра, въ воскресенье онъ испустилъ духъ. Матильда (г-жа Гейне) легла отдохнуть въ часъ пополуночи, и увидѣла его уже когда онъ былъ мертвъ. Мертвый, онъ былъ такъ прекрасенъ, какъ никогда при жизни; самъ врачъ замѣтилъ, что ему не случалось видѣть, чтобы даже молодыя лица смерть озаряла такою красотой. Съ него вылили маску, которая вѣрно удержала эти черты.»

Приведемъ еще цѣликомъ описаніе Штродтманна: «Похороны Гейне происходили 20 февраля, въ холодное, сѣрое и туманное зимнее утро, въ 11 часовъ. Поэтъ въ послѣднее время жизни еще нѣсколько разъ повторилъ выраженное и въ его завѣщаніи желаніе, чтобы его похоронили не на пышномъ и шумномъ кладбище Père Lachaise, а у подножья тихаго Монмартра, на кладбищѣ всѣхъ изгнанниковъ и жертвъ преслѣдованія... гдѣ лежатъ Манинъ, и Арманъ Маррастъ, и Годфруа Кавеньякъ, Ари Шефферъ и Галеви. Гейне приказывалъ также, чтобы его хоронили безъ всякой пышности, безъ всякаго религіознаго обряда, и высказалъ положительно желаніе, чтобы на его могилѣ не произнесено было рѣчей. Должно было буквально осуществиться то, что онъ сказалъ:

Keine Messe wird man singen,
Keinen Kadosch wird man sagen,
Nichts gesagt und Nichts gesungen
Wird an meinen Sterbetagen!

Не болѣе сотни человѣкъ, между которыми четыре пятыхъ было нѣмцевъ, слѣдовали за необыкновенно-большимъ и тяжелымъ гробомъ, содержавшимъ легкую оболочку нѣмецкаго поэта, опускаемаго въ французскую почву. Процессію вели французскій писатель Поль Жюліà и главный редакторъ «Pays», Жозефъ Коэнъ, который женатъ на двоюродной сестрѣ Гейне. Безмолвно опустили гробъ во временной склепъ—Александръ Дюма громко плакалъ; вокругъ могилы стояли Теофиль Готьè, Поль де Сен-Викторъ, Александръ Вейлль и кружокъ нѣмецкихъ журналистовъ и писателей. Простой камень, съ именемъ поэта на гладкой мраморной плитѣ, означаетъ его могилу, которая не украшена даже ивою. Вмѣсто живыхъ цвѣтовъ, у подножья камня лежатъ некрасивые вѣнки изъ стеклянныхъ бусъ, какіе продаются въ лавкахъ, торгующихъ траурными принадлежностями.» Въ заключеніе, Штродтманнъ утѣшаетъ себя всемірною славою Гейне, который переведенъ теперь на всѣ языки, отчасти даже на японскій, и съ гордостью вспоминаетъ, на какомъ языкѣ писалъ великій поэтъ. Но во всякомъ случаѣ у него нѣтъ того утѣшенія, чтобы онъ могъ упомянуть въ своей книгѣ, что̀ сдѣлала нація, говорящая этимъ языкомъ, хотя бы для облегченія послѣднихъ лѣтъ жизни своего поэта, «опущеннаго въ французскую почву» потому именно, что эта почва дала гостепріимный пріютъ ему при жизни.

Записки Гейне до сихъ поръ не напечатаны, и неизвѣстно, будутъ ли онѣ напечатаны когда-либо. Гейне работалъ надъ ними съ 1837 года и намѣренъ былъ, по собственному его отзыву, сдѣлать изъ нихъ большое сочиненіе о современныхъ ему событіяхъ и людяхъ, включить въ нихъ, какъ онъ писалъ Кампе въ томъ году: «германскія дѣла до іюльской революціи, результаты моего пребыванія въ очагѣ политической и соціальной революціи, результаты тѣхъ изученій моихъ, которые всего дороже обошлись мнѣ и сто̀или наиболѣе горя, однимъ словомъ ту книгу, которой именно ждутъ отъ меня.» О судьбѣ этихъ записокъ все еще не слышно, съ тѣхъ поръ какъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что онѣ проданы семействомъ Гейне австрійскому правительству и помѣщены въ пропасть австрійскаго государственнаго архива. Братъ Генриха Гейне, докторъ русской службы, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» ни словомъ не опровергаетъ этого возмутительнаго извѣстія.

Л. Полонскій.

ВРЕМЕНА РЕАКЦІИ

(1820 — 1830.)

Blätter aus der preussischen Geschichte, von *K. A. Varnhagen von Ense*. 5 Bde. Leipzig, 1868—1869.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Имя Фарнгагена фонъ-Энзе (1785 — 1858) очень популярно въ нѣмецкой литературѣ. При жизни, въ немъ цѣнили не только талантливаго писателя, но и живую лѣтопись нѣмецкой литературы и общественнаго движенія за первую половину столѣтія. Въ своей долгой и, въ началѣ, очень подвижной и разнообразной жизни, Фарнгагенъ видѣлъ много замѣчательныхъ людей и событій, и изъ своего опыта вынесъ много впечатлѣній и воспоминаній. Послѣ его смерти, въ нѣмецкой литературѣ возбудили самый живой интересъ его переписка и многотомные дневники, часть которыхъ составляютъ и названные въ заглавіи «Листки изъ прусской исторіи». Почти день за день, въ теченіе своей долгой жизни Фарнгагенъ записывалъ видѣнное и слышанное; а онъ стоялъ близко къ центрамъ, съ одной стороны — правительственной дѣятельности, съ другой—литературной и общественной жизни Германіи: правдивый наблюдатель, онъ былъ безпристрастнымъ судьей событій; въ дневникѣ, веденномъ не для печати, онъ не скрывалъ того, что всего чаще скрываетъ печать, стоящая подъ оффиціальной опекой,—понятно, что для нѣмецкаго читателя дневники Фарнгагена, идущіе съ двадцатыхъ и до пя-

тидесятыхъ годовъ, нерѣдко имѣли животрепещущій интересъ. Во многихъ случаяхъ, эти дневники любопытны и для русскаго читателя.

Прежде чѣмъ перейти къ названной книгѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ авторѣ. Фарнгагенъ можетъ служить довольно типическимъ представителемъ того поколѣнія, которое переносило въ новую жизнь традиціи восемнадцатаго вѣка, которое еще испытывало впечатлѣнія революціоннаго возбужденія и своимъ стремленіемъ къ общественной свободѣ сберегло элементы развитія, которымъ грозила такая опасность во времена европейской реакціи. Наиболѣе дѣятельная и энтузіастическая роль этого поколѣнія принадлежитъ періоду войнъ за освобожденіе, но потомъ она была болѣе пассивная: этимъ людямъ не было мѣста на общественной аренѣ, и ихъ стремленія главнымъ образомъ перешли въ литературу, сохранявшую ихъ идеалъ. Фарнгагенъ былъ родомъ изъ рейнскихъ провинцій; въ первые годы его молодости, проведенной въ сосѣдствѣ съ Франціей, отчасти въ Страсбургѣ, еще совершались послѣднія вспышки революціи. Отецъ его, по профессіи медикъ, человѣкъ съ большимъ образованіемъ въ характерѣ XVIII-го вѣка, горячо сочувствовалъ освободительному движенію, попалъ черезъ это въ число подозрительныхъ людей, подвергся изгнанію изъ своего Дюссельдорфа и поселился въ Гамбургѣ. Фарнгагенъ-сынъ очень рано испыталъ вліяніе этого бурнаго времени. Въ Гамбургѣ общество его отца состояло изъ людей одного съ нимъ образа мыслей; это были люди прочнаго закала, знавшіе практическую жизнь, свободные отъ предразсудковъ, но не потерявшіе идеаловъ вѣка «философіи»; ихъ вліяніе отразилось на умственномъ характерѣ Фарнгагена. Еще мальчикомъ, Фарнгагенъ восторгался Лафайетомъ, когда послѣдній пріѣхалъ въ Гамбургъ въ 1797 году. Образованіе его шло своимъ чередомъ; онъ быстро усвоилъ обычныя школьныя знанія, и предназначенный отцомъ къ той же медицинской карьерѣ, онъ уже съ двѣнадцати лѣтъ сталъ заниматься анатоміей, и въ тоже время читалъ латинскихъ классиковъ и писалъ стихи. По смерти отца (1799), онъ поступилъ въ медицинскую школу въ Берлинѣ, но занятія медициной не помѣшали ему сдѣлаться пламеннымъ послѣдователемъ Канта, философія котораго производила тогда сильное умственное, и едва ли не болѣе—нравственное, дѣйствіе на молодые умы. Перессорившись съ властями, Фарнгагенъ оставилъ свою школу и занялъ мѣсто домашняго учителя въ одномъ богатомъ семействѣ и отдался своимъ литературнымъ вкусамъ, которымъ его обстановка очень благопріятствовала. Въ молодомъ

кружкѣ, который здѣсь образовался, господствовали романтико-философскія тенденціи времени: философія Канта, а потомъ Фихте, романтическая поэзія и критика поглощали ихъ интересы; «Вильгельмъ Мейстеръ» былъ настольной книгой; жизнь понималась какъ художественная задача, и фантазія находила исходъ въ стихотворствѣ. Уже съ этого времени, съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, начинаются личныя связи Фарнгагена со многими изъ главныхъ представителей тогдашней литературы. Вмѣстѣ съ Шамиссо, онъ издалъ уже въ 1804 г., по тогдашней модѣ, альманахъ, въ которомъ принялъ участіе и Фихте. Но Фарнгагенъ чувствовалъ однако, что ему недостаетъ еще многаго для серьезности образованія; онъ сталъ учиться по-гречески и въ 1805 г. поступилъ въ университетъ въ Галле. Онъ еще прежде познакомился съ Клейстомъ, оріенталистомъ Клапротомъ, у котораго учился по-персидски, съ философомъ Якоби; въ Галле онъ видѣлъ и зналъ Штрауса, Людвига Берне, Карла Раумера, Ахима Арнима, Фуке; въ университетѣ его особенно привлекали Стефенсъ, Шлейермахеръ и знаменитый филологъ Ф. А. Вольфъ. Такимъ образомъ онъ стоялъ въ самомъ разгарѣ тогдашняго умственнаго движенія, видѣлъ близко людей, въ которыхъ выразилось и готовилось столько разнообразныхъ стремленій. Наполеоновское нашествіе и сраженіе при Іенѣ прервали эту оживленную академическую дѣятельность. Галльскій университетъ закрылся и лучшіе его представители переселились въ Берлинъ, куда переѣхалъ и Фарнгагенъ. Политическія событія дали ему первый сильный толчекъ; открывши передъ нимъ несостоятельность стараго нѣмецкаго порядка вещей, онѣ положили основаніе его позднѣйшимъ политическимъ мнѣніямъ. Онъ продолжалъ въ Берлинѣ свои научныя и литературныя занятія, и въ 1808 г. отправился оканчивать свой университетскій курсъ въ Тюбингенъ. Между тѣмъ готовилась австрійская война съ Наполеономъ (1809 г.). Казалось, Австрія готовила обширное народное возстаніе, и когда было дано сраженіе при Аспернѣ, Фарнгагенъ бросилъ Тюбингенъ и отправился въ австрійскую армію. Принятый въ службу прапорщикомъ, онъ въ первой встрѣчѣ съ французами вызвался въ числѣ охотниковъ впередъ, былъ раненъ и потомъ въ гошпиталѣ былъ захваченъ французами, которымъ онъ понадобился какъ переводчикъ. Размѣненный во время перемирія, онъ жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ между прочимъ пріобрѣлъ знакомства въ высшемъ вѣнскомъ кругу; затѣмъ онъ отправился къ своему полку въ Венгрію, гдѣ ему удалось смѣло и счастливо примѣнить свои медицинскія свѣдѣнія и спасти жизнь своему полковнику, графу Бентгейму, который

вслѣдствіе того сталъ его другомъ и покровителемъ въ свѣтѣ. Вмѣстѣ съ нимъ, Фарнгагенъ отправился въ 1810 г. въ Парижъ; здѣсь, несмотря на свой маленькій военный чинъ, онъ вращался въ высшемъ кругу и познакомился со многими замѣчательными людьми той эпохи, между прочимъ съ Меттернихомъ. Но главнѣйшей достопримѣчательностью Парижа былъ для него «парижскій пустынникъ», нѣмецкій графъ Шлабрендорфъ,— нѣкогда товарищъ и другъ Штейна, аристократъ по рожденію, демократъ и республиканецъ по убѣжденіямъ, циникъ въ жизни и искренній филантропъ. Для Фарнгагена онъ сталъ предметомъ теплой привязанности и былъ его оракуломъ въ смутныхъ политическихъ вопросахъ времени.

Воротившись въ Германію, онъ имѣлъ случай пріобрѣсти знакомство Штейна, въ которомъ сосредоточивалась тогда вся нѣмецкая ненависть къ Наполеону и французскому господству. Бывшій министръ жилъ тогда, въ своей невольной отставкѣ, въ Прагѣ; по словамъ Фарнгагена, Штейнъ, которому онъ признался въ своемъ невѣжествѣ въ государственныхъ наукахъ, читалъ ему формальныя лекціи о государственномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ собиралась гроза 1812 года. Фарнгагенъ оставилъ австрійскую службу, предвидя, что ему пришлось бы служить Наполеону. Нѣмецкіе патріоты отправлялись въ Россію; туда отправились Штейнъ и Арндтъ; Теттенборнъ, Валльмоденъ, Пфуль, Клаузевицъ вступили въ русскую армію. Фарнгагенъ рѣшился служить въ Пруссіи, и остался въ ожиданіи событій въ Берлинѣ, и когда война перешла на нѣмецкую почву, Фарнгагенъ вступилъ въ отрядъ Теттенборна. Онъ раздѣлялъ съ тѣхъ поръ всѣ походы знаменитаго партизана съ его казаками, въ Германіи и во Франціи; онъ сталъ тогда же и историкомъ этихъ походовъ. Въ 1814 г. онъ былъ въ Парижѣ свидѣтелемъ первой реставраціи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ опять въ Парижѣ, состоя при Гарденбергѣ; онъ снова посѣщалъ Шлабрендорфа и поучался у него общественно-политической мудрости; въ обществѣ г-жи Сталь онъ видѣлъ императора Александра.

Между тѣмъ расположеніе Гарденберга къ нему измѣнилось, и въ 1816 г. Фарнгагена назначили прусскимъ резидентомъ въ баденскомъ герцогствѣ. Здѣсь онъ опять встрѣтился съ своимъ Теттенборномъ, познакомился съ Ростопчинымъ, любопытную характеристику котораго оставилъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». По своему военному поприщу, пройденному съ честью въ патріотическую войну, по своей дальнѣйшей оффиціальной дѣятельности, наконецъ какъ рано замѣченный талантливый писа-

тель и публицистъ, Фарнгагенъ вообще уже съ этого времени имѣлъ множество знакомствъ и связей, и обширную почву для наблюденій какъ въ политической жизни, такъ и въ литературѣ.

Въ 1814 году, онъ вступилъ въ бракъ съ знаменитой въ то время женщиной, Рахелью Левинъ. Она не была писательницей; только послѣ ея смерти издана была ея переписка съ многочисленными друзьями; но она играла замѣтную роль въ литературной жизни того времени, какъ женщина съ замѣчательнымъ умомъ, блестящимъ и оригинальнымъ. Рахель была лѣтъ на пятнадцать старѣе Фарнгагена, но ея умъ и дарованія давали ей сильную привлекательность; между ея многочисленными друзьями и почитателями были и лучшіе представители нѣмецкой науки и литературы, одинаково изъ старыхъ и новыхъ поколѣній, назовемъ напр. Гумбольдта и Гейне.

Такъ обставлена была жизнь Фарнгагена. Между тѣмъ произошелъ Вартбургскій праздникъ, на которомъ нѣмецкое студенчество праздновало годовщину реформаціи, а потомъ устроило, въ сущности шутливое, ауто-да-фе реакціонныхъ и обскурантныхъ книгъ. Это сочтено было за опасную политическую демонстрацію. Затѣмъ вскорѣ послѣдовало убійство Коцебу, и реакція, которая до тѣхъ поръ не находила достаточнаго предлога, развернулась теперь вполнѣ и пустила въ ходъ всѣ средства, какія могла придумать, для подавленія либеральнаго духа и предполагавшихся революцій. Карльсбадскія конференціи постановили цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ университетовъ, ввели цензуру для обузданія литературы, и «центральная слѣдственная коммиссія», устроенная въ Майнцѣ по поводу дѣла Занда, принялась разыскивать по всей Германіи такъ-называемые «демагогическіе происки» (demagogische Umtriebe), хотя слѣдствіе на первыхъ же порахъ должно было придти къ убѣжденію, что дѣло Занда было фактомъ совершенно исключительнымъ. Преслѣдованіе «происковъ» и тайныхъ обществъ стало наконецъ преслѣдованіемъ цѣлаго «духа времени», въ которомъ реакціи ненавистно было все движеніе умовъ, стремившееся къ общественному освобожденію. Люди, съ энтузіазмомъ дѣйствовавшіе во время войнъ за освобожденіе, люди, оказавшіе тогда существенную услугу національному дѣлу, передъ которымъ тогда правительства оказывались безсильны, теперь становились подозрительными, попадали подъ слѣдствія; тюрьмы переполнялись молодежью, единственная вина которой была въ обыкновенномъ юношескомъ увлеченіи благородно-фантастическими идеалами. Это преслѣдованіе коснулось отчасти и Фарнгагена; правда, противъ него не оказывалось обвиненій, но его образъ мыслей былъ болѣе или менѣе неодоб-

рителенъ съ реакціонной точки зрѣнія, и его хотѣли удалить почетнымъ образомъ, назначивъ его резидентомъ въ Сѣв.-Американскіе Штаты. Но онъ предпочелъ отказаться и остался въ Берлинѣ. Впослѣдствіи онъ мало-по-малу опять началъ свои служебныя занятія у Бернсторфа, по иностранному министерству.

На этомъ пунктѣ, на реакціи со времени Карльсбадскихъ конференцій, начинается изданная теперь часть дневника Фарнгагена. Эти пять томовъ обнимаютъ десять лѣтъ, 1820—1830.

Дальнѣйшая біографія Фарнгагена не представляетъ внѣшней занимательности. До конца жизни онъ прожилъ въ Берлинѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ путешествій, отдавая свое время главнымъ образомъ литературѣ. Какъ писатель, онъ уже съ перваго вступленія на литературное поприще обратилъ на себя вниманіе своими историческими разсказами и публицистическими статьями. Онъ писалъ много: это были критическія и политическія статьи, разсказы, историческія монографіи, стихотворенія, но главную извѣстность доставили ему мастерскіе историческіе очерки и біографіи. Его «Воспоминанія» (Denkwürdigkeiten), гдѣ онъ разсказываетъ о событіяхъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ или и дѣйствующимъ лицомъ, до сихъ поръ полны интереса, несмотря на огромную литературу объ этихъ временахъ. Такъ, въ томъ отдѣлѣ «Воспоминаній», который относится къ десятымъ и двадцатымъ годамъ, передъ читателемъ проходятъ мастерскія картины событій и общественной жизни этого времени — партизанскія похожденія Теттенборна, парижская жизнь 1814—1815 годовъ, Вѣнскій конгрессъ, замѣчательныя личности эпохи: Александръ, Наполеонъ, Меттернихъ, Штейнъ, Генцъ, Шлабрендорфъ, Ростопчинъ, и т. д. Мѣткая наблюдательность, большое искусство изложенія даютъ разсказамъ Фарнгагена занимательность романа. Его жизнеописанія, въ особенности замѣчательныхъ военныхъ людей Пруссіи — Блюхера, Бюлова, Кейта, Шверина—считаются классическими произведеніями біографіи.

Нѣсколько томиковъ «Воспоминаній» издано было еще въ тридцатыхъ годахъ; но только послѣ его смерти стали появляться въ печати разныя части его дневника. Первое появленіе этого «Дневника» (Tagebücher), издаваемаго его племянницей Людмилой Асингъ и дошедшаго теперь до 1854 года (11-й томъ), подняло противъ издательницы цѣлую бурю. Въ дневникѣ Фарнгагенъ конечно высказывался прямо и заносилъ въ него много вещей, о которыхъ многіе (и въ томъ числѣ правительство) желали бы, чтобы вовсе не говорилось или говорилось совсѣмъ иначе. Г-жѣ Асингъ сдѣлали процессъ и кажется приговорили ее къ тюрем-

ному заключенію; она предпочла уѣхать изъ Берлина и поселилась во Флоренціи,—захвативъ съ собою матеріалы. Они продолжаютъ выходить въ Лейпцигѣ, въ изданіи Брокгауза.

«Листки», изданные теперь, составляютъ, какъ мы сказали, часть (начало) этого дневника за 1820—1830 годы, классическій періодъ реакціи. Въ предисловіи издательница слѣдующимъ образомъ характеризуетъ это время, представляющее такой странный контрастъ съ нравами современной политической жизни свободныхъ европейскихъ государствъ.

«Подавленная произволомъ, стѣсненная полицейскими стѣнами жизнь тогдашней прусской націи влачилась вяло и повсюду встрѣчала препятствія. Намъ кажется теперь точно сказкой — какъ все тогда было не позволеннымъ, все запрещалось, все подлежало наказанію, все было страшно. Какъ будто миѳическими существами являются передъ нами цензоры, герои тогдашняго полицейскаго государства, повелители порабощенной печати. Книги, сочиненія цѣлые мѣсяцы, даже цѣлые годы остаются въ ихъ когтяхъ; тысячи статей безжалостно уничтожаются ихъ ножницами, точно суда, которыя разбиваются о скалы бурнаго моря! И никакого телеграфа, который бы приносилъ свѣжія извѣстія изъ-за границы, никакой желѣзной дороги, которая быстро сближала бы людей. Только одни тихія, пустынныя почтовыя дороги, украшаемыя паспортными и таможенными привязками, и гдѣ самое быстрое сообщеніе составляютъ курьеры, которые секретно перевозятъ правительствамъ ихъ эстафеты. «Какія извѣстія они привезли? Что случилось?» спрашиваетъ публика въ лихорадочномъ возбужденіи. Но увы! когда наконецъ новости, послѣ долгой проволочки, являются, съ разрѣшенія высшихъ сферъ, въ газетахъ, то въ лучшемъ случаѣ, онѣ уже устарѣли, а обыкновенно—невѣрны! Изуродовать истину гораздо легче, когда нѣтъ ни свободной печати, ни телеграфа, которые бы безпощадно обличили обманъ; и потому дипломатія, всегда великая въ этомъ ремеслѣ— хотя часто *только* въ этомъ — безпрепятственно занимается имъ. Такимъ образомъ ложь принимаетъ громадные размѣры, но духъ времени все-таки не даетъ подчинить себя, и озабоченная дѣятельность дипломатическихъ и полицейскихъ душъ пропадаетъ задаромъ. Чего не узнаютъ черезъ публичность, то узнаютъ наконецъ частнымъ путемъ, и шопотомъ передаютъ другъ другу. Порядочные люди въ странѣ принимаютъ участіе въ преслѣдуемыхъ патріотахъ, въ студентахъ, засаженныхъ въ тюрьмы за такъ-называемые «происки»; они съ теплой симпатіей, доходящей до пламеннаго одушевленія, смотрятъ на метеоры, которые вспыхиваютъ въ другихъ странахъ: на свободныя движенія неа-

политанцевъ, грековъ, испанцевъ и португальцевъ. Между тѣмъ правительство дрожитъ предъ горящими искрами, которыя заносятся оттуда и грозятъ произвести пожаръ во всемъ его зданіи; у него всегда столько же страха, сколько и власти. Наконецъ, наконецъ являются предостерегающіе признаки изъ Франціи! Правительство Карла X, все болѣе и болѣе враждебное свободѣ и приводящее въ восторгъ прусскихъ ультра (т. е. ультра-консерваторовъ), заставляетъ людей благоразумныхъ и образованныхъ предвидѣть предстоящій кризисъ: Фарнгагенъ уже задолго впередъ пророчитъ новое возстаніе французовъ за свободу, и предвѣщаетъ, что Бурбонамъ опять скоро придется «отправиться въ дорогу». И въ самомъ дѣлѣ, въ Парижѣ вдругъ, какъ великолѣпный фейерверкъ вспыхиваетъ іюльская революція, и съ ней начинается новое время. Это великое событіе драматически завершаетъ настоящіе «Листки».

«Но возвратимся къ прусскимъ внутреннимъ отношеніямъ. Среди искусственнаго, насильственнаго спокойствія берлинской жизни большое мѣсто занимаетъ дворъ и окружающая его суматоха дипломатическаго, чиновничьяго и аристократическаго общества. Мы видимъ наивнаго короля, съ чертами добродушія и даже сердечности, которыя иногда возбуждаютъ къ нему народную любовь, но не имѣющаго достаточно проницательности, чтобы быть въ состояніи понять требованія духа времени. Его исключительно занимаютъ два любимые предмета: новая литургія, которую онъ старается ввести во что бы то ни стало, и его танцовщицы, которыя, однако, должны быть добродѣтельныя танцовщицы. Такимъ образомъ, занятый постоянно церковью и балетомъ, и развѣ еще смотрами и парадами, пѣніемъ Генріетты Зонтагъ и операми Спонтини и бюргерскими драмами и комедіями—потому что онъ терпѣть не можетъ высокую трагедію—онъ ведетъ существованіе, которое, въ сравненіи съ образомъ жизни другихъ коронованныхъ особъ, все-таки надо назвать невиннымъ. Само собою разумѣется, что у него нѣтъ ни силы, ни желанія дать новое направленіе прусской государственной машинѣ; эту машину онъ предоставляетъ людямъ какъ Витгенштейнъ, Шукманъ, Кампцъ, Альтенштейнъ, Ансильонъ и пр. и пр. Мы близко знакомимся здѣсь со всѣми этими государственными людьми, этими рыцарями печальнаго образа; но знакомимся также и съ умственной жизнью Берлина, которая подлѣ жизни двора постоянно заявляетъ свое побѣдоносное значеніе: здѣсь являются Александръ Гумбольдтъ, Шлейермахеръ, Эдуардъ Гансъ»...

Таково время, описываемое въ дневникѣ Фарнгагена. Строго говоря, контрастъ, изображаемый г-жей Асингъ, контрастъ между

старымъ и новымъ временемъ, быть можетъ, не такъ великъ, какъ она представляетъ, и сама Пруссія, при телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ, немного лѣтъ тому назадъ, еще испытывала нѣчто, не совсѣмъ не похожее на эту реакціонную эпоху,—нѣчто подобное на собственномъ опытѣ видѣла и г-жа Асингъ,—но контрастъ во всякомъ случаѣ поразительный, потому что въ описываемую Фарнгагеномъ эпоху реакція была въ полномъ своемъ разгарѣ и при тогдашнихъ условіяхъ могла заглушать жизнь до такой степени, въ какой это было бы совершенно невозможно теперь. Это было время реакціонное по преимуществу, время, когда реакція возведена была въ перлъ созданія, въ правильную, строгую систему, которая и водворилась въ государствахъ Священнаго Союза. Въ дневникѣ Фарнгагена мы, конечно, не найдемъ послѣдовательной исторіи этой системы; форма дневника даетъ только отрывочныя замѣтки; но если бы кто вздумалъ написать такую послѣдовательную исторію реакціи, тотъ нашелъ бы у Фарнгагена множество характеристичныхъ подробностей, которыя раскрываютъ физіологическія свойства реакціи, какъ системы, какъ того патологическаго состоянія государственной жизни, когда правители думаютъ, что спасеніе государства состоитъ въ строгомъ охраненіи стараго, въ молчаніи и неподвижности общества или въ попятномъ его движеніи.

Корень реакціи десятыхъ и двадцатыхъ годовъ лежалъ очень глубоко—въ тѣхъ старыхъ традиціонныхъ учрежденіяхъ и нравахъ, которыми издавна жило общество и въ которыхъ воспитались привычки и притязанія господствующихъ классовъ. Когда событія вывели жизнь изъ колеи, когда поставленъ былъ вопросъ національнаго существованія, эти привычки и притязанія на минуту скрылись; отчасти страхъ, отчасти и побужденія искренняго великодушія и патріотизма заставили господствующіе классы допустить въ жизни другіе элементы, и лучшимъ людямъ Германіи казалось, что стремленія къ свободѣ, пробудившіяся въ націи, получили свое право въ народномъ движеніи 1813—1815 годовъ за освобожденіе отъ ига. Въ 1815 году, король Фридрихъ-Вильгельмъ III самъ заговорилъ о конституціи, которую хотѣлъ дать Пруссіи; «союзный актъ» въ одномъ изъ своихъ пунктовъ (13) положительно обѣщалъ нѣмецкимъ государствамъ конституціонное устройство, и населенія этихъ государствъ находились, во время вѣнскаго конгресса, въ пріятномъ ожиданіи будущаго. За исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ, въ родѣ конституціи Вюртемберга, этимъ ожиданіямъ, однако, не суждено было оправдаться. Онѣ не оправдались и въ Пруссіи. Въ томъ же 1815 году, когда надежды были всего живѣе, появляются

предвѣстники реакціи — въ добровольной услужливости доносчиковъ и обскурантовъ, которые обвиняли патріотическое движеніе въ покушеніи на власть государей и на цѣлость государствъ. Такъ, Янке доносилъ на «нѣмецкій союзъ», который замѣнилъ собою «Тугендбундъ», закрытый прусскимъ королемъ въ 1810 г., въ угоду французамъ, и который стремился дѣйствовать для уничтоженія французскаго ига. Такъ, тайный совѣтникъ Шмальцъ издалъ брошюру, въ которой заподозривалъ эти патріотическіе союзы въ наклонности подорвать вѣрность государямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ, что національное возстаніе 1813 года (возстаніе, сдѣланное самой націей, когда нѣмецкіе государи растерялись, и дѣйствительно спасшее Германію) было только дѣломъ простого послушанія, что нація только исполнила приказъ и ничего больше: такимъ образомъ онъ старался отвергнуть то нравственное право, которое нація, по ея мнѣнію, пріобрѣла своимъ самопожертвованіемъ и на которомъ она основывала свои надежды. Шмальцъ ревностно возставалъ противъ конституціонныхъ стремленій, и тотъ же король, который самъ обѣщалъ конституцію, наградилъ Шмальца орденомъ и печати запрещено было говорить противъ него: ясно, что реакціонныя идеи Шмальца лучше отвѣчали настоящимъ, кореннымъ мыслямъ короля, у котораго получалъ уже большую силу представитель стараго аристократическо-абсолютнаго порядка вещей, князь Витгенштейнъ, — гражданское и государственное воспитаніе котораго сдѣлано было въ кругу извѣстной графини Лихтенау, фаворитки предыдущаго царствованія. Для людей, какъ Витгенштейнъ, вопросъ шелъ просто о сохраненіи привилегій, о правѣ аристократіи, — подъ защитой королевской власти, которой она будто бы была главнѣйшей и важнѣйшей опорой, — безконтрольно и самоуправно господствовать надъ остальными классами общества, и этой партіи не трудно было убѣждать власть — мало понимавшую настоящее положеніе вещей — что всякое стремленіе общества къ самоуправленію есть подкопъ подъ цѣлость государства и достоинство монархіи; король не думалъ о томъ, что цѣлость государства была бы въ большей безопасности, еслибы граждане были равноправны передъ закономъ и находили въ немъ защиту своихъ общественныхъ интересовъ, и что достоинство монархіи было бы лучше соблюдено, еслибы эти граждане не страдали отъ аристократическаго и полицейскаго кулачнаго права. Фридрихъ-Вильгельмъ скоро отказался отъ минутнаго великодушія, и мы увидимъ въ запискахъ Фарнгагена, какъ онъ потомъ давалъ полную свободу дѣйствовать полицейскому самоуправству Шукмана, Камптца и т. п. На помощь реакціи явилась и педантская или лицемѣр-

ная наука: знаменитый представитель историко-юридической школы, Савиньи, высказался противъ новыхъ стремленій къ государственно-юридическому преобразованію нѣмецкой общественной жизни по той причинѣ, что развитіе права должно совершаться на *исторической* почвѣ, т.-е. на тѣхъ старыхъ основаніяхъ, которыя собственно и нуждались въ измѣненіи. Это ученіе исторической школы, по словамъ Гервинуса, считало исторіей только старую исторію и за настоящимъ не признавало создающей роли въ области права; этимъ оно давало мнимое освященіе науки лѣнивому консерватизму и потому съ любовью встрѣчалось каждымъ правительствомъ, которому пріятенъ былъ всякій предлогъ для бездѣйствія. Это вліяніе Савиньи отразилось извѣстнымъ образомъ и въ исторіи новѣйшаго русскаго законодательства. Въ смыслѣ историческаго консерватизма возсталъ противъ конституціонныхъ учрежденій извѣстный прусскій публицистъ и государственный человѣкъ — Ансильонъ, и т. д.

Такимъ образомъ, реакціонное движеніе находило себѣ большую опору не только въ старыхъ привычкахъ самой монархіи, но и въ общественныхъ элементахъ. Когда реакція Священнаго Союза окончательно вышла наружу изъ-за своихъ первыхъ либеральныхъ заявленій, Священный Союзъ считался у современниковъ союзомъ царей противъ народовъ; но въ сущности это былъ союзъ ихъ съ отживающими, и потому упрямо державшимися за старину, элементами самого общества противъ новыхъ его элементовъ. Реакція была возможна потому, что само общество, давало ей подкладку: одни, аристократія и чиновничество, прямо защищали старину, какъ выгодную привилегію; другіе—бюргерство и народная масса были противъ нихъ безсильны, потому что гражданское ихъ развитіе было слишкомъ ничтожно. Масса общества, пламенно одушевившаяся въ 1813—15 годахъ противъ иноземнаго врага, имѣла во внутренней жизни еще слишкомъ платоническія воззрѣнія, и полагала, что внутреннее освобожденіе, потребность котораго въ ней теперь почувствовалась, совершится само собой, безъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ самого общества. Поэтому, какъ только окончилась война, масса общества возвратилась къ старой, привычной неподвижности. Люди, вносившіе въ этотъ вопросъ больше сознанія, а особенно увлеченія, были слишкомъ малочисленны, и единственнымъ ихъ оружіемъ было благородное воодушевленіе: въ числѣ ихъ были лучшіе бойцы за освобожденіе — Блюхеръ, Гнейзенау (Шарнгорста уже не было въ живыхъ), и др.; здѣсь были также лучшіе люди литературы, и наконецъ, это была восторженная молодежь, которая въ 1813 году покинула университеты

и теперь снова возвратилась въ нихъ доканчивать прерванныя занятія. Первые, при всемъ честномъ пониманіи вещей, неспособны были на какую-нибудь оппозицію, потому что были усердные монархисты и не могли неповиноваться королю; ученые и писатели жили только въ кабинетныхъ отвлеченностяхъ и могли поставить противъ реакціи только логическія доказательства или горячія выраженія своихъ справедливыхъ требованій,—но ихъ стала запрещать цензура; университетская молодежь одна воображала, что можетъ дѣйствовать, и въ самомъ дѣлѣ, когда стало совершенно ясно, что правительство не исполнитъ никогда 13-й статьи союзнаго акта, въ ней начало обнаруживаться политическое броженіе. Это броженіе выражалось въ сущности очень невиннымъ образомъ; общества, которыя они составляли, имѣли обыкновенно въ виду скромныя цѣли нравственнаго и гражданскаго совершенствованія и большей частью оставались положительно въ предѣлахъ закона. Довольно понятно, что когда реакція, столь несправедливо падавшая на общество, стала совершать свои подвиги, она должна была самымъ фатальнымъ образомъ подѣйствовать на умы наиболѣе экзальтированные. Тѣмъ не менѣе, самое строгое слѣдствіе, произведенное по дѣлу Занда, показало, что его замыселъ былъ совершенно одинокій и не имѣлъ никакой связи съ тенденціями студентскихъ обществъ. Но реакція, отчасти испуганная этимъ дѣломъ, обрадовалась однако этому случаю, который давалъ ей полное видимое основаніе для репрессалій. По всей Германіи началось нелѣпое преслѣдованіе «демагогическихъ происковъ», дошедшее наконецъ до нелѣпаго. Это преслѣдованіе, какъ нерѣдко бываетъ, само дѣйствовало возбуждающимъ образомъ: опасныхъ людей чѣмъ дальше, тѣмъ оказывалось больше; гоненіе стало считаться честью.... Странно сказать, но даже замѣчательнѣйшіе люди тогдашней Германіи, люди, которымъ Пруссія обязана была самымъ серьезнымъ образомъ, наконецъ люди, стоявшіе выше всякаго подозрѣнія по своему извѣстному монархизму, какъ знаменитый баронъ Штейнъ, также попадали въ число подозрительныхъ. Конечно, полицейскіе обскуранты и реакціонеры побоялись тронуть его самого, но за то они привязались, напр., къ Арндту, который былъ къ нему очень близокъ въ 1812—1813 годахъ, и вообще ко многимъ изъ людей, игравшихъ роль въ патріотическомъ движеніи того времени. Главные полицейскіе инквизиторы по части «демагогическихъ происковъ», Шукманъ и Кампцъ, стали важными государственными людьми.

Какъ мы выше замѣтили, «Листки» Фарнгагена начинаются съ 1820 года, послѣ карльсбадскихъ конференцій, принявшихъ

цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, и первые годы послѣ того дневникъ Фарнгагена очень часто возвращается къ этимъ дѣламъ. Нѣсколько подробностей дадутъ нѣкоторое понятіе о характерѣ общественной жизни въ Берлинѣ и вообще въ Германіи.

«Господинъ Кампцъ — пишетъ Фарнгагенъ въ 1821 году (23-го апрѣля) — сталъ нѣчто въ родѣ министра безъ портфеля, но съ бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ иной нашъ министръ». Кампцъ имѣлъ особенныя причины негодовать на мнимыхъ революціонеровъ; онъ также былъ своего рода писатель, и студенты на Вартбургскомъ праздникѣ сожгли между прочимъ и его произведеніе. Оно называлось «Кодексъ жандармства» (Codex der Gens d'armerie). Понятно, какъ долженъ былъ въ тогдашнее время дѣйствовать писатель этого рода. Въ то время шло дѣло Арндта: это былъ пламенный нѣмецкій патріотъ, уже съ этого времени пріобрѣтавшій огромную популярность, которою онъ пользовался впослѣдствіи. Къ нему привязывались изъ-за нѣскольких слишкомъ горячихъ выраженій его патріотизма, и эти придирки вызывали негодованіе въ публикѣ: «это — гуманное мучительство, мягкая инквизиція, и если теперь людей не пытаютъ, то тѣмъ постыднѣе пытаютъ понятія; въ дѣлѣ Арндта оказывается — со стороны слѣдователей — величайшая нечестность, самая пошлая хитрость» (апрѣля 1821). «БаронъШтейнъ считается опаснымъ карбонаромъ, и Umtriebsriecher (люди, разнюхивающіе происки) очень хотѣли бы къ нему подобраться» (май 1821). Но если относительно Арндта, человѣка слишкомъ извѣстнаго въ Германіи, инквизиція была «мягкая» (она лишила его профессорской каѳедры и преслѣдовала мелкими полицейскими придирками), то для другихъ она была вовсе не мягкая: крѣпости Шпандау, Магдебургъ и особенно Кёпеникъ, были переполнены «заговорщиками»,—по большей части самой юной молодежью. Аресты, крѣпостное содержаніе, допросы, тайная судебная процедура отличались всѣми свойствами полицейскаго деспотизма.

Конституціонныя идеи, само собою разумѣется, составляли теперь уже настоящее преступленіе; даже и скромныя провинціальныя и общинныя собранія считались «опаснѣйшей вещью», «поджогомъ къ революціи».

Въ 1822 году начались новыя преслѣдованія студентовъ; для людей разсудительныхъ и тогда уже было ясно, какъ унижаетъ себя правительство подобными занятіями, и Штейнъ высказалъ это въ письмѣ къ одному изъ прусскихъ реакціонеровъ: правительство, по словамъ его, дѣлаетъ себя смѣшнымъ, занимаясь этимъ вмѣсто своего настоящаго дѣла и поднимая тревогу по

всей Германіи изъ-за нѣсколькихъ школьныхъ мальчиковъ и студентовъ.

Годъ спустя, дневникъ разсказываетъ, что прусская реакціонная партія добилась отъ короля повелѣнія (и теперь напоминала о немъ), въ силу котораго не должно было принимать на службу никого, кто участвовалъ въ университетскихъ и другихъ тайныхъ обществахъ, между тѣмъ какъ въ самомъ каммергерихтѣ служило много людей, которые подходили подъ эту категорію.

Въ Касселѣ (августъ 1824) открылось, что директоръ полиціи самъ сочинялъ угрожающія письма, которыми пугалъ курфирста. Въ Берлинѣ говорили: «въ Касселѣ только завели дѣло немного далеко; а развѣ при другихъ дворахъ не дѣлается того же самаго? Развѣ Меттернихъ не также точно пугаетъ своего императора Франца, а оберъ-каммергеръ Витгенштейнъ—Фридриха-Вильгельма?» и проч.

Въ 1824 году снова безпрестанныя университетскія исторіи. Прусскимъ подданнымъ запретили поступать въ университеты въ Базелѣ и Тюбингенѣ. Студенты, которыхъ исключали изъ университетовъ за ихъ убѣжденія, гордились этимъ и прибавляли къ своему имени какъ особенно лестный эпитетъ: studios. consiliat. («исключенный студентъ»).

«Отовсюду опять слухи о *происках*ъ — пишетъ Фарнгагенъ въ началѣ этого года (1824) — въ Неаполѣ, Пармѣ, Парижѣ, Ландсгутѣ, Вестфаліи, въ Галле—вездѣ новыя открытія, новыя слѣдствія... У Камица хлопотъ полныя руки... Дѣлу придаютъ (въ полицейскомъ кругу) величайшую важность, *впередъ говорятъ* о несомнѣнной связи радикаловъ, карбонаровъ, либераловъ съ нашими Umtrieber». Люди проницательные замѣчали, что причина всего этого очень простая: въ этомъ году истекалъ пятилѣтній срокъ репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ въ Карльсбадѣ временно; что надо продолжить эти мѣры, а для этого придумать и подгодовить поводы. Дѣйствительно, въ сентябрѣ того же года карльсбадскія постановленія были возобновлены. Предложеніе объ этомъ на союзномъ сеймѣ сдѣлано было Австріей и принято было единогласно, съ слабымъ возраженіемъ вюртембергскаго посланника. Постановлено было опять продолжить на неопредѣленное время цензуру, принять новыя мѣры противъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Фарнгагенъ разсказываетъ, что реакціонеры сильно жаловались на дурной духъ въ школахъ и на тайныя общества; но теперь оказалось изъ множества слѣдствій, что настоящимъ образомъ эти тайныя общества устроились уже послѣ 1819 года, т. е. послѣ карльсбадскихъ постановленій. «Изъ этого видно, къ чему послужили эти поста-

новленія», — замѣчали благоразумные люди, которые вообще съ презрѣніемъ смотрѣли на эту политику правительства и не безъ основанія считали ее анти-національной, потому что для нации она была и вредна и постыдна. «Спрашиваютъ:—что же сталось съ данными прежде обѣщаніями, съ исполненіемъ 13-й статьи союзнаго акта, съ законодательствомъ о печати, съ публичностью результатовъ, полученныхъ майнцской коммиссией» и пр. Дѣло въ томъ, что при учрежденіи этой коммиссіи, розыскивавшей по всей Германіи вредный духъ, обѣщано было, что результаты этой коммиссіи будутъ обнародованы, т. е. что общественное мнѣніе получитъ возможность убѣдиться само въ дѣйствительности тѣхъ опасностей, отъ которыхъ брались теперь предохранять общество заботливые полицейскіе инквизиторы. Но впослѣдствіи оказалось, что публиковать эти результаты не представлялось возможности; это значило бы компрометтировать самую коммиссію, потому что серьезнаго въ ея трудахъ ничего не было...

«Господинъ Кампцъ—записываетъ *въ это самое время* Фарнгагенъ,—разсказываетъ мнѣ, что теперь вполнѣ открыты *высшія степени* революціонныхъ обществъ и ихъ *связь* съ заграничными. Бо̀льшая дѣятельность и болѣе правильный ходъ происковъ наступили только съ 1821 года. Дѣло зашло очень далеко, но такъ какъ теперь все оно видно, то и нѣтъ уже никакой опасности» и т. д. Черезъ нѣсколько дней мы находимъ въ дневникѣ слѣдующую замѣтку, изъ которой видно, что слухи, распускаемые полиціей, успѣшно пошли въ ходъ. «О проискахъ (техническій терминъ) говоритъ весь городъ, разсказываютъ самыя удивительныя вещи. Называютъ сотни людей какъ открытыхъ участниковъ, или полуоткрытыхъ подозрѣваемыхъ. Называютъ при этомъ самыя уважаемыя имена—короля вюртембергскаго, какъ главу всего, Гнейзенау, Грольмана (знаменитые прусскіе генералы временъ войны за освобожденіе), Гумбольдта, Савиньи(!!).. Боятся будто бы дальше поднимать завѣсу».

Вотъ до какого пункта простирались вожделѣнія полицейской реакціи: рѣчь шла о людяхъ, извѣстныхъ всей Германіи, и конечно всего меньше годившихся въ заговорщики и революціонеры. Нельзя не вспомнить, что примѣръ такой же реакціонной наглости представляютъ наши обскуранты послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра: ему точно также указывали на ближайшихъ къ нему лицъ, какъ на первыхъ враговъ вѣры и престола, напр. на кн. Голицына; Магницкій, какъ извѣстно, написалъ Александру доносъ на великаго князя Николая Павловича.

Въ концѣ 1824 года или въ началѣ 1825 прусскіе инкви-

зиторы захватили, въ качествѣ заговорщика и революціоннаго эмиссара, извѣстнаго уже въ то время французскаго философа Кузена. Его арестовали, допрашивали (какъ послѣ оказалось, по требованіямъ Австріи), но допросъ не открылъ совершенно ничего такого, что было нужно допрашивавшимъ. Кузена должны были выпустить. Берлинское общество встрѣтило его самымъ гостепріимнымъ образомъ, и онъ, только-что выпущенный изъ-подъ ареста, сдѣлался моднымъ человѣкомъ. Сами слѣдователи, Шукманъ и Кампцъ, были съ нимъ крайне любезны и ухаживали за нимъ. Кузенъ давалъ Шукману совѣтъ, гдѣ искать опасности для государства, объясняя ему, что во Франціи уже нѣтъ якобинцевъ, которыхъ они ищутъ, что тамошніе либералы всего меньше хотятъ революцій, но что тамъ есть іезуиты, которые именно всего опаснѣе для государства. Шукманъ это выслушивалъ, и въ Берлинѣ многіе утѣшались, что это все-таки показываетъ мягкость правленія. Фарнгагенъ записалъ отвѣтъ на это извѣстнаго князя Козловскаго, о которомъ онъ вообще часто упоминаетъ въ своемъ дневникѣ, какъ о человѣкѣ замѣчательнаго, блестящаго ума. «Напротивъ, — говорилъ Козловскій — все это доказываетъ только, что вы живете въ деспотически-управляемой странѣ; въ Англіи не могло бы произойти ничего подобнаго; такая доброта показываетъ только отсутствіе справедливости; произволъ всегда дѣлаетъ слишкомъ много либо въ одну, либо въ другую сторону, и притомъ потому, что именно настоящаго онъ и не дѣлаетъ». Ему не могли противорѣчить, замѣчаетъ Фарнгагенъ.

Русскія событія 14-го декабря дали новую пищу толкамъ о «проискахъ». Мы упомянемъ дальше, какъ прусскіе реакціонеры по этому случаю снова заговорили о связи между заговорщиками во всѣхъ странахъ (это, какъ видимъ, тоже что теперь называлось у насъ «всемірной революціей», «агентствомъ въ Тульчинѣ» и т. п.), и спеціально между революціонерами русскими и нѣмецкими. Замѣтимъ пока одинъ случай. «Оттерштедтъ (прусскій дипломатическій агентъ въ южной Германіи), съ своимъ обычнымъ азартомъ, самымъ ревностнымъ образомъ кричалъ о связи русскихъ происковъ съ нѣмецкими: онъ заходитъ такъ далеко, что смѣло говоритъ о заговорѣ противъ жизни прусскаго короля! *Этимъ* люди пріобрѣтаютъ значеніе и благоволеніе!»

Въ январѣ 1827 г., Фарнгагенъ отмѣчаетъ въ дневникѣ любопытную мѣру австрійскаго правительства: по императорскому повелѣнію всѣ профессора и публичные преподаватели должны были назначаться только на три года, и по истеченіи этого срока должны были получать новое утвержденіе въ должности, — въ

противномъ случаѣ должны были выходить въ отставку. Эта мѣра предназначена была дѣйствовать въ пользу монархическаго принципа.

Въ это время ожидали наконецъ закрытія майнцской коммиссіи, — Кампцъ былъ въ крайнемъ раздраженіи и употреблялъ всѣ средства со стороны Пруссіи для ея сохраненія [1]).

Особенной дѣятельностью во всемъ этомъ отличалась конечно Австрія. Фарнгагенъ сообщаетъ нѣсколько подробностей объ ея поджигательствахъ; прусскіе инквизиторы были въ сущности только ея послушными орудіями. Австрія всячески старалась запугать нѣмецкія правительства, а также и русское, и ей первой кажется принадлежитъ мысль о «всесвѣтной революціи», о связи революціонеровъ всѣхъ странъ и народовъ; — понятно, что этимъ она разсчитывала вовлечь всѣ правительства въ преслѣдованіе ненавистныхъ ей людей и понятій. Одинъ господинъ разсказывалъ Фарнгагену, что читалъ ноту, разосланную Австріей въ августѣ 1819 года ко многимъ нѣмецкимъ дворамъ по поводу открытія карбонарскихъ обществъ въ Италіи и ихъ связи съ нѣмецкими «происками». Въ этой нотѣ она особенно указывала на Пруссію, правительство которой казалось ей тогда не достаточно благоразумнымъ: «Пруссія изображалась въ этой нотѣ какъ страна, совершенно и почти безнадежно зараженная; всѣ чиновники въ ней революціонеры, и особенно подозрительнымъ приложенъ былъ списокъ».... Въ Берлинѣ были вообще увѣрены, что источникомъ реакціонныхъ поджигательствъ была именно Австрія. Въ мартѣ 1824 г., Фарнгагенъ записываетъ берлинскіе толки: «Всѣ эти дѣла о проискахъ опять заведены изъ Вѣны; князю Меттерниху, въ его положеніи, эти рычаги нужны, чтобъ не упасть; вѣритъ публика или нѣтъ въ эти государственныя опасности, это въ сущности все равно, лишь бы только этимъ можно было напугать государей и лишь бы они считали своими спасителями тѣхъ министровъ, которые все это открываютъ и разрушаютъ». Дѣло такъ и происходило: публика давно перестала вѣрить во все это, а государи были твердо въ этомъ увѣрены, и презрѣнныя ничтожества въ родѣ Шукмановъ, Кампцевъ и прочей обскурантной компаніи дѣлали что хотѣли. «Публика очень равнодушна къ этимъ дѣламъ, продолжаетъ Фарнгагенъ; никто не вѣритъ въ серьёзныя преступленія и важныя открытія; тѣмъ не менѣе господинъ Шукманъ съ большой бранью утверждалъ недавно, что заговоръ идетъ изъ Парижа, что Констанъ (Бен-

---

[1]) См. Blätter, I, 290, 305; II, 120, 345; III, 15, 120, 126, 139, 239; IV, 24, 178, 180.

жаменъ), либералы, карбонары и пр., составляютъ одинъ и тотъ же союзъ, и что нашихъ молодыхъ людей увлекаютъ оттуда» [1]. Ему не приходило въ голову, что одного такого управленія было достаточно, чтобы возмущать общество и приводить молодежь къ неосторожнымъ словамъ и поступкамъ, которые потомъ эти господа выдавали за заговоры.

Какъ отражалось это въ общественной жизни? Понятно, что это государственно-сыскное направленіе правительства должно было дѣйствовать на общественную жизнь самымъ подавляющимъ и отупляющимъ образомъ. Въ этомъ смыслѣ дневникъ Фарнгагена доставляетъ опять любопытныя физіологическія замѣтки. Вліяніе реакціонныхъ карльсбадскихъ постановленій почувствовалось очень скоро. «Замѣчаютъ,—пишетъ Фарнгагенъ въ концѣ 1820 года,—что со времени инквизиціоннаго давленія карльсбадскихъ постановленій, со времени «происковъ», цензуры и т. д. Берлинъ значительно потерялъ *ума* и *жизни*. Эти слова не лишены основанія: всякій остерегается, прячется и вмѣсто общественныхъ интересовъ отдается чисто эгоистическимъ; въ глазахъ нѣкоторыхъ людей обыкновенная гадость вдесятеро скорѣе заслужитъ снисхожденіе, чѣмъ свободная добродѣтель, направленіе которой возбуждаетъ страхъ». Фарнгагенъ не разъ потомъ повторяетъ такіе отзывы и жалобы. Берлинъ дѣйствительно поглупѣлъ; это бросалось въ глаза всѣмъ постороннимъ, а часто и своимъ. Въ половинѣ слѣдующаго года въ дневникѣ читаемъ: «Теперь считаютъ фактомъ рѣшеннымъ, что у насъ дѣла всего хуже и мрачнѣе. Саксонія, Баварія, Вюртембергъ, Гессенъ смотрятъ на насъ съ состраданіемъ». Въ половинѣ 1823 года, Фарнгагенъ былъ въ Гамбургѣ и здѣсь онъ также встрѣтилъ этотъ сострадательный взглядъ на прусское ничтожество. «Здѣсь смотрятъ на Пруссію равнодушно или съ насмѣшливой улыбкой, какъ на государство больное, изгрызенное страхомъ, ожесточеніемъ, тревогами, заблужденіемъ,—какъ на гнѣздо полиціи, цензуры, помѣшательства на проискахъ и шпіонства, какъ на послушнаго исполнителя австрійскихъ внушеній. Здѣсь съ улыбкой и неохотой освѣдомляются о нашихъ дѣлахъ, дивятся и не хотятъ вѣрить, чтобы у насъ могло еще дѣлаться что-нибудь либеральное». Въ концѣ 1825 года, Фарнгагенъ записываетъ: «На этихъ дняхъ сошлось насъ нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ круговъ и разной дѣятельности, и мы должны были сознаться, что въ эту минуту ни одинъ изъ насъ не знаетъ ни малѣйшей нити какого-нибудь живого общественнаго интереса, которая прохо-

[1] Blätter, II, 43; III, 38, 45.

дила бы въ берлинской жизни, которая бы возбуждала и затротивала — рѣшительно никакой, даже къ театру, который обыкновенно все-таки выручаетъ. Политика касается насъ только какъ studium; дворъ безжизненъ и скученъ; искусство — не особенно важно; внутреннія дѣла идутъ черезъ пень въ колоду; личной симпатіи — никакой, или никакого предмета для нея; литература слаба.... таково положеніе вещей [1])».

Такого результата достигли заботы реакціи: спасая государство отъ небывалыхъ опасностей, она убивала внутреннюю жизнь общества, а вслѣдствіе того, само государство теряло уваженіе, и вмѣстѣ съ нимъ теряло и политическое значеніе.

Но при всѣхъ своихъ усиліяхъ реакціонная политика нисколько не достигла своихъ цѣлей; она не остановила «духа времени», т. е. развитія общественнаго мнѣнія и политическаго сознанія. Либеральныя идеи развивались и въ подцензурномъ молчаніи неудержимо; печать подвергалась самымъ мелочнымъ придиркамъ, но несмотря на то, когда она получила возможность говорить, оказалось, что въ понятіяхъ сдѣланъ былъ огромный шагъ. Реакція всячески давила демократическія идеи, поощряла сословную спѣсь аристократіи, но въ концѣ концовъ демократизмъ только развился и усилился. «Юнкерство» господствовало теперь съ полной силой; пренебреженіе къ бюргерству доходило до открытыхъ насилій, которыя балованные Adelige позволяли себѣ надъ горожанами; правительство смотрѣло очень снисходительно на ихъ подвиги и старательно заминало подобныя исторіи, когда онѣ производили явный скандалъ, — но въ результатѣ получалось еще большее раздраженіе противъ юнкерства, тѣмъ болѣе, что фактически уже становилось замѣтно общественное преобладаніе промышленнаго средняго класса. Мало-по-малу въ обществѣ заговорили стремленія къ политическому освобожденію, которыя наконецъ стали высказываться явно.

На первое время обскурантамъ реакціи удалось кажется нѣсколько испугать общество, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые слои его. Въ концѣ 1821 г., Фарнгагенъ пишетъ: «Въ разныхъ кругахъ все больше и больше говорятъ объ опасныхъ движеніяхъ нашего времени, о великомъ кризисѣ Европы, объ огнѣ, который грозитъ пожрать все нынѣ существующее, чтобы очистить мѣсто для новаго. Погибель государствъ и правительствъ есть весьма обыкновенная мысль: вездѣ ожидаютъ революціи и охотно желали бы къ ней приготовиться, чтобы въ общей опасности пріобрѣсть какую-нибудь возможность безопасности». Но если

---

[1]) Blätter, I, 207, 339; II, 374; III. 400.

въ однихъ кругахъ былъ этотъ страхъ нѣкоторое время, то вообще тогдашній порядокъ вещей не замедлилъ произвести недовольство. Уже въ 1823 году, Фарнгагенъ замѣчаетъ, что въ обществѣ «распространилось много глухой оппозиціи, много либеральныхъ понятій, которыя ждутъ только удобной минуты, чтобы обнаружиться: ими наполнены всѣ сословія». Разногласіе общества съ правительствомъ становится все замѣтнѣе. Напр., въ это самое время король, напротивъ, думалъ, что «всѣ конституціи — одно зло, даже самое слово конституція должно быть предано забвенію»; въ это время подтверждалась упомянутая мѣра — не принимать на службу людей, заподозрѣнныхъ въ либерализмѣ, — мѣра, о которой, по словамъ Фарнгагена, говорили въ публикѣ «со смѣхомъ или съ отвращеніемъ».

Въ 1824 г., какъ мы упоминали, дѣйствіе карльсбадскихъ постановленій было опять возобновлено, но реакціонная политика уже теряла всякій кредитъ. Даже въ кругу тогдашней высшей администраціи было мнѣніе, что скоро долженъ будетъ произойти поворотъ къ новому порядку вещей, потому что настоящій дѣлается невозможенъ. Въ половинѣ 1825 года, Фарнгагенъ замѣчаетъ, что «въ обыкновенныхъ разговорахъ либерализмъ беретъ рѣшительный перевѣсъ, что ультра-консерватизмъ можетъ показываться не иначе, какъ въ полной своей силѣ», т. е., что онъ потерялъ всякое уваженіе и возбуждалъ страхъ только своими матеріальными насиліями, на которыя держалъ въ рукахъ средства. Въ обществѣ уже ясно понималось «возвышеніе промышленности и упадокъ дворянства, какъ явленія одновременныя и связанныя одно съ другимъ»; объ этомъ, по словамъ Фарнгагена, «каждый день приходится слышать мѣткія замѣчанія [1])».

Около 1825 года, сила реакціи вообще начинаетъ упадать; она успѣла компрометтировать себя въ глазахъ честныхъ людей своими глупыми преслѣдованіями,— вниманіе общества серьёзнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, начинаетъ обращаться на правительственныя дѣйствія и съ участіемъ слѣдить за тѣмъ, что̀ дѣлалось въ другихъ государствахъ. Дневникъ Фарнгагена есть отличное отраженіе части общества, наиболѣе образованной, и мы видимъ въ немъ, какъ мало-по-малу выростали интересы этого рода — интересъ къ развитію общественной свободы у другихъ — и презрѣніе къ жалкому обскурантизму дома. Фарнгагенъ записываетъ извѣстія о дѣятельности конституціонныхъ собраній въ другихъ государствахъ — нидерландскаго сейма, англійскаго парламента, французскихъ палатъ, венгерскаго сейма. Берлинцамъ

---

[1]) Blätter, I, 385; II, 343, 345, 351.

бросалось въ глаза это движеніе представительной системы, которое они видѣли вездѣ. «Вы увидите—записываетъ онъ чьи-то слова, сказанныя въ разговорѣ объ этихъ предметахъ,—вы увидите, къ этому привыкаютъ мало-по малу, и дѣло дойдетъ до того, что монархъ будетъ считать столько же невозможнымъ оставаться безъ палатъ, какъ теперь безъ гвардіи».

Чужая публичность и свобода печати стали касаться и подробностей прусской жизни, и берлинцы съ удовольствіемъ видѣли, какъ французскія газеты выводили на сцену господина Кампца, который наслаждался дома полной неприкосновенностью. «Constitutionnel» (февр. 1826) нападаетъ на Кампца за то, что онъ придумываетъ новые проекты — поставить нѣмецкіе происки въ тѣснѣйшую связь съ русскими, и подвергнуть ихъ новымъ преслѣдованіямъ; что Бернсторфъ заодно съ нимъ, и что оба они оказываютъ этимъ услугу только князю Меттерниху. Въ обществѣ открыто радуются этой статьѣ.... офицеры говорятъ о Кампцѣ съ величайшимъ презрѣніемъ, и съ злорадствомъ толкуютъ о плохомъ результатѣ правительственныхъ (репрессивныхъ) мѣръ».

Въ половинѣ 1826 г., Фарнгагенъ съ сочувствіемъ заноситъ въ свой дневникъ извѣстіе, что баварскій король приглашаетъ въ Мюнхенъ профессоровъ, прославленныхъ за демагоговъ, и поддерживаетъ молодыхъ людей, замѣшанныхъ въ слѣдствія по «проискамъ». «Король гордится тѣмъ, — пишетъ Фарнгагенъ,— что онъ учился въ университетѣ, и говоритъ, что если бы другіе государи сами также учились, то лучше бы понимали, какъ слѣдуетъ смотрѣть на подобныя вещи», т. е. на «происки» демагогическихъ профессоровъ и т. п.

Французскія дѣла возбуждаютъ теперь постоянный интересъ, и съ 1826 — 27 года мы безпрестанно встрѣчаемъ въ дневникѣ замѣтки о французскихъ событіяхъ — какъ слѣдъ разговоровъ и толковъ въ берлинскомъ обществѣ. Въ январѣ 1827 г., Фарнгагенъ записываетъ: «Замѣчательное засѣданіе французской академіи, которая постановляетъ сдѣлать королю представленіе противъ новаго проекта законовъ о печати! Всеобщее раздраженіе противъ французскаго министерства, не только во Франціи, *вездѣ!*» Отзывы о Франціи, ея конституціонной жизни и общественныхъ вопросахъ выражаютъ самую теплую симпатію къ либеральной конституціонной партіи и негодованіе противъ реакціоннаго министерства; это становилось точно собственнымъ вопросомъ нѣмецкаго общества. «По истинѣ, — говорили въ берлинскихъ кружкахъ,—тѣ крохи хорошаго, что у насъ есть здѣсь въ этомъ родѣ, приходятъ къ намъ только изъ Франціи и Ан-

тліи; мы все еще дѣлимъ эту жизнь только издали (wir leben in der Ferne doch immer so mit)».

Исторіи о «проискахъ» еще продолжались, но становились уже предметомъ смѣха. «Однакоже, замѣчаетъ Фарнгагенъ, много молодыхъ людей остается въ крѣпостяхъ, многимъ надолго испорчена жизнь, а другіе на всю жизнь сдѣланы несчастными. За то господинъ Кампцъ сталъ теперь превосходительнымъ». Въ сентябрѣ 1828 г., Фарнгагенъ записываетъ: «Релльштабъ благополучно отсидѣлъ свои три мѣсяца въ Шпандау... Наказаніе считается житейскимъ неудобствомъ, но нисколько не стыдомъ; объ этомъ говорятъ совершенно весело». Такимъ образомъ, гоненіе оказывалось безсильнымъ; надъ нимъ смѣялись; но иной разъ оно оканчивалось и нелѣпостями. Въ числѣ средствъ розыска были, какъ всегда, доносы; Шукманъ и Кампцъ конечно поощряли ихъ, какъ благородное патріотическое дѣло, и въ особенности покровительствовали одному доносчику, по имени Витту-Дёрингу. Этотъ Виттъ участвовалъ въ какихъ-то студенческихъ обществахъ, и потомъ донесъ на нихъ; на его доносѣ построенъ былъ цѣлый процессъ. Въ 1827 году, Виттъ издалъ записки, гдѣ разсказывалъ свои воспоминанія, т. е. предметъ, исторію и послѣдствія своего доноса. Кампцъ конечно радовался появленію книжки, какъ искреннему разсказу заблуждавшагося и раскаявшагося человѣка; вѣроятно, онъ считалъ ее пріятнымъ и полезнымъ явленіемъ въ литературѣ, рекомендовалъ ее Фарнгагену, утверждая, что содержаніе вышедшей части совершенно вѣрно, согласно съ документами и т. д., наконецъ далъ ему самую книгу. Вотъ что Фарнгагенъ нашелъ въ ней:.... «Я получилъ отъ Кампца самую книгу; но это — самое отвратительное, самое пошлое пустословіе, полное лжи и легкомыслія; авторъ — самый постыдный негодяй, для котораго сдѣлалось потребностью — жить въ тюрьмѣ и съ полиціей, попеременно занимаясь то заговорами, то доносами». Виттъ поселился-было въ одномъ изъ сѣверныхъ нѣмецкихъ государствъ, но эта личность была такова, что правительства не хотѣли терпѣть его въ своихъ владѣніяхъ. Этому заблуждавшемуся, но раскаявшемуся господину наконецъ запретили въѣзжать и въ Пруссію; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія упомянутой книжки, Фарнгагенъ записываетъ: «Шукманъ отдалъ публичное приказаніе всѣмъ полицейскимъ управленіямъ, если бы извѣстный Виттъ показался въ Пруссіи, высылать его за границу какъ искателя приключеній, и пр. Г. Кампцъ, вѣроятно, не могъ помѣшать этому» [1]). Полиціи приходилось отказываться отъ своихъ протежэ.

[1]) Blätter, III, 432; IV, 25, 80, 352; V, 50, 67, 110, 119.

Въ своемъ дневникѣ Фарнгагенъ очень часто говоритъ также о жизни двора и аристократіи; онъ могъ близко наблюдать ее, потому что имѣлъ много связей въ высшемъ обществѣ. Эта жизнь верхнихъ слоевъ проходила въ скучныхъ придворныхъ собраніяхъ, натянутыхъ увеселеніяхъ и въ старательномъ удаленіи отъ бюргерства, которое пользовалось отъ аристократіи полнѣйшимъ пренебреженіемъ. Мы видѣли въ предисловіи г-жи Асингъ характеристику занятій короля; дѣйствительно, въ дневникѣ безпрестанно упоминается о новой литургіи, которую король всячески старался ввести, о танцовщицахъ, въ которыхъ король принималъ столь же заботливое участіе, о Спонтини и т. д. Едва ли не самыми вліятельными людьми при дворѣ были піэтисты, противъ которыхъ вооружался даже князь Витгенштейнъ, самъ крайній реакціонеръ; даже для него были непріятны тѣ недостойныя понятія о религіи, которыя распространялись этими людьми. Фарнгагенъ пишетъ о королѣ: «Мысль, что подъ его правленіемъ можетъ страдать религія, для него ужасна: раціоналистическія выраженія о «кажущейся смерти» Христа приводятъ его въ страшнѣйшій гнѣвъ» и т. д. Жизнь прусскихъ принцевъ Фарнгагенъ также изображаетъ какъ пустую, не имѣющую никакихъ высшихъ умственныхъ интересовъ. Понятно, что при этомъ піэтисты тѣмъ легче могли овладѣть и наслѣднымъ принцемъ. Любопытны записанныя въ дневникѣ слова Александра Гумбольдта, очень близко стоявшаго ко двору; онъ пользовался большимъ расположеніемъ короля, и едва ли можетъ быть заподозрѣнъ въ неблагопріятномъ пристрастіи. «Страшно жалуются на нашъ дворъ и высшее общество, — пишетъ Фарнгагенъ въ 1830-мъ году. Александръ Гумбольдтъ говорилъ мнѣ, что конечно во всей Европѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы этотъ кругъ былъ до такой крайней степени лишенъ умственныхъ интересовъ, такъ грубъ и невѣжественъ (so völlig geistlos, roh und unwissend), и такимъ хотѣлъ быть, — какъ у насъ; здѣсь намѣренно и сознательно отклоняютъ всякое знаніе другой жизни, другихъ мнѣній и стремленій, не хотятъ ничего знать о прочемъ, даже ближайшемъ мірѣ, замыкаются въ пустую отдѣльность и жалкую спѣсь. Они не подозрѣваютъ, до какой степени ослабляютъ себя этимъ, унижаютъ себя и открываютъ для будущихъ нападеній» [1]).

Такова была жизнь, которую создавала реакція. Фарнгагенъ, какъ мы видѣли, замѣчалъ самъ и другіе замѣчали, что ея непосредственнымъ спутникомъ было стѣсненіе умственной жизни

---

[1]) Blätter, V, 278, 285, 287, 289.

или просто поглупѣніе общества: вездѣ, куда достигало дѣйствіе реакціи, гдѣ она могла вполнѣ примѣнять свои правила, это было неизбѣжнымъ явленіемъ. Къ чему сводился ея общій характеръ и общій выводъ, это ясно было уже давно для всѣхъ серьезныхъ людей. Фарнгагенъ записалъ въ своемъ дневникѣ слова какого-то нѣмецкаго Эйнзиделя, сказанныя еще въ 1823 году. «Одинъ старый профессоръ теологіи въ Лейпцигѣ — пишетъ онъ — говорилъ о новой системѣ, принятой правительствами: ихъ политика есть не что иное какъ политика *нечистой совѣсти;* отсюда — подозрительность, удаленіе отъ народовъ, фальшивыя мѣры, и при всемъ томъ никакой прибыли; они остаются все въ томъ же положеніи» [1]. Это было совершенно вѣрно.

Не надобно думать однако, чтобы упадокъ былъ полный и всеобщій, или чтобы мы имѣли право относиться къ этому времени съ какимъ-нибудь высокомѣріемъ, и распространять его на цѣлую умственную и литературную жизнь Германіи, — нѣтъ, потому что Германія не заключалась въ Берлинѣ или Вѣнѣ, и реакція, какъ ни была она могущественна по своимъ матеріальнымъ полицейскимъ средствамъ, была безсильна противъ той умственной жизни, гдѣ еще такъ недавно прошли Лессингъ и Кантъ, Фихте и Шиллеръ, гдѣ продолжали дѣйствовать высоко одаренные люди: еще живъ былъ Гёте, который — хотя и не возставалъ прямо противъ реакціи — но высоко держалъ уровень литературныхъ идей, и въ этомъ самомъ прусскомъ обществѣ Берлина дѣйствовали Александръ и Вильгельмъ Гумбольдты, знаменитый теологъ Шлейермахеръ, талантливый гегеліянецъ, энергическій противникъ упомянутой «исторической школы» Гансъ и цѣлый рядъ людей, занявшихъ весьма высокое мѣсто въ нѣмецкой наукѣ и литературѣ. Они не были въ состояніи оказать фактической оппозиціи, но ихъ нельзя было заставить отказаться отъ свободы мысли. Къ благополучію Германіи послужило теперь и самое ея раздѣленіе. Не всѣ правительства пошли по этой дорогѣ, или не всѣ шли по ней такъ усердно какъ Пруссія; берлинская цензура часто не пускала въ Пруссію книгъ, напечатанныхъ въ другихъ краяхъ Германіи, но цензура не имѣла средствъ прервать умственной связи между частями націи, и то, что не могло быть сказано въ Берлинѣ, свободно высказывалось въ другихъ мѣстахъ. Въ 1829 году Фарнгагенъ радуется появленію сочиненій Людвига Бёрне; началась и дѣятельность Гейне...

---

[1]) Blätter, II, 422.

Мы видѣли, какъ отсутствіе собственной общественной и политической жизни заставляло лучшихъ людей общества, можно сказать, съ любовью слѣдить за свободной жизнью другихъ народовъ. Они «переживали» въ другихъ тѣ высшіе интересы, которыхъ не давала собственная жизнь. Предметомъ наибольшаго любопытства и сочувствія была конечно Франція; это сочувствіе начинаетъ больше и больше возрастать въ концѣ двадцатыхъ годовъ, когда политическое броженіе стало обнаруживаться съ особенной силой и когда появлялась перспектива будущей побѣды либеральныхъ идей и учрежденій.

Наконецъ, наступила іюльская революція. Извѣстно, какимъ сильнымъ впечатлѣніемъ отозвалась она во всей западной Европѣ. Надо прочесть замѣтки Фарнгагена, чтобы получить понятіе объ ея потрясающемъ дѣйствіи на современниковъ. Фарнгагенъ въ эти дни особенно подробно написалъ свои дневныя замѣтки; онѣ полны живого интереса.

«Когда здѣсь, въ Берлинѣ, стали извѣстны французскія ordonnances 25-го іюля, — пишетъ Фарнгагенъ. — весь городъ тотчасъ почувствовалъ все огромное значеніе этого удара. Большая часть либераловъ были смущены, но ожидали волненій и борьбы, въ особенности они разсчитывали на отказъ въ уплатѣ податей, и въ заключеніе все-таки ожидали паденія министровъ и побѣды хартіи. Шлейермахеръ думалъ, что теперь все будетъ зависѣть отъ того, какъ будутъ держать себя суды; другіе думали, что противъ силы будетъ употреблена сила. Гансъ былъ въ крайнемъ безпокойствѣ; иногда онъ думалъ, что ордонансы — благодѣтельны, что при ихъ помощи все быстро созрѣетъ, въ другія минуты онъ опять очень сомнѣвался. Штегеманнъ считалъ, что національное дѣло не можетъ погибнуть, но сначала будетъ запутано въ большую борьбу. Виллизенъ находилъ это предпріятіе безумнымъ, и для Бурбоновъ въ высшей степени опаснымъ. Другіе не понимали, какъ можно будетъ сопротивляться явному превосходству силъ правительства. За то и ультра (т. е. крайніе консерваторы и реакціонеры) были тоже не мало перепуганы; многіе боялись слишкомъ большого сопротивленія (ордонансамъ) и опаснаго кризиса; но другіе не могли скрыть своей радости. Камицъ былъ въ восторгѣ; вотъ чего одного, говорилъ онъ, не доставало еще политическому состоянію Европы, теперь все превосходно, теперь мы переживемъ золотой вѣкъ спокойствія и порядка! Ансильонъ торжествовалъ, принимая важныя мины, — мудрая сила наконецъ показала себя. Д-ръ Юліусъ восхищался. Шмальцъ и Ярке принимали свое участіе въ побѣдѣ; перешедшій въ католичество профессоръ Валентинъ

Шмидтъ съ восхищеніемъ бросился въ объятія регирунгсъ-рату Витте, имѣвшему тотъ же образъ мыслей. По всему городу замѣтно было необыкновенное движеніе, всякій разыскивалъ новыхъ извѣстій, всѣ разсчитывали вѣроятности, предполагали, обдумывали. Немногія лица не высказывали своихъ мнѣній изъ благоразумія; конечно, каждый искалъ людей одного съ нимъ образа мыслей.

«Вмѣстѣ съ французскими газетами стали извѣстны здѣсь и нѣкоторые протесты журналистовъ противъ ордонансовъ; поэтому, когда на другой день газетъ не пришло, то здѣсь не знали, перестали ли они выходить вслѣдствіе ордонансовъ, или же произошли волненія. Вскорѣ узнали это послѣднее черезъ торговыя письма. Въ полдень 2-го августа, Гансъ пришелъ ко мнѣ и принесъ мнѣ первое, еще не вполнѣ вѣрное извѣстіе, что въ Парижѣ вспыхнули волненія, но онъ мало надѣялся, думалъ, что народъ долженъ будетъ покориться, и былъ совершенно внѣ себя; онъ признавался, что не знаетъ больше что подумать. Нельзя было узнать ничего положительнаго. Наконецъ на слѣдующее утро, 3-го августа, пришли болѣе точныя извѣстія, «Staats-Zeitung» сообщила ихъ въ особенномъ прибавленіи, которое было разослано около полудня. Редакторъ «Staats-Zeitung» Филипсборнъ былъ въ Карлсбадѣ, его помощникъ спрашивалъ министра Шукмана, можно ли ему тотчасъ же разослать въ особомъ прибавленіи полученныя извѣстія, отрывки изъ «Messager des Chambres» отъ 28-го іюля, изъ «Journal de Francfort» отъ 31-го іюля, и отрывки изъ одного частнаго письма изъ Франкфурта отъ того же числа; министръ послалъ его къ наслѣдному принцу, и тотъ далъ позволеніе, устранивши, какъ неосновательное, замѣчаніе своего адъютанта графа Грёбена, не покажется ли въ «Staats-Zeitung» нѣсколько неумѣстнымъ заключеніе частнаго письма: «каждую минуту ожидаютъ отмѣны обоихъ ордонансовъ». Но едва это было напечатано, какъ явился запыхавшись Ансильонъ, свирѣпствовалъ противъ «Staats-Zeitung», жаловался, что не спросили его, что и здѣсь дойдетъ до того, до чего въ Парижѣ, если не положатъ конца проклятой свободѣ печати; въ особенности онъ печалился объ упомянутой заключительной фразѣ, которая очевидно компрометтируетъ Пруссію относительно французскаго двора. Наслѣдный принцъ былъ очень озадаченъ, не хотѣлъ ничего знать о томъ, что онъ самъ позволилъ эту вещь, и не слушалъ графа Грёбена, который напоминалъ ему о своемъ напрасномъ возраженіи. Впрочемъ Ансильонъ твердо надѣялся, что чернь и ея предводителей-либераловъ отлично перестрѣляютъ. Камицъ былъ очень разсерженъ

тѣмъ, что народъ осмѣливался возставать; многіе знатные военные пожимали плечами и думали, что такія толпы черни можно тотчасъ разогнать хорошо дисциплинированной командой, если только ничего не щадить. Отсутствіе оффиціальныхъ извѣстій заставляло предполагать, что дѣло народа еще не потеряно; либералы стали надѣяться; то, что кровь была уже пролита, давало ручательство, что борьба будетъ продолжаться не безъ энергіи; къ вечеру либералы почти вообще были увѣрены въ своихъ надеждахъ. Между прочимъ, 3-е августа былъ день рожденія короля и до ночи праздновалось вездѣ съ большой радостью, и наша публика, во всѣхъ классахъ одушевленная сильнымъ сочувствіемъ къ народному дѣлу французовъ, казалось, какъ будто именно по этой причинѣ хотѣла тѣмъ яснѣе показать свой прусскій монархизмъ.

«Черезъ день узнали, наконецъ, о формальной протестаціи французскихъ газетъ, и что онѣ продолжаютъ издаваться наперекоръ ордонансамъ, узнали о собраніи многихъ депутатовъ и что съ каждой минутой возрастаетъ удача народнаго сопротивленія. Кампцъ былъ теперь очень смущенъ и печалился объ этомъ поворотѣ вещей. Публика съ жадностью пожирала всякое новое извѣстіе, и ея участіе высказывалось все громче и громче. На улицахъ были почти только радостныя лица, въ кофейняхъ и кандитерскихъ собирались группы, въ которыхъ безъ всякаго опасенія высказывалось самое ревностное демократическое настроеніе. При дворѣ было совсѣмъ иначе. Выступленіе Лафайета, учрежденіе временной правительственной коммиссіи, пораженіе королевскихъ войскъ, полное завоеваніе дворцовъ и казармъ въ Парижѣ, наконецъ появленіе трехцвѣтной кокарды не оставляли никакого сомнѣнія о рѣшительномъ поворотѣ вещей. Наслѣдный принцъ рѣзко говорилъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ тотчасъ же вступить во Францію, чтобы поддержать законное правительство, что онъ самъ, съ 50,000 пруссаковъ, которыхъ можно бы собрать тотчасъ же, немедленно поправилъ бы дѣла. Ансильонъ продолжалъ бушевать, говорилъ въ особенности противъ здѣшней «Staats-Zeitung» [1]), которая заражаетъ народъ, и какъ необходимо и здѣсь также принять строгія мѣры. Кампцъ думалъ, что французскій король уже бѣжалъ, но когда онъ неожиданно услышалъ, что король еще находится въ Сенъ-Клу, окруженный своей гвардіей, онъ тотчасъ снова поднялъ голову, думалъ, что еще ничего не потеряно, что еще нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, и Парижъ

[1]) Замѣтимъ, что это была ни болѣе ни менѣе какъ оффиціальная правительственная газета.

будетъ страшно раскаяваться въ своемъ возмущеніи. Но эта пустая фантазія только дѣлала его еще смѣшнѣе; вслѣдъ за тѣмъ онъ еще больше упалъ духомъ и долженъ былъ самъ услышать, какъ вокругъ него съ энтузіазмомъ восхваляли эту прекрасную революцію, высказывали удивленіе къ французамъ, желали имъ успѣха и счастія.

«Когда король воротился изъ Тёплица, онъ, хотя сначала и выразилъ свою досаду, что французскій король не сдержалъ своего слова и нарушилъ хартію, но въ довѣренномъ кругу былъ очень сокрушенъ французскими событіями. Онъ сказалъ, что надо считать сорокъ лѣтъ потерянными, все это время прожито понапрасну, все опять начинается сначала; что хотя онъ и сдѣлаетъ все для сохраненія мира, не желаетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, надѣется того же и отъ другихъ державъ, но несмотря на все это онъ, однако, убѣжденъ, что не пройдетъ года, какъ вспыхнетъ война. Король отложилъ поѣздку въ Гамбургъ и личный смотръ войскъ на Рейнѣ; гарнизоны крѣпостей также не должны выступать, а будутъ занимать крѣпости, которыя будутъ поставлены на военную ногу. Изданіе особыхъ прибавленій было запрещено. Наслѣдный принцъ и другіе принцы говорили въ обыкновенномъ ультра-реакціонномъ духѣ; Ансильонъ продолжалъ свирѣпствовать, также Кампцъ, ганноверскій посланникъ Реденъ, португальскій Оріола и др. Лица французскаго посольства начинаютъ мало-по-малу изъ крайнихъ реакціонеровъ дѣлаться двусмысленными; наконецъ они перестали скрывать, что они приняли бы присягу и трехцвѣтному знамени. Когда Орлеанскій принцъ сдѣлался королемъ, Ансильонъ со злобой сказалъ: le crime a vaincu! Отреченіе Карла X и дофина заставляетъ тѣмъ сильнѣе хвататься за права герцога Бордосскаго; разсчитываютъ на медленность путешествія короля, на Вандею, на маршала Бурмона, даже на якобинцевъ; радуются, что есть республиканская партія, которая все перевернетъ. Министровъ бранятъ, но желали бы спасенія Полиньяка, который принадлежитъ къ высокой аристократіи; прольется ли кровь Пейронне, къ этому относятся довольно равнодушно, онъ — плебей, и съ него довольно чести, если онъ умретъ за королевское дѣло!

«Оба Виллизена очень довольны ходомъ вещей, князь Пюклеръ также, Шамиссо въ восхищеніи, всѣ они желаютъ теперь только умѣренности французскихъ правителей, вѣрности хартіи, пощады пэрамъ, не слишкомъ большого демократизма. Но много дѣла парижскимъ событіямъ до здѣшнихъ желаній! Тамъ не хотятъ никакихъ извиненій, не хотятъ довольствоваться уступками,

провозглашаютъ верховную власть народа, дѣлаютъ новую хартію и вовсе не боятся войны, хотя и желали бы ея избѣгать. Публика (въ Берлинѣ) вообще въ большомъ восторгѣ; точно также въ Гамбургѣ, въ Дрезденѣ. Аристократія внѣ себя, но еще не теряетъ надежды, и здѣсь, какъ въ Парижѣ. Савиньи, Питтъ-Арнимъ, и многіе, которые вообще только держатся конституціонныхъ мнѣній, вполнѣ за французское національное дѣло. Гансъ отправился въ Парижъ. Обстоятельство, что наслѣдственность перства подвергнута сомнѣнію, вызываетъ негодующіе вопли реакціонеровъ; они чувствуютъ, что грозитъ опасность ихъ существованію.

«Французскія газеты читаются въ кофейняхъ и производятъ сильное впечатлѣніе; слушатели часто единогласно высказываютъ свое одобреніе, офицеры, купцы, студенты и т. д. Злыя остроты «Фигаро» съ удовольствіемъ повторяются. Графъ Оріола разсказывалъ мнѣ съ досадой, что онъ самъ стоялъ въ одной группѣ, гдѣ всѣ парижскія происшествія находили превосходными. Реакціонеры и аристократы въ бѣшенствѣ; они видятъ, что ихъ осмѣиваютъ отчасти люди, имъ подобные, напр. генералъ, графъ Калькрейтъ. За столомъ у короля генералъ Блокъ имѣлъ наивность объявить, что конечно величайшее затрудненіе, какое можетъ встрѣтиться военному, это—быть обязану стрѣлять въ народъ.... Штегеманнъ, Эйхгорнъ, Бейме, Александръ Гумбольдтъ, всѣ радуются событіямъ, и болѣе или менѣе высказываютъ это....

«Купцы и бюргеры чрезвычайно гордятся тѣмъ, что люди ихъ сословія облечены въ Парижѣ высшими правительственными должностями. Въ противоположность этому, принцъ Карлъ, при извѣстіи о важномъ положеніи Лафитта, съ презрѣніемъ отозвался: «Какой-нибудь лавочникъ хочетъ быть всѣмъ!»—Я сказалъ какъ-то, что въ парижской революціи свобода печати какъ будто лично вступила въ борьбу. Господинъ фонъ-Лампрехтъ говоритъ: «Теперь ясно, какъ хорошо мы дѣлаемъ, что не даемъ здѣсь свободы печати; отсюда идутъ всѣ бѣдствія Франціи». Гофпредигеръ Штраусъ недавно обѣдалъ у короля, конфиденціально говорилъ съ нимъ и утѣшалъ его. Вскорѣ затѣмъ онъ разсказывалъ это мнѣ; онъ видитъ во французскихъ событіяхъ и въ здѣшней радости имъ только дурной образъ мыслей, безнравственность и безбожіе, и надѣется всего отъ единодушія монарховъ».

Мы прибавимъ въ дополненіе еще нѣсколько замѣтокъ Фарнгагена, написанныхъ въ сентябрѣ этого года.

«Король получилъ письмо новаго короля французовъ черезъ посланника его, генерала графа Лобо, пригласилъ его къ обѣду,

на смотръ и т. п. Но еще медлитъ дать ему отвѣтъ и признать новаго короля, удерживаемый въ особенности русскими вліяніями. Графу Бернсторфу (министру иностранныхъ дѣлъ) приходится выдерживать сильную борьбу; онъ находитъ, что къ признанію есть очень настоятельныя побужденія и что къ нему все-таки принудятъ впослѣдствіи; Союзъ (т.-е. Священный Союзъ) уже давно почти не существуетъ, что онъ окончательно подорванъ признаніемъ новаго французскаго короля со стороны Англіи, что его надо сначала заключить вновь, чтобы имѣть возможность на него опираться. Волненія въ Бельгіи и въ Ахенѣ — а также въ Гамбургѣ и Лейпцигѣ — еще больше запутываютъ дѣло. Король тотчасъ велѣлъ двинуть на западъ три арміи; это считаютъ черезчуръ поспѣшнымъ. Для военныхъ мѣръ оказалось не все такъ готово, какъ обыкновенно этимъ хвалились; опять должны были прибѣгнуть къ Риббентропу, который былъ до такой степени забытъ. Наши первые люди (Häupter) при каждомъ неблагопріятномъ извѣстіи тотчасъ теряютъ голову, и все видятъ въ мрачномъ свѣтѣ; придетъ потомъ другое извѣстіе чуть получше, имъ опять все кажется розовымъ. Яснаго взгляда на фактическое значеніе событій совершенно недостаетъ. При этомъ аристократы постоянно натравливаютъ, и ихъ слова естественно нравятся. Наслѣдный принцъ видимо хочетъ показывать себя твердымъ и язвительнымъ, и у себя на обѣдѣ обходился съ графомъ Лобо очень гордо и язвительно, къ большому удовольствію придворныхъ и адъютантовъ, людей, какъ Роховы, Фоссы, Рёдеры, Грёбены и т. д. Но король сдѣлалъ ему выговоръ, чтобы онъ держалъ себя менѣе рѣзко.

«Наверху нѣтъ *никакого* порядка и единства! Даже люди, какъ Бернсторфъ и Витгенштейнъ, весьма ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ и не могутъ провести многихъ изъ своихъ мнѣній, потому что ихъ положеніе позволяетъ имъ выступать только въ привычной колеѣ. Настоящее слово съ настоящимъ удареніемъ *до* событій безразсудно, *послѣ* событій излишне! *Дѣла наши стоятъ теперь не лучше, чѣмъ въ 1806 году!...* Никто не понимаетъ времени и его событій. Все слѣпо и бѣшено стремится къ гибели. Если дѣло идетъ хорошо, то это чистый случай, это происходитъ изъ другихъ источниковъ, а не отъ проницательности тѣхъ, кто ведетъ ихъ»[1]).

Къ такимъ печальнымъ заключеніямъ приходилъ Фарнгагенъ, который не былъ большимъ скептикомъ и вовсе не недоброжелателемъ къ своему правительству. Таковы неизбѣжно должны были

[1]) Blätter, V, 297—306.

быть мнѣнія всѣхъ благоразумныхъ патріотовъ, понимавшихъ требованія времени и ходъ событій. Пруссія смѣшалась при іюльской революціи; королю казалось, что напрасно прожиты были сорокъ лѣтъ — войнъ съ Франціей и Священнаго Союза; другимъ казалось, что напрасно прожито было время съ 1806 года, когда Пруссія получила страшный урокъ, который долженъ былъ бы заставить ее подумать серьезно о внутреннемъ ея устройствѣ и котораго она все-таки не уразумѣла: вмѣсто того Кампцъ гонялся, наконецъ, за гимназистами, и правительство не замѣчало, куда стремилась вся тогдашняя жизнь. Послѣ 1830 года продолжалось опять тоже непониманіе времени, пока, наконецъ, и Пруссія должна была испытать революціонный кризисъ, окончившій ея прежнюю и основавшій ея нынѣшнюю исторію.

Это изображеніе нѣмецкой реакціи въ дневникѣ Фарнгагена представляетъ между прочимъ ту любопытную сторону для русскаго читателя, что въ этой нѣмецкой реакціи былъ тотъ образецъ, которому слѣдовала русская реакція десятыхъ и двадцатыхъ годовъ и пр. Дневникъ любопытенъ и по другому отношенію, по его прямымъ извѣстіямъ о русскихъ дѣлахъ. Россія въ то время сильно занимала умы: личность императора Александра, недавняя военная слава, дипломатическое вліяніе Россіи на ходъ европейскихъ дѣлъ, ея участіе въ европейской реакціи, безпрестанные конгрессы обращали на нее общее вниманіе, и въ Пруссіи это было особенно естественно: здѣсь связи съ Россіей были тѣснѣе, и сосѣдство ближе. Фарнгагенъ нерѣдко записываетъ русскія происшествія, о которыхъ ему случалось слышать, записываетъ разговоры съ русскими путешественниками, которыхъ онъ немало встрѣчалъ въ берлинскомъ обществѣ, воспоминанія своихъ соотечественниковъ объ императорѣ Александрѣ и т. п. Конечно, все это только отдѣльныя подробности; но въ нихъ найдется не одна характерная черта, которою можетъ воспользоваться русскій историкъ. Къ этой сторонѣ дневника мы обратимся въ слѣдующей статьѣ.

А. Пыпинъ.

РУССКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЧТА

(Опытъ историческаго очерка.)

ПОВОЗЪ, ЯМЪ, ПОЧТА.

«Въ старыя времена, когда кто за государевымъ дѣломъ кто куда посыланъ былъ, онъ либо на своихъ лошадяхъ, либо на свой коштъ на наемныхъ ѣхать долженствовалъ, а иногда для таковой поѣздки покупалъ лошадей и по окончаніи пути отдавалъ оныхъ въ казну. Проѣзжающимъ изъ другихъ государствъ, посламъ и гонцамъ съ возвратомъ, даваны были отъ города до города подводы, собираемыя съ городскихъ жителей по усмотрѣніи городскаго начальства, за что плачены были изъ казны небольшіе прогоны». Въ такихъ краткихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ «Древняя Россійская Вивліоѳика» говоритъ о способахъ государственныхъ сообщеній въ Россіи въ старыя времена [1]). Изъ этихъ словъ можно заключить, будто въ древности правительства содержали извозныя сообщенія на собственныя средства и могли требовать подводы только въ исключительныхъ случаяхъ — для иностранныхъ пословъ и гонцовъ, съ уплатою прогонныхъ денегъ. Не такъ было въ дѣйствительности. Какъ ни скудны свѣдѣнія, дошедшія до насъ изъ глубины древности, все же они достаточно объясняютъ, что въ глубокой древности у насъ существовалъ уже извозъ, лежавшій повинностью на землѣ. По лѣтописи Нестора, со времени

---

[1]) Ч. XX (изд. 2); стр. 412.

Владиміра, «Радимичи платятъ дань Руси и *везутъ повозъ»* [1]. Ранѣе образованія русскаго государства, въ VII вѣкѣ, одно славянское племя — Дулѣбы, отбываетъ эту повинность не только конями и волами, но даже женами: «аще поѣхати бяше Обрину не дадяше впрячи ни коня, ни вола, но веляше впрячи три ли, четыре ли, пяти ли женъ въ телѣгу и повезти Обрину» [2]. Вотъ почему можно безошибочно утверждать, что какъ въ то время, когда славяне платили варягамъ и козарамъ дань «по шлягу отъ рала», «бѣлой вѣвѣрицѣ отъ мужа» [3]) и «бѣлой векшицѣ отъ дыма», такъ и тогда, когда Олегъ и Ольга «устави дани и уроки»,— повозъ не былъ забытъ уже потому, что всякая дань, а тѣмъ болѣе вещественная, требуетъ доставки. Коль скоро существуютъ дани, подати, коль скоро установилась какая-либо власть, извозъ представляется въ такой безотлагательной необходимости, что не можетъ быть упущенъ изъ виду. Извозъ необходимъ для доставки собираемой дани, извоза требуютъ сообщенія центральной власти съ органами областного или городского управленія, извозъ входитъ въ подъемъ и движеніе военныхъ силъ. Все это относитъ извозную повинность къ самымъ первымъ временамъ образованія государствъ. И дѣйствительно, по Карамзину, «въ IX и X вѣкѣ изъ разныхъ областей Россіи ходили уже въ столицу—Кіевъ, обозы съ медомъ и шкурами— оброкомъ княжескимъ, — что и называлось: *возить повозъ»* [4]. Какъ тяжелъ былъ этотъ повозъ уже въ то время, въ отношеніи подъема войскъ, видно со словъ дружины Святополка: «негодно веснѣ ити (въ походъ) кони измучити, хочемъ погубити смерды и рало имъ отъяти».

Впрочемъ, въ эпоху патріархальную, извозная повинность имѣла видъ и называлась «даромъ», «поклономъ», «честью». Только при дальнѣйшихъ успѣхахъ правительственной власти потребовалось болѣе точное опредѣленіе правъ съ одной стороны и обязанностей — съ другой, и потому при Олегѣ и Ольгѣ повсемѣстно установились «дани» и «уроки». Тѣмъ не менѣе за многими повинностями, въ томъ числѣ и за повозомъ, долгое время сохраняется еще характеръ «дара», «чести». Обидою считается не дать послу «корма и повоза». Одинъ князь-правитель имѣетъ право на повозъ при объѣздѣ областей; только дань его доставляется посредствомъ народнаго повоза. Ратники, за-

---

[1]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. I, пр. 518.
[2]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. I, пр. 84.
[3]) Гагемейстеръ принимаетъ «вѣвѣрицу» за дѣвицу.
[4]) Ист. Гос. Рос. т. I стр. 248 (по изд. Смирдина).

щитники отечества, ратные вѣстники получаютъ повозъ по тому же понятію. Вирники, намѣстники, волостители, тіуны, праветчики, доводчики, пристава, по правиламъ гостепріимства, пользуются кормомъ, но правъ на повозъ не имѣютъ. Въ этомъ не представляется и надобности. Областные правители получаютъ должности для своего *кормленія:* никакихъ разъѣздовъ они не дѣлаютъ, а къ мѣсту могутъ доѣхать на своихъ или наемныхъ лошадяхъ. Низшія же хожалыя и ѣздовыя должности получаютъ съ кого слѣдуетъ, но не отъ казны — «хоженое», «ѣздовое», а дворяне—«погонъ». Удѣльный періодъ благопріятствуетъ такому порядку вещей въ повозѣ: только въ небольшихъ удѣльныхъ княжествахъ чиновники могутъ слѣдовать къ мѣстамъ и исполнять служебныя дѣла на своихъ или наемныхъ лошадяхъ; только при такомъ условіи, въ землѣ, гдѣ не было дорогъ, могъ производиться сборъ дани и доставка ея. При каждомъ военномъ движеніи нужно было «теребить пути и мосты мостить»; сдѣланное не поддерживалось, а разрушалось, чтобъ преградить возможность вторженія непріятелей, или симъ послѣднимъ. При такомъ государственномъ положеніи, какъ бы ни былъ ограниченъ повозъ, онъ не могъ считаться легкою повинностію. На это-то положеніе указываетъ дружина Святополка, говоря «кони измучити, хочемъ погубити смерды». Двусмысленная рѣчь Владиміра, тогда еще язычника, во всякомъ случаѣ бросаетъ свѣтъ на положеніе повоза съ другой стороны; онъ не то иронически, не то положительно говоритъ: «диво мнѣ дружино оже лошади жалѣете ею же оретъ смердъ». Такъ велось это дѣло до самаго татарскаго погрома, когда въ XIII-мъ столѣтіи въ государственномъ повозѣ въ первый разъ является слово *подвода* [1]).

Хотя, безъ сомнѣнія, въ повозъ и прежде входили подводы, подъ чѣмъ подразумѣваются лошади въ телѣгахъ и саняхъ, — но слово *подвода* новѣйшаго происхожденія, оно не употреблялось въ древней Руси. Въ духовной Владиміра Мономаха говорится еще, что въ походѣ оружія усланы «на повозѣхъ»; что онъ отправился въ Смоленскъ «о двою коню» [2]). Судя по этимологіи, слово подвода получило гражданство съ тѣхъ поръ, какъ для государственныхъ сообщеній потребовался подводъ лошадей на указанныя мѣста — города и станы. Дѣйствительно, въ XIII вѣкѣ службы къ городамъ, старостамъ и становщикамъ уже существуютъ, и подводы отпускаются отъ города до города, отъ

---

[1]) Юр. Сб. Мейера, изд. 1855 г. ст. о почтахъ, стр. 346, пр. 2.
[2]) Гагемейстеръ, о финанс. древн. Руси, пр. 58 и 59.

стану до стану [1]). Проѣзжающіе «князья, бояре и дѣти боярскіе и люди дворные и всякіе ѣздоки» и сборщики податей получають право на кормы и подводы. О прогонныхъ деньгахъ въ это время не упоминается. Легальное положеніе, имѣющее ближайшее отношеніе къ подводамъ, носитъ характерическое названіе — *ямъ*.

Слово—ямъ, полагаютъ, заимствовано отъ татарскаго: «ямъ»—дорога; «ямъ-чи»—путеводитель, проводникъ, ямщикъ; или же отъ ямы, рва, межи. Но очень можетъ быть, что слово—ямъ происходитъ отъ славянскаго глагола: яти, имати—брать. Спряженіе этого глагола—азъ ямъ или емлю; ты емлешь и т. д.; отглагольное существительное будетъ: ямъ — сборъ, наборъ, поборъ. Въ древней Руси, со временъ татарскаго владычества ямъ означаетъ повинность, какъ слово дань—подать: «моя дань и ямъ», «опричь моей дани и яму»—говорится въ грамотахъ этого времени. Ямы были «татарскіе», «монастырскіе» и, безъ сомнѣнія—общіе. У яма великихъ князей стоятъ «ямники», «ямщици», «ямщики». Ямъ, по отношенію къ натуральнымъ повинностямъ—службамъ отбывается «на шестой день» или «по силѣ»; а по отношенію къ сборамъ — вѣроятно по установленнымъ положеніямъ. Ибо въ длинномъ перечнѣ «ямщины» показаны: «мыто, тамга, вѣсчее, помѣрное, подымное, пятно» — сборы денежные и вещественные. Во весь періодъ татарскаго владычества, ямъ могъ дѣйствовать впрочемъ не столько по положеніямъ, сколько «по силѣ»; онъ даетъ право брать лошадей у проѣзжающихъ на дорогѣ [2]).

Извѣстность яма начинается съ XIII-го столѣтія, одновременно съ подводами, которымъ онъ служитъ какъ бы закономъ. Въ подводной повинности разомъ призываются на службу: люди, какъ проводники, имущество ихъ—лошади, телѣги, упряжь и запасы продовольствія—въ кормы проѣзжающихъ, самыхъ проводниковъ и лошадей. Призывъ подводъ, если держаться точнаго положенія, могъ предъявляться на «шестой день». При дальнихъ разстояніяхъ города отъ города, стана отъ стана, при бездорожьи, при «баскакахъ», не всегда можно было разсчитывать на благополучный извозъ. Продолжительныя задержки ставятся ни во что. Понятно, что такая повинность не могла не считаться самою тяжелою. Вотъ почему Новгородъ, бывшій сравнительно въ лучшихъ условіяхъ, гдѣ ямъ долго не былъ извѣстенъ,—въ договорѣ съ союзнымъ польскимъ королемъ, въ которомъ крайне нуждался,

---

[1]) А. Э. т. I, № 32 и Др. Р. Вив.

[2]) Юр. Сб. Мейера ст. о почтахъ, стр. 353 пр. 3.

отводитъ подводамъ особую статью: «посламъ, намѣстникамъ и людямъ твоимъ — не брать подводъ въ землѣ Новгородской».

Въ XV-мъ вѣкѣ — на великокняжескомъ московскомъ престолѣ Іоаннъ III, государь Бѣлой Россіи, т. е. свободной, не подвластной. Съ первыхъ же дней онъ устраиваетъ на ямы и подводы новую систему, которой придаетъ такую важность, что, умирая, пишетъ въ своей духовной: «а сынъ мой Василій въ своемъ великомъ княжествѣ держитъ ямы и подводы на тѣхъ мѣстахъ по дорогамъ, гдѣ бысть ямы и подводы при мнѣ».... «а дѣти мои по своимъ отчинамъ держатъ ямы и подводы». Карамзинъ упоминаетъ объ этой системѣ только вскользь и говоритъ о ямахъ, какъ о почтѣ, «гдѣ путешественникамъ давали не только лошадей, но и пищу» [1]). Другіе писатели относятъ даже время образованія ямовъ, очевидно заимствовавшихъ свое названіе отъ яма, то къ Дмитрію Самозванцу, царствованіямъ Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича [2]), то отодвигаютъ за предѣлы дѣйствительности, какъ «современное гражданской жизни русскаго народа» [3]).

Въ чемъ же состоитъ сущность учрежденія или системы ямовъ и подводъ? Отчего Іоаннъ III такъ много заботился о немъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ учрежденіе это замѣчательно только тѣмъ, что здѣсь кормятъ проѣзжающихъ и отпускаютъ имъ лошадей? Положеніе объ устройствѣ ямовъ и подводъ не сохранилось, но его можно реставрировать почти въ слѣдующемъ видѣ:

1) Дороги, связывающія Москву съ провинціальными городами, по запущенности ихъ, принимаются въ государственную собственность, относятся къ разряду статей яма, отъ чего и называются *ямскими* [4]).

2) По дорогамъ устраиваются въ назначенныхъ мѣстахъ, по плану и системѣ, дворы, получающіе названіе *ямскихъ дворовъ* [5]).

3) На ямскихъ дворахъ поселяются по два должностныхъ лица придворнаго вѣдомства, названныхъ — *ямщиками.* Ямщики получаютъ отъ государя по тройкѣ лошадей для разъѣздовъ [6]).

---

[1]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. VI, стр. 363.

[2]) Др. Р. Вив. т. XX. Ямской приказъ и описаніе постепеннаго разв. почт. гоньбы въ Россіи, изд. почт. д-та 1860 г.

[3]) «Москв.» 1852 г., № 1, ст. г. Лешкова о пут. сооб. и ям. гоньбы, и приб. къ общимъ циркул. по глав. уп. почтъ 1843 г., № 5.

[4]) «Моск.» 1852 г. I, ст. г. Лешкова.

[5]) А. Э., т. I, № 156. Ямской дворъ составляютъ: «хоромы, двѣ избы трехъ саженъ межъ угловъ, да два сѣнника на подклѣтяхъ межъ угловъ по полутье сажени, а промежъ сѣнниковъ конюшня въ четыре сажени».

[6]) А. Эк., т. I, № 156 и Юр. Сб. Мейера, ст. о почтахъ, стр. 357, со ссылкою на Шторха, т. VII, стр. 241—242.

4) Къ ямскому двору приписываются прилежащія волости, деревни, слободы и села, — что образуетъ округъ, названный— ямомъ [1]).

5) На обязанности ямщиковъ лежитъ:

а) сборъ съ своего округа дани и ямской вещественной повинности, и доставка ея по принадлежности;

б) требованіе подводъ къ ямскому двору для перевозки сборовъ, для гонцовъ и проѣзжающихъ, которые предъявятъ подорожныя грамоты в. князя или удѣльнаго [2]);

в) надзоръ за исправленіемъ дорогъ.

6) Къ обязанности ямского округа относится:

а) уплата даней и повинностей, по вновь-составленному положенію, съ «сохъ» [3]);

б) поставка подводъ, исключительно по требованіямъ однихъ ямщиковъ;

в) исправленіе ямскихъ дорогъ, пролегающихъ по ямскому округу, устройство мостовъ и гатей, поставка верстъ, посадка деревьевъ и проч.

Таково было ямское устройство по своей формѣ, насколько ее можно возстановить по сохранившимся свѣдѣніямъ. Уже въ этой формѣ ямы представляются не одностороннимъ какимъ-либо учрежденіемъ, а общею системою государственнаго благоустройства. Пути сообщенія, важность коихъ сознана недавно, озабочивали Іоанна III, и преимущественно на нихъ онъ обращаетъ народныя силы, жертвуя личными своими выгодами. При почтовомъ ямскомъ устройствѣ сборъ повинностей производится правильнѣе, и доставка ея не такъ обременительна. Одна изъ тягостнѣйшихъ повинностей — подводная, ограничивается подорожными, выдаваемыми самимъ государемъ. Въ выдачѣ подорожныхъ и подводъ не замѣтно въ это время щедрости. Посолъ нѣмецкаго императора получаетъ только «двѣ» подводы. Во всемъ, до самыхъ мелочей, соблюдается величайшая точность, характеризующая Іоанна III; въ подорожной, выданной тому же послу, точно опредѣляется, что̀ должно дать ему въ кормъ: «а корма для нѣмчина на яму, гдѣ случится стати, курья, да двѣ части говядины, да двѣ части свинины, да соли, яични, сметаны,

---

[1]) А. Э., т. I, № 156. Вотъ ямской округъ того времени: «волость Ладога, вол. Вотбала, вол. Андопалъ, вол. Суда, вол. Наксалова, вол. Заполицы, сл. Куръ-волохъ, слоб. Мирошинцы, с. Чужбинское и Егормское».

[2]) А. Э., т. I № 86. Карамз., т. VI, 363, пр. 615.

[3]) Карамз., VI, стр. 356.

масла, да *два калача полуденежные* по сей моей грамотѣ» [1]). Устройство ямскихъ дворовъ избавляетъ крестьянъ отъ не менѣе тяжкой — постойной повинности въ отношенiи ямщиковъ и проѣзжающихъ. Въ тоже время при личномъ завѣдыванiи государя ямскимъ устройствомъ и выдачею подорожныхъ — все, что дѣлается въ государствѣ, ему извѣстно; въѣздъ и выѣздъ, безъ его согласiя, невозможенъ. При особенно важныхъ происшествiяхъ въ государствѣ или на границахъ его, ямщики обязаны тотчасъ передавать извѣстiя, употребляя для гоньбы государевыхъ лошадей.

Такимъ образомъ вся сущность ямской системы направлена къ ограниченiю яма, какъ общаго произвола, и къ установленiю государственнаго порядка. Въ этой системѣ заключался секретъ могущества и постоянныхъ успѣховъ Iоанна III, удивлявшихъ современниковъ. Стефанъ, господарь молдавскiй, говорилъ объ немъ: «Сватъ мой есть странный человѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ покойно и торжествуетъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а не могу защитить земли своей» [2]).

Нельзя также пройти молчанiемъ того выдающагося факта, что при сознанiи всей важности ямского устройства, Iоаннъ III не предоставилъ ямщикамъ никакой власти: они не могутъ не только высылать людей на работы по дорогамъ, но даже заставить починить дворъ свой,—на все это требуется особый указъ. Кромѣ того и на нихъ, какъ на другихъ, равно смотрятъ «грозныя очи», и надъ ними раздается: «торговая казнь и продажа» за «посулы и поминки на крестьянахъ».

Въ царствованiе Василiя Iоанновича и форма и духъ ямского учрежденiя значительно измѣняются. Ямщики получаютъ надѣлъ земли. Въ качествѣ приставовъ, взыскиваютъ на крестьянахъ «ѣздовое, по денгѣ на двѣ версты». Управляются ямскою Избою. Подводы выдаются такъ щедро, гоньба производится такъ быстро, что удивляетъ иностранцевъ; «кто требуетъ десять лошадей, тому приводятъ сорокъ, пятьдесятъ». Герберштейнъ говоритъ, что въ это время платились уже прогонныя деньги, по 6 денегъ на 20 верстъ, но достовѣрность этого показанiя сомнительна, ибо несообразна съ общею системою. При Iоаннѣ Грозномъ, когда по положенiю своему ямщики должны были примкнуть къ опричинѣ, на нихъ уже поднимается сильный ропотъ и жалобы крестьянъ на то, что они: «отнимаютъ лошадей силою», держатъ у себя «бездѣльно», отпущаютъ «безъямно», «лошади вовсе про-

---

[1]) Карамз., т. VI, пр. 615.

[2]) Тамъ же, стр. 350.

падаютъ» и «убытки великіе». Въ виду этихъ жалобъ царь поставляетъ надъ ямщиками особаго пристава, но жалобы продолжаются. Именитые люди Строгановы выпрашиваютъ привилегію «не возить и не кормить пословъ, ѣздящихъ въ Москву изъ Сибири или въ Сибирь изъ Москвы».

Когда на престолъ вступилъ Ѳедоръ Іоанновичъ, слово «ямщикъ» было уже синонимомъ сбира, баскака, опричника. Рѣшено — реформировать ямское учрежденіе на новыхъ началахъ, которыя, по сохранившимся актамъ, состояли въ слѣдующемъ:

1) Ямщики, какъ сборщики подводъ, упраздняются.

2) Подводная повинность въ ямскихъ округахъ прекращается, если — [illegible]

3) Вмѣсто подводной повинности округъ выставитъ добровольно желающихъ принять на себя гоньбу.

4) Тѣ, которые изъявятъ такое желаніе, должны имѣть по тройкѣ лошадей съ повозками и сбруей. Люди эти получаютъ отъ правительства: званіе ямскихъ охотниковъ, освобождающее отъ всѣхъ податей и повинностей, жалованье, загонныя (прогоны) деньги и «бѣлую» землю.

5) На жалованье и прогоны ямщикамъ охотникамъ устанавливается особый сборъ — «ямская посоха».

6) Ямскіе охотники принимаются неиначе какъ по «порядным» и «поручнымъ» записямъ обществъ съ охотниками, за которыхъ, въ случаѣ несостоятельности, отвѣчаетъ общество, его представившее.

7) Тамъ гдѣ есть рѣки, перевозъ лежитъ на ямскихъ охотникахъ, которые для этого должны имѣть «суды.»

8) Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ гоньбы, при недостаткѣ ямскихъ силъ, поставляются подводы, получающія также прогонныя деньги.

9) Ямщики - охотники вписываются въ особую книгу; ими управляетъ ямской приставъ или прикащикъ, загонную книгу ведетъ цѣловальникъ; росписаніе «ямской посохи» дѣлаетъ ямской стройщикъ; собираетъ сборъ въ казну ямской сборщикъ [1]).

Съ этого же времени прекращаются и свѣдѣнія о выдачѣ проѣзжающимъ кормовъ.

Новая система отправленія подводной повинности имѣла столько преимуществъ, что не могла не встрѣтить сочувствія. Вскорѣ стали образовываться цѣлые посады ямщиковъ-охотни-

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ актовъ, помѣщенныхъ въ Юрид. Сборн. Мейера на 1855 г., въ ст. о почтахъ. Время этого учрежденія основано преимущественно на актахъ А. Э., т. I, № 344, гдѣ упоминается уже о ямскихъ охотникахъ.

ковъ, которымъ сперва не было ограниченія. На такихъ основаніяхъ Борисъ Годуновъ началъ-было заводить ямы даже въ Сибири [1]). Это было самое лучшее время ямщиковъ, когда у нихъ сложился типъ удали, сопряженной съ быстрой ѣздой. За сословіемъ ямщиковъ-охотниковъ совершенно скрылись изъ виду прежніе ямщики-сбиры.

Наконецъ, при Годуновѣ окончательно сложилось *свободное привилегированное* ямское сословіе, понесшее на себѣ многія народныя тягости.

Въ смутное время, Василій Шуйскій спѣшитъ нанести ударъ ямскому сословію. Онъ запрещаетъ выбирать въ ямщики-охотники «тяглыхъ, посадскихъ и вольныхъ крестьянъ» [2]), а крѣпостное право отняло свободу у другихъ людей. Это остановило развитіе ямского сословія, вызвавъ у обществъ необходимость выдачи «бобылямъ-охотникамъ подможныхъ денегъ ежелѣть» [3]).

Въ царствованіе Михаила Өедоровича, ямщики уже жалуются, что при гоньбѣ по разнымъ дорогамъ на разстояніи 300—700 верстъ «отъ перегону» лошади у нихъ «попадали», что они вошли въ неоплатные долги, женъ и дѣтей позакладывали и многіе разбрелись розно [4]). Размѣръ ямскихъ денегъ, неправильно смѣшиваемыхъ во всѣхъ сочиненіяхъ съ «подможными деньгами» и «ямскою посохою», возросъ до 800 руб. съ сохи [5]). Михаилъ Өедоровичъ «видячи сошныхъ людей оскудѣніе», уменьшилъ ямскія деньги, замѣнившія нѣкоторыя повинности «яма»,—до половины [6]). Въ отношеніи ямовъ и ямщиковъ приняты также весьма важныя мѣры, именно: 1) составъ ямщиковъ ограниченъ штатомъ; 2) повелѣно, чтобы между ямами [7]) не было большихъ перегоновъ; 3) ямщикамъ, къ прежнимъ правамъ, предоставлены права торговыя безъ пошлинъ и привилегіи на извозъ; 4) выдано росписаніе, по скольку подводъ надлежитъ отпускать «разныхъ чиновъ людямъ», чѣмъ узаконено общее право служащихъ лицъ на государственный извозъ, и 5) разрѣшено ямщикамъ наниматься «у гостей и у всякихъ людей подъ товары вольными цѣ-

---

[1]) Юр. Сб. Мейера, ст. о почтахъ, стр. 349, со ссылкою на Шторха, т. IV, стр. 335.

[2]) Приб. къ общ. цир. по глав. упр. почтъ 1843 г. №. 5.

[3]) Тамъ же. Отсюда ведетъ свое начало система вспомоществованія за государственный извозъ, со стороны земства.

[4]) Ак. Ист. III, №. 75.

[5]) Юр. Сб. Мейера раз. отд. ф. учр. стр. 130.

[6]) Тамъ же, ст. о почт. стр. 353; и приб. къ об. цир. по глав. упр. почтъ 1843 года № 5.

[7]) Ямами теперь считаются ямскіе посады, а не округа.

нами», чѣмъ допущены къ государственному извозу и частныя лица [1]).

Несмотря на эти мѣры, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, ямщики «оскудѣваютъ и бредутъ розно» [2]). Развитіе ихъ съ указа Шуйскаго остановилось, а потребность въ извозѣ увеличилась. Главнымъ бичемъ для ямщиковъ были гонцы. Алексѣй Михайловичъ повелѣваетъ, чтобы гонцовъ посылалось какъ можно меньше, возлагаетъ доставку депешъ на самихъ ямщиковъ, вовсе исключаетъ низшихъ служилыхъ лицъ изъ права пользоваться государственнымъ извозомъ, воспрещаетъ задержаніе ямскихъ подводъ, ставитъ на одномъ трактѣ для скорый ѣзды своихъ стадныхъ лошадей со стадными конюхами и трубниками [3]); но ямщики все бѣгутъ. Ихъ стали розыскивать. Въ именномъ указѣ значится: «Тверскаго яма ямщиковъ, которые съ того яму бѣжали и записались въ посадъ и въ разные чины, а вдовы ямщичьи жены вышли замужъ за посадскихъ и за служилыхъ людей и за стрѣльцовъ и за казаковъ и за всякихъ чиновъ людей и тѣхъ бѣглыхъ ямщиковъ съ женами и съ дѣтьми и вдовъ за кого они вышли замужъ, брать и записывать по прежнему на тверской ямъ въ ямщики» [4]). Въ такомъ положеніи было уже *привилегированное* сословіе ямщиковъ-охотниковъ и такая въ немъ чувствовалась потребность. Стала вновь призываться подводная повинность [5]).

Въ тоже время гонцы ѣздятъ «съ великою спѣшкою», и выступаетъ забота, что ямщикамъ «жалованья въ окладъ и на прогоны денегъ не достанетъ». Все это побудило Алексѣя Михайловича «для скорыя обсылки, а наипаче для пріумноженія торговыхъ государственныхъ пожитковъ» принять предложенія иностранцевъ о заведеніи въ Россіи *почты.*

Первая мысль объ учрежденіи въ Россіи почты, связующей Москву съ Аугсбургомъ, принадлежитъ саксонцу Шлитту, который развивалъ ее еще Іоанну Грозному, но тогда мысль эта не осуществилась. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда потребность въ правильныхъ сообщеніяхъ стала ощущаться все сильнѣе и сильнѣе, когда о пользѣ почтъ, дѣйствовавшихъ въ Европѣ, доходили самыя благопріятныя свѣдѣнія, Алексѣй Михайловичъ рѣшился принять такую же систему сообщеній. Но

---

[1]) Ак. Ист. III, № 57. Древ. Рос. Вив., Юрид. Сб. и соб. зак. по управ. почтъ т. IV, 1826 г. стр. о ямск. привилегіяхъ.

[2]) Соб. зак. по упр. почтъ т. I, № 10.

[3]) Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 1, 7, 11, 12.

[4]) Тамъ же, стр. 12.

[5]) Тамъ же стр. 6.

прежде оффиціальнаго введенія, почта испытывается не гласно: на трактѣ отъ Москвы до Риги почту содержитъ одно трехлѣтіе съ 1664 года иноземецъ фонъ-Сведенъ, «а ставилъ онъ чрезъ тое почту вѣдомости своими людьми и на своихъ лошадяхъ въ двѣ недѣли въ Тайный Приказъ, а по договоруималъ отъ той почты по 1200 руб. въ годъ» [1]). Затѣмъ въ 1667 году по андрусовскому договору съ Польшею, устанавливается почта отъ Москвы до Вильны, какъ учрежденіе, содѣйствующее между прочимъ «къ слученію общему противъ бусурманъ и для унятія своевольства отступниковъ казаковъ украинскихъ» [2]). Обѣ почты, Виленская и Рижская, гдѣ кромѣ государственныхъ депешъ принимаются посылки и грамотки отъ торговыхъ людей за опредѣленную плату, поступаютъ въ завѣдываніе иноземцевъ сперва Марселиса, и потомъ Виніуса, которые въ отношеніи жалованья полагаются «на государское милосердное разсмотрѣніе». Но возка почтъ лежитъ уже на «выборныхъ лучшихъ ямщикахъ». Ямщики приведены «предъ святымъ евангеліемъ къ вѣрѣ», одѣты въ кафтаны суконные «амбургскаго сукна цвѣту» съ нашитыми «изъ краснаго сукна орлами». Для иностранной корреспонденціи сдѣланы «изъ бѣлаго желѣза пять ковчежецъ», а для внутренней — мѣшки. Ямщикамъ воспрещается принимать для перевозки частныя письма, а иноземцамъ, живущимъ въ Россіи, напротивъ воспрещается посылать своихъ или наемныхъ гонцовъ. Съ рижскимъ и виленскимъ почтмейстерами заключены договоры, по которымъ одна половина сборовъ поступаетъ въ ихъ пользу, а другая въ пользу русскаго почтмейстера. Этотъ послѣдній обязуется, кромѣ того, за высылку «адвизовъ» (торговыхъ, биржевыхъ извѣстій) доставлять каждый разъ «по парѣ соболей добрыхъ въ 25 ефимковъ» [3]).

Въ такомъ положеніи подводы, ямы и почты находились при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, который велѣлъ обратить на жалованье ямщикамъ «полоняночныя деньги»—древній сборъ, шедшій на выкупъ плѣнныхъ [4]), назначилъ ямщикамъ «новый окладъ», замѣнилъ прежній народный сборъ, производившійся съ сохи, другимъ «съ дворовъ» [5]), и указалъ: «боярамъ и окольничьимъ и другимъ людямъ ѣздить въ городѣ или откуда похочатъ, въ лѣтнее время въ каретахъ, а въ зимнее — въ саняхъ на двухъ лошадяхъ; бо-

---

[1]) Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 23.

[2]) Собр. зак. по упр. почт. т. I, стр. 8.

[3]) Тамъ же, стр. 8, 22—32, и др. Рос. Вивл. т. XX, стр. 347.

[4]) Соб. зак. по уп. почтъ, т. I, стр. 17.

[5]) Тамъ же.

ярамъ въ праздничные дни въ каретахъ и саняхъ на четырехъ, а гдѣ имъ доведется быть на сговорахъ и свадьбахъ, на шести, и спальникамъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ ѣздить въ зимнее время въ саняхъ на одной лошади, а въ лѣтнее—верхами, а въ каретахъ и саняхъ на двухъ лошадяхъ имъ никому не ѣздить» [1]).

Въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей, по представленіямъ почтмейстера Виніуса о мѣшкотной возкѣ почтъ ямщиками, два раза повелѣвается «чинить имъ наказаніе: бить батоги нещадно» [2]). Ямщики одного яму напротивъ жалуются, что отъ большой гоньбы «лошади съ пересады помираютъ»; что изъ отпущенныхъ «подъ казну и подъ всякими посланными людьми» 69 лошадей «сорокъ три лошади пало»; что ихъ «изъ подводъ бьютъ и мучатъ на правежѣ смертнымъ боемъ» [3]). Ямской приказъ говоритъ, что ямскія и полоняночныя деньги собираются въ приказъ большого двора, къ нему не присылаются, почему «дать ямщикамъ нечего» [4]).

При такомъ положеніи дѣла, посольскій приказъ получаетъ повелѣніе: отписать въ приказъ большія казны — почтовая гоньба на какомъ основаніи учинена, въ чемъ состоитъ дѣло почты и какіе ея приходы и расходы? Посольскій приказъ, подробно изложивъ весь порядокъ установленія почтъ, какъ онъ выше объясненъ, присовокупилъ, что чрезъ нихъ «отъ великихъ государей во окрестныя государства къ Цезарю римскому и англицкому и къ дацкому и къ свѣйскому и къ польскому королямъ также и отъ нихъ грамоты и всякія государственныя надобныя вѣстовыя письма и куранты присылаются, а за тое почтовую гоньбу Виніусъ у торговыхъ всякихъ чиновъ людей и у иноземцевъ съ грамотокъ деньги беретъ ли и по скольку сбираетъ и куда въ расходъ держитъ, того въ государственномъ посольскомъ приказѣ невѣдомо и въ приказъ тѣхъ сборныхъ денегъ не отдаетъ» [5]). Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ отвѣтъ на приказъ большія казны, но въ концѣ этого же періода открыта почта до Архангельска и для возки ея выбраны «лучшіе ямщики», которые получили званіе «почтарей». Почтари обязаны возить почту «наскоро» и «бережно въ мѣшкахъ за

[1]) Др. Рос. Вив. XX, стр. 416.

[2]) Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 13—15.

[3]) Тамъ же, стр. 19.

[4]) Тамъ же, стр. 20.

[5]) Собр. зак. по уст. почтъ, т. I, стр. 23—29.

пазухою» и буде подмочатъ или потеряютъ и имъ въ потерѣ тѣхъ писемъ быть *пытаннымъ*» [1]).

Наступило время Петра I. Почта раздѣлилась при немъ на «нѣмецкую», «купецкую», «заморскую» или иностранную, и — почту ямскую. Первая имѣетъ привилегію на иностранныя сношенія, купеческія посылки и грамотки, — вторая — на обыкновенную казенную корреспонденцію и дворянскія письма. Таксы у нихъ, прогонная плата ямщикамъ—разныя. Нѣмецкою почтою завѣдываетъ иноземецъ Виніусъ, который принимаетъ государственныя и воеводскія депеши безъ платежа вѣсовыхъ денегъ и даже «бываетъ такъ добръ что, противъ обыкновенія, не распечатываетъ посольскихъ писемъ, если его хорошенько попросишь». Ямскою почтою управляетъ ямской приказъ, который постоянно ссорится за лошадей, никакихъ писемъ и казенныхъ пакетовъ безъ платежа вѣсовыхъ денегъ ни отъ кого, даже отъ сената, не принимаетъ и настаиваетъ, такъ что ему аккуратно платятъ деньги по счетамъ. Вопросъ о внутреннемъ развитіи почтъ долго не получаетъ никакого разрѣшенія. Прежде всего изданъ уставъ о полевой почтѣ [2]). Затѣмъ открыта нѣмецкая верховая почта до городовъ, «гдѣ губернаторы обрѣтаются», а потомъ—ординарная ямская. Въ это время дѣйствіе двухъ партій, иноземной и русской, обрисовываются всего рельефнѣе на почтѣ. Иноземецъ Фикъ, представляя докладъ о почтахъ (конечно, о нѣмецкихъ) говоритъ: «коллегіямъ дѣла свои управлять не можно, ежели порядочная верховая почта чрезъ всѣ главные городы и губерніи государства единожды или дважды въ недѣлю не пойдетъ: сіе есть одно изъ потребнѣйшихъ и притомъ легчайшихъ дѣйствъ» [3]). Установленіе ординарныхъ почтъ объявлено напротивъ слѣдующимъ указомъ, въ видѣ манифеста къ русскому народу:

«Понеже его царскому величеству извѣстно учинилось, что отъ частыхъ не такъ нужныхъ дѣлъ, какъ больше отъ произвольныхъ и непорядочныхъ изъ всѣхъ мѣстъ, паче же отъ Москвы до С.-Петербурга и обратно, нарочныхъ посылокъ и непотребныхъ по разнымъ подорожнымъ почтовыхъ и ямскихъ подводъ многимъ числомъ дачь разныхъ чиновъ людямъ, кому давать не надлежало, и отъ непрестанныхъ въ разные пути разгоновъ, а наибольше отъ курьеровъ и офицеровъ, которые на почтовыхъ подставахъ и на ямахъ озарничествомъ чинятъ во взятьи подводъ несносныя ямщикамъ съ побоями обиды, въ такое оные пришли крайнее разореніе,

---

[1]) Тамъ же стр. 35—36.

[2]) Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 101.

[3]) Соб. зак. по упр. поч., т. I, стр. 105.

что новопоселенные [1]) отъ Новгорода до С.-Петербурга ямы отъ побѣга ямщиковъ едва уже не всѣ стали пусты, а изъ другихъ отъ Новгорода до Москвы ямовъ ямщики обезлошадѣвъ и раззорясь отъ того многіе бѣжали; такожъ и кромѣ оныхъ почтовыхъ и ямскихъ подводъ въ губерніяхъ и провинціяхъ для такихъ же непорядочныхъ посылокъ сбираютъ уѣздныя подводы и для того во многихъ мѣстахъ держатъ нарочныя подставы и отъ того чинится государственная тягость. Того ради указалъ его царское величество въ знатныхъ городахъ, по большимъ дорогамъ учинить нынѣ ординарную почту».... «Подставныя подводы во всемъ государствѣ, кромѣ завоеванныхъ городовъ, отставить и гдѣ поставлены тѣ тотчасъ свесть и впредь имъ безъ имяннаго царскаго величества указа и безъ указа изъ сената нигдѣ не быть и собою отнюдь никому сего чинить не дерзать.... И для того сей его царскаго величества указъ по губерніямъ и провинціямъ, на торгахъ и на ярманкахъ и въ селахъ гдѣ надлежитъ публиковать и въ приходскихъ церквахъ священникамъ—читать» [2]).

Въ это же царствованіе въ отношеніи подводъ и ямщиковъ приняты слѣдующія мѣры: 1) строго подтверждено, что подводъ ни для какихъ дѣлъ, даже для государственныхъ — не брать безъ платежа прогонныхъ денегъ; 2) въ соотвѣтствіе древнему порядку, воспрещено вовсе отпускать подводы боярамъ и воеводамъ — казанскимъ, сибирскимъ, уфимскимъ, саратовскимъ, царицынскимъ, свіяжскимъ и иныхъ городовъ»; 3) ямщикамъ возвышена прогонная плата, вмѣсто отмѣненнаго жалованья; 4) назначенъ вновь имъ штатъ; 5) разрѣшено отпускать частнымъ проѣзжающимъ по подорожнымъ лошадей за двойные прогоны; 6) установленъ поверстный сборъ на С.-Петербургскомъ трактѣ, направленный къ ограниченію по возможности спроса на ямскихъ лошадей, съ коихъ отмѣнена и гривенная пошлина; ямской приказъ и иностранный купеческій почтамтъ подчинены одному почтъ-директору, которому повелѣвается обѣ почты привести въ порядокъ и вообще поступать во всемъ «какъ доброму и честному офицеру надлежитъ».

Въ такомъ положеніи оставилъ подводы ямы и почтъ Петръ I. Въ эту эпоху, извѣстный Посошковъ, въ своемъ сочиненіи «Скудость и Богатство», такъ разсуждалъ о нѣмецкой

[1]) 216 витей (въ вити семь дворовъ), выписанные изъ губерній: Московской, Ярославской, Рижской, Архангельской, Казанской, Кіевской, Азовской, (Соб. зак. по упр. почтъ т. I, стр. 96—97.

[2]) Соб. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 115—119.

почтѣ: «нѣмцы пожаловали, прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственныя и промышленныя дѣла ясно зрятъ. Дира-жъ есть сія: сдѣлали почту, а что въ ней в. государю прибыли про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все государство чинится, того и исчислить невозможно. Что въ нашемъ царствѣ ни сдѣлается, то во всѣ земли разнесется; одни нѣмцы отъ нея богатятся, а русскіе люди нищаютъ. И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а русскіе люди жили изъ себя изрываючи».

Въ періодъ времени отъ Петра I до Екатерины II, по почтовому дѣлу происходитъ слѣдующее движеніе:

Въ царствованіе Екатерины I, предписывается: ямщикамъ по дорогѣ отъ С.-Петербурга до Москвы, стѣсняющимъ проѣзжающихъ, въ особенности «купцовъ»,—«чинить наказаніе кнутомъ нещадно» [1]), а отъ верховнаго тайнаго совѣта выходитъ указъ: «всѣ дѣла, касающіеся до нѣмецкой почты, какъ внѣ такъ и внутрь государства ходящей, отослать къ барону Остерману и впредь чего онъ отъ ямской канцеляріи востребуетъ, какъ въ подводахъ, такъ и въ прочемъ, что для лучшаго содержанія почты надлежитъ—исправно исполнять». Губернаторамъ, воеводамъ и прочимъ управителямъ посланы такіе же указы [2]).

При Петрѣ II, ямщики жалуются, что «въ губерніяхъ и провинціяхъ и городахъ вице-губернаторы и воеводы во всемъ чинятъ не по силѣ указовъ, и ѣдущимъ всякихъ чиновъ людямъ къ даннымъ на ямскія подводы подорожнымъ, даютъ въ прибавку отъ себя другія подорожныя, такожъ и для отъѣздовъ своихъ въ деревни берутъ подъ себя и подъ людей своихъ подводы за малые прогоны и безъ прогоновъ, и инымъ не по ихъ рангамъ съ прибавкою, а подъ денежную казну и подъ другія тягости не по пропорціи па ямахъ указнаго числа витей и у нихъ лошадей, и въ Москву присылаютъ людей своихъ и въ подорожныхъ пишутъ солдатами и разсыльщиками, и изъ принужденія ихъ ямщики возятъ къ нимъ на своихъ лошадяхъ дрова, сѣно и прочія домовыя ихъ всякія тягости отправляютъ безденежно, и вѣдаютъ ихъ судомъ и расправою всякими дѣлами и постоянно чинятъ имъ немалое утѣсненіе, а какъ ямскіе управители о тѣхъ ихъ непорядкахъ имъ объявили и они зато ихъ держали скованныхъ, а иныхъ батожьемъ били» [3]).

Анна Іоанновна, «съ неудовольствіемъ извѣстясь, что под-

---

[1]) Соб. зак. по упр. почтъ т. I, стр. 156—158.

[2]) Тамъ же, стр. 159.

[3]) Соб. зак. по упр. поч., т. I, стр. 177—178.

ставныя лошади въ герцогствахъ эстляндскомъ и лифляндскомъ ежедневно находятся въ чрезвычайныхъ трудахъ», возвышаетъ прогонную плату до 24 к. съ лошади на 10 верстъ [1]; а проѣзжающимъ «за невѣжество и нахальство назначаетъ «жестокое, тѣлесное и даже смертельное наказаніе» [2], о чемъ и публикуется по герцогствамъ. Для надзора, на каждую станцію поставлены изъ ревельскаго гарнизона по два человѣка солдатъ [3]. Вслѣдъ затѣмъ изданъ указъ, чтобы безъ именного повелѣнія подводы не сбирались, «понеже отъ такихъ подставъ вѣрнымъ подданнымъ лифляндскому и эстляндскому шляхетству и прочимъ обывателямъ немалыя причиняются тягости».

Въ правленіе принцессы Анны браунштейгъ-люнебургской, замѣчено, что «особенно» въ Лифляндіи лошади содержатся плохи, тогда какъ тамъ за лошадей довольныя прогонныя деньги платятся, а въ отношеніи русскихъ подводъ и ямщиковъ подтвержденъ указъ Петра I, повелѣвающій: «подводъ никому ни для чего даромъ не брать ни для государственныхъ дѣлъ, ни же для титулярныхъ, и ямскія подводы брать только для проѣзда, а не для клади».

Въ царствованіе Елизаветы Петровны строятся почтовые дворы, а на нихъ для проѣзжающихъ—трактиры. Устройство нарочныхъ становъ отъ Астрахани до С.-Петербурга для перевозки фруктовъ, персиковъ, винограду и прочаго, повсемѣстная перевозка разныхъ припасовъ на ямскихъ и обывательскихъ подводахъ, фактическая и легальная отмѣна указовъ Петра I, вызывали народный ропотъ. Слѣдовавшіе при обозѣ съ «намекою», малороссійскій есаулъ, служитель и солдатъ, въ Тульской губерніи нещадно избиты и имъ не дали лошадей.

По вступленіи на престолъ Екатерины II первый актъ ея, относящійся къ сообщеніямъ, было возвышеніе за «ямскіе, почтовые, городскіе и уѣздные подводы» прогонныхъ денегъ «вдвое».

Почты находились въ это время въ слѣдующемъ положеніи:

Ямская—далеко не была устроена повсемѣстно и дѣло велось ею съ крайнимъ безпорядкомъ: корреспонденція пересылалась въ «рогожаныхъ куляхъ», при перевозкѣ часто «терялась»; правильныхъ курсовъ не соблюдалось, ибо воеводы могли задерживать эти почты.

---

[1] Русская прогонная такса: почтовая—отъ Спб. до Новгорода 2, а отъ Новгорода до Москвы 1 деньга на версту; ямская—отъ Спб. до Новгорода 1 деньга на версту, до Москвы 6 денегъ, а въ прочихъ мѣстахъ 4 деньги на 10 верстъ (Собр. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 145).

[2] Соб. зак. по упр. почтъ, т. I, стр. 158—186.

[3] Соб. зак. по уп. почтъ т. I, стр. 203—204.

Нѣмецкая почта, по даннымъ ей средствамъ, находилась несравненно въ лучшемъ положенiи: по отношенiю къ ямской почтѣ она занимаетъ господствующее мѣсто; всѣ требованiя ея «исправно» исполнялись; «воеводы, губернаторы и прочiе управители» не только не могли задерживать этихъ почтъ, но подъ страхомъ лишенiя должности не смѣли взглянуть на дѣйствiя ея, которыя были покрыты глубочайшей тайной; она не просто производила письменныя операцiи, а священнодѣйствовала. При полученiи и отправленiи почтъ—публика удалялась. Законы, правила нѣмецкой почты не были извѣстны.

Обѣ почты, какъ ямская, такъ и нѣмецкая не доставляли казнѣ ни малѣйшаго дохода, и были онѣ только тягостью для народа. Съ первыхъ же дней Екатерина II заявляетъ, что «почта должна сама себя содержать»; что раздѣленiе ея, разныя таксы вредны; что различiе между купеческими и дворянскими письмами «конфузитъ» Россiю предъ всѣмъ свѣтомъ; что «самый послѣднiй человѣкъ» имѣетъ такое же самое право на услуги почты, какъ и всякiй другой [1]). Произносится слово: «почта вольная» [2]). Въ соотвѣтствiе этой мысли ямская почта закрыта; нѣмецкая принята въ государственное вѣдѣнiе и поручена извѣстному дипломату Безбородко. По провинцiямъ губернаторы и генералъ-губернаторы получили право надзора. Почтовая такса уравнена. Ямщикамъ предоставлена полная свобода: они могутъ приписываться въ купцы, мѣщане и другiя сословiя, сохраняя за собою и право на землю «съ такимъ еще преимуществомъ, что земля остается безъ оброка» [3]). Генералъ-прокуроръ князь Вяземскiй и генералъ-губернаторъ графъ Чернышевъ составляютъ утверждаемые проекты, по коимъ подводная почтовая повинность замѣняется денежнымъ сборомъ, а почтовому устройству дается слѣдующее основанiе:

1) «Въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ полагается содержать почтовыхъ лошадей, имѣть особый для того почтовый домъ, построенный по особо на то данному плану, и въ губернскихъ городахъ называться имъ Почтамтами, въ прочихъ городахъ почтовыми дворами, а учрежденнымъ по дорогамъ не въ городахъ—станцiями; для содержанiя же почтоваго отправленiя въ губернскомъ городѣ быть губернскому почтмейстеру, въ прочихъ городахъ — почтмейстерамъ, а на станцiяхъ — которые всѣ, какъ и городовые почтмейстеры подчиняются губернскому почтмейстеру».

---

[1]) Соб. зак. по упр. поч., т. II, стр. 31.
[2]) Тамъ же, стр. 57.
[3]) Докладъ Архарова (собр. зак. по упр. почтъ, т. II стр. 269, 270).

2) «Всякій изъ нихъ порученный ему почтамтъ, почтовый дворъ или станцію долженъ содержать во всякомъ порядкѣ и непремѣнно наблюдать, чтобъ не только положенное число лошадей были всѣ добрыя и къ почтовой гоньбѣ годныя и способныя, но имѣлось бы по нѣскольку оныхъ и сверхъ положеннаго количества, для замѣна случающихся больныхъ; покои же почтоваго дома такъ раздѣлять, дабы *на одной половинѣ* была почтовая контора и достаточное мѣсто къ исправленію почтовыхъ дѣлъ, а *другая половина* оставалась имъ для жилья и для гостепріимства проѣзжающихъ».

3) «Почталіоновъ имѣть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ опредѣлено по 22 лошади по 11 человѣку, гдѣ 15 лошадей по 7 человѣкъ и гдѣ 12 лошадей по 6 человѣкъ способныхъ и проворныхъ, не малолѣтныхъ и не престарѣлыхъ».

4) «На каждомъ почтовомъ дворѣ и станціи, гдѣ положено имѣть, кромѣ прибавочныхъ, по 16 лошадей, должно быть для ординарной *еженедѣльной почты* и проѣзжающихъ по 2, а въ губернскомъ почтамтѣ по 4 почтовыхъ, сдѣланныхъ по данному образцу фуръ, которыя лѣтомъ имѣть на колесахъ, а зимою на полозьяхъ, такой величины, чтобъ въ каждую фуру вмѣщалось 4 человѣка проѣзжающихъ и 2 пуда ихъ поклажи, до 6 пудъ посылокъ, также по 8 роспусковъ съ кибитками, съ окованными колесами и желѣзными сердечниками, по 8 саней съ кибитками жъ и по 6 сѣделъ; на прочихъ же почтовыхъ дворахъ и станціяхъ роспусковъ съ кибитками такихъ же по 6, саней съ кибитками по 6, да сѣделъ по 4, и притомъ во всѣхъ мѣстахъ содержать потребное число добрыхъ кожаныхъ чемодановъ и переметныхъ сумъ, хорошую почтовую, на положенное число почталіоновъ, ливрею и крѣпкіе прочные и надежные хомуты, торки, узды и другую конскую упряжь, что все осматривается по два раза въ годъ т. е. осенью и весною, кому отъ губернатора приказано будетъ».

5, 6 и 7 пункты излагаютъ порядокъ полученія и отправленіе почтъ, пріема и раздачи корреспонденціи.

8) «Особенные же дни въ надлежащихъ мѣстахъ назначить слѣдуетъ для почты ординарной, т. е. для отправленія на фурахъ, въ которые же именно, какая почта и откуда приходитъ и когда туда отходитъ, сдѣлавъ росписи, прибить въ каждомъ почтовомъ домѣ въ пристойныхъ мѣстахъ».

9) «Всѣ вѣсовыя деньги за письма, возимыя въ чемоданѣ, хранить со всякимъ береженіемъ въ крѣпкомъ сундукѣ за почтовою печатью, записывая ихъ въ приходъ въ шнуровую книгу, которыхъ губернскіе почтмейстеры для себя и прочихъ требу-

ютъ отъ почтъ-директора въ резиденціи; по прошествіи же каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, должны тѣ деньги собираемы быть въ губернскій почтамтъ, а оттуда отправлять ихъ въ главный почтамтъ въ резиденціи, яко принадлежащія оному, въ пріемѣ которыхъ и квитанціи брать; сколькожъ таковыхъ денегъ когда собрано будеть ежемѣсячно подносить губернатору вѣдомость, и таковыя въ то же время отправлять чрезъ губернскихъ почтмейстеровъ и въ почтамтъ въ резиденціи. За такія же письма, которыя *не будутъ въ чемоданѣ и слѣдуютъ къ отдачѣ живущими въ близости почтовыхъ дорогъ, также и за розсылку газетъ* къ тѣмъ кто оныя получаетъ, *деньги принадлежатъ* почтмейстерамъ и почтъ-коммиссарамъ, которые таковыя письма и газеты отъ себя доставляютъ. Собираемыя за ординарную почту, т. е. съ проѣзжающихъ на почтовыхъ фурахъ и за посылки деньги хранить также съ должнымъ береженіемъ за почтовою печатью, и по третямъ года отсылать ихъ всѣ къ губернскому почтмейстеру, которому о числѣ ихъ ежемѣсячно подавать рапорты губернатору; сей же можетъ ордерами своими приказать употреблять изъ нихъ на все то, что къ почтовому правленію въ губерніи потребно, а получаемыя за эстафеты, также и платимыя курьерами и ѣдущими на чрезвычайной почтѣ (проѣзжающіе особо) деньги принадлежатъ почтмейстерамъ и почтъ-коммиссарамъ, въ которыхъ и вести имъ свой счетъ.»

10, 11, 12 и 13 пункты излагаютъ частные почтовые порядки.

14) «Всякому корреспонденту оставляется на волю получаемыя на его имя письма брать по раздачѣ почты самому, или за ними присылать, и о нихъ подъ отмѣченнымъ въ картѣ номеромъ требовать, а ежели чрезъ 8 часовъ по раздачѣ почты не потребуетъ и не возметъ, тогда на слѣдующій день съ почтоваго двора отсылать ихъ съ почталіономъ, которому за трудъ не запрещается требовать 2 копѣйки, дабы сколь можно никакихъ писемъ съ одной почты не оставалось до прибытія другой».

15 и 16 §§ говорятъ о томъ, какъ поступать съ переданными письмами, челобитными и аппеляціонными дѣлами.

17) «Съ отправляемыхъ эстафетовъ брать по разчисленію мѣста отъ мѣста на одну лошадь съ казенныхъ на 10 верстъ по 12 копѣекъ, а съ партикулярныхъ по 18 копѣекъ».

18 § говоритъ о портовыхъ письмахъ.

19) «При опредѣленіи своемъ всякій почтмейстеръ и почтъ-коммиссаръ получаетъ отъ губернскаго почтмейстера словесное изъясненіе на всѣ части сего учрежденія».

20) «Каждый желающій ѣхать на почтовой фурѣ долженъ напередъ заплатить въ томъ почтовомъ дворѣ или станціи, гдѣ онъ на фуру садится, за свою дорогу до того мѣста, куда ѣдетъ по 15 коп. за каждыя десять верстъ, и каждому такому позволяется взять съ собою поклажи своей 20 ф., только бы то было уютное и не громадное. Желающіе же на фурѣ посылать свои посылки должны платить по 2 коп. на 100 верстъ съ фунта; и ежели такія посылки ближе, нежели за 50 верстъ посылаются, то брать съ фунта по одной копѣйкѣ.»

21 § о томъ, чтобъ 4 лошади и 2 почталіона всегда были готовы къ гоньбѣ.

22) «На всѣхъ почтовыхъ дворахъ и станціяхъ, какъ подорожныя, такъ и безъ оныхъ проѣзжающихъ по почтѣ записывать въ книги сколько кому лошадей дано, которыя по окончаніи года и отсылать въ губернскій почтамтъ, гдѣ подобнымъ образомъ также должна вестись всѣмъ проѣзжающимъ записка».

28 § о незадержаніи курьеровъ, почтъ и эстафетъ и о принятіи почтъ.

24) «Почтовые чемоданы и курьеровъ везти въ часъ по 10 верстъ, прочихъ проѣзжающихъ на почтѣ по 12 верстъ въ часъ, а ординарную на фурахъ почту въ часъ по 8 верстъ».

25) «На содержаніе почтамтовъ, почтовыхъ дворовъ и станціи опредѣляется почтмейстерамъ и почтъ-коммиссарамъ получать ежегодно въ началѣ генваря мѣсяца отъ губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій фуражныя деньги, считая на каждую изъ положеннаго числа лошадь въ сутки овса по получетверику, да сѣна въ сутки по 20 ф., и цѣною за четверть овса по рублю, а за пудъ сѣна по 6 копѣекъ; да на содержаніе конторы, фуръ и прочаго, тамъ гдѣ опредѣлено имѣть почтовыя фуры, по 95 р., а прочимъ—по 30 р. въ годъ».

26) «Каждый почтовый дворъ и станцію позволяется отдавать въ содержаніе *всякаго званія людямъ* на 15 лѣтъ съ ряду, а почтамты — безсрочно, доколѣ самъ вступившій въ содержаніе похочетъ и порученное въ должномъ порядкѣ и исправности имѣть будетъ; при томъ же наблюдать, чтобъ желающій быть содержателемъ въ состояніи находился исправить принимаемое на себя дѣло съ совершенною исправностью, для чего всякій представляющійся въ содержатели обязанъ предъявить не только одно о себѣ одобреніе, но представить еще и поруку въ томъ, что если онъ найдется въ своемъ дѣлѣ неисправенъ и отрѣшенъ будетъ, то учиненныя по почтовому содержанію упущенія не-

медленно ими исправлены и заплачены будутъ; во время же почтоваго содержанія именоваться тѣмъ изъ содержателей, кои въ городахъ—почтмейстерами, а кои на станціяхъ—почтъ-коммиссарами, считаясь тогда въ рангѣ 12-го класса».

27) «По прошествіи 15-ти лѣтъ, вызывать желающихъ вновь вступать въ содержаніе, давать имъ *торгъ* и поручать почтовое содержаніе имѣющимъ вышереченныя качества и засвидѣтельствованіе, и которые изъ такихъ больше за содержаніе въ почту заплатить пожелаютъ, однакожъ прежде содержавшіе, буде они порядочно исправляли свою должность, преимущественно всегда опредѣляемы быть имѣютъ, какъ скоро похотятъ заплатить такуюжъ сумму денегъ, которая послѣднею отъ желающихъ вступить въ содержаніе состоится. Деньги же за сей откупъ храниться имѣютъ въ Губернской Канцеляріи, на какое употребленіе впредь повелѣно будетъ, а починка почтовыхъ домовъ исправляется содержателями.»

28) Объясняется право содержателей на передачу дѣла, при соблюденіи тѣхъ же условій.

29) «Всѣ почтовые содержатели имѣютъ право гостинниковъ и могутъ въ почтовомъ домѣ продавать въ чарки и рюмки вейновую и французскую водку, виноградныя вина, англійское пиво и все то, что въ городахъ и трактирахъ продается и на томъ же основаніи.»

30) «Позволяется имъ пускать ночевать къ себѣ проѣзжающихъ всякаго званія людей, и продавать съѣстные припасы повольными цѣнами, также сѣно, овесъ и всякую конскую упряжку и прочее потребное путешествующимъ.»

31) «Прогонныя деньги за подводы получаютъ содержатели со всѣхъ проѣзжающихъ равныя, т. е. на 10 верстъ по 12 к. на лошадь, и на оныя содержать имъ какъ лошадей, которыхъ всѣхъ должны они имѣть собственныхъ, такъ и прочее все, принадлежащее къ почтовому исправленію, не требуя никакой помощи, кромѣ упомянутой выше, а тѣ проѣзжающіе, которые отъ 18 до 35 лошадей вдругъ потребуютъ, платятъ *двойные прогоны* и обязаны прежде прибытія своего за сутки дать о томъ знать на почтовыхъ станціяхъ содержателямъ и прислать имъ прогонныя деньги, которыя они получа и должны уже требуемое число подводъ за двойные же прогоны къ пріѣзду ихъ непремѣнно приготовить, нанимая обывательскихъ лошадей въ прибавокъ къ своимъ повольными цѣнами; собранныхъ же подводъ болѣе сутокъ не держать, развѣ заплачены будутъ отъ требователя за все время простойныя деньги, на каждые сутки по 25 к. на лошадь.»

32) «Содержатель наблюдаетъ, чтобъ почталіоны были всегда опрятны, отправляли бы подводы въ почтовой ливреѣ и конечно бы носили кожаную обувь.»

33) «Для письменнаго исправленія, также въ почталіоны и въ услуженіе свое могутъ они нанимать людей всякаго званія съ указными паспортами; а выгонъ для скота имѣть съ обывателями того мѣста—общій.»

34) Указывается форма почталіоновъ.

35) «Съ проѣзжающими содержатели поступаютъ ласково и учтиво, и никакихъ грубостей отнюдь имъ не дѣлать, такожъ и проѣзжающимъ ихъ не обижать и ничѣмъ не притѣснять.»

36) Опредѣляетъ отвѣтственность содержателя за грубость и неисправности.

37) «У каждаго почтоваго дома надъ дверьми долженъ быть поставленъ намалеванный государственный гербъ, который такъ какъ и почтовую печать каждому почтмейстеру и почтъ-коммиссару при опредѣленіи его и давать отъ губернаторовъ» [1].

Приведенныя основанія полагались Екатериною II въ повсемѣстное устройство почтъ въ Россіи, но послѣднее слово ею не сказано, такъ какъ послѣ встрѣчается: «до будущаго установленія почтъ.» Но и сказаннаго довольно, чтобы понять всѣ преимущества новой государственной системы. Почта, почтовая станція не раздѣляются, не противуполагаются одна другой, а разумѣются однимъ мѣстомъ, которымъ управляетъ почтъ-содержатель. Такъ смотритъ на это дѣло и народъ. Почтъ-содержателю предоставляется право чиновника, но онъ не чиновникъ, а свободный, ничѣмъ не стѣсненный промышленникъ, отъ котораго зависитъ развивать мѣстныя сообщенія и пользоваться выгодами. Все подчиненіе вновь поступающихъ ограничивается «словеснымъ изъясненіемъ»; другихъ правъ у губернскаго почтмейстера нѣтъ. Здѣсь не говорится объ установленіи за содержателями той лѣстницы надзора, которая начинается съ станціоннаго смотрителя, уѣзднаго, губернскаго почтмейстеровъ и т. д. до безконечности. Надзоръ принадлежитъ одному губернатору, но и то только въ отношеніи почтовой гоньбы, которую онъ посылаетъ осматривать всего два раза въ годъ. Почтовые сборы обезпечены книгами и поручительствомъ. Залоги признаются излишними, хотя тутъ дѣло идетъ не только о почтовой гоньбѣ, но и о почтовыхъ суммахъ.

Послѣ такого личнаго положенія почтъ-содержателей, слѣдуютъ

---

[1]) Собраніе зак. по упр. почтъ, т. II стр. 80—91.

ихъ средства. Правительство отпускаетъ имъ на первое контрактное время опредѣленное пособіе, назначая за извозъ значительную по тому времени прогонную плату. Въ то же время предоставляетъ почтъ-содержателямъ извлекать промышленностію всѣ выгоды по своему положенію; «все потребное» для путешествующихъ, они могутъ содержать и продавать «повольными цѣнами; всѣхъ путешествующихъ, «людей всякаго званія», съ подорожными и безъ подорожныхъ они принимаютъ на ночлегъ, нисколько не стѣсняясь ни почтою, ни государственнымъ гербомъ; отпускъ путешествующимъ лошадей не стѣсненъ для нихъ подорожными. По письменной операціи за доставку писемъ, газетъ «вблизи дорогъ живущимъ», писемъ, которыя «не будутъ въ чемоданахъ», сборъ принадлежитъ не казнѣ, а почт-содержателямъ. Другими словами: въ мѣстномъ округѣ, гдѣ почт-содержателю удобно открыть свои сообщенія, онъ законно можетъ пользоваться выгодами этого предпріятія. Казна довольствуется тѣмъ, что не по силамъ почтъ-содержателю: она готова получать сборъ только *за дальнія* письма. Такъ великая государыня думала примирить государственные интересы съ мѣстными. Сборъ эстафетный, возвышенный съ частныхъ лицъ, принадлежитъ почт-содержателю, почталіоны котораго также получаютъ особую плату, за трудъ доставки писемъ. Возка курьеровъ и почтъ ограничивается 10-ю верстами въ часъ, а ординарная 8-ю. Вѣрно въ это время признавалась правда извѣстной пословицы: «тише ѣдешь, дальше будешь». При большихъ требованіяхъ на лошадей, почт-содержатель обязательный агентъ-спеціалистъ, но онъ получаетъ впередъ *двойные* прогоны и заблаговременное извѣщеніе. Съ такими почтъ-содержателями «людьми всякаго званія» личный, собственно почтовый составъ казнѣ ничего не стоитъ; не требуются также никакіе расходы на другія принадлежности дѣла: все должны имѣть почт-содержатели. Губернское почтовое управленіе содержится изъ доходовъ ординарной почты, о которой поэтому должно всемѣрно заботиться, къ общей пользѣ. Уже заводилась колясочная почта [1]). Составители положенія не думаютъ, чтобы при такомъ устройствѣ почтъ разъ назначенная почтъ-содержателямъ приплата могла возвыситься, напротивъ, предполагается, что по истеченіи контрактныхъ сроковъ, почтъ-содержатели могутъ уже дать «откупъ», который покроетъ, а пожалуй, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и превыситъ отпускаемую имъ изъ податныхъ средствъ сумму. Этотъ откупъ сохраняется «до будущаго» на-

---

[1]) Собр. зак. по упр. поч., т. II стр. 265 и Юр. Сб. стр. 386.

значенія. Россія представляется усѣянною промышленными постами, гдѣ всякій путешественникъ, которымъ можетъ считаться всякой человѣкъ, найдетъ «все потребное»: приличный ночлегъ, пристанище, продовольствіе, лошадей, письменныя и пассажирскія сообщенія почтою, гдѣ притомъ не забыты «послѣдніе» сельскіе жители въ ихъ письменныхъ и другихъ нуждахъ. О пользѣ путешествующихъ, получающихъ лошадей безъ подорожныхъ по таксѣ, пониженной всѣми средствами государства, говорить нечего.

Слѣдующій за временемъ Екатерины Великой періодъ открывается докладомъ генералъ-аншефа Архарова, чтобы ямщиковъ, записавшихся въ купечество и мѣщанство, коихъ по одной Петербургской губерніи числится 410 семей, обратить, по прежнему, къ ямскимъ занятіямъ. Къ такимъ же занятіямъ испрашивается разрѣшенія обратить и ямской патріотическій полкъ, сформировавшійся въ шведскую войну. Докладъ утвержденъ, за исключеніемъ ямщиковъ, приписавшихся въ купечество. Содержаніе почтъ установлено *на прежнемъ* основаніи. Назначена почтовая цензура, печатаются подорожныя и установляется повсемѣстный подорожный сборъ; положено начало образованія особаго крѣпостного почтоваго сословія; на ямщиковъ возложена: «рекрутская повинность», «препровожденіе колодниковъ», «перевозка казенныхъ тягостей» и т. п. Къ управленію почтами, вмѣсто Безбородко, призванъ графъ Растопчинъ; губернаторамъ объявлено, если въ ихъ губерніяхъ произойдетъ разграбленіе почты, то они будутъ исключены изъ службы.

Приведенныя мѣры дали развитію почтъ совершенно отличное направленіе отъ того, какое установила-было Екатерина Великая. Съ этихъ поръ начинаются тѣ затрудненія, которыя, несмотря на всѣ усилія правительства, на всѣ успѣхи цивилизаціи, открывшей возможность паровыхъ и электрическихъ сообщеній,—не могутъ быть преодолѣны. Въ 1802 г., почты отчислены къ министерству внутреннихъ дѣлъ, и въ томъ же году составился комитетъ «для разсмотрѣнія состоянія почтъ и составленія удобнаго и уравнительнаго положенія къ ихъ содержанію [1])», но придумать что-либо было трудно. Министерство внутр. дѣлъ заявило проектъ, чтобы почтовыя станціи содержались изъ однихъ прогоновъ, но судьба этого проекта не извѣстна [2]), хотя въ это время очень заботились, чтобы почтовая

---

[1]) Юр. Сб. Мейера, ст. о почтахъ, стр. 371.

[2]) Тамъ же стр. 384.

гоньба установилась «на лучшихъ и удобнѣйшихъ правилахъ», и въ первый разъ причисленъ къ государственнымъ доходамъ почтовый сборъ.

Потомъ созывались еще другіе два комитета по вопросу о почтовой гоньбѣ и ямщикахъ (описаніе пост. раз. почтъ изд. п. д. 1860 г., стр. 6 и 7). Для перевозки пассажировъ стали составляться общества и одно патріотическое, въ которое входитъ цвѣтъ аристократіи [1]. Въ 1819 г., почта отчислена къ министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и тотчасъ преобразовалась въ главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ [2]. Всѣмъ ямщикамъ, за исключеніемъ находившихся на трактѣ между С.-Петербургомъ и Москвою, Александръ возвратилъ свободу.

Во все время прошедшаго царствованія мысль о почтѣ вольной носится надъ Россіей. Въ 1827 году, князь Воронцовъ, въ качествѣ генералъ-губернатора, дѣлалъ представленіе и получилъ разрѣшеніе открыть вольныя почты отъ Одессы до Балты, но были ли они дѣйствительно открыты — неизвѣстно. Въ 1831 и 1836 годахъ, само правительство составляетъ положеніе о вольныхъ почтахъ и разсылаетъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, приглашая желающихъ къ содержанію, но желающихъ не явилось никого, за исключеніемъ малороссійскихъ казаковъ, которые, впрочемъ, содержали не долго. Въ основаніи этихъ почтъ была положена та мысль, чтобы крестьяне отправляли гоньбу цѣлымъ обществомъ за существовавшую прогонную плату, при такихъ условіяхъ, названныхъ льготами, что совѣстно исчислять ихъ, напримѣръ: «преимущество предъ другими, круговая порука и выборъ старосты, взаимное ручательство, право дальнѣйшаго содержанія при исправности, право заводить фуры, право принимать работниковъ и товарищей, право содержать лошадей на собственныхъ дворахъ, право удовлетворенія за загнанную лошадь и т. п. [3]. Идеей служило то, что «предоставляя новый промыселъ для крестьянъ, не требующій ни особенныхъ пожертвованій и капиталовъ, ни дальней отлучки хозяевъ отъ домовъ своихъ, думали замѣнить исподволь теперешній наемъ лошадей на почтовыя станціи, уменьшая тѣмъ самымъ сборъ съ народа

---

[1] Соб. зак. по упр. почтъ, т. III, годъ 20: общество: гр. Потоцкій, князь Меньшиковъ, гр. Гурьевъ князь Лобановъ-Ростовскій, князь Голицынъ, гр. Бутурлинъ и друг.

[2] Юр. Сб., стр. 402.

[3] Сб. пост. и расп. по почт. вѣд., стр. 237—258.

на содержаніе почтовой гоньбы, который впослѣдствіи, если не отмѣнится, то по крайней мѣрѣ значительно сократится къ облегченію податныхъ сословій». Идея прекрасная, но къ осуществленію ея не дано никакихъ средствъ. Заведены почтовыя кареты [1]), по тяжести своей губящіе почтъ-содержателей, которые должны возить ихъ за самые мискропическіе прогоны, но кареты эти — доставляютъ удобство публикѣ, а главное—частный доходъ почтѣ. Пересылка газетъ, дающая уже сотни тысячъ годового дохода, принадлежитъ почтѣ, которая очень любезно обращается съ редакторами, помѣщающими статьи о почтовомъ «благоустройствѣ». А между тѣмъ почтъ-содержатели, тѣснимые *«нормальными»* условіями, все возвышаютъ и возвышаютъ свои цѣны, доходящія уже за $^{8}/$м. въ годъ, тогда какъ почтовый доходъ представляетъ сумму не болѣе $^{2}/$м. р. Содержаніе станцій переходитъ отъ торговой системы къ прусской административной, а отъ этой — къ оцѣночной и обратно къ торговой, но результатъ все одинъ — возвышеніе цѣнъ [2]). Покровительство почтоваго управленія надъ содержателями станцій объявлено закономъ, въ соотвѣтствіе чего «постороннимъ властямъ», гражданскому начальству строго воспрещено всякое вмѣшательство въ это дѣло [3]).

Слова: «почта вольная», «почта вольная» глухо ходятъ по Россіи, не находя примѣненія. Въ Сибири, однако, она существуетъ (Юр. Сб., стр. 385). Наконецъ, въ 1844 г., курскій помѣщикъ Студзинскій, въ представленномъ проектѣ объясняетъ, что для вольной почты необходимы *возвышенные* прогоны, нѣкоторыя льготы и привилегіи, подъ покровительствомъ почтоваго управленія! Проектъ утвержденъ, и вольная почта открыта на московско-харьковскомъ трактѣ, и вслѣдъ за тѣмъ и на нѣкоторыхъ другихъ. При ближайшемъ ознакомленіи съ этою вольною почтою, однакожъ, оказалось, что она не чужда эксплуатаціи и темныхъ сторонъ, хотя дѣло идетъ, а главное, можетъ идти много лучше. Но въ это время Европа устроила уже паровыя и электрическія сообщенія, которыя оставляютъ Россію далеко назади. Маколей во всеуслышаніе говоритъ: «каждое улучшеніе средствъ сообщенія помогаетъ сколько матеріальному, столько и нравственному развитію народа», и «послѣ азбуки и книгопечатанія наиболѣе благодѣтельствуютъ роду человѣческому тѣ, которые уко-

---

[1]) Юр. Сб. Мейера, ст. о почтахъ стр. 389.

[2]) Описан. пост. раз. почт. гоньбы, изд. почт. деп. въ 1860 г.

[3]) Почт. Уст. ст. 191—273 и сб. постановленій ст. 545, 553.

рачиваютъ, улучшаютъ сообщенія» [1]). Въ русскомъ ученомъ трудѣ, вышедшемъ въ послѣдній годъ того царствованія, говорится уже, что «вольныя почты будутъ по части почтоваго законодательства въ Россіи прекраснѣйшимъ памятникомъ нашего времени» [2]).

Въ настоящее время многое изъ упущеній прошлаго — исправлено. Сѣтями желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ Россія догоняетъ Европу. Въ самомъ началѣ объяснено, что государь императоръ повелѣлъ распространять почты вольныя, въ самомъ началѣ повышена прогонная плата за извозъ [3]); путемъ печатной гласности вызваны сужденія къ лучшему устройству почтовой гоньбы [4]), назначены коммиссіи для разсмотрѣнія дѣйствующихъ положеній [5]), отведено участіе въ этомъ дѣлѣ земству [6]); разрѣшено подводную повинность обращать въ денежную. Въ принципѣ рѣшена отмѣна подорожныхъ [7]); давно упразднены почтовое и всякое крѣпостныя сословія и частныя промысловыя почтовыя дѣла. Изданы почтовые уставы и правила. Въ послѣднее время необыкновенно быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ какъ будто отодвигаетъ почты на второе, третье мѣсто, но это только такъ кажется. Великая идея «почты вольной», почты, равно служащей всѣмъ до «самаго послѣдняго человѣка», продолжаетъ стоять на очереди. Правительство дѣйствительно вновь разсылаетъ по Россіи вопросъ: «нѣтъ ли желающихъ содержать вольныя почты?» Къ сожалѣнію, вопросъ о вольныхъ почтахъ остается неуясненнымъ со временъ Екатерины II, и съ тѣхъ поръ произошло столько перемѣнъ, что теперь не легко выдти на настоящую дорогу. Несомнѣнно однако, что только наивозможно большее облегченіе тягостей, лежащихъ на почтъ-содержателяхъ и устраненіе излишнихъ условій гоньбы, могутъ дать желаемые результаты. Почтовыя кареты, «идолы», какъ называли ихъ ямщики (это званіе не выходитъ изъ употребленія), отставлены. Неудобствъ однако такъ еще много, что земства уклоняются отъ содержанія почтовыхъ станцій [8]), на которыя прибавленъ новый налогъ—гильдейскія пошлины, промысловыя и приказчичьи

---

[1]) Описаніе пост. раз. почт. гоньбы, П. Д., изд. 1860 г.
[2]) Юр. Сб. Мейера, 1855, стр. 405.
[3]) 1 апр. 1859.
[4]) Опис. пос. р. почт. гоньбы.
[5]) Тамъ же.
[6]) Мн. гос. сов. высоч. утв. 1 янв. 1864.
[7]) Сб. уч. по зем. учр. стр. 71.
[8]) Спб. земство въ началѣ этого года.

свидѣтельства [1]). По смѣтѣ нынѣшняго года расходъ на почтовыя станціи составляетъ все еще сумму 7.593,173 р.

Первенствующаго значенія въ государственномъ управленіи, при желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, почты, какъ посредствующій факторъ, уже не имѣютъ; онѣ составляютъ теперь только экономическую систему, могущую оказать громадное вліяніе на народное хозяйство, въ какомъ угодно направленіи. Можно поставить ее такъ, что она будетъ постоянною тягостію, разореніемъ для государства и наоборотъ. Нельзя себѣ вообразить, что было бы теперь съ нами, если бы не подошло открытіе телеграфовъ, сразу упразднившихъ курьерскую и эстафетную гоньбу, и желѣзныхъ дорогъ, закрывшихъ громаднѣйшіе почтовые тракты. Тѣмъ не менѣе стоимость почтовой гоньбы не уменьшается, да и не можетъ уменьшиться, при существующихъ условіяхъ и возвышеніи цѣнъ на рабочія силы и естественныя произведенія, вызываемомъ желѣзными дорогами. При такомъ положеніи дѣла, въ наше время болѣе, чѣмъ когда либо примѣнима идея «почты вольной», и нашъ краткій очеркъ почтоваго дѣла въ Россіи имѣлъ, главнымъ образомъ, цѣлью напомнить, что не далѣе, какъ сто лѣтъ тому назадъ, мы уже стояли на дорогѣ къ ея осуществленію, и если потомъ сошли съ правильнаго пути, то вовсе не къ выгодѣ общества и не во имя его насущныхъ интересовъ.

С. Канивецъ.

---

[1]) Цирк. предп. мин. фин. 14 окт. 1865 г. № 7157.

ШЕКСПИРОВСКАЯ КРИТИКА
ВЪ ГЕРМАНІИ.

II *).

Въ предъидущей статьѣ мы коснулись вопроса о драматической объективности и старались показать, насколько отъ способности поэта всецѣло поддаться впечатлѣнію изображаемаго предмета зависитъ чистота и ясность художественнаго изображенія. Этой способностью обладалъ Шекспиръ въ такой степени, что никому никогда не приходило въ голову отрицать ее. Самъ Гервинусъ сознается, что такой объективности, такого полнаго отреченія отъ своей личности, какое господствуетъ въ драмахъ Шекспира, мы не найдемъ ни у кого, за исключеніемъ древнихъ поэтовъ. Видно, что поэтъ обладаетъ огромнымъ запасомъ идей и чувствъ, но съ истинно-античнымъ самоотрицаніемъ (ganz antike Selbstverleugnung) онъ избѣгаетъ выказывать свои душевныя сокровища [1]). Но если объективность Шекспира такъ велика, что она заставляетъ его совершенно стушевываться за созданными имъ лицами, то какое же средство подойти ближе къ самой личности поэта, къ источнику его убѣжденій, паѳоса и вдохновенія? Какъ опознаться въ этой массѣ безконечно-разнообразныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу мнѣній, вложенныхъ Шекспиромъ въ уста своихъ героевъ? Какъ узнать, какія изъ мнѣній раздѣляются поэтомъ и какія имъ отвергаются?

На рѣшеніе этихъ вопросовъ Гервинусъ потратилъ много уче-

---

*) См. выше, окт. 823 стр.

[1]) Gervinus—Shakspeare. Dritte Auflage. II. 509.

ности и глубокомыслія; согласно данному нами обѣщанію, спѣшимъ познакомить читателей съ результатами его изслѣдованій. Для устраненія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній, мы по мѣрѣ надобности будемъ подкрѣплять наши слова ссылкой на подлинникъ.

По словамъ Гервинуса, вѣрность природѣ, истинность художественныхъ изображеній, хотя и составляютъ одно изъ существенныхъ свойствъ поэтическаго творчества, но далеко не исчерпываютъ всей задачи поэта; отъ поэзіи мы прежде всего требуемъ, чтобъ она возносила насъ надъ дрязгами обыденной дѣйствительности въ свѣтлую высь идеальнаго міра. Разсужденія Бэкона о поэзіи показываютъ, что подобныя требованія не были чужды и тому времени, когда Шекспиръ писалъ свои драмы. Шекспиръ удовлетворялъ этому требованію созданіемъ характеровъ, которые своими размѣрами превышаютъ характеры обыкновенныхъ людей, единствомъ и стройностью дѣйствія, вытекающими изъ единства идеи, положенной въ основу драмы, но въ особенности высокимъ нравственнымъ духомъ, проникающимъ насквозь его произведенія, открывающимъ въ нихъ тотъ болѣе возвышенный строй жизни, изображенія котораго Бэконъ требовалъ отъ поэзіи, и указывающимъ на присутствіе божественной справедливости въ человѣческихъ дѣлахъ, на перстъ Божій, часто незамѣтный нашему притупленному взору[1]. Такихъ результатовъ Шекспиръ достигаетъ не путемъ непосредственнаго поученія, которое противно искусству, но посредствомъ вѣрнаго изображенія жизни, проникнутой высшими началами нравственности. Во всѣхъ его произведеніяхъ строго проводится принципъ нравственной справедливости, знаменующійся въ трагедіяхъ торжествомъ нравственнаго, въ комедіяхъ торжествомъ разумнаго надъ злымъ, нелѣпымъ и порочнымъ. Эта идея вполнѣ соотвѣтствовала духу того времени, и Шекспиръ заимствовалъ изъ тогдашнихъ историческихъ хроникъ представленіе о правосудной Немезидѣ, карающей всякое зло и неправду. Но поэтическое правосудіе Шекспира не должно быть понимаемо въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ; оно состоитъ не въ педантическомъ распредѣленіи наградъ и наказаній соотвѣтственно заслугамъ каждаго, не въ томъ, что за извѣстнымъ преступленіемъ слѣдуетъ извѣстное наказаніе, что извѣстная добродѣтель влечетъ за собой извѣстную награду, но въ томъ, что, по ученію Шекспира, судьба человѣка вообще есть выводъ изъ его характера и поступковъ. Человѣкъ самъ строитель своей судьбы;

---

[1]) Ibid. стр. 492.

не созвѣздія управляютъ человѣкомъ, но его собственныя дѣла; злодѣй самъ выпиваетъ имъ же отравленную чашу, и здѣсь же, на землѣ, получаетъ возмездіе за свои злодѣйства [1]). Въ примѣненіи этого закона къ созданнымъ имъ личностямъ, Шекспиръ является скорѣе жестокимъ и суровымъ, нежели мягкимъ и снисходительнымъ судьею. Имъ зачастую обрекаются на гибель не только настоящіе злодѣи, но также люди, совершившіе весьма извинительные проступки, и даже тѣ, которыхъ вся вина состояла въ томъ, что случай поставилъ ихъ въ столкновеніе съ преступными личностями. Впрочемъ, подобныя уклоненія отъ справедливости встрѣчаются у Шекспира весьма рѣдко и то больше по отношенію къ второстепеннымъ личностямъ. Правда, Шекспиръ допустилъ погибнуть Банко, Дункана, Корделію, единственная вина которыхъ заключалась въ ихъ непредусмотрительности. Но по смыслу Шекспировой морали, основанной на требованіи постояннаго такта въ жизни, непредусмотрительность всегда сопровождается несчастіемъ, которое не играетъ здѣсь роли возмездія или наказанія. Шекспиръ не былъ сторонникомъ теоріи, ставящей счастье цѣлью человѣческой жизни. И для безпечныхъ, и для преступныхъ въ его драмахъ одинаковый исходъ — смерть, но вся разница въ томъ, какъ умираютъ тѣ и другіе? Въ этомъ вся тайна поэтической справедливости Шекспира. Въ «Королѣ Лирѣ», напр., смерть постигаетъ многихъ, повидимому, безъ различія, но Корделія умираетъ увѣнчанная славою, какъ спасительница отца, Лиръ, примиренный съ жизнью, Глостеръ улыбаясь, Кентъ съ радостію, между тѣмъ какъ остальные погибаютъ жертвою своихъ собственныхъ козней, не достигши того, въ чемъ они видѣли цѣль своего существованія [2]). Въ основѣ поэтической справедливости Шекспира лежитъ возвышенное нравственное ученіе, что жизнь и смерть сами по себѣ ни добро, ни зло, что счастіе состоитъ не въ успѣхѣ, но въ сознаніи своей правоты, что высшая награда добродѣтели есть сама добродѣтель, что высшая кара порока есть порокъ [3]).

Мы не будемъ возражать противъ возвышенности нравственнаго ученія, выведеннаго Гервинусомъ изъ развязки «Короля Лира»; мы только позволяемъ себѣ сомнѣваться, чтобъ Шекспиръ раздѣлялъ это ученіе, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно формулировано нѣмецкимъ критикомъ. Въ этомъ между прочимъ насъ убѣждаетъ и самая развязка «Короля Лира». По мнѣнію Гер-

---

1) Ibid., стр. 548.
2) Ibid. 549.
3) Ibid. 550.

винуса, Лиръ умираетъ, какъ подобаетъ праведнику, счастливому сознаніемъ честно-пройденнаго жизненнаго пути, спокойный, примиренный съ жизнію (in Versöhnung).... Чтобъ убѣдиться, какого рода это примиреніе, позволяемъ себѣ еще разъ напомнить читателямъ заключительную сцену трагедіи. Старый король рыдаетъ, какъ ребенокъ, надъ трупомъ своей возлюбленной дочери. Онъ не можетъ примириться съ мыслію, что она могла погибнуть, тогда какъ множество ничтожныхъ, безсмысленныхъ тварей продолжаютъ себѣ спокойно существовать на землѣ. Смерть Корделіи кажется ему до того безсмысленной, что онъ ежеминутно ждетъ, что вотъ-вотъ зашевелятся эти поблекшія губы, заговорятъ эти блѣдныя уста.... При видѣ жгучей, безмѣрной скорби Лира, самъ Кентъ, окрѣпшій въ жизненныхъ испытаніяхъ, не могъ не воскликнуть: «О, разорвись мое сердце, ради Бога, разорвись скорѣе!» Когда же, наконецъ, великій страдалецъ умираетъ подъ бременемъ своего горя, тотъ же Кентъ, на призывъ Эдгара поспѣшить къ умирающему, отвѣчаетъ: «Не оскорбляй души его; пускай она отходитъ; только врагъ вернуть его захочетъ къ пыткамъ жизни». Гдѣ же здѣсь то пресловутое примиреніе, о которомъ говоритъ критикъ? Пойдемъ далѣе. Шекспиръ не сохранилъ намъ никакихъ подробностей о смерти Корделіи, однако мы знаемъ, что она умерла не какъ прославленная избавительница своего отца (in der Glorie einer verklärten Retterin), но какъ плѣнница Эдмунда, отъ рукъ палача. Не думаемъ, чтобъ сознаніе своей правоты могло сколько-нибудь усладить ея послѣднія минуты. Когда человѣкъ гибнетъ, не чувствуя за собой никакой вины и притомъ зная, что смерть его нисколько не облегчитъ участи людей, близкихъ ему, то страданія его не уменьшаются, но скорѣе увеличиваются, потому что къ нимъ присоединяется оскорбленное чувство права, горькая жалоба на несправедливость судовъ и наконецъ сожалѣніе о томъ, что этой жизнью можно было бы воспользоваться лучше и для себя и для другихъ. Вотъ какимъ образомъ проявилась поэтическая справедливость Шекспира надъ двумя главными лицами его трагедіи! Они погибли въ страшныхъ нравственныхъ страданіяхъ, нисколько не заслуживъ своей жестокой участи, между тѣмъ, какъ такимъ злодѣямъ, какъ Эдмундъ, Ричардъ, Макбетъ—Шекспиръ дозволяетъ умереть не отъ нравственныхъ страданій, не отъ руки палача, но на полѣ битвы, почетной смертью героевъ. Что же касается до Кента, который, по словамъ Гервинуса, умираетъ съ радостью (mit Freudigkeit), то о смерти его можно дѣлать какія угодно предположенія, такъ какъ о ней ничего не гововорится въ пьесѣ. Кентъ уходитъ со сцены съ словами: «Я иду

къ королю, король меня зоветъ!» Что потомъ сталось съ вѣрнымъ слугой короля — неизвѣстно. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ не могъ долго пережить Лира и умеръ, хотя, конечно, безъ особенной радости; другіе же, какъ напр. извѣстный критикъ Ллойдъ [1]), думаютъ, что Кентъ остался въ живыхъ вмѣстѣ съ Альбани и Эдгаромъ, чтобы отмѣтить собою новую, болѣе свѣтлую эпоху въ исторіи англійской цивилизаціи. Единственнымъ оплотомъ Гервинуса остается смерть Глостера. Дѣйствительно, истерзанное сердце стараго Глостера не вынесло радости свиданія съ сыномъ; онъ умеръ на рукахъ Эдгара отъ радостнаго волненія, съ улыбкой на устахъ. Но смерть его, по нашему мнѣнію, не можетъ быть приводима въ подтвержденіе поэтической справедливости Шекспира. Для хода дѣйствія драмы, слѣпой, полуразрушенный Глостеръ давно уже сдѣлался ненужнымъ; онъ могъ умереть отъ радости или отъ горя, какъ обыкновенно умираютъ люди, захваченные въ водоворотъ трагическихъ событій. Но такъ какъ Эдгара необходимо было оставить въ живыхъ для развязки пьесы, то отцу его естественнѣе было умереть отъ радостнаго свиданія съ сыномъ, нежели отъ горя по немъ. Кромѣ того, намъ кажется, что трогательный разсказъ о смерти Глостера необходимъ въ экономіи драмы еще потому, что онъ умилительно дѣйствуетъ на зрителя, даетъ ему средства вздохнуть и собраться съ силами для предстоящей катастрофы. Къ поэтической же справедливости Шекспира онъ находится въ такомъ же отношеніи, какъ и къ характеру самого Глостера. Какъ изъ одного характера Глостера нельзя объяснить безъ натяжки его судьбу, такъ и смерть его нельзя считать только актомъ поэтической справедливости Шекспира. Да вообще говоря, справедливость уже перестаетъ быть таковою, когда она распредѣляется неравномѣрно между людьми одинаковыхъ нравственныхъ достоинствъ. Мы не думаемъ, чтобъ кто-нибудь счелъ Глостера нравственно выше Лира, но если придавать ихъ смерти значеніе нравственнаго воздаянія, то никто не усомнится поставить Глостера безконечно выше великаго царственнаго страдальца, что будетъ въ высшей степени опрометчиво. Таковы неизбѣжные результаты примѣненія поэтической справедливости Шекспира къ частнымъ случаямъ. Мы до тѣхъ поръ не выберемся изъ круга несогласимыхъ противорѣчій, до тѣхъ поръ не будемъ въ состояніи взглянуть Шекспиру прямо въ глаза, пока не выбросимъ за бортъ предвзятыхъ идей нравственной гармо-

---

[1]) The Dramatic Works of W. Shakspeare, with notes by *Singer*, the life of the poet and critical essays on the plays by W. *Lloyd*. London 1856. Vol. IX, стр. 531.

ніи, поэтической справедливости и т. п. Искусство не есть нравственное, но эстетическое цѣлое. Интересъ жизненной правды стоитъ для него выше всякихъ религіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ интересовъ. Всѣ эти элементы могутъ входить въ область искусства, но не должны стѣснять свободу художника, бросая тотъ или другой односторонній свѣтъ на его изображенія. Художественное произведеніе есть плодъ настроенія, произведеннаго тѣмъ или другимъ рядомъ явленій на воспріимчивую душу художника. Настроеніе это можетъ быть мрачно или свѣтло, смотря по тому, какова была возбудившая его дѣйствительность и какія струны она затронула въ сердцѣ художника. Задача критика состоитъ въ томъ, чтобъ изслѣдовать, почему извѣстный порядокъ явленій могъ возбудить то или другое настроеніе, а не въ томъ, чтобъ навязывать художнику свое собственное настроеніе, свои собственныя воззрѣнія на жизнь. Подобно своимъ предшественникамъ, Ульрици и Ретшеру, Гервинусъ приступилъ къ изученію Шекспира съ заранѣе опредѣленнымъ воззрѣніемъ на задачи драмы, выросшимъ на почвѣ Гегелевой философіи искусства. Теорія эта считала цѣлью драмы утвержденіе въ умахъ зрителей принципа гармоніи нравственнаго міра; а средствомъ для этого правильное примѣненіе поэтической справедливости въ развязкѣ пьесы. Такимъ образомъ, вѣра въ правильное міроправленіе (moralische Weltordnung) признавалась обязательной для всякаго истиннаго поэта, и философская критика употребляла всевозможныя усилія, чтобы раздуть чуть теплящіяся искры этой вѣры въ драмахъ Шекспира въ цѣлое пламя. Конечно, при этомъ возникло не мало затрудненій. Самые усердные поклонники поэтической справедливости Шекспира приходили порой въ отчаяніе: не зная какъ справиться съ причудливой фантазіей поэта, они нерѣдко прибѣгали къ самымъ изысканнымъ, невѣроятнымъ объясненіямъ (для примѣра напомнимъ читателямъ Ретшерево объясненіе смерти Корделіи и проч.), и скорѣе готовы были допустить съ Гервинусомъ, что Шекспиръ самъ иногда добровольно отступалъ отъ законовъ поэтической справедливости, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ второстепеннымъ лицамъ, нежели усомниться въ вѣрности самого принципа въ умѣстности его примѣненія къ драматической поэзіи [1]).

На такой-то шаткой основѣ, какъ принципъ поэтической спра-

[1]) Говоря о драматической поэзіи, мы всюду разумѣемъ только трагедію и серьезную драму вообще. Комедія находится въ нѣсколько иныхъ условіяхъ; по самой природѣ своей она допускаетъ больше простора для проявленія личности автора, чѣмъ трагедія и драма.

ведливости, Гервинусъ преимущественно строитъ свои заключенія о нравственныхъ убѣжденіяхъ Шекспира. Съ первыхъ же словъ, какъ бы предупреждая возраженія читателей, въ памяти которыхъ могли остаться его слова о необыкновенной объективности англійскаго драматурга, Гервинусъ говоритъ, что о цѣлой системѣ нравственныхъ убѣжденій Шекспира не можетъ быть и рѣчи, что его цѣль только намѣтить основныя черты Шекспирова взгляда на людей и жизнь. «Мы не будемъ приписывать ничего поэту такого, чтобы не находилось въ немъ самомъ; мы ограничимся только основными чертами его нравственнаго міросозерцанія, которыя намъ кажутся безспорнымъ достояніемъ его сознанія» [1]. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія Попе удачно охарактеризовалъ мораль произведеній Шекспира, назвавши ее свѣтской, человѣческой, въ противоположность морали религіозной, основанной на божественномъ откровеніи. Приводя это мнѣніе и сопровождая его похвалой, Гервинусъ справедливо замѣчаетъ, что та непоколебимая увѣренность, съ которой Шекспиръ пошелъ по этой новой, чисто человѣческой дорогѣ, заслуживаетъ удивленія. Его современники нерѣдко впадали въ вольнодумство и, потомъ, въ порывѣ благочестиваго раскаянія за одно отказывались отъ своихъ заблужденій и отъ своей драматической карьеры: съ другой стороны, фанатики свирѣпствовали противъ театра: Шекспиръ прошелъ невредимо между этихъ двухъ направленій съ гордо поднятымъ челомъ противъ обскурантовъ, но нисколько не задѣтый тлетворнымъ дыханіемъ нравственной распущенности. По многимъ причинамъ онъ въ своихъ произведеніяхъ не только не касался религіозныхъ вопросовъ, но систематически избѣгалъ ихъ. Въ нравственномъ смыслѣ Шекспиръ держался того откровенія, которое Богъ начертилъ неизгладимыми чертами въ человѣческомъ сердцѣ [2]. Все это въ высшей степени справедливо, но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ согласно съ идеями нравственнаго міроустройства, поэтической справедливости, которыя, по мнѣнію Гервинуса, составляютъ основную черту Шекспирова творчества. Вѣра въ гармонію нравственнаго міра, въ торжество разума и справедливости на землѣ, хотя и составляетъ одну изъ настоятельныхъ потребностей человѣческаго духа, но далеко не принадлежитъ къ тѣмъ исконнымъ убѣжденіямъ, которыя неизгладимыми чертами напечатлѣны въ сердцѣ человѣка. Мы могли бы назвать не мало поэтовъ (во главѣ ихъ можно поставить Шиллера), носившихъ въ своей груди безотрадное убѣжденіе, что

---

[1]) Shakspeare, von Gervinus: III, Auflage II. 550—551.
[2]) Ibid. стр. 551—552.

всему прекрасному и возвышенному суждена на землѣ неизбѣжная гибель. Если у кого-нибудь и существуетъ потребность вѣры, то ежедневные опыты легко могутъ убить ее. Только религія даетъ намъ увѣренность, что и въ этой жизни надъ нами бодрствуетъ недремлющее око божественнаго правосудія, карающее порокъ и неправду, направляющее самое зло на пользу добру и истинѣ. Вотъ почему Фихте утверждалъ, что сущность всякой религіи есть прежде всего вѣра въ нравственное устройство міра [1]). Между тѣмъ, нѣсколько ранѣе, самъ Гервинусъ, проводя параллель между Бэкономъ и Шекспиромъ, превосходно показалъ, что въ отношеніи къ религіи дѣятельность ихъ представляетъ поразительное сходство: подобно тому, какъ Бэконъ изгналъ религію изъ науки, Шекспиръ изгналъ ее изъ сферы искусства [2]). Если же, въ чемъ мы не сомнѣваемся, дѣятельность Шекспира была направлена къ тому, чтобы освободить драматическое искусство изъ-подъ опеки религіи, то ему прежде всего нужно было покончить съ тѣми воззрѣніями, которыя преобладали въ средневѣковой религіозной драмѣ, и вмѣсто ихъ утвердить свой собственный, реальный взглядъ на міръ, основанный на тщательномъ изученіи дѣйствительности. Но дѣйствуя такимъ образомъ, онъ менѣе всего имѣлъ въ виду полемическія цѣли, которыя никогда не были источникомъ его вдохновенія, и повиновался основному закону, составляющему душу его искусства, — закону жизненной правды.

Послѣдуемъ далѣе за нашимъ руководителемъ. Второй выдающейся чертой Шекспировой морали Гервинусъ признаетъ требованіе дѣятельнаго участія въ жизни. Изъ всѣхъ произведеній Шекспира неумолкаемо звучитъ призывъ къ дѣятельности; жизнь ему кажется слишкомъ коротка, чтобъ проводить ее въ праздныхъ мечтаніяхъ и безполезномъ самоуглубленіи. Съ особенною силою эта мысль проведена Шекспиромъ въ «Гамлетѣ». Самыми разнообразными дарами одаряетъ поэтъ своего героя, чтобы показать, какъ эти дары безполезны для жизни, если имъ не сообщена электрическая искра энергіи, если человѣкъ съумѣлъ заглушить въ себѣ первый изъ жизненныхъ даровъ — инстинктъ дѣятельности. Съ той же цѣлью, въ комедіяхъ своихъ, Шекспиръ старается отвратить насъ отъ аскетическаго плотоумерщвленія, пустыхъ безполезныхъ занятій и самосозерцательнаго квіетизма. Дѣятельныя, энергическія натуры всегда торжествуютъ у него надъ

---

[1]) Ср. статью Фортлаге *Die moralishe Weltordnung* въ Blätter fur literarische Unterhaltung. 1860. N. 41.

[2]) Shakspeare, von Gervinus. Dritte Auflage. II, 522.

пассивными и созерцательными. Успѣхъ ихъ условливается не нравственными достоинствами ихъ характера, но апатичностью ихъ противниковъ. Небо нисколько не помогаетъ благочестивому, но апатическому Ричарду II, несмотря на всю его вѣру, и охотно помогаетъ благочестивой, но вмѣстѣ и энергической Еленѣ. Признавая трудъ самымъ почетнымъ дѣломъ жизни, Шекспиръ не прельщается идиллическимъ спокойствіемъ, въ которомъ живутъ дѣти Цимбеллина, а предпочитаетъ ему даже нужду и горе, потому что они вырываютъ человѣка изъ состоянія апатіи и напрягаютъ всѣ силы его къ мощной, энергической дѣятельности. За то дѣятельная натура поэта находитъ себѣ удовлетвореніе въ военной славѣ; честолюбіе Генриха V не кажется ему порокомъ, и онъ одинаково превозноситъ и безумную отвагу Коріолана, задорную храбрость Фолькенбриджа и спокойное мужество Генриха V. Честь и мужество составляютъ у него одно понятіе; подобно древнимъ, онъ считалъ храбрость первой добродѣтелью человѣка. Вслѣдствіе этого, онъ никогда не обращался къ сюжетамъ, такъ любимымъ нѣмецкими поэтами; его мало занимали сантиментальность, чувствительность и имъ подобныя искусственныя ощущенія, подогрѣтыя чувства, порожденныя изолированной, кабинетной жизнью духа, предоставленнаго самому себѣ и изнывающаго въ неопредѣленныхъ стремленіяхъ. Его больше привлекала къ себѣ шумная арена жизни; онъ не утомлялся созерцаніемъ ея неустаннаго движенія, не приходилъ въ отчаяніе отъ ея противорѣчій и въ самыхъ ея диссонансахъ съумѣлъ уловить звуки вѣчной гармоніи [1]). Если пристальное изученіе дѣйствительной жизни привело Шекспира къ требованію самопомощи, безпрерывнаго упражненія дѣятельныхъ силъ человѣческаго духа, то тѣмъ же путемъ онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости разумнаго контроля надъ ними. Борьбу души съ одолѣвающими ее страстями онъ считалъ столь же почетнымъ дѣломъ, какъ и трудъ вообще. Такимъ образомъ, третьей характеристической чертой шекспировой морали является требованіе самообладанія, умѣренности, разумной средины, подчиненія страстей разуму и совѣсти. По мнѣнію Гервинуса, Шекспиръ, яркими красками изобразившій въ своихъ трагедіяхъ послѣдствія разнузданности страстей, былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что ровное, спокойное, гармоническое состояніе духа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливѣйшее. Любимыми героями его былъ Постумъ и въ особенности Генрихъ V, съумѣвшіе смирить свою страстную натуру и достигшіе нравственнаго равно-

---

[1]) Shakspeare, von Gervinus. Dritte Auflage. II, 553 — 556.

вѣсія, самообладанія и умѣренности. Во многихъ мѣстахъ своихъ произведеній поэтъ предохраняетъ насъ отъ излишества, которое, по его словамъ, можетъ превратить въ горечь самую сладость наслажденія. Въ «Гамлетѣ» онъ показываетъ, какъ излишняя осмотрительность въ соединеніи съ чрезмѣрной чувствительностью, могутъ отвлечь человѣка отъ исполненія его долга; въ «Коріоланѣ», какъ высокіе дары духа отъ чрезмѣрнаго напряженія вырождаются въ противоположныя имъ качества; въ Антоніи, какъ порабощеніе духа отмщаетъ само за себя; въ Ромео, какъ слишкомъ сильная любовь сама себя разрушаетъ; въ Тимонѣ, какъ безмѣрная ненависть дѣлаетъ насъ ни къ чему неспособными. Какъ глубоко былъ проникнутъ Шекспиръ убѣжденіемъ въ необходимости мудрой умѣренности, видно, между прочимъ, изъ того, что онъ отважился возстать противъ христіанской морали, предписывавшей полное подавленіе страстей; онъ не могъ поставить идею долга выше исконныхъ правъ человѣческой природы. Христіанская мораль требуетъ отъ насъ не только прощать, но и любить враговъ; языческая не только позволяла, но даже предписывала ихъ ненавидѣть. Шекспиръ избралъ разумную середину между этими двумя крайностями: по его ученію, нужно избѣгать наживать себѣ враговъ, но если они есть, то нужно поступать такъ, не прибѣгая, впрочемъ, къ силѣ, чтобы они насъ боялись. Однимъ словомъ, вездѣ проводилъ Шекспиръ свой любимый принципъ, что только разумная середина можетъ доставить человѣку счастіе. Излишняя щедрость губитъ Тимона, тогда какъ умѣренная даетъ Антоніо почетное положеніе въ обществѣ; истинное честолюбіе возвышаетъ Генриха; оно же, достигши болѣзненнаго развитія въ Перси, ведетъ его къ гибели [1]).

Вотъ въ краткихъ чертахъ взглядъ Гервинуса на нравственныя убѣжденія Шекспира. Если въ чемъ можно упрекнуть критика, то конечно не въ отсутствіи стройности и систематичности изложенія. Но мы глубоко убѣждены, что читатели интересуются не столько стройностью его системы, сколько прочностью добытыхъ имъ результатовъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи трудъ Гервинуса заставляетъ желать многаго. Предѣлы нашего очерка не дозволяютъ намъ входить въ подробное разсмотрѣніе взглядовъ Гервинуса, но мы полагаемъ, достаточно одного примѣра, чтобы видѣть, какъ шатки и произвольны его доказательства и какъ непрочны его выводы. Мы видимъ, что одною изъ характеристическихъ чертъ шекспировой морали Гервинусъ признаетъ требованіе контроля разума надъ сердцемъ, результатомъ

[1]) Ibid. II, стр. 559 — 562.

котораго бываетъ разумная средина или равновѣсіе нравственныхъ силъ. Оставляя въ сторонѣ предположеніе Гервинуса, что подобный взглядъ могъ сложиться у Шекспира подъ вліяніемъ этики Аристотеля [1]), мы разсмотримъ, насколько собственныя произведенія Шекспира давали критику право дѣлать свои рѣшительныя заключенія о нравственныхъ убѣжденіяхъ поэта?

Мы ограничимся только разборомъ тѣхъ данныхъ, которыя предлагаетъ въ этомъ случаѣ «Ромео и Юлія». Мораль, выведенная Гервинусомъ изъ разсмотрѣнія этой трагедіи, отличается крайней черствостью: она предписываетъ не очень сильно любить, потому что чрезмѣрная любовь сама себя разрушаетъ (Uebermass der Liebe sich zerstört). Чтобы понять это нѣсколько темное изреченіе, мы обратимся къ первой части сочиненія Гервинуса, гдѣ онъ подвергаетъ эту пьесу обстоятельному разбору [2]). По мнѣнію Гервинуса, идея трагедіи вложена Шекспиромъ въ уста мудраго Лоренцо, который играетъ ту же роль, какая принадлежала обыкновенно хору въ древней трагедіи. Принимая свою гипотезу за нѣчто доказанное, Гервинусъ идетъ далѣе, и изъ сентенцій Лоренцо выводитъ слѣдующую идею пьесы, что чрезмѣрное упоеніе самымъ чистымъ наслажденіемъ способно уничтожить его сладость, что исключительная преданность одному, хотя бы и прекрасному чувству, вырываетъ какъ мужчину, такъ и женщину изъ сферы ихъ естественнаго назначенія, что любовь должна быть только спутницей жизни, но не наполнять собой всю жизнь и т. п. Продолжая разсуждать такимъ образомъ, критикъ приходитъ къ заключенію, что любовниковъ погубила не семейная вражда, не несчастный случай, но сила ихъ собственной страсти. Поэтъ не могъ оставить въ живыхъ тѣхъ, которые уничтожаютъ самихъ себя. Когда Лоренцо говоритъ, что «власть, которая сильнѣе насъ, разстроила наши планы», то здѣсь нужно разумѣть не какую-нибудь другую силу, а необузданную страсть Ромео. Поэтому нечего сѣтовать на слѣпой случай, нечего обвинять Шекспира въ жестокости. Причина гибели Ромео лежитъ глубже. Его бурная, охваченная страшной силой мучительно-сладкаго чувства, натура—неспособна къ жизни:

---

[1]) Ibid., стр. 523. Дѣйствительно, Шекспиръ въ одномъ мѣстѣ Тропла и Кресенды (актъ II, сцена II), упоминаетъ объ Аристотелѣ, но изъ этого упоминанія не видно, чтобъ поэтъ былъ знакомъ съ этикой Аристотеля больше, какъ по слухамъ. Сколько намъ извѣстно, этика Аристотеля тогда еще не появлялась въ англійскомъ переводѣ, а по свидѣтельству Бэнъ-Джонсона, близко знавшаго Шекспира, великій поэтъ не настолько зналъ классическіе языки, чтобъ читать Аристотеля на одномъ изъ нихъ.

[2]) Shakspeare, von Gervinus. Dritte Auflage. I, 257—289.

она сама выпускаетъ изъ рукъ якорь спасенія и сама исполняетъ надъ собою приговоръ поэтической справедливости [1]).

Начнемъ съ того, что гипотеза Гервинуса о значеніи роли Лоренцо въ пьесѣ не выдерживаетъ критики; отождествленіе взглядовъ Лоренцо съ идеями поэта совершенно произвольно. Мы далеки отъ мысли видѣть въ Лоренцо только педанта-моралиста и сухого стоика, какимъ его считалъ Шлегель, но должны сознаться, что благодушный старецъ не былъ въ состояніи понимать пылкихъ порывовъ молодости. Добровольно удалившись отъ жизни, замѣнившій всѣ свои страсти однимъ благодатнымъ чувствомъ общечеловѣческой симпатіи, Лоренцо довольно дико смотрѣлъ на всякій порывъ юнаго сердца; всего менѣе онъ способенъ былъ понять силу и стремительность того всеобъемлющаго чувства, которое охватило Ромео. Всего яснѣе это видно изъ третьей сцены третьяго акта, когда Ромео послѣ убійства Тебальда въ отчаяніи прибѣгаетъ къ своему духовному отцу, чтобы выслушать отъ него страшную вѣсть о своемъ изгнаніи. Благоразуміе Лоренцо, утверждающаго, что кромѣ Вероны, есть много мѣстъ на свѣтѣ, только раздражаетъ Ромео, и, наконецъ, когда монахъ предложилъ ему укрѣпить свой духъ философскими размышленіями, Ромео имѣлъ полное право отвѣтить ему: «Ты не можешь говорить о томъ, чего не чувствуешь» (Thou canst not speak of what thou dost not feel).

Когда-бъ ты молодъ былъ, какъ я, любилъ
Джульету, обвѣнчался съ ней за часъ,
Убилъ бы Тебальда, сгаралъ любовью,
Какъ я былъ изгнанъ, ну, тогда бы могъ
Ты говорить, рвать волосы свои,
И пасть на землю, такъ какъ я теперь
Измѣрить неготовую могилу [2]).

То же самое непониманіе паѳоса любви выказываетъ почтенный старецъ въ сценѣ съ Юліей, когда онъ, послѣ смерти Ромео, предлагаетъ ей бѣжать изъ склепа, обѣщая ее помѣстить въ монастырь, гдѣ бы она могла провести остатокъ дней своихъ въ въ постѣ и молитвѣ [3]). Сомнительно, чтобы Шекспиръ избралъ въ истолкователи своихъ идей лицо, неспособное понять возвышенную поэзію и паѳосъ того чувства, которое составляетъ душу его трагедіи? Неужели идея восторженной, юношеской любви хуже истолковывается рѣчами, поступками и судьбою Ро-

---

[1]) Ibid. I. 287.

[2]) «Ромео и Юлія», пер. И. Росковшенка, стр. 88.

[3]) Актъ V, сцена III.

мео и Юліи, нежели избитыми сентенціями о. Лоренцо? А съ паденіемъ значенія Лоренцо падаетъ сама собой и гипотеза Гервинуса. Благоразумные совѣты почтеннаго старца, лишенные искусственнаго значенія, приданнаго имъ критикомъ, окажутся просто-на-просто весьма обыденными, старческими разсужденіями, свойственными возрасту и сану о. Лоренцо. Что же касается до выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ Гервинусомъ и навязанныхъ имъ Шекспиру, въ качествѣ руководящей идеи драмы, то мы считаемъ не лишнимъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Мы знаемъ, что если какая-нибудь пьеса пишется на идею (а такихъ пьесъ не мало въ наше время), то у самыхъ плохихъ авторовъ эта идея уясняется цѣлымъ ходомъ пьесы, ея завязкой и развязкой, не говоря уже о томъ, что дѣйствующія лица, самыхъ противоположныхъ характеровъ, неустанно толкуютъ на всѣ лады съ цѣлью сосредоточить на ней вниманіе зрителей. Ничего подобнаго мы не видимъ въ трагедіи Шекспира. Всякій, непредупрежденный человѣкъ видитъ, что Ромео и Юлію погубилъ не чрезмѣрный паѳосъ ихъ взаимной любви, но неодолимая сила ихъ окружавшей ненависти. Поединокъ Меркуціо съ Тебальдомъ, а этого послѣдняго съ Ромео, имѣлъ своимъ источникомъ старинную вражду Монтекки и Капулетти. А между тѣмъ этотъ поединокъ составляетъ поворотную точку пьесы, потому что имъ условливается изгнаніе Ромео изъ Вероны, опредѣлившее его дальнѣйшую печальную участь. Если бы Ромео охладѣлъ къ Юліи, какъ прежде къ Розалиндѣ, то только въ такомъ случаѣ критикъ имѣлъ бы право повторить слова Лоренцо, что сладчайшій медъ становится приторенъ, вслѣдствіе своей чрезмѣрной сладости; но, какъ извѣстно, восторженная любовь Ромео и Юліи не только не охлаждается препятствіями, но растетъ въ своей силѣ до той роковой минуты, когда любовники смертью запечатлѣваютъ свою неизмѣнную вѣрность другъ другу. Идя по слѣдамъ о. Лоренцо, Гервинусъ прибавляетъ къ его сентенціямъ свои собственныя и находитъ еще слѣдующую идею въ трагедіи Шекспира, что исключительная преданность одному, хотя бы и прекрасному чувству, вырываетъ какъ мужчину, такъ и женщину изъ сферы ихъ естественнаго назначенія, что любовь должна быть только спутницей, а не наполнять собою всю жизнь человѣка [1]). А отсюда уже не далеко до утвержденія, что Шекспиръ былъ врагъ всякой исключительности, что онъ стоялъ за разумную середину, за контроль разума надъ сердцемъ, за гармоническое настроеніе духа, которое онъ, по увѣренію Гервинуса, считаетъ первымъ

[1]) Shakspeare, von Gervinus. I, 267.

условіемъ человѣческаго счастія. Читатель видитъ, что посредствомъ такого оригинальнаго критическаго пріема, Шекспиръ становится отвѣтственнымъ за идеи своихъ комментаторовъ, что поэту навязываются мысли, которыхъ онъ не выражалъ ни въ одномъ изъ своихъ произведеній; спѣшимъ замѣтить, что только такимъ путемъ и можно придти къ рѣшительнымъ заключеніямъ о нравственныхъ убѣжденіяхъ поэта, но сомнительно, чтобы эти заключенія, какъ бы они ни были остроумны, могли прибавить что-нибудь прочное къ нашимъ свѣдѣніямъ о Шекспирѣ. Притомъ же теорія разумной умѣренности, гармоніи нравственныхъ силъ, въ жертву которой приноситъ Гервинусъ возвышенную поэзію взаимной любви, не отличается ни новостью, ни особой нравственной высотой; мало того, она грѣшитъ незнаніемъ человѣческой природы, распадающейся, какъ извѣстно, на возрасты, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои особенныя права. Неужели тощая формула умѣренности, старческое недовѣріе къ пылкой молодости, составляетъ сущность того новаго слова, той истины времени, которую Шекспиръ завѣщалъ человѣчеству? Не то же ли самое говорилъ Солонъ своимъ *«ничего слишкомъ»*, Аристотель своей *«серединой»*, стоики своей «temperantia»? Стало быть, этотъ пресловутый талисманъ счастія извѣстенъ съ незапамятныхъ временъ; и если бы Шекспиръ сдѣлалъ его руководящей идеей многихъ своихъ произведеній, какъ это утверждаетъ Гервинусъ, то этимъ онъ оказалъ бы не большую услугу человѣчеству. Но Шекспиръ былъ далекъ отъ подобныхъ теорій счастья. Глубокій знатокъ человѣческой природы, онъ очень хорошо зналъ, что въ жизни каждаго сердца есть тотъ торжественный моментъ, когда оно съ неотразимой силой стремится на встрѣчу другому сердцу; онъ зналъ, сколько упоительной поэзіи въ этомъ стремленіи, насколько оно возвышаетъ человѣка и дѣлаетъ его жизнь полнѣе и счастливѣе. Вотъ именно этотъ-то чудный эпизодъ изъ исторіи человѣческаго сердца Шекспиръ и обезсмертилъ въ своемъ произведеніи, и потому сѣтованія Гервинуса о томъ, что любовь исключительно наполняетъ собой всю жизнь Ромео и Юліи, тогда какъ она должна быть только спутницей жизни—совершенно неумѣстны. Шекспиръ намъ не оставилъ полной біографіи Ромео и Юліи, а разсказалъ только одинъ эпизодъ изъ жизни «несчастныхъ счастливцевъ», по всей вѣроятности обнимающій собою не больше двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Чѣмъ бы развязалась впослѣдствіи, конечно, при другой обстановкѣ, любовь Ромео и Юліи, наполнила ли бы она всю ихъ жизнь или только была бы спутницей ея—мы не знаемъ, и не имѣемъ никакого права загадывать впередъ. Изъ того же, что

въ данномъ случаѣ, Ромео и Юлія, любившіе другъ друга такой исключительной, беззавѣтной любовью, погибли, нельзя заключить, что Шекспиръ смотритъ на всякое сильное чувство, какъ на нѣчто пагубное для человѣческаго счастія. Какой юноша можетъ сказать, что онъ былъ счастливѣе Ромео? Какая дѣвушка не позавидуетъ счастью быть такъ любимой, какъ была любима Юлія? Что значитъ наше обыденное прозаическое счастье передъ этимъ безбрежнымъ моремъ восторговъ, гдѣ каждая минута равняется безконечности? Благо тому, кто можетъ отмѣтить въ своей жизни нѣсколько такихъ мгновеній! Они никогда не перестанутъ бросать свой отрадный свѣтъ на самыя мрачные закоулки его судьбы, подъ ихъ свѣжительную сѣнь онъ всегда можетъ склонить свою усталую, отъ жизненной борьбы, голову и сладко забыться въ созерцаніи былого...

Въ разборѣ «Ромео и Юліи» особенно ясно выступаетъ коренной недостатокъ критики Гервинуса—отсутствіе поэтическаго чувства. Обладая весьма развитымъ эстетическимъ вкусомъ, указывающимъ ему съ замѣчательностью тонкостью недостатки въ композиціи пьесы, въ развитіи характеровъ, въ веденіи интриги, Гервинусъ почти совершенно лишенъ поэтическаго чувства. Оттого онъ проходитъ мимо цвѣтущихъ поэтическихъ образовъ Ромео и Юліи съ осуждающимъ словомъ моралиста. Поэзія ихъ любви утрачиваетъ для него всю свою прелесть съ той минуты, какъ любовники переходятъ мѣру, назначенную для развитія ихъ чувствъ, но за то всплываютъ наверхъ нравственныя задачи драмы, въ которой онъ видитъ протестъ противъ исключительности чувствъ вообще. Такіе же пріемы употребляются Гервинусомъ при разборѣ другихъ драмъ Шекспира, но мы полагаемъ, что достаточно приведенныхъ нами примѣровъ, чтобы видѣть, насколько можно довѣряться выводамъ автора о нравственныхъ убѣжденіяхъ Шекспира, если они добыты посредствомъ подобныхъ не-критическихъ пріемовъ. Лучше совершенно отказаться отъ желанія проникнуть въ завѣтный міръ души поэта, нежели тѣшить себя фантастическими представленіями, выросшими на почвѣ чуждой искусству. Ошибки такого даровитаго и ученаго критика, какъ Гервинусъ, да послужатъ благимъ предостереженіемъ противъ всевозможныхъ поспѣшныхъ заключеній о нравственныхъ убѣжденіяхъ англійскаго поэта! Дѣлать эти заключенія нужно съ крайней осторожностью, основываясь не на принципѣ драматической справедливости, не всегда соблюдаемомъ Шекспиромъ, не на отдѣльныхъ изреченіяхъ, которыя зачастую противорѣчатъ другъ другу, но на общемъ характерѣ поэтическаго настроенія, преобладающаго во всей пьесѣ. При этомъ не нужно упускать изъ

виду свидѣтельство сонетовъ Шекспира, имѣющихъ особенно важное значеніе при обсужденіи его юношескихъ произведеній.

III.

Философская критика въ Германіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ своего существованія не успѣла выработать ни одного твердаго принципа, который могъ бы служить для послѣдующихъ критиковъ Шекспира точкой отправленія. Принципъ нравственнаго міроустройства, драматической справедливости и т. п., оказался обоюдуострымъ орудіемъ, одинаково пригоднымъ какъ для тѣхъ, которые признаютъ его творческой силой поэзіи Шекспира, такъ и для тѣхъ, которые отводятъ ему далеко не первое мѣсто въ ряду источниковъ вдохновенія причудливой музы англійскаго драматурга. Одинъ писатель, не безъ основанія, считаетъ этотъ принципъ, введенный въ моду гегелевой философіей искусства, даже враждебнымъ человѣческому роду. Да и какъ же иначе? Вѣдь идеи божественной справедливости (göttliche Gerechtigkeit), нравственной необходимости (sittliche Nothwendigkeit) и пр., обрекаютъ на гибель все прекрасное и великое на землѣ, если оно отмѣчено печатью односторонности. Но такъ какъ всестороннее совершенство не дано въ удѣлъ никакому человѣческому существу, то очевидно, что эти идеи являются чѣмъ-то враждебнымъ человѣческому роду вообще [1]). Гервинусъ сдѣлалъ попытку поставить философскую критику на историческія основы, но не могъ сладить съ двойственной задачей своего труда, и увлеченный нравственнымъ значеніемъ произведеній Шекспира, онъ не рѣдко упускалъ изъ виду не только историческую точку зрѣнія, но и становился слѣпъ передъ самими возвышенными красотами шекспировской поэзіи. Шекспиръ-моралистъ вездѣ у него заслоняетъ собою Шекспира-поэта и драматурга. Мы видѣли, къ какимъ страннымъ выводамъ привела Гервинуса неуклонная вѣрность этому направленію, какъ, оставляя въ сторонѣ художественныя и драматическія достоинства «Ромео и Юліи», онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на спасительномъ нравственномъ урокѣ, будто бы вытекающемъ изъ развязки этой трагедіи. Но подобная односторонность взгляда, подчиняющая искусство постороннимъ цѣлямъ, не могла оставить прочныхъ слѣдовъ въ литературѣ. Уже Крессигъ, въ своихъ извѣстныхъ

---

[1]) Shakspeare in seiner Wirklichkeit, von Flathe. I Band, 273.

Чтеніяхъ о Шекспирѣ [1]), вышедшихъ около десяти лѣтъ послѣ сочиненія Гервинуса, дѣлаетъ значительныя отступленія отъ взглядовъ философской критики и высказывается за самостоятельность искусства. Въ 1863 г., лейпцигскій профессоръ Флате, имѣя цѣлью представить въ истинномъ свѣтѣ нравственный обликъ Шекспира, искаженный лжетолкованіями философской критики, далъ своему сочиненію нѣсколько странное названіе: *Шекспиръ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности* [2]). Нѣтъ нужды, что взглядъ Флате на личность Шекспира и на сущность его поэтическаго генія еще болѣе далекъ отъ истины, чѣмъ сужденія его противниковъ; сочиненіе его важно, какъ симптомъ неудовлетворенія результатами философской критики, какъ громкій протестъ противъ порабощенія искусства формуламъ отвлеченной философіи. Годъ спустя, изъ самой среды поклонниковъ Ульрици и Гервинуса раздается голосъ недовольства. Фридрихъ Боденштедтъ — одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Шекспира въ Германіи, редакторъ сборника, издаваемаго нѣмецкимъ шекспировскимъ обществомъ—разбирая приведенное нами выше мнѣніе Гервинуса о «Ромео и Юліи», произноситъ рѣзкій, но справедливый приговоръ дѣятельности философской критики и съ нескрываемой скорбью замѣчаетъ: «въ чемъ же состоитъ прогрессъ, сдѣланный шекспировской критикой со временъ Лессинга, если въ наше время знаменитый историкъ нѣмецкой литературы, забывая основные принципы искусства, можетъ произносить такія черствыя сужденія о самыхъ возвышенныхъ созданіяхъ Шекспира, и находитъ людей, которые вѣрятъ ему на слово?» [3]) Самымъ полнымъ и рѣшительнымъ проявленіемъ недовольства, обнаружившагося въ последнее время противъ господствующаго направленія шекспировской критики служитъ книга Рюмелина: *Опыты изученія Шекспира* [4]). Собственно говоря, книга Рюмелина не есть животрепещущая новость: она состоитъ изъ ряда статей, помѣщенныхъ авторомъ (въ 1864 и 1865 г.) въ газетѣ «Morgenblatt» и тогда же обратившихъ на себя всеобщее вниманіе. Нѣмецкая критика встрѣтила книгу Рюмелина неумѣренными похвалами и неумѣренными порицаніями. Редакторъ серьёзнаго критическаго журнала *Нѣмецкій музей* (Deutsches Museum, 1866 г. № 22), К. Френцель, хотя не соглашается со многими выводами автора, тѣмъ

[1]) Vorlesungen über Shakspeare, von Kressig, in 3 Bände.

[2]) Shakspeare in seiner Wirklichkeit, von Flathe. Leipzig. 1862—4. 2 Bände.

[3]) Wiener Recensionen № 13 и 14, 1863 г. Ср. также Blätter für Literarische Unterhaltung 1863. № 16.

[4]) Shakspeare-Studien, von Gustav Rümelin. Stütgart. 1866.

не менѣе признаетъ за его сочиненіемъ значеніе поворотной точки въ шекспировской критикѣ. Другіе пошли еще дальше. Они смѣло привѣтствовали въ Рюмелинѣ новаго Лессинга, пришедшаго освободить шекспировскую критику изъ-подъ ига отвлеченныхъ эстетико-философскихъ и политическихъ тенденцій, навязанныхъ ей Ульрици, Ретшеромъ, Фезе, Гервинусомъ и др.

Само собою разумѣется, и противная сторона не осталась въ долгу. Во второмъ томѣ «Сборника Шекспировскаго Общества» (Jahrbuch der deutschen Shakspeare-Gesellschaft. Zweiter Jahrgang) появилось нѣсколько рецензій на книгу Рюмелина, подписанныхъ именами извѣстныхъ знатоковъ англійской литературы. Даже маститый эстетикъ Фр. Фишеръ вступилъ въ число бойцовъ, и съ юношеской энергіей отстаиваетъ отъ нападеній Рюмелина— единство и цѣльность «Гамлета». Изъ этого видно, что названная книга составляетъ довольно крупное явленіе въ области шекспировской критики. Несмотря на видимое презрѣніе, которое оказываютъ Рюмелину почти всѣ его оппоненты, самый фактъ появленія такой массы возраженій показываетъ, что старая школа боится распространенія его ереси въ публикѣ, что она признаетъ его противникомъ, съ которымъ нужно считаться. Вотъ, въ сжатомъ извлеченіи, содержаніе книги Рюмелина.

Въ предисловіи, авторъ откровенно разсказываетъ исторію возникновенія своего труда. Исторія эта тѣмъ болѣе поучительна, что она намъ раскрываетъ всѣ муки свѣжаго и здороваго ума, жаждущаго истины и не могущаго удовлетворяться тѣмъ узкимъ горизонтомъ, который очертила вокругъ него нѣмецкая критика. Внимательно изучая произведенія Шекспира, авторъ *Опытовъ о Шекспирѣ* давно уже замѣтилъ, что непосредственное впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого изученія, постоянно возбуждало въ немъ сомнѣніе относительно истинности воззрѣній, господствовавшихъ по этому предмету въ нѣмецкой литературѣ. Долго онъ не довѣрялъ своему собственному чувству и сваливалъ вину на свое недостаточное пониманіе Шекспира. Когда же онъ снова принялся за изученіе великаго поэта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ большимъ вниманіемъ перечелъ сочиненія главнѣйшихъ представителей шекспировской критики, то, къ крайнему своему удивленію, замѣтилъ, что первоначально возникшіе въ немъ сомнѣнія не только не ослабѣли, но даже усилились. Но за то, съ одной стороны, самый образъ великаго поэта представился ему яснѣе, индивидуальнѣе, чѣмъ прежде; съ другой стороны, передъ нимъ раскрылась закулисная сторона критики, и онъ увидѣлъ, сколько въ ней приходится на долю предразсудковъ, мимолетныхъ направленій и школьной отвлеченности. Мѣра уже исполнилась, когда

ему пришлось переплыть цѣлый потокъ торжественныхъ рѣчей и сочиненій, наводнившій собою нѣмецкій книжный рынокъ по случаю трехсотлѣтняго юбилея Шекспира. При всемъ единогласіи неумѣренныхъ восхваленій, какъ несогласимы между собою были предикаты, которыми со всѣхъ сторонъ надѣляли поэта его восхвалители, какъ вычурны и разнообразны ключи, предлагаемые ими для объясненія его произведеній! Точно будто повторилось чудо первой пятидесятницы — люди заговорили вдругъ на разныхъ языкахъ и перестали понимать другъ друга. Всѣ превозносили Шекспира, но каждый понималъ его по-своему. При такомъ хаосѣ мнѣній, авторъ счелъ себя въ правѣ выставить на рынокъ и свои бредни, хотя бы только для того, чтобы хоръ вакханствующихъ поклонниковъ Шекспира увеличился однимъ трезвымъ [1]).

Въ третьей главѣ авторъ разъясняетъ подробнѣе причины своихъ разногласій съ нѣмецкой критикой, побудившія его искать иныхъ путей для разрѣшенія своихъ неудомѣній. По мнѣнію Рюмелина, шекспировская критика въ Германіи страдаетъ отсутствіемъ твердой исторической основы. Конечно, если подъ критикой разумѣть приложеніе къ художественнымъ произведеніямъ параграфовъ новѣйшей эстетики, причемъ критикъ употребляетъ всѣ свои старанія, чтобы отыскать наиболѣе отвлеченное понятіе, и, провозгласивши его идеей драмы, подтвердить его искуснымъ сопоставленіемъ отдѣльныхъ выраженій, то, въ этомъ отношеніи, нѣмецкая критика можетъ удовлетворить самаго взыскательнаго читателя; но такой критикѣ, собственно говоря, нечего заботиться ни о личности, ни объ эпохѣ поэта; пріемы ея нисколько бы не измѣнились, еслибъ ей пришлось разбирать драмы, свалившіяся, неизвѣстно когда, съ неба. Но если разбирать поэта значитъ прежде всего стараться возсоздать себѣ то непосредственное впечатлѣніе, которое произвело его произведеніе на массы воспріимчивыхъ слушателей, войти въ то настроеніе духа, которое переживалъ авторъ въ эпоху созданія и вмѣстѣ съ тѣмъ живо представить себѣ тѣ сценическія условія, которыя онъ необходимо долженъ былъ имѣть въ виду, то понятно, что несоблюденіе одного изъ этихъ пріемовъ способно затемнить и даже разрушить полное пониманіе художественнаго произведенія. Ибо чѣмъ индивидуальнѣе и живѣе представится намъ нравственный образъ поэта, тѣмъ яснѣе для насъ идеальное, общечеловѣческое содержаніе его произведеній. Въ этомъ отношеніи нѣмецкая критика является наименѣе удовлетворительной. Скудость историче-

---

[1]) Shakspeare-Studien. Vorwort. III—V стр.

скихъ свѣдѣній о Шекспирѣ и его дѣятельности, туманъ, окружающій его личность, далъ возбужденіе воображенію критиковъ. Они любятъ представлять Шекспира какимъ-то исполинскимъ геніемъ, стоящимъ выше всѣхъ условій, опредѣляющихъ дѣятельность каждаго смертнаго. Явившись на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени, онъ шелъ своимъ путемъ промежъ вѣковъ и народовъ, едва касаясь своей эпохи. Критикѣ особенно нравится это туманное представленіе можетъ быть потому, что оно даетъ полный просторъ субъективному чувству каждаго критика. Тутъ есть гдѣ разгуляться самому причудливому воображенію; въ такихъ неопредѣленныхъ рамкахъ можно чертить какія угодно фантазіи. Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго разу кажется будто ни объ одномъ поэтѣ не установилась въ общемъ такого единогласнаго мнѣнія, какъ о Шекспирѣ, но какъ скоро дѣло коснется частностей, окажется, что нигдѣ нѣтъ такой разноголосицы. Каждый идеализируетъ Шекспира на свой образецъ; одному онъ кажется классикомъ, другому романтикомъ; тотъ видитъ въ немъ католика, этотъ — протестанта; одна сторона представляетъ его вигомъ, другая — тори, — короче сказать, нѣтъ числа теоріямъ, которыя прикрываютъ себя авторитетомъ по имени [1]).

По мнѣнію Рюмелина, отъ подобныхъ пріемовъ не вполнѣ свободно даже прекрасное сочиненіе Гервинуса. Отдавая должное уму и познаніямъ автора, Рюмелинъ находитъ, что безпредѣльный энтузіазмъ къ Шекспиру лишилъ Гервинуса способности отнестись критически къ его произведеніямъ. Заключительныя главы послѣдняго тома Гервинусова труда написаны тономъ восторженнаго гимна, который такъ непривычно звучитъ въ ушахъ строгаго критика. Невольно приходитъ на мысль, что политическія и литературныя невзгоды Германіи заставили Гервинуса искать въ другой эпохѣ и у иного народа идеальный образъ великаго поэта. Подобно Тациту, который въ своей *Германіи* описалъ не настоящихъ германцевъ, но съ умысломъ представилъ въ укоръ своимъ изнѣженнымъ и выродившимся современникамъ идеализированный образъ благороднаго и могучаго народа, и Гервинусъ рисуетъ намъ не дѣйствительнаго Вильяма Шекспира изъ Стратфорта, но великаго поэта вообще, какого онъ давно уже желалъ и призывалъ для Германіи; оттого-то онъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе не на художественныхъ достоинствахъ произведеній Шекспира, но на его нравственныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ [2]).

---

[1]) Ibid. стр. 28—30.

[2]) Ibid. стр. 31—32.

Возвращаясь еще разъ къ тому же предмету (въ XI главѣ), Рюмелинъ справедливо замѣчаетъ, что многочисленныя произведенія Шекспира даютъ матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ заключеній объ его характерѣ и убѣжденіяхъ. Въ этомъ отношеніи толкователи Шекспира также безцеремонно обращаются съ его драмами, какъ богословы съ Библіей — каждый беретъ изъ нихъ, что̀ ему нужно. На основаніи нѣсколькихъ искусно сопоставленныхъ между собою сентенцій Гервинусъ, напр., провозглашаетъ Шекспира нравственнымъ вождемъ человѣчества. Это уже невѣрно по тому, что нравственнымъ вождемъ человѣчества можно назвать только того, чья жизнь и характеръ настолько извѣстны всѣмъ, что могутъ служить образцомъ для подражанія. О жизни же Шекспира мы знаемъ очень мало; таинственный покровъ, скрывающій его личность, до сихъ поръ еще не приподнятъ никѣмъ. Впрочемъ, по словамъ Рюмелина, нравственное здоровье и честность Шекспировой натуры не нуждаются ни въ какихъ доказательствахъ. Истинное поэтическое призваніе есть само по себѣ патентъ на нравственное благородство. Никто не думаетъ, что одни качества ума въ соединеніи съ живой фантазіей и тонкимъ чутьемъ языка могутъ создать поэта. Необходимое условіе поэтической натуры составляютъ мыслящая наблюдательность надъ внутреннимъ процессомъ своего собственнаго духа, стремленіе къ истинѣ, полный любви взглядъ на міръ, свободная отъ всякаго эгоистическаго чувства симпатія къ чуждымъ личностямъ—качества, которыя хотя легко могутъ быть совмѣстимы съ различными нравственными слабостями, сильными страстями и т. п., но никогда съ низостью души, грубымъ эгоизмомъ и безсердечностью. Заключеніе отъ истиннаго поэта къ благородному человѣку кажется намъ неопровержимымъ; по крайней мѣрѣ исторія литературы не представляетъ ни одного примѣра, который бы могъ сколько-нибудь поколебать его. Такое общее положеніе гораздо важнѣе всѣхъ тѣхъ сентенцій, на основѣ которыхъ критики строятъ свои заключенія о нравственныхъ убѣжденіяхъ Шекспира[1]. Главный аргументъ Ульрици, Гервинуса и др., именно Шекспирова вѣра въ нравственный порядокъ міра (sittliche Weltordnung), его поэтическая справедливость, не особенно высоко цѣнимая Рюмелиномъ, во-первыхъ потому, что она не составляетъ исключительной принадлежности Шекспира; въ общемъ смыслѣ тоже можно сказать и о всѣхъ другихъ драматургахъ; во-вторыхъ потому, что торжество добра на сценѣ было въ то время обезпечено бдительностію театральной полиціи, которая строго пока-

[1] Ibid., стр. 157—159.

рала бы писателя, еслибъ онъ вздумалъ окончить свое произведеніе гибелью добродѣтели и торжествомъ порока[1]). Если же— продолжаетъ далѣе Рюмелинъ—и нашелся бы такой поэтъ, который въ своихъ произведеніяхъ неуклонно держался принципа поэтической справедливости, то заключать поэтому объ его нравственномъ характерѣ также нельзя, какъ и наоборотъ нельзя осуждать нравственный характеръ поэта въ силу того, что онъ съ своей пессимистической точки зрѣнія видитъ въ человѣческихъ дѣлахъ только торжество зла и неразумной силы. Дѣло въ томъ, что каждый писатель не долженъ упускать изъ виду требованій совѣсти и нравственнаго различія человѣческихъ поступковъ, но не его дѣло заботиться о томъ, чтобы каждый нравственный поступокъ сопровождался успѣхомъ въ жизни; послѣднее скорѣе метафизическій, чѣмъ нравственный вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго многіе безплодно трудились, начиная съ сочинителя книги Іова. Что же касается до Шекспира, то онъ съ своей стороны очень мало заботился о соблюденіи той поэтической справедливости, какую ему обыкновенно приписываютъ. Корделія повѣшена въ тюрьмѣ; Дездемона задушена своимъ мужемъ; Офелія сошла съ ума и утопилась. Гдѣ же здѣсь справедливость? Конечно, школьные эстетики, предвидя возможность обвиненія Шекспира въ несправедливости, что̀ противорѣчило бы ихъ теоріи, и тутъ съумѣли отыскать трагическую вину. Корделія (говорятъ они) виновна въ томъ, что не успокоила нѣсколькими теплыми словами своего стараго отца, характеръ котораго она должна была знать; Дездемонѣ не слѣдовало рѣшаться на такой рискованный союзъ, какъ бракъ ея съ Отелло, противъ воли родителей, а разъ рѣшившись, она должна была лучше изучить характеръ мужа и окружающихъ его людей и т. п. Эти доводы уже потому

---

[1]) Ibid. 157 стр. Мы не знаемъ, откуда авторъ почерпнулъ свои свѣдѣнія объ этомъ нѣсколько странномъ обычаѣ театральной цензуры XVI в. Если фактъ, сообщенный Рюмелиномъ, вѣренъ, то имъ объясняется многое въ исторіи древняго англійскаго театра. Извѣстно, что театральная цензура того времени безжалостно вымарывала изъ пьесъ все, сколько-нибудь задѣвающее церковь и правительство. Лицо, которому былъ порученъ контроль надъ театральными представленіями (Master of the Revels) было снабжено на этотъ счетъ почти безграничными правами. Слѣды его пагубной дѣятельности замѣтны на нѣкоторыхъ произведеніяхъ Шекспира. Такъ, напр., въ первомъ изданіи Ричарда II недостаетъ знаменитой сцены отреченія Ричарда передъ парламентомъ, которая, вѣроятно, показалась цензору слишкомъ соблазнительной для королевской власти (см. *Delius*, Ueber das Englische Theaterwesen zu Shakspeare's Zeit, Bremen 1853, стр. 18), но мы не думаемъ, чтобы онъ могъ входить въ такіе тонкости, какъ примѣненіе авторскаго драматическаго суда къ отдѣльнымъ личностямъ драмы. Въ силу этого обычая многія изъ произведеній Шекспира неминуемо подверглись бы искаженіямъ, чего мы однако не видимъ.

ничтожны, что справедливость не только требуетъ, чтобы зло не оставалось безъ наказанія, но также, чтобы степень наказанія соотвѣтствовала степени вины. Только въ историческихъ драмахъ Шекспира мы можемъ наблюдать соотвѣтствіе между преступленіемъ человѣка и его судьбой, изображенное поэтомъ въ величавыхъ всемірно-историческихъ образахъ, но и здѣсь бываютъ исключенія; стоитъ припомнить, напр., судьбу Глостера или несчастную участь, постигшую сыновей Эдуарда. Вообще, въ этомъ отношеніи у Шекспира можно встрѣтить такія же противорѣчащія другъ другу явленія, какъ и въ самой жизни — кажется, будто иногда онъ прямо высказываетъ въ формѣ общаго положенія вѣру въ нравственное управленіе міра; въ другомъ случаѣ онъ выражается въ противоположномъ смыслѣ [1]). Конечно, и то и другое говорится Шекспиромъ не отъ себя, но влагается въ уста извѣстнымъ личностямъ и притомъ въ извѣстныхъ положеніяхъ. Кто же можетъ знать, каковы были его собственныя убѣжденія на этотъ счетъ? Жизнь открывала ему поочередно одну изъ своихъ сторонъ, и соотвѣтственно этому измѣнялись и его воззрѣнія на міръ. По нашему мнѣнію, эти противорѣчія Шекспира самому себѣ скорѣй могутъ служить свидѣтельствомъ его непредубѣжденнаго взгляда на жизнь, нежели его вѣры въ нравственное устройство міра [2]).

Также удачно борется Рюмелинъ противъ навязыванія Шекспиру различныхъ религіозныхъ и политическихъ тенденцій. Вообще вся отрицательная часть его книги заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Никто съ такой рѣзкостью и силой не выставилъ на видъ нѣмецкой публикѣ всѣ увлеченія и односторонности шекспировской критики. Но этимъ почти и ограничивается его заслуга. Какъ скоро онъ переходитъ къ созиданію, какъ скоро думаетъ онъ на развалинахъ прежнихъ воззрѣній построить новое зданіе реальной критики, отсутствіе серьезной подготовки чувствуется на каждомъ шагу; его невѣрныя и парадоксальныя посылки естественно влекутъ за собой такія же заключенія, и въ концѣ концовъ реализмъ Рюмелина оказывается гораздо менѣе стоящимъ на почвѣ фактовъ, чѣмъ идеализмъ его противниковъ. Для примѣра позволяемъ себѣ привести въ извлеченіи его описаніе состоянія англійской сцены въ эпоху Шекспира, составляющее вступительную главу его книги.

Вопреки мнѣнію всѣхъ предшествовавшихъ критиковъ, Рю-

---

[1]) Въ предыдущей статьѣ мы привели нѣсколько такихъ противорѣчащихъ другъ другу сентенцій, заимствованныхъ нами изъ книги Рюмелина.

[2]) Shakspeare-Studien, 159—163 стр.

мелинъ старается доказать, что въ концѣ XVI вѣка въ Англіи не могло существовать національной сцены въ смыслѣ древне-греческой или нынѣшней французской, т. е. такой, которая отвѣчала бы потребностямъ всѣхъ классовъ народа, въ которой онъ видѣлъ бы выраженіе своего особаго міросозерцанія, своихъ прошедшихъ судебъ и своего настоящаго. Сценическія представленія въ Англіи, какъ и во всей остальной Европѣ, возникли на религіозной основѣ мистерій и морали. Католическая церковь смотрѣла на нихъ довольно снисходительно, можетъ быть оттого, что средневѣковой театръ не былъ постояннымъ учрежденіемъ. Это былъ спектакль любителей; представленія его давались нѣсколько разъ въ годъ, по торжественнымъ днямъ; актеры, игравшіе на нихъ, были въ остальное время года ремесленниками, земледѣльцами, студентами и т. п. Но какъ скоро эти представленія захотѣли выработаться въ постоянное учрежденіе, какъ скоро авторы сдѣлали изъ своей игры особое ремесло и стали пріучать къ нему дѣтей съ ранняго возраста, это показалось всѣмъ предосудительнымъ нововведеніемъ, явнымъ признакомъ возрастающаго развращенія нравовъ. Актеры въ Англіи составляли всѣми презираемое и исключенное изъ общества сословіе. Законы того времени постоянно ставятъ ихъ на одну доску съ канатными плясунами, скоморохами, вожаками медвѣдей и пр.; въ одномъ указѣ они даже обозваны странствующими бездѣльниками. Ихъ преслѣдовали отовсюду, но замѣчательно, что главныя преслѣдованія исходили не отъ высшей власти, а со стороны парламента, судовъ и городскихъ обществъ. Въ 1575, лорду-мэру и городскому совѣту Лондона удалось вытѣснить актеровъ за черту города; они удалились въ предмѣстье и тамъ, на мѣстѣ упраздненнаго католическаго монастыря, основали театръ, извѣстный подъ именемъ театра черныхъ монаховъ (Black-friers). Но несмотря на преслѣдованія, число театровъ постоянно возрастало; при Елисаветѣ ихъ было уже десять; содержатели ихъ и актеры шибко вели свои дѣла, сцена обогащалась прекрасными произведеніями и въ скоромъ времени могла соперничать съ испанской [1].

Кто же гналъ театры и кто ихъ поддерживалъ? Для кого они составляли насущную потребность? Вотъ вопросы, которые задаетъ себѣ авторъ и отвѣчаетъ на нихъ такъ: преслѣдованіе театровъ имѣло свой корень въ постоянномъ возрастаніи пуританскихъ воззрѣній въ англійскомъ обществѣ. Органомъ этихъ воззрѣній было по преимуществу среднее сословіе, самое влія-

---

[1]) Ibid. стр. 3 — 5.

тельное въ странѣ; къ нему принадлежали купцы и зажиточные ремесленники Сити, чиновники, судьи, низшее духовенство и мелкіе поземельные собственники. Какъ извѣстно, изъ этой среды вышли впослѣдствіи люди долгаго парламента и *святые* Кромвеля. Какъ бы ни были разнообразны ихъ взгляды на другія вопросы, всѣ они сходились въ требованіи строгой нравственной дисциплины, въ празднованіи воскреснаго дня, въ отвращеніи отъ пустыхъ, суетныхъ и грѣховныхъ удовольствій. Къ разряду такихъ предосудительныхъ развлеченій они прежде всего отнесли театръ, и потому, какъ только при Карлѣ I пуританскій парламентъ захватилъ въ свои руки власть, однимъ изъ первыхъ его распоряженій было повсемѣстное запрещеніе театральныхъ представленій [1]). Отвѣчая на второй вопросъ: кѣмъ посѣщались англійскіе театры въ эпоху Шекспира, Рюмелинъ, на основаніи книги Ф. Шаля [2]), дѣлаетъ довольно подробное описаніе внутренности англійскаго театра и состава тогдашней театральной публики. Изъ этого описанія онъ выводитъ заключеніе, что постоянными посѣтителями лондонскихъ театровъ были львы тогдашняго высшаго общества, лондонская jeunesse dorée, театральные критики и авторы, посѣщавшіе театръ по обязанности; большинство же публики состояло изъ людей низшаго общества, ремесленниковъ, матросовъ, солдатъ и т. п. Женщины не смѣли показываться въ театръ иначе какъ подъ маской, но за то театръ усердно посѣщали дамы лондонскаго полусвѣта, femmes entretenues аристократической молодежи, такъ что собственно говоря, ни одному почтенному человѣку, ни одной порядочной женщинѣ не было мѣста среди тогдашней театральной публики. Изъ сказаннаго ясно — продолжаетъ Рюмелинъ, — что названіе національная сцена едва-ли можетъ быть отнесено безъ злоупотребленія сло-

---

1) Ibid. 7 — 9 стр.

2) Ср. Shakspeare-Studien стр. 9 — 11 и Chasles, Etude sur Shakspeare, Marie Stuart et L'Aretin, Paris. 1850, стр. 355—368. Повѣривъ на слово Шалю, Рюмелинъ ведетъ свой разсказъ отъ лица Т. Нэша, писателя современнаго Шекспиру. Но такъ какъ подобнаго описанія у Т. Нэша не находится, то противники Рюмелина не замедлили обвинить его въ ученомъ подлогѣ. Между тѣмъ дѣло объясняется очень просто. Ф. Шаль, какъ истый французъ, желая написать un livre amusant о Шекспирѣ и придать своему разсказу больше типичности, вложилъ свое описаніе театра Globe въ 1613 году въ уста остроумнаго историка Томаса Нэша. Комизмъ недоразумѣнія еще усиливается тѣмъ, что ни Ф. Шаль, ни Рюмелинъ нисколько не подозрѣваютъ того, что Т. Нэшъ никакъ не могъ присутствовать при первомъ представленіи шекспирова Генриха VIII въ 1613 году, такъ какъ онъ умеръ 12 лѣтъ раньше. Что Рюмелинъ былъ введенъ въ заблужденіе именно Филаретомъ Шалемъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ одно мѣсто изъ второй главы его книги (стр. 17), которое есть буквальный переводъ словъ Шаля (ср. Etudes стр. 359).

вами къ такому учрежденію, которое было преслѣдуемо церковью, государствомъ и городскими обществами изъ нравственныхъ побужденій, порогъ котораго изъ чувства приличія не могли переступать ни почтенные отцы семейства, ни порядочныя женщины и дѣвушки [1]).

Такова непривлекательная картина англійской сцены, начерченная Рюмелиномъ въ вступительной главѣ его книги. Мы считаемъ не лишнимъ разобрать подробнѣе эту главу, такъ какъ она служитъ базисомъ для его послѣдующихъ парадоксальныхъ умозаключеній. Рюмелинъ отчасти правъ, сѣтуя на своихъ преемниковъ за ихъ слишкомъ идеальныя изображенія англійской сцены въ эпоху Шекспира; но съ своей стороны онъ впадаетъ въ ошибку гораздо менѣе извинительную, и если нѣмецкая критика, ослѣпленная геніальными созданіями Шекспира и его современниковъ, иногда слишкомъ преувеличивала общественное значеніе англійскаго театра въ концѣ XVI-го вѣка, то несомнѣнно, что Рюмелинъ слишкомъ его съуживаетъ. Изъ того, что англійская сцена подвергалась преслѣдованіямъ со стороны городскихъ обществъ, авторъ выводитъ заключеніе, что она, не имѣя большого общественнаго значенія, не могла никакъ развиться такъ широко и быстро, какъ обыкновенно полагаютъ. Но вѣдь самый фактъ быстраго развитія англійской сцены не подлежитъ никакому сомнѣнію; нужно только объяснить его. Мы знаемъ, что въ 1578 было въ Лондонѣ не болѣе восьми театровъ, за три года до смерти Елисаветы ихъ было уже 11, а при Іаковѣ число ихъ возросло до 17, т. е. менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ увеличилось больше чѣмъ вдвое. Стало быть сильна была общественная потребность въ этомъ учрежденіи, велика его живучесть, если ея не могъ убить цѣлый рядъ нападокъ, преслѣдованій и разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ, въ которыхъ, кажется, не было недостатка. Общественное значеніе англійскаго театра засвидѣтельствовано самыми яростными его противниками. Извѣстный пуританинъ Принне въ своемъ сочиненіи *Бичъ актеровъ* свидѣтельствуетъ, что въ его время въ два года было продано сорокъ тысячъ отдѣльныхъ экземпляровъ различныхъ пьесъ, игранныхъ на лондонскихъ театрахъ [2]). Книгопродавцы говорили Принне, что театральныя пьесы нынѣ охотнѣе покупаются, чѣмъ самыя лучшія проповѣди. Кто же бы раскупалъ ихъ, если бы вліяніе театра ограничивалось той незначительной частью лондонской

[1]) Shakspeare-Studien, стр. 10—11.

[2]) Prynne's Histriomastix, or the Players scourge. London 1633. The Epistle Dedicatory.

публики, которая, по словамъ Рюмелина, была единственной посѣтительницей театровъ? По нашему мнѣнію, сильнѣйшее доказательство въ пользу національнаго значенія англійской сцены въ эпоху Шекспира заключается въ самомъ фактѣ ея постояннаго преслѣдованія со стороны городскихъ обществъ и духовенства. Нѣтъ сомнѣнія, что драматическое искусство въ Англіи было бы задушено рядомъ этихъ упорныхъ, систематическихъ преслѣдованій, еслибъ оно не опиралось съ одной стороны на сочувствіе большинства англійскаго общества; съ другой стороны, если бы власть не поддерживала его своимъ вліяніемъ. Въ концѣ XVI вѣка, когда великое драматическое движеніе было въ самомъ разгарѣ, театральныя представленія до того вошли въ нравы народа, что сдѣлались въ полномъ смыслѣ народной потребностью. Финесъ Морисонъ (1566—1614), писатель современный Шекспиру, имѣвшій много случаевъ наблюдать обычаи и привычки различныхъ народовъ во время своихъ десятилѣтнихъ странствованій по Европѣ, весьма характеристично замѣчаетъ, что когда итальянецъ хочетъ разогнать скуку, онъ заваливается спать; нѣмецъ пьетъ, французъ принимается пѣть, а англичанинъ идетъ въ театръ [1]). Желая убѣдить насъ въ томъ, что не только общество, но и власть враждебно относилась къ театру, Рюмелинъ упоминаетъ объ одномъ указѣ изъ первыхъ годовъ царствованія Елисаветы, гдѣ актеры обозваны странствующими бездѣльниками. Мы не сомнѣваемся, что болѣе внимательное чтеніе этого документа навело бы нашего автора на соображенія иного рода. Указъ, о которомъ говоритъ авторъ, изданъ не противъ постоянныхъ актеровъ, обыкновенно приписанныхъ ко двору какого-нибудь знатнаго вельможи и носившихъ его имя (напр. Lord's Leicester's players или earl of Warwick players), но противъ странствующихъ скомороховъ (common players in interludes), не приписанныхъ ни къ какому знатному лицу и не имѣвшихъ позволенія отъ властей заниматься своимъ ремесломъ, и Чарльзъ Найтъ [2]) совершенно основательно видитъ въ этомъ актѣ мѣру, ограждающую права постоянныхъ актеровъ. Въ 1574 г., Елисавета по настояніямъ своего любимца Лейстера выдала Джемсу Борбеджу и его товарищамъ, придворнымъ актерамъ графа Лейстера, патентъ, въ силу котораго они могли давать театральныя представленія не только въ Лондонѣ, но и по всей

---

[1]) An Itinerary, written by Fynes Morison, first in the Latine tongue and then translated by him into English. London 1617, in folio. Part III. стр. 47. Мы имѣли случай пользоваться этой въ высшей степени рѣдкой книгой въ библіотекѣ Британскаго музея.

[2]) The Stratford Shakspeare, vol. 1. стр 89.

Англіи «для увеселенія нашихъ возлюбленныхъ подданныхъ и для нашей собственной утѣхи и удовольствія», какъ сказано въ самомъ патентѣ [1]). Правда, что этотъ патентъ произвелъ страшную бурю въ пуританскомъ лагерѣ; правда, что черезъ годъ, уступая многократнымъ представленіямъ лондонскаго городского совѣта, Елисавета дозволила ему вытѣснить театры за черту города, но тѣмъ не менѣе она не оставляла актеровъ своимъ вниманіемъ, приглашала ихъ играть въ своемъ присутствіи, и тѣмъ оказывала имъ сильную поддержку. Ободренный вниманіемъ королевы и сочувствіемъ публики, Борбеджъ построилъ другой театръ, такъ сказать, подъ самымъ носомъ городскихъ властей, театръ, извѣстность котораго скоро затмила собою всѣ учрежденія подобнаго рода.

Также несправедливо утвержденіе Рюмелина, что актеры въ Англіи составляли всѣми презираемое и исключенное изъ общества сословіе. Что ремесло ихъ не особенно уважалось въ Англіи, какъ и въ остальной Европѣ — это справедливо; самые просвѣщенные люди того времени не были свободны отъ предразсудковъ и смотрѣли на актеровъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ; но утверждать, что актеры составляли сословіе, на которомъ лежала печать отверженія, значитъ имѣть весьма смутное понятіе о состояніи англійскаго театра въ эпоху Шекспира, когда драматическое искусство привлекло къ себѣ лучшія силы университетской молодежи, когда актеры были вмѣстѣ и писателями, весьма цѣнимыми публикой. Говоря о составѣ тогдашней театральной публики, авторъ несправедливо исключаетъ и изъ нея порядочныхъ женщинъ и дѣвушекъ. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что женщины того времени, несмотря на вопли фанатиковъ, нерѣдко оживляли театръ своимъ присутствіемъ. Извѣстный противникъ театровъ Госсонъ (1554—1623) въ своемъ посланіи къ благороднымъ гражданкамъ Лондона (To the Gentlewomen citizens of London) тщетно убѣждалъ ихъ перестать посѣщать театральныя представленія, такъ какъ подобныя посѣщенія могутъ только вредить ихъ нравственности и доброму имени [2]). Присутствіе благовоспитанныхъ женщинъ въ лондонскихъ театрахъ удивляло посѣщавшихъ Англію иностранцевъ. Въ 1617 г. прибыло въ Англію венеціанское посольство;

[1]) Онъ напечатанъ вполнѣ у Колльера въ его History of English Dramatic Poetry, т. I, стр. 211—12.

[2]) The Schole of Abuse. London 1579. Сочиненіе Госсона было вновь издано Колльеромъ въ трудахъ шекспировскаго общества (Shakspeare's Society Publications); въ настоящемъ году оно перепечатано Арберомъ и вошло въ издаваемое имъ собраніе старинныхъ памятниковъ англійской литературы (English Reprints).

капелланъ этого посольства Горацiо Бузино велъ дневникъ, куда записывалъ все, что онъ видѣлъ во время своего путешествiя въ Англiи [1]). Одинъ разъ посольство было приглашено въ театръ. Главное, что поразило здѣсь итальянскаго наблюдателя, было то, что англiйскiе театры посѣщаются «множествомъ прекрасныхъ и благовоспитанныхъ женщинъ (respectable ladies у Броуна), которыя безъ малѣйшаго смущенiя садятся рядомъ съ мужчинами». Обычай посѣщенiя театровъ женщинами такъ вкоренился въ англiйскомъ обществѣ, что женщины, сначала носившiя маски, чтобы скрыть свое присутствiе въ театрѣ и тѣмъ избавиться отъ нареканiй, впослѣдствiи ходили въ театръ безъ масокъ [2]). Но помимо приведенныхъ нами свидѣтельствъ, въ которыхъ мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться, фактъ посѣщенiя театровъ женщинами имѣетъ за себя внутреннее доказательство; если бы мы, слѣдуя Рюмелину, исключили ихъ изъ среды театральной публики, то намъ пришлось бы недоумѣвать, какимъ образомъ лондонскiя куртизанки, приходившiя въ театръ для поживы, могли оцѣнить трогательную преданность Дездемоны, самоотверженiе Юлiи или неизмѣнную вѣрность Имоджены?

Послѣдуемъ далѣе за нашимъ авторомъ. Изъ жалкаго состоянiя англiйской сцены само собою вытекаетъ жалкое положенiе актеровъ и драматическихъ писателей. Рюмелинъ силится доказать, что между своими современниками Шекспиръ, какъ драматургъ, не пользовался большою извѣстностью. Чувствуя свою безпомощность въ этомъ отношенiи, авторъ снова обращается за подмогой къ книгѣ Ф. Шаля, которая и на этотъ разъ оказываетъ ему медвѣжью услугу. Отсюда-то заимствовалъ онъ тотъ небывалый отзывъ Томаса Нэша о Шекспирѣ, который такъ изумилъ нѣмецкихъ шекспирологовъ. Между тѣмъ вопросы о значенiи Шекспира въ ряду современныхъ ему писателей прекрасно разъясненъ новѣйшей англiйской критикой. Автору стоило только обратиться къ сочиненiю Чарльза Найта [3]), или хоть къ

---

[1]) Дневникъ этотъ отыскапъ извѣстнымъ англiйскимъ ученымъ Раудономъ Броуномъ (Rawdon Brown) въ венецiанскомъ архивѣ св. Марка и переведенъ имъ на англiйскiй языкъ, но до сихъ поръ не изданъ вполнѣ. Извлеченiе изъ него въ переводѣ Броуна помѣщено въ Quarterly Review, 1857. Октябрь.

[2]) Делiусъ дѣлаетъ неточность, когда утверждаетъ, что порядочныя женщины не могли являться въ театръ иначе, какъ подъ маской (Ueber das Englische Theaterwesen zu Shakspeare's Zeit, стр. 16). Госсонъ положительно свидѣтельствуетъ, что многiя изъ нихъ показывались съ открытыми лицами, съ цѣлью, чтобъ па нихъ смотрѣли (to bee seen).

[3]) History of opinion an the writings of Shakspeare, by Charles Knight. London. 1847.

статьѣ «Britisch Quarterly Review» (1857 г., іюль), чтобы разрѣшить свои недоумѣнія.

Четвертая глава книги Рюмелина даетъ намъ возможность покороче познакомиться съ пріемами реалистической критики, представителемъ которой служитъ разбираемый нами авторъ. Мы считаемъ не лишнимъ изложить вкратцѣ содержаніе этой главы. Шекспиръ есть по преимуществу писатель сценическій. Уже изъ одного того простого обстоятельства, что Шекспиръ продавалъ рукописи своихъ драмъ тому же самому театру, гдѣ онъ самъ состоялъ актеромъ и акціонеромъ, слѣдуетъ, что потребности сцены были главнымъ возбужденіемъ его творчества, что сценическій эффектъ былъ его сознательной цѣлью, недостиженіе которой могло вреднымъ образомъ отозваться не только на его извѣстности, какъ писателя, но и на его положеніи, какъ члена театральной дирекціи. Близкому знакомству со сценой и ея условіями Шекспиръ обязанъ совершенствомъ своей драматической техники. Онъ очень хорошо зналъ, что̀ можетъ произвести эффектъ на сценѣ и что̀ не можетъ. Въ немногихъ сценахъ онъ умѣлъ излагать ходъ самаго запутаннаго дѣйствія, заставлялъ слушателей слѣдить съ неослабѣвающимъ интересомъ за завязкой и поворотомъ его, и наконецъ въ катастрофѣ достигалъ величайшаго эффекта сліяніемъ потрясающаго элемента съ примиряющимъ. Гете упрекалъ Шекспира въ томъ, что онъ мало думалъ о сценѣ, что, увлеченный чудными видѣніями своей фантазіи, онъ пренебрегалъ самыми необходимыми сценическими условіями, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Шекспиръ заслуживаетъ упрека въ совершенно противоположномъ отношеніи. Онъ очень хорошо зналъ, что сценическій эффектъ основывается не столько на художественной стройности цѣлаго, сколько на постоянно возбуждающемся интересѣ къ частностямъ, что вниманіе зрителей приковывается настоящимъ, что они готовы довольствоваться чисто внѣшней связью частей, лишь бы каждая сцена приносила съ собой новыя и сильныя впечатлѣнія. Имѣя это въ виду, всякій опытный драматургъ старается придать частностямъ, эпизодамъ нѣкоторую самостоятельность, а иногда охотно приноситъ имъ въ жертву художественную цѣлость своего созданія. По мнѣнію Рюмелина, въ этомъ пріемѣ заключается одна изъ самыхъ яркихъ особенностей шекспировскаго творчества, на которую до сихъ поръ очень мало обращали вниманія.

Произведенія Шекспира не суть художественныя цѣлыя: они состоятъ изъ ряда сценъ, имѣющихъ сами по себѣ самостоятельное значеніе, но зачастую не имѣющихъ между собою органической связи. Особенно этотъ недостатокъ замѣтенъ въ исто-

рическихъ драмахъ; здѣсь самостоятельность частей переходитъ всякую мѣру; можно сказать, что за исключеніемъ Ричарда III, во всѣхъ историческихъ драмахъ Шекспира нѣтъ другого единства, кромѣ единства заглавія. Почти вездѣ, гдѣ второстепенныя лица (какъ-то слуги, солдаты, могильщики и актеры въ «Гамлетѣ») выступаютъ на сцену, они не скоро сходятъ съ нея и говорятъ много такого, что нисколько не нужно для хода дѣйствія. Отношеніемъ къ сценѣ во многомъ объясняются характеристическія особенности шекспировой драмы. Не малое вліяніе на драматическій стиль Шекспира имѣла и та публика, которая была его судьей, одобренія которой онъ такъ жадно добивался. Какую же часть публики, какой избранный кружокъ слушателей имѣлъ въ виду поэтъ, когда писалъ свои драмы? По мнѣнію Рюмелина, изъ самой природы вещей слѣдуетъ, что Шекспиръ долженъ былъ имѣть въ виду преимущественно аристократическую молодежь того времени. Здѣсь онъ прежде всего нашелъ своихъ покровителей и почитателей; здѣсь же онъ встрѣтилъ того молодого лорда, чья дружба оказала такое благодѣтельное вліяніе на развитіе его таланта. Вкусы этой молодежи должны были имѣть рѣшительное вліяніе и на характеръ его творчества. Если мы примемъ этотъ весьма естественный фактъ со всѣмъ вытекающимъ изъ него послѣдствіемъ, то намъ объяснится многое; намъ станетъ, напр., понятнѣе то обаяніе вѣчной юности, та безпокойная, жаждущая дѣятельность энергіи, которая бьетъ ключемъ изъ многихъ произведеній Шекспира. Передъ нимъ была аудиторія, съ особенной любовью слѣдившая за каждымъ смѣлымъ образомъ, предпочитавшая сильное, хотя бы и грубое выраженіе, вялому и утонченному, находившая особенную прелесть въ созерцаніи дикихъ, неукротимыхъ характеровъ, и изъ-за сильныхъ потрясающихъ ощущеній готовая смотрѣть сквозь пальцы на слишкомъ крутой поворотъ дѣйствія или на противорѣчіе въ обрисовкѣ характеровъ. Когда же впослѣдствіи положеніе Шекспира настолько упрочилось, что ему нечего было заискивать благорасположеніе публики, когда порвались сами собой его прежнія дружескія связи, тогда въ его міросозерцаніи снова начинаютъ слышаться тѣ мрачные аккорды, которые составляютъ отличительный характеръ его лирическихъ произведеній. Отношеніями Шекспира къ публикѣ опредѣляются не только выборъ драматическаго матеріала, но и выборъ самыхъ дѣйствующихъ лицъ. Двѣ неисчерпаемыя темы наполняютъ собой его драмы — любовь и честолюбіе, — страсти, наиболѣе свойственныя пылкой и мужественной молодости. Герои его драмъ всѣ знатнаго происхожденія; если же иногда онъ выводитъ на

сцену среднее сословіе, горожанъ, мировыхъ судей, духовенство, то неиначе какъ въ комическомъ видѣ. Только одинъ разъ Шекспиръ попробовалъ выйти изъ своей обычной колеи; явились «Виндзорскія кумушки», можетъ быть слабѣйшее изъ его произведеній и которое поэтому только подтверждаетъ собою общее правило. Но угождая вкусамъ аристократической молодежи, Шекспиръ не упускалъ изъ виду и другой болѣе темной публики, симпатіями которой ему нельзя было пренебрегать. И въ этомъ отношеніи Шекспиръ-поэтъ дѣйствовалъ по указаніямъ Шекспира-акціонера. Лорды и джентльмены съ ихъ утонченными рѣчами были скучны для толпы; нужно было занять чѣмъ-нибудь низшіе слои театральной публики. Съ этой цѣлью Шекспиръ пересыпалъ свои драмы остротами клоуновъ, разговорами слугъ, матросовъ, могильщиковъ и т. д. Романтическая школа видѣла въ этомъ смѣшеніи трагическаго съ комическимъ верхъ драматическаго искусства. Какъ смотрѣлъ на этотъ пріемъ самъ Шекспиръ, съ достаточной вѣроятностью можно заключать изъ того, что онъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ старался по возможности избѣгать его; въ римскихъ драмахъ, «Цимбеллинѣ», «Отелло» и др., мы почти не встрѣчаемъ тѣхъ шутовскихъ выходокъ, которыми кишатъ его первыя произведенія. Наконецъ, вліяніе юношеской аудиторіи сказывается еще въ особомъ характерѣ шекспировскаго остроумія. Юноша еще не можетъ до такой степени усвоить себѣ языкъ, какъ человѣкъ взрослый; онъ охотно играетъ словами, растягивая ихъ значеніе до невозможности. Кокетство съ фразой, желаніе придать рѣчи противника, посредствомъ буквальнаго истолковыванія словъ, двусмысленное и нелѣпое значеніе, составляетъ особый родъ юношескаго остроумія, которымъ Шекспиръ угощалъ свою публику. Второй пріемъ общепринятаго остроумія состоитъ въ употребленіи колоссальныхъ гиперболъ. Кажется нѣтъ ни одного народа, который бы такъ любилъ превосходныя степени, какъ англичане: Шекспиръ очень хорошо зналъ эту черту англійскаго народнаго характера и не останавливался ни передъ какими гиперболами [1].

Приведенныя нами разсужденія представляютъ прекрасный образчикъ того искаженнаго реализма, который еще такъ недавно выдавался русской публикѣ за послѣднее слово западно-европейскаго развитія. Вопросъ о принципѣ шекспировскаго творчества, объ особенностяхъ художественныхъ пріемовъ величайшаго изъ міровыхъ поэтовъ, рѣшается реалистической критикой очень

---

[1]) Shakspeare-Studien, 33—48.

просто, объясняется изъ причинъ понятныхъ всякому смертному. Отложивъ въ сторону всякую щепетильность, Рюмелинъ смѣло объявляетъ, что жизненнымъ нервомъ творческой дѣятельности Шекспира была матеріальная выгода, желаніе сколотить деньгу. Онъ не считалъ нужнымъ заботиться о художественномъ планѣ своихъ драмъ и объ отдѣлкѣ характеровъ, потому что его труды пропали бы даромъ, такъ какъ тогдашняя публика мало смыслила въ художественныхъ тонкостяхъ и предпочитала имъ трескучіе сценическіе эффекты. Таже личная выгода заставила его предпочесть симпатіи одного, сравнительно незначительнаго, кружка публики симпатіямъ народныхъ массъ. Не гоняясь за безплодными лаврами народнаго поэта, Шекспиръ писалъ для аристократической молодежи, которая могла дороже оплачивать свои восторги, чѣмъ простой народъ. Даже драматическій стиль Шекспира, его роскошный, поэтическій языкъ, блестящій образами, сравненіями, не исходилъ изъ глубины его творческаго вдохновенія, былъ не болѣе какъ искусственно-придуманный складъ рѣчи, ловко разсчитанный на вкусъ молодежи, любящей игру словъ и кокетничанье фразой. Однимъ словомъ, Рюмелинъ видитъ въ Шекспирѣ не великаго драматурга, но ловкаго промышленника, прекрасно знавшаго сцену и умѣвшаго угождать вкусамъ своей привилегированной аудиторіи. Оставляя въ сторонѣ всю узкость подобныхъ разсужденій, по всей вѣроятности оцѣненную уже читателями по достоинству, мы позволяемъ себѣ сдѣлать автору одно замѣчаніе, ставши на его же точку зрѣнія. Очевидно, автору не приходило даже въ голову очень простое соображеніе, что если Шекспиръ былъ дѣйствительно одаренъ громаднымъ драматическимъ талантомъ, что не отрицаетъ самъ Рюмелинъ [1]), то ему нечего было насиловать себя, поддѣлываясь подъ измѣнчивый вкусъ публики; сильный талантъ всегда съумѣетъ увлечь публику за собой и заставить ее, даже вопреки ея желанію, сочувствовать своимъ созданіямъ; если Шекспиръ могъ имѣть успѣхъ только подъ условіемъ постоянныхъ жертвованій своей художественной самостоятельностью, если ему нечего было сказать міру, то очевидно, что онъ былъ не лучше современныхъ ему драматурговъ, изъ которыхъ нѣкоторые дѣйствительно льстили дурнымъ вкусамъ толпы. Это внутреннее противорѣчіе подъѣдаетъ въ самомъ корнѣ искусно составленную теорію автора объ отношеніи Шекспира къ современной ему публикѣ. Притомъ же авторъ забываетъ, что драмы Шекспира давались передъ

[1]) Ibid. стр. 50.

той же публикой, которая оцѣнила произведенія школы противоположной Шекспиру не только по направленію, но по драматическимъ пріемамъ, даже языку. Остается предположить, что таже публика имѣла два различные масштаба — одинъ для представителей исторической трагедіи, другой для школы мѣщанской комедіи, одинъ для Пиля, Марло и Шекспира, другой для Бенъ-Джонсона, Бомона и Флетчера. Странная была публика!

Въ пятой главѣ авторъ идетъ еще дальше въ своихъ отрицаніяхъ. Соглашаясь, что Шекспиръ обладалъ громаднымъ драматическимъ дарованіемъ, Рюмелинъ въ тоже время отказываетъ ему въ знаніи практической жизни. Знаніе человѣческаго сердца — говоритъ онъ — внутренній опытъ, далеко не исчерпываютъ собою задачи драматурга. Дѣйствіе, изображаемое въ драмѣ, вытекаетъ не изъ одного только характера или настроенія дѣйствующихъ лицъ; оно опредѣляется также совокупностью различныхъ общественныхъ условій, и весьма часто этотъ второй факторъ бываетъ сильнѣе перваго и опредѣляетъ собою направленіе драматическаго дѣйствія. Для того, чтобы вѣрно оцѣнить значеніе этого элемента, мало внутренняго опыта, нужно знаніе жизни, богатый запасъ практическихъ наблюденій, который пріобрѣтается только опытомъ, обращеніемъ въ различныхъ сферахъ общественной жизни. Что Шекспиръ не въ значительной степени обладалъ этимъ необходимымъ для драматурга условіемъ—достаточно объясняется его отношеніями къ современному обществу. Очевидно, о строгой причинности, царствующей въ человѣческихъ дѣлахъ, о томъ глубокомъ вліяніи, которое оказываетъ общество на каждаго изъ своихъ членовъ,—не могъ имѣть яснаго представленія тотъ, кто самъ находился въ исключительномъ положеніи по отношенію къ обществу, чья дѣятельность ограничивалась подмостками театра, чье ремесло и призваніе считались предосудительными. По словамъ Рюмелина, плохое пониманіе практической жизни составляетъ весьма выдающуюся черту Шекспирова творчества. Онъ ставитъ дѣйствіе въ зависимость отъ характеровъ гораздо въ большей степени, чѣмъ намъ показываетъ опытъ; онъ ничего не хочетъ знать о смягчающей и нейтрализующей силѣ обстоятельствъ. Любовь, ненависть, честолюбіе, охвативши у него извѣстныя личности, влекутъ ихъ къ самымъ крайнимъ поступкамъ, а разумъ не только не управляетъ страстью человѣка, но кажется еще болѣе воспламеняетъ ее. Благодаря этой особенности Шекспирова таланта, образы, имъ созданные, кажутся цѣльнѣе, величавѣе, ярче, болѣе привлекаютъ къ себѣ симпатіи толпы, тогда какъ тонкія черты гётевскихъ характеровъ

кажутся блѣдными неизощренному глазу [1]). По мнѣнію Рюмелина, Гёте далеко превосходитъ Шекспира въ знаніи жизни. Какъ и слѣдовало ожидать, авторъ объясняетъ это превосходство не врожденнымъ даромъ наблюдательности, но болѣе благопріятными условіями, въ которыя былъ поставленъ нѣмецкій поэтъ-министръ, дававшими ему больше возможности наблюдать жизнь и людей. Гёте, говоритъ онъ, постоянно вращавшійся въ обществѣ, не обязанный угождать вкусамъ одной какой-нибудь части театральной публики, рисуетъ намъ человѣка реальнаго, дѣйствія котораго обусловлены множествомъ внѣшнихъ условій; Шекспиръ, стоявшій внѣ общества, не знавшій жизни и вдобавокъ обязанный удовлетворять вкусамъ избраннаго кружка, изображаетъ намъ въ яркихъ образахъ основныя черты человѣческой природы, выводя ихъ изъ глубины своего духа и упуская изъ виду вліяніе общественной среды и множество мелкихъ условій, могущихъ ослабить и съузить проявленія самой горячей страсти. Короче сказать, Шекспиръ изображаетъ въ своихъ драмахъ коренные феномены человѣческой природы, которыя въ дѣйствительности никогда не встрѣчаются въ такой полнотѣ и чистотѣ; Гёте выводитъ передъ нами сложныя явленія дѣйствительной жизни, реальность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Первые эффектнѣе и понятнѣе для толпы; внутренняя прелесть послѣднихъ открывается только немногимъ посвященнымъ [2]). Авторъ оканчиваетъ пятую главу своей книги положеніемъ, что между драмами Шекспира едва ли найдется одна, обладающая вполнѣ связнымъ и прагматическимъ дѣйствіемъ — положеніемъ, которое онъ берется доказать въ слѣдующихъ главахъ.

Но слѣдить далѣе за нашимъ авторомъ было бы дѣломъ, столько же утомительнымъ, сколько и безполезнымъ. Впрочемъ, разставаясь съ Рюмелиномъ, не можемъ не замѣтить, что въ замѣчаніяхъ его, какъ они ни кажутся съ перваго раза странными, есть доля справедливости. Дѣйствительно, уже не разъ было замѣчено, что нѣкоторыя изъ произведеній даже зрѣлой поры Шекспирова творчества страдаютъ отсутствіемъ внѣшняго прагматизма и подчасъ не совсѣмъ естественнымъ мотивированіемъ дѣйствія. Такъ, между прочимъ, Гёте весьма основательно находилъ вступательную сцену короля «Лира» невозможной и удивлялся геніальности поэта, съумѣвшаго изъ такой неестественной, сказочной завязки развить богатое драматическое дѣйствіе. По-

1) Shakspeare-Studien, стр. 50—55.
2) Ibid. стр. 56—57.

добные промахи можно найти и въ другихъ произведеніяхъ Шекспира, но сколько извѣстно они не составляютъ одной изъ особенностей его творчества и происходятъ не отъ недостаточнаго знакомства съ жизнію, какъ думаетъ Рюмелинъ, а отъ причинъ гораздо болѣе общихъ. Любовь къ фантастическимъ сюжетамъ была общей страстью драматурговъ XVI в., въ особенности той школы, къ которой принадлежалъ Шекспиръ. Подобно своимъ товарищамъ, онъ заимствовалъ сюжеты своихъ драмъ изъ итальянскихъ новеллъ во французскихъ и англійскихъ передѣлкахъ, изъ старинныхъ англійскихъ хроникъ, словомъ изъ тѣхъ источниковъ, гдѣ историческое и естественное чуднымъ образомъ переплетено съ сказочнымъ и фантастическимъ. Этотъ фактъ не могъ не быть извѣстнымъ автору, неоднократно упоминающему въ своей книгѣ объ источникахъ шекспировыхъ произведеній, и мы предоставляемъ судить читателямъ, насколько основательно выводить изъ него заключеніе о плохомъ знакомствѣ Шекспира съ жизнію. Мы согласны съ Рюмелиномъ, что у Гёте найдется меньше промаховъ въ мотивированіи дѣйствія, чѣмъ у Шекспира, но развѣ это мелкое преимущество можетъ служить доказательствомъ бо̀льшаго знанія жизни или высшихъ драматическихъ дарованій поэта? Въ такомъ случаѣ любого французскаго драматическихъ дѣлъ мастера нужно поставить выше Гёте и Шекспира. Еще болѣе ошибочно отказывать Шекспиру въ знаніи жизни на томъ основаніи, что его герои нарисованы слишкомъ крупными чертами, что страсть, охватившая разъ ихъ душу, не хочетъ знать никакихъ сдѣлокъ съ разсудкомъ и идетъ своимъ путемъ, разрушая стоящія на дорогѣ общественныя условія. Авторъ очевидно упустилъ изъ виду то обстоятельство, что Шекспиръ выбиралъ именно тотъ моментъ изъ жизни своихъ героевъ, когда страсть ихъ достигла высшей точки своего напряженія, когда сила обстоятельствъ не могла уже оказать на нее своего нейтрализующаго вліянія. Взятая въ этомъ моментѣ ея развитія, страсть дѣйствительно есть нѣчто величавое, роковое, трагическое. Такую-то всепоглощающую страсть, составляющую первое условіе трагедіи, изображалъ Шекспиръ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ очень хорошо зналъ, что герою трагедіи мы скорѣй извинимъ излишній паѳосъ его страсти, нежели ея отсутствіе. Въ самомъ слабомъ изъ его героевъ (Гамлетѣ) гораздо больше страсти, огня, увлеченія, чѣмъ въ вяломъ и разсудительномъ Эгмонтѣ. Личное величіе, геніальная сила духа есть первое качество трагическаго героя; мы можемъ его любить или ненавидѣть, но не можемъ не удивляться ему. И въ выборѣ шекспи-

ровскихъ героевъ и въ очертаніи ихъ характеровъ видны столько же глубокое знаніе жизни, сколько и геніальный драматическій инстинктъ англійскаго драматурга.

Въ заключеніе замѣтимъ, что мы не раздѣляемъ надеждъ, возбужденныхъ книгой Рюмелина въ нѣкоторой части нѣмецкой журналистики. Несмотря на безспорную даровитость автора, направленіе, представителемъ котораго онъ такъ смѣло выступаетъ, можетъ оставить прочныхъ слѣдовъ въ наукѣ. Считая внутне реннее лишь отраженіемъ внѣшняго, крайняя реалистическая критика не въ состояніи объяснить такого необычайнаго феномена, какъ поэтическій геній Шекспира; она отказываетъ Шекспиру въ знаніи жизни лишь потому, что, по ея мнѣнію, онъ стоялъ въ ненормальныхъ отношеніяхъ къ современному обществу; она отрицаетъ художественное единство и цѣлость его драмъ на томъ основаніи, что публика того времени больше обращала вниманіе на эффектныя частности, чѣмъ на стройность цѣлаго. Этими отрицаніями она сама себѣ произнесла безвозвратное осужденіе, ибо признаніе поэтической дѣятельности, какъ самостоятельной функціи человѣческаго духа, должно, по нашему мнѣнію, составлять точку отправленія истинной критики. Несомнѣнно, что среда и люди имѣютъ вліяніе на образованіе и направленіе поэтическаго таланта, но ихъ совокупное вліяніе не въ состояніи измѣнить коренныхъ основъ его природы. Много-ли, мало-ли вращался Шекспиръ въ обществѣ, вопросъ этотъ, весьма важный для біографіи поэта, не представляетъ большого значенія при оцѣнкѣ его драматическаго генія, такъ какъ знаніе человѣка было врождено Шекспиру, какъ и всякому другому великому поэту. Ульрици прекрасно замѣчаетъ, что глубокое знаніе жизни и людей, которое составляетъ едва-ли не самую яркую особенность Шекспирова генія, ни въ какомъ случаѣ не могло быть результатомъ эмпирическихъ наблюденій; подобнымъ путемъ образовываются дипломаты, моралисты или евреи-разнощики, но только не поэты. Его вѣрныя описанія самыхъ разнообразныхъ и притомъ ненормальныхъ душевныхъ состояній (какъ-то: меланхоліи, безумія, лунатизма и т. д.), которыя, очевидно, не могли быть ему извѣстны изъ опыта, сильнѣе всего доказываютъ, что источникъ его знанія вытекалъ изъ глубины его поэтическаго прозрѣнія въ сущность человѣческой природы [1]). Тоже самое можно сказать и о художественной цѣлости произведеній Шекспира. Безспорно, что вкусъ публики,

[1]) Shakspeare's Dramatische Kunstgeschichte. Zweite Auflage, стр. 299.

извѣстнаго настроенія общественнаго сознанія въ данную минуту, могли оказать вліяніе на выборъ Шекспиромъ того или другого сюжета для его драмъ. Но какъ скоро онъ начиналъ творить, требованіе публики незамѣтно отступало на второй планъ; фантазія его дѣйствовала по своимъ собственнымъ законамъ и, такъ сказать, инстинктивно создавала художественное цѣлое.

Съ другой стороны, мы не причисляемъ автора разбираемой нами книги къ той жалкой семьѣ отрицателей всего великаго, къ которой его во что бы то ни стало хотятъ причислить его противники. Въ его ошибкахъ и парадоксахъ отчасти виновата сама нѣмецкая критика. Скептицизмъ Рюмелина есть логическій выводъ изъ тѣхъ шаткихъ, волнующихся теорій, которыми, за отсутствіемъ прочнаго метода, довольствовалась до сихъ поръ Шекспировская критика. Среди самодовольнаго упоенія своимъ торжествомъ, которое какъ-то особенно овладѣло ею со времени учрежденія нѣмецкаго шекспировскаго общества, скептическій смѣхъ Рюмелина раздается какъ страшное memento mori, какъ зловѣщія предсказанія Локи на пиршествѣ боговъ въ скандинавской миѳологіи. Въ этомъ настоятельномъ требованіи пересмотра существующихъ методовъ шекспировской критики главнымъ образомъ заключается заслуга Рюмелина. Хотя авторъ и не былъ въ состояніи проложить новой дороги къ шекспировской критикѣ, но онъ превосходно показалъ, что идя по старой, мы въ сущности нисколько не подвигаемся впередъ, а вращаемся въ заповѣдномъ кругу различныхъ философскихъ отвлеченій и субъективныхъ фантазій, откуда нѣтъ выхода на чистое поле фактическаго изученія.

Этюдъ нашъ приближается къ концу. Мы разсмотрѣли главныя, такъ сказать, типическія направленія Шекспировской критики въ Германіи отъ Лессинга до настоящаго времени. Смѣемъ думать, что отъ читателей не ускользнула истинная причина тѣхъ противорѣчащихъ другъ другу воззрѣній, которыя такъ непріятно пестрятъ собою нѣмецкую критику. Отсутствіе устойчивости во взглядахъ нѣмецкихъ критиковъ на Шекспира заключается, съ одной стороны, въ отсутствіи прочно-выработаннаго критическаго метода; съ другой стороны въ добровольномъ подчиненіи нѣмецкой критики формуламъ отвлеченной философіи, въ желаніи прилагать къ художественнымъ произведеніямъ принципы, выросшіе по большей части на почвѣ чуждой искусству. Нѣмецкую критику въ обширномъ смыслѣ можно назвать критикой предвзятыхъ идей, порожденныхъ мимолетными философскими направленіями. Пониманіе художественнаго произведенія

путемъ потрясеннаго ощущенія, такъ настоятельно требуемое Тикомъ, и до сихъ поръ остается pium desiderium; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного сочиненія, гдѣ бы этотъ принципъ былъ выдержанъ отъ начала до конца. Притомъ же, сосредоточивъ свое вниманіе на внутреннемъ смыслѣ произведеній Шекспира, на особенностяхъ его какъ поэта, психолога и моралиста, нѣмецкая критика оказала непростительное равнодушіе къ достоинствамъ Шекспира, какъ драматурга. Правда, Лессингъ еще въ прошломъ столѣтіи провозгласилъ Шекспира первымъ драматургомъ міра и на разборѣ «Гамлета», «Ромео и Юліи» и «Ричарда III» показалъ, въ чемъ состоитъ принципъ его творчества и чѣмъ его драматическое искусство превосходитъ драматическое искусство Вольтера и ложно-классической трагедіи, но къ сожалѣнію послѣдующая критика мало заботилась о томъ, чтобъ развить его принципы и приложить ихъ къ другимъ произведеніямъ Шекспира. Чѣмъ болѣе мы подвигаемся къ нашему времени, тѣмъ одностороннѣе становится критика, тѣмъ меньше она обращаетъ вниманія на чисто-драматическія достоинства шекспировыхъ трагедій. Еще у Шлегеля и у романтиковъ мы встрѣтимъ, хоть изрѣдка, разсужденіе о драматическихъ достоинствахъ Шекспира и объ отличіи его стиля отъ стиля древней трагедіи. Какъ бы ни глумились надъ романтиками Гервинусъ и его послѣдователи, не нужно забывать, что честь исторической постановки вопроса о Шекспировой драмѣ должна быть приписана имъ. Отправившись отъ мысли, уже вскользь высказанной Герстенбергомъ, что къ англійской драмѣ нельзя прилагать масштаба классической эстетики, романтики старались понять Шекспира въ связи съ современнымъ ему драматическимъ движеніемъ въ Англіи и провести раздѣльную черту между принципами классической и англійской драмы. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что для оцѣнки драматическаго стиля и техники Шекспировой драмы, романтики сдѣлали не много. Еще съ меньшимъ основаніемъ мы можемъ надѣяться найти оцѣнку драматическаго генія Шекспира въ многочисленныхъ сочиненіяхъ той школы, которая выросла на началахъ Гегелевой философіи искусства. Между тѣмъ упущеніе изъ виду этого вопроса подрываетъ эстетическую критику въ самыхъ ея основаніяхъ. Драма есть самостоятельный родъ поэзіи, имѣющей свои собственныя цѣли, равно какъ свои собственныя средства для достиженія этихъ цѣлей. Цѣль драмы, какъ поэтическаго произведенія вообще, прекрасно опредѣлена самимъ Шекспиромъ въ извѣстныхъ словахъ Гамлета актерамъ

(актъ III, сцена 2-я). Но кромѣ того драма имѣетъ свою специальную цѣль—доставить эстетическое наслажденіе собравшейся въ театръ публикѣ. Какъ бы ни были велики поэтическія достоинства драматическаго произведенія, но коль скоро оно лишено чисто-драматическихъ достоинствъ, успѣхъ его ничѣмъ не обезпеченъ. Искусство драматурга состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть употребить свои поэтическія силы, свое знаніе людей и жизни на служеніе цѣлямъ драматическимъ. Отъ драматурга требуется въ одинаковой степени психологическій анализъ страстей, умѣнье живо изображать человѣческіе характеры и искусство сдѣлать ихъ драматическими двигателями происходящаго передъ зрителями дѣйствія [1]. Эта-то сторона вопроса почти совершенно оставлена въ тѣни нѣмецкой критикой. Среди множества самыхъ глубокомысленныхъ разсужденій о нравственныхъ, философскихъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ Шекспира, которыми не въ мѣру пересыпаны сочиненія Ульрици, Ретшера, Гервинуса и т. д., мы тщетно старались найти обстоятельное, чуждое предвзятыхъ идей разсмотрѣніе особенностей его драматическаго стиля. Добросовѣстный Юліанъ Шмидтъ открыто сознается, что для техники Шекспировой драмы нѣмецкая критика сдѣлала очень мало, несмотря на всю свою философію [2].

Высказывая свой взглядъ о важности изученія техники и художественной постройки Шекспировой драмы, мы далеки отъ безразсудной мысли видѣть въ Шекспирѣ только великаго драматическихъ дѣлъ мастера, какимъ онъ кажется напр. Рюмелину; но мы глубоко убѣждены, что истинная оцѣнка Шекспирова генія должна начаться съ этой стороны, что не рѣшивши вопроса, насколько поэтическое вдохновеніе Шекспира было связано законами драматическаго искусства, мы не можемъ твердымъ шагомъ подвигаться впередъ въ изученіи другихъ сторонъ его генія. Къ тому же, читая произведенія Шекспира, мы изумляемся глубинѣ его мыслей, зоркости его взгляда, проникающаго въ самые затаенные уголки человѣческаго сердца, наконецъ, поэзіи его языка; но только тотъ, кто видѣлъ его драмы на сценѣ, кто испыталъ на себѣ чарующую силу его драматическаго генія, можетъ сказать, что онъ знаетъ Шекспира. Желательно было бы, чтобъ оцѣнка драма-

---

[1]) См. мастерское развитіе этой мысли въ «Edinburgh Review», 1849. Іюль, стр. 40 — 44.

[2]) Geschichte der deutschen Literatur seit Lessing's Tag. Vierte Auflage I, стр. 376. Исключеніе изъ этого не составляетъ и прекрасное сочиненіе Густава Фрейтага *Die Technik des Drames*, Leipzig, 1863, потому что въ немъ авторъ касается Шекспира только мимоходомъ.

тическихъ достоинствъ произведеній Шекспира занимала видное мѣсто въ общей оцѣнкѣ его генія, чтобы критика, вмѣсто того, чтобъ ежеминутно расширять почву изслѣдованія, старалась бы болѣе углубить ее [1]). Мы вполнѣ увѣрены, что нѣмецкая критика съ честью выйдетъ изъ неловкаго положенія, въ которое ее поставило увлеченіе гегелевой философіей искусства, что развязавшись навсегда съ условными принципами этой, отжившей свой вѣкъ, философіи, она съумѣетъ найти въ вѣчныхъ законахъ эстетическаго чувства истинный масштабъ для оцѣнки художественнаго значенія произведеній Шекспира. Въ этомъ между прочимъ насъ убѣждаетъ и та неизмѣнная любовь и благоговѣніе къ Шекспиру, которыя такъ выгодно отличаютъ мыслящую часть нѣмецкаго народа. Сколько различныхъ философскихъ повѣтрій пронеслось надъ Германіей съ тѣхъ поръ, какъ Лессингъ открылъ изумленному міру величіе Шекспирова генія! Несмотря на то, что эти повѣтрія оказали въ общей сложности не совсѣмъ благопріятное вліяніе на нѣмецкую критику — Шекспиръ остался по прежнему безраздѣльнымъ властелиномъ германскаго сознанія, и прибавимъ — власть эта не прекратится, пока въ человѣческой груди уцѣлѣетъ влеченіе къ великому, пока геній и талантъ будутъ возбуждать удивленіе и восторгъ человѣчества.

Н. Стороженко.

Лондонъ. 1869.

---

[1]) Опыты подобнаго изученія Шекспира не рѣдкость въ англійской и американской литературѣ. Какъ на недавній примѣръ въ этомъ родѣ, укажемъ на прекрасный разборъ вступительной сцены *Тимона Аѳинскаго*, помѣщенный въ бостонскомъ изданіи «The Atlantic Monthly» 1856, іюнь.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Въ наше время сдѣлалось почти трудно говорить о томъ или другомъ явленіи въ русской современной литературѣ, — до такой степени запутанъ и затемненъ смыслъ и истинное значеніе тѣхъ двухъ терминовъ, которыми наша критика старается обозначить двѣ эпохи одного и того же литературнаго періода, отчасти пережитого, отчасти и до сихъ поръ переживаемаго нами. Всѣ говорятъ, что наша литература въ настоящую минуту представляетъ два поколѣнія писателей и два соотвѣтствующихъ имъ направленія — «старое» и «новое», старое и молодое; какъ фактъ естественный во всемъ, что движется впередъ и успѣваетъ, такое раздѣленіе не представляетъ въ себѣ ничего спорнаго. Но что такое новое направленіе? Это — вопросъ, породившій у насъ самъ цѣлую литературу и можетъ быть болѣе обширную, чѣмъ сама литература вмѣстѣ взятая. Что за «новое направленіе», скажутъ многіе, откуда оно явилось и что вы разумѣете подъ нимъ? Ужъ не то ли зовете вы новымъ направленіемъ, къ чему всякій порядочный человѣкъ долженъ относиться съ презрѣніемъ и негодованіемъ? Кого вы честите писателями молодого поколѣнія не этихъ ли бездарныхъ писакъ, изображающихъ съ грязнымъ цинизмомъ пьянаго мужика, бурсака, голодныхъ студентовъ, людей крайнихъ мнѣній, соціалистовъ, коммунистовъ, однимъ словомъ, всяческихъ враговъ общественнаго спокойствія, собственности, семьи, религіи и всѣхъ основъ цивилизованнаго общества? Неужели, воскликнутъ наши читатели, вы рѣшаетесь говорить объ этой литературной черни, не имѣющей ni foi, ni loi, и которая развелась у у насъ къ стыду и горю русской литературы? Дѣйствительно, въ

наше смутное для идей время могло произойти то, что новое направленіе въ литературѣ было встрѣчено вышепоименованными эпитетами; одни не даютъ себѣ труда вникнуть въ несомнѣнный фактъ, что это направленіе существуетъ, и понять его внутреннее значеніе; другіе упорствуютъ ходить по заднимъ дворамъ литературы.

Но есть и другая причина, вызывающая неумѣренное негодованіе ко всякой попыткѣ новаго литературнаго направленіе завоевать себѣ надлежащее мѣсто, и молодое поколѣніе писателей обнаружило бы крайнюю недальновидность съ своей стороны, если бы отвѣтило тѣмъ же и не съумѣло признать устарѣлыхъ понятій и симпатій значительной части нашего общества, совершенно естественно вытекающими изъ цѣлаго строя жизни, среди котораго выросло и воспиталось это старое поколѣніе. Въ нашей общественной жизни совершился важный переворотъ; хотятъ однако, чтобы въ нашей литературѣ такого перелома не было, хотятъ, другими словами, жить прошедшимъ хоть въ литературѣ, если это сдѣлалось невозможнымъ въ дѣйствительности. Желаніе весьма понятное; обвинять людей за то, что они воспитались въ своихъ идеяхъ — несправедливо, и можно только развѣ сѣтовать на тотъ строй, который въ прежнія времена отдѣлялъ русское общество китайскою стѣною отъ западной цивилизаціи. Перелѣзть, да и то мысленно, эту стѣну могли только немногіе, избранные, а отъ цѣлаго общества нельзя спрашивать того, что составляетъ принадлежность исключительныхъ натуръ. Тѣмъ не менѣе, можно было все-таки надѣяться, что старое общество, хотя и выращенное на особой политической нравственной почвѣ, отнесется къ новымъ стремленіямъ и новымъ идеаламъ нѣсколько иначе, чѣмъ оно отнеслось въ дѣйствительности. Надежда эта не была чисто произвольная, она основывалась на томъ, что въ этомъ обществѣ среди пустынной тишины и мертвеннаго спокойствія раздавались все-таки голоса такихъ людей, какими были Гоголь, Бѣлинскій и нѣкоторые другіе.

Откуда же произошло то печальное явленіе, что между двумя поколѣніями, слѣдующими въ литературѣ другъ за другомъ, совершился такой опасный разрывъ, исчезла всякая преемственность, которая должна дѣлать нормальнымъ переходъ отъ одного поколѣнія къ другому, такъ что дѣло предшественниковъ передается изъ рукъ въ руки ихъ преемникамъ? Гдѣ корень этого разлада, этой настоящей борьбы между прошедшимъ и будущимъ, борьбы, которая не только безплодна, но положительно вредна для общества? Мы склонны думать, что люди идей другого времени, заключали въ себѣ настолько силы, чтобы съумѣть понять и болѣе или менѣе войти въ положеніе тѣхъ, которые явились, чтобы смѣнить ихъ.

Но у нихъ недостало силы, чтобы отнестись къ новому безпристрастно, и отсюда произошелъ тотъ грустный разладъ въ русскомъ обществѣ, между людьми различныхъ эпохъ и различныхъ міросозерцаній. Разладъ литературный не замедлилъ раздѣлить и общество на два лагеря.

Къ этой причинѣ разлада должна быть присоединена еще одна, въ которой, правда, люди идей сороковыхъ годовъ нисколько не повинны, но которая тѣмъ не менѣе имѣла самыя грустныя послѣдствія. Причина эта заключается въ той непримиримой злобѣ извѣстной части удаляющагося со сцены поколѣнія, которою всегда преслѣдовалось и до сихъ поръ преслѣдуется все живое, все новое, все, что высказывается противъ отживающаго порядка, надѣлявшаго однихъ всѣми правами, обременявшаго другихъ всѣми обязанностями. Вражду эту нѣкогда вынесли люди сороковыхъ годовъ сами на себѣ. Дѣйствительно, двадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ, та вражда была направлена противъ того самаго лагеря русскаго общества, который теперь съ такимъ недовѣріемъ относится къ выросшимъ уже въ нѣсколько другихъ условіяхъ людямъ. Самое странное въ этомъ озлобленномъ отношеніи людей сороковыхъ годовъ къ людямъ шестидесятыхъ заключается именно въ томъ, что эти люди сороковыхъ годовъ точно забыли какую роль играли они сами, когда были молоды, и когда представляли собою, по крайней мѣрѣ въ своихъ лучшихъ членахъ, поколѣніе недовольныхъ. Но дѣло, можетъ быть, заключается въ томъ, что недовольство ихъ извѣстнымъ общественнымъ порядкомъ носило на себѣ характеръ по преимуществу идеалистическій. Эти два разряда людей съ различными понятіями, которые до 1855 года стояли другъ противъ друга, и изъ которыхъ одни находили, что порядокъ всецѣло господствовавшій тогда, порядокъ, основанный на полнѣйшемъ безправіи массы общества, есть лучшій, совершеннѣйшій порядокъ, и другіе глухо протестовавшіе противъ неестественныхъ условій, въ которыя заключена была русская жизнь, теперь соединились отчасти въ своемъ враждебномъ отношеніи противъ людей новой мысли, или вѣрнѣе, той же старой, но получившей только дальнѣйшее развитіе.

О людяхъ первой категоріи не нужно и говорить. Они остались вѣрны себѣ: скрученные реакціею, они не могли никогда освободиться отъ нея, они вкусили всѣ плоды ея, воспитались въ ней и сдѣлались безпрекословными защитниками порядка, не признававшаго слова «право». Люди эти, кричавшіе о нравственныхъ основахъ общества, кажется, и не подозрѣвали, что нравственнаго было въ немъ менѣе всего. Они были, слѣдовательно,

совершенно логичны, преслѣдуя и отъ души ненавидя превратныя, по ихъ мнѣнію, понятія людей новыхъ идей; они были послѣдовательны, когда вызывали противъ нихъ гоненія, да иначе и быть не могло, когда всѣ идеи, всѣ стремленія одного были буквально противоположны идеямъ и стремленіямъ другого. Тутъ открытая борьба между двумя началами, изъ которыхъ одно выходитъ изъ уничтоженія личности, другое изъ требованія для нея правъ на полное существованіе и самостоятельное развитіе. Такія начала не могутъ сойтись, одно или другое должно быть попрано; старое, вымирающее начало не хочетъ уступить своего мѣста безъ боя, и никто, конечно, не можетъ на него за это претендовать. Оно въ своей ролѣ; пусть же оно и дотягиваетъ ее до конца, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть и не заблуждается относительно своей силы. Правда, въ нашемъ болѣзненномъ, лихорадочномъ развитіи, въ нашей общественной жизни бываютъ минуты, когда эта разлагающаяся сила даетъ себя чувствовать, она сказывается еще какими-то пароксизмами, но тѣмъ не менѣе, сила эта не нормальная, свѣжихъ, жизненныхъ соковъ нѣтъ больше, тутъ ей предназначено дойти до окончательнаго разложенія. Не будемъ ее трогать, оставимъ ее спокойно умирать.

Если разрывъ между этого рода людьми и людьми новыхъ понятій совершенно понятенъ и представляется неизбѣжностью, то не такъ должно было бы быть съ другою частью стараго поколѣнія, которая въ 40-хъ годахъ сама вызывала противъ себя гоненія, какъ всякая свѣжая, протестующая сила. Озлобленное отношеніе людей сороковыхъ годовъ къ идеямъ 60-хъ годовъ наводитъ на самыя печальныя размышленія, потому что оно указываетъ, какъ мало можно разсчитывать на правильное развитіе русскаго общества, оно показываетъ, какая рыхлая почва у насъ подъ ногами и какъ легко можемъ мы завязнуть въ болотѣ въ то самое время, когда мечтаемъ стоять уже на гранитной скалѣ. Когда мы прислушиваемся къ шопоту людей сороковыхъ годовъ, когда мы читаемъ то, что писалось между строкъ, и вникаемъ въ скрытый смыслъ того, что печаталось, Боже мой, сколько радостныхъ мыслей начинаетъ шевелиться въ головѣ, сколько сладкихъ надеждъ возникаетъ на то, что поколѣніе, питавшееся постояннымъ недовольствомъ общественнымъ строемъ Россіи, мучившееся безплоднымъ протестомъ противъ административнаго произвола, давившаго нравственное развитіе, окажется готовымъ, чтобы идти впередъ и освѣтить своею опытностью дорогу къ новой общественной жизни. Чего только нельзя было надѣяться, слушая лучшихъ учителей изъ стараго поколѣнія! Какъ было не думать, что люди сороковыхъ годовъ не только

съ радостью отзовутся на всякое живое слово тѣхъ, кто долженъ былъ имъ наслѣдовать, но сами станутъ впереди движенія, указывая дорогу молодой, горячей, но неопытной еще силѣ людей новыхъ понятій. Всѣ эти надежды и упованія оказались принадлежащими къ области иллюзій; мало того, что онѣ не оправдались, онѣ еще дали совершенно противоположные результаты. Въ этихъ людяхъ новыхъ понятій, когда они встрѣтили отпоръ лучшимъ своимъ стремленіямъ въ старшемъ поколѣніи, могло закрасться сомнѣніе, они могли задать себѣ и въ самомъ дѣлѣ задали вопросъ: насколько серьезно было въ людяхъ сороковыхъ годовъ то недовольство, о которомъ такъ много было говорено, насколько дѣйствительна была потребность, жажда новой жизни, насколько истинно было стремленіе ихъ къ инымъ общественнымъ началамъ, насколько крѣпко было въ нихъ сознаніе, что въ основаніи людскихъ отношеній лежала крайняя, вопіющая несправедливость? Можно было спросить, не было ли все недовольство, весь шевелившійся въ нихъ протестъ противъ стараго порядка, ни болѣе, ни менѣе, какъ игрушкою, которая развлекала въ скучные годы, не былъ ли протестъ только поводомъ, чтобы рисоваться и рядиться въ павлиныя перья? Этотъ обидный вопросъ, это обидное сомнѣніе, вызванное, безъ сомнѣнія, раздраженіемъ, еще болѣе вооружило людей старыхъ понятій противъ людей молодыхъ, вступавшихъ только въ жизнь. Сомнѣніе это было тѣмъ болѣе непріятно, что въ немъ скрывалась, хотя и выраженная въ слишкомъ грубой формѣ, своя доля справедливости. Люди сороковыхъ годовъ—разумѣется, мы говоримъ о лучшихъ людяхъ—не рядились въ павлиныя перья, они не красовались только недовольствомъ, они въ самомъ дѣлѣ были воодушевлены гуманными и либеральными идеями, но они стояли на слишкомъ идеальной почвѣ, и ихъ въ значительной степени удовлетворяло литературное чувство сознанія, что жизнь при данныхъ условіяхъ не совсѣмъ красива, что извѣстный порядокъ дуренъ, что въ немъ должны были бы быть сдѣланы кое-какія перемѣны. Затѣмъ они уже мало заботились, что́ дурно, что́ должно быть сдѣлано, какъ далеко должна быть измѣнена общественная жизнь, гдѣ коренится главное зло, и что̀ нужно сдѣлать, чтобы избавиться отъ него. Направленіе по преимуществу отрицательное, не ставившее предъ собою никакихъ опредѣленныхъ задачъ, никакихъ ясно формулированныхъ требованій. Это было какъ бы романическое направленіе въ дѣйствительной жизни. Другого рода вопросъ, были ли люди сороковыхъ годовъ виноваты, что они оставались безъ опредѣленныхъ идеаловъ, что они вращались главнымъ образомъ въ сферѣ сомнѣній, что они проводили свою

жизнь въ изящномъ уныніи и недовольномъ бездѣйствіи? На этотъ вопросъ невозможно отвѣчать утвердительно; жизненная обстановка, условія ихъ развитія были до того неблагопріятны, что у насъ не повернется языкъ сказать, зачѣмъ они не были тѣмъ или другимъ, не хватитъ духу сдѣлать имъ упрекъ въ отсутствіи болѣе трезваго отношенія къ дѣйствительности. Когда подумаешь хорошенько, въ какой атмосферѣ должны они были жить и дышать, мы готовы скорѣе удивляться имъ и благодарить ихъ, что они не потеряли способности человѣчески мыслить и разсуждать. Подобная заслуга, по всей справедливости, не можетъ быть забыта, она должна много вѣсить въ сужденіяхъ людей новыхъ понятій о людяхъ старыхъ воззрѣній. Еслибы послѣдніе относились болѣе спокойно и безпристрастно къ первымъ, то они, быть можетъ, убѣдились бы, что и люди новаго направленія вовсе неповинны въ презрѣніи къ людямъ предшествовавшаго направленія, въ чемъ такъ упорно обвиняютъ ихъ, а что напротивъ, ошибка ихъ заключалась именно въ томъ, что на первыхъ порахъ они на людей сороковыхъ годовъ возложили слишкомъ смѣлыя надежды. Отъ людей сороковыхъ годовъ какъ бы ждали, что они не только будутъ всѣмъ существомъ своимъ сочувствовать всѣмъ стремленіямъ, всѣмъ порывамъ новыхъ идей, выходившихъ изъ ихъ же собственныхъ, но что въ общемъ движеніи впередъ, въ дѣлѣ смѣлаго развитія мысли и быстраго поворота отъ всего стараго ко всему новому, они будутъ стоять впереди другихъ. Наступила минута разочарованія; но спрашивается, кто въ ней виноватъ? безъ сомнѣнія тѣ, которые возлагали слишкомъ смѣлыя надежды на людей сороковыхъ годовъ.

Какъ бы то ни было, это разочарованіе, причины котораго оставались неразъясненными, раздражало какъ однихъ, такъ и другихъ. Фактъ тотъ, что когда наступила въ русскомъ обществѣ новая эпоха, люди сороковыхъ годовъ, съ ихъ отрицательно-идеалистическимъ направленіемъ, оказались слишкомъ робкими, какъ бы нежелавшими быстро двинуться впередъ, какъ стремилось къ тому молодое поколѣніе, точно крылья этихъ людей, на которыхъ они постоянно летали въ области метафизической философіи, были подрѣзаны. Они, казалось, испугались самаго движенія, мужества ихъ хватало сдѣлать шагъ, въ то время, когда отъ нихъ ожидали, что они сдѣлаютъ десять шаговъ. Они, не углубляясь до корня того зла, противъ котораго такъ долго роптали, сами испугались, отступились, и совершенно удовольствовались тѣмъ, что было сдѣлано на первыхъ порахъ. Можетъ быть даже и того, что было сдѣлано, для нихъ было уже слишкомъ много, такъ мало они приготовлены были, такъ мало

они думали о томъ, чтобы свои гуманныя стремленія переводить изъ области идеальныхъ разсужденій въ область реальной жизни. Странно было бы осуждать этихъ людей, что они не пошли такъ далеко, какъ желали того люди новаго міросозерцанія. Ихъ нерѣшительность, ихъ сомнѣніе, ихъ боязнь, наконецъ, передъ конечными выводами тѣхъ самыхъ идей, съ которыми они носились такъ долго, но носились точно въ облакахъ, мало размышляя о томъ, къ какимъ результатамъ должны онѣ были привести въ практической жизни,—все это, намъ кажется, довольно понятно.

Когда наступила въ Россіи, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, эпоха всеобщаго оживленія, эти люди были не столько стары годами, сколько усталостію, утомленіемъ, которое являлось прямымъ послѣдствіемъ забитости и придавленности, порожденными прежнимъ порядкомъ. Они были истрепаны жизнью, энергія, отвага пропали въ нихъ и они робѣли и не рѣшались переступить извѣстныхъ границъ, изъ которыхъ не выпускало ихъ старое общественное воспитаніе. Немного нашлось людей, которые сохранили настолько нравственной силы, чтобы не только не отстать отъ потока новыхъ идей, новыхъ конечно только для русскаго общества, не только бодро взглянуть на выводы тѣхъ самыхъ идей, которыя шевелились уже въ людяхъ сороковыхъ годовъ, но еще дальше прокладывать путь, очищать дорогу новымъ мыслямъ, новымъ понятіямъ, новому міросозерцанію. Эти немногіе люди сороковыхъ годовъ, безъ всякаго сомнѣнія, всецѣло принадлежатъ молодому поколѣнію, которое мы вовсе не думаемъ опредѣлять годами. Не года дѣлаютъ то, что человѣкъ принадлежитъ новому или старому поколѣнію въ обществѣ, а извѣстный строй понятій, извѣстное міросозерцаніе, которое подсказываетъ, въ какую категорію долженъ быть причисленъ тотъ или другой человѣкъ.

Этотъ кругъ понятій, это новое міросозерцаніе, по нашему убѣжденію, вовсе не таковы, чтобы они должны были вызвать вражду въ людяхъ старыхъ воззрѣній; тѣмъ болѣе не слѣдовало ожидать такой ожесточенной борьбы, что зародышъ новыхъ понятій, намекъ на новое міросозерцаніе уже существовали, правда, въ очень отвлеченной формѣ, въ людяхъ предшествовавшаго періода. Разумѣется, если мы взглянемъ на понятія, воззрѣнія, отношеніе людей новыхъ идей ко всѣмъ общественнымъ, политическимъ и нравственнымъ вопросамъ, не отдавая себѣ вовсе отчета, какъ развивались эти идеи, каковъ былъ историческій ходъ ихъ, насколько они имѣютъ свой корень въ идеяхъ тѣхъ самыхъ людей, которые теперь враждуютъ и негодуютъ противъ нихъ, то мы встрѣтимъ значительное раз-

личіе. Это различіе тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что идеи, понятія, воззрѣнія однихъ никогда не представлялись достаточно ясно людямъ стараго направленія, и въ этомъ, конечно, нельзя обвинять ни тѣхъ, ни другихъ, такъ какъ условія общественной жизни нашей вовсе не таковы, чтобы возможно было безпрепятственно, свободно выяснять міросозерцаніе новаго времени. Мы охотно готовы предположить, что если бы всѣ идеи и воззрѣнія новаго времени представлялись ясно общественному пониманію, то тогда не было бы той жалкой вражды между двумя направленіями, которая имѣла столько печальныхъ послѣдствій для русскаго общества. Выгода подобнаго уясненія была бы громадна, и если люди стараго направленія все-таки не раздѣлили бы идей новаго, то во всякомъ случаѣ, припоминая свое собственное развитіе, они относились бы спокойно и безпристрастно къ воззрѣніямъ другого времени и не видѣли бы крайней уродливости въ томъ, что составляетъ вполнѣ нормальное и естественное явленіе. Нынѣшняя вражда уступила бы мѣсто спокойному переходу отъ понятій одного времени къ понятіямъ другого. Къ сожалѣнію, такого выясненія воззрѣній, стремленій и идеаловъ не существовало, все дѣлалось, напротивъ, для того, чтобы исказить эти идеи и воззрѣнія, и тѣмъ еще болѣе запутать отношенія стараго и новаго, по идеямъ, общества.

Медвѣжью услугу въ дѣлѣ этой ссоры между двумя направленіями оказала наша отечественная литература, которая вмѣсто того, чтобы уяснять то, что было возможно въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ новаго времени, вмѣсто того, чтобы, благодаря такому разъясненію, сдѣлать переходъ отъ одного міросозерцанія къ другому естественнымъ, послѣдовательнымъ, постаралась только разжечь эту ни съ чѣмъ несообразную ссору. Обскурантная литературная клика, пользуясь тѣмъ, что писатели, представлявшіе собою новыя идеи, лишены были возможности такъ открыто, какъ она, высказать свои сомнѣнія, свои убѣжденія, свои воззрѣнія, стала уродовать эти понятія, клеветать на ихъ стремленія и запугивать честныхъ людей стараго направленія. Какая при этомъ была цѣль этой литературной клики, понять не трудно; обличая вымышленныя козни людей новыхъ идей, эта клика придавала себѣ важность, стремилась захватить первенствующую роль въ реакціонномъ движеніи, и усилія ея увѣнчались на время успѣхомъ. Русское общество было слишкомъ мало подготовлено, чтобы отвернуться съ презрѣніемъ отъ тѣхъ, которые вызывали гоненія и преслѣдованія противъ всего, что осмѣливалось самостоятельно думать. Въ этой литературной кликѣ были и свои публицисты, и свои критики, и свои романисты, которые не за-

служиваютъ даже того, чтобы мы упоминали здѣсь ихъ имена. Къ несчастью русскаго общества, на помощь къ этой жалкой кликѣ явились честные и талантливые писатели стараго направленія, которые, мы нисколько не сомнѣваемся въ этомъ, никогда не желали своимъ вмѣшательствомъ подливать масла въ огонь, и еще болѣе разжигать и безъ того ожесточенную въ литературѣ борьбу двухъ поколѣній. Вмѣшательство это было самаго опаснаго свойства, такъ какъ оно узаконяло болѣе или менѣе тѣ клеветы, ту грязь, которою бросала литературная клика, ловившая рыбу въ мутной водѣ. Капитальная ошибка этихъ честныхъ и талантливыхъ писателей заключалась въ томъ, что, изображая молодое поколѣніе далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ, болѣе по словамъ его враговъ, нежели по близкому знакомству съ нимъ, они становились какъ бы солидарны съ тою зловредною кликою, съ которой они не имѣли и не могутъ имѣть ничего общаго. Художественное ихъ чутье на этотъ разъ обмануло ихъ, они поддались господствовавшему въ старомъ направленіи раздраженію, и изобразили типы людей новаго времени, не давъ себѣ даже труда вникнуть въ этихъ людей и понять ихъ воззрѣній. Литературная клика воспользовалась неожиданною помощью, которая доставлена была ей самыми талантливыми писателями стараго направленія, чтобы еще болѣе вооружить общество противъ людей новыхъ понятій.

Какое же, можно спросить теперь, преступленіе совершили эти люди, чтобы вызвать противъ себя такое всеобщее и вмѣстѣ такое несправедливое раздраженіе? Все преступленіе заключалось въ томъ, что въ наше время явилось болѣе сильное стремленіе къ самостоятельности мысли, соотвѣтственно той бо̀льшей самостоятельности, которую получила жизнь, и люди начали усиливаться созидать, хотя и въ очень блѣдныхъ контурахъ, свои собственные идеалы.

Идеалы эти, конечно, не выросли на русской почвѣ, они были заимствованы у Запада, выработаны старѣйшею цивилизаціею, они были взяты оттуда, какъ мы взяли многое, что считается полезнымъ и необходимымъ, всѣ наши свѣдѣнія, всю нашу науку, все наше развитіе, однимъ словомъ, все, что насъ связываетъ съ Европой. Эти идеалы новаго времени, эти понятія и воззрѣнія, которыя въ Европѣ дѣлаютъ такой быстрый успѣхъ, показались нашей современной старинѣ чѣмъ-то до такой степени ужаснымъ, до такой степени вопіющимъ и возмутительнымъ, что можно было подумать, судя по тѣмъ гоненіямъ, которыя поднялись противъ всѣхъ, которые успѣли уже заразиться идеями, выработанными новѣйшею цивилизаціею западной Европы, что дѣло

идетъ о какой-то всеистребляющей чумѣ. Люди этихъ идей обвинены были въ томъ, что они стремятся разрушить всѣ самыя священныя основы благоустроеннаго общества, благодаря тому, что они усвоили, приняли нѣкоторыя идеи и понятія, выработанныя западнымъ обществомъ и старались по мѣрѣ возможности проводить эти идеи въ сферу реальной жизни. Отличіе въ этомъ случаѣ людей новаго направленія отъ предшествовавшаго дѣйствительно велико. Люди сороковыхъ годовъ принимали понятія и воззрѣнія, господствовавшія въ Европѣ, и тотчасъ уносились съ ними въ какой-то заоблачный міръ, никогда не позволяя себѣ спускаться съ ними въ дѣйствительную жизнь; поэтому эти идеи и понятія и не имѣли большого вліянія не только на окружающее общество, но даже на тѣхъ самихъ людей, которые принимали ихъ. Ихъ собственная жизнь, ихъ практическая дѣятельность всегда шла въ разрѣзъ занесеннымъ издалека къ нимъ идеямъ, которыя все-таки успѣли зародить въ этихъ людяхъ одно неоцѣненное качество: это скептическое отношеніе къ очень многимъ явленіямъ и установившимся общественнымъ понятіямъ. Люди сороковыхъ годовъ стали чувствовать, благодаря этимъ идеямъ, что имъ становится какъ-то не совсѣмъ ловко въ той политической атмосферѣ, которая окружала ихъ, имъ дѣлалось душно среди господствовавшихъ патріархальныхъ семейныхъ отношеній и они начинали понимать, что и общественныя отношенія людей между собою какъ-то неестественны, что эти отношенія построены не на разумныхъ основаніяхъ; они наконецъ сознавали, благодаря вліянію нѣмецкой философіи, что и въ области нравственныхъ вѣрованій есть кое-какія фальшивыя ноты. Но все это чувствовалось смутно, всѣ эти идеи бродили въ какомъ-то хаосѣ, и люди не отдавали себѣ яснаго отчета, что должно быть поставлено взамѣнъ устарѣлыхъ понятій и превратныхъ общественныхъ отношеній, чѣмъ должны замѣниться старыя воззрѣнія; многимъ быть можетъ представлялся въ головѣ вопросъ, да и должны ли старыя понятія уступить мѣсто новымъ? до такой степени бродившія идеи были далеки отъ реальной жизни.

Какъ мало люди предшествовавшаго поколѣнія склонны были переносить свои понятія изъ сферы отвлеченной мысли въ сферу дѣйствительной жизни, какъ мало способны они были смотрѣть прямо въ глаза идеямъ, съ которыми они носились, и дѣлать изъ нихъ прямые выводы, видно изъ того, что когда ихъ прямые наслѣдники, дѣлая шагъ впередъ, попробовали взять эти самыя идеи, выяснить, опредѣлить ихъ и сдѣлать изъ нихъ прямыя, необходимыя заключенія, тѣ самые люди, которые прежде

лелѣяли ихъ, теперь отвернулись, отреклись отъ нихъ и стали враждовать противъ нихъ. Вражда этихъ людей противъ людей новыхъ понятій представляется какъ бы враждою противъ ихъ собственной молодости, противъ тѣхъ самыхъ идей, зародышу которыхъ они открывали свои объятія.

Что же въ самомъ дѣлѣ, можно спросить разъ навсегда, такого ужаснаго заключается въ идеяхъ этихъ людей, какими разрушительными стремленіями обуреваемы они, чтобы на нихъ можно было накидываться съ тѣмъ бѣшенымъ негодованіемъ, какое обнаружило русское общество и главнымъ образомъ недостойная литературная клика. Вся вина ихъ заключается въ томъ, что во всѣхъ вопросахъ, касающихся области политики, нравственности, семейныхъ и общественныхъ отношеній, они постарались замѣнить смутныя идеи, бродившія въ обществѣ, болѣе или менѣе опредѣленными понятіями, выставляя вмѣсто темныхъ, неуяснимыхъ, скорѣе отрицательныхъ идеаловъ, весьма положительныя требованія, которыя давнымъ давно осуществлены въ западномъ мірѣ. Прежде въ области политики чувствовалось извѣстное удушье, но весьма неопредѣленнаго свойства; теперь эту неопредѣленность постарались удалить, ставя вмѣсто нея тѣ строго формулированныя задачи, къ разрѣшенію которыхъ и стремится наше время. Люди должны быть свободны, говорилось прежде, и этимъ общимъ понятіемъ ограничивались; теперь говорятъ иначе. Чтобы люди были свободны нужно, чтобы люди имѣли возможность безпрепятственно высказывать свои мысли, чтобы была, однимъ словомъ, свобода рѣчи, нужно, чтобы люди были людьми, чтобы общество принимало участіе въ управленіи своими дѣлами, и т. д.

Нужно, говорили прежде, улучшеніе въ общественныхъ отношеніяхъ, чтобы общество, народъ выведены были изъ его безправнаго, полудикаго состоянія, пеклись однимъ словомъ о народномъ благѣ; но что для этого было нужно, это себѣ уясняли очень мало. Для того, чтобы народъ былъ выведенъ изъ своего немощнаго состоянія, чтобы улучшились общественныя отношенія, сказано было теперь, для этого нужно распространить въ народѣ образованіе; нужно, чтобы въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ были устроены школы, чтобы были предоставлены всѣ средства учиться, и чтобы ученіе это не было уродуемо такимъ преподаваніемъ и такими преподавателями, которые способны только отбить у учащагося люда всякую охоту къ образованію и наполнить ихъ головы всевозможными предразсудками, вредящими правильному развитію. Нужно, однимъ словомъ, чтобы обученіе народное находилось въ рукахъ самого общества, а не одной какой-нибудь касты, чтобы обученіе это было не схоластическое, а реальное.

Въ сферѣ нравственныхъ, семейныхъ отношеній людей новыхъ идей обвиняютъ точно также въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Говорятъ, что они не признаютъ семьи, брака, разрушаютъ отношенія между родителями и дѣтьми, между мужемъ и женою, однимъ словомъ, уничтожаютъ самыя естественныя, самыя законныя и вмѣстѣ самыя необходимыя основы благоустроеннаго общества. Нужно ли говорить объ этомъ, что все это неправда, нужно ли повторять то, что уже было высказано по этому поводу? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Въ этихъ вопросахъ люди новаго направленія точно также постарались только подвести итоги, сдѣлать выводы изъ тѣхъ идей, которыя блуждали въ лучшихъ людяхъ сороковыхъ годовъ, и изъ подоблачнаго міра спустить въ простую обыденную жизнь. Въ этой сферѣ точно также сдѣланъ шагъ впередъ, какъ и во всѣхъ другихъ; но развѣ это не совершенно естественно, чтобы однѣ идеи опережали другія, чтобы одни понятія какъ въ отдѣльныхъ вопросахъ, такъ и въ общемъ міросозерцаніи замѣнялись другими? Безъ этого движенія впередъ никакое развитіе, никакой прогрессъ не были бы мыслимы. Прежде, когда разсуждали объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, жены къ мужу и когда видѣли въ этихъ отношеніяхъ какое-то порабощеніе съ одной стороны и произвола съ другой, люди пожимали плечами и говорили: нехорошо! Это «нехорошо» нужно было выяснить, опредѣлить, что̀ пробовали сдѣлать люди новыхъ понятій, но опять-таки согласно съ тѣмъ, какъ давно понимаются эти отношенія у цивилизованныхъ народовъ. По прогрессивнымъ понятіямъ западнаго міра, въ семейныхъ отношеніяхъ должно господствовать начало, что прежде чѣмъ кто-нибудь является какъ сынъ, отецъ, мужъ или жёна, каждый изъ нихъ человѣкъ, и, какъ человѣкъ, имѣетъ такія неотъемлемыя права, которыя не могутъ быть или по крайней мѣрѣ не должны быть нарушаемы никѣмъ и никогда. Вслѣдствіе какой логики такое простое и естественное понятіе превращено въ отрицаніе семейныхъ отношеній, на это безъ сомнѣнія не мы станемъ отвѣчать, про то знаетъ литературная клика. Развѣ не должны мы сказать тоже самое про обвиненіе тѣхъ же людей въ томъ, что они отрицаютъ бракъ? Лучшіе люди сороковыхъ годовъ, которымъ не были чужды никакіе вопросы, глядя на отношенія, часто безвыходныя между мужемъ и женой, очень хорошо понимали, что при настоящемъ устройствѣ брака нѣтъ никакихъ средствъ, никакой возможности, чтобы развязать гордіевъ узелъ, и потому въ сомнѣніи задавали, но не разрѣшали себѣ вопроса: ка̀къ быть, кто виноватъ, ка̀къ выдти изъ невыносимаго положенія? Этотъ самый вопросъ представился и людямъ новыхъ понятій, которые за

разрѣшеніемъ его, точно также какъ и въ другихъ вопросахъ, обратились къ Западу, и увидѣвъ почти во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ существованіе рядомъ съ церковнымъ бракомъ установленіе развода и кромѣ того гражданскій бракъ, осмѣлились повторить за другими, старшими себя въ развитіи, тѣже самыя формулы: разводъ, гражданскій бракъ, утверждаемый свѣтскою властью. Но эти люди, какъ и всѣ другіе, женились, вѣнчались, не желая создавать ни себѣ, ни своимъ женамъ, ни своимъ дѣтямъ ненормальнаго положенія въ обществѣ. Они понимали, что поступать иначе было бы жалкимъ донъ-кихотствомъ, и съ этимъ конечно можно ихъ только поздравить. Насколько все это похоже на то, что они не знаютъ ничего святого, что они не признаютъ прочныхъ постоянныхъ отношеній союза на цѣлую жизнь между мужчиною и женщиною, мы право затрудняемся опредѣлить; безпристрасный читатель конечно отыщетъ на это вѣрный отвѣтъ въ самомъ себѣ. Тѣмъ не менѣе обвиненія въ самой ужасающей безнравственности сыпались да и продолжаются сыпаться на людей новаго міросозерцанія, и поводы къ подобнымъ обвиненіямъ отыскивались какъ въ случаяхъ дѣйствительной жизни, такъ и въ высказываемыхъ мнѣніяхъ. Люди новаго направленія не говорятъ ничего особенно новаго, утверждая, что если въ жизни людей, мужа и жены случается такое несчастье, такое критическое положеніе, что та или другая сторона полюбила кого-нибудь, и если любовь эта не можетъ быть отклонена, то лучшее что̀ могутъ сдѣлать въ этомъ случаѣ мужъ и жена, это разойтись прямо, открыто и ни на одну минуту не допускать въ своихъ отношеніяхъ обмана, который такъ часто встрѣчается въ современномъ обществѣ, обмана, представляющаго собою высшую степень безнравственности. Современное общество смотритъ сквозь пальцы на такъ-называемую интригу, которая покрыта внѣшнимъ приличіемъ, сквозь пальцы глядитъ на отношенія мужа къ посторонней женщинѣ, и жены къ постороннему человѣку, когда эти отношенія не явны, и клеймитъ позоромъ мужа или жену, которые предпочитаютъ лучше разойтись, чѣмъ дѣлить свою любовь между двумя существами. Гдѣ больше безнравственности, въ первомъ случаѣ или во второмъ, на это кажется не трудно отвѣтить?

Насколько основательны обвиненія людей новаго направленія въ этомъ отношеніи, настолько же справедливы онѣ и въ другихъ случаяхъ, когда на нихъ нападаютъ, что они вносятъ въ общество разрушительныя идеи. Какъ въ сферѣ политической, въ сферѣ общественныхъ и семейныхъ отношеній люди новыхъ идей сдѣлали шагъ впередъ, всюду стараясь замѣнять основанія

стараго времени болѣе справедливыми началами, болѣе современными воззрѣніями; какъ въ этихъ жизненныхъ вопросахъ они стремятся дать рѣшенія, согласныя съ современнымъ состояніемъ общества западной Европы, заимствуя оттуда послѣдніе результаты ихъ научнаго, политическаго и общественнаго развитія, такъ точно отнеслись они и къ религіознымъ вопросамъ, которые тамъ выясняются все болѣе и болѣе безъ того, чтобы общество погибало въ развратныхъ ученіяхъ. Питаясь плодами западной цивилизаціи, западной науки, слѣдя за ея развитіемъ и стараясь не отклоняться отъ ея требованій, молодое поколѣніе должно было неизбѣжно стать въ области религіи въ тоже положеніе, въ которомъ стоитъ европейское общество, которое давно уже тутъ, какъ впрочемъ и во всемъ другомъ, вооружилось могущественнымъ орудіемъ, свободнымъ анализомъ, свободнымъ изслѣдованіемъ, разрушившимъ и продолжающимъ разрушать массу всевозможныхъ предразсудковъ. Теперь начинаютъ понимать, что для того, чтобы наука вошла въ кровь и плоть русскаго общества, чтобы она не была у насъ вѣчно въ какомъ-то изолированномъ отъ всего живого состояніи, какъ она была до сихъ поръ, нужно ввести ее въ жизнь, примѣнить къ практической дѣятельности, къ ежедневному умственному обиходу, что конечно не обошлось безъ столкновеній съ всевозможными, давно покрывшимися плѣсенью, понятіями и воззрѣніями, которыя строго берегли патріархальность нравовъ русскаго общества. Это-то столкновеніе новыхъ понятій, заимствованныхъ у цивилизованнаго міра, съ дряхлыми идеями, съ которыми сжилось русское общество, и возбудило вражду противъ людей болѣе передовой мысли. Она усилена была тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ идеи, стремленія, понятія, наконецъ всѣ идеалы ихъ были искажены до послѣдней возможности, отчасти вслѣдствіе умышленной клеветы литературной клики, отчасти вслѣдствіе простого непониманія стремленій людей новаго времени со стороны тѣхъ, которые брались за изображеніе такъ-называемыхъ новыхъ типовъ. Они не поняли, что эти люди ни болѣе ни менѣе какъ продолжаютъ, строго говоря, дѣло ихъ поколѣнія, всюду, во всѣхъ вопросахъ стараясь давать болѣе опредѣленные отвѣты на тѣ сомнѣнія, которыя шевелились въ нихъ самихъ, всюду замѣняя началомъ разумности начало грубой физической силы, началомъ свободнаго изслѣдованія, положеніями, выработанными западною наукою, тѣ эфемерныя истины, которыя боятся самаго легкаго прикосновенія серьезнаго анализа.

Для того, чтобы быть справедливыми, мы должны сказать, что если съ одной стороны идеи, стремленія, идеалы людей новыхъ поня-

тій были искажены до послѣднихъ границъ партизанами стараго, патріархальнаго порядка, то извѣстную долю вреда этимъ стремленіямъ и идеаламъ принесли также и тѣ, которые, не съумѣвъ понять ихъ настоящаго значенія, бросились въ крайности, вышли изъ предѣловъ здраваго смысла и въ своихъ черезчуръ смѣлыхъ предположеніяхъ дошли до такихъ положеній, которыя дѣйствительно несогласны съ основами цивилизованнаго общества. Признавая существованіе этихъ крайностей, мы должны однако спросить, кто въ нихъ виноватъ? Безъ сомнѣнія, не тѣ идеи и воззрѣнія, которыя приняты молодымъ поколѣніемъ, а гораздо скорѣе тѣ преграды, которыя тотчасъ были поставлены противъ этихъ идей, такъ какъ, благодаря этимъ преградамъ, шедшія къ намъ съ Запада общечеловѣческія идеи не могли получать правильнаго толкованія, разъясненія, и потому тѣ, которые не были достаточно приготовлены къ принятію ихъ, знакомясь съ ними по какимъ-то смутнымъ слухамъ, не имѣли возможности приводить эти идеи въ систему, не понимали ихъ и давали имъ то значеніе и тѣ объясненія, которыхъ онѣ вовсе не имѣютъ. Къ сожалѣнію тѣ, которые принялись рисовать намъ типы людей новаго направленія, прежде всего ухватились именно за эти крайности, потому что для изображенія крайностей вовсе не нужно ни особеннаго пониманія, ни особеннаго ума, ни даже особеннаго таланта, и поспѣшили обвинить въ этихъ крайностяхъ новыя идеи, не понимая того, что виноваты не идеи, которыя могли быть тутъ или тамъ непоняты, а гораздо скорѣе тѣ именно преграды, которыя мѣшали ихъ правильному пониманію.

Такъ или иначе, раздраженіе противъ новыхъ идей и вмѣстѣ противъ тѣхъ, которые принимали ихъ, все росло и росло какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Это презрительное отношеніе перешло и на писателей этого поколѣнія, и общество, или по крайней мѣрѣ значительная его часть, вовсе не давая себѣ труда знакомиться съ писателями новаго направленія, огуломъ нападаетъ на нихъ, и не зная о чемъ они пишутъ, громко провозглашаетъ, что все это одни коммунисты, соціалисты, враги общественнаго спокойствія, враги самой религіи, собственности и всего святого.

Мы нарочно остановились подольше на общихъ причинахъ разлада между двумя направленіями, потому что въ этихъ общихъ причинахъ мы видимъ также и причину того презрительнаго отношенія къ молодой литературѣ, тѣхъ обвиненій, что молодое поколѣніе не способно дать изъ себя ничего, что оно не выставило изъ себя до сихъ поръ ни одного замѣчательнаго публициста, критика, рома-

ниста, что, однимъ словомъ, оно не сдѣлало еще своего вклада въ общую сумму русской литературы, всѣхъ обвиненій, несправедливость которыхъ бросается въ глаза, если кто захочетъ припомнить имена какъ тѣхъ литературныхъ дѣятелей молодого поколѣнія, которые такъ или иначе сошли уже съ литературнаго поприща, такъ и тѣхъ, которые продолжаютъ работать на немъ. Знакомство съ писателями новаго направленія важно не только потому, что значительная часть общества продолжаетъ какъ бы игнорировать ихъ и ставить на очень отдаленный планъ, но также потому, что писатели эти, имѣя свои задачи, преслѣдуя свои цѣли, задаваясь современными стремленіями, образуютъ собою новое направленіе въ русской литературѣ, рѣзко отличающееся отъ предъидущаго. Если говоря о молодыхъ беллетристахъ, мы должны сказать, что среди ихъ до сихъ поръ не явилось ни одного писателя съ такимъ сильнымъ талантомъ, чтобы онъ могъ образовать собою новую школу, то взятые всѣ вмѣстѣ, они составляютъ достаточно крупное явленіе, чтобы на немъ остановиться.

Мы уже сказали прежде, что самое это слово: «новое направленіе» непріятно для нѣкоторыхъ, и они съ усмѣшкою спросятъ: какое же есть еще направленіе? Очевидно, что если мы говоримъ, что въ литературѣ есть писатели новаго направленія, то мы неизбѣжно должны придти къ тому, чтобы сказать, что есть также и писатели стараго направленія [1].

Слово «старое» получило какой-то странный смыслъ, какъ будто бы въ немъ было что-нибудь обидное. Мы никогда не думали придавать ему такое значеніе, мы очень далеки отъ того, чтобы желать этимъ словомъ обидѣть кого бы то ни было, тѣмъ болѣе, что къ старому направленію въ русской литературѣ принадлежатъ такіе писатели, которые сдѣлали слишкомъ много, чтобы къ нимъ можно было относиться иначе, какъ съ уваженіемъ. Но самое уваженіе, которое мы чувствуемъ къ этимъ писа-

---

[1]) Мы не хотимъ сказать, чтобы къ старому направленію принадлежали писатели только потому, что они выступили на литературное поприще въ концѣ сороковыхъ годовъ. Не года дѣлаютъ то, что писатель принадлежитъ къ тому или другому направленію въ литературѣ, а его отношеніе къ новому времени, къ ушедшимъ впередъ идеямъ, и къ людямъ принявшимъ эти идеи, эти воззрѣнія. Одни изъ писателей, выступившихъ на литературное поприще въ концѣ сороковыхъ годовъ, и до сихъ поръ не утратили своей свѣжести, своего живого отношенія къ дѣйствительности. Живымъ примѣромъ тому можетъ служить Островскій, который никогда не шелъ въ разрѣзъ новымъ стремленіямъ и до сихъ поръ вноситъ въ изображенія русской жизни большую трезвость и ясное пониманіе вещей. Другіе же отстали отъ ушедшей впередъ жизни и потому должны быть причислены къ писателямъ стараго направленія.

телямъ стараго направленія, позволяетъ намъ не скрывать нашей мысли, если мы убѣждены, что въ ней заключается правда. Писатели стараго направленія не пошли вмѣстѣ съ идеями людей новыхъ понятій; ихъ произведенія, полныя художественныхъ достоинствъ, не отвѣчаютъ поэтому больше живымъ интересамъ новаго времени. Ихъ любимыми героями по прежнему являются люди сороковыхъ годовъ, художественныя, артистическія натуры, которыя умѣютъ изящно выражать свои, часто великодушныя, часто вовсе пустыя мысли, но въ ихъ герояхъ нѣтъ того живого элемента, нѣтъ того общественнаго характера, который неизбѣжно долженъ быть въ современномъ человѣкѣ. Сама жизнь сдѣлалась шире, ее не удовлетворяютъ больше тѣ маленькіе интересы, тѣ ничтожныя страсти, или вѣрнѣе страстишки, которыми думаютъ увлекать читателей писатели стараго направленія. Описаніе подобныхъ героевъ, бури ихъ внутренняго, крошечнаго мірка можетъ быть ярко, блестяще, нарисовано мастерскою кистью, но и только; животрепещущаго же интереса всѣ подобныя описанія не могутъ, да и не должны имѣть.

Если въ чемъ-нибудь осязательно сказывается успѣхъ нашего общества, то безъ сомнѣнія въ томъ явленіи, что оно не интересуется больше тою породою ненужныхъ людей, артистовъ, блистательный образчикъ которыхъ представила намъ недавно мастерски начерченная фигура Райскаго. На сцену выступили болѣе серьезныя задачи, болѣе серьезныя заботы, чѣмъ любовь, страсть того или другого ненужнаго человѣка, и чтобы литературное произведеніе имѣло успѣхъ, необходимо, чтобы оно отвѣчало тѣмъ живымъ стремленіямъ, тѣмъ новымъ идеямъ, которыя проникли въ общество. Мы отлично понимаемъ, что затрогивать эти новыя идеи, эти жизненные вопросы до чрезвычайности трудно, такъ какъ эти идеи и эти новыя стремленія должны быть представлены не въ видѣ отвлеченныхъ разсужденій, а должны быть воплощены въ живыхъ образахъ, въ живыхъ людяхъ. Однимъ словомъ, тотъ авторъ, который задался бы задачею изобразить современное общество съ его новыми порывами, стремленіями и идеалами, долженъ былъ бы написать намъ совершенно новые типы, небывалыя до сихъ поръ въ литературѣ фигуры.

Для того, чтобы это сдѣлать, потребовалось бы близкое ознакомленіе съ молодою жизнію, изученіе характера, понятій, истинныхъ стремленій людей новыхъ идей, что, по нашему мнѣнію, до сихъ поръ еще не было сдѣлано. Безъ этого же всѣ изображенія новыхъ типовъ изъ среды образованнаго люда, являются въ русской литературѣ или въ видѣ автоматовъ, высказывающихъ хорошія, но стереотипныя мысли, или въ видѣ кар-

рикатуръ, пародій на новый типъ. Поэтому мы нисколько не удивляемся, что нѣкоторые изъ нашихъ художниковъ стараго направленія не имѣли никакого успѣха въ изображеніи новаго типа каждый разъ, что кто-нибудь изъ нихъ рѣшался выводить его на сцену. До сихъ поръ все это были только болѣе или менѣе слабыя каррикатуры, а если и попадались нѣкоторыя вѣрныя черты, принадлежащія дѣйствительно людямъ новыхъ воззрѣній, то до такой степени переплетенныя съ фальшью, съ вымысломъ, что трудно было, чтобы не сказать невозможно, узнать въ нихъ живыхъ людей.

Ошибочно было бы думать, что мы желаемъ обращать въ упрекъ писателямъ стараго направленія, зачѣмъ они нарисовали новые типы такъ или иначе. Только въ такомъ случаѣ мы отнеслись бы къ нимъ крайне недружелюбно, если бы мы предположили, что они умышленно исказили всѣ идеи и стремленія новаго поколѣнія; но этого мы отнюдь не думаемъ. Мы полагаемъ, что они просто не справились съ этими типами, и это тѣмъ болѣе естественно, что вѣрно схватить всѣ стремленія и идеалы молодого поколѣнія, олицетворить ихъ въ живыхъ образахъ, крайне трудно, тѣмъ болѣе, что цѣльныхъ типовъ новаго времени еще очень немного, и они не нашли еще надлежащаго мѣста въ дѣйствительной жизни. Мы даже охотно допускаемъ, что идеи и стремленія новаго времени не симпатичны писателямъ стараго направленія, но и за это мы не станемъ винить ихъ, а скажемъ только, что въ этомъ именно, въ этомъ отсутствіи сходства и въ разницѣ ихъ понятій и понятій новыхъ людей и заключается причина, по которой мы причисляемъ ихъ къ старому направленію. Можно конечно было бы желать, чтобы они не изображали вовсе того, съ чѣмъ мало знакомы и что́ мало понимается, но если они думали, что изображаютъ вѣрно, если они говорятъ, что понимаютъ именно такъ какъ нужно, то объ этомъ только можно жалѣть, а никакъ не впадать въ тотъ бранный тонъ, къ которому прибѣгаютъ иногда въ нашей литературѣ, говоря объ этихъ писателяхъ. Поступать такимъ образомъ, значитъ впадать ни болѣе ни менѣе какъ въ тѣ же ошибки, въ которыхъ обвиняютъ старое поколѣніе.

По неизбѣжному и вмѣстѣ весьма счастливому закону, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ народа молодого, шагающаго впередъ, постоянно развивающагося, идеи, понятія, стремленія, идеалы не останавливаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, а постоянно видоизмѣняются и видоизмѣняются безъ сомнѣнія къ лучшему. Если таковъ законъ общественнаго развитія, то настолько смѣшно было придавать названію «старое»

направленіе какой-то обидный смыслъ, насколько изъ названія «молодого» поколѣнія дѣлать предметъ какой-то гордости. Чтобы доказать примѣромъ, какъ мало обиднаго въ названіи «старое направленіе», мы можемъ сослаться на исторію русской литературы. Въ этой исторіи было уже нѣсколько направленій, но ни одному изъ нихъ, ни ломоносовскому, ни сантиментально-карамзинскому, ни романтическо-жуковскому, ни пушкинскому, ни гоголевскому, мы не наносимъ ровно никакой обиды, когда говоримъ, что всѣ эти направленія старыя. Одни идеи, одни воззрѣнія смѣняются другими, новыми идеями, новыми воззрѣніями, это до такой степени въ природѣ вещей, что невольно удивляешься, что приходится толковать о такихъ простыхъ вещахъ. Каждое поколѣніе, у котораго были новыя идеи, новыя понятія, было когда-то молодымъ и мало-по-малу дѣлалось старымъ, когда являлось другое поколѣніе съ другими понятіями и идеями. Въ одномъ случаѣ переходъ отъ однихъ идей къ другимъ болѣе рѣзокъ, въ другомъ менѣе, это зависитъ уже отъ обстоятельствъ, отъ событій, совершающихся въ жизни народа. Переходъ, совершающійся въ настоящее время отъ стараго направленія къ новому, молодому, особенно рѣзокъ, потому что въ русской жизни рѣдко совершался такой переворотъ, такое крупное событіе, какъ уничтоженіе крѣпостного права, измѣнившее всѣ основы этой жизни. Этимъ переворотомъ, этимъ событіемъ всего болѣе и обусловливается новое направленіе въ русской литературѣ. Какъ для того поколѣнія, представителями котораго въ изящной литературѣ являются нѣкоторые изъ нашихъ извѣстныхъ и замѣчательныхъ писателей, наступаетъ исторія; точно также и новое поколѣніе въ свою очередь явится отставшимъ и должно будетъ уступить свое мѣсто другому, будущему поколѣнію, у котораго опять будутъ свои идеи, свои воззрѣнія. И чѣмъ скорѣе это совершится, чѣмъ скорѣе явится слѣдующее поколѣніе, чѣмъ скорѣе выработаются новыя понятія, новое отношеніе ко всему окружающему, тѣмъ болѣе должны мы радоваться, такъ какъ это служило бы доказательствомъ быстраго развитія русскаго общества.

Дѣло вовсе не въ томъ, долго ли извѣстное направленіе въ литературѣ остается молодымъ, скоро ли оно отодвигается на второй планъ и дѣлается старымъ, все это зависитъ отъ медленнаго или быстраго теченія жизни, важно то, какъ исполняетъ свою задачу каждое литературное поколѣніе. У каждаго поколѣнія есть своя цѣль, своя задача, свое назначеніе, и смотря потому хорошо или дурно исполняетъ оно свою роль, оно получаетъ больше или меньше значенія въ исторіи. Задача эта за-

ключается въ томъ, чтобы вѣрно отразить въ себѣ интересы времени, вѣрно передать характеръ эпохи, вывести въ окружающемъ обществѣ живые типы, живыхъ людей, и подчиняясь вліянію общества, въ то же время вліять на него распространеніемъ честныхъ, здоровыхъ идей, которыя двигали бы общество впередъ и впередъ. Таковъ долгъ, такова обязанность, лежащая на литературѣ каждаго извѣстнаго періода.

Старое направленіе въ литературѣ, ему нужно отдать въ этомъ справедливость, исполнило свой долгъ по мѣрѣ своихъ силъ, по мѣрѣ возможности, насколько позволяли обстоятельства времени. Обстоятельства эти были куда не блестящи. Въ началѣ сороковыхъ годовъ чувствовалось еще въ литературѣ какое-то оживленіе, подъ вліяніемъ горячаго слова Бѣлинскаго, объяснившаго причины той неотрадной картины русскаго общества, которая выходила наружу благодаря перу Гоголя. Но оживленіе это продолжалось не долго. Къ счастію Бѣлинскаго, и несчастію русскаго общества, этотъ могучій талантъ сошелъ въ могилу, за нимъ послѣдовалъ, или вѣрнѣе ему предшествовалъ и Гоголь. Правда, этотъ послѣдній не умеръ еще физическою смертью, но для литературы отъ этого не было легче, напротивъ даже тяжеле, потому что переворотъ, совершившійся въ направленіи Гоголя былъ во сто кратъ хуже всякой смерти. Гоголь представляетъ собою раздирающую картину страшнаго, нравственнаго разложенія одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ людей. Нравственная агонія, нравственная смерть Гоголя была какъ бы зловѣщимъ пророчествомъ того, что́ станется съ современнымъ ему русскимъ обществомъ. Ему грозило такое же разложеніе, такая же смерть. Никто не станетъ спорить, что подобная обстановка не была выгодна для развитія, для выработки литературныхъ талантовъ, они не могли дышать свѣжимъ, здоровымъ воздухомъ, они воспитывались въ тепличной атмосферѣ небольшого кружка людей, которые какъ святыню хранили преданіе, завѣщанное Бѣлинскимъ. Но гигантская сила, присущая генію Бѣлинскаго, не дается всякому; то что у него вошло въ плоть и кровь его, тѣ идеи и понятія, которыя сдѣлались его жизнію, которыя слились со всѣмъ его существомъ, у многихъ людей, и даже очень талантливыхъ и безукоризненно честныхъ, оставались въ области отвлеченнаго мышленія, и изъ сферы абсолютной мысли не переходили въ сферу реальной жизни. Не имѣя передъ собою арены практической дѣятельности, всѣ благородныя идеи, всѣ возвышенные принципы не прикладывались къ жизни, люди ограничивались тѣмъ, что держались этихъ принциповъ въ теоріи, которая не имѣла ничего общаго съ практи-

кою. Такимъ образомъ, рядомъ съ благородными идеями и прекрасными принципами, превращавшимися мало-по-малу въ мертвую букву, шла жизнь полная противорѣчій, полная пустоты, полная бездѣлья. Одни изъ людей стараго направленія, чувствуя это обидное и жестокое противорѣчіе между своею отвлеченною жизнью, между своими возвышенными идеями, честными принципами и грубою, дѣйствительною жизнью, страдали невыносимо и стремились къ одному только—начать борьбу съ угнетавшимъ ихъ порядкомъ; другіе, сознавая это противорѣчіе и сознавая рядомъ съ этимъ, что ихъ вины тутъ нѣтъ, чувствовали только одно какое-то недовольство собою, недовольство другими, но недовольство это было болѣе поверхностнаго характера. Первые изъ этихъ людей, даже и тогда, когда жизнь быстро двинулась впередъ, сохранили довольно основательно свое скептическое отношеніе и къ нашимъ общественнымъ порядкамъ и не повѣрили въ раздавшійся крикъ, что для Россіи наступилъ уже золотой вѣкъ. Эти-то сильные люди поколѣнія сороковыхъ годовъ, отъ которыхъ едва осталось теперь нѣсколько человѣкъ, съ радостью взглянувшіе на прогресъ, сдѣланный въ идеяхъ, и протянувшіе обѣ руки людямъ молодого направленія, вполнѣ принадлежатъ нашему времени, и можетъ быть даже несравненно больше чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые по лѣтамъ своимъ должны быть причислены къ молодому поколѣнію.

Другіе, чувствуя просто какое-то безотчетное недовольство, вполнѣ удовлетворились тѣмъ, что нѣкоторые изъ ихъ отвлеченныхъ принциповъ перешли болѣе или менѣе въ дѣйствительную жизнь, и потому недружелюбно отнеслись къ людямъ новыхъ идей, которые не считаютъ, что все то, что должно было бы быть сдѣлано, уже сдѣлано. Послѣдній родъ недовольства, т. е. болѣе поверхностный, безсознательный, принадлежавшій большинству лучшихъ людей стараго направленія, главнымъ образомъ выразился въ литературѣ.

Несмотря на неизбѣжное разнообразіе выведенныхъ типовъ писателями стараго направленія, всѣ они однако имѣютъ столько общихъ чертъ, что трудно было бы не узнать въ нихъ людей одного закала, одного воспитанія, однихъ и тѣхъ же идей, понятій, стремленій. Всѣ эти типы одинаково честны, одинаково благородны, одинаково воодушевлены возвышенными принципами, но всѣ они оказываются одинаково слабыми, одинаково боязливыми при первомъ столкновеніи съ дѣйствительною жизнью. Глядя на нихъ можно подумать, что всѣ они задались одною мыслію: жизнь сама по себѣ, а принципы сами по себѣ. Типы эти какъ нельзя болѣе вѣрны дѣйствительности, и въ этомъ, конечно,

мы видимъ большую заслугу, большое значеніе писателей старой школы. Значеніе ихъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока они оставались чутки къ жизни; пока они сохраняли живое отношеніе къ дѣйствительности, до тѣхъ поръ былъ обезпеченъ за ними и большой успѣхъ и большое вліяніе на общество. Пока писателямъ предшествовавшаго періода приходилось имѣть дѣло съ типами «недовольныхъ», они были какъ нельзя болѣе въ своей роли, и понятно почему? потому что сами они всецѣло принадлежали этой породѣ людей, знали каждую складку ихъ мысли, каждое душевное движеніе, потому что имъ хорошо были знакомы и воспитаніе, и развитіе, и весь образъ мыслей этихъ людей. Но лишь только пора этихъ людей прошла, лишь только общество вышло изъ этого состоянія безотчетнаго недовольства, тогда тотчасъ же эти люди начинаютъ дѣлать невѣрные шаги, теряютъ свою артистическую чуткость, и вслѣдствіе этого произведенія ихъ теряютъ ту обаятельную силу, то нравственное господство, которое принадлежало имъ, пока они сохраняли живое отношеніе къ дѣйствительности. Никто изъ писателей стараго направленія не имѣлъ, кажется, такого тонкаго слуха, не умѣлъ угадывать такъ хорошо малѣйшаго движенія общества, съ такимъ искусствомъ не подмѣчалъ каждую новую черту въ старомъ для насъ типѣ недовольнаго человѣка, какъ И. С. Тургеневъ. Возьмите любой изъ начерченныхъ имъ типовъ, начиная съ Рудина, Лаврецкаго, Берсеньева и кончая даже героемъ одной изъ прелестнѣйшихъ русскихъ повѣстей, именно героемъ «Аси», въ каждомъ изъ нихъ вы невольно увидите живого, несчастнаго и вмѣстѣ счастливаго человѣка, счастливаго говоримъ мы потому, что онъ такъ хорошо умѣлъ слить воедино свои возвышенныя отвлеченныя идеи съ самою пустою жизнію, съ самимъ бездѣльнымъ существованіемъ. Всѣ эти различные типы, отличающіеся только одними оттѣнками, созданы какъ бы изъ одной массы, всѣ они выкроены по одному образцу. Но если типы, созданные писателями стараго направленія, хороши, какъ вѣрно и рельефно передающіе намъ жизнь, то мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы, ослѣпленные ихъ мастерскимъ, художественнымъ изображеніемъ, стали бы думать, что и то общество и тѣ люди, съ которыхъ писали наши художники, достойны всего нашего сочувствія, всей нашей любви, всего нашего уваженія. Все что мы можемъ сдѣлать по отношенію къ Рудинымъ, Лаврецкимъ, Берсеневымъ, Бельтовымъ и наконецъ по отношенію къ ихъ послѣднему, заключительному слову, этой мастерской фигурѣ Обломова, это только отнестись къ нимъ съ крайнимъ сожалѣніемъ и подарить ихъ вздохомъ, что такіе хорошіе принципы, идеи и стремленія какъ тѣ, которыми они были вооду-

шевлены, остались безъ серьезнаго значенія въ ихъ дѣйствительной жизни.

Мы вовсе не позабываемъ, что всѣ общественныя условія, среди которыхъ жили тѣ герои, были неблагопріятны для того, чтобы они сдѣлались смѣлыми бойцами за новую жизнь; мы знаемъ, что та сфера общественной жизни, въ которой человѣкъ только и дѣлается человѣкомъ, была закрыта для нихъ; но если въ бездѣліи этихъ недовольныхъ людей мы обвиняемъ тяготѣвшій надъ ними порядокъ вещей, то не можемъ не обвинить и ихъ самихъ въ томъ, что они такъ легко мирились съ своимъ положеніемъ, что они, такъ сказать, покрасовавшись своимъ недовольствомъ, и очистивъ такимъ образомъ свою совѣсть, слишкомъ быстро забывали въ наслажденіяхъ жизни о томъ, о чемъ они въ пріятельскомъ кружкѣ охотно вздыхали. Нужно сказать, что эти люди, выражавшіе «недовольство» окружавшимъ ихъ міромъ, были по большей части слабые люди, не имѣвшіе ни энергіи, ни силы воли. Разумѣется, мы согласимся, если намъ возразятъ на это, что и тутъ они не виноваты, а виновато ихъ воспитаніе, ихъ болѣзненное развитіе подъ гнетомъ политическимъ и нравственнымъ; пусть такъ, но мы тѣмъ не менѣе правы, когда говоримъ, что время этихъ людей прошло, что эта порода недовольныхъ людей, которая въ огромномъ большинствѣ превратилась въ довольныхъ, должна уступить свое мѣсто другой породѣ людей, воспитавшейся уже въ нѣсколько другихъ условіяхъ, и что всѣ эти прежніе герои должны отказаться отъ претензіи быть по прежнему передовыми людьми, и требовать себѣ въ качествѣ таковыхъ дани всеобщаго уваженія. У героевъ, изображаемыхъ нашими извѣстными писателями, никогда не было трезваго отношенія къ дѣйствительности, и не только въ вопросахъ общественныхъ, но и въ своей частной жизни, въ столкновеніяхъ чисто личныхъ они высказывали туже безхарактерность, туже неопредѣленность стремленій. Наши художники, рисуя этихъ недовольныхъ людей, показывали намъ ихъ, главнымъ образомъ, съ одной стороны, стороны сердечной, любовной, и по ней уже мы можемъ легко судить, какъ относились они ко всѣмъ вопросамъ частной и общественной жизни. Что̀ выказывали всѣ эти люди при первомъ столкновеніи съ женщиною? какъ вели себя въ этихъ любовныхъ дѣлахъ всѣ Рудины, Лаврецкіе, Бельтовы, Берсеньевы, герои «Аси?» Какъ люди вполнѣ безхарактерные, не имѣющіе никакой рѣшимости, всѣ они пугались серьезнаго слова, серьезнаго шага и не дѣлали ничего, чтобы по-человѣчески устроить свою жизнь, и не только ничего не дѣлали, но напротивъ дѣлали все, чтобы по-

томъ имѣть право вздыхать, охать, стонать, красоваться своею печалью.

Любовныя отношенія всѣхъ этихъ героевъ служатъ мѣриломъ ихъ характеровъ, ихъ отношеній ко всѣмъ другимъ жизненнымъ вопросамъ. Ко всему они относились горячо, пока дѣло касалось однихъ разговоровъ въ пріятельской бесѣдѣ, и немедленно пугались, пятились, терялись, какъ только вопросъ становился серьезнѣе. Да оно и неудивительно. Когда у людей нѣтъ дѣйствительныхъ общественныхъ интересовъ, когда общественныя дѣла не входятъ въ ихъ жизнь, когда они не принимаютъ живого участія въ вопросахъ, касающихся ихъ общества, ихъ народа, тогда люди мельчаютъ, и даже въ своихъ частныхъ дѣлишкахъ теряютъ способность здорово относиться къ возникающимъ въ ихъ личной жизни столкновеніямъ. Умъ людей, сфера дѣятельности которыхъ ограничивается мелкими, относительно общественныхъ вопросовъ, личными интересами, съуживается, дѣлается неспособнымъ принимать сильныя впечатлѣнія, воля слабѣетъ, характеръ ихъ превращается въ безхарактерность. Когда въ жизнь людей не входятъ общественные интересы, когда они становятся глухи къ общественному благу, къ пользѣ цѣлаго общества, тогда ничто не остановитъ человѣка отъ такого паденія, вслѣдствіе котораго человѣческая жизнь превращается въ жизнь животную. Если любимые герои нашихъ художниковъ стараго направленія не дошли до него, то потому, что лучшіе люди предшествовавшаго періода, которые служили имъ моделью, не отклонялись все-таки вовсе отъ общественныхъ вопросовъ, хотя и относились къ нимъ крайне неопредѣленно.

Жизнь для большинства не представлялась тогда въ ея серьезномъ значеніи, несмотря на свое проповѣдуемое и даже искренно чувствуемое недовольство, она была для нихъ тѣмъ не менѣе не тяжела и не многіе изъ ихъ среды могли, положа руку на сердце, сказать вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, что «жизнь уже для насъ не веселое пиршество, не празднественное ликованіе, но поприще труда, борьбы, лишеній и страданій.» Если въ устахъ этого человѣка слова эти были еще недостаточно сильны, чтобы выразить его взглядъ на жизнь того времени, если въ его устахъ слова эти были святою истиною, то много-ли было ему подобныхъ, много-ли было тогда людей, которые обладали глубиною его убѣжденій, которые чувствовали въ себѣ такую громадную силу, такое море любви къ своему обществу, къ своей родинѣ и которые были бы способны на такую мужественную ненависть ко всему, что подавляетъ свободное развитіе людей? Нѣтъ, такихъ людей было немного, они были исключеніемъ въ томъ об-

committed ществѣ, и лучшимъ доказательствомъ того служитъ то, что среди выведенныхъ нашими художниками типовъ, мы не встрѣчаемъ, ни одного, который напоминалъ бы намъ фигуру этого замѣчательнаго человѣка. Нужно сказать и то, что для того, чтобы изобразить подобную фигуру во весь ея ростъ, слѣдовало бы стоять почти на вышинѣ самого Бѣлинскаго, на что конечно не претендуетъ ни одинъ изъ нашихъ старыхъ художниковъ. Жизнь для людей, подобныхъ Рудинымъ, Бельтовымъ, Лаврецкимъ вовсе не представлялась поприщемъ труда, борьбы, лишеній и страданій, далеко нѣтъ, скорѣе она походила на пиршество, хотя нѣсколько и съ грустнымъ характеромъ, какою-то печатью унылости на лицахъ пировавшихъ.

Люди того времени могли возразить тѣмъ, которые стали бы укорять ихъ, что они не достаточно серьезно смотрятъ на жизнь, точно также какъ у Пушкина въ отрывкѣ «Пиръ во время чумы», отвѣчаютъ собравшіеся кутить молодые люди на укоры, обращенные къ нимъ: «Дома у насъ печальны, юность любитъ радость.» Въ самомъ дѣлѣ, домъ ихъ большой, колоссальный домъ цѣлой Россіи былъ куда какъ печаленъ, и они не чувствовали себя въ силѣ пособить общему горю. Потому они и скользили по всѣмъ общественнымъ уродливостямъ, не особенно останавливались передъ ними, сознавая свое безсиліе. Они желали, манили новые порядки, не отдавая себѣ хорошо отчета, какіе такіе порядки должны были смѣнить старые; они съ участіемъ, съ сожалѣніемъ смотрѣли на густую, замершую въ униженіи массу, которая стояла подъ ними, но сожалѣніе это не было страданіемъ, и не мѣшало имъ среди вопіющей дикости общественныхъ порядковъ предаваться удовлетворенію своихъ эстетическихъ вкусовъ и потребностей. Общественные интересы, благо всѣхъ людей забывалось у нихъ, потоплялось въ личныхъ, любовно-художественныхъ интересахъ. Ни у кого изъ нихъ, ни у одного изъ этихъ героевъ въ видѣ Рудина, Лаврецкаго, Бельтова и комп. не было никакого дѣла, они ничѣмъ не занимались, мы не видимъ во всѣхъ выводимыхъ типахъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ работалъ, трудился. Но всѣ они сознавали въ себѣ великую внутреннюю силу, и эта сила, когда она не поглощалась ихъ личными частными интересами, шла на проповѣдь честныхъ идей. Въ этомъ проповѣдничествѣ и заключается, собственно говоря, все ихъ значеніе, весь смыслъ ихъ существованія. Другой вопросъ, насколько человѣкъ можетъ быть хорошимъ проповѣдникомъ, когда онъ самъ не выяснилъ себѣ того, что проповѣдуетъ, когда онъ самъ не имѣетъ твердаго, опредѣленнаго понятія о провозглашаемыхъ имъ идеяхъ, когда имъ самимъ не сознано,

что́ должно выйти изъ тѣхъ понятій и воззрѣній, изъ тѣхъ сѣменъ, которыя они разбрасываютъ по землѣ. Идеи, проповѣдовавшіяся ими, были очень отвлеченны, дурно сознаваемы самими проповѣдниками, въ нихъ слышалось только, что тѣ условія, при которыхъ они жили, были нехороши; въ нихъ чувствовалось только, что прежній строй жизни навѣваетъ тоску, уныніе, и этого было уже достаточно. Честныя идеи, какъ бы и кѣмъ бы онѣ ни высказывались, имѣютъ сами по себѣ такую благодатную силу, что брошенныя въ людскую среду безъ яснаго сознанія даже ихъ смысла, онѣ западаютъ глубоко, выясняются мало-по-малу, и изъ безсознательнаго отношенія къ дурному, дѣлаютъ въ концѣ концовъ сознательное стремленіе ко всему *хорошему*.

Эту роль сѣятелей добрыхъ сѣменъ, сѣятелей безсознательныхъ, имѣли люди сороковыхъ годовъ, и насколько безсознателенъ былъ этотъ посѣвъ въ большинствѣ, видно изъ того, что когда сѣмена вышли наружу и дали слишкомъ богатые для нихъ плоды, наши сѣятели не узнали ихъ, отреклись отъ нихъ, и сказали, что они сѣяли вовсе не тѣ сѣмена. До такой степени идеи, перешедшія въ опредѣленное сознаніе, перестаютъ походить на идеи, бродящія гдѣ-то въ поднебесьи! Какъ только эти люди отреклись отъ сѣменъ, которыя сами сѣяли, какъ только отказались отъ идей молодого поколѣнія, которыя сами провозглашали, двадцать, пятнадцать лѣтъ назадъ, роль этихъ людей окончилась, и они въ силу необходимости должны удалиться со сцены и передать дѣло въ другія руки, тѣмъ людямъ, которые выяснили себѣ идеи, находившіяся въ зародышѣ и которые опредѣлили себѣ свою цѣль, начертали предъ собою новыя задачи. Этимъ людямъ, послѣ того, что они стали въ разрѣзъ молодому поколѣнію, отреклись отъ своихъ идей, которыя теперь только получили свое развитіе, оставалось одно изъ двухъ: или стать въ лагерь реакціи, бороться противъ осуществленія тѣхъ возвышенныхъ принциповъ, которые они прежде проповѣдовали, или отказаться отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ и предаться лежанію на боку, какъ то дѣлаетъ человѣкъ того же лагеря, той же породы, именно Илья Ильичъ Обломовъ, этотъ мастерской типъ, эта слава Гончарова. Прежніе Рудины, Бельтовы, Лаврецкіе выродились и превратились въ не что иное, какъ въ братьевъ Кирсановыхъ, да въ тѣхъ салонныхъ героевъ, которыхъ мы не такъ давно встрѣтили въ портретной галлереѣ «Дыма». Старый типъ исчерпанъ до конца, къ нему трудно прибавить хоть одну живую черту, онъ одряхлѣлъ, опустился, ему пора, давно пора уступить мѣсто въ жизни новымъ людямъ, въ литературѣ новымъ типамъ.

Вмѣстѣ съ законченною ролью Лаврецкихъ, Бельтовыхъ, Рудиныхъ, и ихъ послѣднимъ словомъ Обломовымъ, закончилась собственно говоря и прежняя роль писателей стараго направленія. Они внесли въ русскую литературу нѣсколько живыхъ лицъ, они передали интересы своего времени, они представили намъ русское общество предшествовавшаго періода въ яркихъ образахъ, всего этого слишкомъ достаточно, чтобы имена ихъ навсегда остались дороги въ исторіи русской литературы. Мы не станемъ говорить, виноваты или невиноваты писатели стараго направленія, что порвалась связь ихъ съ живою частью русскаго общества; мы не принимаемъ на себя роль судей и потому не желаемъ ни обвинять никого, ни оправдывать. Очевидно только, что, изображая молодое поколѣніе въ образѣ Базарова или еще болѣе грубой фигурѣ Марка Волохова, писатели старшаго возраста показали, что они имѣютъ мало общаго съ стремленіями людей новыхъ идей, и что они значительно потеряли то чутье, которое прежде не допускало ихъ рисовать ни одного фантастическаго типа. Такъ или иначе, старые типы износились, исчерпаны, прежняя роль старыхъ писателей выполнена, и для русской литературы уже нѣсколько лѣтъ какъ наступила новая эпоха.

Куда же писатели молодого поколѣнія должны были направить свои поиски, гдѣ они должны были отыскивать для себя типы, какую среду должны они были рисовать? Касаться людей стараго закала, затрогивать ихъ опять, они очень хорошо понимали, что не слѣдовало, что новаго они больше ничего не откроютъ, что они могутъ только испортить то живое представленіе уходившаго времени и уходившихъ людей, которое сдѣлано было старыми художниками. Обратиться къ людямъ новыхъ идей, и брать себѣ типы изъ ихъ среды, хотя и были сдѣланы подобныя попытки, болѣе или менѣе удачныя, но молодые писатели понимали, что, съ одной стороны, типъ человѣка новыхъ понятій, что идеи его, хотя и достаточно опредѣленныя, не сложились еще въ массѣ въ одно гармоничное цѣлое, что людямъ новаго міросозерцанія еще не представилась возможность явиться главнымъ дѣйствующимъ элементомъ въ жизни; съ другой стороны, они понимали, что была другого рода невозможность изображать типы людей новаго времени; невозможность эта заключалась въ томъ, что они не могли достаточно свободно изображать идеи, стремленія, условія, которыя они требовали для жизни. Что же нужно было сдѣлать молодымъ писателямъ? Имъ слѣдовало только прислушаться къ общему говору, имъ слѣдовало вникнуть только въ то, о чемъ шумѣли, спорили, толковали люди всѣхъ возрастовъ, имъ нужно было вдуматься на что напра-

вилась вся любовь, всѣ мысли, всѣ помыслы лучшей части русскаго общества, и на что обращена была вся тайная злоба, все трудно скрываемое негодованіе реакціоннаго лагеря, чтобы сразу понять, какая задача выпала на ихъ долю, какая цѣль намѣчена передъ ними. Имъ стоило вслушаться въ говоръ общества о народѣ, о его развитіи, объ образованіи, о его нуждахъ, потребностяхъ, о его загнанномъ положеніи, о необходимости дать ему средства подняться на ноги, имъ стоило взглянуть, на что направлена была главнымъ образомъ дѣятельность правительства, чтобы тотчасъ увидѣть и убѣдиться, что въ русской жизни явилась новая сила, мало знакомая еще образованному обществу, сила, правда, грубая еще и невѣжественная, но отъ которой зависитъ вся будущность, хорошая или дурная, русской земли. Потокъ новыхъ идей, новыхъ понятій, влившійся въ русское общество, совпадаетъ съ эпохою освобожденія крестьянъ, и этотъ коренной переворотъ въ основахъ русской жизни неизбѣжно долженъ былъ обусловить собою новое направленіе въ литературѣ. Этотъ переворотъ вызвалъ цѣлый рядъ молодыхъ писателей, которые стали знакомить съ жизнію, обычаями, нравами, съ положеніемъ, съ бѣднымъ развитіемъ народа образованное русское общество, которое знало до сихъ поръ о народѣ только одно, что у него крѣпкая спина и здоровыя руки. Изученіе народной жизни, воспроизведеніе его въ типахъ и распространеніе твердыхъ, опредѣленныхъ, совершенно выясненныхъ идей, стремленій, требованій — такова представилась задача молодымъ писателямъ, которые и принялись за нее съ истинною любовью и большою энергіею.

Евг. Утинъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

въ 1869 году.

Мы считаемъ рѣшительно необходимымъ сдѣлать два, три общихъ замѣчанія, прежде чѣмъ перейдемъ къ отчету о выставкѣ въ Академіи художествъ, открытой уже болѣе мѣсяца. Сдѣлать справедливую оцѣнку нашимъ художественнымъ произведеніямъ, дѣло далеко не легкое, и это какъ нельзя лучше доказываетъ большинство нашихъ эстетическихъ критиковъ, которые съ удивительною самоувѣренностью произносятъ свои безапеляціонные приговоры, признавая себя непогрѣшимыми судьями. Въ дѣлѣ искусства, безапеляціонный приговоръ вообще менѣе у мѣста, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ до такой степени не преобладаетъ въ сужденіяхъ субъективный элементъ, какъ въ художественныхъ воззрѣніяхъ. Въ искусствѣ нѣтъ такихъ точныхъ законовъ, на основаніи которыхъ можно было бы сказать: это хорошо, это дурно и т. д. Одна картина сильно грѣшитъ противъ рисунка, и она все-таки нравится, въ другой картинѣ письмо какъ нельзя болѣе слабо, и она тѣмъ не менѣе привлекаетъ къ себѣ. Въ сужденіяхъ о картинѣ, какъ и о всякомъ художественномъ произведеніи, играютъ очень большую роль вкусы того, который судитъ, его свойства, его наклонности, степень художественнаго развитія критика. Одинъ, поклонникъ классическаго искусства, съ восторгомъ останавливается передъ какою - нибудь миѳологическою картиною, и за одну классичность темы готовъ отпустить ея творцу всѣ самыя тяжкія прегрѣшенія; другой не склоненъ къ подобному безжизненному для насъ содержанію, и тогда сколько вы ни станете доказывать ему, что то или другое въ этой картинѣ прелестно, онъ будетъ только махать рукою и говорить: «да Богъ съ ней!» Третій, наконецъ, съ убійственнымъ равнодушіемъ относится ко всѣмъ художникамъ, и ко всѣмъ картинамъ, которыя не изображаютъ однихъ сценъ

изъ русской жизни, и во всемъ, что выходитъ изъ этого близкаго намъ круга, никогда не признаютъ ни особеннаго интереса, ни особенныхъ достоинствъ. Всѣ подобныя сужденія намъ кажутся по крайней мѣрѣ несправедливыми; искусству нѣтъ никакой возможности ставить такихъ узкихъ границъ и назначать такую маленькую, опредѣленную рамку. Пусть художникъ изображаетъ все, что ему угодно, но лишь бы въ его произведеніи была жизнь, чувствовалась правда, и тогда онъ можетъ дѣлать все что ему нравится, произведеніе его имѣетъ тогда полное право на существованіе и на уваженіе. Безъ сомнѣнія, мы несравненно болѣе предпочитаемъ произведеніе, гдѣ есть глубокая мысль, серьёзная идея, и для насъ присутствіе этой мысли дѣлаетъ вещь особенно драгоцѣнною; но мы думаемъ, что тамъ, гдѣ есть жизнь и правда, тамъ есть идея, подчасъ не очень богатая, да вѣдь богатыхъ идей вообще очень мало.

Какъ ни законно кажется наше желаніе, чтобы во всякомъ художественномъ произведеніи скрывалась идея, мы отлично знаемъ, что многіе поклонники хоть бы миѳологическихъ картинъ будутъ противъ насъ и скажутъ: «да какой вамъ нужно идеи, искусство есть искусство и больше ничего!» Теорія искусства для искусства старая теорія, и мы конечно не будемъ теперь начинать съ нею спора. Мы хотѣли только сказать, что сужденія о художественныхъ произведеніяхъ подчиняются всѣмъ различнымъ возрѣніямъ на цѣль и задачу искусства, и потому въ этихъ сужденіяхъ мы встрѣчаемъ такой страшный хаосъ. При этомъ каждый критикъ почти считаетъ своею непремѣнною обязанностью выказать свое знаніе въ техническихъ терминахъ, которое, нужно сказать, пріобрѣтается чрезвычайно легко, но за то употребляется въ дѣло безъ всякой пользы какъ для читающей публики, такъ и для самихъ художниковъ. Первая не всегда и разберетъ ихъ значеніе, послѣдній и отъ академическаго ареопага и отъ своихъ собратовъ по искусству двадцать разъ лучше узнаетъ всѣ свои техническіе недостатки, и отъ своихъ «пріятелей» заботящихся объ его успѣхахъ, выслушаетъ всѣ упреки, которые возможно только сдѣлать за слишкомъ длинную ножку, слишкомъ короткую ручку, дурно написанную часть одной картины, дурно нарисованную часть другой, неудачную лѣпку той и этой фигуры и т. д. Художниковъ и самую публику, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе интересуетъ то общее впечатлѣніе, которое оставляетъ по себѣ произведеніе, потому что одна или другая часть картины можетъ страдать извѣстными недостатками, а картина все-таки можетъ быть какъ нельзя болѣе интересна и хороша. Общее впечатлѣніе — вотъ что спрашиваютъ и сами художники и публика, задавая вопросъ: ну, какъ выставка? какъ вамъ нравится картина такого-то? Общее впечатлѣніе, когда, разумѣется, нѣтъ какихъ-нибудь особенно уродливыхъ недостатковъ со стороны

техники, недостатковъ, которые бы бросались въ глаза, обусловливается сюжетомъ картины, ея композиціею, пріятными или непріятными красками, общимъ тономъ, правдою въ движеніи, когда есть движеніе, вѣрнымъ изображеніемъ природы, требованіемъ, чтобы человѣкъ на картинѣ походилъ на живого человѣка, а не на какой-нибудь манекенъ. Тотъ, которому случилось видѣть въ своей жизни множество художественныхъ произведеній, познакомиться со всѣми самыми замѣчательными мастерами прошлаго и настоящаго, неизбѣжно долженъ былъ пріобрѣсти извѣстный навыкъ и потому легко можетъ сказать, соблюдены ли въ той или другой картинѣ всѣ необходимыя условія, чтобы она нравилась и производила впечатлѣніе. Для дальнѣйшаго разбора картины необходимы уже спеціальныя познанія, изученіе, на которое мы нисколько не претендуемъ. Мы просто желаемъ передать наше впечатлѣніе, безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякихъ предвзятыхъ требованій, въ той надеждѣ, что мы не останемся одни съ нашимъ впечатлѣніемъ, что его раздѣлятъ и тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ удалось или удастся побывать на нынѣшней выставкѣ.

Начнемъ прежде всего съ того, что посѣтуемъ на несправедливость тѣхъ, которые жалуются на бѣдность выставки и утверждаютъ, что выставка настоящаго года хуже, бѣднѣе, чѣмъ выставка прошлаго года, точно также какъ они жаловались, что выставка прошлаго года была хуже чѣмъ выставка третьяго, и т. д. Жалоба эта превратилась въ какую-то моду, хроническую болѣзнь, отъ которой, какъ кажется, чрезвычайно трудно отдѣлаться. Выставка настоящаго года нисколько не бѣднѣе выставки прошлаго года, и мы даже готовы пойти дальше, и сказать, что она интереснѣе прошлогодней, хотя по количеству можетъ быть и меньше. Относиться къ русскому искусству, и въ особенности къ искусству живописи и скульптуры, нужно чрезвычайно нѣжно, потому что это искусство у насъ представляется тепличнымъ растеніемъ, которое не имѣетъ за собою даже порядочнаго ухода. Въ другихъ странахъ, когда открывается художественная выставка, въ первые дни стекается такая масса народа, что просто нѣтъ возможности порядочно взглянуть на то или другое художественное произведеніе, между тѣмъ какъ у насъ жаль было смотрѣть въ первый день открытія выставки на эти несчастныя, развѣшанныя по стѣнамъ картины, которыя тщетно ждали себѣ толпы зрителей. Зрителей было мало, точно тѣни расхаживали они по небольшой залѣ Академіи, гдѣ собраны лучшія картины этого года, такъ что поневолѣ въ головѣ рождался вопросъ: для кого пишутъ у насъ картины, для чего существуютъ художники, зачѣмъ намъ это искусство, когда очевидно, что потребность на него у насъ почти что не родилась еще?

Публика имъ интересуется почти столько же, сколько прошлогоднимъ снѣгомъ, на выставку она ходитъ очень мало, не видя для себя

въ этомъ ни особенной пользы, ни особеннаго удовольствія; покупателей, кромѣ нѣсколькихъ меценатовъ, которыхъ можно перечесть по пальцамъ, естественно еще меньше, почти вовсе нѣтъ, такъ что положеніе картинъ, и еще больше положеніе художниковъ въ самомъ дѣлѣ представляется вовсе не завиднымъ. Картины висятъ себѣ въ Академіи, которая даетъ имъ пріютъ, или въ комнатахъ художниковъ, годъ, два, три, пока какой-нибудь меценатъ не сжалится и не купитъ, и еще хорошо если сжалится, а то также останутся висѣть на стѣнѣ, пока не затеряются гдѣ-нибудь; а художники пользуются дешевымъ удовольствіемъ смотрѣть на свои непроданныя картины. Правительство, которое при Екатеринѣ II стало прививать это искусство въ Россіи, должно было принять на себя покровительственную роль, которую оно и до сихъ поръ удержало и вѣроятно долго еще должно будетъ удерживать. Намъ кажется, что покровительственная роль эта не только не должна быть ослаблена, если это искусство уже существуетъ у насъ, но напротивъ должна быть усилена. Въ чемъ же должно состоять это усиленіе? Правительство, устроивъ академію, посылая своихъ лучшихъ учениковъ за границу на шесть лѣтъ, обезпечивая имъ тамъ содержаніе, устроивая ежегодныя выставки, дѣлаетъ, кажется, достаточно, скажутъ намъ. Да, достаточно до тѣхъ поръ, пока ученикъ академіи останется ученикомъ, пока онъ находится за границей съ обезпеченнымъ содержаніемъ; но за то потомъ, когда ученическіе годы оканчиваются, когда художникъ возвращается назадъ въ Россію, какая судьба ожидаетъ его? Правительство, которое заботилось до сихъ поръ объ его существованіи, бросаетъ его теперь на произволъ судьбы, и остается совершенно безучастнымъ къ его долѣ. Что же вы хотите, могутъ перервать насъ, чтобы правительство содержало художника въ продолженіи всей его жизни, чтобы оно дѣлало его своимъ постояннымъ пансіонеромъ, покровительствуя размноженію синекуръ. Но мы объ этомъ и не думали. Мы желали бы только, чтобы художниковъ, окончившихъ свои ученическіе годы, не оставляли безъ поощренія, тѣмъ болѣе, что такое поощреніе могло бы дѣлаться на ихъ собственный счетъ. Какъ ни ничтожна та сумма, которая собирается съ посѣтителей выставки, тѣмъ не менѣе она составляетъ нѣсколько тысячъ рублей, которые могли бы быть употреблены на ежегодныя преміи или на ежегодную покупку лучшихъ картинъ. Положимъ, что на вырученныя деньги много картинъ нельзя было бы купить, но вѣдь лучше немного, чѣмъ ровно ничего. Картины покупаются, снова возразятъ намъ. Пожалуй и такъ, но такая покупка является исключеніемъ, когда Академія пожелаетъ удержать за собою ту или другую, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко, въ то время, когда это могло бы сдѣлаться правиломъ, и Академія каждый годъ обогащалась бы хоть тремя или четырьмя картинами, которыя бы такимъ образомъ не оставались на

рукахъ художниковъ. Наконецъ, если бы съ теченіемъ годовъ Академія стала бы тяготиться своими пріобрѣтеніями, и не знала бы куда дѣваться съ картинами, то онѣ могли бы быть отправляемы въ провинціи и служить такимъ образомъ зародышемъ провинціальныхъ музеевъ. Вслѣдствіе того, съ одной стороны въ массѣ русскаго общества развивался бы вкусъ, а съ другой для художниковъ такая покупка служила бы хоть небольшимъ, но все-таки поощреніемъ. Наконецъ, ко всему этому, подобныя преміи или покупка картинъ больше удовлетворяла бы чувству справедливости, потому что съ какой въ самомъ дѣлѣ стати художники выставляютъ свои произведенія въ Академіи, доставляютъ ей все-таки довольно значительный сборъ, а сами ничѣмъ при этомъ не пользуются, ничего не выигрываютъ отъ выставки своихъ произведеній. Если дѣла такимъ образомъ будутъ продолжаться, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что художники въ одинъ прекрасный день догадаются, что имъ нѣтъ надобности выставлять свои произведенія въ Академіи, что они могутъ сговориться и выставить ихъ въ частной залѣ, и собирать тогда деньги за посѣщеніе выставки въ свою собственную пользу, вмѣсто того, чтобы они шли неизвѣстно куда. И тогда, нѣтъ сомнѣнія, Академія останется съ своими ученическими произведеніями, которыя еще гораздо менѣе будутъ привлекать къ себѣ публику, чѣмъ теперь. Если въ такихъ странахъ какъ Франція, гдѣ искусство это вошло въ жизнь, сдѣлалось потребностью, гдѣ вся масса общества интересуется имъ какъ нельзя болѣе и густо наполняетъ громадныя залы дворца промышленности, когда открывается тамъ выставка, гдѣ существуетъ огромное количество покупателей; если даже въ такой странѣ правительство находитъ нужнымъ поощрять искусство, поддерживать художественное рвеніе художниковъ, назначая для этого громадныя преміи въ 100,000 фр., то какъ же тогда не поощрять искусство въ Россіи, гдѣ оно существуетъ въ зародышѣ.

Раздача подобныхъ премій, или покупка картинъ должна бы быть поручена, безъ сомнѣнія, не оффиціальнымъ лицамъ, которыя, какъ доказываетъ опытъ всей человѣческой исторіи, не всегда руководятся достоинствами награждаемаго, качествами произведеніями, а совершенно посторонними побужденіями, которыя слѣдуетъ по мѣрѣ возможности уничтожить. Уничтожить эти постороннія побужденія и пристрастные приговоры можно, если ввести въ совѣтъ, рѣшающій судьбу художниковъ и ихъ произведеній, выборное начало, которое существуетъ въ подобныхъ вопросахъ въ другихъ странахъ. Пусть всѣ составляющіе Академію въ широкомъ смыслѣ этого слова, пусть всѣ художники избираютъ изъ себя самихъ jury, которое бы и постановляло рѣшенія. Введеніе этого начала въ составъ академическаго совѣта было бы какъ нельзя болѣе полезно даже въ настоящую минуту, когда происходитъ раздача, ну хоть бы профессорскихъ званій. По крайней мѣрѣ, тогда

академическій совѣтъ избавился бы отъ нареканій въ пристрастіи и устарѣлости.

Нельзя въ самомъ дѣлѣ не сочувствовать художникамъ, окончившимъ свои ученическіе годы и возвращающимся въ Россію, гдѣ они такъ мало находятъ себѣ поддержки для продолженія своей дѣятельности. Начиная съ климатическихъ условій, которыхъ къ несчастью никто не можетъ измѣнить, съ мрачнаго, сѣраго неба, съ короткихъ дней, мѣшающихъ работать въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и кончая чисто матеріальными условіями, какъ напр. полнымъ отсутствіемъ не только порядочныхъ, но какихъ бы то ни было мастерскихъ, все направлено противъ нихъ. Въ самой Академіи, правда, есть мастерскія, но кому неизвѣстно, съ какимъ громаднымъ трудомъ, какими происками можно добыть себѣ тамъ мѣсто. При этомъ дороговизна «натуры», всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для художника, да однимъ словомъ всего не перечтешь, не говоря уже о нравственныхъ помѣхахъ, которыя онъ встрѣчаетъ для того, чтобы дѣятельность его была успѣшна. Есть ли послѣ всего этого возможность сѣтовать на художниковъ, которые, присмотрѣвшись сколько-нибудь къ жизненной и художественной обстановкѣ здѣсь и находя какія-нибудь средства устроиться за границей, въ Италіи, Франціи или Германіи, покидаютъ Россію и проводятъ на чужбинѣ свои лучшіе годы, чтобы не сказать всю жизнь. Нужно ли послѣ этого удивляться, что мы находимъ на выставкѣ такъ много картинъ, взятыхъ изъ чуждой намъ жизни и такъ мало изображающихъ русскіе нравы и русскіе типы. Нельзя не сознаться, что для того, чтобы съ успѣхомъ работать въ Россіи и не быть доведеннымъ до писанія исключительно образовъ и портретовъ, для этого надо быть поставленнымъ въ особенно счастливыя обстоятельства, что далеко не выпадаетъ на долю всѣхъ нашихъ художниковъ.

Вотъ тѣ общія замѣчанія, которыя мы желали предпослать нашему бѣглому отчету о выставкѣ 1869 года, вотъ причины, которыя всегда будутъ удерживать насъ отъ слишкомъ строгихъ приговоровъ надъ произведеніями русскихъ художниковъ. Условія, при которыхъ они работаютъ, слишкомъ неблагопріятны, и мы откровенно сознаемся, что гораздо болѣе готовы удивляться богатству выставки, нежели ея бѣдности. Мимоходомъ замѣтимъ еще одно, внѣшнее обстоятельство, которое постоянно вредитъ нашимъ художникамъ на здѣшней выставкѣ. Устроенное для нихъ помѣщеніе съ освѣщеніемъ сверху крайне невыгодно для картинъ, и какъ доказательство этого можно привести картину г. Мясоѣдова, которая значительно выиграла, когда была перенесена изъ нашего salon d'honneur въ галлерею съ боковымъ освѣщеніемъ, гдѣ размѣщены статуи. Освѣщеніе сверху хорошо и выгодно для картинъ, когда зала широка и свѣтъ распредѣляется ровно, а не скользитъ по картинамъ, какъ это случилось у насъ вслѣдствіе того,

что зала чрезвычайно узка. Помимо того, свѣтъ проходитъ черезъ тройныя стекла съ широкими переплетами, что еще болѣе ослабляетъ и безъ того уже слабый свѣтъ сѣраго петербургскаго неба.

Первая картина, при входѣ въ длинную галлерею, наполненную копіями съ картинъ и статуй великихъ мастеровъ, гдѣ помѣщаются также немногія скульптурныя произведенія, выставленныя нашими художниками, принадлежитъ г. Плѣшанову. Огромное полотно изображаетъ сцену убіенія царевича Дмитрія Іоанновича, но сцена эта далеко не производитъ того впечатлѣнія, на которое надѣялся, конечно, самъ художникъ. Намъ кажется, что задача, которою задался г. Плѣшановъ, далеко превышаетъ его силы. Сцена эта, переполненная движенія, ужаса, страха, намъ вовсе не передана. Въ картинѣ мы не видимъ истиннаго движенія, никакого ужаса, никакого страха, передъ нами стоятъ не живые люди, а какія-то куклы, поставленныя въ мелодраматическія позы. Единственная фигура, по нашему мнѣнію, хорошо переданная, хорошо написанная, это фигура царевича. На его лицѣ нѣтъ болѣе жизни, смерть положила уже свою печать, глядя на эту фигуру нельзя не чувствовать въ ней правды, смерть должна была сдѣлать царевича такимъ именно, какимъ онъ представленъ г. Плѣшановымъ. За то о всѣхъ остальныхъ фигурахъ мы лучше умолчимъ. Особенно поражаетъ фигура женщины, матери царевича, падающей въ обморокъ; мы такъ и видимъ въ ней одѣтый въ роскошный нарядъ манекенъ, и даже лицо у нея такое, какое обыкновенно придѣлываютъ къ манекенамъ. Мы бы одобрительно отозвались о сильныхъ краскахъ г. Плѣшанова, если бы онѣ были приведены болѣе въ гармонію. Отдѣльныя части костюмовъ, въ этомъ нужно отдать справедливость художнику, написаны хорошо.

Противъ картины г. Плѣшанова поставлена теперь картина г. Мясоѣдова «Франческа да Римини и Паоло», которая сначала помѣщалась въ нашемъ salon d'honneur. Г. Мясоѣдовъ задался чрезвычайно трудною задачею, идеальныя дантовскія фигуры Франчески и Паоло изобразить на полотнѣ въ реальныхъ образахъ, и трудность эта должна быть принята во вниманіе при сужденіи о его картинѣ. Кому неизвѣстна эта знаменитая пятая пѣсня «Ада», въ которой Франческо съ такою неподражаемою простотою и прелестью разсказываетъ Данту и его путнику Виргилію свою грустную исторію и тяжкую судьбу, какъ читала она вмѣстѣ съ молодымъ братомъ своего стараго и ревниваго мужа книгу, въ которой описывалась любовь, и какъ прерывалось чтеніе, краснѣли ихъ щеки и какъ наконецъ настала минута, когда они были побѣждены и.... «quel giorno più non vi leggemmo avante», прибавляетъ Франческа. Моментъ, избранный г. Мясоѣдовымъ для своей картины, именно тотъ, когда книга выпала изъ рукъ читающихъ, моментъ, который Дантъ обезсмертилъ, стихомъ: «La bocca mi

laci tutto tremante». Сюжетъ Франчески и Паоло былъ уже не разъ заимствуемъ живописцами у Данта, но самою извѣстною картиною, изображающею эти фигуры, остается картина Ари Шеффера, который какъ нельзя лучше понялъ, что для того, чтобы удачно передать эти идеальные образы нужно относиться къ нимъ идеально, и сочинилъ свою картину такъ, что она въ самомъ дѣлѣ отвѣчаетъ разсказу Данта. Франческа и Паоло изображены у Шеффера летящими. Мы рѣшительно не можемъ рѣшить, что́ побудило г. Мясоѣдова взять подобный сюжетъ: глубокое ли изученіе Данта или просто желаніе написать любовную сцену; мы склоняемся скорѣе къ послѣднему, такъ какъ полагаемъ, что если бы художникъ проникся дантовскимъ «адомъ», то тогда фигуры и самой Франчески и самого Паоло вышли бы нѣсколько иными. Главный недостатокъ картины, недостатокъ болѣе всего поражающій—это изломанная, манерная фигура Франчески. Все неестественно въ этой фигурѣ, и поза и выраженіе, и какой-то грязный колоритъ ея лица, который фигуру Франчески дѣлаетъ крайне несимпатичною. Намъ болѣе нравится фигура Паоло, хотя и въ ней насъ непріятно поражаетъ какая-то театральность, свойственная первымъ любовникамъ на сценѣ. Впрочемъ, отдадимъ справедливость хорошо написаннымъ костюмамъ, что слѣдуетъ сказать и про всю правую часть картины, гдѣ виситъ тяжелая портьера. Если въ произведеніи г. Мясоѣдова встрѣчаются нѣкоторыя погрѣшности въ рисункѣ, то мы охотно ихъ опускаемъ, особенно, когда сдѣлавъ два шага, мы остановимся передъ картиною г. Шереметьева, изображающую «Шествіе по Красному Крыльцу XVII-го столѣтія». Масса фигуръ въ пестрыхъ костюмахъ, но въ этой массѣ поражаетъ одно, это полнѣйшее отсутствіе жизни. Самая неудачная театральная композиція не дѣлаетъ эту картину болѣе привлекательною. Очевидно одно, что она написана только для того, чтобы показать роскошь пестрыхъ костюмовъ, но стоитъ ли для этого писать огромную картину, это другой вопросъ.

Въ этой же галлереѣ, гдѣ помѣщены картины гг. Плѣшанова, Мясоѣдова, Шереметьева, стоятъ также нѣсколько портретовъ гг. Шервуда, Тюрина и Маковскаго, изъ которыхъ мы упомянемъ только о семейномъ портретѣ послѣдняго. Г. Маковскій сдѣлалъ изъ своихъ портретовъ настоящую картину, въ которой особенное вниманіе обращаетъ на себя портретъ молодой женщины, какъ нельзя болѣе просто и вмѣстѣ граціозно смотрящей на играющихъ по полу дѣтей. Портретъ другой женщины, можетъ быть, матери художника, одинаково интересенъ. Эти портреты, представляющіе очень удачно скомпанованную картину, еще болѣе выиграли бы, если бы портретъ одной изъ дѣвочекъ былъ также простъ и хорошъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣтскомъ портретѣ художникъ впалъ въ какіе-то искуственно-пріятные тоны, въ

какія-то, если можно такъ выразиться, идеализированныя краски. Чтобы увидѣть г. Маковскаго во всей своей силѣ, чтобы познакомиться дѣйствительно съ его недюжиннымъ талантомъ, нужно оставить галлерею, пройти черезъ комнату, гдѣ размѣщены прекрасныя и сильныя по краскамъ мозаики работы мозаичнаго отдѣленія, подняться по лѣстницѣ и войти въ залу, которую мы называемъ нашимъ salon d'honneur, такъ какъ тутъ собрано все, что есть лучшаго на настоящей выставкѣ.

Тутъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ картина г. Маковскаго «Народное гулянье во время масляницы на Адмиралтейской площади». Можно ли описывать подобную картину? тотъ, кто хоть разъ былъ на Адмиралтейской площади во время масляницы, тотъ найдетъ всякое описаніе лишнимъ и недостаточно-сильнымъ. Для того, чтобы изобразить его, нужны кисть, краски, и г. Маковскаго нельзя не поздравить, что онъ остановился на такомъ богатомъ, но вмѣстѣ трудномъ сюжетѣ, который онъ выполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Адмиралтейская площадь съ зимнимъ дворцемъ, балаганы, карусели, съ длиннобородыми «дѣдушками», съ фокусниками, паяцами, арлекинами, съ густою массою народа, среди которой попадаются всѣ классы общества, съ толстой купчихой, съ чувствующей свое достоинство генеральшей, съ гостинnoдворскими франтами и т. д. и т. д., все это изображено на картинѣ г. Маковскаго чрезвычайно живо, умно и ловко. Г. Маковскій выказалъ своею картиною большую наблюдательность, умѣнье подмѣчать самыя типичныя фигуры, самыя типичныя движенія и переносить ихъ на полотно безъ всякаго для нихъ ущерба. Плачущій мальчуганъ, группа, толкающаяся, чтобы поглядѣть панораму, мужикъ стоящій у лотка, другая группа, на другомъ концѣ картины, размѣстившаяся около самовара, этотъ паяцъ, дрожащій отъ холода и согнувшійся, все это какъ нельзя болѣе удачно и дѣлаетъ большую честь художнику. Когда присматриваешься къ серединѣ картины, въ ней точно также открываешь интересные, живые типы, которые къ сожалѣнію пропадаютъ, когда нѣсколько отойдешь отъ картины, и превращаются въ довольно черную массу, которая непріятно поражаетъ глазъ. Если обѣ стороны картины выполнены очень хорошо, то мы не скажемъ того же относительно середины картины, наполненной густою толпою людей; въ эту толпу г. Маковскій долженъ былъ бы пустить больше свѣту, чтобы она не ложилась чернымъ пятномъ и не портила общаго впечатлѣнія картины. Точно также мы должны сдѣлать упрекъ г. Маковскому за то злоупотребленіе неумѣренными радужными тонами, не приведенными достаточно въ гармонію, и которыя встрѣчаются во всемъ его воздухѣ. Съ другой стороны, мы должны отдать ему полную справедливость: г. Маковскій взялся за разрѣшеніе весьма трудной задачи—передать воздухъ яснаго, морознаго дня, подернутый паромъ и дымомъ, поднимающимся съ земли.

Задача эта была бы разрѣшена вполнѣ, если бы художникъ, сохранивъ всѣ сложные тона такого воздуха, съумѣлъ бы ихъ умѣрить. Мы думаемъ вообще, что еслибы г. Маковскій захотѣлъ потрудиться еще немного надъ своею картиною, то она значительно бы выиграла въ своей цѣльности. Намъ кажется, что въ его картинѣ именно не достаетъ цѣльности, что всѣ части картины недостаточно сплочены между собою, что обѣ стороны ея, и главнымъ образомъ лѣвая сторона, гдѣ изображена группа около самовара, точно оторваны отъ середины. Когда смотрѣть на картину, глазъ ищетъ сконцентрированнаго пункта, на которомъ могъ бы остановиться, и не находя его, начинаешь разсматривать отдѣльныя группы отдѣльныхъ частей, типы и такимъ образомъ общее впечатлѣніе картины неизбѣжно ослабѣваетъ. Но тѣмъ не менѣе, сколько бы недостатковъ мы ни видѣли въ картинѣ «Народное гулянье», она все-таки показываетъ, какой значительный успѣхъ сдѣлалъ молодой художникъ и какимъ серьёзнымъ и самобытнымъ талантомъ обладаетъ г. Маковскій.

Рядомъ съ г. Маковскимъ должны быть поставлены гг. Верещагинъ и Якоби. Оба они только что возвратились изъ Италіи, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что выставленныя ими произведенія посвящены итальянской жизни. Г. Верещагинъ представилъ нѣсколько картинъ, изъ которыхъ мы назовемъ: «Свиданіе заключеннаго съ своимъ семействомъ», «Ночь на Голгоѳѣ» и «Григорія Великаго, наказывающаго нарушеніе монастырскаго устава». Ни одинъ изъ выставившихъ свои произведенія художниковъ, намъ кажется, не обладаетъ такимъ искуснымъ рисункомъ, какъ г. Верещагинъ; тутъ онъ вполнѣ мастеръ своего дѣла и можетъ служить отличнымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ. Онъ увѣренъ въ своей кисти, не любитъ прибѣгать ни къ какимъ эффектамъ, краски его спокойныя, такія именно, какія должны быть. Мы вовсе не прочь были бы даже упрекнуть г. Верещагина въ какой-нибудь утрировкѣ колорита, въ тонѣ, но ничего подобнаго нѣтъ. Мы можетъ быть даже желали бы видѣть какой-нибудь недостатокъ въ этомъ родѣ, потому что опасаемся въ молодомъ художникѣ слишкомъ большой ровности, гладкости, спокойствія, которое замѣчаемъ у г. Верещагина, припоминая французскую пословицу: кто въ 20-ть лѣтъ не былъ молодъ, того въ сорокъ лѣтъ придется повѣсить! Лучшая картина г. Верещагина, безспорно, «Свиданіе заключеннаго съ своимъ семействомъ». Мы не станемъ говорить уже о рисункѣ, общемъ тонѣ картины, свѣжихъ, незамучённыхъ краскахъ, тутъ г. Верещагинъ не терпитъ никакихъ упрековъ; но самая композиція картины, экспрессіи дѣйствующихъ лицъ, мысль, все это какъ нельзя болѣе удачно. Человѣка, посаженнаго въ тюрьму, пришла навѣстить жена съ двуми дѣтьмя. Человѣкъ этотъ невиненъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, когда смотришь на его унылое, убитое горемъ, но честное лицо. Честность этой

фигуры еще болѣе выдается, благодаря тому, что художникъ сзади показалъ двухъ другихъ заключенныхъ, на физіономіи которыхъ можно прочесть: мошенникъ. Экспрессія главнаго лица, этого невинно-заключеннаго очень хороша. Во всей этой фигурѣ есть удивительная простота, правда, которая невольно притягиваетъ къ себѣ. Еслибы мы во что бы то ни стало захотѣли упрекнуть въ чемъ-нибудь г. Верещагина, то мы, можетъ быть, были вправѣ спросить его, зачѣмъ онъ придалъ своей женской фигурѣ, женѣ заключеннаго, такое идеальное выраженіе лица, которое вноситъ маленькую дисгармонію въ реально-написанную картину. Мы не станемъ упрекать его за маленькаго ребенка, играющаго съ цѣпями, которыя надѣты на ноги отца его, мы не видимъ тутъ ничего утрированнаго; занятіе ребенка естественно какъ нельзя болѣе, онъ не можетъ понять, что за игрушку онъ держитъ въ своихъ рукахъ. Въ этомъ нѣтъ и тѣни мелодраматизма. Одинаково хороша фигура и другого ребенка, но уже значительно старшаго, лѣтъ пяти, шести, который тоже не можетъ еще ясно понимать положенія своего отца, но тѣмъ не менѣе по его туманному личику уже видно, что ему кажется нехорошо въ тюрьмѣ, что ему хочется поскорѣе выйти отсюда. Картина эта ставитъ г. Верещагина на ряду съ нашими лучшими мастерами, онъ показалъ въ ней, что онъ не только хорошій техникъ, но что онъ еще и хорошій художникъ. Мало еще умѣть хорошо рисовать или недурно писать, нужно еще умѣть думать, чувствовать, нужно вносить въ то, что видишь, свое творчество, свое вдохновеніе, только тогда живописецъ и достоинъ названія художника. Этого чувства, этой продуманности, которыми такъ отличается разобранная нами картина г. Верещагина, мы уже не замѣтили въ другой его большой картинѣ, изображающей монаховъ въ бѣломъ одѣяніи, присутствующихъ при погребеніи ихъ товарища, который нарушилъ монастырскій уставъ, утаивъ у себя нѣсколько монетъ. Картина эта, хорошо нарисованная, хорошо написанная, уступаетъ многимъ «Свиданію». Г. Верещагинъ отлично совладалъ съ трудностью, которую представляютъ бѣлыя одѣянія; картина его не блѣдна, напротивъ, она колоритна, общій тонъ ея пріятенъ, всѣ лица монаховъ удачно подобраны, хорошо написаны, но вмѣстѣ съ тѣмъ она оставляетъ того, кто смотритъ на нее, совершенно равнодушнымъ. Картина г. Верещагина «Ночь на Голгоѳѣ» хороша по своему освѣщенію, по общему тону она чрезвычайно симпатична. Въ этомъ ночномъ пейзажѣ есть много чувства, много поэзіи. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о выставленномъ г. Верещагинымъ эскизѣ «Потопъ»; видно по всему, что писавшій его владѣетъ большою фантазіею, энергіею, какою всегда отличается истинный художникъ.

Такимъ художникомъ является хорошо и уже давно знакомый нашей публикѣ г. Якоби; онъ выставилъ нѣсколько картинъ, главнымъ

образомъ изъ итальянской жизни. Лучшею его картиною нельзя не признать «Тарантеллу на зубахъ», въ которой этотъ талантливый художникъ представилъ намъ сцену въ неаполитанской тавернѣ. Большое достоинство этой картины заключается въ ея типичности, въ ея правдѣ, которая бросается въ глаза. Собравшійся народъ въ тавернѣ смотритъ, какъ дѣти и одна молодая дѣвушка танцуютъ тарантеллу. Ихъ окружаютъ мужчины, женщины, впившіеся глазами въ любопытное зрѣлище, и всѣ эти женщины, всѣ эти мужчины типичны какъ нельзя болѣе. Видно, что художникъ не только видѣлъ эту народную жизнь, но что онъ прочувствовалъ ее, понялъ и вѣрно изобразилъ на полотнѣ. Но ничто такъ не хорошо въ этой картинѣ, какъ ея второй планъ, какъ эта улыбающаяся группа мужчинъ, на которую изъ окна падаетъ густой лучъ свѣта. Этотъ лучъ свѣта, эта ярко-освѣщенная группа показываетъ въ г. Якоби не только талантливаго, но и хорошо владѣющаго кистью художника, который не избѣгаетъ эффектовъ, который любитъ щегольнуть своею ловкостью. Задача художника была далеко не легка, малѣйшая фальшь, малѣйшая ошибка — и весь эффектъ этого освѣщенія превратился бы въ какую-то претенціозность и неудачное стремленіе къ оригинальности. Если нельзя не отдать справедливости художнику, что онъ чрезвычайно хорошо подмѣтилъ типы, выраженія, съ большимъ искусствомъ написалъ фонъ картины, и придалъ ей очень пріятный тонъ, то таже справедливость требуетъ замѣтить, что художникъ въ нѣкоторыхъ фигурахъ пренебрегъ рисункомъ, какъ, напр., это бросается въ глаза въ одномъ изъ мальчугановъ, танцующихъ тарантеллу. Но мы уже сказали, что тотъ или другой техническій недостатокъ сплошь и рядомъ пропадаетъ въ общемъ впечатлѣніи картины, какъ это мы и видимъ въ картинѣ г. Якоби, которая должна быть причислена къ самымъ интереснымъ произведеніямъ нынѣшней выставки. Другія его картины несравненно меньше, и не всѣ одинаково удачны. Самою интересною изъ нихъ представляется «Политика послѣ завтрака», въ которую художникъ вложилъ много остроумія и живости. Фигура кардинала, который уснулъ въ креслахъ послѣ плотнаго завтрака, точно также, какъ и фигура его молодого и смазливаго духовника, соединяющаго въ себѣ различныя должности, обѣ онѣ переданы какъ нельзя лучше и отличаются большою законченностью. Художникъ не пренебрегъ тутъ ничѣмъ, всѣ детали, вся обстановка, все до мельчайшихъ подробностей, начиная отъ стола, покрытаго остатками завтрака, и кончая газетою, которую читаетъ молодой секретарь кардинала, все это исполнено очень старательно и вмѣстѣ ловко. Другая картинка, которая привлекаетъ къ себѣ теплотою тона, умно схваченнымъ сюжетомъ, это «Дѣдушкины сказки». Всего двѣ фигурки, старикъ и мальчуганъ, уснувшій у него на колѣняхъ, но онѣ написаны такъ мило, что глазъ какъ-то невольно оста-

навливается на нихъ. Другія его двѣ картины, изъ которыхъ одна совсѣмъ маленькая, «Выходъ изъ Траторіи», другая, побольше—«Модная мать», совсѣмъ не удачны. «Модная мать» поражаетъ какимъ-то холоднымъ тономъ, который такъ несвойственъ нашему крайне даровитому художнику.

Г. Риццони въ этомъ году выставилъ двѣ картины, изъ которыхъ одна представляетъ собою «Еврея», другая «Квартетъ». Несмотря на то, что г. Риццони взялъ для своего «Квартета» сюжетъ, отличающійся отъ предъидущихъ его картинъ, мы не нашли ничего новаго въ этой картинѣ относительно прежней манеры его, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Большая добросовѣстность, большая законченность, поражающая зрителя, но переходящая вмѣстѣ съ тѣмъ въ однообразіе и монотонность фотографическихъ снимковъ — вотъ качества, вотъ пороки г. Риццони, который одинаково равнодушно относится ко всѣмъ элементамъ картины, одинаково заканчиваетъ табакерки, метрономы, и рюмки, и изображаемые имъ типы. Если картинки его въ этомъ году могутъ показаться менѣе интересными, чѣмъ въ прежніе годы, то только потому, что публикѣ могла нѣсколько наскучить его довольно сухая манера. Мы отъ души желаемъ, чтобы г. Риццони попробовалъ свои силы на произведеніи, гдѣ бы могла, наконецъ, сказаться та артистическая нота, то художественное чувство, котораго осуществленіе мы тщетно искали до сихъ поръ въ его картинкахъ.

Рядомъ съ картинками г. Риццони мы находимъ произведенія г. Бронникова, который чувствуетъ особенную страсть къ изображенію женскаго тѣла. Изъ выставленныхъ имъ картинъ главное мѣсто занимаетъ «Римскія бани», въ которой мы видимъ въ различныхъ позахъ нѣсколько голыхъ женщинъ, не представляющія, по нашему крайнему мнѣнію, ни особенной красоты, ни особеннаго изящества. Трудно опредѣлить, что̀ заставляетъ г. Бронникова изображать голое женское тѣло; если онъ думаетъ, что въ этомъ скрывается его сила, мы возьмемъ на себя смѣлость завѣрить его, что онъ ошибается. Правда, мы не можемъ не признать, что нѣкоторыя части его картины, какъ напр. мальчикъ, одѣвающій на себя рубашку, двѣ женщины, стоящія на второмъ планѣ, и одна изъ тѣхъ, которыя расположены на переднемъ планѣ картины, не лишены интереса и написаны съ большимъ умѣньемъ и вкусомъ,—тѣмъ не менѣе въ цѣломъ картина г. Бронникова производитъ непріятное впечатлѣніе. Другая его картина «Богомольцы-крестьяне въ церкви св. Петра въ Римѣ» одинаково не особенно удачна. Огромная фигура папскаго лакея, одѣтаго въ красное платье, и поставленная на одномъ планѣ съ крестьянами, непріятно поражаетъ своею утрированною величиною, вмѣсто того, чтобы составлять главный интересъ картины, ея эффектъ, какъ надѣялся на то, безъ со-

мнѣнія, г. Бронниковъ. Но и тутъ, какъ и въ первой картинѣ, есть отдѣльныя фигуры, хорошо написанныя, удачно схваченныя выраженія, но въ цѣломъ она одинаково неинтересна. Болѣе цѣльное впечатлѣніе производитъ его картина «Заключенный патрицій въ темницѣ», которая по тону лучше всѣхъ остальныхъ его произведеній, хотя съ технической стороны «Римскія бани» и имѣютъ надъ нею преимущество.

Рядомъ, если мы не ошибаемся, съ картинами г. Бронникова помѣщена картина г. Брянскаго «Тяжелая минута». Художникъ желалъ изобразить горе молодой матери, которая вынуждена отправить свое дитя въ воспитательный домъ. Онъ нарисовалъ двухъ дѣвочекъ съ грустными личиками, изъ которыхъ одна на рукахъ своихъ держитъ ребенка. И что это за ребенокъ! маленькая кукла и больше ничего. Въ этой картинѣ нѣтъ и намека на композицію, на сочиненіе; г. Брянскій видимо не особенно задумывался какъ бы поинтереснѣе составить свою картину. Извѣстное выраженіе, небольшая доза чувства, которое сказывается въ головкахъ, далеко не искупаетъ ни дурно написанныхъ фигуръ, ни дурной композиціи, ни этой деревянной куклы, которая должна изображать ребенка. Г. Брянскій стоитъ на опасной дорогѣ, и ему очень не трудно скатиться въ пропасть, гдѣ лежитъ уже столько погибшихъ «надеждъ».

Изъ другихъ жанровыхъ картинъ нельзя не обратить вниманіе на произведенія двухъ художниковъ, гг. Корзухина и Маковскаго младшаго. Первый выставилъ небольшую картинку, чрезвычайно пріятную по тону — «Канунъ Рождества», хотя и написанную эскизно; второй, очевидно еще молодой художникъ, но который относится къ своему дѣлу съ большою любовью и добросовѣстностью. Его картина «Крестьянскіе мальчики стерегутъ лошадей», навѣянная на него чтеніемъ въ высшей степени художественнаго разсказа Тургенева «Бѣжинъ Лугъ», обличаетъ въ немъ большую наблюдательность и пытливость. Онъ отыскиваетъ вѣрныя выраженія, правду въ движеніи, и это можетъ служить уже хорошимъ залогомъ для будущаго. Тонъ его картины тяжелъ, краски тусклы, но выраженія, позы нѣкоторыхъ мальчишекъ очень удачны, и этого уже довольно. Г. Маковскій ищетъ, пробуетъ, приглядывается къ природѣ, однимъ словомъ, идетъ по единственной вѣрной дорогѣ, чтобы сдѣлаться современемъ художникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Г. Пелевинъ одинаково подаетъ надежды; въ картинахъ его «Молодая мать», «Дѣтскій завтракъ» есть вкусъ, добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу, тонъ его картинокъ пріятенъ, краски свѣжи, но вотъ и все, что можно про нихъ сказать. Правда, для начинающаго художника, и этого уже не мало.

Изъ портретистовъ мы упомянемъ только гг. Перова и Крамскаго,

изъ пейзажистовъ гг. Дюкера и Шишкина. Портреты г. Перова очень хороши. Это не маски съ живыхъ людей, а дѣйствительно живые люди; художникъ передаетъ не только внѣшнія черты сходства, но старается уловить характеръ, внутренній міръ человѣка, насколько онъ отпечатлѣвается въ выраженіи его лица. Въ его портретахъ такъ много смысла, что можно съ увѣренностью сказать: они должны непремѣнно походить на свой оригиналъ. На одномъ изъ его портретовъ, именно угловомъ, изображена полная фигура, на которой такъ и читаешь распущенность, апатію, преобладаніе чувственныхъ матеріальныхъ элементовъ. Другой портретъ, средній, долженъ быть названъ безспорно лучшимъ изъ трехъ, такъ много въ немъ простоты, правды, жизни. Мы желали бы, можетъ быть, чтобы красный, мясистый колоритъ лица не былъ такъ рѣзокъ, хотя въ дѣйствительности онъ можетъ быть такой именно, какимъ представляется на портретѣ; но природу не всегда можно цѣликомъ переложить на полотно, или по крайней мѣрѣ ее слѣдуетъ согласовать съ общимъ тономъ, въ которомъ написана картина или портретъ. Но повторяемъ, портретъ этотъ можетъ быть названъ художественнымъ произведеніемъ. Въ третьемъ портретѣ есть какой-то лиловатый тонъ, который особенно замѣтенъ, когда смотришь на предъидущій портретъ. Какъ ни хороши портреты г. Перова, мы все-таки не можемъ забыть его жанровыхъ картинокъ, въ которыхъ онъ высказалъ такую глубокую наблюдательность и такое неподдѣльное чувство; мы не хотимъ думать, чтобы нашъ талантливый художникъ покинулъ тотъ родъ живописи, который доставилъ ему такую заслуженную извѣстность. Портреты г. Крамскаго уступаютъ портретамъ г. Перова, хотя въ нихъ мы видимъ точно также большое пониманіе этого рода живописи. Портретъ княгини Васильчиковой написанъ умно; онъ съумѣлъ хорошо сочинить его, т. е. дать хорошую позу, удачное движеніе, въ портретѣ есть характеръ, лицо не безжизненно, во всей фигурѣ художникъ высказалъ большую ловкость. Но отъ портретовъ г. Крамскаго не слѣдуетъ быстро переходить къ портретамъ г. Перова, потому что тогда тотчасъ же дѣлается замѣтнымъ его недостатокъ г. Крамскаго въ отношеніи колорита. Краски его нѣсколько вялы въ нихъ нѣтъ той свѣжести, ясности и живости, отъ которыхъ такъ выигрываютъ портреты г. Перова. Нельзя оставить г. Крамскаго, чтобы не упомянуть о его портретахъ, писанныхъ карандашемъ. Всѣ три выставленные имъ портреты очень хороши, но одинъ изъ нихъ, именно портретъ г. Морозова просто безукоризненъ.

Изъ пейзажистовъ мы назвали гг. Дюкера и Шишкина. Пейзажъ г. Дюкера, изображающій до чрезвычайности грустный и мрачный видъ бѣдной природы Эстляндіи, показываетъ рѣдкую силу, замѣчательное мастерство художника. Земля, камни, усѣявающіе берегъ небольшой рѣченки, написаны такъ, какъ возможно только желать; тутъ

кажется нельзя ничего ни прибавить, ни убавить безъ того, чтобы не испортить того, что исполнено съ такимъ талантомъ. Но въ пейзажѣ г. Дюкера не все имѣетъ такой законченный характеръ, какъ земля и камни, не все написано съ одинаковымъ мастерствомъ. Повиснувшія надъ землею облака нѣсколько тяжелы, тонъ ихъ слѣдовало бы нѣсколько понизить. Точно также лѣвая часть картины могла бы быть исполнена съ бóльшимъ стараніемъ и внимательностію. Мы не сомнѣваемся, что вода вышла бы у него значительно легче, прозрачнѣе, точно также какъ и кустарникъ, невысокія деревья, раскинувшіяся на пригоркѣ походили бы болѣе на деревья или кустарникъ. Мы не требуемъ отъ г. Дюкера педантической законченности, но и не желаемъ видѣть въ его работѣ какую-то небрежность, которая сказывается въ этомъ кустарникѣ. Тутъ ужъ ровно ничего не написано. Тѣмъ болѣе поражаетъ эта небрежность, когда взглянешь на стоящую рядомъ картину г. Шишкина «Сумерки», исполненную чрезвычайно добросовѣстно и очень талантливо. Солнце садится, высокія деревья не успѣли еще превратиться въ черныя привидѣнія, послѣдніе красные лучи исчезающаго солнца пробиваются черезъ гущу лѣса. Этотъ поэтическій мотивъ переданъ г. Шишкинымъ съ большою правдою, съ вѣрнымъ пониманіемъ природы, безъ всякаго стремленія разсчитывать на эффектъ. Другіе пейзажи г. Шишкина намъ далеко не такъ нравятся, хотя и въ нихъ есть много хорошаго, но какой-то холодный тонъ и несовсѣмъ удачный воздухъ значительно ослабляютъ производимое ими впечатлѣніе. Гдѣ г. Шишкину нельзя сдѣлать никакого упрека, это въ его рисункахъ перомъ. Просто прелесть!

Если изъ картинъ, помѣщающихся въ нашемъ salon d'honneur, мы назовемъ еще двѣ баталическія картины г. Вилевальде «Сраженіе подъ крѣпостью города Карса» и «Атаку подъ Варшавой», къ которымъ, несмотря на то, что онѣ исполнены съ большою добросовѣстностью и даже излишнею законченностью, мы не чувствуемъ ровно никакой симпатіи, да еще одну баталическую картину г. Ковалевскаго, который умѣетъ хорошо писать лошадей, то мы можемъ съ спокойною совѣстью покинуть эту узкую и дурно освѣщенную залу. На хорахъ слѣдуетъ становиться передъ большими рисунками сепіею г. Семирадскаго, изображающими «Сошествіе Спасителя во адъ» и «Разрушеніе Содома», хотя бы только для того, чтобы подивиться съ одной стороны искусству, которымъ владѣетъ художникъ, и съ другой пожалѣть, что онъ не распоряжается своими силами болѣе осмысленно. Чѣмъ больше таланта въ г. Семирадскомъ, тѣмъ живѣе должно быть опасеніе, чтобы онъ не завязъ въ академической рутинѣ, которой онъ принадлежитъ въ настоящую минуту съ головы до ногъ.

Прежде чѣмъ закончить нашъ отчетъ, остановимся на минуту еще въ одной залѣ, гдѣ выставлены акварели, картины, написанныя ма-

масляными красками, но не попавшія въ главную залу, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ произведенія конкуррентовъ на 2-ю золотую медаль. Изъ акварелей главнымъ образомъ на себѣ останавливаютъ вниманіе великолѣпныя акварели г. Верещагина, того самаго, о которомъ мы уже говорили. Одна изъ его самыхъ большихъ акварелей «Католическая процессія въ «Рокко ди-Папа» очень замѣчательна, хотя по силѣ красокъ можетъ быть и уступаетъ другимъ его акварельнымъ видамъ и этюдамъ. Изъ произведеній учениковъ академіи болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія картины гг. Полѣнова и Рѣпина. Въ томъ и другомъ нельзя не признать хорошихъ задатковъ. Можетъ быть, намъ слѣдуетъ въ этой же залѣ остановиться на произведеніяхъ г. Куинджи, чтобы сказать, что какъ онъ ни старается подражать въ своихъ картинахъ «Видъ Исакіевскаго собора при лунномъ освѣщеніи», «Буря на Черномъ морѣ при закатѣ солнца»—манерѣ г. Айвазовскаго, но ему все-таки еще очень далеко до своего идеала. Въ скульптурномъ отдѣленіи мы замѣтимъ только прекрасный бюстъ г. Кочубея, сдѣланный г. Забѣллой и модели двухъ памятниковъ, работы г. Микѣшина. Какъ много вкусу, по нашему мнѣнію, въ проектѣ памятника адмиралу Грейгу, такъ мало его въ другомъ проектѣ памятника Екатеринѣ II.

Мы оканчиваемъ нашъ обзоръ въ надеждѣ, что наши читатели согласятся съ нами, что академическая выставка 1869 года уже не такъ бѣдна, какъ это говорятъ, и что она, можетъ быть, даже богаче, чѣмъ можно было бы надѣяться, судя по тѣмъ условіямъ, при которыхъ работаютъ наши художники. Пусть будутъ улучшены эти условія, улучшатся тогда и наши художественныя выставки; до тѣхъ же поръ мы не можемъ да и не должны претендовать, что русскіе художники не дарятъ насъ капитальными произведеніями.

Е. О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября, 1869.

Земское управленіе и его расходы. — Петербургская городская смѣта на 1870 годъ. — Степень простора земства въ распоряженіи средствами. — Преобразованіе Адресной экспедиціи. — Пріѣздъ Кремьё и еврейскій вопросъ. — Евреи въ новомъ городскомъ положеніи. — Отчетъ о сборѣ на желѣзныхъ дорогахъ. — Проектъ новаго положенія объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Земская гласность наша, какъ извѣстно, сосредоточилась въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о земствѣ представляютъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ подробностями нашего народнаго хозяйства. Но «Правительственный Вѣстникъ» служитъ только литературнымъ сосредоточеніемъ дѣятельности земства въ различныхъ губерніяхъ, и потому изъ его, хотя и подробныхъ, но отрывочныхъ свѣдѣній невозможно составить никакой общей картины, такъ какъ сами губернскія земства въ дѣйствительности не составляютъ никакой общей картины. Отъ времени до времени, мы узнаёмъ, ка́къ смотритъ, напр., московское земство на вопросъ объ учрежденіи семинаріи для народныхъ учителей, или ка́къ разсуждало земство рязанское въ послѣднюю сессію объ общественномъ призрѣніи и т. п. Но изъ всѣхъ подобныхъ свѣдѣній никакъ нельзя извлечь общихъ результатовъ работъ земскаго представительства. Внимательный читатель газетъ яснѣе отдаетъ себѣ отчетъ въ результатахъ дѣятельности той или другой сессіи, наприм. французскаго законодательнаго собранія, или англійскаго и прусскаго парламентовъ. Но постараемся, по крайней мѣрѣ подвести итоги дѣйствіямъ отдѣльныхъ земскихъ учрежденій.

Что́ сдѣлали наши земскія учрежденія со времени своего существованія? Сколько провело земство дорогъ, сколько приняло капиталовъ народнаго продовольствія и общественнаго призрѣнія, и что̀ оно сдѣлало своею иниціативою, распоряжаясь той частью земскаго сбора, которою оно можетъ распоряжаться по усмотрѣнію? Еслибы у насъ

были прежде въ рукахъ подобныя данныя, то мы могли бы давно уяснить себѣ, что такое наши земскія учрежденія въ дѣйствительности. За недостаткомъ же такихъ общихъ свѣдѣній у насъ до сихъ поръ недостаточно было выяснено и значеніе земскихъ учрежденій. Существуетъ даже мнѣніе, что главный результатъ, какого можно ожидать отъ земства въ его нынѣшнихъ предѣлахъ дѣятельности, — скорѣе нравственный, чѣмъ матеріальный, скорѣе воспитательный или образовательный, чѣмъ экономическій, однимъ словомъ, что отъ дѣятельности нынѣшняго земства можно ожидать главнымъ образомъ болѣе «цвѣтовъ», нежели «плодовъ» самоуправленія.

Но вотъ недавно оффиціальная газета сообщила нѣчто въ родѣ свода общихъ данныхъ о дѣятельности земства. Это — составленный на основаніи отчетовъ губернаторовъ за 1867—1868 года сравнительный обзоръ земскихъ росписей 27-ми губерній по главнымъ предметамъ земскаго сбора, со свѣдѣніями о числѣ сессій, составѣ, расходахъ на содержаніе земскаго управленія. Изъ этого обзора результатовъ дѣятельности земскихъ учрежденій все-таки не видно цѣлой картины, хотя довольно ясно усматриваются предѣлы, въ которыхъ заключена дѣятельность земства.

Общій итогъ земскаго сбора по 27-ми губерніямъ, о которыхъ собраны эти свѣдѣнія, составляетъ почти 11 милл. рублей. Главный предметъ обложенія, т. е. главный источникъ средствъ земства, представляютъ разумѣется земли; на нихъ изъ 11 милл. р. сбора падаетъ болѣе $7\frac{1}{2}$ милл. р.; второй по важности предметъ обложенія — свидѣтельства, патенты и билеты на право торговли—около $1\frac{1}{4}$ милл. руб., затѣмъ болѣе $\frac{1}{2}$ милл. взимается съ фабрикъ и заводовъ.

Хотя о дѣятельности земства на основаніи предлежащаго обзора судить нельзя, но можно судить до нѣкоторой степени объ усердіи земскихъ дѣятелей въ исполненіи ими принятыхъ на себя обязанностей. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что все обстоитъ благополучно. Правда, оказывается, что 18 сессій не состоялось «главнымъ образомъ по неприбытію требуемаго закономъ числа гласныхъ» (объясненіе это «Правительственный Вѣстникъ» почему-то напечаталъ съ выносными знаками). Но въ числѣ этихъ 18-ти несостоявшихся сессій было только пять очередныхъ; а 13-ть чрезвычайныхъ если и не состоялись, то только въ первоначально-назначенные сроки, то-есть, нѣкоторыя изъ нихъ открылись, быть можетъ, нѣсколькими днями позже, чѣмъ предполагалось. Это еще не бѣда. Размѣръ обновленія состава земскаго представительства и управленія при выборахъ на второе трехлѣтіе также не представляетъ ничего необыкновеннаго: составъ земскихъ собраній обновился на 65%, но обновленіе это въ довольно незначительной долѣ зависѣло собственно отъ забаллотированія прежнихъ гласныхъ (786 изъ 9,338); составъ губернскихъ управъ

обновился на 56%, а уѣздныхъ — на 69%; наконецъ, изъ 19 прежнихъ предсѣдателей губернскихъ управъ избрано вновь 13, а изъ 238 предсѣдателей управъ уѣздныхъ вновь избрано 116. Такой размѣръ обновленія можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ потому, что не представляетъ ни разочарованія, ни застоя.

Въ новомъ составѣ земскаго представительства нѣсколько усилился элементъ дворянскій, именно возросъ съ 42½% всего числа гласныхъ до 45%, а крестьянскій элементъ нѣсколько уменьшился, впрочемъ незначительно (на 1½%). Уменьшился также элементъ городскихъ сословій; въ особенности же элементъ духовный, послѣдній почти на половину. Усиленіе дворянскаго элемента насчетъ всѣхъ остальныхъ въ составѣ земскаго представительства можетъ быть представленъ намъ также фактомъ удовлетворительнымъ. Въ Пруссіи онъ, конечно, имѣлъ бы реакціонное значеніе, но у насъ нѣтъ никакихъ поводовъ считать дворянское сословіе способнымъ къ какой-либо сословной политикѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что число гласныхъ изъ дворянъ усилилось просто подъ вліяніемъ сравнительной его образованности, и этотъ результатъ представляетъ во всякомъ случаѣ то благопріятное свидѣтельство, что у насъ не существуетъ сословнаго недовѣрія и сословнаго антагонизма, который обиженные изъ одного сословія пытались было выдумать.

Но оптимистическое расположеніе наше сейчасъ нѣсколько разстроится: между данными, которыя сообщилъ «Правительственный Вѣстникъ», весьма примѣтное мѣсто занимаетъ сравненіе «стоимости самоуправленія» съ итогомъ всего земскаго сбора. Самый заголовокъ этотъ: «стоимость самоуправленія» какъ будто подсказываетъ мысль, что самоуправленіе обходится не дешево, и при бѣгломъ взглядѣ на цифры сравненія, естественно, представляется именно этотъ, простѣйшій выводъ. Оказывается, что въ средней цифрѣ содержаніе земскихъ учрежденій каждой губерніи составляло *болѣе одной пятой* суммы всего земскаго сбора, приходящагося па каждую губернію. Есть даже такія губерніи, въ которыхъ эта издержка на содержаніе земскихъ управъ съ ихъ канцеляріями составляла почти четверть всего земскаго сбора этихъ губерній; есть и такія, въ которыхъ издержки на земское управленіе составляли только $1/7$, $1/9$ и даже $1/20$ суммы земскаго сбора. Послѣдняя цифра относится къ воронежской губерніи.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи элементовъ такого сравненія, изъ него едва ли можно заключить, что такой результатъ долженъ быть отнесенъ къ винѣ земскихъ дѣятелей, къ излишней заботливости ихъ о личномъ обезпеченіи. Отчего въ воронежской губерніи издержки на земское управленіе составляютъ въ сравненіи съ суммою земскаго сбора наименьшую цифру? Оттого ли, что земство этой губерніи особенно безкорыстное, оттого ли, что оно усердіемъ своимъ

увеличило свои средства, оттого ли, однимъ словомъ, что воронежское земство — образцовое въ сравненіи съ другими? Вовсе нѣтъ. Прежде всего замѣтимъ, что сравненіе дѣлается здѣсь съ итогами земскаго сбора съ разныхъ предметовъ обложенія. Но возвышеніе земскаго сбора не вполнѣ зависитъ отъ заботливости земства. Не говоря уже объ ограниченіи правъ земства по обложенію торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ на содержаніе торговыхъ и промышленныхъ заведеній закономъ 21-го ноября 1866 года, замѣтимъ, что вообще возвышеніе налоговъ имѣетъ предѣлы, и никто, конечно, не станетъ утверждать, что земскіе сборы, какъ они существуютъ теперь, вообще слишкомъ легки.

Почему же въ воронежской губерніи на управы съ ихъ канцеляріями издерживается только одна двадцатая часть всего земскаго сбора? Потому, что итогъ земскаго сбора въ воронежской губерніи гораздо значительнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Итогъ земскаго сбора наиболѣе значителенъ въ губерніяхъ владимірской и воронежской; но въ воронежской онъ почти вдвое болѣе чѣмъ даже во владимірской. Когда итогъ земскаго сбора по разнымъ губерніямъ колеблется между цифрами 1,200 т. р. (воронежская губ.) и 98 т. р. (олонецкая), такъ что minimum въ числѣ этихъ итоговъ составляетъ гораздо менѣе одной десятой цифры сбора представляющей maximum, а цифра издержки на земское управленіе колеблется въ предѣлахъ гораздо тѣснѣйшихъ, именно отъ 35½ т. р. до 90½ т. р., — то мудрено ли, что отношеніе этой издержки къ итогамъ сбора по губерніямъ должно быть весьма различно?

Впрочемъ само собою разумѣется, что издержки на земское управленіе не вполнѣ зависятъ отъ суммы земскаго сбора. Такъ мы насчитываемъ цѣлыхъ десять губерній, — въ томъ числѣ конечно московская и петербургская, — которыя издерживаютъ на земское управленіе болѣе, чѣмъ воронежская губернія, хотя имѣютъ сборъ гораздо меньше. На издержки управленія должны вліять пространство ея и разныя мѣстныя условія, усложняющія дѣятельность управъ, переписку и т. д., кромѣ разности въ мѣстныхъ цѣнахъ на жизненные потребности, и наконецъ — различія взгляда на приличную норму содержанія! Но не забудемъ, что есть все-таки норма содержанія *необходимая*, а въ зависимости отъ нея есть также и *неизбѣжная* сумма общей издержки на управленіе, сумма уже вовсе не зависящая отъ того, сколько получается сбора. Въ 27 губерніяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, заключается 289 уѣздовъ. Предположимъ наибо́льшую экономію, предположимъ, что во всѣхъ уѣздныхъ управахъ находится только по два члена и предсѣдатель, а въ губернскихъ всѣ шестеро членовъ и предсѣдатель. Весь персоналъ управъ будетъ состоять изъ 1056 лицъ. Затѣмъ, допустимъ, что на содержаніе канцеляріи уѣздной управы и

на канцелярскіе припасы достаточно 500 р., (что̀, очевидно, недостаточно), а на канцелярію губернской управы — 1000 р. Если эту канцелярскую сумму 172½ т. [1]) вычтемъ изъ общей издержки на земское управленіе, т. е., изъ 1.924,651 р., и остатокъ раздѣлимъ на цифру всего персонала земскаго управленія, то на каждаго члена и предсѣдателя управы придется около 1,660 р. Если допустимъ, что въ столицахъ и губернскихъ городахъ предсѣдатели управъ должны получать нѣсколько болѣе этой нормы, то на каждаго члена и придется средняя сумма по 1,500 рублей. Но замѣтимъ, что дѣйствительная средняя цифра оклада членовъ должна быть еще меньше, потому что общая издержка 1.924,651 р., представляетъ среднюю цифру перваго и второго трехлѣтія, а между тѣмъ извѣстно, что на первое трехлѣтіе и въ уѣздныхъ управахъ далеко не ограничивались назначеніемъ всего двухъ членовъ. На второе трехлѣтіе, благодаря именно этой экономіи, сокращено 172 т. р.

Теперь, можно ли сказать, что норма 1,500 р. содержанія свидѣтельствуетъ объ эгоизмѣ земскихъ дѣятелей, о захватѣ ими большихъ окладовъ и проч. и проч., однимъ словомъ о томъ, что не замедлятъ сказать, опираясь на то сравненіе, которое представилъ «Правительственный Вѣстникъ?» Мировой судья въ уѣздѣ получаетъ 1,500 р.; почему же эта норма слишкомъ велика для предсѣдателя или члена уѣздной управы?

Но все-таки, скажутъ намъ, цѣлая пятая часть земскаго сбора идетъ на содержаніе земскаго управленія, и это отношеніе слишкомъ значительное. Съ этимъ мы согласны, но что̀ же это значитъ? Это значитъ, главнымъ образомъ, что *вся цифра земскаго сбора не велика*. По 27 губерніямъ она составляетъ всего 11 милліоновъ рублей; изъ нихъ нѣсколько менѣе 2 милл. р. идутъ на земское управленіе, около 3 милл. 630 т. р. идутъ на содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій. Если затѣмъ вычесть разныя обязательныя повинности, то спрашивается, много ли остается такихъ денегъ, которыми бы земство могло располагать по своему усмотрѣнію? Много ли остается средствъ на улучшенія? Отъ земства ожидали многого. Благодѣяніе земскаго самоуправленія предполагали не въ одной раскладкѣ существовавшихъ повинностей, не въ одномъ поддержаніи въ прежнемъ видѣ мѣстъ призрѣнія, продовольственныхъ запасовъ и дорогъ на переданныя земству средства. Отъ него главнымъ образомъ ожидали *улучшеній*. И что̀ же, оно установило дополнительные сборы и главная часть этихъ сборовъ пошла по необходимости на содержаніе самихъ земскихъ да судебныхъ учрежденій.

Въ какомъ положеніи земство приняло переданные ему капитал и заведенія и много ли оно могло сдѣлать на эти капиталы по ихъ

[1]) Въ дѣйствительности она вчетверо больше.

назначенію—мы не знаемъ. Но мы знаемъ, что издерживать два милліона для того, чтобы нѣсколько иначе чѣмъ прежде распоряжаться сборомъ милліоновъ въ пять, шесть — несовсѣмъ великій результатъ. Нельзя не вывесть заключенія, что предметы вѣдомства, кругъ дѣятельности, а съ ними и средства земства слишкомъ малы. Вотъ почему мы хотя издержку въ два милліона на содержаніе земскихъ учрежденій въ 27 губерніяхъ и признаемъ все-таки полезною, но главную пользу отъ нея мы можемъ ожидать именно только въ смыслѣ *воспитательномъ*.

Если отъ общаго земскаго хозяйства мы перейдемъ къ спеціальному городскому хозяйству Петербурга, то выводъ нашъ о недостаткѣ простора для земскихъ распоряженій и о недостаткѣ средствъ, какими оно можетъ располагать собственно на улучшенія — не только не ослабнетъ, но напротивъ усилится въ значительной степени. При этомъ, мы должны оговориться, что положеніе Петербурга, какъ столицы, разумѣется, налагаетъ на него нѣкоторыя исключительныя условія. Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе наше все-таки не нейтрализуется вполнѣ этою оговоркой, и намъ кажется, что и будучи столичнымъ, петербургское городское управленіе могло бы имѣть нѣсколько больше средствъ собственно *въ своемъ* распоряженіи.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ опубликованъ принятый собраніемъ городской общей думы докладъ финансовой коммиссіи по смѣтѣ на 1870 годъ. Данныя, которыя мы приведемъ, взяты нами изъ этого доклада.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ бюджетѣ города подобнаго Петербургу, должны быть значительные расходы на слѣдующіе предметы: на содержаніе губернаторскаго управленія, управы благочинія, адресной экспедиціи, полиціи, мировыхъ и судебныхъ учрежденій, тюремъ, казармъ и ордонансъ-гауза, на выдачу квартирныхъ денегъ и наемъ квартиръ для воинскихъ лицъ, наконецъ и на пособія постороннимъ вѣдомствамъ: — все это мы назовемъ издержками перваго разряда. Но не это мы обыкновенно разумѣемъ, когда говоримъ о хозяйствѣ города. Подъ такимъ названіемъ мы разумѣемъ обыкновенно городскіе доходы и издержки города собственно для его хозяйственныхъ потребностей, каковы: мощеніе улицъ, чистка каналовъ, гашеніе пожаровъ, освѣщеніе города, перестройка и постройка городскихъ зданій, содержаніе и учрежденіе благотворительныхъ заведеній, содержаніе и учрежденіе школъ, разныя устройства съ санитарною цѣлью и т. п.: это мы назовемъ издержками второго разряда.

Доходы Петербургъ получаетъ самъ изъ себя; на надобности также какъ и на потребности онъ всѣ средства взимаетъ со своихъ жителей, съ ихъ имуществъ, промысловъ и труда, наконецъ, со своихъ оброчныхъ статей. Но какъ вы думаете, сколько изъ его доходовъ идетъ на

расходы перваго разряда и сколько на расходы второго? Мы сдѣлали свой приблизительный бюджетъ по цифрамъ на 1870 годъ, и въ немъ значится на расходы перваго рода 1 мил. 594 тысячъ р., а на расходы второго рода 1 мил. 365½ тысячи р., затѣмъ 272 т. р. (съ пенсіями) на содержаніе самого городского управленія, и разныхъ (на долги, на мелочи и т. д.) 48 т. р. Такъ примѣрно раздѣляются 3 м. 280 т. р., назначенныхъ по смѣтѣ 1870 года.

Такъ какъ цифра доходовъ Петербурга еще вдвое болѣе противъ цифры земскаго сбора воронежской губерніи, то немудрено, что Петербургу «стоимость самоуправленія» обходится около $^1/_{12}$ части всего его сбора.

Но въ меньшей половинѣ бюджета, которая исчислена нами на хозяйственныя потребности города, городъ самъ далеко еще не волёнъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти половину этой суммы составляютъ расходы строительные, а въ числѣ строительныхъ расходовъ есть и такіе, которые назначены не для зданій, входящихъ собственно въ хозяйство города; цѣлою четвертью входитъ въ туже сумму издержка по содержанію благотворительныхъ учрежденій, которая имѣетъ однажды опредѣленное назначеніе; восьмою частью—содержаніе пожарной команды. Но для того, чтобы опредѣлить силу средствъ остающихся въ распоряженіи города на улучшенія, достаточно будетъ сослаться на нѣкоторые факты. Городъ съ году на годъ отлагаетъ удовлетвореніе нѣкоторыхъ потребностей, которыя дума ежегодно признаетъ необходимыми, какъ напр., за мощеніе нѣкоторыхъ отдаленныхъ улицъ, а между тѣмъ долги его свидѣтельствуютъ о дефицитахъ; городъ Петербургъ беретъ съ губернскаго земства небольшое пособіе, точно такъ, какъ города бѣдныхъ губерній; городъ ходатайствовалъ для прекращенія дефицитовъ о сложеніи съ него повинностей на 200 тысячъ рублей; послѣдовало распоряженіе о сложеніи съ него до 90 т. р., въ томъ числѣ 83½ т. р. по содержанію казарменныхъ зданій; «о дальнѣйшемъ же движеніи этого дѣла свѣдѣній въ городскомъ управленіи не имѣется». Между тѣмъ, извѣстно, что сумма на содержаніе полиціи, отпускаемая городомъ, значительно увеличена. Городъ безуспѣшно домогался сбора съ пивоваренія и съ питейной торговли. Городъ ходатайствовалъ также о сокращеніи лежащихъ на немъ издержекъ по управленію начальника губерніи и управы благочинія, и т. д. На нынѣшній годъ, независимо отъ слишкомъ полумилліона р., исчисленныхъ строительною коммиссіею на постройки, она представила смѣты еще почти на полмилліона на неотлагательно-нужныя работы, но къ производству ихъ оказывается невозможнымъ приступить въ 1870 году, единственно по недостатку денежныхъ средствъ. Городъ полагалъ даже отсрочить издержку на уширеніе Полицейскаго моста, но финансовая коммиссія рѣшилась внести въ смѣту эту сумму главнымъ образомъ потому, что

по техническому освидѣтельствованію мостъ этотъ оказывается въ *крайне ненадежномъ* состояніи, особенно для проѣзда вагоновъ конно-желѣзной дороги (!).

Даже финансовая коммиссія полагала внесть въ смѣту на новыя работы около $216^1/_2$ т. р., въ составъ $703^1/_2$ т. р. всей строительной смѣты, но обусловила это слѣдующею меланхолическою оговоркою: изъ работъ, признанныхъ строительною коммиссіею неотлагательно-нужными, «представляется возможнымъ произвести въ 1870 году только нѣкоторыя, наиболѣе необходимыя (наиболѣе необходимыя изъ неотлагательно-нужныхъ), и то, въ такомъ только случаѣ, если со стороны городского общества не встрѣтится препятствія въ затратѣ на сей предметъ почти всего запаснаго капитала.» За отнесеніемъ части строительной издержки на особые капиталы на строительныя работы назначено окончательно $566^1/_2$ т. руб. и будемъ надѣяться, что ассигнована и сумма для починки того именно моста, по которому въ Петербургѣ наиболѣе ѣздятъ, и который находится въ крайне-ненадежномъ состояніи.

Но мы видимъ также, что финансовая коммиссія внесла въ смѣту 4,000 руб., на капитальныя исправленія въ совсѣмъ новомъ зданіи Рождественской части и потому именно, что «зданіе это построено до такой степени неудовлетворительно, что на приведеніе его въ порядокъ необходимо будетъ затратить еще до 10 тыс. рублей. Мы видѣли также, что въ окончательномъ проектѣ смѣты удовлетворено требованіе г. оберъ-полиціймейстера о надбавкѣ около 3,000 р. къ суммѣ ассигнуемой на содержаніе адресной экспедиціи; между тѣмъ всю эту сумму 17 слишкомъ тысячъ руб. можно было бы вычеркнуть изъ бюджета, если адресная экспедиція останется въ нынѣшнемъ положеніи. Къ чему она служитъ нынѣ? Къ выдачѣ адресныхъ билетовъ. Но полученіе и возобновленіе этихъ билетовъ составляетъ громадное стѣсненіе для тѣхъ 200 тысячъ человѣкъ, которые обязаны запасаться ими. Если необходимо удерживать адресный сборъ, то развѣ онъ не взимался бы гораздо легчайшимъ способомъ, и безъ экспедиціи, простою продажею особыхъ штемпелей разныхъ цѣнъ въ полицейскихъ участкахъ, съ наклейкою этихъ штемпелей на плакаты и другіе паспорты при самой запискѣ ихъ въ обывательскую книгу?

Къ адресной экспедиціи мы возвратимся сейчасъ потому именно, что, какъ видно изъ особаго предположенія, напечатаннаго недавно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», думаютъ дать ей назначеніе болѣе практическое. Но остановимся на минуту послѣ перечисленія того рода фактовъ о земскомъ самоуправленіи, которыми мы быть можетъ утомили читателя. Для чего привели мы ихъ и думали ли мы извлечь изъ нихъ тотъ выводъ, что самоуправленіе наше стоитъ дорого, и пользы не

приноситъ? Нѣтъ, не такова была наша цѣль. Самоуправленіе въ нынѣшнемъ его устройствѣ не возникло въ нашемъ обществѣ исторически-самостоятельно; оно дано обществу, и общество прежде всего должно воспользоваться имъ для самовоспитанія. Указывать же на недостатки, возникающіе изъ тѣсноты круга этого даннаго намъ самоуправленія необходимо потому, что это значитъ указывать, въ какомъ смыслѣ эти недостатки будутъ постепенно устраняемы тѣмъ же путемъ.

Извѣстно, что на адресныхъ билетахъ наниматели дѣлаютъ аттестаціи о службѣ прислуги и имѣютъ также право отказать въ похвальной аттестаціи, что само по себѣ служитъ аттестаціею противоположнаго свойства. Но извѣстно также, что порядокъ этотъ вовсе не достигалъ цѣли: достаточно было выписаться изъ города, вынуть паспортъ, и впослѣдствіи взять другой адресный билетъ, справки же въ самой адресной экспедиціи о прошедшемъ нанимаемаго, то-есть объ аттестаціяхъ полученныхъ имъ въ прежніе годы, была невозможна потому, что, какъ сообщаютъ намъ, экспедиція не имѣла средствъ вестъ такія книги. Правда и то, что за этимъ экспедиція приносила и пользы мало, а эта двухпаспортная повинность была въ высшей степени тяжела для рабочихъ именно въ смыслѣ повинности натуральной, никому не нужной, въ смыслѣ хлопотъ и потери времени.

Теперь есть предположеніе сдѣлать при адресной экспедиціи настоящую справочную контору по найму прислуги и вмѣстѣ агентство веденія паспортныхъ дѣлъ рабочихъ, которыя чрезъ посредство этого агентства возобновляли бы свои паспорты, что до сихъ поръ, какъ извѣстно, дѣлалось или по почтѣ или при помощи отъѣзжавшихъ на родину земляковъ. Вся эта паспортная и адресно-билетная операція находилась до сихъ поръ въ истинно-дикомъ состояніи, и нельзя не сочувствовать всякой попыткѣ упростить и облегчить ее для рабочихъ, предохранивъ ихъ и отъ штрафовъ, и отъ хлопотъ, и отъ потери времени.

Для контроля надъ прислугою предполагается вести въ экспедиціи алфавитныя книги, изъ которыхъ наниматели могли бы видѣть, сколько разъ въ теченіи службы нанимаемые перемѣняли мѣста и сколько разъ отходили безъ аттестаціи. Экспедиція же, по словесной просьбѣ служащихъ по найму, принимала бы отъ нихъ документы и деньги для выправки новыхъ паспортовъ и сама сносилась бы по этому предмету съ волостными правленіями и т. д. Кромѣ того, ищущій мѣста за 5 коп. могъ бы получить справку о мѣстахъ, а наниматель за 20 коп. справку объ ищущихъ занятій по каждой части. Предполагаются также адресные билеты замѣнить книжками. Мы ничего не можемъ сказать противъ заведенія рабочихъ книжекъ, но полагаемъ, что онѣ не должны имѣть значенія паспортовъ. Паспортъ долженъ быть одинъ, а взносъ

адреснаго сбора легче всего производить при прпискѣ паспорта въ участкѣ, съ наложеніемъ штемпеля.

Во всякомъ случаѣ, соглашаясь, что адресная экспедиція, преобразованная въ справочное бюро и агентство для выправки паспортовъ могла бы быть очень полезна, замѣтимъ, что она, какъ всякая справочная контора, должна содержаться на свои собственныя средства, не обременяя городского бюджета.

Нѣсколько новыхъ фактовъ даютъ намъ поводъ возвратиться къ такъ-называемому еврейскому вопросу. Еврейскій вопросъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ вопросовъ, на которые отвѣтъ давно готовъ въ убѣжденіяхъ просвѣщеннаго всемірнаго общественнаго мнѣнія, и которые остаются вопросами только потому, что есть разстояніе между сознаніемъ общаго принципа и примѣненіемъ его къ дѣлу тамъ, гдѣ онъ встрѣчается съ дѣйствительными или воображаемыми интересами. Доказывать въ настоящее время даже у насъ, что предразсудки противъ евреевъ, имѣющіе корень въ религіозныхъ или національныхъ антипатіяхъ, нераціональны и несправедливы — было бы общимъ мѣстомъ. Мало того, всѣ органы нашей печати, когда имъ случается относиться къ еврейскому вопросу гдѣ-либо за границей, не колеблясь рѣшаютъ его на основаніи общаго принципа равноправности людей; совсѣмъ другое дѣло, когда заходитъ рѣчь о полномъ примѣненіи этого принципа у насъ: тутъ не только со стороны административныхъ лицъ, приверженныхъ къ даннымъ порядкамъ, но и со стороны самой печати, всегда легче поддающейся на доводы чисто-раціональные, слышится колебаніе и являются недовѣрчивыя оговорки. Итакъ, еврейскій вопросъ въ теоріи и у насъ пересталъ быть вопросомъ, но остается вопросомъ на практикѣ потому, что ему противопоставляются ложно понятые интересы. Такъ, по поводу пріѣзда въ Петербургъ г. Кремьё, президента всеобщаго благотворительнаго еврейскаго союза, были тотчасъ высказаны смѣшныя опасенія, что его могутъ принять какъ представителя еврейскаго правительства. Такъ, въ проектъ новаго городского положенія, по слухамъ, проникли мѣры, имѣющія цѣлью предотвратить преобладаніе еврейскаго элемента въ городскихъ управленіяхъ западнаго края. Такъ, наконецъ, и обращаясь къ несравненно болѣе важному, историческому факту, въ нашемъ законодательствѣ до сихъ поръ далеко не осуществленъ принципъ гражданской равноправности евреевъ, не осуществленъ именно благодаря фальшивымъ опасеніямъ, что евреи все захватятъ въ свои руки, и т. п.

Опасенія эти можно свести къ двумъ категоріямъ: одни изъ нихъ основываются на способности евреевъ дѣйствовать скопомъ, общиною; другіе исходятъ просто изъ худо-скрываемыхъ клерикальныхъ и чи-

новныхъ воззрѣній, остающихся еще отъ крѣпостническаго, бюрократическаго, клерикальнаго прошлаго. Опасенія первой категоріи препятствуютъ отмѣнѣ законовъ, стѣсняющихъ свободу мѣстъ пребыванія евреевъ; опасенія послѣдней категоріи закрываютъ евреямъ доступъ во многія профессіи.

Запрещеніе евреямъ жить во всей Россіи за исключеніемъ прямо указанныхъ областей, да и то еще съ мѣстными ограниченіями, представляетъ въ настоящее время нѣчто совершенно-своеобразное, чему нѣтъ подобія въ остальной Европѣ,—представляетъ наше «domestic institution». Нѣкоторыя изъятія изъ общаго закона, воспрещающаго евреямъ постоянное жительство въ великорусскихъ губерніяхъ, были допущены въ теченіи послѣдняго десятилѣтія. Но такія изъятія были допущены только въ видѣ льготъ для нѣкоторыхъ сословій изъ евреевъ, а не для евреевъ вообще. Такъ, купцамъ 1-й гильдіи изъ евреевъ дозволено было постоянное пребываніе и приписка въ городскія сословія по всей Россіи, допущено было жительство евреевъ первыхъ трехъ гильдій въ Николаевѣ и Севастополѣ, жительство евреевъ первыхъ двухъ гильдій въ Кіевѣ, а евреямъ, имѣющимъ ученыя степени и ремесленникамъ, представляющимъ удостовѣреніе о званіи, повсемѣстно въ Россіи, отмѣнены нѣкоторыя ограниченія въ мѣстностяхъ льготныхъ, и т. д.

Почему же допускались изъятія, почему не принято общей мѣры? Вотъ здѣсь мы и встрѣчаемся съ тѣмъ опасеніемъ, что евреи, дѣйствуя скопомъ, все захватятъ въ свои руки. При этомъ забываютъ, что если евреи захватили въ свои руки всю торговлю въ Польшѣ и западномъ краѣ, то потому, что тамъ не образовалось исторически-туземныхъ торговыхъ элементовъ: кто-нибудь долженъ же былъ взяться за торговлю, а кто взялся за нее, тотъ ее и захватилъ. Не наплывъ еврейства погубилъ туземные городскіе элементы, а дурной ходъ исторической жизни польскаго государства. Въ великорусскихъ городахъ, какъ мы уже говорили, евреи встрѣтятъ сильное торговое русское сословіе. Передъ нами примѣры: допущеніе купцовъ 1-й гильдіи изъ евреевъ не отдало въ ихъ руки ни оптовую торговлю, ни заграничную; евреи взялись за учетныя, банкирскія дѣла, то-есть взялись за то, за что не брался прежде почти никто; и такъ они ничего ни у кого не отбили, а создали новую промышленность. Допущеніе евреевъ къ пріѣзду на нѣкоторыя русскія ярмарки нисколько не отдало эти ярмарки въ руки евреевъ.

Но нерѣдко слышимъ мы въ обществѣ, что если допустить въ великорусскія губерніи массу евреевъ, они, при своей способности дѣйствовать скопомъ, захватятъ въ свои руки сельскія сословія, займутся барышничествомъ и опутаютъ крестьянъ долгами. Какъ будто велико-

русскимъ губерніямъ надо дожидаться евреевъ, чтобы въ нихъ установились барышничество, кулачество и дѣйствіе монополистовъ скопомъ. Повѣрьте, что съ нашими кулаками и евреи не много сдѣлаютъ; что касается способности евреевъ замыкаться въ свои кружки и дѣйствовать скопомъ, то не зависитъ ли это явленіе именно отъ того, что всѣ условія гражданскаго быта *загоняли* евреевъ въ эти кружки? Было время, когда и въ христіанской Европѣ торговые города принуждены были вступать въ оборонительные союзы. Что̀ означалъ такой скопъ какъ Ганза, особое государство въ разныхъ государствахъ? Онъ означалъ, что въ Европѣ существовало кулачное право. И еврейская замкнутость произошла отъ того, что законодательство относительно ихъ сказывалось кулачнымъ правомъ.

Съ существованіемъ двухмилліонаго еврейскаго населенія мы должны, если бы и не хотѣли, примириться какъ съ фактомъ: ни перекрестить, ни выслать этихъ евреевъ изъ русскихъ предѣловъ мы не имѣемъ возможности, еслибы и признавали за собою право дикаго насилія по отношенію къ части гражданъ. Въ такомъ случаѣ остается одно средство, сдѣлать ихъ вполнѣ солидарными съ русскимъ государствомъ, съ русскими интересами, участниками и дѣятелями русской жизни и русской образованности — не отталкивать ихъ отъ себя, не изолировать ихъ, не поддерживать кагала какимъ-то умѣреннымъ жидоморствомъ. А мы держимъ ихъ взаперти въ томъ огромномъ Гетто, которое называется западнымъ краемъ!

Въ новомъ проектѣ положенія о городскомъ управленіи, какъ слышно, вошли ограниченія числа гласныхъ изъ евреевъ въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, и maximum для нихъ опредѣленъ всего въ одну треть. Итакъ, даже если въ городѣ $^9/_{10}$ населенія евреи, а христіанъ $^1/_{10}$, то въ составѣ городской думы христіанъ будетъ $^2/_3$, а евреевъ $^1/_3$: вѣрная система городского представительства! Духъ предубѣжденія, духъ предразсудка у насъ еще такъ силенъ, что онъ можетъ проникать даже въ общія либеральныя мѣры, въ реформы, и мы будемъ удивляться замкнутости евреевъ? Мы упрекаемъ ихъ, что они всегда дѣйствуютъ скопомъ, а сами загоняемъ ихъ въ скопъ, и затѣмъ даже въ отведенномъ для нихъ мѣстѣ отрицаемъ ихъ равноправность—вотъ поистинѣ cercle vicieux самаго очевиднаго свойства.

Если бы евреи не были подвергнуты никакимъ ограниченіямъ, если бы они имѣли, наравнѣ со всѣми гражданами, за исключеніемъ ссыльныхъ, право жить по всей Россіи и вступать во всѣ профессіи, однимъ словомъ, если бы мы не признавали еврейство чѣмъ-то отчужденнымъ и отдѣльнымъ,—въ такомъ случаѣ, естественно, мы были бы вправѣ и не дѣлать ничего въ пользу евреевъ какъ отдѣльной, отчужденной расы. Мы могли бы имъ, напримѣръ, сказать: вамъ

открыта вся Россія, со всѣми ея профессіями и училищами, а стало быть спеціальныхъ еврейскихъ училищъ казна для васъ содержать не должна, то это было бы еще понятно. Но нѣтъ, Россія далеко не вся открыта для евреевъ, и училища русскія если и принимаютъ ихъ, то не даютъ имъ доступа во всѣ профессіи, а между тѣмъ уже идетъ рѣчь о безполезности спеціально-еврейскихъ училищъ. Въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1867 годъ высказана была мысль объ уничтоженіи еврейскихъ училищъ въ новороссійскомъ краѣ, съ распространеніемъ этой мѣры въ разной степени и на весь западный край, т. е. на округа кіевскій, виленскій и дерптскій. Мы жалуемся, что фанатическіе раввины старой школы имѣютъ большое вліяніе на массу еврейскаго населенія благодаря его невѣжеству, и въ тоже время хотимъ уничтожить училища для евреевъ. Говорятъ: евреи въ Новороссіи и теперь нерѣдко вступаютъ въ русскія училища — прекрасно; но это вовсе не доказываетъ безполезности еврейскихъ училищъ. Она можетъ быть доказана только тогда, когда евреи не станутъ поступать въ эти училища.

Евреевъ мы держимъ на окраинѣ потому, что они евреи и въ тоже время, въ этой-то окраинѣ не хотимъ признавать правъ евреевъ на отдѣльность, хотимъ отмѣнить спеціальныя для нихъ школы, не хотимъ признавать ихъ равноправности въ городскомъ управленіи. Однимъ словомъ, за евреемъ мы не признаёмъ правъ русскаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотимъ признать въ немъ и правъ еврея. Еврей долженъ быть солдатомъ, но не можетъ быть генераломъ; еврей долженъ будетъ учиться въ русскомъ училищѣ, но не можетъ быть учителемъ въ русскомъ училищѣ; еврей долженъ платить подати на всѣ потребности государства, но не можетъ жить вездѣ въ государствѣ; еврей долженъ платить въ мѣстностяхъ, гдѣ ему отведено пребываніе, кромѣ общихъ податей, еще спеціальныя, а между тѣмъ тамъ же онъ не будетъ пользоваться равноправностью въ городскомъ управленіи, и спеціальныхъ еврейскихъ школъ имѣть не будетъ.... Вотъ *это-то* и есть еврейскій *вопросъ*. Еврейскій вопросъ состоитъ въ томъ, что у насъ относительно евреевъ держатся особой политики, и что эта политика противорѣчитъ сама себѣ. Не будь этого—и вопроса не будетъ; нѣтъ для евреевъ ни спеціальныхъ ограниченій, ни спеціальныхъ казённыхъ учрежденій—вотъ простое разрѣшеніе вопроса. Но идя противъ логики никакого вопроса разрѣшить нельзя.

Въ утѣшеніе себѣ, мы можемъ сказать развѣ одно, что вездѣ, гдѣ существуетъ еще «еврейскій вопросъ», онъ заключается всегда въ противорѣчіи между правами и обязанностями евреевъ. Такъ, въ Пруссіи, гдѣ принципъ равноправности людей всѣхъ исповѣданій проведенъ въ законодательство уже почти 20 лѣтъ тому назадъ,

евреи однако не допускаются къ занятію судебныхъ мѣстъ, не допускаются и учителями въ народныя школы. И замѣчательная вещь—въ сѣверогерманскомъ союзѣ, на основаніи рѣшенія союзнаго сейма 16 іюня 1868 года, окончательно должны быть отмѣнены всякія ограниченія евреевъ въ государственныхъ правахъ, а въ Пруссіи все еще продолжается относительно евреевъ та административная практика, какую объявили министры прусской нижней палатѣ въ январѣ 1867 года: именно, что евреевъ все-таки не допускаютъ ни на судейскія мѣста, ни на мѣста учителей въ тѣхъ училищахъ, которыя, по словамъ министра фонъ-Мюлера, «имѣютъ спеціально-христіанскій характеръ». А какія же школы не имѣютъ въ управленіе этого министра «спеціально-христіанскаго» по его мысли, т. е. просто клерикальнаго характера? Но впрочемъ, это единственныя ограниченія, какимъ евреи подвержены въ Пруссіи, и какъ они ничтожны въ сравненіи съ дѣйствующими у насъ! А между тѣмъ, если кто могъ съ бо́льшимъ основаніемъ опасаться «еврейскаго вопроса», то ужъ конечно Пруссія, а не Россія: въ Пруссіи евреевъ 500 т. человѣкъ на $19^1/_2$ милл. жителей; у насъ ихъ около 2 милл.—на 79 милл. населенія.

Пожелаемъ, чтобы собраніе депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ, созванное начальникомъ сѣверозападнаго края и засѣдающее въ настоящее время, произвело результатъ не въ смыслѣ только обсужденія какого-нибудь коробочнаго сбора, но и въ смыслѣ доставленія правительству данныхъ для раціональнаго рѣшенія еврейскаго вопроса у насъ, и прежде всего конечно, для устраненія той неравноправности, которая, по слухамъ, была занесена въ проектъ новаго положенія о составѣ городскихъ управленій.

Почти нѣтъ мѣсяца, въ которомъ мы не побуждались бы какимъ-нибудь новымъ обстоятельствомъ коснуться нашего желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ настоящее время мы имѣемъ предъ глазами оффиціальныя свѣдѣнія о сборѣ на желѣзныхъ дорогахъ за первые пять мѣсяцевъ этого года и—внесенный въ совѣтъ министерства путей сообщенія проектъ «положенія» объ эксплуатаціи паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Отчетъ о денежныхъ результатахъ дѣйствія нашихъ желѣзныхъ дорогъ поддерживаетъ хорошія ожиданія. Общій результатъ сравненія показываетъ, что за время съ 1-го января по 31-е мая въ 1869 году поступило валового дохода почти 26 милл. рублей, между тѣмъ, какъ въ прошломъ году за то же время валового дохода было только съ небольшимъ 19 милл. рублей. Въ прошломъ году въ эксплуатаціи находилось 5,320 верстъ, въ настоящемъ—6,450 верстъ. Но самый лучшій результатъ, котораго мы не будемъ приводить въ цифрахъ—тотъ, что въ нынѣшнемъ году увеличилась не только сумма сбора соотвѣт-

ственно расширенію эксплуатируемой сѣти, но и цифра средняго поверстнаго сбора значительно возвысилась.

Проектъ положенія объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ выработанъ особымъ комитетомъ, учрежденнымъ въ 1863 году. Оно содержитъ въ себѣ техническія правила желѣзно-дорожнаго движенія, постановленія относительно подчиненности лицъ, служащихъ на линіяхъ правительственныхъ и частныхъ, мѣры предосторожности, указанія на общія постановленія относительно судебныхъ взысканій и т. д. Техническая часть проекта не подлежитъ нашему разбору. Замѣтимъ только, что нельзя достаточно настаивать на имѣніи компаніями въ готовности достаточнаго для безостановочнаго движенія товаровъ подвижного состава. Оговорка проекта въ этомъ отношеніи слишкомъ обща и неопредѣленна. Не слѣдовало ли бы подчинить нѣкоторой обязательной нормѣ подвижной составъ по каждой линіи, съ тѣмъ собственно, что въ случаяхъ, если произойдетъ остановка въ движеніи по недостаточности подвижного состава сравнительно съ этою нормою, то управленія обязаны вознаграждать отправителей грузовъ за весь ущербъ отъ просрочки? Что касается отношеній правительственной власти къ управленіямъ частныхъ дорогъ и отношеній этихъ управленій къ публикѣ, нельзя не замѣтить, что проектъ заходитъ мѣстами слишкомъ далеко въ своей попечительности.

Мы первые готовы ратовать за всякое усиленіе правительственнаго контроля на частныхъ дорогахъ во всемъ томъ, что касается безопасности пассажировъ и первоначальныхъ удобствъ для публики, но распространеніе правительственнаго контроля на подробности, посторонія движенію, считаемъ лишнимъ. Кромѣ того, мы не можемъ не признать неумѣстнымъ всякое расширеніе власти желѣзно-дорожныхъ управленій, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ, на публику въ смыслѣ дисциплинарномъ, все, что идетъ далѣе попеченія объ охраненіи или возстановленіи порядка на поѣздахъ и станціяхъ: желѣзно-дорожныя управленія должны быть хозяевами на своихъ линіяхъ, но не начальствомъ для публики: хозяевамъ же должно принадлежать право поддерживать порядокъ у себя дома, и возстановлять его въ случаяхъ нарушенія; но затѣмъ, относительно нарушителей имъ можетъ принадлежать только право жалобы, и ничего болѣе.

Примѣнимъ эти замѣчанія къ нѣкоторымъ частностямъ проекта, допустивъ сперва за доказанное, что собственно безопасность движенія технической частью проекта обусловливается удовлетворительно. Намъ кажется, что постановленія относительно внутренняго устройства вагоновъ могли бы быть нѣсколько опредѣлительнѣе; особенно относительно вагоновъ 3-го класса въ проектѣ сказано очень мало. Между тѣмъ, о нихъ-то болѣе всего и слѣдуетъ озаботиться. Нѣтъ сомнѣ-

нія, что забота объ удобствѣ мѣстъ болѣе дорогихъ лежитъ въ интересахъ самихъ компаній; но въ ихъ же интересѣ лежитъ и то, чтобы вагоны съ мѣстами дешевыми не были особенно удобны: причина тому очевидна. Старые служивые Николаевской дороги навѣрное еще помнятъ, какъ въ первый годъ «дешевую» публику возили въ самое холодное время въ открытыхъ вагонахъ, съ чисто-финансовою цѣлью, которую безцеремонно высказывалъ въ то время одинъ, нынѣ уже покойный, начальникъ. Такая возможность въ настоящемъ проектѣ предусмотрѣна и отстраняется. Но кромѣ постановленія, что въ лѣтнее время вагоны третьяго класса могутъ быть открытые, о нихъ ничего болѣе не сказано, и все попеченіе проекта обращено на вагоны первыхъ двухъ классовъ. Не сказано даже положительно, что въ холодное (не только зимнее) время и именно въ такіе-то мѣсяцы вагоны 3-го класса непремѣнно должны быть крытые. Есть общія постановленія о minimum пространства для пассажировъ во всѣхъ вагонахъ, объ обязательности въ вагонахъ оконъ, скамеекъ со спинками, потомъ, чтобы пассажировъ не помѣщали болѣе положеннаго числа и т. п. Но почему бы не опредѣлить наименьшую ширину сидѣнья, наименьшее число оконъ и величину ихъ, не потребовать, чтобы внутри каждаго вагона былъ ярлыкъ съ установленнымъ числомъ пассажировъ и т. п.? Вспомните, какъ перевозили «дешевую» публику въ очень недавнее время здѣсь, подъ рукою — изъ Царскаго Села: скамейки шириною вершка въ три, два маленькіе окошка на каждой сторонѣ, прорубленныя выше головы, и т. д., однимъ словомъ, все въ томъ родѣ, какъ возятъ скотъ.

Проектъ вполнѣ основательно сохраняетъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ министерства путей сообщенія устройство предохранительныхъ заставъ при пересѣченіяхъ желѣзныхъ путей съ иными дорогами; повторяемъ, что во всемъ, что касается безопасности, правительственный контроль не можетъ быть достаточно строгъ и хотя бы придирчивъ. Но что за необходимость подчинять разрѣшенію министерства уставы пенсіонныхъ и вспомогательныхъ кассъ при желѣзныхъ дорогахъ и даже форму одежды для служащихъ при частныхъ дорогахъ и «знаки показывающіе родъ ихъ службы?» Затѣмъ, подлежатъ тщательному пересмотру проекты дополненій къ общимъ судебнымъ уставамъ, относительно проступковъ на желѣзныхъ дорогахъ. Такъ, напр., необходимо объяснить, къ чему относится примѣчаніе, помѣщенное въ концѣ IX главы: въ этомъ примѣчаніи предоставляется управленіямъ желѣзныхъ дорогъ не только казенныхъ, но и частныхъ, правъ разбирательства нѣкоторыхъ дѣлъ административнымъ порядкомъ. Если это примѣчаніе относится только къ послѣдней статьѣ, говорящей о взысканіи штрафа съ виновныхъ въ производствѣ какой-

нибудь торговли въ разносъ на станціяхъ, безъ разрѣшенія управленій, но и это уже — странно; если же примѣчаніе это относится ко всѣмъ предъидущимъ статьямъ главы, въ томъ числѣ и къ наложенію взысканій на пассажировъ и посѣтителей дорогъ за нарушеніе порядка и правилъ — то это было бы ни съ чѣмъ несообразно, и мы склонны думать, что этого не предполагается. Управленіямъ дорогъ по отношенію къ лицамъ постороннимъ дорогѣ можетъ принадлежать только одно — право жалобы въ общемъ порядкѣ, не административномъ, а судебномъ.

Нельзя не пожалѣть также, что въ нынѣшнемъ проектѣ не дѣлается обязательнымъ при соединеніи къ товарнымъ поѣздамъ хотя бы одного пассажирскаго вагона: это представляетъ большое удобство для сообщенія между близкими станціями, но желѣзнодорожныя управленія не допускаютъ его по той же заботливости, о которой мы говорили выше, т.-е., по нежеланію доставлять удобства дешевому пассажирскому движенію; смѣшанные поѣзды угрожаютъ конкурренціею чисто-пассажирскимъ, такъ какъ въ смѣшанныхъ цѣны должны быть ниже. Необходимо поискать удовлетворительный для всѣхъ сторонъ средній терминъ въ этомъ отношеніи; за-границею онъ давно отысканъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября 1869.

Правительство и партіи во Франціи.—26-е октября и манифестъ оппозиціи.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Стачка рабочихъ.—Религіозное движеніе во Франціи и Германіи.—Открытіе парламентовъ въ Германіи.—Австрія и Пруссія: ихъ сближеніе.—Министерскій кризисъ въ Италіи.—Испанскія дѣла.—Суэцскій каналъ.

Положеніе дѣлъ во Франціи представляетъ богатую почву для людей, любящихъ предаваться политическимъ пророчествамъ, но для истинныхъ успѣховъ народной жизни такая почва невыгодна. Судьба правительства связана съ самымъ случайнымъ обстоятельствомъ — съ вопросомъ о жизни одного человѣка, пораженнаго смертельною болѣзнью; дѣйствія оппозиціи и крайнихъ партій обусловлены тѣмъ же фактомъ, стоящимъ внѣ человѣческихъ разсчетовъ. Неудивительно послѣ того, что будущее Франціи является въ формѣ различныхъ предположеній, внушаемыхъ не сущностью дѣла, а личными видами партій и ихъ склонностями. Для постороннихъ наблюдателей это будущее слагается на основаніи историческихъ данныхъ въ прошедшемъ Франціи, а какихъ выводовъ нельзя сдѣлать изъ этого прошедшаго?! Одни утверждаютъ, что вся кажущаяся буря ничего не доказываетъ, кромѣ силы существующаго правительства, что поэтому во Франціи ожидать ничего особаго не слѣдуетъ, что все обойдется благополучно, и что какъ спокойно исчезнетъ съ исторической сцены Наполеонъ III, такъ спокойно же вступитъ на нее Наполеонъ IV. Другіе, склонные напротивъ къ пессимизму, увѣряютъ, что волненіе это печальнымъ образомъ окончится для французской націи: Наполеонъ III подавитъ радикаловъ съ помощью своей арміи, и что новое возстаніе будетъ имѣть своимъ результатомъ новое 2-е декабря, послѣ чего для Франціи наступитъ опять страшная эпоха летаргическаго сна. Третьи, наконецъ, не мирятся ни съ той, ни съ другой перспективою, и призывая на помощь фантазію, полагаютъ, что Напо-

леонъ III былъ послѣднимъ бѣдствіемъ во Франціи, и стоитъ только дождаться его смерти, и тогда наступятъ сами собою золотые дни. Съ этой точки зрѣнія, нѣтъ болѣе счастливой страны, какъ Франція: смерть одного человѣка, и безъ того находящагося на краю гроба, дастъ ей то, что другимъ націямъ достается путемъ борьбы, труда и усиленнаго развитія моральныхъ и экономическихъ силъ.

Оставляя въ сторонѣ политическія гаданія, мы предпочитаемъ ограничиться группировкою тѣхъ событій, которыми ознаменовался новый фазисъ борьбы французскаго правительства съ партіями, начавшійся съ 26-го (14-го) октября, — день, котораго ожидали одни съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, другіе съ любопытствомъ. Правительство попрежнему остается въ ролѣ сфинкса, и перемѣна только въ томъ, что вопросъ: когда будетъ собранъ законодательный корпусъ? — упраздненъ декретомъ о собраніи депутатовъ (17-го) 29-го ноября, а ожиданія (14-го) 26-го октября были разсѣяны манифестомъ оппозиціи.

Мы имѣли уже случай говорить о томъ, что срокъ созванія законодательнаго корпуса возбудилъ сильное движеніе въ прессѣ, которое увеличилось еще болѣе, когда депутатъ Кератри объявилъ, что будетъ ли декретъ о созваніи законодательнаго корпуса или не будетъ, онъ явится на свое мѣсто 26-го октября, такъ какъ въ этотъ день истекаетъ шестимѣсячный, по конституціи 1852 г., срокъ со времени распущенія предшествовавшей палаты. Вопросъ о томъ, нарушитъ ли правительство конституцію, если не соберетъ къ этому времени палаты, или не нарушитъ, былъ поставленъ; одни говорили «да», другіе, стоявшіе на сторонѣ правительства, отвѣчали «нѣтъ», ссылаясь на то, что палата уже созвана была въ іюнѣ, и что экстренная сессія, продолжавшаяся двѣ недѣли, освобождаетъ правительство отъ всякихъ обязательствъ созвать палату къ требуемому оппозиціею сроку. Несмотря на такое заявленіе, которое появилось во всѣхъ правительственныхъ органахъ, нѣсколько человѣкъ присоединились къ мнѣнію Кератри и объявили, что 26-го октября они будутъ на своихъ мѣстахъ. 26-е число, думали, будетъ грознымъ числомъ, когда сцена: le serment du jeu de paume могла еще разъ повториться въ исторіи Франціи. Трудно сомнѣваться, что если бы вся крайняя лѣвая сторона и та партія 116-ти, которая подписала въ іюлѣ мѣсяцѣ запросъ правительству, присоединилась къ предложенію Кератри, чтобы тогда правительство рѣшилось сопротивляться всеобщему требованію. Но разсужденія, основанныя на *бы* не подвигаютъ мысли впередъ. Предъ нами тотъ несомнѣнный фактъ, что депутаты всѣхъ оттѣнковъ медлили, одни не считая нужнымъ заступаться за вѣрное исполненіе конституціи, которую они никогда не хотѣли признавать, другіе, опасаясь, что предложеніе Кератри, еслибы правительство захотѣло сопро-

тивляться, вызоветъ возстаніе и прорветъ революціонную плотину. Правительство воспользовалось неурядицею среди легальнаго оппозиціоннаго лагеря, чтобы доставить себѣ удовольствіе бравировать мнѣніе оппозиціи, которое желало скорѣйшаго созванія палаты. Мы не станемъ говорить о томъ, насколько разумна была такая бравада, но не доказываетъ ли она, что сила личнаго правительства основана не на себѣ самой, а на печальномъ положеніи оппозиціи, которая, не одержавъ верха надъ противникомъ, сама распадается въ своихъ взглядахъ, и интересахъ, какъ то случилось во Франціи. Хотя правительство и бравировало общественное мнѣніе, но оно выказало также свои опасенія. Оно не согласилось созвать палату къ 26 октябрю, но поспѣшило тѣмъ не менѣе опредѣлить срокъ собранія, чего прежде напрасно требовали отъ него. Какъ ни мало было общаго согласія среди депутатовъ, но когда дѣло пошло о томъ, чтобы присодиниться къ предложенію графа Кератри, и рѣшить вопросъ: быть или не быть взрыву 26-го октября, всѣ депутаты, всѣ партіи, всѣ как умѣренно-либеральные, такъ и радикальные органы прониклись однимъ убѣжденіемъ, что въ этотъ день не должно быть никакого столкновенія, что правительству не должна быть предоставлена выгода легкой уличной побѣды, къ которой оно имѣло все время приготовиться. Только самый маленькій кружокъ, полный нетерпѣнія, желалъ воспользоваться волненіемъ, вызваннымъ Кератри, чтобы завязать уличную борьбу. Кератри, убѣдившись, что предложеніе его болѣе неумѣстно, и довольный тѣмъ, что принудилъ правительство назначить срокъ собранія, принялъ его назадъ и присодинился къ тѣмъ, которые рѣшились не сводить борьбу съ правительствомъ съ легальной почвы. Вмѣсто предложенія Кератри явилось другое предложеніе одного изъ новыхъ парижскихъ депутатовъ, именно Жюля Ферри, который обратился ко всѣмъ оппозиціоннымъ депутатамъ, призывая ихъ поспѣшить въ Парижъ, чтобы среди настоящихъ критическихъ обстоятельствъ установить свою программу дѣйствій. Большинство депутатовъ лѣвой стороны возвратилось къ своему посту, но нужно сознаться, что они оказались мало способными захватить движеніе въ свои руки. Если правительство дѣлаетъ всевозможное, чтобы возбудить противъ себя массы и довести до кровавой развязки натянутое положеніе, то депутаты законодательнаго корпуса, и главнымъ образомъ лѣвой стороны, на которыхъ лежитъ обязанность направлять движеніе и стягивать его главныя нити въ свои руки, до сихъ поръ дѣйствуютъ крайне неудачно, и своимъ поведеніемъ рискуютъ утратить то вліяніе, которое доставлено имъ было послѣдними выборами. Между правительствомъ и оппозиціею точно идетъ состязаніе, кто изъ нихъ надѣлаетъ болѣе ошибокъ, и нужно сказать, что до сихъ поръ обѣ стороны не уступаютъ другъ другу. Отъ депутатовъ лѣвой стороны, послѣ того, что они отказались, и отказались весьма разумно отъ манифестаціи 26-го

октября, всѣ ожидали, что они обнародуютъ свою программу дѣйствій, что они укажутъ на ту роль, которую они намѣрены выполнить при открытіи законодательнаго корпуса. Вмѣсто подобной программы, они, собравшись въ Парижѣ, выпустили манифестъ, въ которомъ объясняютъ только причины, которыя удержали ихъ отъ демонстраціи 26-го октября. «Мы не имѣли права, говорится въ этомъ манифестѣ, бросать на удачу судьбу возрождающейся свободы. Когда большая революція, революція мирная уже началась, когда съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе ея неизбѣжная развязка, было бы неблагоразумно доставить правительсѣву какой бы то ни было предлогъ почерпнуть въ возмущеніи новыя силы». Все это очень хорошо, могутъ возразить и возражаютъ на самомъ дѣлѣ депутатамъ, что вы не хотите рисковать, въ невѣрномъ бою, судьбою свободы, но что же, всетаки, вы намѣрены дѣлать? Неужели въ то время, когда народъ изо всѣхъ силъ стремится окончательно сбросить съ себя послѣднія сѣти личнаго правленія, лучшее, что могутъ дѣлать его представители—это сидѣть сложа руки и ждать у моря погоды? На это въ манифестѣ лѣвой стороны нѣтъ отвѣта, кромѣ фразы, гдѣ говорится, что «когда откроется слѣдующая сессія, мы потребуемъ у правительства отчета за это новое оскорбленіе націи. Новое оскорбленіе заключается въ томъ, что правительство не уступило общественному мнѣнію, которое впрочемъ не было выражено очень сильно, чтобы законодательный корпусъ былъ созванъ до 26-го октября. Разумѣется, въ этой фразѣ: «мы потребуемъ отчета въ этомъ новомъ оскорбленіи націи», заключается также извѣстная доля силы, но не въ такой странѣ, гдѣ мысль о возможности coup d'état занимаетъ всѣхъ и каждаго.

Вотъ почему такими фразами больше никого нельзя прельстить во Франціи, такія фразы тамъ только возбуждаютъ негодованіе или насмѣшку. Трудно, однако, не признать въ этомъ недовольствѣ крайними депутатами лѣвой стороны многознаменательнаго симптома. Жаръ слишкомъ великъ, нетерпѣніе одолѣваетъ. Благоразумно — такъ говорятъ теперь—сдѣлали депутаты, что воздержались отъ 26-го октября, но будетъ ли дальнѣйшее ихъ воздержаніе разсматриваться, какъ благоразуміе. Если нетерпѣніе и недовольство депутатами лѣвой стороны сказывается иногда въ слишкомъ рѣзкой формѣ, какъ сказалось, напр., въ одномъ печальномъ собраніи, гдѣ Жюль Симонъ, Пельтанъ, Бансель и Ферри подверглись оскорбительнымъ для нихъ выходкамъ за то только, что они думаютъ, что не наступило время выходить на площадь съ призывомъ къ возстанію, то оно слышится и въ ропотѣ умѣренныхъ людей, опасающихся, чтобы депутаты лѣвой стороны окончательно не утратили всякаго вліянія на общественное мнѣніе. Не только въ радикальной прессѣ раздаются голоса, приглашающіе этихъ депутатовъ дѣйствовать болѣе рѣшительно въ политическомъ смыслѣ,

они стали получать совѣты въ томъ же родѣ и отъ людей, которые давно уже удалились съ политической сцены. Викторъ Гюго, который, вмѣстѣ со всѣми передовыми людьми Франціи, настаивалъ, чтобы 26-го октября не было никакой уличной демонстраціи, сдѣлалъ предложеніе, чтобы депутаты лѣвой стороны открыто провозгласили, что они не признаютъ никакой присяги на вѣрность имперіи — предложеніе разумѣется не особенно важное, такъ какъ и безъ того уже никто изъ депутатовъ лѣвой стороны не смотрѣлъ на нее серьёзно. Другой добровольный эмигрантъ, къ голосу котораго всегда относятся съ уваженіемъ во Франціи, именно Эдгаръ Кинэ, точно также обратился къ депутатамъ лѣвой стороны со словами: «если вы отказываетесь отъ дѣйствія на публичной площади, то это тѣмъ болѣе васъ обязываетъ сдѣлать большой шагъ впередъ. Руки могутъ не дѣйствовать, подъ однимъ условіемъ, чтобы дѣйствовали головы». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лѣвая сторона можетъ наконецъ послушать этихъ совѣтовъ и выказать себя болѣе способною и рѣшительною, чтобы не окончательно выпустить движеніе изъ своихъ рукъ. Если не только tiers-parti, т.-е. тѣ 116 депутатовъ, которые подписали знаменитую интерпелляцію, но даже и ничтожная правительственная партія, въ собраніи которой всего оказалось двѣнадцать человѣкъ, шевелятся, дѣйствуютъ, составляютъ свои программы, то какъ можетъ оставаться сложа руки лѣвая сторона, на которую направлены всѣ взгляды. Въ частномъ собраніи, происходившемъ на-дняхъ у Жюля Фавра, разсматривались проекты законовъ, которые должны быть предложены, какъ только откроется законодательный корпусъ. Среди требуемыхъ новыхъ законовъ есть такіе, которые, если только они получатъ осуществленіе, прекратятъ существующую монархическую форму правленія въ чисто-республиканскую. На первый планъ депутаты лѣвой стороны выставляютъ проекты новаго избирательнаго закона, закона о томъ, чтобы отнять у правительственнаго произвола право созванія, отсрочки и распущенія палаты, закона о дѣйствительной отвѣтственности всѣхъ отправляющихъ какія бы то ни было общественныя должности, въ томъ числѣ и должности главы государства, закона о томъ, чтобы у исполнительной власти было отнято важное право войны и мира, и наконецъ новаго закона, которымъ отмѣнялась бы для депутатовъ необходимость присяги. Конечно, мало еще выставить извѣстную программу, главное— съумѣть принудить правительство принять ее, дать ей возможность осуществиться — только подъ этимъ условіемъ лѣвая сторона въ состояніи будетъ сохранить свое вліяніе. Многіе органы умѣренно-либеральной партіи говорятъ: «оставьте правительство дѣйствовать какъ ему угодно; оно неизбѣжно должно будетъ рушиться въ силу собственной своей порчи и гнилости. «До сихъ поръ лѣвая сторона болѣе или менѣе держалась этого мнѣнія; теперь она, кажется, начинаетъ

понимать, что «ложь, насиліе и несправедливость, какъ выразился Луи Бланъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ изъ Англіи, никогда не сдаются добровольно», всегда эти орудія насилія должны быть вырываемы съ боя. Но какими средствами долженъ быть веденъ этотъ бой? Наполеонъ III имѣетъ въ своей арміи ultima ratio; оппозиціи предстоитъ доказать, что ея ultima ratio составляетъ вѣра въ качества французской націи, которыя не такъ преходящи, какъ изобрѣтеніе Шаспо́. Рѣшительность лѣвой сторонѣ тѣмъ болѣе необходима, что депутаты tiers-parti, эти извѣстные 116, вовсе не желаютъ стереться передъ правительствомъ; напротивъ, ободренные успѣхомъ своей іюньской интерпелляціи, они хотятъ удержать за собою иниціативу умѣренно-либеральнаго движенія впередъ. Весьма вѣроятно, что теперь, когда 26-е октября прошло совершенно спокойно, какъ требовали того всѣ партіи, и когда правительство осталось только при своихъ грозныхъ приготовленіяхъ, депутаты средней партіи осуществятъ свое желаніе представить правительству новый запросъ, въ которомъ выражено было бы требованіе, чтобы законодательный корпусъ былъ созванъ ранѣе чѣмъ 29-го ноября. Согласится правительство или нѣтъ на такое требованіе, оно во всякомъ случаѣ выиграетъ немного, такъ какъ подобная уступка не можетъ изгладить того дурного и крайне невыгоднаго для него впечатлѣнія, которое произведено было этою неумѣстною бравадою,—декретомъ о созваніи палаты на конецъ ноября. Мудрость правительства состоитъ именно въ томъ, чтобы всегда быть готовымъ къ либеральнымъ уступкамъ, когда того требуетъ общественное мнѣніе, свободно высказывающееся въ прессѣ и на публичныхъ собраніяхъ. Но этой-то мудрости и недостаетъ современному французскому правительству.

Испытывая въ вопросахъ чисто-политическихъ неудачу за неудачей, вторая имперія не можетъ похвастаться, чтобы она была особенно счастлива въ своемъ вмѣшательствѣ въ тѣ соціальныя столкновенія, которыя въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ два раза уже заставили цѣлую Францію содрогнуться при видѣ кровавой картины. Въ іюнѣ мѣсяцѣ стачка рабочихъ каменно-угольныхъ копей въ Рикамари, привела къ столкновенію между рабочими и военною силою, которая тогда въ первый разъ попробовала на французахъ и свое новое вооруженіе. Нѣсколько убитыхъ и раненыхъ оказалось въ результатѣ этого столкновенія. Таже самая сцена, и одинаково въ бассейнѣ Лоары, повторилась на каменно-угольныхъ копяхъ Обена, гдѣ произошла стачка рабочихъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ. Со стороны рабочихъ были сдѣланы насилія, власти поторопились призвать вооруженную силу, которая, увидѣвъ себя въ оборонительномъ положеніи, послушалась голоса офицера, который крикнулъ только: «защищайтесь». Въ ту самую минуту, когда раздалось это слово, раздались и выстрѣлы Шаспо, ко-

торыя на мѣстѣ положили четырнадцать человѣкъ, и оставили тяжело ранеными болѣе двадцати человѣкъ. Среди убитыхъ и раненыхъ находились женщины и дѣти. Событіе это произвело самое тяжелое впечатлѣніе, потому что близость Рикамари и Обена показала только одно, что стрѣльба въ безоружныхъ, убійства невинныхъ не могутъ остановить подобныхъ столкновеній, которыя черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю снова могутъ повториться. И что же тогда? спрашиваетъ общественное мнѣніе, неужели снова, обращается оно къ правительству, вы выставите вооруженную силу и опять удовлетворитесь тѣмъ, что положите на мѣстѣ двадцать, тридцать человѣкъ? Плохо такое средство успокоивать движеніе, которое такимъ способомъ, какимъ дѣйствуетъ правительство, не только не будетъ предупреждено на будущее время, но скорѣе произведетъ еще больше раздраженія въ средѣ рабочихъ классовъ. Рядомъ съ этими крупными стачками, которыя оканчивались стрѣльбою, идутъ другія, менѣе грозныя, но тѣмъ не менѣе достаточно серьёзныя, чтобы еще болѣе запутывать и безъ того натянутое положеніе страны и правительства, упорно преслѣдующаго одни династическіе интересы. О Наполеонѣ III скажетъ исторія то, что она сказала о Цезарѣ Борджіа: «онъ все предвидѣлъ, кромѣ смерти».

Къ политическимъ и соціальнымъ столкновеніямъ во Франціи, въ послѣднее время присоединились и религіозные вопросы, близко касающіеся смутныхъ понятій, которыя господствуютъ въ политикѣ. Эти религіозные вопросы были вызваны случаемъ, но случаемъ непріятнымъ для правительственныхъ цѣлей, такъ какъ онъ не останется безъ вліянія на значительную часть французскаго общества, въ большинствѣ преданнаго съ фанатизмомъ католичеству. Мы говоримъ о дѣлѣ о. Гіацинта, извѣстнаго католическому міру своимъ талантомъ и ораторскими дарованіями. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ проповѣдовалъ въ Notre - Dame de Paris и всегда собиралъ огромную массу слушателей вокругъ себя. Рѣчи этого кармелитскаго монаха были краснорѣчивы и, съ католической точки зрѣнія, настолько либеральны, что уже два года тому назадъ его призывали въ Римъ, гдѣ увѣщевали быть болѣе умѣреннымъ. О. Гіацинтъ не измѣнялъ своего направленія, и даже въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей, которую онъ произнесъ въ собраніи постоянной и международной лиги мира, осмѣлился заявить себя горячимъ защитникомъ свободы политической, свободы научной, свободы религіозной. «Личныя правительства, восклицалъ онъ, могли имѣть свое объясненіе и свою пользу въ другія времена. Для ребенка нужны учителя и наставники, но какъ выразился св. Павелъ, говоря о возрожденномъ человѣчествѣ, мы больше не дѣти, мы больше не рабы, и мы имѣемъ право войти во владѣніе нашимъ наслѣдствомъ, и вотъ почему теперь больше не время личныхъ правительствъ. Теперь время правленія общественнаго мнѣнія, время

управленія страною посредствомъ самой страны....» Съ такою же силою выражался онъ о всѣхъ успѣхахъ европейской цивилизаціи, съ такою же силою протестовалъ онъ противъ обнаружившагося разрыва между церковью и свѣтскимъ обществомъ. Въ своей рѣчи онъ не является узкимъ сторонникомъ одной католической религіи, онъ признаетъ, что рядомъ съ католицизмомъ имѣютъ полное право на существованіе протестантизмъ и іудейская религія. Нечего удивляться, что подобная рѣчь, идущая прямо наперекоръ всевозможнымъ «Syllabus», должна была возбудить сильное негодованіе въ Римѣ противъ кармелитскаго монаха. Глава ордена кармелитовъ написалъ письмо Гіацинту, въ которомъ онъ приказывалъ ему или измѣнить образъ своихъ мыслей, или не являться больше на каѳедру въ Notre-Dame de Paris. Въ отвѣтъ на это приказаніе кармелитскій монахъ издалъ свое знаменитое письмо, въ которомъ говоритъ, что ни на минуту не задумывается покинуть свою каѳедру, если отъ него требуютъ, чтобы онъ вносилъ фальшь въ свои проповѣди, чтобы онъ говорилъ не то, что думаетъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ объявилъ, что покидаетъ монастырь, что онъ не хочетъ въ немъ болѣе оставаться, если вмѣсто «святой свободы», которую онъ тамъ искалъ и для которой онъ принесъ столько жертвъ, ему предлагаютъ однѣ только цѣпи, которыя онъ не только имѣетъ право, но которыя онъ имѣетъ «обязанность сбросить». «Наступилъ торжественный часъ, говоритъ онъ въ своемъ письмѣ. Церковь проходитъ черезъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ, мрачныхъ и жестокихъ кризисовъ своего существованія. Послѣ трехъ сотъ лѣтъ въ первый разъ не только созванъ, но объявленъ необходимымъ вселенскій соборъ: это выраженіе св. отца. Не въ такую минуту проповѣдникъ евангелія, будь онъ изъ послѣднихъ, можетъ согласиться замолчать, какъ тѣ нѣмые псы Израиля, невѣрные стражи, къ которымъ пророкъ обращаетъ упрекъ, что они не могутъ даже лаять: canes muti, non valentes latrare! Святые, говоритъ съ гордостью кармелитскій монахъ, никогда не молчали. Я не одинъ изъ нихъ, но я знаю, что я принадлежу къ ихъ союзу». Какъ бы то ни было, нельзя не сказать, что слова эти, когда они произносятся кармелитскимъ монахомъ, не могутъ не имѣть сильнаго нравственнаго вліянія на мрачную католическую партію во Франціи.

Поступокъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ совершенъ въ то время, когда приготовляется открытіе вселенскаго собора, и представляетъ собою какъ бы протестъ противъ тѣхъ безумныхъ постановленій, которыя приметъ безъ сомнѣнія этотъ соборъ. «Я протестую, говоритъ онъ въ самомъ дѣлѣ, противъ этихъ доктринъ и обычаевъ, которыя зовутся римскими, но которые вовсе не христіанскіе». Конечно, протестъ отца Гіацинта противъ не состоявшихся, но впередъ хорошо извѣстныхъ постановленій собора, который долженъ собраться

черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, не есть единственный въ католическомъ мірѣ. Уже прежде, нежели раздался голосъ кармелитскаго монаха, нѣмецкіе католическіе епископы, собравшись въ городѣ Фульда, выпустили циркуляръ, въ которомъ они выразили свои чувства и свои надежды относительно вселенскаго собора. Надежда эта заключается въ томъ, что вселенскій соборъ не постановитъ ничего такого, что было бы «несовмѣстно съ основаніями государства, цивилизаціи и наукою, съ законною свободою и матеріальнымъ благосостояніемъ народовъ». Безъ сомнѣнія, всѣ эти надежды, точно также какъ и тѣ, которыя нѣмецкіе епископы возлагаютъ на соборъ, что онъ не станетъ внимать голосу экзальтированной ультра-католической партіи и не захочетъ пересаживать въ настоящее время нравы, учрежденія и воззрѣнія времени, которое прошло невозвратно, всѣ эти надежды окажутся печальною иллюзіею передъ благороднымъ рвеніемъ и благочестіемъ собора, который собирается провозгласить непогрѣшимость папы. Впрочемъ весьма вѣроятно, что нѣмецкіе епископы, выпуская въ свѣтъ свой циркуляръ, нисколько и не думали о томъ, что ихъ надежды въ самомъ дѣлѣ осуществятся; они понимали очень хорошо, что циркуляръ этотъ есть не что иное, какъ косвенный протестъ противъ всѣхъ юродивыхъ постановленій будущаго вселенскаго собора. Протестъ этотъ впрочемъ былъ не первымъ въ Германіи. Либеральные католики, собравшись въ Кобленцѣ, адресовали къ архіепископу Трирскому письмо, въ которомъ выражали тѣже надежды. Къ этимъ либеральнымъ нѣмецкимъ католикамъ присталъ также и умирающій Монталамберъ, выразившій осужденіе надъ происками ультра-монтанской партіи. Но самый сильный протестъ противъ будущаго вселенскаго собора раздался въ брошюрѣ или вѣрнѣе въ большомъ томѣ, вышедшемъ въ Лейпцигѣ подъ названіемъ: «Соборъ и Папа». Авторы этой книги, такъ какъ тутъ есть нѣсколько авторовъ, скрываются подъ псевдонимомъ Janus. Книга эта надѣлала, да и продолжаетъ дѣлать до сихъ поръ много шума. Написанная либеральными католиками (нужно-таки сознаться, что это довольно смѣшной терминъ, либерализмъ и католицизмъ какъ-то плохо вяжутся вмѣстѣ), она протестуетъ противъ тѣхъ претензій ультра-римской партіи, которая должна получить освященіе на вселенскомъ соборѣ. Ничто не подвергается такому рѣзкому и вмѣстѣ серьёзному разбору, какъ не серьёзное, а напротивъ чисто-вздорное положеніе, именуемое непогрѣшимостью папы. Авторы этой книги показываютъ, рядомъ какихъ натяжекъ, обмановъ, изобрѣтеній папы достигли расширенія своей духовной и свѣтской власти и при помощи какихъ фокусовъ дошли они наконецъ до дикой претензіи объявить себя непогрѣшимыми. Рядомъ съ этимъ они показываютъ всю несообразность всякихъ силлабусовъ съ истинными стремленіями XIX-го вѣка, которыя заключаются въ полной сво-

бодѣ совѣсти, въ полной политической свободѣ, не терпящей никакого деспотизма, откуда бы онъ ни шелъ, отъ свѣтскаго ли или отъ духовнаго правительства.

Трудныя времена наступили для католицизма; каждый день онъ получаетъ такіе толчки, которые должны портить много крови его ревностнымъ защитникамъ. Къ такимъ толчкамъ нельзя не причислить и гражданскіе похороны Сентъ-Бёва. Сентъ-Бёвъ принадлежалъ къ числу самыхъ извѣстныхъ писателей Франціи, и надо отдать справедливость ему, извѣстность эта была какъ нельзя болѣе законна. Мы нисколько не желаемъ, только потому, что Сентъ-Бёвъ умеръ, преувеличивать значенія его литературной и политической дѣятельности. Онъ не былъ первостепенною звѣздою, тѣмъ не менѣе литературные труды, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ «Port-royal» и двадцать семь томовъ критическихъ этюдовъ обличаютъ въ немъ крупный талантъ и многосторонній, хотя и не очень глубокій умъ. Развитіе его, можно сказать, шло обратнымъ путемъ, чѣмъ у большинства людей; обыкновенно, чѣмъ старше становится человѣкъ, тѣмъ онъ дѣлается болѣе черствымъ, болѣе консервативнымъ во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ какъ нравственныхъ, такъ и политическихъ. У Сентъ-Бёва это было не такъ. Чѣмъ болѣе приближался онъ къ окончанію своего поприща, тѣмъ сильнѣе у него билось сердце ко всему молодому, новому, тѣмъ рѣшительнѣе становился онъ въ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ, тѣмъ смѣлѣе относился ко всѣмъ нравственнымъ вопросамъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ настолько умственной слабости, такъ мало было у него здраваго пониманія вещей, что не долго думая, онъ положилъ на свое имя самое черное пятно всей своей жизни, ставъ на сторону насилія, деспотизма, дѣлаясь защитникомъ второй имперіи. Послѣдними годами своей жизни онъ искупилъ этотъ тяжкій грѣхъ. Онъ понялъ, что́ означала для Франціи вторая имперія, онъ убѣдился, что она была синонимомъ пониженія нравственнаго уровня общества, что она дѣйствовала пагубнымъ образомъ на всѣ лучшія силы и самыя благородныя стремленія Франціи. Онъ отсталъ отъ партіи реакціи и союзъ его съ либеральною партіею каждый день закрѣплялся новыми доказательствами искренности и силы его либерализма. Нельзя не упомянуть о его благородномъ и полномъ достоинства поведеніи въ сенатѣ, когда два года тому назадъ шла рѣчь о мнимой безнравственности французскаго общества, т. е. о распространеніи въ его средѣ свободомыслія въ религіозныхъ вопросахъ. Онъ сдѣлалъ тогда энергическій протестъ противъ стѣсненія свободы мысли, и когда въ этомъ старческомъ ареопагѣ раздался голосъ противъ научныхъ изслѣдованій и въ особенности противъ одного человѣка, именно противъ Ренана, котораго обвиняли въ распространеніи развратныхъ и подкашивающихъ вѣру ученій, онъ всталъ съ своего мѣста и произнесъ: «я гор-

жусь дружбою этого человѣка и уважаю его дѣятельность». Нельзя точно также не вспомнить его защиты свободы печати, и наконецъ въ самое послѣднее время, когда онъ былъ уже на краю смерти, онъ прямо сталъ въ ряды оппозиціи, и не имѣя болѣе возможности, чтобы отправиться въ сенатъ и произнести тамъ свою рѣчь по поводу сенатскаго постановленія, онъ напечаталъ ее въ одной газетѣ, чтобы заявить свое мнѣніе, что вторая имперія собственно рушилась, и что больше нечего ожидать отъ нея. Самая смерть его вызвала негодованіе въ правительственной и клерикальной партіи, такъ какъ онъ умеръ «нераскаявшимся грѣшникомъ», строго завѣщая свою волю, чтобы церковь не была допущена къ его погребенію. Гражданскіе похороны академика-сенатора не могли не скандализировать всей оффиціальной Франціи. Случись эта смерть, эти похороны нѣсколько времени прежде, они надолго бы заняли собою общественное мнѣніе, которому теперь нѣтъ времени останавливаться на частныхъ явленіяхъ — все вниманіе его поглощено внутренними дѣлами, скорымъ открытіемъ законодательнаго корпуса и ожиданіемъ того, что произойдетъ въ палатѣ.

Если Франція съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ открытія палаты депутатовъ, то Германія съ этой стороны несравненно счастливѣе. Тутъ поминутно открываются то одинъ, то другой парламенты, и въ теченіи послѣдняго мѣсяца нѣмцы имѣли случай выслушать три тронныя рѣчи. Одну изъ нихъ произнесъ король саксонскій, другую великій герцогъ баденскій, и третью, наконецъ, король Вильгельмъ прусскій. Ни одна изъ нихъ не лишена интереса, каждая довольно хорошо обрисовываетъ положеніе тамошнихъ дѣлъ. Король саксонскій, очевидно, недоволенъ прелестями прусской гегемоніи, и потому говоритъ собравшемуся парламенту: «Я буду уважать заключенные трактаты, я привязанъ къ сѣверной конфедераціи и сохраню ей вѣрность, но не намѣренъ болѣе уступать ни одной іоты изъ той небольшой самостоятельности, которая мнѣ оставлена». Трудно не слышать здѣсь жалобной ноты на Пруссію, которая стремится окончательно проглотить своихъ добрыхъ сосѣдей, подчиненныхъ и безъ того уже ея власти. Герцогъ баденскій, бо́льшую или меньшую самостоятельность котораго охраняетъ пражскій трактатъ, и который поэтому не могъ еще вкусить прелести прусскаго владычества, изъ всѣхъ силъ стремится быть проглоченнымъ своимъ могущественнымъ сосѣдомъ и горько жалуется, что на его долю не выпало еще это счастье. Наконецъ, прусскій король при открытіи прусскаго парламента произнесъ рѣчь, въ которой, какъ и въ прошломъ году, слышится тоже: «дефицитъ, дайте денегъ»! Что дѣлать! это неизбѣжная пѣсня всѣхъ государствъ, которыя не считаютъ возможнымъ отказаться отъ большой арміи, отъ множества полковъ, множества пушекъ, множества ружей, множества кораблей. Быть могущественною военною державою что́-нибудь да стоитъ! Даромъ ничто не

дается, сказалъ поэтъ, судьба жертвъ искупительныхъ проситъ. Такими жертвами явились сначала однѣ присоединенныя провинціи, но ихъ оказалось мало, и вотъ таже неумолимая судьба начинаетъ преслѣдовать самихъ пруссаковъ. Недовольство и ропотъ слышится въ отвѣтъ этой судьбѣ. Это недовольство выразилось довольно ясно на первыхъ же засѣданіяхъ прусскаго парламента, которому были предложены два проекта, одинъ касающійся бюджета, другой касающійся окружного управленія (Kreisordnung), гдѣ правительство желаетъ ввести самоуправленіе. Каково должно быть это самоуправленіе, видно изъ того, какъ относится къ нему такой извѣстный человѣкъ, хоть Вирховъ, который выражаетъ сомнѣніе, можетъ ли быть названо самоуправленіемъ такое устройство, гдѣ все самоуправленіе округовъ будетъ заключаться въ томъ, что жители округа будутъ сами платить чиновникамъ, назначаемымъ отъ правительства. Что касается другого проекта, предназначеннаго чтобы покрыть дефицитъ, то онъ еще болѣе возбудилъ противъ себя палату. Правительство предлагаетъ самую простую мѣру для покрытія дефицита болѣе чѣмъ въ 5 милліоновъ— увеличеніе подоходнаго налога на 25%. «Позвольте, раздается въ Пруссіи, налоги и безъ того такъ тяжелы, что мы едва можемъ платить, вы не можете ихъ увеличивать!» Подобное разсужденіе должно въ самомъ дѣлѣ показаться нѣсколько страннымъ прусскому правительству, и оно могло бы въ свою очередь сказать: «нѣтъ, позвольте господа, вы восторгались моими военными успѣхами, вы торжествовали Садову, вы привѣтствовали побѣдоносныя войска, вы ликовали глядя на развитіе нашего флота, вы трубили во всѣ трубы возвеличеніе Пруссіи, ну и платите!» Прусское правительство, разсуждая подобнымъ образомъ, было бы совершенно право. Есть хорошая русская пословица, которую можно припомнить по этому случаю: любишь кататься, люби и саночки возить. Что налоги велики—въ этомъ сомнѣнія нѣтъ, но вѣдь за то и слава велика. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро мы услышимъ, какъ пруссаки станутъ говорить: «въ доброе старое время, до 1866 года, когда у насъ не было ни великой арміи, ни великаго флота, ни великой славы, то-то было хорошо жить на свѣтѣ». Намеки на подобную фразу долетаютъ до насъ и теперь уже. Чѣмъ окончатся пренія объ этомъ налогѣ, приведшемъ въ ужасъ всю Пруссію, еще неизвѣстно. Надо полагать, что проектъ этотъ провалится, такъ какъ министръ финансовъ, господинъ фонъ-деръ-Гейдтъ поспѣшилъ выдти въ отставку.

Что касается до внѣшней политики Пруссіи, то тутъ все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно, и даже взаимная перебранка между Пруссіею и Австріею превратилась въ самыя дружескія, по крайней мѣрѣ, если судить по наружности, отношенія между двумя враждебными державами. Большимъ шагомъ къ примиренію, если не между правительствами, то между двумя династіями, гогенцоллернскою и габсбургскою,

послужила поѣздка наслѣднаго прусскаго принца въ Вѣну. Предлогъ къ поѣздкѣ въ Вѣну представился отличный — путешествіе въ Египетъ на открытіе Суэцскаго канала, куда отправился также и австрійскій императоръ. Пріемъ, оказанный наслѣдному принцу, былъ до того радушный, что возбудилъ даже недовольство придворной реакціонной партіи, съ эрцъ-герцогинею Софіею во главѣ, которая все еще мечтаетъ отомстить Пруссіи главнымъ образомъ за то, что, отчасти благодаря ей, Австрія вступила на дорогу либерализма и хорошихъ преобразованій, которыя такъ антипатичны партіи реакціи. Къ счастію Австріи эта партія безсильна и ей не дѣлается никакихъ уступокъ, которыя ослабляли бы дѣйствіе реформъ. Конечно, австрійскому правительству предстоитъ еще много труда, чтобы окончательно укрѣпить либеральный строй государства, но то, что сдѣлано уже, служитъ залогомъ, что сдѣлано будетъ также и то, что остается еще нетронутымъ или не законченнымъ. Нельзя сказать, чтобы общій ходъ дѣлъ въ австро-венгерской монархіи давалъ успокоиваться на лаврахъ правительству. Далеко нѣтъ. Помимо постоянныхъ заботъ, причиняемыхъ ему главнымъ образомъ чехами, съ которыми австрійскій императоръ выразилъ положительное желаніе придти наконецъ къ соглашенію, другими словами, сдѣлать уступки, у него являются болѣе или менѣе случайныя хлопоты, то на одномъ концѣ имперіи, то на другомъ. Въ настоящую минуту на австрійское правительство обрушилась новая непріятность: возстаніе въ Катаро, лежащемъ на югѣ имперіи, въ Далмаціи. Причина возстанія какъ нельзя болѣе понятна. Австрійское правительство, вводя новый военный законъ, общій для всей имперіи, хотѣло распространить его и на небольшую кучку, всего въ тридцать одну тысячу жителей Катаро. Жители эти никогда не подчинялись общимъ законамъ и пользовались всевозможными привилегіями, представляя собою отдѣльное совершенно населеніе, нетронутое цивилизаціею, съ своими особенными правами и обычаями. До конца прошлаго столѣтія они принадлежали венеціанской области, и по Кампо-Формійскому миру 1797 года перешли вмѣстѣ съ Венеціею подъ владычество Австріи. Они не платили никогда налоговъ, не несли никакихъ тягостей, не только во времена венеціанскаго господства, но и до самаго послѣдняго времени. Австрійское правительство освобождало Катаро отъ всякихъ налоговъ и только желало подчинить эту крошечную область новому военному закону. Населеніе Катаро воспротивилось и возстало противъ введенія къ нимъ ландвера. Возстаніе это конечно немедленно было бы подавлено, если бы населеніе Катаро не нашло себѣ помощи и горячаго сочувствія въ населеніи Монтенегро, ихъ ближайшихъ сосѣдей. Монтенегро давно уже стремится присоединить къ себѣ Катаро, между родственными жителями того и другого существуетъ тѣсная дружба. Хотя въ иностранной прессѣ и раздаются голоса, что возстаніе въ Ка-

таро служитъ только какъ прелюдія къ большому движенію среди южныхъ славянъ, но мы сильно склоняемся къ тому, что и это возстаніе маленькаго Катаро кончится, какъ и многія другія возстанія, не произведя никакого крупнаго переворота. Европа давно уже стала такъ пуглива, что довольно ей разглядѣть гдѣ-нибудь самую ничтожную искру, чтобы кричать уже о большомъ пожарѣ. По поводу движенія въ Катаро снова заговорили о стараніяхъ русскихъ панславистовъ, но мы не хотимъ придавать этимъ слухамъ никакого значенія. Зная «глубокую мудрость» нашихъ панславистовъ, мы опасаемся, впрочемъ, сказать, чтобы слухи эти были вполнѣ нелѣпы.

Заговоривъ о Далмаціи мы такъ приблизились къ Италіи, что нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ о положеніи ея политическихъ дѣлъ. Положеніе это, нужно сознаться, не особенно красиво, и правительство дѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобы сдѣлать его еще болѣе печальнымъ, т. е. еще болѣе подорвать къ себѣ довѣріе народа. Настоящее министерство давно уже возбуждало противъ себя всеобщее негодованіе, а между тѣмъ оно все еще держится, и никакъ не желаетъ разстаться съ властью, хотя общественное мнѣніе не разъ уже показало ему, что оно не пользуется довѣріемъ страны. Напрасно министерство Менабреа обновляется отъ времени до времени новыми элементами, напрасно оно соединяется съ піемонтскою партіею и отдаетъ портфель министерства внутреннихъ дѣлъ одному изъ ея самыхъ вліятельныхъ членовъ: Феррарисъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ чувствуетъ невозможность оставаться въ кабинетѣ и выходитъ въ отставку. Какъ не укрѣпилось министерство послѣ кризиса, который произошелъ въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда вошли въ него Феррарисъ и Мордини, такъ точно есть мало надежды, чтобы оно укрѣпилось и въ настоящую минуту, когда среди его обнаружился полный кризисъ, доставившій портфель министерства внутреннихъ дѣлъ маркизу Рудини, а портфель юстиціи г. Віліани. Обновленный такимъ образомъ, комитетъ Менабреа-Диньи представится передъ палатой, которая будетъ созвана къ 16-му ноября, и если соберетъ большинство, что впрочемъ крайне сомнительно, то протянетъ свое существованіе еще нѣсколько времени, если же нѣтъ, то ему придется уступить свое мѣсто новому министерству. Министерство Менабреа расшаталось главнымъ образомъ благодаря своей внутренней политикѣ, въ которой оно дѣлало ошибку за ошибкой. Результатъ политическихъ процессовъ, которые оно затѣвало чуть не каждый день, то открывая заговоръ въ Неаполѣ, то въ Миланѣ, въ Генуѣ, процессовъ, которые всѣ почти уже окончились ничѣмъ, т. е. оправданіемъ подсудимыхъ, былъ только одинъ: презрѣніе къ министерству. Италія не достигла еще той «высшей цивилизаціи», которая не допускаетъ, чтобы политическіе процессы оканчивались оправданіемъ подсудимыхъ, требующей напро-

тивъ, чтобы во что бы то ни стало, есть на самомъ дѣлѣ виновные или нѣтъ, но чтобы виновные были. Помимо этихъ процессовъ по обвиненію въ заговорѣ, въ Италіи разразились другіе скандальные процессы, къ которымъ долженъ быть причисленъ также процессъ депутата Лобіа, возникшій собственно изъ дѣла о табачной монополіи, въ которомъ обвинялись нѣкоторые депутаты правой стороны, воспользовавшіеся своимъ званіемъ депутатовъ, чтобы поживиться на этомъ дѣлѣ.

Если неудачна внутренняя политика итальянскаго правительства, то и внѣшнія свои дѣла оно не ведетъ такимъ образомъ, чтобы заслужить себѣ расположеніе страны. Французскія войска, до сихъ поръ находящіяся на итальянской территоріи, лежатъ тяжелымъ камнемъ на правительствѣ Виктора-Эммануила, который все больше и больше теряетъ свою прежнюю популярность. Его семейная, династическая политика тоже не особенно счастлива, если только можно быть увѣреннымъ, что кандидатура его племянника герцога генуэзскаго на испанскій тронъ окончательно провалится. Она исчезнетъ въ томъ страшномъ, кровавомъ хаосѣ, который представляла собою Испанія въ теченіе послѣдняго мѣсяца. Правительству, состоящему изъ генераловъ, удалось наконецъ довести республиканскую партію до возмущенія, которое за-разъ вспыхнуло въ двадцати девяти изъ сорока девяти испанскихъ провинцій. Ужасныя сцены произошли въ Барцелонѣ, Саррагосѣ, Таррагонѣ и во многихъ другихъ городахъ; но нигдѣ онѣ не достигли до такихъ грозныхъ размѣровъ какъ въ Валенціи, которая въ продолженіе нѣсколькихъ дней боролась съ правильными войсками Серрано, Примо и комп. Возстаніе республиканцевъ подавлено, но на это можно отвѣтить, на долго ли? и что будетъ впереди! Возстаніе это доказало только одно, что республиканская партія въ Испаніи сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Чѣмъ окончится регентство Серрано? долго ли будетъ Примъ маскироваться въ либерализмъ и демократизмъ? чѣмъ рѣшатъ наконецъ податливые кортесы? все это вопросы, которые скоро должны получить разрѣшеніе. Монархическая партія, одержавшая верхъ надъ республиканскою, во что бы то ни стало хочетъ снабдить Испанію королемъ — нужно сознаться, что если бы даже она и достигла своего, то незавидная будетъ доля короля, которому предстоитъ бороться чуть не съ половиною всего населенія.

Мы не можемъ закончить нашего обозрѣнія, не упомянувъ хоть однимъ словомъ о событіи громадной важности, которое приготовляется съ такою торжественностью на Востокѣ. Мы говоримъ объ открытіи Суэцскаго канала, которому предназначено соединить собою болѣе близко Индію съ Европой и значительно поколебать торговые балансы всѣхъ европейскихъ государствъ. Событіе это, которому мы посвятимъ особую статью, подсказываетъ намъ, что только одна наука спокойно

и непрерывно идетъ впередъ по пути своего развитія, открывая каждый день человѣчеству все новые горизонты, и что въ ней скрывается одно изъ самыхъ вѣрныхъ орудій, которымъ должны вооружиться народы въ своей судорожной борьбѣ за политическую и нравственную свободу и за свое матеріальное благосостояніе. Лично для насъ, открытіе Суэцскаго перешейка наводитъ на мысли о Парижскомъ мирѣ, условія котораго будутъ всегда, пока они существуютъ, лежать бременемъ надъ развитіемъ нашихъ народныхъ силъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

СОЦІАЛИЗМЪ И ВОЛЬНАЯ АССОЦІАЦІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

27-го сентября, 1869 *).

17-го (5-го) марта нынѣшняго года въ сѣверо-германскомъ парламентѣ стояло на очереди первое чтеніе проекта ремесленнаго устава, который, какъ извѣстно, игралъ роль важнѣйшей законодательной мѣры послѣдней сессіи, и, послѣ долгихъ и жаркихъ преній, станетъ съ 1-го октября положительнымъ закономъ всей страны, потерпѣвъ лишь весьма незначительныя и несущественныя измѣненія. Только одна часть новаго закона, — правила о разносной продажѣ — вступятъ въ силу лишь съ 1870 года. Первыя пренія объ уставѣ начались рѣчью депутата Швейцера (Schweitzer). Этотъ извѣстный соціалистъ объявилъ собранію, что онъ намѣренъ изложить основы, на которыхъ построены законодательныя поправки, предложенныя имъ самимъ и другими приверженцами его партіи, — и рѣчь его дѣйствительно была лекціею о сущности соціализма. Прежде всего онъ указалъ на тотъ дѣйствительно весьма важный фактъ, что его рѣчь въ Германіи составитъ первую проповѣдь соціализма съ трибуны законодательнаго собранія, и что онъ является тамъ, благодаря рѣшительной поддержкѣ со стороны значительной части рабочаго класса. «Мы идемъ изъ того, сказалъ докторъ Швейцеръ, что отношеніе между капиталомъ и тру-

*) Мы должны извиниться, что опоздали напечатать корреспонденцію: обиліе матеріаловъ не позволило намъ помѣстить ее въ октябрьской книжкѣ, для которой она была прислана. — *Ред.*

домъ есть *военное положеніе*, и оправданіемъ этого взгляда долженъ служить предлагаемый нами проектъ, который я опишу лишь въ однихъ существенныхъ чертахъ». Точкою отправленія оратора служили три фактора, опредѣляющіе распредѣленіе доходовъ въ современномъ обществѣ: *заработная плата*, *прибыль* и *рента*. Что касается до перваго и третьяго пунктовъ, всѣ партіи согласны между собою во всѣхъ существенныхъ частяхъ, но ученіе о прибыли служитъ главнымъ источникомъ и опорою одной соціалистической системы. Поэтому-то необходимо придать главное значеніе тому мѣсту рѣчи Швейцера, гдѣ онъ излагаетъ соціалистическую критику прибыли, и я постараюсь передать ее собственными словами оратора, по оффиціальному стенографическому отчету [1].

«Что касается до прибыли съ капитала—говорилъ Швейцеръ—она распадается, во-первыхъ, на *процентъ*, то-есть на такую цѣнность, которую получаетъ капиталистъ за простую отдачу въ заемъ безъ риску, и во-вторыхъ, на предпринимательскую прибыль, то-есть, тотъ барышъ, который получается производителемъ товаровъ въ томъ случаѣ, когда онъ самъ употребляетъ свой капиталъ на производство. Нерѣдко приходится слышать, что предпринимательная прибыль имѣетъ отчасти характеръ заработной платы. Иногда это, можетъ быть, и правда. Насколько самъ предприниматель способствуетъ ходу производства, настолько прибыль его можетъ быть признана заработною платою, но сущность вопроса рѣшаютъ случаи не мелкаго производства, а крупнаго. Мелкія ремесла и другія явленія того же рода суть не что иное, какъ остатки прежнихъ временъ, постепенно исчезающіе изъ экономической жизни. Между тѣмъ, при крупномъ производствѣ, напр., на большихъ фабрикахъ или при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, предпринимательская прибыль, заслуживающая считаться заработною платою, составляетъ лишь весьма незначительную часть всей прибыли вообще. Какъ въ большихъ фабрикахъ, такъ и въ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ, жалованье директора—если эту должность занимаетъ не самъ предприниматель — является величиною почти ничтожною въ сравненіи съ общею прибылью предпріятія или съ дивидендами, выдаваемыми акціонерамъ».

До сихъ поръ Швейцеръ ясенъ, но тутъ онъ дѣлаетъ быстрый переходъ къ такъ-называемой *мѣновой цѣнности*, и, пользуясь этимъ трудно опредѣлимымъ экономическимъ терминомъ, старается дать своему дѣлу хорошій оборотъ. По современному закону о цѣнности—говоритъ онъ — всякій товаръ заключаетъ въ себѣ столько мѣновой цѣнности, сколько употреблено труда на его приготовленіе. Цѣнность

[1]) Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages der Norddeutschen Bundes. Session 1869. Berlin, 1869.

опредѣляется тѣмъ трудомъ, который необходимъ на производство самой рабочей силы.

Эти положенія нѣсколько темны, но, несмотря на то, они служатъ научнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ весьма отчетливо формулированныхъ и ясно выраженныхъ результатовъ и требованій. Швейцеръ говоритъ:

«Если рабочій, для того, чтобы жить и работать, потребляетъ ежедневно разныхъ товаровъ — жизненныхъ припасовъ — на 15-ть зильбергрошей (около 60-ти коп.), то это значитъ, что 15-ть зильбергрошей составляютъ цѣнность его дневной рабочей силы. Такова собственная цѣнность его рабочей силы,—такъ опредѣляется она на рынкѣ труда. Однако, это нисколько не мѣшаетъ рабочей силѣ произвесть въ одинъ день разныя цѣнности на бóльшую сумму, положимъ — на одинъ талеръ (30-ть зильбергрошей). Сама рабочая сила, по своей мѣновой цѣнности, опредѣляется необходимыми для существованія рабочаго жизненными средствами, между тѣмъ, какъ цѣнность, ею создаваемая, становится выше той, которая дается за рабочую силу въ формѣ заработной платы. Положимъ, если обыкновенный рабочій можетъ производить на 15-ть зильбергрошей въ каждые шесть часовъ, то, слѣдовательно, уже въ первые шесть часовъ своего труда, онъ произведетъ цѣнность, равную заработной платѣ, получаемой имъ отъ мастера или фабриканта за цѣлый день труда. На слѣдующіе шесть часовъ онъ создаетъ новую цѣнность въ 15-ть зильбергрошей, но создаетъ ее уже не для себя, а для нанимателя - капиталиста. Итакъ, если теперь измѣнилось что-нибудь, въ сравненіи съ положеніемъ труда во времена невольничества или крѣпостного права, то лишь одна форма,—какъ тогда, такъ и теперь изъ человѣка извлекаютъ даровой, неоплачиваемый трудъ. И невольникъ, у своего господина, тоже трудится опредѣленную часть дня на себя, то-есть, до тѣхъ поръ, пока не создаетъ такой цѣнности, которая покрываетъ всѣ расходы на содержаніе раба, — и только потомъ работаетъ онъ исключительно на своего владѣльца. Совершенно тоже мы видимъ и нынѣ. Пока рабочій работаетъ для производства цѣнности, равной его заработной платѣ, до тѣхъ поръ трудится онъ на самого себя; но въ продолженіи всего остального времени дня работаетъ онъ лишь для созданія прибыли съ капитала, то-есть, той доли произведеній, которая *достается, подъ разными предлогами, владѣльческимъ классамъ*».

Далѣе, для полнаго достиженія своей цѣли, Швейцеру нужно было опровергнуть еще другія два притязанія капитала, признаваемыя экономистами буржуазной школы, то-есть, *рискъ* предпринимателя, требующій вознагражденія изъ общей прибыли, и такъ-называемую «награду за воздержаніе», которая является изъ экономическаго ученія объ образованіи капиталовъ путемъ сбереженія; предполагается, что

капиталистъ заслуживаетъ вознагражденія за то, что употребляетъ свой капиталъ на производство, а не на личное потребленіе.

Что касается до *риска,* Швейцеръ не признаетъ его вовсе, такъ какъ національное богатство находится всегда въ постоянномъ возрастаніи, и потому погибель того или другого капиталиста, въ видѣ процвѣтанія многихъ другихъ, не имѣетъ никакого значенія для общаго благосостоянія людей. Относительно же теоріи воздержанія ораторъ говоритъ слѣдующее:

«Въ этомъ ученіи о воздержаніи предполагается, что нынѣшніе капиталисты стали таковыми будто бы оттого, что они сами или ихъ предки были прежде рабочими, отличавшимися крайнею бережливостью, между тѣмъ, какъ другіе рабочіе вели себя безразсудно и мотали свои заработки легкомысленнымъ образомъ. Но въ дѣйствительности это не такъ. Происхожденіе капитала въ мировой исторіи само основано на эксплуатаціи и правонарушеніи. Только въ исключительныхъ случаяхъ удается иному подняться изъ своего ничтожества путемъ сбереженій, созданныхъ собственнымъ трудомъ; большая часть капитала возникла изъ эксплуатаціи труда въ средніе вѣка, когда же этой эксплуатаціи положили конецъ, и были уничтожены всѣ отношенія очевиднаго и прямого рабства или крѣпостного состоянія и когда явилась возможность вліять на трудъ путемъ непосредственнаго общественнаго давленія, въ это время стали говорить рабочему: «ты теперь свободенъ»! понимая очень хорошо, что при громадномъ развитіи производства рабочій, лишенный главныхъ производительныхъ средствъ, не можетъ производить самостоятельно и долженъ продавать свои рабочія силы. Знали весьма хорошо, что голодъ станетъ дѣйствовать теперь точно также, какъ дѣйствовали прежде разные законы, крѣпостное право, и т. п. Но положимъ даже, что весь капиталъ возникъ изъ воздержанія, изъ сбереженій заработной платы, то изъ этого все-таки ничего не слѣдуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если кто-нибудь пріобрѣлъ имущество, то отсюда слѣдуетъ только, что ему не должно препятствовать въ потребленіи этого имущества на свои личныя или семейныя потребности, — но въ этомъ пріобрѣтеніи нѣтъ никакого основанія къ такому вліянію на общественныя установленія, что все его имущество съ этихъ поръ становится краеугольнымъ камнемъ эксплуатаціи рабочею силою другихъ людей».

Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ, Швейцеръ сослался на Адама Смита и другихъ политико-экономовъ въ доказательство тому, что только *одинъ* трудъ создаетъ цѣнности, а отсюда слѣдуетъ «та истина, что современное общество состоитъ изъ *эксплуататоровъ* и *эксплуатируемыхъ.* Какъ невольничество есть не что иное, какъ закономъ допускаемый грабежъ раба, точно также, только въ иной формѣ,

современное производство есть не что иное, какъ узаконенный грабежъ неимущихъ классовъ имущими».

Впрочемъ, ораторъ не ограничился одними отрицательными результатами, — въ его рѣчи есть и дѣйствительный проектъ объ улучшеніи быта рабочихъ. Онъ говоритъ: «Вся причина нынѣшняго положенія дѣлъ заключается въ томъ, что имущіе классы овладѣли всѣми орудіями производства; эти орудія сами по себѣ не производятъ никакихъ цѣнностей, но тѣмъ не менѣе они необходимы для производства. Но хотя производство безъ нихъ невозможно, изъ этого все-таки ничего не слѣдуетъ, такъ какъ всѣ эти орудія производства суть также не что иное, какъ результаты прежней эксплуатаціи труда, за исключеніемъ одной земли, но на эту послѣднюю, по милости Бога, никто никакихъ правъ имѣть не можетъ. Итакъ, зло заключается въ томъ, что какъ прежде посредствомъ прямого подчиненія въ силу законовъ, такъ теперь посредствомъ вліянія простыхъ общественныхъ отношеній, орудія производства переходятъ въ руки немногочисленнаго класса, причемъ вся остальная масса народа принуждена пользоваться лишь незначительною частью результатовъ своего собственнаго труда, отдавая все остальное классу имущихъ. Такое положеніе вещей можетъ измѣниться только съ переходомъ орудій производства въ руки всего общества (Gesammtheit). Это неправда, что соціализмъ стремится отмѣнить собственность. Какъ теперь, такъ и при господствѣ соціализма, каждый человѣкъ будетъ имѣть въ полной собственности всѣ предметы своего непосредственнаго потребленія, а *орудія производства* должны составлять общую собственность, такъ какъ только этимъ путемъ возможно придать распредѣленію, которое теперь несправедливо, характеръ справедливости».

Въ видахъ свободы слова, нельзя не порадоваться тому обстоятельству, что принципы Швейцера были выслушаны собраніемъ съ полнымъ спокойствіемъ, безъ всякихъ бурныхъ перерывовъ. Лѣтъ двадцать и даже десять тому назадъ, парламентскому оратору, который вздумалъ бы проповѣдовать «коммунистическія начала», пришлось бы вѣроятно прекратить свою рѣчь съ первыхъ словъ. Въ настоящее время, собраніе нашло нужнымъ, конечно, дать отвѣтъ соціализму, но и только. Роль отвѣтчика принялъ на себя депутатъ Браунъ, и исполнилъ ее съ большимъ достоинствомъ и замѣчательнымъ остроуміемъ, такъ что рѣчь его принята большинствомъ многочисленными знаками одобренія. Чтобы не подвергнуться упреку въ пристрастіи къ которой-либо изъ сторонъ, мнѣ бы слѣдовало теперь привести параллельныя мѣста изъ рѣчи Брауна, но я предпочитаю другой политико-экономическій авторитетъ, именно Принса-Смита, одного изъ старѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ вождей буржуазной партіи. Этотъ ученый прослѣдилъ Швейцерову рѣчь слово за словомъ въ осо-

бой статьѣ, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ экономическаго журнала: «Vierteljahresschrift für Volkswirthschaft» [1]), подъ заглавіемъ: «Соціальная демократія передъ лицемъ рейхстага». Желая представить по возможности ясно и вѣрно воззрѣнія обѣихъ враждующихъ партій, я ограничусь приведеніемъ изъ статьи Принса-Смита его критику соціалистическаго ученія о поступленіи орудій производства въ общую собственность.

Если орудія производства находятся въ общей собственности, то, общій интересъ, по мнѣнію Принса-Смита, долженъ заботиться также о сохраненіи, успѣшномъ употребленіи и умноженіи орудій производства. Это сохраненіе и умноженіе орудій производства имѣетъ для населенія безконечно бо́льшую важность, чѣмъ распредѣленіе продуктовъ, такъ какъ очевидно, что изъ этихъ послѣднихъ, даже при самомъ неравномѣрномъ распредѣленіи, всегда наибольшая часть выпадаетъ на долю рабочихъ (Lohnempfänger — получающій жалованье — по терминологіи Смита), и только незначительная часть достается имущимъ классамъ. Когда орудія производства, въ видахъ болѣе справедливаго распредѣленія, поступятъ въ общее управленіе, то можетъ легко случиться, что само производство *уменьшится*, и рабочіе, несмотря на бо́льшую справедливость въ распредѣленіи, получатъ меньше теперешняго, а если, при общемъ управленіи, производство вообще станетъ ослабѣвать, или не пойдетъ ровнымъ шагомъ съ увеличеніемъ народонаселенія, то и быстрота прироста въ населеніи должна, въ силу неумолимаго закона природы, тоже уменьшиться. Вопросъ, слѣдовательно, поставленъ такъ: даетъ-ли общее управленіе орудіями производства столько же, сколько даетъ нынѣ управленіе отдѣльныхъ личностей? Но кому неизвѣстно, что буржуазная школа отвѣчаетъ на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отрицаніемъ? Принсъ-Смитъ поэтому только повторяетъ извѣстное, доказывая вновь, что выборный управляющій никакъ не можетъ вести промышленное дѣло съ такимъ успѣхомъ и съ такимъ *сбереженіемъ*, съ какимъ всякій изъ собственниковъ, старающійся изъ личныхъ, эгоистическихъ стремленій, объ умноженіи и улучшеніи орудій производства.

«При настоящемъ ходѣ національнаго хозяйства, говоритъ Принсъ-Смитъ,—заработная плата повышается всякій разъ, когда капиталъ умножается быстрѣе числа рабочихъ, и это случается часто, такъ какъ орудія производства воспроизводятся часто весьма быстро, между тѣмъ какъ приготовленіе рабочаго, для вступленія въ конкурренцію, требуетъ двадцатилѣтняго періода времени. Есть много средствъ и путей къ еще бо́льшему ускоренію возрастанія капитала, спроса рабочихъ,

[1]) Vierteljahresschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte, herausgegeben von Julius Faucher (Фоше). Siebenter Jahrgang. Erster Band.

высоты заработной платы, напримѣръ, устраненіемъ всякихъ препятствій къ обмѣну и ограниченій промышленности, сокращеніемъ государственныхъ расходовъ, но особенно распространеніемъ образованія среди рабочихъ, увеличивающаяся производительность которыхъ будетъ способствовать быстрому умноженію орудій производства. Къ средствамъ умноженія капитала и повышенія заработной платы не принадлежатъ во всякомъ случаѣ угрозы противъ собственности, разстройство промышленныхъ дѣлъ и сокращеніе прибылей, ибо орудія производства выростаютъ главнымъ образомъ изъ избытковъ промышленности. Если всмотрѣться по-пристальнѣе, какимъ образомъ проклинаемый предприниматель употребляетъ свои чрезмѣрныя, несправедливыя прибыли, то окажется, что онъ возводитъ зданіе за зданіемъ, машину за машиною, все крупнѣе и цѣлесообразнѣе, и вотъ, наконецъ, его учрежденіе, пущенное въ ходъ немногими руками, въ усиленныхъ размѣрахъ, становится источникомъ вѣрнаго хлѣба для цѣлыхъ сотенъ прилежныхъ отцевъ семейства. При потребленіи для непосредственнаго удовлетворенія собственника, сбереженныя средства становятся процентъ-дающимъ капиталомъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ пойдетъ на содержаніе рабочихъ, которые, благодаря своей искусствомъ увеличенной производительности, возстановляютъ всякій разъ больше продуктовъ, чѣмъ ими потребляется, и въ этомъ-то *больше* заключается прибыль предпринимателя и процентъ. При каждомъ оборотѣ въ производствѣ весь капиталъ идетъ на потребности рабочихъ, а имущіе классы получаютъ лишь приростъ, возникающій изъ искуснаго употребленія его. Въ нашемъ нынѣшнемъ народномъ хозяйствѣ *капитализировать* значитъ, собственно говоря, учреждать постоянныя хлѣбныя мѣста для лицъ, получающихъ заработную плату (dauernde Brodstellen stiften für Lohnempfänger). Наградою за подобное учрежденіе хлѣбныхъ мѣстъ служитъ прибыль съ капитала. Несмотря на значительность этой награды, подобныя учрежденія возникаютъ вновь не столь быстро, насколько желательно въ видахъ повышенія заработной платы. Можно ли полагать, что съ уничтоженіемъ этой награды и съ предоставленіемъ размноженія хлѣбныхъ мѣстъ лицамъ, не имѣющимъ въ томъ никакой личной выгоды, но руководствующимся лишь косвеннымъ общимъ интересомъ, — дѣло пойдетъ энергичнѣе и съ бо́льшимъ успѣхомъ? Капитализированіемъ занимаются нынѣ по бо́льшей части (и можетъ быть въ бо́льшей мѣрѣ) лица въ зрѣломъ возрастѣ, пріобрѣтающіе вѣрные и значительные барыши при помощи дѣловой опытности изъ постепенно-увеличивающихся средствъ; — эти люди привыкли къ трудолюбивой и простой жизни, имѣютъ сравнительно незначительныя личныя потребности, но тѣмъ не менѣе одушевлены желаніемъ доставить своимъ дѣтямъ средства къ блестящей, беззаботной жизни. И въ старости, когда пропала уже физическая

крѣпость организма, ихъ все-таки можно встрѣтить за какою-нибудь работою. Ихъ потребность въ отдыхѣ побѣждается страстью пріобрѣтенія, корнемъ которой служитъ забота объ участи наслѣдниковъ. Но когда орудія производства поступятъ въ общее владѣніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, исчезнетъ и право наслѣдованія, а слѣдовательно и всякое желаніе трудиться, какъ только наступитъ тотъ возрастъ, который признается инвалиднымъ. Такимъ образомъ, всѣ трудолюбивые старцы, умножающіе теперь капиталъ страны, вдругъ обратятся въ отдыхающихъ дармоѣдовъ! Съ уничтоженіемъ права пріобрѣтать орудія производства въ свою личную собственность и передавать ихъ въ наслѣдство своему потомству, исчезнетъ, разумѣется, и обязанность заботиться о судьбахъ своего потомства. Попеченіе о вдовахъ и сиротахъ перейдетъ на само общество, которое, получая въ общую собственность всѣ орудія производства, принимаетъ на себя обязанность удовлетворять потребности всѣхъ, сколько бы ихъ ни было, и притомъ справедливѣе, чѣмъ теперь. Славное дѣло, — снабжать все населеніе провіантомъ въ томъ обществѣ, гдѣ никто на себя не работаетъ и никто ничего не пріобрѣтаетъ въ свою собственность, и всякій требуетъ между тѣмъ справедливой мѣры удовлетворенія, и только одинъ общій интересъ долженъ создавать средства къ производству всего требуемаго! Вотъ на чемъ разбивается весь соціализмъ и коммунизмъ! Быть общимъ собесѣдникомъ и наслѣдникомъ подъ условіемъ исполнять обязанности общаго попечителя и отца семейства, — дѣло, какъ хотите, слишкомъ плохое. Опытъ уже давно показалъ, что содержать людей, не имѣющихъ ни правъ собственности на орудія производства, ни права на самостоятельную предпріимчивость, можно только въ томъ случаѣ, если ихъ обратить въ рабы. Съ запрещеніемъ личнаго пріобрѣтенія капитала и предпріятій на свой собственный счетъ вы вносите главную существенную часть рабства;—личное униженіе, безусловное подчиненіе чужой волѣ является лишь простымъ слѣдствіемъ, какъ необходимое орудіе побужденія къ труду всякаго человѣка, лишеннаго самостоятельности и неотвѣтственнаго за свое собственное пропитаніе. Проектъ соціально-демократической партіи внесъ бы въ общество всю сущность рабства и потому не можетъ обойти и всѣхъ послѣдствій его».

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Принсъ-Смитъ защищаетъ настоящій экономическій порядокъ блестящимъ образомъ, но не слѣдуетъ забывать, что онъ, подобно всѣмъ адвокатамъ, не жалѣетъ красокъ. Результаты нынѣшней экономической системы далеко не такъ идеальны и совершенны, какими они являются у Принсъ-Смита, и отношеніе имущихъ классовъ къ неимущимъ, рабочихъ къ неработающимъ, устанавливается въ дѣйствительной жизни, особенно вслѣдствіе колоссальнаго роста государственныхъ долговъ и всякаго рода процентныхъ

бумагъ, вовсе не такъ хорошо, какъ въ изображенной Смитомъ идилліи, хотя я не сомнѣваюсь, что въ ней есть и много справедливаго. Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе обоихъ воззрѣній лучше всего уясняетъ сущность спора и *программы* обѣихъ борющихся партій въ Германіи— соціализма и вольной ассоціаціи. Нужно знать, сверхъ того, что своею безпрерывною агитаціею, своею смѣлостью и даже распрями въ своей собственной средѣ нѣмецкіе соціалисты заставляютъ нынѣ говорить о себѣ гораздо болѣе, нежели приверженцы принципа самопомощи, хотя послѣдніе и не думали сходить съ политической сцены.

Я уже имѣлъ случай касаться исторіи соціально-демократической партіи до смерти Лассаля. Съ тѣхъ поръ лагерь этой партіи раздирается страшными междоусобіями, источникомъ которыхъ служитъ излишнее самолюбіе вождей. Лассаль завѣщалъ свой передовой постъ литератору Бернгарду Беккеру, но онъ оказался мало способнымъ и отошелъ въ задніе ряды. Слѣдовавшіе за нимъ президенты были не сильнѣе, пока не явился наконецъ, два года тому назадъ, вышеупомянутый Швейцеръ, редакторъ здѣшней газеты «Social-Democrat», и его избрали въ предсѣдатели «всеобщаго союза нѣмецкихъ рабочихъ» (Allgemeiner deutscher Arbeiterverein). Одновременно съ этимъ избраніемъ составился другой соціально-демократическій союзъ подъ тѣмъ же именемъ, который избралъ въ свои предсѣдатели сперва Фёрстерлинга (Försterling), мѣдныхъ дѣлъ мастера въ Дрезденѣ, а потомъ Фрица Менде, которому протежировала пріятельница Лассаля, графиня Гацфельдъ. Это обстоятельство послужило главнымъ поводомъ къ ссорѣ предсѣдателей обоихъ союзовъ, изъ которыхъ каждый считалъ себя безраздѣльнымъ преемникомъ лассалевской агитаціи; распря приняла ожесточенный характеръ, и оба предсѣдателя не щадятъ своихъ силъ, чтобы обвинить другъ друга во лжи, осмѣять, и т. п. Между этими обѣими партіями, обѣими одинаково ненавидимая и сама обѣихъ ненавидящая, явилась третья соціально-демократическая партія подъ именемъ «саксонской народной» партіи, вождями которой признаны токарный мастеръ Бебель и литераторъ Либкнехтъ. Всѣ эти партіи имѣютъ свои органы печати, и каждая изъ нихъ пользуется въ своихъ кружкахъ такимъ могущественнымъ вліяніемъ, что онѣ успѣли провести своихъ кандидатовъ въ сѣверо-германскій парламентъ: на Рейнѣ и въ Гамбургѣ преобладаетъ партія Швейцера, въ Бременѣ и Саксоніи партія Бебель-Либкнехтъ.

Значительный толчекъ получило соціалистическое движеніе [1]) въ срединѣ прошлаго года, когда назначенъ былъ въ Вѣнѣ праздникъ

---

[1]) Лучшимъ, хотя довольно скуднымъ источникомъ объ этомъ предметѣ можетъ служить брошюра Фрейда (Freude): «Versuch einer Darstellung der Arbeiterbewegung in den letzten Monaten des vorigen Jahres. Ebersbach, 1869».

братанія нѣмецкихъ рабочихъ съ австрійскими, впрочемъ, запрещенный австрійскимъ правительствомъ. Другимъ благопріятнымъ для той же цѣли обстоятельствомъ было послѣдовавшее затѣмъ (26-го августа) общее собраніе «всеобщаго союза» въ Гамбургѣ. Въ этомъ собраніи были приняты слѣдующія резолюціи: 1) общее собраніе объявляетъ, что благодаря агитаціи Лассаля нѣмецкіе рабочіе освободились изъ-подъ опеки господствующихъ и имущихъ классовъ; 2) общее собраніе объявляетъ, что стачки не служатъ средствомъ къ измѣненію основъ нынѣшняго производства и къ рѣшительному улучшенію положенія рабочихъ классовъ, но въ нихъ заключается средство къ развитію корпоративнаго духа среди рабочихъ, къ уничтоженію полицейской опеки, и въ извѣстныхъ случаяхъ (при хорошей, правильной организаціи) къ удаленію нѣкоторыхъ тяжкихъ общественныхъ золъ, напр. чрезмѣрнаго ежедневнаго труда, труда дѣтей и т. п.; 3) въ виду того, что для успѣшнаго проведенія всѣхъ соціальныхъ реформъ существенное вліяніе оказываютъ политическія права и политическая свобода, всеобщій союзъ нѣмецкихъ рабочихъ объявляетъ своимъ долгомъ стремиться къ достиженію ихъ всѣми законными средствами. Далѣе, въ присутствіи 4—5 тысячъ человѣкъ принята слѣдующая резолюція: въ виду того, что давленіе капитала и реакціи во всѣхъ образованныхъ странахъ тяготѣетъ на рабочихъ классахъ по одинаковымъ въ сущности причинамъ, и что стремленія рабочихъ могутъ быть успѣшными лишь въ томъ случаѣ, если рабочіе всѣхъ образованныхъ странъ станутъ дружно стремиться къ общей цѣли, — нѣмецкая рабочая партія считаетъ своимъ долгомъ идти объ руку съ рабочими партіями другихъ образованныхъ странъ, руководимыхъ тѣми же началами.

Нѣсколько дней спустя (6-го сентября) собрался международный конгрессъ въ Брюсселѣ, въ программу котораго вошла задача объ освобожденіи труда изъ-подъ ига капитала; принципъ полнаго коммунизма одержалъ тамъ столь блестящую побѣду, что нѣкоторые члены рѣшились покинуть ассоціацію. Резолюція брюссельскаго съѣзда обратила на себя вниманіе всей Европы, а саксонское правительство, испугавшись требованій рабочихъ, даже прибѣгло къ притѣснительнымъ мѣрамъ и, 16 сентября, распустило «всеобщій союзъ нѣмецкихъ рабочихъ», со всѣми его развѣтвленіями, подъ тѣмъ предлогомъ, что законъ о рабочихъ артеляхъ воспрещаетъ союзы артелей между собою. Прусское правительство послѣдовало этому примѣру, — однако, эти преслѣдованія не имѣли никакого успѣха, такъ какъ всѣ развѣтвленія союза остались въ прежнемъ положеніи и вовсе не расходились. 22-го сентября состоялся въ Брюсселѣ второй съѣздъ международнаго конгресса мира и свободы, и 26-го числа того же мѣсяца собрался въ Берлинѣ всеобщій конгрессъ нѣмецкихъ рабочихъ, подъ предсѣдатель-

ствомъ Швейцера и Фрицше (Fritzsche), имѣвшій значительное практическое вліяніе. Свою дѣятельность конгрессъ началъ съ того, что изгналъ изъ своей среды 12 членовъ здѣшняго союза машинныхъ рабочихъ, заявившихъ себя сторонниками началъ, проповѣдуемыхъ Шульце-Деличемъ. Очищенное такимъ образомъ собраніе состояло изъ 205 членовъ, представителей 105 разныхъ мѣстностей, 56 ремеслъ и 142,008 голосовъ. Они обсуждали статуты, которые должны были служить орудіемъ организаціи всеобщихъ стачекъ противъ работодателей. Каждый членъ общества долженъ вносить опредѣленную плату въ общую кассу, которая учреждена съ цѣлью покрывать всѣ расходы по стачкамъ. Впрочемъ, я не стану излагать здѣсь всѣ отдѣльные положенія статутовъ, и только упомяну объ одномъ довольно непослѣдовательномъ опредѣленіи. Взносы предполагается обмѣнивать, по мѣрѣ накопленія, на *процентныя бумаги*, — вотъ что постановилъ этотъ союзъ, объявляющій войну капиталу и проценту! Въ тотъ самый день, когда съѣздъ рабочихъ прекратилъ свои засѣданія, здѣшній судъ (Kammergericht) постановилъ закрыть и распустить «всеобщій союзъ нѣмецкихъ рабочихъ»; докторъ Швейцеръ подалъ аппелляцію противъ этого постановленія. На конгрессѣ Швейцеръ велъ себя весьма свободно и вполнѣ высказывалъ свои намѣренія. «Отдѣльные союзы — говорилъ онъ — могутъ имѣть какую-нибудь силу только при твердой централизаціи. Во главѣ союза должна быть диктатура, ибо какъ во время французской революціи только конвенту, только людямъ, въ родѣ Робеспьера, удавалось превозмогать всѣ препятствія, — такъ и удары труда могутъ быть наносимы капиталу не иначе, какъ чрезъ посредство твердой центральной власти. Цѣль всѣхъ агитацій можно опредѣлить однимъ возгласомъ: «Долой капиталъ!» Нынѣшнее дѣленіе на трудъ и капиталъ обогащаетъ лишь отдѣльныя личности въ ущербъ народной громады, поэтому необходимо перенесть капиталъ въ руки народной массы. Борьбу противъ капитала слѣдуетъ вести *пока* (vorlaüfig) законнымъ путемъ; быть можетъ, борьба эта по всей Европѣ приметъ скоро и иную форму.»

Я не стану перечислять всѣ многочисленныя собранія соціалистовъ, и прямо перейду къ описанію событій нынѣшняго года. Въ началѣ іюня обѣ фракціи лассальянцевъ, именовавшіеся однимъ и тѣмъ же названіемъ «всеобщаго союза», примирились; впрочемъ, вѣрнѣе сказать, примирились лишь Швейцеръ съ Менде. Въ это самое время, нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ прежде къ швейцерову союзу, въ которомъ они играли немаловажныя роли, вышли изъ него, и посыпался цѣлый ливень взаимныхъ перебранокъ, главнымъ зачинщикомъ которыхъ явился органъ Бебеля и Либкнехта «Democratisches Wochenblatt». Чтобы дать понятіе объ образѣ выраженія и тонѣ, принятыхъ въ этой ожесточенной полемикѣ, — привожу два отрывка.

Въ своемъ нумерѣ 27-го іюня, «Wochenblatt» выражается слѣдующимъ образомъ о Швейцерѣ: «Предсѣдатель, г. фонъ - Швейцеръ допустилъ себя до обмана и лжи, въ виду чего мы не намѣрены далѣе признавать предсѣдателемъ подобнаго рѣшительно негоднаго и на всякія преступленія способнаго человѣка. Если есть вообще гнусный обманъ, то именно этотъ, въ высшей степени пошлый поступокъ. По его плодамъ должно познавать его. Теперь, слава Богу, мы раскусили какъ его самого, такъ и его наемнаго прихвостня. Пролетаріатъ борется съ капиталомъ и, между тѣмъ, кормитъ своею грудью цѣлую стаю замаскированныхъ распутныхъ негодяевъ.» Въ томъ же нумерѣ депутатъ сѣверо-германскаго парламента Бебель печатаетъ *открытое письмо* къ депутату фонъ-Швейцеру, въ которомъ онъ обращается къ послѣднему съ слѣдующими весьма щекотливыми вопросами: «Вопросъ теперь уже въ томъ, откуда берете вы средства для постоянныхъ разъѣздовъ въ изящномъ парномъ экипажѣ; откуда берете вы средства разъѣзжать по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ перваго или второго класса и всегда въ обществѣ двухъ дамъ; откуда берете вы средства угощать вашихъ приверженцевъ шампанскимъ и тому подобными дорогими предметами, роскошно ѣсть и пить, занимать первыя мѣста въ театрѣ и вращаться въ хорошемъ обществѣ, — короче, откуда берете вы деньги для покрытія ежегодныхъ расходовъ въ 5 — 6 тысячъ талеровъ?»

Какъ бы то ни было, въ концѣ іюня, Швейцеръ былъ избранъ въ предсѣдатели «всеобщаго союза нѣмецкихъ рабочихъ.» Весною начались уже въ разныхъ мѣстностяхъ стачки, причемъ первые воспользовались новыми законами о свободѣ стачекъ плотники и каменьщики, которые уходили отъ своихъ хозяевъ цѣлыми тысячами. Ходъ этихъ стачекъ почти вездѣ одинаковъ. Когда агитаторамъ удастся убѣдить рабочихъ въ томъ, что они слишкомъ много работаютъ, получая за свои труды слишкомъ скудную плату, то рабочіе соглашаются взаимно разомъ прекратить работы. Собираются бурныя засѣданія рабочихъ, и если работодатели не соглашаются тотчасъ же удовлетворить требованіе рабочихъ, то объявляется война, состоящая въ томъ, кто кого побѣдитъ голодомъ. Подобно тому, какъ изъ осажденной крѣпости высылаются женщины и старики, при стачкѣ посылаются члены, холостые люди, добывать свой хлѣбъ, гдѣ могутъ, и на мѣстѣ битвы остаются лишь старѣйшіе, женатые члены. Если работодатели не въ состояніи выдержать прекращенія работъ, то имъ приходится сдаться; въ противномъ случаѣ, когда рабочіе доведены до послѣдней нищеты, сдаются рабочіе. Большинство стачекъ нынѣшняго года не имѣло успѣха, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ будущемъ къ этому мелкому средству станутъ прибѣгать гораздо рѣже. Неудачи, однако, нисколько не препятствуютъ распространенію агитаціи. Самымъ важнымъ

явленіемъ этой послѣдней былъ соціально-демократическій конгрессъ въ Эйзенахѣ, созванный на 7-е августа Бебелемъ, Либкнехтомъ и ихъ приверженцами. Сюда же явились и многіе приверженцы Швейцера, которые, воспользовавшись спорами изъ-за повѣрки выборовъ уполномоченныхъ, старались прервать засѣданіе съѣзда, и когда предложенные имъ вопросы были рѣшены противно ихъ желаніямъ, запѣли рабочую «Марсельёзу» и тѣмъ воспрепятствовали конгрессу продолжать свои пренія. Приверженцы Бебеля собрались затѣмъ особо и приняли, послѣ довольно краткихъ преній, новую программу, въ которую вошли, кромѣ прежнихъ требованій, еще много другихъ. Основнымъ положеніемъ программы служитъ заявленіе о томъ, что соціально-демократическая партія стремится къ учрежденію *свободнаго народнаго государства*. Нынѣшняя система производства (система заработной платы) должна быть замѣнена артельнымъ трудомъ, такъ чтобы рабочему доставались всѣ результаты его труда. *Ближайшими требованіями* поставлены между прочимъ слѣдующія: дарованіе избирательнаго права всѣмъ лицамъ мужескаго пола, достигшимъ 20-лѣтняго возраста; веденіе непосредственнаго законодательства изъ рукъ народа; отмѣна всѣхъ привилегій: сословныхъ, имущественныхъ, родовыхъ и религіозныхъ; учрежденіе народнаго ополченія въ замѣнъ постоянной арміи; даровой судъ; отмѣна всякихъ законовъ противъ свободы печати, сходокъ, собраній или стачекъ; введеніе законнаго рабочаго дня; ограниченіе женскаго труда на фабрикахъ и мастерскихъ; запрещеніе дѣтскаго труда; отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ и введеніе одного единственнаго прямого и прогрессивнаго подоходнаго налога.

Не слѣдуетъ забывать, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ у насъ не видятъ ровно ничего противозаконнаго или преступнаго, пока для осуществленія ихъ не прибѣгаютъ къ противозаконнымъ средствамъ.

Между тѣмъ, какъ соціалистическая партія обращаетъ на себя такимъ образомъ всеобщее вниманіе, о дѣятельности приверженцевъ Шульце-Делича нѣтъ почти никакихъ особенныхъ извѣстій. Только недавно появившійся годовой отчетъ о состояніи нѣмецкихъ ассоціацій въ истекшемъ году доказываетъ, что ассоціаціонное дѣло находится въ безпрерывномъ развитіи. Изъ отчета о 1867 годѣ мы знаемъ, что тогда было 1707 ассоціацій, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ повѣренными (Anwalt) нѣмецкихъ ассоціацій, то-есть съ Шульце-Деличемъ; все же число ассоціацій простиралось до 1900. Теперь управленію Шульце-Делича подлежатъ 2349 ассоціацій (изъ нихъ 1558 кредитныхъ союзовъ, и 555 потребительныхъ ассоціацій), — все же число ассоціацій простирается до 2600, а число членовъ въ нихъ превышаетъ уже милліоны. Дѣлъ совершено въ нихъ на 210—220 милліоновъ талеровъ, а весь оборотъ кассы вдвое больше этой послѣдней суммы.

Собственный капиталъ ассоціацій опредѣляется въ 15 милліоновъ, а вклады и кредитъ товаромъ составляетъ 40—42 милліоновъ талеровъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что число и дѣятельность ассоціацій значительно увеличились, благодаря новому закону, утвержденному сѣверо-германскимъ парламентомъ 4-го іюля прошлаго года, и ясно опредѣляющему юридическое положеніе этихъ полезныхъ учрежденій. Въ дѣлѣ ассоціацій многого можно ожидать также отъ Австріи, гдѣ съ новымъ переворотомъ въ политическомъ быту началось и широкое движеніе въ экономическомъ отношеніи.

Другимъ доказательствомъ плодотворности и полезности принциповъ Шульце служитъ берлинскій ремесленный союзъ (Handwerkerverein), праздновавшій въ нынѣшнемъ году свое двадцатипятилѣтіе и о дѣятельности котораго можно получить достовѣрныя свѣдѣнія изъ обнародованнаго имъ недавно отчета. Это общество основано въ 1844 году, по случаю бывшей тогда промышленной выставки, съ цѣлью спосбѣшествовать распространенію образованія среди ремесленниковъ, и служитъ имъ мѣстомъ для невинныхъ удовольствій. Такъ какъ духъ этого собранія былъ либеральный и такъ какъ члены, стоявшіе во главѣ его, и учителя тоже отличались либеральными стремленіями, то съ наступленіемъ эпохи крайней реакціи, въ 1850 году, оно было закрыто директоромъ полиціи, Гинкельдеемъ, и только въ 1858 году, съ вступленіемъ Пруссіи въ «новую эру», ему дозволили снова продолжать свою дѣятельность. Въ то время союзъ измѣнилъ нѣсколько свои статуты, допустивъ въ свою среду и лицъ, не принадлежащихъ къ числу ремесленниковъ. Съ каждымъ годомъ, до самой войны 1866 года, процвѣтаніе союза становилось все болѣе прочнымъ и блистательнымъ, но война значительно повредила его дѣламъ, и этотъ вредъ начинаетъ исчезать лишь въ настоящее время; въ прошлую зиму число членовъ (членство обязываетъ лишь на одинъ мѣсяцъ) было среднимъ числомъ 2,154, и въ продолженіи всего года ихъ насчитываютъ до 5,126. Членскій взносъ — 3 зильбергроша ежемѣсячно. Въ 1868 году, въ зданіи собранія читались, на 300 вечерахъ, лекціи всѣми либеральными знаменитостями Берлина,—изъ этихъ лекцій 74 поучали слушателей разнымъ предметамъ естественной исторіи и медицины, 71—литературѣ и изящнымъ искусствамъ, 53 — технологіи и промышленности. Въ особыхъ школахъ обучались, за небольшую плату, 3,730 членовъ разнымъ элементарнымъ свѣдѣніямъ: грамотѣ, рисованію, ариѳметикѣ и т. п. Зимою по воскресеньямъ бывали постоянно концерты, а иногда балы, маскарады, ёлки; лѣтомъ дѣлались экскурсіи въ окрестности Берлина. Въ читальной залѣ, на полкахъ которой лежитъ не менѣе 4,000 томовъ разныхъ сочиненій, членамъ союза предоставляется пользоваться еще новыми журналами и газетами, число которыхъ доведено до 81. Въ послѣдніе годы, союзъ учредилъ строительное учи-

лище (Baugewerkschule), и имъ же учрежденъ музей ремеслъ (Gewerbe-Museum). Само собою разумѣется, что вся эта благотворная для рабочаго класса дѣятельность заслуживаетъ полнаго и безусловнаго предпочтенія всѣмъ шумнымъ собраніямъ соціалистовъ, но никакъ не слѣдуетъ смѣшивать лицъ съ дѣломъ, и не слѣдуетъ забывать, что всѣ стремленія партіи Шульце имѣютъ въ виду лишь увеличить число самостоятельныхъ и имущихъ людей, но *съ полнымъ сохраненіемъ настоящаго экономическаго порядка.* Такимъ образомъ, подъ личиною либеральнаго принципа, *ассоціація* въ дѣйствительности обладаетъ характеромъ рѣшительно консервативнымъ. Ибо результатъ ея можетъ быть лишь двоякій: или ассоціація станетъ приносить своимъ сочленамъ столь великую пользу, что имъ и въ голову не придетъ когда-либо отказаться отъ нея, и въ такомъ случаѣ она современемъ приметъ болѣе или менѣе исключительный характеръ и не станетъ допускать къ себѣ чужихъ, — или, если этого не случится, каждый членъ станетъ выходить изъ нея всякій разъ, какъ только онъ, благодаря ассоціаціи и своей собственной бережливости, пріобрѣтетъ достаточный капиталъ для самостоятельнаго существованія. Система самопомощи и ассоціаціи увеличиваетъ число имущихъ быстрѣе, нежели это происходитъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, но число неимущихъ въ обществѣ увеличивается еще быстрѣе, и потому отличіе между бѣдными и богатыми становится все глубже, какъ это доказываетъ особенно статистика Англіи. Кто же станетъ доказывать, что подобный общественный порядокъ можетъ оставаться на-вѣки неизмѣннымъ? Исторія неопровержимо показываетъ, что въ общественномъ порядкѣ произошли великія перемѣны, и то, что мы нынѣ называемъ соціальнымъ варварствомъ, казалось, въ свое время, образованнѣйшимъ, добродѣтельнѣйшимъ, мудрѣйшимъ и наиболѣе патріотичнымъ людямъ, чѣмъ-то такимъ же непоколебимымъ, какимъ кажется намъ теперь настоящій общественный и экономическій порядокъ. Между тѣмъ, необходимыя перемѣны, по своей сущности, пролагаются людьми, которые обыкновенно остаются непризнанными въ свое время, такъ какъ большинство образованныхъ людей и весь классъ пишущихъ настроены столь консервативно, что отъ нихъ нечего ожидать какихъ-либо реформъ въ соціальномъ и экономическомъ организмѣ, хотя и логика и исторія говорятъ намъ постоянно, что и такія широкія преобразованія также бываютъ необходимы. Само собою разумѣется, что общественныя перемѣны происходятъ лишь мало-по-малу. Каждая новая соціальная мысль, при своемъ первоначальномъ появленіи въ мірѣ, всегда встрѣчаетъ страшную оппозицію со стороны громаднаго большинства стараго поколѣнія, почитатели этой мысли подвергаются жестокимъ преслѣдованіямъ, между тѣмъ какъ слѣдующее поколѣніе начинаетъ уже относиться къ ней болѣе снисходительно, пока, наконецъ, второе или

третье поколѣніе не помирится съ нею вполнѣ, отбросивъ всѣ наросты, покрывшіе эту мысль во время ея борьбы за свое существованіе и окончательное торжество.

Широкое, всеобщее движеніе рѣдко бываетъ безъ идеальнаго увлеченія, рѣдко проходитъ безъ волненій. Такъ точно и въ нынѣшней соціалистической агитаціи заключается не одна трезвая мысль, но она скрыта отъ взоровъ правительства и имущихъ классовъ бурными угрозами частной собственности и даже дѣйствительными мятежными излишествами, въ родѣ недавняго нападенія стакнувшихся рабочихъ на фабрику г. Лауенштейна въ Гамбургѣ, а также открытыми заявленіями республиканскихъ стремленій. Извѣстно, что нынѣшнее прусское правительство вело себя съ соціалистами весьма осторожно, такъ какъ соціалистическое движеніе казалось ему полезнымъ, какъ временная опора противъ требованій либеральной буржуазіи; очень можетъ быть, что въ этомъ своемъ поведеніи правительство руководствовалось даже болѣе глубокими мотивами. Теперь же, когда соціалисты стали проповѣдовать свои революціонныя цѣли совершенно открыто, и когда правительству донесли, что въ Швейцаріи существуетъ будто бы особый *революціонный фондъ*, на счетъ котораго содержатся газеты и агитаторы соціализма,—дѣло приняло совершенно иной оборотъ, и правительство рѣшилось строго преслѣдовать всякій случай, въ которомъ будетъ какое - либо нарушеніе положительныхъ законовъ. Говоря вообще, даже злѣйшіе враги соціализма убѣдились нынѣ, что откровенное изложеніе соціалистическихъ теорій, отъ которыхъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, во времена полицейскаго затишья, подымались волосы на филистерскихъ головахъ, гораздо менѣе опасно, нежели тайное развитіе и распространеніе ихъ, которое можетъ окончиться внезапнымъ взрывомъ. Другимъ хорошимъ послѣдствіемъ свободы слова служитъ то, что всѣ требованія рабочихъ переходятъ въ столбцы печати и обсуждаются совершенно свободно въ кружкахъ имущихъ классовъ. Какъ извѣстно, всѣ законы, даровавшіе столь широкую свободу рабочимъ, прошли черезъ палаты и рейхстагъ, гдѣ громадное большинство членовъ принадлежитъ къ классу имущихъ. И теперь также серьезно занимаются они опредѣленіемъ обязанностей фабрикантовъ и вообще промышленниковъ къ рабочимъ во всякаго рода несчастныхъ случаяхъ, которымъ подвергаются рабочіе во время своихъ занятій. Страшное несчастіе въ одной изъ каменноугольныхъ копей Саксоніи, гдѣ погибло до 300 рабочихъ, послужило главнымъ поводомъ къ нынѣшней агитаціи, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сѣверо-германскій парламентъ установитъ по этому предмету самыя строгія предписанія.

Остается поговорить еще о двухъ вопросахъ: о численности соціалистической партіи и о томъ, улучшается ли положеніе рабочаго класса, или ухудшается. Что касается до перваго пункта, о немъ трудно ска-

зать что-нибудь опредѣлительное, такъ какъ соціалисты сами спорятъ о силѣ своей партіи. На съѣздѣ, куда собираются делегаты изъ разныхъ мѣстностей, число собравшихся обыкновенно опредѣляется по полномочнымъ свидѣтельствамъ, которые привозятся делегатами отъ своихъ избирателей, однако эйзенахскій съѣздъ доказалъ, что этимъ свидѣтельствамъ довѣрять нельзя, такъ какъ обѣ соціалистическія партіи, собравшіяся на тотъ съѣздъ, успѣли уличить другъ друга въ обманѣ. По ихъ собственнымъ опредѣленіямъ, эйзенахскіе делегаты должны служить представителями 150 тысячъ голосовъ, то-есть членовъ разныхъ мѣстныхъ рабочихъ обществъ. Такъ какъ въ эти вычисленія входитъ обыкновенно все число членовъ каждаго отдѣльнаго общества, то надо полагать, что приведенная цифра можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ партіи. Предполагая, что кружокъ Швейцера не менѣе многочисленъ, мы получимъ цифру всѣхъ соціалистовъ въ Германіи въ 300 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ анти-соціалистическія ассоціаціи насчитываютъ у себя болѣе милліона членовъ. Итакъ, численная сила соціализма далеко не можетъ возбуждать серьезныхъ опасеній, и она едва ли подымется выше, такъ какъ до сихъ поръ все движеніе ограничивалось лишь городскими рабочими, а сельскаго и не затронуло.

Что касается до существованія рабочихъ,—улучшилось ли оно, или ухудшилось?—объ этомъ спорятъ весьма жарко. Въ описанномъ мною засѣданіи сѣверо-германскаго парламента, депутатъ Браунъ, отвѣчая на рѣчь Швейцера, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Представьте себѣ какого-нибудь рабочаго, находящагося въ сравнительно дурномъ положеніи, узнайте, каковы его потребности, посмотрите, какъ онъ живетъ и какъ одѣвается,—послѣднее мы можемъ видѣть *здѣсь*, на представителяхъ рабочаго класса (громкій смѣхъ раздается въ собраніи, такъ какъ парламентскіе представители рабочихъ, и особенно Швейцеръ, отличаются изящными костюмами), и сравните все это съ жизнью рабочаго лѣтъ 300 тому назадъ. Сравните, далѣе, жизнь нашего рабочаго съ жизнью какого-нибудь богатаго и могущественнаго царька въ азіатскомъ государствѣ. Еслибъ мнѣ предложили сдѣлать выборъ между судьбою берлинскаго рабочаго на желѣзныхъ фабрикахъ и жизнью какого-нибудь государя въ Ост-Индіи, у подошвы Гималайскаго хребта, я избралъ бы первую». Соціалисты, съ своей стороны, представляютъ цѣны жизненныхъ припасовъ и заработной платы въ разныя времена, стараясь доказать ими, что положеніе рабочихъ въ прежнія времена было лучше нынѣшняго, — но есть много фактовъ, доказывающихъ совершенно противное. Едва ли возможно допустить, чтобы успѣхъ цивилизаціи и возрастаніе народнаго богатства въ наше время не были полезны всѣмъ и каждому, а слѣдовательно и рабочему классу, хотя

опять изъ этого не слѣдуетъ, что современное положеніе рабочаго класса не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Послѣднее время проходило, въ политическомъ отношеніи, столь безмятежно и тихо, что я, отложивъ политику въ сторону, могу обратиться прямо къ торжеству юбилея Гумбольдта. Оно было всемірное, но особенно живое участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ городъ Берлинъ, такъ какъ Гумбольдтъ былъ гражданиномъ Берлина и по рожденію и по мѣсту жительства съ 1827 года. Уже раннею весною нынѣшняго года родилась мысль о необходимости обратить въ національное торжество столѣтнюю годовщину дня рожденія Гумбольдта и воздвигнуть монументъ въ память этого великаго ученаго. Эта мысль нашла въ нынѣшнемъ обществѣ тѣмъ большее сочувствіе, что Гумбольдтъ всегда былъ самымъ вліятельнымъ защитникомъ научнаго и политическаго прогресса и потому празднество его имени могло дать и Берлину и всей Германіи удобный случай для величаваго протеста противъ мрачнаго ретроградства, угрожающаго теперь дѣлу свободы какъ распространеніемъ ультрамонтанства и невѣжества на религіозномъ поприщѣ, такъ и невѣжественнымъ стремленіямъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Первый толчекъ къ осуществленію Гумбольдтовскаго празднества былъ данъ профессоромъ Вирховомъ, и ему удалось подвигнуть на это дѣло и обывателей, и городскія власти Берлина. По первоначальному плану предполагалось поставить въ честь Гумбольдта памятникъ, и эта мысль нашла широкое сочувствіе въ провинціяхъ. Наслѣдный принцъ и его жена были почти первые изъ пожертвовавшихъ значительную сумму въ пользу этого дѣла; свое приношеніе они сопровождали открытымъ письмомъ, въ которомъ выразили свое горячее сочувствіе къ памяти Гумбольдта. Даже самъ король высказалъ комитету свое одобреніе и предложилъ ему свою помощь, если она окажется необходимою. Это королевское одобреніе заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что обнародованіе писемъ Гумбольдта къ Фарнгагену (племянницею послѣдняго, Людмилою Ассингъ), въ которыхъ содержится крайнее рѣзкое сужденіе о королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV и его правленіи, произвело весьма непріятное впечатлѣніе при дворѣ. Вирховъ недовольствовался монументомъ, и пошелъ далѣе. Этотъ замѣчательный человѣкъ отличается изумительнымъ трудолюбіемъ; кромѣ своей ученой дѣятельности, онъ усердно занимается городскими и государственными дѣлами, какъ членъ думы и парламента. Онъ предложилъ думѣ, по поводу Гумбольдтовскаго юбилея, раскинуть въ городѣ огромный паркъ, который назвать Гумбольдтовскимъ, часть этого парка должна быть обращена въ ботаническій садъ, который бы удовлетворялъ преимущественно потребностямъ ремесленныхъ классовъ;

сверхъ того, онъ предложилъ устроить особое зданіе, въ родѣ хрустальнаго дворца на Сенджемскомъ холмѣ за Лондономъ, или Смитсонскаго института въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которомъ предполагается читать популярныя лекціи рабочимъ же классамъ. Реакціонеры возставали противъ вирховскаго проекта самымъ ожесточеннымъ образомъ, впрочемъ подъ благовиднымъ предлогомъ дурного положенія городскихъ финансовъ, и они вели свою оппозицію столь искусно, что до самаго послѣдняго момента дѣло Вирхова казалось проиграннымъ. Однако въ концѣ концовъ реакціонерамъ пришлось уступить, и городъ Берлинъ отпраздновалъ память Александра Гумбольдта открытіемъ памятника въ присутствіи всѣхъ членовъ городской думы, рабочихъ союзовъ и до 50 ремесленныхъ обществъ, и многочисленной публики, среди обширной площади, которая предназначена обратиться въ гумбольдтовскій паркъ. Оберъ-бюргермейстеръ Зейдель держалъ поэтому поводу превосходную рѣчь, въ которой выражена—правда, нѣсколько робко и темно, существенная мысль празднества. Привожу изъ нея небольшой отрывокъ, составленный и въ духѣ и, можно сказать, въ стилѣ Гумбольдта, хотя, къ съ сожалѣнію, неудобопонятный для массы публики: «Дни міровоззрѣнія, склоннаго не признавать необходимой связи вещей и представлять разбитою цѣпь естественныхъ явленій, а также искать чудеса не въ законномъ и прогрессивномъ развитіи, уже сочтены. Всѣ старые боги, которыми игривая фантазія, смутное сознаніе единства природныхъ силъ и символическое присутствіе величаваго въ явленіяхъ природы, населяли міръ не исключительно за гранью нашего, хотя все еще ограниченнаго, но постоянно расширяющагося знанія, всѣ эти боги, нерѣдко угрожавшіе и сопротивлявшіеся всѣмъ усиліямъ нашего познанія, удалились теперь въ Тартаръ.»

Яснѣе выражена та же мысль въ рѣчи предсѣдателя городской думы, г. Кохханна, который, сравнивъ основаніе новаго парка съ обычаемъ древнихъ грековъ и германцевъ молиться своимъ богамъ въ рощахъ, сказалъ: «Храмъ природы, создаваемый нами, будетъ вкладомъ въ исторію нашего времени. Онъ долженъ служить символомъ того, что истинное богопочитаніе не исключаетъ свободныхъ изысканій науки и познанія природы и ея вѣчныхъ законовъ, и что по самой сущности чистаго и неподдѣльнаго ученія основателя нашей религіи, изученіе природы способствуетъ болѣе глубокому пониманію любви и всемогущества божіихъ. Богопочитаніе, источникомъ котораго не служитъ убѣжденіе человѣка и которое основано на шаткихъ предположеніяхъ и поддерживается лишь господствомъ духовенства, поповскимъ высокомѣріемъ и насиліемъ—такое богопочитаніе ведетъ лишь къ невѣрію и лицемѣрію!»

Это очевидное нападеніе на господствующій нынѣ духъ въ еван-

телической церкви возбудило противъ себя страшную бурю среди закоренѣлыхъ консерваторовъ. Особенно сильно возмущены они тѣмъ обстоятельствомъ, что во время самаго торжества по поводу гумбольдтовскаго юбилея, наслѣдный принцъ и его супруга прислали торжествующему народу поздравительную телеграмму, въ которой они еще разъ высказываютъ свое сочувствіе къ празднеству. Вечеромъ того же дня юбилей праздновали также въ географическомъ обществѣ и въ разныхъ другихъ собраніяхъ. Тоже самое происходило почти во всѣхъ большихъ городахъ Сѣверо-Американскаго Союза, между тѣмъ какъ въ южной Германіи къ юбилею отнеслись почти индифферентно.

Юбилей снабдилъ Германію цѣлою массою разныхъ литературныхъ произведеній, такъ-называемыхъ популярныхъ біографій Гумбольдта, но всѣ они имѣютъ лишь минутное значеніе и принесли пользу лишь гумбольдтовой агитаціи. Единственнымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ литературы за это время и по этому предмету можетъ считаться лишь переписка Гумбольдта съ барономъ Бунзеномъ [1]), состоявшимъ долгое время уполномоченнымъ Пруссіи при римскомъ и (позже) англійскомъ дворахъ, обнародованная какъ разъ наканунѣ празднества.

Гумбольдтъ познакомился съ Бунзеномъ еще въ 1816 году, когда тотъ былъ весьма молодымъ человѣкомъ, но уже обладалъ громадною ученостью, чѣмъ и успѣлъ заинтересовать Гумбольдта. Переписка, сначала веденная съ значительнымъ перерывомъ, становилась съ теченіемъ времени все живѣе и чаще, и содержитъ въ себѣ много интереснаго касательно царствованія короля Фридриха-Вильгельма IV какъ до революціи 1848 года, такъ и послѣ нея. Само собою разумѣется, что съ Бунзеномъ, человѣкомъ, который, особенно въ религіозныхъ дѣлахъ, придерживался крайне узкихъ воззрѣній, Гумбольдтъ высказывался далеко не такъ откровенно, какъ съ Фарнгагеномъ. Поэтому политическихъ замѣчаній въ этой перепискѣ крайне мало, хотя читатель газетъ, успѣвшихъ уже воспользоваться этими замѣчаніями для своихъ цѣлей, можетъ подумать, что вся переписка переполнена политическими разсужденіями. Большая часть новой книги посвящена научнымъ интересамъ и служитъ превосходнымъ доказательствомъ горячаго участія Гумбольдта ко всему, что носитъ названіе науки. Здѣсь мы видимъ, сколько труда и дипломатической хитрости стоило Гумбольдту, чтобы, напримѣръ, побудить короля оказать крупную помощь для снаряженія ученой экспедиціи братьевъ Шлагинтвейтъ въ Азію. Принципіозные демократы часто горько упрекали Гумбольдта въ томъ, что онъ ведетъ себя крайне двусмысленно, такъ какъ несмотря на

[1]) Briefe von Alexander Humboldt an Christian Carl Josias Freiherrn v. Bunsen. Leipzig 1869. F. A. Brockhaus.

либеральныя убѣжденія, которыя онъ высказывалъ въ своихъ частныхъ письмахъ, Гумбольдтъ не переставалъ вращаться въ придворныхъ сферахъ. Теперь оказывается, что именно въ этомъ послѣднемъ положеніи Гумбольдтъ оказывалъ наукѣ весьма важныя услуги, ибо король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, чуждаясь политическихъ убѣжденій Гумбольдта, не переставалъ питать къ нему полное довѣріе въ дѣлахъ науки и принималъ совѣты Гумбольдта даже въ періодъ злѣйшей реакціи. Благодаря этому обстоятельству, Гумбольдту удавалось доставлять профессорскія каѳедры и другія мѣста многимъ знаменитымъ ученымъ, подвергавшимся, за свои либеральныя убѣжденія, безпрестаннымъ нападкамъ со стороны консервативной партіи, господствовавшей тогда въ королевствѣ; эти услуги даютъ Гумбольдту полное право на благодарность потомства. Вообще говоря, мало найдется такихъ придворныхъ, которые могли бы съ гордостью сказать, что они не забывали своихъ друзей и единомышленниковъ въ несчастіи.

Изъ политическихъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ этихъ письмахъ Гумбольдта, есть одна весьма интересная. Въ письмѣ, помѣченномъ 1855 годомъ, онъ пишетъ: Вчера я провелъ три часа въ качествѣ избирателя (Urwähler). Представьте себѣ, другъ Шталя (извѣстный вождь реакціонерной партіи), статскій совѣтникъ и профессоръ Келлеръ совершенно наивно потребовалъ, въ моемъ округѣ, чтобъ избираемые (Wahlmänner) обѣщали всегда подавать свои голоса съ нынѣшнимъ министерствомъ. Но его осмѣяли, и въ моемъ кварталѣ вездѣ побѣдили либералы. При томъ маломъ, что намъ оставили, пріятное и благотворное впечатлѣніе оказываетъ равенство, проявляющееся повсюду на первыхъ выборахъ [1]). Въ бойкіе годы 1848—50, я принадлежалъ къ свободному союзу ремесленниковъ (см. выше), вчера подавалъ голосъ вмѣстѣ съ 60 почтальонами, такъ какъ почта находится насупротивъ моего дома. Это вовсе не все равно, имѣютъ ли, или нѣтъ люди рабочаго или такъ-называемаго низшаго класса понятіе о томъ, что и они въ извѣстные моменты своей жизни обладаютъ такими же правами, какъ и аристократія, какъ Келлеръ и тотъ оріенталистъ (т. е. еврей Гиппель, хотя и крещеный), который охотно сжегъ бы и васъ (Бунзена) и меня. Пока существуютъ такія учрежденія, какъ избирательное право—я предпочитаю, впрочемъ, непосредственное избраніе народныхъ представителей, до тѣхъ поръ не все потеряно. Народный духъ можетъ воспользоваться этими формами для того, чтобы безъ всякихъ потрясеній возвратить все временно утраченное».

Это предсказаніе весьма замѣчательно. Нынѣ мы имѣемъ уже все-

---

[1]) Прусская система выборовъ состоитъ изъ двухъ собраній: сперва Urwähler'ы избираютъ Wahlmänner'овъ, а потомъ эти послѣдніе,—членовъ палаты депутатовъ.

общее прямое избирательное право, и несмотря на всѣ опасенія, оно дало только хорошіе результаты.

Заговоривъ однажды о Бунзенѣ, побесѣдую теперь же о другомъ замѣчательномъ сочиненіи о Бунзенѣ, о второмъ томѣ біографіи этого дипломата, написанной Фридрихомъ Нипполъдомъ [1]). Подобно первому тому, нынѣшній томъ основанъ на весьма объемистыхъ матеріалахъ, оставленныхъ покойнымъ дипломатомъ, и обнимаетъ собою періодъ времени отъ 1838 по 1849 годъ, въ продолженіи котораго Бунзенъ занималъ сперва дипломатическій постъ въ Швейцаріи, а потомъ въ Англіи. Въ самое послѣднее время, особенно въ революціонные годы, Бунзенъ пріобрѣталъ все бо́льшее и бо́льшее довѣріе Фридриха-Вильгельма IV. Біографія его даетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о прусской политикѣ и положеніи дѣлъ въ Пруссіи, особенно въ 1847—48 годахъ.

Самымъ интереснымъ эпизодомъ въ нынѣшнемъ томѣ служитъ разсказъ Бунзена о его поѣздкѣ въ Берлинъ, въ августѣ 1848 года, въ самый разгаръ революціоннаго движенія. Король и министръ призывали его тогда къ себѣ посовѣтоваться о нѣмецкихъ и датскихъ дѣлахъ. Съ изумительною наивностью описываетъ онъ свои впечатлѣнія, навѣянныя на него революціоннымъ Берлиномъ. Онъ разсказываетъ:— «Мнѣ наняли карету въ національное собраніе. Внизу я дѣйствительно нашелъ карету № 287, проѣхавшую по тротуару. Признакъ времени! Вообще всѣ ѣздили не иначе, какъ въ наемныхъ экипажахъ, или шли пѣшкомъ, съ сигарою въ зубахъ. Какая разница съ Берлиномъ, какимъ знавалъ его я прежде. Причиною тому былъ страхъ оскорбить новаго владыку. Въ національномъ собраніи я пошелъ въ пѣвческую академію. Физіономія собранія казалась не очень величавою. Сразу можно было догадаться, что тутъ сидѣло много людей безъ всякаго образованія и понятія. И рѣчи были не слишкомъ-то парламентарны въ англійскомъ смыслѣ. Вопросамъ не было конца. Министры, все еще уполномоченные королевскою властью, отвѣчали съ своихъ мѣстъ, точно гимназисты, а не члены собранія. Многихъ изъ нихъ я посѣтилъ въ тотъ же день. Всѣ казались мнѣ отличными, дѣльными и ревностными преобразователями».... Затѣмъ ему дали аудіенцію у короля, вечеромъ онъ посѣщаетъ театръ и ему снова не нравятся разныя сцены господствовавшей анархіи:—«Отправившись домой (продолжаетъ онъ), на университетской площади мы попали въ толпу народа, которая бѣжала со двора (университета) передъ наступавшими на нее вооруженными гражданами. Въ 11 ½ часовъ все снова было спокойно, всѣ расходились по домамъ; праздность и неуваженіе къ властямъ

---

[1]) Christian Carl Josias Freiherr v. Bunsen. Aus seinen Briefen und nach eigner Erinnerung geschildert von seiner Wittwe. Deutsche Ausgabe durch neue Mittheilungen verwohrt von Friedrich Nippold. Leipzig. 1868. F. A. Brockhaus.

были на очереди. На углу дома стояли четыре гражданина съ многорѣчивымъ демагогомъ, разъяснявшимъ передъ ними соціальный вопросъ. Что это такое? спрашивалъ одинъ. Я вамъ разъясню это,— отвѣчалъ уличный философъ. Политическій вопросъ: — кому управлять? — это для меня все равно, но соціальный вопросъ: чѣмъ прожить завтра?—это величайшая проблемма, и пока она не разрѣшена, все прочее гиль!» Отвѣтъ, что для того, чтобы прожить завтра, ему придется или работать или воровать,— этотъ отвѣтъ никому не приходилъ въ голову».

При дворѣ тоже шло все изъ третьяго въ десятое. «Васъ оклеветали!»—Этими словами встрѣтилъ Бунзена король и тотчасъ же раскрылъ ему всю душу. «Иностранныя дѣла — сказалъ онъ—принадлежатъ мнѣ. Въ принципѣ все должно идти такъ, какъ я желаю, но исполненіе — дѣло министровъ. Берлинъ — домъ умалишенныхъ; мнѣ стоитъ мигнуть, и сюда нахлынутъ провинціи, но я сдерживаю ихъ. Въ самомъ Берлинѣ есть 10 тысячъ человѣкъ, и въ окрестностяхъ еще 30 тысячъ, которые одушевлены лучшимъ духомъ».

Если біографія Бунзена есть не что иное, какъ интересные мемуары, которые могутъ послужить богатымъ матеріаломъ для будущаго историка, за то другое біографическое сочиненіе: о фельдмаршалѣ Гнейзенау [1]), заслуживаетъ вниманія, какъ превосходный историческій трудъ. Нынѣ вышелъ третій томъ его, обнимающій лишь короткій періодъ времени Пойшвитцскаго перемирія съ 7-го іюня и до конца 1815 года. Авторъ предпослалъ этому тому нѣсколько словъ изъ письма самого Гнейзенау, писаннаго имъ въ рѣшительный день лейпцигской битвы: «какъ изумится потомство, когда узнаетъ когда-нибудь тайную исторію этой войны!» и онъ подробно рисуетъ весьма грустную картину жалкихъ перебранокъ и дрязгъ между разными генералами, командовавшими прусскою арміею, но отъ этой мастерской картины исторія выигрываетъ весьма мало. Мы видимъ только, какихъ удивительныхъ усилій стоило Блюхеру и Гнейзенау проводить свои планы. Весьма интересно описана лейпцигская битва, и серьезнаго вниманія заслуживаетъ исторія образованія *ландштурма*, во время перемирія. Гнейзенау и его сторонники, пылкіе патріоты, хотѣли создать ополченіе на подобіе того, какимъ оно явилось въ Испаніи, Тиролѣ и Россіи. Вся страна должна была возстать какъ одинъ человѣкъ. Планъ Гнейзенау былъ дѣйствительно величавый. Не только всѣ вооруженные люди должны оказывать врагу рѣшительное сопротивленіе, но и все остальное населеніе, при приближеніи непріятеля, обязано уходить отъ него, и всякій, кто осмѣлится перейти на сторону французовъ,—

---

[1]) Das Leben des feldmarschall Grafen Neithardt von Gneisenau, von G. H. Pertz. Dritter Band. Berlin 1869. Georg Reimer.

все равно, добровольно ли, или принужденно—подвергается смертной казни. «Столица»—такъ буквально сказано въ проектѣ—«какъ городъ, наиболѣе предрасположенный нападеніямъ непріятеля, долженъ скорѣе всего подать примѣръ прочимъ городамъ. Такъ какъ противъ нея можетъ направиться армія, превышающая число жителей не болѣе какъ въ два раза, то жители столицы могутъ защищаться противъ непріятеля всѣми возможными средствами, какъ внѣ города, такъ и въ непосредственныхъ окрестностяхъ его и въ самомъ городѣ. Многіе изъ большихъ великолѣпныхъ зданій могутъ быть легко обращены въ цитадели,—если они могутъ служить къ украшенію трона, то тѣмъ болѣе для защиты его. Тому, кто понимаетъ высокое чувство, которое одно придаетъ значеніе всѣмъ благамъ жизни,—чувство невыносимости отъ чужестраннаго ига,—тому лучше обратить эти великолѣпныя зданія въ развалины, нежели сдать ихъ въ руки чужестраннаго тирана».

Въ свитѣ короля было тогда много людей, которые считали подобныя мысли и предложенія рѣшительно революціонными, и потому ландштурмъ вышелъ въ свѣтъ далеко не въ томъ блестящемъ видѣ, въ какомъ хотѣли представить его по первоначальному плану.

Въ заключеніе моего литературнаго обзора [1]) считаю своимъ дол-

---

[1]) Дополнимъ съ своей стороны указаніемъ на явившійся недавно въ Берлинѣ нѣмецкій переводъ романа г. Писемскаго «Тысяча душъ». Нѣмецкая публика весьма заинтересовалась произведеніемъ русскаго писателя, и критика отнеслась къ нему съ величайшею похвалою. Приведемъ отзывъ одного изъ извѣстныхъ литераторовъ, Макса Ринга, помѣщенный на дняхъ въ берлинскихъ газетахъ: «Русскій авторъ—говоритъ М. Рингъ о г. Писемскомъ—этого въ высшей степени интереснаго и увлекательнаго романа, принадлежитъ къ числу той реальной школы, которая получила начало во Франціи и въ Россіи нашла себѣ отличныхъ послѣдователей съ большимъ талантомъ и превосходными дарованіями. Въ числѣ такихъ занимаетъ видное мѣсто Алексѣй Писемскій; въ своемъ романѣ, который сдѣлался доступнымъ и намъ, благодаря отличному переводу г. Кайслера, оказавшаго тѣмъ услугу нѣмецкой литературѣ, г. Писемскій съ большою силою и правдою изображаетъ нравы и состояніе своего общества. Но его романъ представляетъ болѣе, чѣмъ національный и этнографическій интересъ: онъ въ высшей степени занимателенъ и съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Авторъ видно, глубокій и тонкій знатокъ людского сердца; онъ изслѣдуетъ его въ самыхъ темныхъ углахъ и глубинахъ, безпощадно обнажая его слабости и недостатки. Главный герой не рисуется со всевозможными и невозможными совершенствами: этотъ человѣкъ, снѣдаемый честолюбіемъ, преслѣдуемый страстями, даже падаетъ подъ бременемъ испытанія, но тѣмъ не менѣе его сила воли и энергія, съ которою онъ борется противъ безнравственности администраціи, вызываетъ въ насъ полное къ нему участіе. Рядомъ съ нимъ стоитъ дѣвушка, въ которой безграничная любовь примиряетъ насъ съ ея заблужденіями; она не ангелъ, но настоящая женщина, и тѣмъ болѣе привлекательная. Не менѣе удачны и другія личности романа, смотритель училища, его братъ, старый капитанъ, экономка, добрые люди, взятые изъ дѣйствительной жизни и отѣненные поэзіею и легкимъ юморомъ. Въ противоположность этому доброму элементу провинціальной жизни, изображаются внутренне сгнившій чиновный міръ и болѣе или менѣе искаженное высшее общество, представителемъ котораго

томъ упомянуть еще объ одномъ, хотя не особенно замѣчательномъ сочиненіи, но одушевленнымъ благороднымъ, гуманнымъ стремленіемъ. Это — «Die Todesstrafe in ihrer kulturhistorischen Entwickelung», изслѣдованіе Гетцеля (Berlin, 1870). У насъ опять на очереди вопросъ о смертной казни. Въ проектѣ сѣверо-германскаго уложенія о наказаніяхъ, выработанномъ въ министерствѣ юстиціи, смертную казнь предположено сохранить для трехъ видовъ преступленій: за государственную измѣну, тяжкое оскорбленіе государя и умышленное убійство. Почти три четверти юристовъ высказались за полную отмѣну смертной казни, — вышеупомянутая брошюра преслѣдуетъ туже цѣль. Авторъ, дѣйствительно христіанскій проповѣдникъ, горячо защищаетъ свое дѣло, подвергая смертную казнь рѣшительному приговору: «Смертная казнь несправедлива и нецѣлесообразна, неразумна и безчеловѣчна, безнравственна и несовременна». К.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО», ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ МАЙСКОЙ КНИЖКѢ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ» *).

Въ письмѣ въ редакцію «Провинціальное земство», помѣщенномъ въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» (стр. 352), авторъ его, г. Б., разбирая дѣйствія калязинской земской управы, коснулся между прочимъ и мѣстнаго дворянства, какъ помѣщиковъ до 1861 года, нѣкоторыхъ отраслей управленія и за тѣмъ меня лично. Какъ представитель дворянства и затронутыхъ учрежденій, наконецъ, лицо частное,

служитъ князь Иванъ, извѣстнаго рода roué, который подъ элегантными формами и изящными манерами скрываетъ толстую почву страшныхъ, но нигдѣ не преувеличенныхъ пороковъ. Изображеніе этого отвратительнаго характера я считаю мастерскимъ психологическимъ этюдомъ, который можно смѣло поставить на ряду съ лучшими типами этого рода у Бальзака или Теккерея. Но не одно изображеніе князя, а также и другія фигуры въ романѣ изъ высшаго общества изобличаютъ въ авторѣ высокій наблюдательный талантъ, силу въ очертаніи, какія рѣдко можно встрѣтить въ современныхъ писателяхъ», и т. д. — *Ред.*

*) Мы получили настоящую замѣтку, при отношеніи г. калязинскаго уѣзднаго предводителя дворянства, за № 256, съ предложеніемъ «напечатать ее, на основаніи 26, 27 и 28 пункт. прилож. къ ст. 5, т. XIV Устава цензурнаго по продолженію 1868 г., и на основаніи того же Устава ст. 61, увѣдомить г. предводителя, кто авторъ статьи». Исполняя охотно первое, мы оставили безъ отвѣта второе, такъ какъ ссылка на упомянутую статью 61 есть простое недоумѣніе со стороны автора. — *Ред.*

считаю нужнымъ возстановить, по изложеннымъ въ немъ обстоятельствамъ, истину.

Чтобы напомнить читателю «суть» содержанія означенной статьи, я позволю себѣ, будучи по возможности краткомъ, сдѣлать соотвѣтственныя цѣли настоящей замѣтки выборки ея.

Авторъ въ слѣдующихъ мрачныхъ чертахъ рисуетъ ту безпомощность положенія помѣщичьихъ крестьянъ Калязинскаго уѣзда, въ которой застало ихъ Положеніе 19 февраля 1861 года; вотъ слова его (стр. 355):

«Хозяйство помѣщичьихъ крестьянъ къ великой минутѣ освобожденія изъ крѣпостничества, въ большинствѣ находилось въ самомъ плачевномъ положеніи. Пяти, и даже шестидневная барщина, оброки въ 35 до 45 руб. съ души, кромѣ такъ-называемыхъ натурою (бараны, куры, яйца, тальки и пр. и пр.), отсутствіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ самыхъ необходимыхъ средствъ существованія — лѣсу, дровъ, и пр. и пр.—при подобныхъ условіяхъ крестьянское хозяйство очевидно процвѣтать не могло. Но что̀ представляло оно въ дѣйствительности, — объ этомъ и приблизительное понятіе едва ли могли бы составить себѣ незнакомые съ провинціальной жизнью. Недостатокъ скота дошелъ до того, что не во всякой семьѣ можно было найти корову; поля — неудобренныя и необдѣланныя во̀-время и какъ слѣдуетъ; безвременная уборка чахлыхъ хлѣбовъ, напр., овсовъ изъ-подъ снѣгу; безвременные посѣвы, покосы, — и все кое-какъ, лишь урывками отъ барщинскихъ работъ,—такъ въ главномъ шло крестьянское хозяйство, если можно только назвать это хозяйствомъ. Были имѣнія въ двѣ, три и болѣе тысячъ душъ, за крестьянами которыхъ такъ и стояло издавна названіе—«...скіе нищіе». И это были нищіе во всемъ значеніи слова: они существовали на счетъ сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ, такъ что пока отцы и матери отработывали барщину, ихъ дѣти побирались по казеннымъ деревнямъ и такимъ способомъ прокармливали себя и своихъ родителей».

Далѣе авторъ, коснувшись вліянія реформы 19-го февраля, говоритъ:

«Но тутъ является отнятіе пастбищъ, покосовъ, всего, что̀ дало бы имъ возможность усилить скотоводство и чрезъ то поправить до тла вымотанныя поля, обрѣзки надѣловъ и самыхъ усадьбъ такъ, чтобы крестьянинъ, со всѣхъ сторонъ, какъ тисками, былъ сжатъ помѣщичьей землей и за каждый лишній шагъ скотины и даже курицы платилъ штрафъ; лишеніе всякой возможности — имѣть какой-либо лѣсной матеріалъ свой, безъ чего никакое хозяйство сельское правильно развиваться не можетъ».

Обращаясь затѣмъ къ цѣли, которой задалось калязинское зем-

ство, характеризуетъ ее (стр. 357) слѣдующею фразою: «поборы, поборы и поборы».

Объединяя сдѣланныя выборки, является картина по истинѣ ужасающая. Но посмотримъ, не говоря уже о томъ, вѣрна ли она—возможна ли она, не есть ли это только продуктъ измышленія г. Б. Съ перваго взгляда бросается въ глаза невозможность перехода отъ положенія, въ которомъ, по мнѣнію автора, находились помѣщичьи крестьяне въ годъ освобожденія, къ еще худшему,—невозможность этимъ «нищимъ», съ «отнятіемъ пастбищъ, покосовъ и пр. пр.», съ «поборами, поборами и поборами», да еще вдобавокъ съ постоянными неурожаями послѣднихъ лѣтъ, кончать девятый годъ своей новой жизни, исполняя, какъ укажемъ ниже, возложенные на нихъ обязательства предъ казною, земствомъ и помѣщикомъ. Что-нибудь да не такъ, или положеніе крестьянъ къ году освобожденія не было таковымъ, какъ полагаетъ г. Б., или же вліяніе послѣдовавшихъ реформъ было настолько быстро благотворно, что сразу возвысило уровень крестьянскаго достатка. Ни того, ни другого г. Б., какъ видно, не допускаетъ. Но обратимся къ самымъ выборкамъ.

До изданія положенія 19-го февраля, оброкъ платился крестьянами не съ душъ, а съ тяголъ. Считая среднюю цифру душъ въ тяглѣ въ $2^1/_2$ (а цифра эта никакимъ образомъ не будетъ велика), образуется по размѣру платежа съ души, указанному г. Б. — платежъ съ тягла отъ 85—112 р. въ годъ—цифра не только неслыханная, но нелѣпая и, думаемъ, не для одного Калязинскаго уѣзда. Если предположить, что авторъ наивно смѣшалъ душу съ тягломъ, то и тогда все-таки цифра, выставленная г. Б., является высокою—мы не знаемъ случая оклада съ тягла свыше 30 р., предѣлы же его были отъ 15—30, сообразно съ количествомъ владѣемой земли и доставлявшихся сельскихъ произведеній натурою. 6-ти-дневной барщины естественно существовать не могло, какъ хотя бы воспрещенной закономъ, а самое главное неоправдываемой возможностію существованія при ней крестьянина, да еще вдобавокъ съ уплатою подушныхъ податей. Нужно быть слишкомъ мало знакомымъ съ кругомъ самыхъ насущныхъ потребностей крестьянскаго быта и способомъ ихъ удовлетворенія, чтобы допустить подобное предположеніе,—вѣдь въ самомъ дѣлѣ не именемъ же Христовымъ пропитывались и оплачивали подати 25,000 помѣщичьихъ крестьянъ уѣзда.

Обращаясь къ составленію и введенію въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, нельзя не замѣтить, что положеніемъ 19-го февраля предоставлено сторонамъ широкое право обжалованія, которымъ естественно и пользовались (хотя случаи отмѣны опредѣленій мировыхъ посредниковъ и съѣзда были до крайности рѣдки), въ виду чего, заподозрѣвать незаконное ихъ составленіе возможно только при допущеніи извѣстной солидарности, по затронутому вопросу, высшихъ инстанцій

съ низшими, какой, смѣемъ полагать, не было. Мировыя учрежденія заслуженно составили въ массѣ доброе себѣ имя, не намъ ихъ защищать, да и нужды въ томъ не представляется,—мы желали бы только сказать, что если Калязинскій уѣздъ составлялъ въ томъ печальное исключеніе, то былъ бы безъисходно направленъ на законный путь высшими инстанціями. Если же г. Б. находитъ содержаніе приведенной выборки обусловливаемой самимъ положеніемъ 19-го февраля (на что насъ наводитъ, напр., указаніе на ненадѣленіе крестьянъ лѣсомъ, не обязательнымъ по самому положенію), то мы можемъ только рекомендовать ему предварительное самое зрѣлое обсужденіе этого вопроса.

Дѣятельности земства въ настоящей замѣткѣ мы не коснемся.

Результатомъ очерченнаго положенія дѣлъ естественно должно было быть громадное накопленіе недоимокъ. Дѣйствительно, авторъ, коснувшись (стр. 356—357) положенія казенныхъ крестьянъ уѣзда, которое найдено также ухудшимся, свелъ концы цифрою недоимки по Калязинскому уѣзду къ 1-му апрѣля 1868 года; на стр. 354 читаемъ: «итого за 45,550 д. уѣздныхъ крестьянъ осталось недоимокъ казенныхъ 247,460 р. 63¼ к., земскихъ (по казначейству) 33,787 р. 80½ к., а всего 281,248 р. 43¾ к. Цифра, какъ можно видѣть, довольно почтенная, при текущихъ платежахъ....» Цифра дѣйствительно настолько почтенная, что сразу она насъ поставила въ тупикъ. Мы обратились къ самымъ точнымъ оффиціальнымъ даннымъ о количествѣ недоимки, состоявшей на крестьянахъ по уѣзду къ 1-му апрѣля 1868 г., и нашли, что ее было всего казенной 102,410 р. 46¾ к. и земской 2,417 р. 58 к., итого: 104,828 р. 4¾ коп. Много комбинацій употребили мы, чтобы объяснить себѣ происхожденіе цифры, выставленной г. Б., прежде чѣмъ достигли того; наконецъ нашли, что она образовалась чрезъ то, что авторъ къ недоимкѣ по 1-е апрѣля простодушно прибавилъ окладъ 2-й половины 1868 года, долженствовавшій къ поступленію лишь съ 1-го іюля того же года, чѣмъ и возвысилъ цифру недоимки противъ дѣйствительной только на 176,420 р. 39 к.—фактъ, ни чуть не единственный въ корреспондентской дѣятельности г. Б. изъ Калязина. Сравнительно все-таки значительная цифра недоимки къ 1-му апрѣля 1868 года объясняется мѣстными условіями, по которымъ крестьяне возвращаются съ заработковъ, а слѣдовательно и пріобрѣтаютъ возможность уплаты податей, къ Пасхѣ, бывшей тотъ годъ именно 31-го марта, такъ что въ одинъ день поступленія не могло быть значительнаго. Подтвержденіе чего можно найти хотя бы въ постановленіи земскаго собранія 1868 года, ходатайствующемъ объ соотвѣтственномъ измѣненіи сроковъ взноса податей.

Желаніе очертить степень благосостоянія крестьянъ уѣзда къ 1861 году, а затѣмъ въ данный моментъ и сдѣлать сравненіе, завлекло бы

насъ слишкомъ далеко за предѣлы настоящей замѣтки. Мы ограничимся только (чтобы показать г-ну Б., что недоимка не «будетъ рости въ геометрической прогрессіи») приведеніемъ цифръ недоимки по уѣзду къ 30-му іюня текущаго года (не включая оклада 2-й половины); вотъ она: казенныхъ платежей 6,154 р. 38 коп., изъ коихъ до 1,500, по возбужденнымъ дѣламъ, спорныхъ, и земскихъ 2,020 р. 66¼ коп.; затѣмъ, дабы показать положеніе Калязинскаго уѣзда въ дѣлѣ уплаты податей въ ряду прочихъ уѣздовъ губерніи, выведемъ сравнительное % отношеніе недоимокъ къ окладамъ за послѣдніе 8 лѣтъ по всѣмъ уѣздамъ:

Тверской	21,1	Вышневолоцкій	38,24
Корчевской	4,89	Осташковскій	30,58
Кашинскій	1,3	Ржевскій	27,14
Калязинскій	7,77	Зубцовскій	5,25
Бѣжецкій	13,59	Старицкій	8,53
Весьегонскій	25,14	Новоторжскій	16,35

Изъ выведеннаго отношенія видно, что Калязинскій уѣздъ въ дѣлѣ уплаты податей стоитъ 3-мъ въ губерніи. Пусть же судитъ читатель, что оставляетъ г. Б. на долю остальныхъ уѣздовъ.

Обратившись уже къ настоящему, нельзя не замѣтить, что уровень крестьянскаго благосостоянія съ 1861 года вообще нѣсколько понизился и можно натолкнуться на *отдѣльные* печальные случаи хозяйствъ близкихъ къ упадку; гдѣ же искать причины того? Полагаемъ, что это явленіе ни чуть не мѣстное, и объясненіе его легко сыщется для Калязинскаго уѣзда, если мы заглянемъ въ любой другой. Вездѣ мы встрѣтимъ неурожай послѣднихъ лѣтъ, вездѣ увидимъ увеличеніе числа питейныхъ заведеній, вездѣ найдемъ семейные раздѣлы. По поводу послѣднихъ приведемъ для примѣра хотя бы Дорскую волость Калязинскаго уѣзда. Къ 1861 году было въ волости дворовъ 437; къ 1869 г.—621, при чемъ число душъ по волости нисколько не увеличилось. А знаетъ ли г. Б. значеніе семейнаго раздѣла для крестьянскаго хозяйства? Можемъ указать ему и на это, взявъ для примѣра хотя бы семейство той же Дорской волости деревни Екатериновки крестьянина И. Ф. Семейство это, состоящее изъ двоихъ братьевъ съ женщинами и дѣтьми раздѣлилось въ 1865 году; при раздѣлѣ у нихъ было:

Избъ	2
Амбаръ . . .	1
Сарай	1
Овина	½ (пополамъ съ сосѣдомъ).
Лошадь. . . .	1
Коровъ. . . .	2
Овецъ	2

—при чемъ соотвѣтственное потребностямъ число инструментовъ, сбруи и пр. и два арендуемыхъ трактирныхъ заведенія въ Москвѣ.

Къ 1868 году осталось въ каждой части лишь по одной избѣ (продажи имущества за недоимки не было), и оба брата живутъ въ работникахъ за очень умѣренную плату. Кто же тутъ виноватъ? помѣщикъ ли, мировыя ли учрежденія или тогда лишь рождавшееся земство?

Считаемъ нужнымъ оговорить, что, ставя между прочимъ семейные раздѣлы одною изъ причинъ пониженія уровня благосостоянія крестьянъ, мы ничуть не ищемъ внѣшняго ограниченія ихъ, мы вовсе не противъ той широкой самостоятельности, которая дана сельскому сходу, и видимъ въ увеличеніи числа ихъ необходимое, вслѣдствіе новизны положенія, а потому и преходящее зло. Повторяемъ, что мы ничуть не имѣли цѣли, да въ предѣлахъ настоящей замѣтки и мѣста, точно высказать мотивы замѣченнаго обѣдненія крестьянъ, сдѣланныя же указанія привели, чтобы напомнить лишь г-ну Б. о другомъ забытомъ имъ пути къ разъясненію затронутаго вопроса.

Оставляя же его, считаемъ не лишнимъ указать еще на одинъ примѣръ вѣрности наблюденія г. Б., который въ связи съ предъидущими поможетъ читателю сдѣлать надлежащую оцѣнку самой статьи. На стр. 358 въ выноскѣ читаемъ:

«Чтобы имѣть хоть приблизительное понятіе (sic) о значеніи крестьянскихъ повинностей, представляемъ цифру платежей одной деревни, по которой можно судить и о прочихъ. Крестьянъ 93 души (бывшіе казенные), земли у нихъ 188 дес., тутъ усадебная и полевая, словомъ — вся тутъ, — да изъ этой 12 дес. неудобной.

«Платежи 1867 года: податныя подати (вѣроятно, подушныя) по 1 р. 83 коп. съ души — 170 р. 19 коп. Оброчная подать съ разными дополнительными 347 р. $40^3/_4$ коп. Еще дополнительныхъ (вѣроятно промысловаго налога) 249 руб. $46^1/_2$ коп. Итого по селенію 767 руб. $6^1/_4$ коп.

«Мірскаго и земскаго сбора 91 р. $2^3/_4$ коп. На уѣздныя и земскія повинности 24 р. Всего 882 р. 9 коп. Тутъ общія земскія повинности. Значитъ, не говоря уже объ особенныхъ, каждая душа платитъ 9 р. 43 коп. Прибавляя къ этому съ временно-обязанныхъ крестьянъ 9 руб. выкупной суммы — 18 р. 43 коп., а съ мелкими расходами при томъ наберется и всѣхъ 20 руб. однихъ общихъ платежей.»

Изволите ли видѣть, *ко всѣмъ* платежамъ, взносимымъ казеннымъ селеніемъ, которые составляютъ съ души 9 р. 43 коп., г. Б. причелъ для временно-обязанныхъ еще по 9 руб., какъ онъ выражается, на выкупную сумму (maximum которой, какъ извѣстно, для данной мѣстности во всякомъ случаѣ уже не 9 р., а 7 р. 20 коп.), совершенно серьезно полагая, что онъ такимъ образомъ получилъ цифру взносимую временно-обязанными крестьянами. При чемъ опустилъ изъ виду только то, что такимъ образомъ онъ наложилъ на временно-обязанныхъ крестьянъ единовременно два исключающихъ другъ друга платежа — оброкъ, взносимый за землю же казенными крестьянами, который въ

приведенномъ имъ случаѣ съ промысловыми составляетъ съ души 6 р. 41 коп. съ дробью и выкупной платежъ 9 р. (7 р. 20 коп.), да еще удивляется величинѣ вышедшей цифры въ 20 руб. На это мы желали бы сказать только г-ну Б., что если вмѣсто двухъ оброковъ, какъ въ данномъ случаѣ сдѣлалъ онъ, наложить на временно-обязанныхъ крестьянъ три, прибавивъ, напримѣръ, еще платежъ удѣльныхъ крестьянъ, то цифра будетъ еще выше. Но послѣдуемъ далѣе за г. Б.

Задавшись извѣстными, приписанными имъ авторомъ цѣлями, мировыя учрежденія и по окончаніи дѣла отвода надѣловъ понятно должны были имъ слѣдовать. Мѣстомъ приложенія ихъ авторъ избралъ выборъ гласныхъ на сельскомъ съѣздѣ выборщиковъ, что оказалось для него удобнымъ еще въ томъ отношеніи, что неправильность этихъ выборовъ подрывала довѣріе къ самому земскому собранію, дѣйствія котораго и управы составляютъ главную цѣль его статьи. На стр. 364 читаемъ:

«Здѣсь прежде всего передадимъ отрывокъ изъ одной крестьянской «бумаги», который былъ напечатанъ въ 106 № «Русскаго», за прошлый годъ. «Бумага», какъ объяснено тамъ, нѣчто въ родѣ докладной записки, которую уѣздное крестьянство изготовило, или уже представило куда-то». Далѣе стр. 365 «...при выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ перваго участка, выборщики, въ числѣ 170 человѣкъ, единогласно предлагали избрать гласнымъ священника Б., но мировой посредникъ Н., несмотря на законъ ст. 31 и 35 Пол. о зем. учреж. и ст. 44 прав. о порядкѣ и пр., оному избранію единственно своею волею воспрепятствовалъ и быть избраннымъ священника Б. не допустилъ. Тутъ же, волостной писарь изъ мѣстныхъ крестьянъ С., балотировавшійся по желанію всего общества, но напротивъ желанія посредника Н., получилъ избирательныхъ 129 шаровъ, а неизбирательныхъ 41, но какимъ-то случаемъ, какъ видно изъ списка гласныхъ, изложеннаго въ «Тверскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», онъ, С..., въ число гласныхъ «не помѣщенъ».

Мы не сочли бы нужнымъ говорить по этому предмету вовсе, если бы дѣло касалось одной только «бумаги», неизвѣстно кѣмъ писанной и куда поданной, но если разъ г. Б. является комментаторомъ (стр. 366) ея, подтверждающимъ изложенное, считаемъ нелишнимъ сказать два слова о томъ какъ дѣло было. На съѣздѣ выборщиковъ 1-го участка нѣкоторыми изъ членовъ былъ въ числѣ прочихъ предложенъ къ баллотированію городской соборный священникъ г. Бѣлюстинъ, на что мировымъ посредникомъ было разъяснено, что въ составленномъ уѣздною коммиссіею и прочитанномъ спискѣ лицъ, имѣющихъ, кромѣ членовъ съѣзда, право избираться, г. Бѣлюстина, въ ряду прочихъ мѣстныхъ священниковъ—нѣтъ, почему онъ, не разбирая вновь ничьихъ правъ, и въ данномъ случаѣ, состоитъ ли онъ священникомъ приходскимъ заштатнымъ и т. п., по неуполномочію

къ тому закономъ и собранія, допустить его къ баллотированію не можетъ. Два часа крестьяне не отстаивали своего права, а вслѣдъ же за симъ перешли къ дальнѣйшей баллотировкѣ. Уѣздною же коммиссіею г. Бѣлюстинъ въ списокъ не внесенъ по неимѣнію ценза, опредѣленнаго пунктомъ г. ст. 23 Полож. и 35 п. в., такъ какъ по разъясненію бывшаго губернскаго комитета по введенію земства, всѣ священно-церковно-служители, неимѣющіе указанной пропорціи земли, были имъ въ прошедшее трехлѣтіе изъ списка исключены. Избранный же въ гласные волостной писарь С. исключенъ изъ числа гласныхъ коммиссіею на основаніи 17-ой ст. Полож. по подслѣдственности его въ дѣлѣ о растратѣ суммъ волостного правленія, въ виду справки судебнаго слѣдователя, отъ 2-го іюля 1868 года.

Странное дѣло, въ данномъ случаѣ, равно какъ и въ дѣлѣ выбора гласныхъ на городскомъ съѣздѣ (стр. 367) (гдѣ, какъ намъ извѣстно, былъ предложенъ, но не избранъ изъ священниковъ также г. Бѣлюстинъ) г. Б. упорно, но надо полагать совершенно непрошенно, беретъ на себя заступничество за г. Бѣлюстина. Г. Бѣлюстинъ, надо замѣтить, личность достаточно извѣстная въ уѣздѣ и отличается и здравомысліемъ, и знаніемъ закона и энергіею, такъ что, полагаемъ, съумѣлъ бы отстоять свое право на избраніе и право своихъ избирателей, если бы считалъ ихъ нарушенными, не пользуясь покровительствомъ темныхъ корреспонденцій г. Б. Да и сдѣланнымъ сопоставленіемъ его съ писаремъ С. (подслѣдственнымъ, какъ сказано, въ дѣлѣ растраты суммъ) въ качествѣ «лучшихъ дѣятелей уѣзда», не оказалъ-ли ему г. Б. медвѣжьей услуги.

На стр. 369 сказано: «Русь слишкомъ обширна, чтобы не нашлось въ ней мѣстности, гдѣ крестьянство благословляетъ и свою земскую управу и даже своихъ мировыхъ судей, выбранныхъ законнымъ порядкомъ, а не между карточными сдачами распредѣленныхъ». Считаемъ нужнымъ отослать г. Б. къ протоколамъ земскихъ собраній, въ которыхъ онъ найдетъ порядокъ избранія судей, вовсе отличный отъ предполагаемаго имъ. Если бы г. Б. удалось даже услышать за картами разговоръ объ избраніи судей, то, смѣемъ полагать, что гласнымъ ни играть въ карты, ни разговаривать за ними, хотя бы и о судьяхъ, закономъ не воспрещается, да и то и другое никакимъ образомъ не можетъ счесться неумѣстнымъ. Здѣсь кстати вспомнились намъ двѣ корреспонденціи г. Б. изъ Калязина въ газетѣ «Русскій» за 1868. Въ одной описывается случай, какъ мировой судья дѣлалъ подсудимаго сумасшедшимъ (во что истолковывается простое, требовавшееся по ходу дѣла освидѣтельствованіе обвиняемаго чрезъ врача), въ другой разсказывается о прибавкѣ мировому судьѣ земскимъ собраніемъ квартирныхъ денегъ за рѣшенное имъ дѣло о предводительской собакѣ. По крайней своей нелѣпости, корреспонденціи эти не встрѣтили опроверженія, но теперь въ связи съ высказаннымъ

онѣ покажутъ намъ по крайней мѣрѣ, что и судьями г. Б. недоволенъ; спорить не можемъ, дѣло вкуса, но смѣемъ увѣрить г. Б., что мировые судьи въ трехлѣтнюю дѣятельность достаточно поняты и крестьянствомъ, и не подорвать заслуженнаго ими общаго уваженія подобнымъ корреспонденціямъ его, будутъ ли онѣ помѣщаться въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ» и т. д., а предстоящее земское собраніе и вмѣстѣ новый выборъ по всей вѣроятности докажутъ это.

Но далѣе г. Б., какъ оказалось, не забылъ и меня лично. На стр. 354 видимъ: «за ними (крестьянами) выкупныхъ платежей 45,140 р. 73¾ к. (въ томъ числѣ съ предсѣдателя земства Неронова, по случаю перебора имъ оброка 808 р. 68 к.)»; на стр. 359: «за предсѣдателемъ управы (т.-е. за мной) кромѣ всего прочаго (чего, неизвѣстно), состоитъ недоимки штрафъ за уклоненіе отъ платежа долговъ въ 1,500 р. по казначейству и никому до этого дѣла нѣтъ». Оставя въ сторонѣ вопросъ, насколько предсѣдательство мое, такъ безпокоющее, какъ видно, г. Б., можетъ касаться личныхъ моихъ дѣлъ, считаемъ нужнымъ разъяснить, что переплата крестьянами оброка при взносѣ его за ½ года впередъ и выходѣ на выкупъ вещь необходимая, что переплата эта возвращается крестьянамъ по утвержденіи выкупной сдѣлки, какъ было и въ данномъ случаѣ; въ томъ же, что эта недоимка не могла быть и не числилась за мною, имѣю, для успокоенія г. Б., увѣдомленіе калязинскаго казначейства, отъ 24 іюля за № 1,150. Что касается до штрафа за перенесеніе дѣла въ высшую инстанцію, то состоитъ за мной не 1,500, а 2,000 р., по неправильному исчисленію коего мною принесена жалоба правительствующему сенату, до разрѣшенія которой, на основаніи 498 и 549 ст. X т. ч. 2. Св. зак. гражд., по производству дѣла прежнимъ судебнымъ порядкомъ, деньги эти взысканію не подлежатъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ указать на общій характеръ письма г. Б. Въ немъ читатель видѣлъ тягла смѣшанными съ душами, недоимки увеличенными болѣе чѣмъ вдвое, двойные оброки и проч. и проч. Невольно задаешься вопросомъ, есть ли это систематическое извращеніе истины—умышленное, или такъ, по неопытности. Редакція, помѣщая письмо г. Б., сдѣлала оговорку, что она считаетъ себя не въ правѣ уклоняться отъ показаній лицъ выступающихъ свидѣтелями—очевидцами того или другого общественнаго явленія. Но какъ извѣстно, свидѣтели и даже очевидцы бываютъ разные, достовѣрные и недостовѣрные, добросовѣстные и недобросовѣстные (такъ различаетъ ихъ и законъ); къ какому разряду отнести г. Б.—пусть судитъ читатель.

Подписано: Калязинскій уѣздный предводитель дворянства *Нероновъ*.

17 сентября 1869 года.
Калязинъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ОКТЯБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями *Я. Грота.* Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ пятый. Съ портретомъ Державина и четырьмя таблицами снимковъ. Переписка. Спб. 1869.

Державинъ велъ очень обширную переписку, большая часть которой сохранилась благодаря тому, что онъ, всегда самъ писавшій свои письма, по крайней мѣрѣ начерно, оставлялъ у себя отпуски нхъ и сберегалъ всѣ тѣ, которыя получалъ отъ другихъ; кромѣ того, много лицъ, по призыву Академіи, доставили Я. К. Гроту хранившіяся у нихъ подлинныя письма Державина. Настоящій томъ содержитъ переписку Державина до 1793 года; г. Гротъ раздѣлилъ ее на четыре періода: эпоха пугачевщины (1773—1775); отъ окончанія командировки до губернаторства (1776 — 1784); губернаторство въ Петрозаводскѣ и Тамбовѣ (1744—1788); и отрѣшеніе и статсъ-секретаріатство (1782—1793). Всѣхъ писемъ напечатано 773; между ними только незначительная часть и даже наименѣе интересная принадлежитъ самому Державину; все остальное занято письмами къ нему разныхъ лицъ. Разумѣется, и между этими послѣдними множество такихъ, которыя могли бы смѣло не появляться въ свѣтъ; но все это вмѣстѣ даетъ хорошій матеріалъ для характеристики общества того времени.

Державинъ является въ своихъ письмахъ очень сдержаннымъ и сухимъ, часто напоминающимъ канцелярію и ея дѣловыя отношенія; онъ рѣдко распространяется и рѣдко посвящаетъ своихъ корреспондентовъ въ сокровенные свои помыслы; характеръ его писемъ — преимущественно дѣловой; объ устройствѣ винокуреннаго завода въ своемъ имѣніи онъ распространяется въ письмахъ къ своему управляющему очень много, его письма о служебныхъ невзгодахъ и своемъ душевномъ настроеніи, письма къ друзьямъ, отличаются краткостью и сухостью; исключенія чрезвычайно рѣдки; свое торжество онъ высказываетъ хвастливо и грубо, свою веселость — тяжело, свои страданія — просительскимъ, униженнымъ, канцелярскимъ слогомъ, свои похвалы покровителямъ и благодѣтелямъ — въ выраженіяхъ неизысканной лести. Если по письмамъ судить о ихъ авторѣ — то это человѣкъ дюжинный, не особенно добрый и не особенно злой, льстивый, когда нужно было льстить, гордый, когда счастье ему улыбалось, съ большимъ самомнѣніемъ и честолюбіемъ, но съ слабою волей; въ одномъ письмѣ онъ самъ о себѣ говоритъ такъ: «Пусть я дуренъ, худое имѣю воспитаніе и бѣшеную голову. Но только

разсудка отъ меня, думаю, никто отнять не можетъ.» Разсудокъ у него дѣйствительно былъ, но того же тяжелаго свойства.

Во время пугачевщины онъ былъ назначенъ въ секретную коммиссію для распоряженій противъ Пугачева—постъ, дававшій ему довольно значительную долю самостоятельности и поставившій его въ непосредственныя сношенія съ Бибиковымъ, княземъ Щербатовымъ, княземъ Голицынымъ, Павломъ Потемкинымъ, графомъ Панинымъ и другими менѣе значительными и даже вовсе незначительными дѣятелями въ это смутное время. Державинъ много пишетъ донесеній, распоряженій, рапортовъ, приказовъ, получаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ еще больше, но дѣятельность его обнаруживается слабо и нерѣшительно, какъ, впрочемъ, и дѣятельность другихъ лицъ, стоявшихъ выше и ниже его. Многописаніемъ заняты болѣе или менѣе всѣ. Единственное лицо, не потерявшееся въ то время и дѣйствовавшее съ энергіей и смысломъ, Бибиковъ, умираетъ. Державинъ почти не умѣетъ оцѣнить этой потери внѣ формальныхъ отношеній начальника къ подчиненному, и отъ 7 мая 1774 г. пишетъ къ князю Щербатову, заступившему мѣсто Бибикова: «Ваше сіятельство изволите милостиво повелѣвать мнѣ, чтобъ я не ослабѣвалъ въ должности моей лишеніемъ командира великодушнаго, милостиваго, и мнѣ особливые знаки довѣренности поручившаго; но какъ бы я отъ сего удержаться могъ, еслибъ ваше сіятельство не были *равныхъ ему добродѣтелей?* . При первомъ возрѣніи вашего сіятельства на мою экспедицію, изволите мнѣ обѣщать стараться о особливой чести: то какъ бы я не положилъ всей возможности моей заслуживать также удовольствіе вашего сіят., какъ покойнаго его превосходительства?»

Успѣхи Пугачева обусловливались не столько бездарностью его противниковъ, сколько апатичнымъ, чисто служебнымъ ихъ отношеніемъ къ дѣлу. Сообщники самозванца отличались неукротимою энергіей, преданностью идеѣ, которая ихъ воодушевляла, и изъ мужиковъ, безграмотныхъ неучей, являются личности, предъ которыми совершенно стираются слуги законнаго правительства, кое-чему учившіеся и имѣвшіе претензію на высшія соображенія. Въ то время, когда первыми руководитъ одна идея, одно стремленіе, вторые дѣйствуютъ въ раздробь, препираются между собою, считаются чинами, заслугами, стараются сдѣлать выставку своего усердія, не пропуская случая рекомендовать себя въ особливое вниманіе начальства и прося поощреній и наградъ. Среди страшнаго хаоса возстанія, пожаровъ, убійствъ, висѣлицъ, разставленныхъ повсюду, мысли о наградахъ и поощреніяхъ не выходятъ изъ головы служителей императрицы. Самое дѣло для нихъ—предлогъ къ отличіямъ. Державинъ нисколько не выходитъ изъ-подъ этого общаго уровня, какъ убѣждаютъ всѣ его письма. Обнаруживая усердіе къ «всемилостивѣйшей императрицѣ», онъ не заявляетъ себя ничѣмъ такимъ, что дѣйствительно выдвигало бы его впередъ. Сначала онъ думаетъ дѣйствовать ласкою и милосердіемъ и, выражая мнѣніе, что «не полезно вѣшать», даетъ приказъ своимъ подчиненнымъ: «нигдѣ ничего силою, ни приманкою не берите и не требуйте, ибо должность ваша оказать свое усердіе состоитъ токмо въ пронырливыхъ съ ласкою поступкахъ, и то весьма скрытымъ и неяснымъ образомъ; нигдѣ жителей не стращать, но еще послаблять имъ ихъ языкъ, дабы извѣдать ихъ сокровенныя мысли». Скоро онъ убѣждается, что «пронырливые съ ласкою поступки» ни къ чему не ведутъ, что «бунтовщическій ядъ» развивается съ такою неудержимою силою, что десять человѣкъ бунтуютъ цѣлыя тысячи народа, и вотъ въ его головѣ рождается идея, что неуспѣхи правительственные происходятъ отъ недостаточности вознагражденій. Руководствуясь приказомъ Бибикова и потомъ П. С. Потемкина, который писалъ къ нему: «не щадить ни трудовъ, ни денегъ: 20 т. и болѣе готовы наградить того, кто можетъ сего варвара, сего разорителя государственнаго представить», Державинъ издаетъ прокламацію къ жителямъ съ обѣщаніемъ наградъ, но никто не представляетъ Пугачева ни мертваго, ни живого. «Мы его покупаемъ за 20 т., пишетъ Державинъ къ П. Потемкину, а онъ за насъ, уповаю, не пожалѣетъ всѣхъ 200 т.» Ни ласка, ни подкупъ не дѣйствуютъ; Державина это удивляетъ, потому что онъ хорошо не понималъ причинъ возстанія. Главнѣйшею ему казались взятки, и онъ рекомендовалъ ихъ уничтожить и сбирался даже писать о томъ представленіе. Но дѣло все шло впередъ, бунтъ развивался. Какія же новыя

планы созрѣваютъ въ головѣ Державина для укрощенія мятежа? Самыя не хитрыя, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его къ князю Щербатову: «Нужно кажется уже по ласкахъ и по снисхожденіяхъ, чтобы призваны были немедленно сюда тѣ изъ винныхъ, надъ которыми была бы совершена здѣсь смертная казнь: авось либо ужаснутся не чаемаго ими страшнаго позорища». Въ тотъ же день и о томъ же онъ пишетъ Бранту, казанскому губернатору: «Ни разумъ, ни истинная проповѣдь о милосердіи всемилостивѣйшей нашей государыни, ничто не можетъ извлечь укоренившагося грубаго и невѣжественнаго мнѣнія. Кажется бы нужно нѣсколько преступниковъ въ сей край прислать для казни: авось-либо незримое здѣсь и страшное то позорище дастъ нѣсколько иныя мысли». Отписываясь весьма подробно, онъ старается, однако, и разставить сѣти для поимки самозванца, смутно сознавая, что самозванецъ въ эти сѣти не попадетъ: «Долгъ мой есть, чтобы ко мнѣ попался въ разставленныя сѣти злодѣй, но та бѣда, что его должно теперь въ странѣ сей удерживать не сѣтями, но узами... Когда командиры разсѣютъ его скопища и заставятъ его одного укрываться, то у меня люди готовы развѣдывать его» (письмо къ П. С. Потемкину, отъ 2-го августа 1774 г.). Сѣти, очевидно, были плохія, и Державинъ ожидалъ, что самозванецъ обратится въ зайца, котораго поймать будетъ не трудно. Между тѣмъ, желаніе нашего поэта не на счетъ обращенія самозванца въ зайца, а на счетъ устрашенія жителей посредствомъ «незримаго и страшнаго позорища», осуществилось: Державинъ получилъ возможность вѣшать, и сталъ вѣшать, донося о томъ своему начальству въ такихъ выраженіяхъ: «Алексѣевскихъ жителей, пишетъ онъ, отъ 30-го августа 1774 г., къ князю Голицыну, мнѣ было пересѣчь некогда, а какъ я вашему сіятельству рапортомъ моимъ доносилъ, что одного изъ убійцъ смотрителя моего Серебрякова тамъ для страху повѣсилъ; когда буду возвращаться, то вашего сіятельства приказъ исполню и ихъ пересѣку».

Въ разныхъ письмахъ его можно найти похвальбы своею проницательностью, мужествомъ и способностями, увѣренія, что онъ сдѣлалъ бы не вѣсть что, еслибъ были у него необходимыя средства, и еслибъ онъ встрѣчалъ отовсюду полную готовность содѣйствовать своимъ планамъ. Несмотря на неудачи, самообольщеніе не покидаетъ его, и когда Панинъ потребовалъ у него объясненія—«какимъ образомъ онъ не случился при защищеніи поста своего въ Саратовѣ»—Державинъ написалъ весьма пространное и краснорѣчивое изложеніе своихъ подвиговъ. Графъ Панинъ, похваливъ Державина за краснорѣчіе, замѣтилъ совершенно справедливо, «что сколь ваши (Державина) намѣренія, которыя вы тѣмъ краснорѣчіемъ изъясняли, ни были благи и усердны къ пользѣ отечества, но, по несчастію вашему для чего вы ихъ употребляли, во всемъ томъ противное вамъ произошло, ибо злодѣй вами не пойманъ. Всѣ тѣ мѣста были имъ повѣщены и разорены, для соблюденія которыхъ преступали вы предѣлы и чина и власти, вамъ порученной, вступаясь въ чужія и вамъ не принадлежащія должности, наставляя и предосуждая людей, имѣющихъ чины выше вашего и практику, въ настоящихъ дѣлахъ предъ вами превосходную, изъ чего обыкновенно болѣе происходитъ поврежденія въ настоящихъ дѣлахъ, нежели поправленія оныхъ».

Эта мѣткая характеристика объясняетъ и всѣ послѣдующія невзгоды Державина по службѣ. Стремленіе выставиться, забрать въ свои руки больше власти, изъ которой онъ не умѣлъ дѣлать надлежащаго употребленія, отличаютъ его постоянно. Губернаторства въ Петрозаводскѣ и Тамбовѣ служатъ тому доказательствомъ. Мы не станемъ слѣдить за всѣми мелкими дрязгами и вдаваться въ подробности ежедневной жизни Державина. У кого есть на то охота тотъ найдетъ изобильный для этого матеріалъ въ перепискѣ, собранной г. Гротомъ.

Въ этомъ изданіи, какъ мы уже замѣтили, напечатаны даже такія письма, въ которыхъ, кромѣ поклоновъ и пожеланій здоровья, ничего нѣтъ. «Марья Ивановна пишетъ вамъ поклонъ и ей Богъ далъ дочь; Катерина Ивановна Терская также посылаетъ вамъ поклонъ, и ей Богъ далъ сына; Авдотья Васильевна Ананьевская также свидѣтельствуетъ свой поклонъ, и она родила сына же». Эта выписка изъ письма матери жены Державина можетъ служить образцомъ интереса для многихъ другихъ писемъ и даже многія превосходитъ. Пропуская эти письма, остановимся на нѣкоторыхъ другихъ

дѣйствительно важныхъ какъ для характеристики Державина, такъ и его времени.

Служебныя отношенія того времени хорошо рисуются выраженіемъ поэта: «спереди лижутъ, а сзади царапаютъ». Свое собственное *я* постоянно на первомъ мѣстѣ и неразлучныя съ этимъ *я* награды и поощренія. О народѣ и государственныхъ интересахъ почти нѣтъ и помину; послѣдніе если и встрѣчаются въ устахъ того или другого лица, то единственно для того, чтобъ выказать свое рвеніе. Чиновный людъ дѣлится на кружки вокругъ знатныхъ лицъ и, въ случаѣ ссоры послѣднихъ, употребляетъ всѣ свои усилія для погубленія другъ друга. Знатныя лица—полнѣйшіе властелины, дѣлающіе что имъ вздумается; грабежъ производится самый нахальный; супруги знатныхъ лицъ раздѣляютъ вліяніе своихъ мужей. Всѣ эти явленія, однако, нисколько не новы и не составляютъ характеристики только того вѣка. Разница между тѣмъ временемъ и нашимъ, въ относительномъ смягченіи нравовъ, сущность же осталась та же. Еще въ нынѣшнемъ году мы были свидѣтелями странной выходки губернатора противъ акцизнаго чиновника, который осмѣлился подойти къ причастію первымъ. Сто десять лѣтъ тому назадъ въ Петрозаводскѣ, г-жа Ушакова, жена директора экономіи «въ церкви прибила кулачемъ и зажгла свѣчею штабъ-лекаршу, и, вышедъ изъ церкви, ругала подлымъ образомъ и, по улицѣ ѣхавъ, также ругала во всю мочь; причина же вины бѣдной и хворой штабъ-лекарши та, что стала нѣсколько впереди ея». Съ извѣстнымъ авторомъ «Записокъ», Адріаномъ Моисеевичемъ Грибовскимъ, случилось въ томъ же городѣ происшествіе не менѣе странное. Супругъ г-жи Ушаковой, въ качествѣ директора экономіи, требовалъ отъ него, чтобы Грибовскій снималъ шляпу при каждой съ нимъ встрѣчѣ. «На одномъ гдѣ-то гуляньѣ Грибовскій поупорствовалъ противу его требованія; первый сердился, началъ бранить всенародно послѣдняго и хотѣлъ-было слугѣ своему приказать сшибить съ него шляпу палкою. Грибовскій не упустилъ при семъ случаѣ высказать всѣ свои грубости». О Грибовскомъ, о которомъ до сихъ поръ было мало извѣстно, переписка Державина даетъ еще нѣсколько свѣдѣній. Онъ служилъ съ Державинымъ въ Петрозаводскѣ въ должности казначея приказа общественнаго призрѣнія и растратилъ тысячу рублей казенныхъ денегъ, которыя заплатилъ за него Державинъ и оффиціальнаго хода этому дѣлу не далъ. Когда Державинъ сдѣлался тамбовскимъ губернаторомъ, Грибовскій, чрезъ Козодавлева, усиленно просился къ нему на службу, умоляя простить ему прежнее «легкомысліе». Державинъ не прочь былъ дать ему мѣсто, но тутъ вмѣшалась княгиня Дашкова, которая почему-то смертельно ненавидѣла Грибовскаго. Она передала Державину, черезъ Свистунова, служившаго совѣтникомъ Академіи наукъ, что ей будетъ непріятно это опредѣленіе: «Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, писалъ онъ, хотѣлъ-было его (Грибовскаго) взять къ себѣ и далъ ему ужъ обнадеженіе, но княгиня, узнавъ, такъ сильно наступила на графа, что тотъ принужденъ былъ, въ угодность ей, отказать ему». Съ тѣмъ же совѣтомъ обратилась къ Державину и теща его Бастидонова (бывшая кормилица в. к. Павла Петровича): «ради самого Бога, не слушай никого, и не бери себѣ такого злодѣя: ты черезъ то накупишь себѣ княгиню злодѣемъ... княгиня нынче такъ усилилась, что князь Вяземскій у ней руки цалуетъ...» Объясненія причинъ этой вражды переписка не даетъ, но Козодавлевъ темно намекаетъ на нихъ въ письмѣ къ Державину (стр. 640).

Это же письмо даетъ кажется ключъ къ разгадкѣ дальнѣйшей судьбы Грибовскаго. Отвергнутый Воронцовымъ и Державинымъ, Грибовскій обратился къ Потемкину, который и взялъ его къ себѣ, быть можетъ единственно потому, что, въ глазахъ великолѣпнаго князя Тавриды, ненависть княгини Дашковой, начинавшей пріобрѣтать вліяніе на императрицу, служила Грибовскому—лучшей рекомендаціей. Какъ бы то ни было, но Державинъ попалъ относительно Грибовскаго въ довольно комическое положеніе. Не взявъ его къ себѣ на службу и увѣдомивъ княгиню, что ея волю онъ непремѣнно исполнитъ, Державинъ, въ скоромъ времени послѣ того, долженъ былъ просить того же Грибовскаго о заступничествѣ передъ Потемкинымъ. Дѣло въ томъ, что представители власти въ Тамбовѣ перессорились между собою; причины ссоры таились, быть можетъ, въ томъ, что Державинъ совѣстливѣе другихъ относился къ своимъ обязанностямъ; ближайшимъ же поводомъ къ ней послужила ссора жены

Державина съ женою предсѣдателя гражданской палаты, Чичерина. Чичеринъ подалъ жалобу императрицѣ на жену Державина. Державинъ написалъ къ графу Безбородко, что жалоба Чичерина неосновательна, что онъ наклеветалъ на Державину, написавъ, что будто бы она не только бранила Чичерину, но била ее и выгнала вонъ,—ничего подобнаго не было, и ссора, по словамъ Державина, ограничилась «бабьими дрязгами». Доказывая графу, что еслибъ, сверхъ всякаго чаянія, женщины и дѣйствительно подрались, то все-таки не слѣдовало утруждать императрицу, «ибо, чаятельно, нигдѣ и въ непросвѣщенныхъ народахъ того не водится, чтобъ женскія сплетни разбирали императоры», Державинъ высказываетъ свои предположенія о настоящихъ причинахъ вражды къ нему Чичерина. «Изъ бабьихъ дрязгъ» заварилось дѣло не хуже ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, и кончилось удаленіемъ Державина изъ Тамбова. Въ это-то время и понадобились ему всѣ благопріятели, покровители и благодѣтели, всѣ сильные міра и всѣ тѣ, черезъ которыхъ можно было дѣйствовать на сильныхъ міра. Державинъ, впрочемъ, и прежде не забывалъ ихъ. Фавориту императрицы Ермолову онъ покупаетъ рысистую лошадь, и не забываетъ поздравить его съ орденомъ Бѣлаго Орла: «вѣсть сія столь меня и моихъ домашнихъ порадовала, сколько мы чувствуемъ благодарности за оказанныя благодѣянія в. пр., и особливо то восхищаетъ, какъ идетъ слухъ, что сей знакъ высочайшей милости получили вы за участіе въ трудахъ о учрежденіи банковъ. Таковая заслуга отечеству достойна знаменитыхъ почестей и вѣчной благодарности отъ всѣхъ». Тутъ же онъ вызывается пріискать ему имѣніе въ Тамбовской губерніи. Въ тотъ самый день, когда онъ писалъ это письмо Ермолову, 22-хъ-лѣтнему мальчику, совершенно невинному ни въ какихъ заслугахъ отечеству, Львовъ писалъ ему изъ Петербурга: «ты, можетъ быть, ужъ знаешь, что Александръ Петровичъ (Ермоловъ) поѣхалъ въ чужіе краи, что ему дано 4,300 душъ въ Бѣлоруссіи, и 130,000 р. денегъ и сервизъ. Можетъ быть и то знаешь, что гвардіи офицеръ Мамоновъ, а какъ зовутъ, не знаю, сдѣланъ флигель-адъютантомъ. А если не знаешь, такъ знай». Державинъ проситъ познакомить его съ Мамоновымъ, а потомъ пишетъ ему письмо, вѣроятно поручая себя его покровительству и поздравляя съ заслугами отечеству. Письмо это не сохранилось, но сохранилось свидѣтельство о томъ впечатлѣніи, которое оно произвело на фаворита: онъ былъ имъ доволенъ и отзывался о Державинѣ, какъ о человѣкѣ прямомъ и правомъ. Мамоновъ, однако, не помогъ, и всю надежду пришлось возложить на Потемкина, котораго ждали въ то время въ Петербургѣ. Державинъ писалъ письма ему, правителю его канцеляріи, Попову, и Грибовскому. Это было послѣ взятія Очакова. Львовъ совѣтуетъ ему написать Потемкину оду: «На Очаковъ-то чтобы-нибудь безъ имени и написать можно;—вотъ напримѣръ, что изъ соблюденія войскъ, его долго не брали, что взяли его въ Николинъ день и что турки Николѣ вѣровать обѣщались». Державинъ пишетъ оду «Побѣдителю», въ которой возноситъ Потемкина до небесъ:

Какъ въ зеркалѣ, въ тебѣ оставилъ
Сіянье Онъ (Богъ) своихъ лучей;
Побѣдами тебя прославилъ,
Число твоихъ прибавилъ дней,
Спасеніе людямъ своимъ явилъ,
Величіе свое въ тебѣ открылъ.

Но всего этого мало: жена Державина отправляется въ Петербургъ хлопотать о мужѣ и доноситъ ему, какое положеніе принимаютъ дѣла. Ловкая женщина не останавливается передъ препятствіями, ее не смущаетъ даже и то, что ей придется хвалить врага своего мужа, Ивана Васильевича Гудовича, рязанскаго и тамбовскаго намѣстника: «Я собираюсь, пишетъ она, на этихъ дняхъ къ Марьѣ Осиповнѣ (Нарышкиной женѣ Льва Александровича): она Гогъ и Магогъ. Я ее себѣ приготовлю: она можетъ быть нужна, ежели уже отъ другихъ что не выдетъ. Онъ (Потемкинъ) преданъ этому дому. Я знаю, что онъ родня Гудовичу, но я возьмусь за это осторожно; буду даже хвалить Ивана Васильевича, но жаловаться на окружающихъ его». Когда дѣло кончилось въ пользу Державина онъ написалъ къ другу своему, Капнисту: «Спѣшу, мой любезный другъ Василій Васильевичъ, сообщить тебѣ наше удовольствіе. Дѣло мое кончено. Гудовичъ дуракъ, а я уменъ. Е. и. в. всемилостивѣйшая государыня съ особеннымъ вниманіемъ изволила разсмотрѣть докладъ 6 департамента о моихъ по

ступкахъ, о которыхъ Гудовичъ доносилъ, и приказала мнѣ чрезъ статсъ-секретаря объявить свое благоволеніе, точно сими словами: «когда и сенатъ уже его оправдалъ, то могу ли я чѣмъ обвинить автора Фелицы?» вслѣдствіе чего дѣло повелѣла считать рѣшеннымъ, а меня представить. Почему я въ Сарскомъ Селѣ и былъ представленъ; оказано мнѣ отличное благоволеніе; когда пожаловала руку, то окружающимъ сказала: «это мой собственный авторъ, котораго притѣсняли». А потомъ, сказываютъ, чего я однакожъ не утверждаю, во внутреннихъ покояхъ продолжать изволила, что она желала бы имѣть людей болѣе съ таковыми расположеніями, и оставленъ я былъ тотъ день обѣдать въ присутствіи ея величества. Политики предзнаменуютъ для меня нѣчто хорошее; но я все слушаю равнодушно, а повѣрю только тому, что дѣйствительно сбудется. Посмотримъ, чѣмъ вознаграждена будетъ пострадавшая невинность» и проч. Державинъ и подписался: «ея императорскаго величества собственный авторъ». Письмо это можетъ служить образцомъ лучшихъ по слогу и душевному настроенію писемъ.

Намъ нечего прибавлять, что и этотъ томъ «Сочиненій Державина», изданъ съ тою же небывалою у насъ типографскою роскошью и съ тѣмъ же тщаніемъ въ библіографическомъ отношеніи, какъ и предыдущій томъ. Нѣтъ возможности сказать: того-то и того-то не достаетъ; но за то не разъ можно подумать: то-то и то-то излишне.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Наблюденія и изслѣдованія *Н. Флеровскаго.* Спб. 1869.

Передъ нами человѣкъ, побывавшій почти во всѣхъ концахъ Россіи—въ Сибири, на сѣверѣ, въ среднихъ частяхъ Волжскаго бассейна, на Камѣ, на Уралѣ, въ нижнихъ частяхъ Волги, на Дону. Онъ не былъ только на западѣ и въ Новороссійскомъ краѣ. Странствуя по Россіи, онъ присматривался къ житью-бытью крестьянина, къ его промысламъ, заработкамъ, къ его внутренней обстановкѣ, къ мірку его нравственныхъ воззрѣній. Онъ видѣлъ рабочихъ-бродягъ, которые бѣгутъ съ золотыхъ промысловъ и шатаются по Сибири, гдѣ ночь, гдѣ день, питаясь подаяніемъ и мелкою кражею, погибая въ тайгахъ, попадая въ тюрьмы, убѣгая изъ нихъ и снова попадая. Онъ былъ на золотыхъ промыслахъ, знаетъ о рыбныхъ промыслахъ сѣвера и юга, о фабричной промышленности волжскихъ губерній, о земледѣліи, и тамъ, гдѣ почва ему благопріятствуетъ, и тамъ, гдѣ почва почти ничего не даетъ. Всѣ свои наблюденія онъ собралъ въ большой книгѣ, стараясь подтвердить свои выводы статистикою и освѣтить ихъ сравненіемъ жизни рабочаго класса у насъ и за границей. Вообще бесѣда съ человѣкомъ образованнымъ и много странствовавшимъ не можетъ не быть поучительною, если только человѣкъ этотъ обладаетъ въ извѣстной степени даромъ разсказа; она становится еще поучительнѣе, если предметъ ея касается Россіи, которую мы такъ мало знаемъ и по которой путешествуемъ только тогда, когда насъ вызываетъ къ тому какая-нибудь необходимость.

Начавъ свою книгу безотраднымъ изображеніемъ работника-бродяги, авторъ слѣдующую главу посвящаетъ сибирскому земледѣльцу и говоритъ совершенно не то, что мы привыкли слушать и читать о сравнительномъ благосостояніи сибирскаго крестьянина. Правда, изба не только зажиточнаго, но и бѣднаго крестьянина въ Сибири поражаетъ чистотою всего житья; полъ, стѣны, лавки, столы не только моются, но и скоблятся, печь бѣлится; у богатаго крестьянина весь полъ устланъ половикомъ изъ холста разноцвѣтной ткани; у крестьянина средней руки половикъ изгребный, то-есть нитки, изъ которыхъ онъ вытканъ, выпрядены изъ остатковъ льна; лаптей совершенно нѣтъ; все это правда, но «я убѣдился, говоритъ авторъ, что и на чистомъ полу можно также умирать съ голоду, какъ и на грязномъ... Разъѣзжая весною по Сибири, я иногда дѣлалъ сотни и тысячи верстъ, внимательно разсматривалъ всѣ встрѣчавшіяся мнѣ женскія и дѣтскія лица и почти не встрѣчалъ ни одного лица, которое бы дышало здоровьемъ и довольствомъ, а безпрерывно встрѣчалъ явные слѣды изнуренія и упадка силъ. Я съ грустью наблюдалъ за несчастными животными, которыя толпами сбѣгались къ клочку сѣна и которыхъ разогнать можно было только самыми энергическими мѣрами». Грусть—преобладающій элементъ въ натурѣ автора; печальное настроеніе сопровождаетъ его всюду и, картина за картиною, онъ старается убить въ

насъ всю иллюзію и перевернуть вверхъ дномъ всѣ ваши понятія. Удается ли это ему? Къ счастью, нѣтъ. Доказательства его шатки, обобщенія слишкомъ очевидны, и его чувство любви къ крестьянамъ, въ искренности котораго сомнѣваться нельзя, порой кажется сантиментальнымъ. Судите сами. Говорятъ, напр., что сибирскій крестьянинъ замѣняетъ ржаной хлѣбъ пшеничнымъ. Положимъ; но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Пшеничный хлѣбъ, который ѣстъ сибирскій крестьянинъ, не только не лучше, онъ хуже ржаного, онъ кислый, непитательный, вредный. Хорошей пшеничной муки, такой, напр., какую ѣдятъ колонисты въ Сарептѣ, — въ Сибири никто не ѣдалъ и не видывалъ. Крестьянскія дѣти всегда голодны; дурная пища, которою питаются матери, дѣлаетъ молоко ихъ непитательнымъ и потому участь грудныхъ дѣтей самая жалкая. Между крестьянами здоровая и сильная женщина — величайшая рѣдкость. Нужно знать, напр., что такое крестьянскій квасъ. «Злополучный крестьянинъ утоляетъ свою жажду тѣмъ напиткомъ, которымъ угощали римляне распятаго Христа». Одежда крестьянъ самая бѣдная; подати отягощаютъ ихъ ужасно и разоряютъ тотчасъ же, какъ только крестьянинъ мало-мальски соберется съ силами. «Административныя власти не находятъ никакой возможности взыскивать подати безъ помощи розогъ, и всѣ попытки отмѣнить въ этихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе не удались. Если вѣрить разсказамъ крестьянъ, то при этомъ имѣютъ мѣсто жестокости, напоминающія пытки, употреблявшіяся въ Индіи при взысканіи податей. Съ глубокимъ уныніемъ и со слезами на слезахъ изображали передо мною картину толпы поблѣднѣвшихъ крестьянъ, привезенныхъ возовъ розогъ и во главѣ фигуру губернатора или мирового посредника, который будто принималъ на себя такую жалкую и унизительную роль. Я самъ, конечно, этого не видалъ, но одно существованіе подобныхъ разсказовъ уже показываетъ, съ какимъ трудомъ взыскиваются подати». Бѣдствіе крестьянъ увеличивается еще міроѣдами, которые отнимаютъ у крестьянина и то, что у него остается послѣ всѣхъ сборовъ. «У насъ очень много кричатъ про бѣдственное положеніе пролетарія въ Англіи, Бельгіи и Франціи, но еслибъ нашему крестьянину удалось пожить годъ такъ, какъ живетъ въ помянутыхъ странахъ не только пролетарій, но нищій, то въ такомъ случаѣ онъ считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Нашего крестьянина не только нельзя сравнивать съ современнымъ пролетаріемъ Германіи, Франціи или Англіи, но даже съ французскимъ работникомъ прошлаго столѣтія». L'appetit vient en mangeant, говоритъ французская пословица. Ее можно примѣнить и къ нашему автору по стремленію его сгущать краски болѣе и болѣе. «Послѣ всѣхъ этихъ сравненій, продолжаетъ онъ, я думалъ сравнить положеніе нашего крестьянина съ положеніемъ бывшихъ рабовъ-негровъ Соединенныхъ Штатовъ, но оставилъ эту мысль. Что могло выдти изъ этого сравненія? Негръ стоилъ отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей серебромъ, слѣдовательно онъ былъ порядочный капиталъ, его преждевременная потеря была чувствительна для плантатора, который заботился о его матеріальномъ благосостояніи на сколько могъ (?); онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ также, какъ англичанинъ дѣйствуетъ съ своимъ скотомъ; онъ усовершенствовалъ средства (?) дѣлать его сильнымъ, здоровымъ и долговѣчнымъ до того, что относительное число умирающихъ негровъ свободныхъ въ сѣверныхъ штатахъ было значительнѣе числа умирающихъ рабовъ на югѣ; тѣлесныя наказанія, вредно дѣйствующія на здоровыхъ (?!), также были рѣдкимъ исключеніемъ (??). Я не могъ вынести мысли, что сравненіе это можетъ кончиться въ пользу рабовъ — о Боже!»

Эти, весьма мало доказательныя выписки изъ второй главы, изображающей бытъ сибирскаго земледѣльца, резюмируютъ собою почти все содержаніе книги г. Флеровскаго. Повсюду онъ замѣчаетъ одни и тѣ же явленія, какъ будто пишетъ подробный комментарій къ извѣстному стихотворенію г. Некрасова, оканчивающемуся припѣвомъ:

Холодно, странничекъ, холодно,
Голодно, родименькій, голодно.

Разныя мѣстности, имъ разсматриваемыя, какъ будто ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, вездѣ «голодно и холодно», вездѣ несравненно хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было заграницей. Не смотрите на наружность, даетъ вамъ понять постоянно авторъ, не обольщайтесь видомъ благосостоянія—все это обманъ и

фальшь. Прочитавъ пятьсотъ страницъ убористой печати, вы ни разу не остановитесь на явленіи отрадномъ: авторъ мучитъ васъ своими картинами, то немного усиливая краски, то немного ослабляя ихъ. Положеніе сибирскаго земледѣльца ужасно со дня рожденія до самой смерти, хотя онъ ѣстъ пшеничный хлѣбъ; положеніе земледѣльца Вологодской губерніи еще ужаснѣе, ибо онъ ѣстъ хлѣбъ изъ коры, мякины и соломы. Это двѣ крайности; между ними нѣсколько градацій, чуть-чуть замѣтныхъ. Какимъ образомъ еще существуетъ Россія, какъ она не погибла прахомъ, чѣмъ она торгуетъ внутри, что отправляетъ за-границу, какъ не выродился совсѣмъ типъ русскаго крестьянина въ типъ патагонца, въ типъ дикаго, безсмысленнаго животнаго! Пусть путешественники русскіе и иностранные говорятъ о красотѣ и здоровьѣ типа сибирскаго крестьянина, пусть говорятъ намъ, что тамъ женщины ходятъ на сохатаго и справляются съ нимъ—авторъ видѣлъ только изнуренные, жалкія лица, сердце его обливалось горечью при видѣ животныхъ, которыя бросались къ клоку сѣна, хотя повидимому огорчаться тутъ было нечѣмъ, такъ какъ животныя травоядныя сѣно любятъ, а о собственности имѣютъ понятіе смутное. Общее нищенство, общее истощеніе, общее отупѣніе... Нѣтъ, позвольте: въ одномъ мѣстѣ авторъ обмолвился о природномъ умѣ, энергической предпріимчивости и инстинктивномъ стремленіи къ цивилизаціи русскаго рабочаго класса. Но откуда же этотъ умъ, въ особенности эта «энергическая предпріимчивость», когда условія жизни крестьянина таковы, что должна была пропасть вся энергія. Вѣдь явленія, выдаваемыя намъ авторомъ за истину, существуютъ не со вчерашняго дня, а много сотенъ лѣтъ, достаточныхъ для того, чтобъ убить «природный» умъ и энергическую предпріимчивость. Какая энергія можетъ проявиться при тощемъ желудкѣ? «Возьмите рядъ портретовъ крестьянъ, говоритъ авторъ, и сравните его съ рядомъ портретовъ ученыхъ и государственныхъ людей — въ томъ и другомъ рядѣ будетъ выражаться одинаковая душевная сила; а при извѣстномъ подборѣ лицъ преимущество будетъ на сторонѣ крестьянъ». Но откуда же эта душевная сила? Будучи поклонникомъ естественно-историческаго метода изслѣдованія, авторъ не станетъ же утверждать, что «душевная сила» сама по себѣ, а тощій желудокъ и крайнее изнуреніе физическихъ силъ тоже сами по себѣ.

Мы далеки отъ того, чтобъ рисовать себѣ радужными красками положеніе рабочаго класса въ Россіи. Все то, что говоритъ г. Флеровскій о тягости податей и неравномѣрномъ ихъ распредѣленіи — давно доказано русскою печатью и усвоено лучшею частью общества; еслибъ общество получило возможность разработать этотъ вопросъ черезъ своихъ представителей, то дѣло пошло бы успѣшнѣе, чѣмъ разработка его посредствомъ коммиссій чиновниковъ. Авторъ правъ также, указывая на привилегіи войска Донского, какъ на аномалію въ государственномъ организмѣ, и на необходимость свободы переселенія крестьянъ изъ мѣстностей безплодныхъ въ плодородныя. Земля войска Донского заключаетъ въ себѣ 12.409,000 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли при населеніи въ 949,682 чел., въ числѣ которыхъ 282,288 временно - обязанныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ хуже положенія казаковъ. Между тѣмъ на пространствѣ губерній Курской, Московской, Полтавской и Тульской живетъ болѣе шести милліоновъ человѣкъ, довольствующихся десятью съ небольшимъ милліонами десятинъ пашень и сѣнокосовъ. И, несмотря на то, что въ землѣ войска Донского много мѣстностей совсѣмъ ненаселенныхъ, жители сосѣднихъ съ нею губерній принуждены выселяться въ Сибирь. Авторъ правъ также, говоря о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія нашей золотопромышленности, горныхъ заводовъ и рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ; мы готовы раздѣлять его убѣжденія, что разработка золотыхъ пріисковъ не должна быть привилегіей извѣстнаго класса людей, что нѣкоторые промыслы было бы раціональнѣе передать въ руки рабочихъ артелей, чѣмъ дѣлать изъ нихъ монополію капиталистовъ; мы не отрицаемъ ни добрыхъ намѣреній автора, ни относительной пользы его труда, въ которомъ читатели найдутъ хорошія страницы, вѣрныя характеристики, нѣсколько убѣдительныхъ фактовъ и наблюденій, частью принадлежащихъ самому автору, частью заимствованныхъ имъ изъ рѣдкихъ и спеціальныхъ книгъ, но общій тонъ книги, предвзятая мысль, подъ которую подгоняется все, во имя которой совершаются

большія натяжки, лишаетъ его трудъ серьезнаго значенія, которое онъ могъ бы имѣть. Часто авторъ, приводя цифры, не указываетъ источника, откуда ихъ заимствуетъ; иногда высказываетъ положенія шаткія, выдавая ихъ за неоспоримыя историческія истины. Такъ, онъ утверждаетъ, что французскій крестьянинъ передъ революціей вовсе не былъ бѣденъ, а только пряталъ деньги, чтобъ не платить податей; онъ видитъ въ этомъ только борьбу съ помѣщикомъ и администраціей. «Работники такъ упрямо защищались противъ отяготительныхъ платежей и повинностей, что платежи эти въ большей части западной Европы были несравненно незначительнѣе оброковъ современныхъ русскихъ крестьянъ. Земледѣльцы, вслѣдствіе этого, могли достигать такого благосостоянія, что въ Италіи, Испаніи, Франціи и Англіи они почти всѣ постепенно откупились на свободу и *сдѣлали освобожденіе массами излишнимъ*». Мы привыкли слышать о силѣ англійской аристократіи и плохомъ положеніи безземельныхъ земледѣльцевъ. По мнѣнію г. Флеровскаго, все это вздоръ и заблужденіе. «Европа не понимала» того, что понимаетъ г. Флеровскій: «Англійское дворянство было малочисленно и слабо», «оно было почти совершенно истреблено войной алой и бѣлой розы», «оно было такъ бѣдно, что, рано преклонившись предъ деспотизмомъ, оно не могло даже вести придворной жизни». Ужъ не станетъ ли г. Флеровскій доказывать, что англійскіе землевладѣльцы, лендлорды, бѣднѣе арендаторовъ? Онъ дѣйствительно не останавливается и передъ этимъ. «Землевладѣлецъ, говоритъ онъ, боялся притѣснять работника, ему страшно было вывесть его изъ терпѣнія». Однакожъ, нельзя отрицать, что земли сосредоточены лишь въ рукахъ немногихъ. Г. Флеровскій признаетъ это снисходительно, но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ: въ то время какъ землевладѣлецъ «получалъ съ земли лишь незначительный доходъ, онъ (работникъ) съ капитала, который нерѣдко употреблялъ на ту же землю, въ качествѣ арендатора, *получалъ вдвое больше.* Онъ не голодалъ, подобно своимъ заморскимъ сосѣдямъ всю свою жизнь, чтобъ подъ конецъ купить земли, *онъ пожилъ въ свое удовольствіе* (это все работникъ!) и подъ конецъ еще получилъ капиталъ, который увеличилъ его доходы. Его судьба была соблазнительнымъ примѣромъ для его товарищей-работниковъ, которые, конечно, въ виду подобныхъ обстоятельствъ, не соглашались работать за безцѣнокъ. Работники страны *получали много* и не изнурялись скопидомствомъ, а все проживали». Кого хочетъ г. Флеровскій убѣдить этой болтовней, въ которой что ни слово, то неправда? И, высказывая такія странныя мнѣнія, г. Флеровскій не дѣлаетъ ни одной ссылки на какое-нибудь сочиненіе болѣе авторитетнаго, чѣмъ онъ, писателя. На довѣріе какихъ же читателей онъ разсчитываетъ? Неужели г. Флеровскій воображаетъ, что найдется хотя одинъ читатель, который предпочтетъ показаніе его, г. Флеровскаго, показаніямъ, напр., Милля и Луи Блана. О томъ самомъ землевладѣльцѣ, котораго, по мнѣнію нашего словоохотливаго автора, работникъ держитъ въ своихъ рукахъ, Милль говоритъ: «лендлорды обогащаются такъ сказать во время сна, ничего не дѣлая, ничѣмъ не рискуя, ничего не сберегая». Во второмъ томѣ второй серіи «Lettres sur l'Angleterre» Луи Блана г. Флеровскій могъ бы найдти для себя весьма много поучительнаго относительно англійскаго землевладѣнія; онъ узналъ бы, напр., оттуда, что доходы лендлордовъ удвоились съ 1800 г. по 1852 г. Въ 1800 г., эти доходы составляли 22,500,000 фунт. стерлинговъ; въ 1852 г.—41,118,329 фунт. стерлинговъ.

Рядомъ съ этими странными мнѣніями и произвольными натяжками, мы встрѣчаемъ еще у нашего автора нерѣдкія противорѣчія. Приведемъ два примѣра. Восхваливъ, на стр. 213—218, благосостояніе западно-европейскаго и въ особенности англійскаго работника, сказавъ на стр. 55, что нашъ крестьянинъ, стоя ниже бывшаго раба Соединенныхъ Штатовъ, считалъ бы себя на верху благополучія, еслибъ могъ пожить хотя годъ такъ, какъ живетъ въ Европѣ нищій, г. Флеровскій, на стр. 476, говоритъ нѣчто другое. Тутъ онъ поучаетъ, что нашъ крестьянинъ «понялъ великую истину, которую западно-европейскій никогда не понималъ. Онъ постигъ, что прежде всего надо позаботиться о томъ, чтобы ни одного земледѣльца не лишать собственнаго хозяйства. Вести собственное хозяйство — не шуточное дѣло, къ нему нужно приспособиться и привыкнуть съ малыхъ лѣтъ. Западно-европейскому сельскому пролетарію не скоро это удастся, можетъ быть ни-

когда не удастся, и на почвѣ западной Европы мы можемъ снова увидать римскія латифундіи». Совѣтуя оставить Сѣверъ и переселиться въ болѣе благословенныя небомъ страны, г. Флеровскій говоритъ: «Еслибъ Сѣверъ былъ такъ плодоносенъ, то вѣроятно англичане не упустили бы воспользоваться своими сѣверными владѣніями: отчего же эти сѣверныя владѣнія у нихъ такъ же пустынны, какъ и наши? Они имѣютъ больше такту, чѣмъ мы, они не суются на Сѣверъ, а отыскиваютъ плодоносныя страны въ южномъ и умѣренномъ поясѣ». Это сказано на 97 стр. На стр. 275 г. Флеровскій говоритъ: «Англійскія владѣнія Сѣверной Америки лежатъ въ одной широтѣ съ европейскою Россіей и по суровости своего климата скорѣе превосходятъ ее (??), чѣмъ уступаютъ ей: однакожъ, страна эта по благоденствію своего рабочаго класса и быстротѣ, съ которою увеличивается населеніе, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на земномъ шарѣ». Такимъ образомъ одни и тѣ же владѣнія на одной страницѣ являются «пустынными», на другой народонаселеніе въ нихъ быстро увеличивается, а по благоденствію они занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ на земномъ шарѣ.

Впрочемъ, мы должны замѣтить, что трудъ г. Флеровскаго, или лучше сказать, его литературные пріемы тѣмъ хороши, что даютъ читателю полную возможность отдѣлить то, что справедливо, отъ того, что преувеличено или совсѣмъ ложно. Какъ во всякомъ человѣкѣ искреннемъ, но недостаточно умудрившемся въ литературномъ дѣлѣ, натяжки у него тотчасъ видны и прикрыты весьма прозрачною пеленою краснорѣчія и чувствительности. Затѣмъ остается много такого, надъ чѣмъ всякій благомыслящій человѣкъ серьезно задумается. Одно дѣло—когда о бѣдности русскаго народа говорятъ люди извѣстной партіи, и другое дѣло, когда о томъ же говоритъ человѣкъ со взглядами г. Флеровскаго. Онъ не ищетъ этой бѣдности въ лѣни и пьянствѣ, доказывая, что такъ-называемый образованный русскій человѣкъ пьетъ больше мужика, а въ бѣдности почвы, въ плохихъ надѣлахъ землею, въ огромныхъ податяхъ. Вотъ небольшая выписка, которою мы и заключимъ свой разборъ, желая книгѣ г. Флеровскаго возможнаго успѣха: «Каждый работникъ въ Вологодской губерніи обработываетъ и засѣваетъ въ годъ не больше десятины. Что разсчетъ этотъ не преувеличенный, въ томъ можно удостовѣриться изъ «Статистическаго Временника» 1868 г. Въ «Ст. Вр». число пахатныхъ земель даже преувеличено, оно исчислено въ 800,000 дес., между тѣмъ какъ въ вологодской памятной книжкѣ всего 720,000 д. Помѣщичьи земли, отведенныя крестьянамъ, обыкновенно до того плохи, что ими совершенно жить невозможно; только тотъ крестьянинъ и могъ нѣсколько обезпечить себя, который покупалъ землю на имя помѣщика. Крестьяне горько жалуются на то, какъ поступали съ ними при нарѣзкѣ имъ этихъ земель во время освобожденія. Земли эти, купленныя на ихъ кровныя деньги, считались, однакоже, землями помѣщика; они увѣряютъ, что имъ приходится платить вознагражденіе помѣщикамъ за несомнѣнную ихъ собственность, что ихъ собственныя земли обращались имъ въ надѣлъ, и даже просто присвоивались помѣщиками себѣ... Въ обыкновенный годъ вологодскій крестьянинъ никакъ не можетъ жить отъ своего надѣла. Отработывая надѣлъ, онъ среднимъ числомъ можетъ произвести цѣнностей на 25 р. 50 к.; въ хорошій годъ, по преувеличенному разсчету, на 44 р. 40 к. Изъ этого онъ долженъ заплатить помѣщику и казенныхъ сборовъ 17 р. 25 к., въ обыкновенный годъ ему останется 8 руб. 25 к., то-есть меньше, чѣмъ $2^1/_3$ к. въ день...»

Пролетаріатъ во Франціи. 1789—1852. Историческіе очерки *А. Михайлова.* Спб. 1869.

Авторъ этихъ «историческихъ очерковъ»—извѣстный беллетристъ, сочинитель «Гнилыхъ болотъ», «Жизни Шупова» и другихъ романовъ и повѣстей. Владѣя въ значительной степени даромъ разсказа, онъ написалъ лежащіе передъ нами историческіе очерки такъ талантливо, что они читаются съ непрерывающимся интересомъ. Онъ не входитъ въ разборъ болѣе или менѣе мечтательныхъ теорій французскихъ писателей, посвящавшихъ свою дѣятельность на разработку рабочаго вопроса, онъ только излагаетъ ихъ планы, иногда ихъ собственными словами, и разсказываетъ біографіи главнѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Само собою разумѣется, что отъ г. Михайлова нельзя требовать труда вполнѣ выдержаннаго — онъ и самъ не имѣетъ на это претензіи; спеціалистъ найдетъ въ немъ даже ошибки, невѣрныя

или односторонния сужденія объ извѣстныхъ историческихъ дѣятеляхъ, но для массы публики книга г. Михайлова положительно полезна, какъ сборникъ фактовъ изъ жизни рабочаго класса, изложенныхъ въ связи съ общей исторіей Франціи. Отсутствіе опредѣленныхъ взглядовъ на ту или другую систему можно даже поставить въ заслугу книгѣ подобнаго рода: прежде, чѣмъ выработать себѣ опредѣленный взглядъ, надо познакомиться съ фактами, а для этой послѣдней цѣли у насъ не было до сихъ поръ пригодныхъ книгъ.

Исторія новѣйшаго времени отъ вѣнскаго конгресса до парижскаго мира. (1815—1856). Соч. *д-ра Фридриха Лоренца.* Съ приложеніями и дополненіями. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *В. В. Маркова.* Спб. 1869.

Въ 1860 г. появился на русскомъ языкѣ переводъ послѣдней части исторіи Лоренца, обнимавшей новѣйшее время. Это была небольшая книжка, передававшая трудъ извѣстнаго историка въ искаженномъ видѣ, съ многочисленными пропусками. Тогдашніе журналы приняли эту исторію съ насмѣшками и на голову Лоренца посыпались упреки, которые на самомъ дѣлѣ слѣдовало бы обратить по другому адресу. Въ искаженіяхъ и пропускахъ Лоренцъ былъ совсѣмъ не виноватъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить прежній переводъ его книги и настоящій: послѣдній превосходитъ первый своимъ объемомъ почти втрое. Переводъ 1860 г. былъ сдѣланъ съ рукописи; настоящій переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго изданія исторіи Лоренца, вышедшаго въ 1867 г. съ предисловіемъ Бернгардта. Несмотря на то, что въ нѣмецкой литературѣ существуетъ достаточное количество сочиненій по новѣйшей исторіи, нѣмецкіе критики отнеслись къ труду Лоренца съ похвалою; такъ поступили даже тѣ изъ нихъ, которые не раздѣляли политическихъ убѣжденій автора. Бернгардтъ такъ выражается о Лоренцѣ: «Все существо его глубоко проникала гуманность, снисходительность въ приговорѣ, справедливость относительно чужихъ поступковъ, чужихъ стремленій и мнѣній, идущихъ въ разрѣзъ съ его собственнымъ направленіемъ... Чрезъ это Лоренцъ былъ въ состояніи изобразить, всюду соприкасающіяся съ современными интересами, событія съ справедливостью и безпристрастіемъ, съ спокойствіемъ и сдержанностію рѣчи... Слабая сторона натуръ въ родѣ личности Лоренца всего болѣе проявляется въ томъ, что у нихъ зачастую замѣтна недостаточная степень опредѣленности мнѣній, меткости слова, необходимыхъ для историческаго изображенія, коль скоро подъ именемъ исторіи не разумѣть безцвѣтнаго перечня фактовъ. Однако и здѣсь Лоренцу удалось, большею частію, избрать счастливый средній путь между этимъ подводнымъ камнемъ и другимъ, противоположнымъ ему—невѣрностью объективнаго изложенія съ точки зрѣнія партіи». Этихъ словъ достаточно для характеристики автора и его произведенія; переводъ вполнѣ удовлетворительный и дополненъ въ тѣхъ частяхъ, на которыя Лоренцъ не обращалъ достаточнаго вниманія, приготовляя свой трудъ для нѣмецкой публики. Русскіе издатели прибавили нѣсколько статей о славянскихъ земляхъ и о событіяхъ въ нашемъ отечествѣ въ царствованія императоровъ Александра I и Николая I.

Въ началѣ книги приложено большое предисловіе г. Маркова, трактующее о партіяхъ и направленіяхъ въ русской жизни и журналистикѣ, «взглядъ и нѣчто» на новую русскую исторію. Предисловіе это ровно ничего не прибавляетъ къ исторіи Лоренца, хотя авторъ его, изъ подражанія Лоренцу, старается тоже проникнуться духомъ безпристрастія и отдать божіе—Богу, а кесарево—кесарю. Но намъ кажется, что онъ держитъ вѣсы не совсѣмъ правильные, такъ что одна чашка ихъ постоянно перетягиваетъ въ послѣднюю сторону, безъ всякой видимой причины. Съ особеннымъ рвеніемъ стремится онъ доказать, тоже неизвѣстно для чего, что въ Россіи не нужно политическихъ партій, и что ихъ существованіе ничѣмъ не вызывается, что для нихъ нѣтъ у насъ почвы. Если бы кто сталъ доказывать, что въ Россіи не нужно огнедышащихъ горъ, потому что для этихъ горъ нѣтъ у насъ почвы—тогда это было бы понятно; физическія и геологическія условія Россіи таковы, что можно, основываясь на геологической исторіи, доказывать, что нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ допустить, чтобъ гдѣ-нибудь во Владимірской губерніи или въ Пошехоньи открылся вулканъ; но прошлая политическая исторія Россіи отнюдь не даетъ намъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы доказать, что у насъ

нѣтъ почвы для политической жизни, а слѣдовательно и для партій. Развитіе народное совершается и всегда совершалось борьбою не съ одной природою, но также человѣка съ человѣкомъ, одного нравственнаго, политическаго, религіознаго воззрѣнія съ другимъ. Въ стадѣ барановъ не можетъ быть партій, оттого стадо это всегда и останется стадомъ; но человѣческое общество не можетъ быть уподоблено состоянію неразумныхъ животныхъ, народная жизнь не слагается въ неподвижную форму жизни бараньяго стада, а постоянно переходитъ изъ одной общественной формы въ другую; въ извѣстныя эпохи каждая изъ этихъ формъ составляетъ основу народной жизни, потому что народъ находитъ въ этой формѣ удовлетвореніе существенныхъ своихъ потребностей; но вмѣстѣ съ развитіемъ являются новыя цѣли и требованія, наступаетъ время борьбы, перелома, старая форма распадается и вырабатывается новый порядокъ вещей. Согласно съ этими законами развитія во всякомъ обществѣ, если только оно не неподвижно, существуютъ двѣ партіи—партія прогрессистовъ и партія консерваторовъ. Конечно, политическія партіи, настоящія, организованныя партіи могутъ существовать только при политической свободѣ, но въ зародышномъ состояніи онѣ находятся рѣшительно въ каждомъ обществѣ, и какъ бы глуха ни была борьба между ними, она все-таки существуетъ и даетъ результаты. Кто не видитъ такого явленія въ нашей исторіи, тотъ ее не знаетъ. Совѣтовать же: «господа, вы, пожалуйста, ужъ живите безъ партій, зачѣмъ онѣ намъ — у насъ и почвы для нихъ нѣтъ», значитъ давать такой же ребячій совѣтъ, какой давалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ какой-то литераторъ-обыватель, призывавшій журналистовъ къ согласію и единенію: будемъ одно стадо и одинъ пастырь, говорилъ онъ высокимъ слогомъ. «Есть эпохи и страны», говоритъ г. Марковъ (какъ будто эпохи и страны одно и тоже), «гдѣ условія развитія могутъ быть иныя, когда ходъ вещей требуетъ не раздѣленія, а единства, возможнаго согласія». Но единство и *возможное* согласіе вовсе не исключаютъ партій, потому что единство и возможное согласіе въ стадѣ барановъ—беремъ опять этихъ животныхъ для примѣра—достигается просто распоряженіями и дѣйствіями пастуха при помощи нѣсколькихъ псовъ, тогда какъ въ человѣческомъ обществѣ единство и возможное согласіе достигается разногласіемъ, ведущимъ къ удовлетворенію тѣхъ потребностей, которыя предъявляетъ общество. Вообще предисловіе сильно настаиваетъ на «духѣ примиренія», какъ будто этотъ духъ можетъ быть воспринятъ русскимъ обществомъ въ силу совѣта какого нибудь журналиста, а не зависитъ отъ тысячи условій физическихъ и нравственныхъ. Сообразно этому духу, авторъ предисловія бросаетъ и взгляды свои на явленія русской жизни въ новѣйшее время и на все существовавшее смотритъ глазами примиренія: что было — значитъ такъ нужно было, даже на эпоху самой продолжительной реакціи онъ смотритъ какъ на необходимость, какъ на нѣкоторое желѣзное крещеніе: «нужно было», вѣщаетъ онъ, «чтобы оно (общество) еще строже взглянуло на себя, чтобы еще болѣе прониклось самоосужденіемъ, чтобъ вся его масса сознала несостоятельность отживающаго порядка». Что вышло бы, въ самомъ дѣлѣ, еслибъ историческое развитіе народовъ шло именно такъ, какъ опредѣляетъ его г. Марковъ: «чтобъ *вся масса* сознала и проч.» Когда нужно было бы уничтожить крѣпостное право, когда можно было бы строить желѣзныя дороги, когда можно было бы вводить гласное судопроизводство? Но если проповѣдывать «духъ примиренія» и ненужность партій, то, чтобъ не противорѣчить себѣ, конечно слѣдуетъ, по отношенію къ каждому вопросу, дожидаться, когда вся масса сознаетъ несостоятельность порядка вещей. Г. Марковъ не сообразилъ только того, что такимъ образомъ, пожалуй, можно дойти до совершеннаго отупѣнія и полнѣйшей апатіи. Мудрость русскаго народа, какъ онъ ни мало развитъ, однакожъ, выработала правило: семеро одного не ждутъ. Еслибъ г. Марковъ усвоилъ себѣ это правило, то не написалъ бы многихъ страницъ. Въ числѣ разныхъ странностей, нельзя не указать на пристрастіе г. Маркова къ стихамъ. Само по себѣ это пристрастіе не заключаетъ въ себѣ ничего дурного; стихи — вещь невинная, и ими не безъ остроумія можно пользоваться въ частныхъ разговорахъ, въ особенности съ барышнями цитировать по случаю небесныхъ знаменій, семейныхъ радостей, любовныхъ отношеній, состоянія погоды и проч., но употреблять ихъ для характеристики историческихъ эпохъ, и

меньшей мѣрѣ, легкомысленно. Между тѣмъ, г. Марковъ именно дѣлаетъ изъ нихъ такое употребленіе, характеризуя, напр., прошлое царствованіе четырьмя стихами Пушкина:

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою...
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

Не подумайте, однако, что авторъ—отсталый консерваторъ. Нѣтъ, онъ горячо желаетъ реформъ, онъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, которые желаютъ остановиться или повернуть назадъ; все его несчастіе состоитъ единственно въ томъ, что онъ до всего хочетъ дойти своимъ умомъ. Это и привело его въ непроходимыя дебри; но иногда судитъ онъ вѣрно и здраво. Таково, напр., его сужденіе объ отрицательномъ направленіи въ нашей литературѣ: «Имъ, этимъ энтузіазмомъ, говоритъ онъ, не посрамится періодъ новой, начавшейся тогда у насъ жизни: для этого чистаго времени нашлись и чистые люди, безкорыстно, съ полной преданностію, можно сказать, съ дѣтскою наивностью служившіе ему, хотя въ духѣ отвлеченныхъ теорій, и притомъ теорій, заимствованныхъ большею частію изъ чужа; но черезъ эти теоріи, съ ихъ идеальною закваскою, общество поднялось только въ уровень съ широкими задачами той минуты—отвлеченность же идеаловъ, какъ скроенныхъ по фантастической мѣркѣ, обнаружилась потомъ ясно. Все, что было въ этомъ періодѣ ложнаго, непримѣнимаго къ русской жизни, юношески задорнаго и мечтательнаго, все это отвергла самая жизнь... Ложь его исчезла, но доброе, что въ немъ было, сдѣлало свое, и осталось... Чему, какъ не духовной работѣ того періода надлежитъ приписать ту черту, что въ образованномъ классѣ съ тѣхъ поръ значительно обобщилась привычка не удовлетворяться дешевою внѣшностью, не расплываться въ самодовольствѣ, а искать необманчиваго успѣха? Смѣлость, нерутинность усвоенныхъ тогда пріемовъ мышленія, равнымъ образомъ, не должны утратиться... Сверхъ того, у отрицателей-прогрессистовъ была живость, свѣжесть воззрѣнія и, благодаря этому, они умѣли обратить вниманіе на многія изъ самыхъ существенныхъ сторонъ европейской жизни», и проч.

Мы думаемъ, что вѣрность этого сужденія обусловливается тѣмъ, что самъ авторъ пережилъ этотъ періодъ и могъ руководствоваться при сужденіи о немъ непосредственными впечатлѣніями. Тамъ же, гдѣ не доставало ему этой непосредственности, онъ бродилъ ощупью прибѣгалъ къ такимъ солиднымъ историческимъ документамъ, какъ стихи, и высказывалъ мнѣнія, лишенныя всякой исторической основы и даже здраваго смысла. А. С—нъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Kritik des preussischen Volksschulwesens und Vorschläge zu einer Reform desselben nach freisinnigen Grundsätzen, von *A. Freimund*.

Наше время любитъ хвалиться побѣдами общественнаго мнѣнія и привыкло считать мнѣніе большинства образованнаго общества силою, преобладающею въ современной жизни, господствующею не только надъ гражданами, но и надъ самими властями, которыхъ сила эта подчиняетъ себѣ незамѣтно для нихъ самихъ, господствующею надъ самими законами, такъ какъ исполненіе закона невозможно безъ содѣйствія общества, а, стало быть, и духъ этого исполненія подчиняется общественному мнѣнію. Но чтобы убѣдиться въ неосновательности безусловнаго въ этомъ отношеніи оптимизма, достаточно вникнуть въ самыя основы современной общественной жизни, и сравнить ихъ съ тѣми принципами гуманности и умственной эмансипаціи, какіе окончательно установились въ общемъ мнѣніи образованной массы въ Европѣ. Окажется, что даже самыя безспорныя, самыя элементарныя изъ тѣхъ истинъ, которыя окончательно усвоило себѣ просвѣщенное общественное мнѣніе, далеко еще не осуществляются вполнѣ ни въ воспитаніи, ни въ домашнемъ быту, ни въ самыхъ простыхъ, ежедневныхъ соглашеніяхъ по интересамъ, какъ напр. въ отношеніяхъ между нанимателями и нанимаемыми.

Кажется, что можетъ находиться въ ближайшей, безспорнѣйшей зависимости отъ про-

свѣщенной общественной мысли, какъ *школа.* А между тѣмъ школа даже въ Пруссіи, «государствѣ интеллигенціи», странѣ протестантской, излюбленной философами, странѣ, въ которой обязательное обученіе есть фактъ, и тамъ устройствомъ школы и направленіемъ образованія управляютъ не народныя потребности, сознанныя общественнымъ мнѣніемъ, не принципы гуманности и умственной свободы, которые оно усвоило себѣ какъ аксіомы, а — вліянія совсѣмъ противоположныя. «Все наблюденіе надъ школою и все внутреннее устройство преподаванія находятся въ рукахъ духовенства. Всѣ училищные инспекторы — лица духовныя, всѣ окружные инспекторы (суперинтенденты), всѣ директоры учительскихъ семинарій, высшіе учителя въ этихъ заведеніяхъ и всѣ члены училищныхъ совѣтовъ — богословы. Богословы же, въ чинѣ тайныхъ совѣтниковъ, сидятъ въ министерствѣ и купно съ министромъ народнаго просвѣщенія, который тоже получилъ богословское образованіе, опредѣляютъ и внутреннія и внѣшнія условія всей училищной части». Вотъ кратчайшее опредѣленіе всего училищнаго дѣла въ Пруссіи, какъ его даетъ авторъ названной книги. Авторъ, самъ народный учитель, близко знакомъ съ бытомъ народной массы, особенно въ восточной Пруссіи, и сочиненіе его одушевлено глубокимъ, сознательнымъ сочувствіемъ къ бѣдѣ, въ какой живетъ рабочая масса, и страстнымъ негодованіемъ противъ уродованія школы клерикализмомъ, противъ поддерживаемаго имъ въ школѣ застоя, лицемѣрнаго исполненія обязанностей и грубыхъ педагогическихъ пріемовъ и методъ.

Въ Пруссіи пасторъ—оффиціальный начальникъ школы, въ качествѣ инспектора: планъ преподаванія не только зависитъ отъ него, но имъ установляется, сообразно съ правилами. Планъ этотъ обсуждается и утверждается училищнымъ совѣтомъ, котораго члены должны имѣть богословское образованіе. Ректорамъ школъ среднихъ предоставлено самимъ вырабатывать планъ преподаванія, но онъ все-таки можетъ быть введенъ только по соглашенію съ училищнымъ инспекторомъ — пасторомъ; въ случаѣ, если они не придутъ къ соглашенію, дѣло рѣшаетъ правительственная власть. Инспекторы-пасторы обязаны, сверхъ того, наблюдать за религіознымъ направленіемъ учителя, за исправнымъ посѣщеніемъ имъ церкви, даже за политическими его убѣжденіями. Инспекторы обязаны посѣщать народныя школы какъ можно чаще; окружный же инспекторъ (суперинтендентъ) осматриваетъ ихъ разъ въ годъ.

Такимъ образомъ, весь ходъ преподаванія совершенно подчиненъ въ Пруссіи духовенству, между тѣмъ, отъ духовныхъ лицъ, которымъ поручается также власть надъ школами, не требуется серьезной педагогической подготовки. Для того, чтобъ пріобрѣсть право занимать мѣсто инспектора или директора или члена училищнаго совѣта, кандидатъ богословія долженъ только пробыть *шесть недѣль* въ учительской семинаріи, въ такое короткое время онъ пріобрѣтаетъ уже всю педагогическую мудрость, такъ какъ полагаютъ, что богословіе само по себѣ даетъ кандидату качества хорошаго педагога. Поэтому отъ него требуется только шестинедѣльное ознакомленіе съ педагогическимъ курсомъ и три пробныя лекціи.

Правда, духовенство, которому въ Пруссіи подчинена школа, духовенство — образованное, и менѣе доступное фанатизму, чѣмъ напримѣръ, католическое духовенство. Но протестантскій клерикализмъ имѣетъ то же направленіе, какъ и всякій иной клерикализмъ, хотя и въ меньшей степени, именно стремится покорить умственную свободу, развивать въ ученикахъ преимущественно смиреніе, и, главное, искажаетъ преподаваніе, посвящая его преимущественно не для сообщенія знаній и развитія ума учениковъ, а для укрѣпленія въ нихъ религіознаго чувства и политической благонамѣренности. Какъ ни почтенны эти двѣ цѣли, но это все-таки цѣли посторонніе умственному развитію, а стало быть подчиненіе всего учебнаго курса именно имъ, неизбѣжно ведетъ къ искаженію дѣла преподаванія. Подъ вліяніемъ духовенства, преподаваніе во-первыхъ, распредѣляется несообразно возрасту и ходу естественнаго развитія учениковъ. Даже если соглашаться съ мнѣніемъ, которое высказываетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, именно, что «школа не должна учить догматамъ», что это не ея дѣло, и что религіозное образованіе въ школѣ должно ограничиваться нравственными поученіями религіи, то нельзя во всякомъ случаѣ не признать, что преподаваніе духовныхъ предметовъ

въ раннемъ возрастѣ не приноситъ пользы, а напротивъ пріучаетъ ученика съ самого начала къ мысли, что ученіе есть не *усвоеніе* мыслей, а затверживаніе непонятнаго. Между тѣмъ, духовенство требуетъ обширнаго преподаванія религіи въ народныхъ школахъ и тѣмъ убиваетъ остальные курсы, безъ всякой пользы для истинно-религіознаго образованія, недоступнаго въ раннемъ возрастѣ. «Впередъ всего выставляется законъ божій. Онъ долженъ составлять ядро цѣлой системы преподаванія, такъ что остальные предметы служатъ собственно только для того, чтобы утвердить ученика въ религіи, и укрѣпить ея вліяніе. На законъ божій дается 6 часовъ въ недѣлю, но это число часовъ, посвященное занятію религіозными предметами, удвоивается тѣмъ, что въ 6-ти часахъ, предоставленныхъ чтенію и письменному изложенію мыслей на нѣмецкомъ языкѣ, матеріаломъ упражненій служитъ именно матеріалъ религіознаго преподаванія. Уже съ первыхъ учебныхъ годовъ, шестилѣтняго ребенка заставляютъ затверживать заповѣди, изреченія, стихи гимновъ и библейскіе разсказы. Далѣе къ этому присоединяются: полный катихизисъ, вмѣстѣ съ лютеровыми объясненіями, 30 (!) церковныхъ гимновъ, по меньшей мѣрѣ 200 (!) изреченій изъ библіи, отдѣльныя мѣста изъ библіи, нѣсколько псалмовъ, наконецъ даже воскресныя евангелія и посланія апостоловъ (нѣкоторые пасторы еще энергически настаиваютъ и на этомъ послѣднемъ требованіи). Кромѣ того стараются, чтобы дѣти ходили въ церковь и по возможности записывали проповѣдь (!). Всѣ остальные предметы преподаванія окрашиваются религіознымъ оттѣнкомъ».

Авторъ приводитъ въ примѣръ одно руководство ариѳметики, въ которомъ *всѣ задачи* заимствованы изъ содержанія библіи:

«Іоѳаму было 25 лѣтъ, когда онъ содѣлался царемъ въ Іудеѣ, а царствовалъ онъ 16 лѣтъ. Какого возраста достигъ Іоѳамъ?—Кенану, при рожденіи Махалалеля, было 70 лѣтъ отъ роду, этому послѣднему было 65 лѣтъ когда родился Іародъ. Сколько лѣтъ было Кенану при рожденіи Іарода?

«Всѣ отрывки для чтенія, съ которыми связывается преподаваніе географіи, исторіи и естественной исторіи, рекомендуется избирать такимъ образомъ, чтобы они соотвѣтствовали намѣренію учебной регулативы 1854 года: искусственному возбужденію патріотизма и любви къ царствующему дому, а также религіознаго воззрѣнія на природу», — вотъ какъ характеризуетъ авторъ смыслъ преподаванія даже общеобразовательныхъ предметовъ. Употребительную въ восточной Пруссіи школьную книгу для чтенія, der Kinderfreund, Прейсса и Феттера, пришлось въ 1854 г. передѣлать, чтобы удовлетворить требованіямъ регулативы. Въ нее были вставлены тѣ внушительные отрывки, съ которыми было предписано связывать преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ. Издатели вздумали воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы ввести улучшеніе въ новое изданіе и включили въ нее нѣсколько популярныхъ балладъ, нѣсколько стихотвореній Уланда, Гёте, Шиллера, небольшіе разсказы Ауэрбаха и т. д. И что же?— правительство тотчасъ наложило на новое изданіе секвестръ, и 20 тысячъ отпечатанныхъ экземпляровъ были обращены въ макулатуру.

Регулатива требуетъ, чтобы школа служила преимущественно для развитія въ ученикахъ религіознаго чувства, а учитель обращается просто въ слугу духовной іерархіи. Учителя пробовали протестовать, и въ прошеніяхъ своихъ ссылались на прежній примѣръ самой Пруссіи, приводили докладъ берлинской оберъ-консисторіи 18-го января 1799 года, въ которомъ сказано: «Школы должны быть разсматриваемы какъ учрежденія государства, а не какъ заведенія, служащія для пользы одного вѣроисповѣданія. Поэтому желательно, чтобы преподаваніе въ нихъ закона божія ограничивалось одними общими истинами религіи и общими для всѣхъ религіозныхъ партій поученіями нравственности, съ тѣмъ, чтобы спеціальное обученіе въ законѣ божьемъ было предоставлено только пастору при приготовленіи къ конфирмаціи».

Учебная система, въ духѣ клерикализма, неразлучна съ самыми грубыми педагогическими пріемами: розги и палки не нужны и положительно вредны тамъ, гдѣ ученье имѣетъ цѣлью умственное развитіе учениковъ, и гдѣ преподаваніе разсчитываетъ на сознаніе, пониманіе, на интересъ ученика къ предмету. Но розги и палка совершенно необходимы тамъ, гдѣ на пониманіе разсчитывать нельзя, гдѣ прежде всего имѣется въ виду развить благоговѣйный трепетъ и духъ смиренія въ ученикахъ. Одно-

держится другимъ: затвердить 200 текстовъ, 30 гимновъ и цѣлыя книги наизусть нельзя по свободному интересу къ предмету; въ этомъ механическомъ ученьи, въ монотонномъ и искусственномъ преподаваніи всѣхъ остальныхъ предметовъ, съ чуждымъ имъ оттѣнкомъ, умъ ученика не можетъ быть главнымъ пособникомъ; умъ не можетъ быть и усерднымъ пособникомъ духа самоприниженія. Во всемъ этомъ главнымъ пособникомъ непремѣнно долженъ быть батогъ. И вотъ, въ прусскихъ народныхъ школахъ батогъ играетъ блестящую роль. Послушаемъ автора: «Главное педагогическое средство — пощечины и удары палкой. Въ примѣненіи этихъ средствъ учитель не допускаетъ никакого различія и не заботится о томъ, какое дѣйствіе они производятъ. Натуры горячія и пылкія, нѣжныя и грубыя, самолюбивыя, откровенныя или секретныя, всѣ безъ различія онъ стрижетъ подъ одинъ гребень. Степень его гнѣва опредѣляетъ и мѣру наказанія. Кто болтаетъ, того бьютъ; кто разъ полѣнился—того бьютъ; кто постоянно лѣнится—того тоже бьютъ. Кто разъ сказалъ неправду, кто постоянно лжетъ, кто дѣлаетъ скверныя шалости, кто глупыя и кто умныя, кто окажется черезчуръ уменъ и кто слишкомъ глупъ, кто немножко помѣшаетъ и кто сдѣлаетъ низость—всѣмъ выпадаетъ одинаковая мзда. Учителю все равно, таковъ ли ребенокъ, что онъ, смѣясь, отряхнетъ съ себя побои, или таковъ, что удары пронзятъ его насквозь до жизненнаго мозга, что побои, нанесенные ему, отвратятъ отъ учителя его сердце и уничтожатъ возможность всякаго на него вліянія». Такого учителя, вырабатываемаго требованіями регулятивы, авторъ торжественно называетъ «душегубцомъ (Seelenmörder)». Но мало еще побоевъ переносимыхъ въ школѣ. Матеріалъ преподаванія, всѣ эти сухія поученія, эти непонятные тексты не могутъ быть затвержены на память безъ побоевъ не только въ школѣ, но и дома. Собственная охота ни на минуту не можетъ побудить взяться за такое ученье, а потому необходимо постоянное понужденіе, не только въ школѣ, но и дома — такимъ образомъ, побои сыплются на ребенка цѣлый день. «Часто, говоритъ авторъ, отъ горести и злости слезы выступали мнѣ въ глазахъ; но, къ сожалѣнію, почти никогда мнѣ не удалось измѣнить такого порядка. *Слово пастора*, который требуетъ этихъ вещей, какъ необходимыхъ для спасенія души, сила обычая и боязнь публичнаго осрамленія ребенка (при церковной визитаціи) всегда дѣйствовали сильнѣе моихъ словъ».

Авторъ совершенно справедливо приписываетъ клерикальному направленію народной школы не только неуспѣхъ общеобразовательнаго курса, но и расположеніе впослѣдствіи въ жизни не полагаться во всемъ прежде всего на трудъ, на усиліе, и утѣшать себя ссылкою на мнимое упованіе, что Богъ самъ сдѣлаетъ, что лѣнь сдѣлать помѣшала. «Когда я ребенку изъ простого народа твержу восемь лѣтъ сряду каждый день разсказы о чудесахъ, то могу ли удивляться, когда слышу тамъ такіе отвѣты: «къ чему звать доктора? Богъ поможетъ и доктора не надо, а Богу не угодно, такъ и никакой докторъ не поможетъ». Все это вообще только поддерживаетъ народъ въ недовѣріи къ силѣ труда и въ мечтательной надеждѣ на какое-нибудь необыкновенное счастіе, какъ напр., выигрышъ въ лоттерею. Правда, такъ заключаетъ авторъ свою характеристику, такое воспитаніе лучшее средство для достиженія цѣлей духовнаго порабощенія, но оно губитъ народъ».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, авторъ требуетъ освобожденія школы отъ надзора духовенства, съ тѣмъ, чтобы народнымъ учителямъ даваемы были и лучшая педагогическая подготовка, и болѣе самостоятельное положеніе въ жизни. Съ этой цѣлью онъ излагаетъ подробно-выработанный имъ проектъ улучшенія учительскихъ семинарій, учрежденія особыхъ высшихъ экзаменовъ и улучшенія матеріальнаго быта учителей народныхъ школъ.

Примѣръ Пруссіи показываетъ, какъ опасенъ можетъ стать клерикализмъ, когда онъ самъ пріобрѣтетъ для своихъ цѣлей силу образованія и обратитъ средства, почерпнутыя имъ изъ умственнаго развитія, противъ этого самого развитія въ народѣ. Поощряйте духовный элементъ въ народномъ образованіи, давайте всякія преимущества воспитанникамъ духовныхъ училищъ, которые будутъ посвящать себя обученію народа, подчините школы надзору духовенства, и въ конечномъ результатѣ получите такіе факты, какъ преподаваніе ариѳметики, исторіи и географіи, по библіи — вотъ чему

поучаетъ примѣръ даже такой страны, какъ Пруссія.

Mes Mémoires (1826—1848), par le C-te *d'Alton-Shée.*

Авторъ происходитъ изъ ирландской фамиліи, послѣдовавшей во Францію за Іаковомъ II. Несмотря на такое легитимистское начало исторіи Альтоновъ во Франціи, продолженіе ея было чисто-буржуазное: Альтоны и родственники ихъ Шѐ служили республикѣ и имперіи; графскій титулъ автора происходитъ изъ первой имперіи. Самъ авторъ былъ пажемъ Карла X, потомъ, по наслѣдственному праву — пэромъ, при Людовикѣ-Филиппѣ. Записки его относятся ко времени іюльской монархіи; самъ авторъ принадлежалъ къ партіи строго-парламентской, т. е. теоріи le roi règne et ne gouverne pas, такъ что надо полагать, въ разсказѣ о послѣднихъ годахъ царствованія Людовика-Филиппа онъ окажется приверженцемъ Тьера.

Записки графа Шѐ относятся къ тому же времени, какъ мемуары Гизò, и мы не можемъ лучше охарактеризовать эти записки, какъ сказавъ, что онѣ—прямая противоположность запискамъ знаменитаго доктринера. Мемуары Гизò — систематическая автоапологія и вмѣстѣ—полная исторія іюльской монархіи. Книга, которая теперь лежитъ предъ нами — безхитростное описаніе своихъ отношеній человѣкомъ, который жилъ въ высшей политической и общественной средѣ. Исторія іюльской монархіи тутъ только анекдотическая. Но записки графа Шé все-таки представляютъ интересъ, потому что многіе изъ его анекдотовъ характеристичны и потому, что онъ лично зналъ всѣхъ замѣчательныхъ людей одного изъ блестящихъ, по обилію талантовъ, періодовъ французской исторіи.

Въ первомъ томѣ уже являются Шатобріанъ, Беррье, Арманъ Каррель, Эмиль Жирарденъ, Альфредъ Мюссе, Монталамберъ, Виллльменъ, Молѐ, графъ Валевскій, Тьеръ, Барро́, Барбесъ, Гейне, Беллини и т. д.

Герцогъ Орлеанскій (Людовикъ-Филиппъ), возбудившій при самомъ возстановленіи Бурбоновъ въ 1815 году подозрѣнія ихъ, долженъ былъ уѣхать въ Англію, гдѣ и оставался до 1817 года. Приглашеніе ему возвратиться во Францію было выхлопотано у короля Людовика XVIII графомъ Артуа̀ (Карлъ X). По свидѣтельству адъютанта послѣдняго, графа Брюжа, король, подписавъ письмо къ герцогу орлеанскому, сказалъ графу Артуа̀: «возьмите это перо, братецъ, и берегите его; оно можетъ послужить вамъ современемъ, чтобы подписать отреченіе отъ престола».

Еще анекдотъ: «Въ салонѣ княгини Бельджойозо поразительный контрастъ одинъ другому представляли Генрихъ Гейне и Беллини. Композиторъ — сициліанецъ наивный, суевѣрный, нѣжный, фамильярный, съ прирожденнымъ изяществомъ манеръ, но вмѣстѣ съ полнымъ незнаніемъ какихъ бы то ни было общественныхъ различій, приличій или общепринятой морали; онъ садился у ногъ дамъ и склонялъ свою прекрасную голову на ихъ колѣни... Разъ, въ большомъ обществѣ, онъ спрашиваетъ меня, самымъ простымъ тономъ:

— «Скажи, любезный другъ, а кто любовникъ герцогини ***? Между тѣмъ герцогиня и ея мужъ были тутъ же. Я притворился, будто не слышу, но когда послѣ сталъ упрекать его въ такой неумѣстной выходкѣ, я ни за что не могъ убѣдить его въ скандалёзности его вопроса. Заслуги и слава его были слишкомъ велики, чтобы у него не было враговъ; но онъ самъ не ненавидѣлъ никого. Антипатію онъ выказалъ на моихъ глазахъ только однажды именно по отношенію къ Гейне, вотъ при какомъ случаѣ. Безжалостный насмѣшникъ, Гейне, избралъ на этотъ разъ своею жертвою его, и цѣлымъ рядомъ цитатъ сталъ доказывать ему, что всѣ великіе композиторы умираютъ въ цвѣтѣ юности. Мало-по-малу Беллини становился менѣе веселъ, и, повернувшись ко мнѣ сказалъ: вотъ этотъ, въ очкахъ, — навѣрное — jettatore.—Что глубоко печально, это фактъ, что чрезъ двѣ недѣли авторъ «Пирата», «Сонамбулы» и стольких мастерскихъ произведеній, умеръ, 32 лѣтъ отъ роду. Нелѣпо, конечно, было бы винить Гейне въ этой печальной случайности, но очень вѣроятно, что бѣдный больной, въ своемъ лихорадочномъ бреду, страдалъ подъ страннымъ взглядомъ и мефистофельскимъ смѣхомъ. Чрезъ нѣкоторое время я встрѣтилъ Гейне, и сообщилъ ему новость, что Беллини умеръ.—«Вѣдь я же предупредилъ его», смѣясь сказалъ онъ.—Прибавимъ, что короткое сужденіе, какое высказываетъ гр. Шé о значеніи Гейне въ исторіи цивилизаціи, совершенно вѣрно.

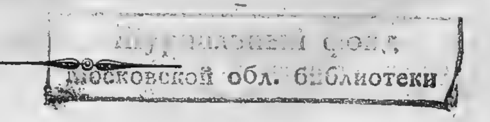
Приведемъ сущность сужденія автора о Людовикѣ-Филиппѣ. Главными ошибками его графъ Альтонъ-Ше признаетъ: принесеніе внѣшнему миру жертвъ слишкомъ тяжелыхъ для авторитета Франціи, отмѣну наслѣдственности пэровъ, чѣмъ было уничтожено искусственное равновѣсіе властей и въ особенности—раздвоеніе между народомъ и буржуазіею. «Какъ его совѣтники, державшіеся системы Мальтуса, такъ и онъ вѣрилъ въ неизбѣжность зла — нищеты, невѣжества и проч., считалъ химерами безплатность и обязательность первоначальнаго обученія, и всеобщее голосованіе, и право на трудъ. Когда являлось слишкомъ чувствительное народное бѣдствіе, онъ прилагалъ къ нему только усыпляющія средства, но не зналъ и не искалъ экономическаго рѣшенія. Онъ повторялъ: «не правда ли, прекрасно имѣть армію, способную къ побѣдамъ и не употреблять ее въ дѣло?» Это, конечно, было прекрасно, но еще лучше было бы распустить эту армію. Авторъ указываетъ и на неумѣстное стремленіе короля къ личному правленію.

Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf, *v. Kampschulte.* Erster Band. Leipzig, 1869.

Это новое сочиненіе о Кальвинѣ будетъ состоять изъ трехъ частей. Первая часть обнимаетъ собою исторію Женевы до реформаціи, жизнь Кальвина до прибытія его въ Женеву, первый періодъ дѣятельности его въ этомъ городѣ, изгнаніе его оттуда и пребываніе въ Страсбургѣ, возвращеніе его въ Женеву и первоначальную организацію новой женевской церкви. Кампшульте, профессоръ исторіи въ боннскомъ университетѣ, посвятилъ себя спеціально изученію реформаціи и пріобрѣлъ извѣстность замѣчательною монографіей объ эрфуртскомъ университетѣ въ XV и XVI в. Онъ считается ревностнымъ католикомъ, но религіозныя убѣжденія его не выступаютъ на первый планъ и рѣдко мѣшаютъ ему быть безпристрастнымъ, спокойнымъ судьею давно минувшихъ событій. Какъ профессоръ, онъ не возвышается надъ уровнемъ посредственности и далеко уступаетъ Зибелю, раздѣляющему съ нимъ каѳедру исторіи въ Боннѣ; но какъ писатель, онъ занимаетъ очень почетное мѣсто въ нѣмецкой исторической литературѣ. Послѣднее сочиненіе его исполнено живого интереса и читается чрезвычайно легко, благодаря изящной формѣ, все болѣе и болѣе вытѣсняющей прежнюю тяжеловѣсность нѣмецкихъ ученыхъ.

Л. П.

М. Стасюлевичъ.



Heusingen v. Waldegg, Handbuch f. specielle Eisenbahn-Technik Bd. I, 1 Hefte (Eisenbahnbau). — 4 r. 95 c.

——— Bd. II, 1 Hefte (Eisenbahn-Wagenbau). — 4 r. 95 c.

Houssaye, les Parisiennes 4 vols. Ed. ill. — 8 r.

Im Ural u. Altai, Briefwechsel zwischen Humboldt u. graf Kankrin. — 1 r. 80 c.

Karup, Handbuch der Lebensversicherung. Bd. I. II. — 1 r. 60 c.

Kloeden, Handb. d. Erdkunde. 2 Aufl. 3 Bde. — 18 r. 45 c.

Laspeyres, Todi u. seine Bauwerke. — 4 r. 50 c.

Meinhold, Geschichte der Arbeit. Bd. I. — 1 r. 80 c.

Minor, Die englische Landmacht. — 1 r. 15 c.

Müller, Max. Chips from a German workshop. 2 vols. — 11 r. 35 c.

vol I: Essays on the sciense of religion.

vol. II: Essays on mythology, traditions and customs.

Overbeck, Gesch. der griechischen Plastik. Bd. I. — 4 r. 50 c.

Pertz, Leben des Feldmarschales Gneisenau. Bd. III. — 4 r. 50 c.

Ranke, Sämtliche Werke. I—XIV Bd. à 2 r. 5 c.

Ratzel, Sein u. Werden der organischen Welt. — 3 r. 80 c.

Rohlfs, Afrikanische Reisen — 2 r. 25 c.

Ruthner, Aus Tirol. Berg u. Gletscherfahrten — 5 r. 40 c.

Safarik, Geschichte der slawischen Sprache u. Literatur. — 3 r. 60 c.

Scherr, Allgemeine Geschichte der Litetatur. 2 Bde. — 4 r. 35 c.

——— 1848—1851. Eine Komoedie der Weltgeschichte. Bd. I. II.

Schücking, Filigran. — 1 r. 70 c.

Schultheso, Europäeischen Geschichts-Kalenderf. J. 1868. — 3 r. 5 c.

Sehrwald, Deutsche Dichter u. Denker. Heft 1—3. à 40 c.

Selden, L'esprit moderne en Allemagne. — 1 r. 40 c.

Semper, Philippinen u. ihre Bewohner. — 2 r. 25 c.

Steiler, Schriftlehre u. Naturwissenschaft. — 1 r. 35 c.

Walcker, Russische Steuerreform. — 2 r. 70 c.

Weber, Allgemeine Weltgeschichte. Bd. VIII. 2. — 1 r. 35 c.

Weber, Illustrirter Kalender. f. 1870. — 1 r. 35 c.

Weber, M. M. D. Stabilitaet des Gefüges der Eisenbahn-Geleise. — 3 r. 5 c.

Winckel, Handbuch f. Jaeger. Heft 1. — 90 c.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Польское безкоролевье, по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. Изслѣдованіе *А. Трачевскаго.* Москва. 1869. Стр. XXXVI, 511 и 112. Ц. 3 р.

Обширный и весьма обстоятельный трудъ г. Трачевскаго обнимаетъ собою всего одиннадцать мѣсяцевъ изъ исторіи Польши XVI-го вѣка, отъ смерти послѣдняго Ягеллона Сигизмунда-Августа до вступленія на престолъ Генриха французскаго. Въ выборѣ такой эпохи, говоритъ авторъ, «нами руководилъ не исключительно научный интересъ. Въ виду современнаго значенія польской исторіи и скудости подробныхъ свѣдѣній о ней въ нашей литературѣ, намъ хотѣлось заняться трудомъ, который, не пренебрегая требованіями популярности, могъ бы сколько-нибудь содѣйствовать уясненію характера польской націи и направленіи ея судебъ». Исторія реформаціи въ Польшѣ всего менѣе обработана польскими учеными, а въ нашей литературѣ настоящее изслѣдованіе этой любопытной эпохи можетъ быть названо единственнымъ. Неудача, испытанная протестантизмомъ въ Польшѣ, была вмѣстѣ неудачею прогресса; католическая реакція тамъ, какъ и вездѣ, одержала перевѣсъ, льстя и поддерживая дурныя и эгоистическія страсти шляхты, и доставила себѣ торжество на счетъ будущаго страны. Исторія протестантизма въ Польшѣ, какъ всего, что не имѣло успѣха, вообще мало изслѣдована, и нельзя не поблагодарить автора за то, что онъ удѣлилъ этому предмету значительное мѣсто въ своемъ весьма добросовѣстномъ и интересномъ изслѣдованіи.

Записки по новѣйшей исторіи. (1815—1856). Соч. *Ив. Григоровичъ.* Спб. 1869. Ср. 333. Ц. 2 р.

Настоящія «Записки» приняты какъ руководство по новѣйшей исторіи въ военныхъ училищахъ, гдѣ преподаваніе этой части всеобщей исторіи введено съ 1867 г. Какъ классное руководство, эти записки могутъ служить программою въ рукахъ опытнаго преподавателя, но для появленія въ литературѣ онѣ нуждаются въ большей обработкѣ; притомъ программа ихъ слишкомъ одностороння и ограничивается одною внѣшнею политическою исторіею трактатовъ, войнъ и мировъ; для исторіи умственнаго движенія Европы за послѣдній періодъ не приведено ни одного факта, а между тѣмъ какъ именно это движеніе преобразовало новѣйшую Европу больше, чѣмъ всѣ послѣднія войны и трактаты.

Введеніе въ новозавѣтныя книги священнаго писанія. Перев. съ нѣмецкаго, подъ ред. *Архимандрита Михаила.* Первая половина. Москва. 1869. Стр. 275.

Наше богословіе пользуется въ настоящемъ случаѣ трудомъ протестантскаго профессора въ Галле, д-ра Герике. «Думаемъ, говоритъ редакторъ изданія, что переводъ книги, такъ высоко стоящей по своимъ достоинствамъ въ богатой германской библейской литературѣ, *при скудости нашей* (т. е. православной), принесетъ несомнѣнную пользу любителямъ научныхъ изслѣдованій о Библіи у насъ, въ особенности же воспитанникамъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній». Сомнѣнія тутъ не можетъ быть никакого, и остается задаться вопросомъ о причинахъ «скудости» въ православномъ богословіи, и почему, въ странахъ, гдѣ свободно обращаются самыя крайнія, радикальныя мнѣнія въ изслѣдованіяхъ религіозныхъ, богословіе не только не убито, но богато до того, что вынуждаетъ и насъ обращаться къ ея источникамъ? Въ настоящемъ выпускѣ разсмотрѣна исторія происхожденія новозавѣтной письменности, а именно историческія книги Новаго завѣта (Евангелія и Дѣянія) и учительныя книги (соборныя посланія ап. Іакова, Петра, Іоанна и Іуды).

Учебникъ французскаго языка. Этимологія, Христоматія, Словарь. Сост. *А. Гемиліанъ,* лекторъ Москов. университета. Ч. II. Москва. 1869. Стр. 400 и 107. Ц. 2 р.

Вторая часть, вышедшая нынѣ послѣ третьей и четвертой, заключаетъ собою полное изданіе учебнаго курса французскаго языка, предпринятаго г. Гемиліаномъ еще въ 1864 году. Мы, русскіе, пользуемся репутаціею народа, въ которомъ особенно распространено знаніе иностранныхъ языковъ, и въ особенности французскаго; но у насъ это знаніе основано почти на одномъ слухѣ и практикѣ; основательнаго же знанія, какимъ владѣютъ, напр., нѣмцы, въ отношеніи французскаго языка, благодаря серьезному его преподаванію въ школѣ, у насъ нѣтъ. У насъ все полагаютъ, что серьезное изученіе допускается одними классическими языками. Курсъ французскаго языка, изданный г. Гемиліаномъ, обращаетъ на себя вниманіе именно тѣмъ, что авторъ его направляетъ своихъ учениковъ къ тому сознательному изученію духа языка и его формъ, при которомъ оно дѣйствуетъ выгодно и на умственное развитіе учащихся. Этотъ трудъ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полной признательности и вниманія нашихъ педагоговъ.

Сочиненія Людвига Берне, въ переводѣ *П. Вейнберга.* Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1869. Стр. 261 и 330. Ц. 3 р. 50 к.

Русское изданіе снабжено довольно полною статьею о самой жизни и литературной дѣятельности нѣмецкаго поэта-изгнанника, умершаго въ 1837 г. Ограничиваемся однимъ указаніемъ на появленіе въ нашей печати произведеній Берне, изданныхъ весьма тщательно и изящно, такъ какъ мы надѣемся вскорѣ посвятить жизни этого поэта и разбору его произведеній особую статью.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ

НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

1. Подписка принимается только на годъ: 1) *безъ доставки* — 15 руб.; — 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ,* и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — 15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ — 16 р. 50 к.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.,* желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что̀ бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

3. *Городскіе подписчики въ Москвѣ,* для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ,* исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста,* съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* и *Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ—въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ.

8. Городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иностраннымъ — въ бандероляхъ.

9. Перемѣна адреса сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

Годовые экземпляры „Вѣстника Европы" 1869 г. всѣ разошлись по подпискѣ.